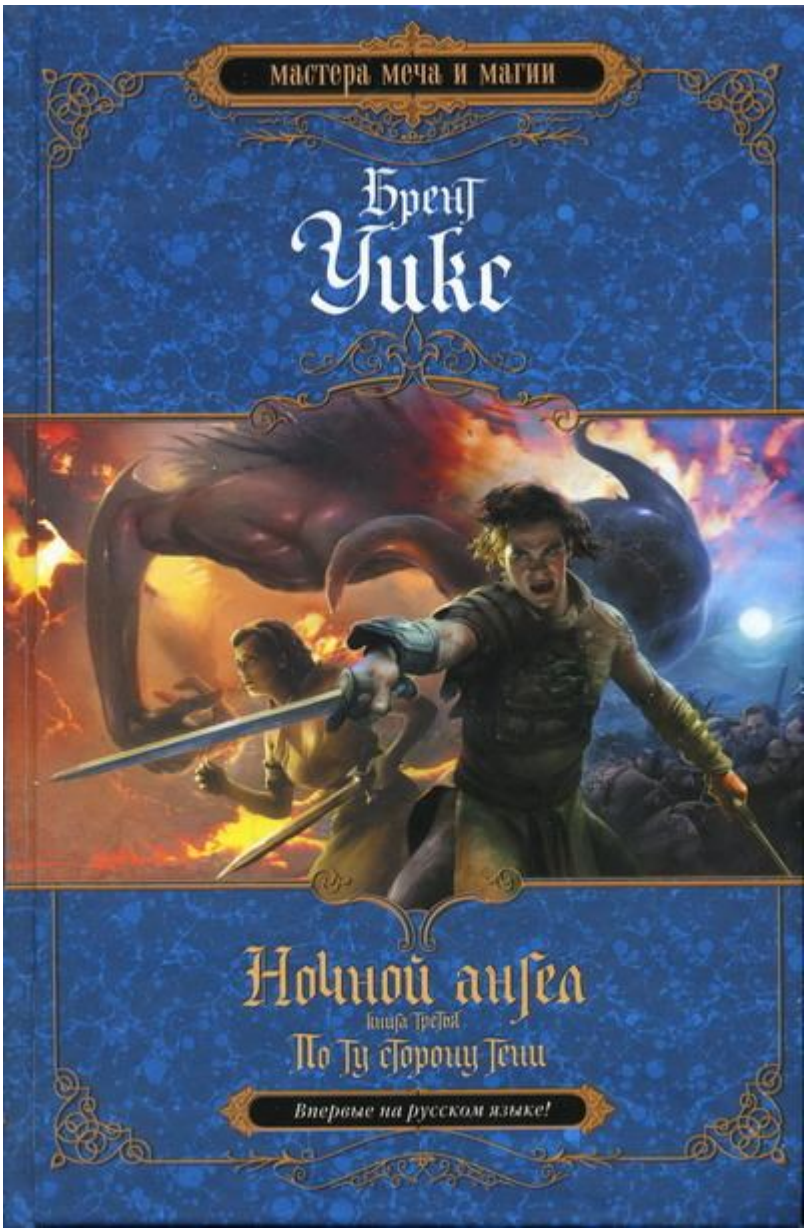
Брент Уикс
По ту сторону тени

Ночной ангел – 3



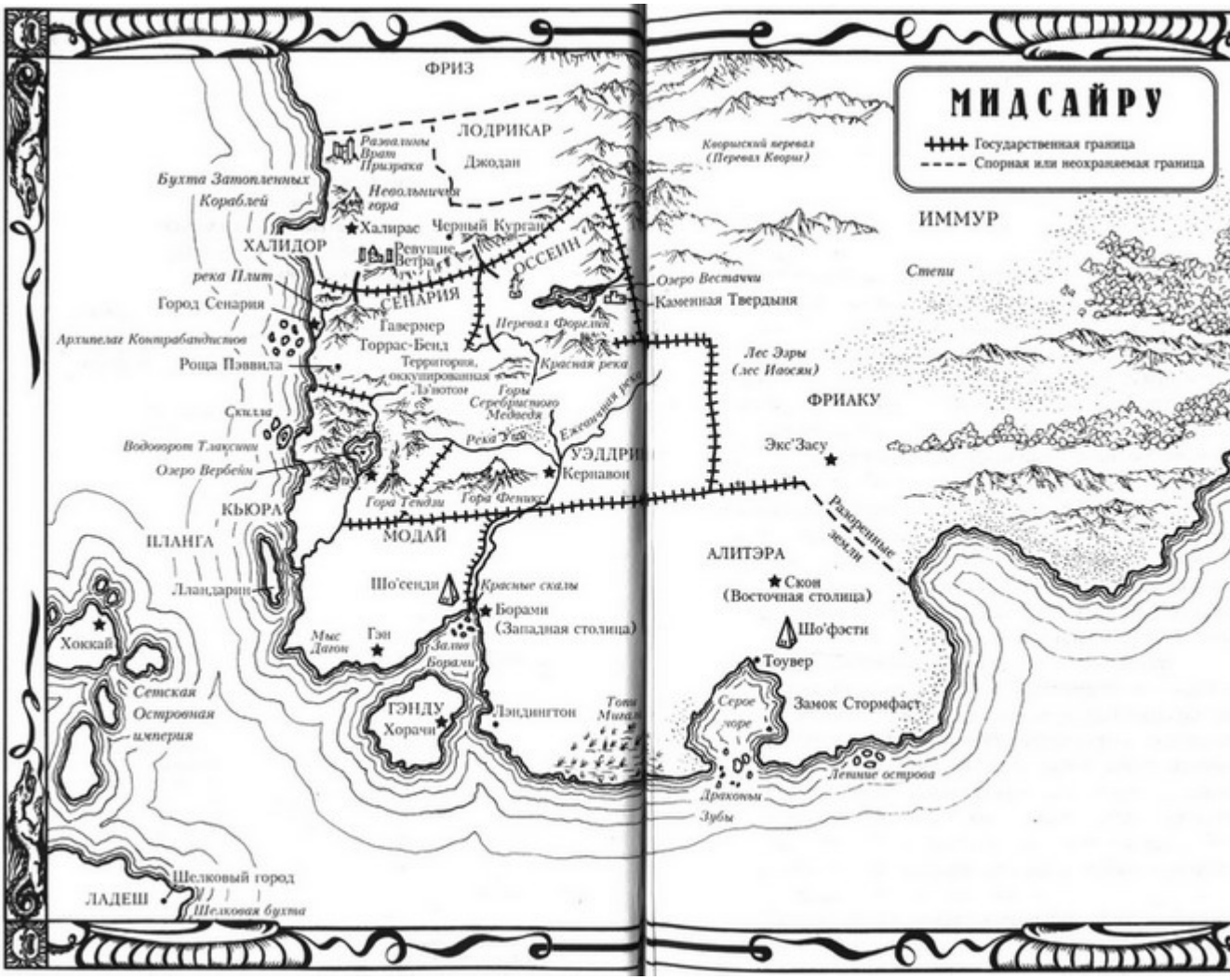
- Alex1979, OCR & ReadCheck - Tramell http://oldmaglib.com
«Брент Уикс "По ту сторону тени"»: Эксмо, Домино; Москва, СПб; 2010
ISBN 978-5-699-45307-8

Аннотация

Черные маги рвутся к власти в мире Мидсайру. Если три магических артефакта древности — черный ка'кари, жезл Правосудия и волшебный меч Кьюрох — окажутся в их руках, маги пробудят от сна титана, покоящегося в Черном Кургане, и он, возглавив полчища мертвецов, пройдет по миру, не щадя ничего живого. Единственная надежда мира — Кайлар Стерн, бывший профессиональный убийца, а теперь ночной ангел, награжденный даром бессмертия. Он готов выйти на бой со злом, но судьба ставит его перед мучительным выбором: чтобы вступить в борьбу, он должен пожертвовать самым для него дорогим — своей возлюбленной и младенцем, которого она носит под сердцем…

Брент Уикс
«По ту сторону тени»

Как обычно, посвящается Кристи, а также моему отцу, за множество выдающихся качеств, исключительную честность и за то, что воспитал нас.



1

Логан Джайр сидел на поле битвы, разыгравшейся в роще Пэввила, и наблюдал за Тэрой Грэзин. Королева направлялась в его сторону. Не прошло и часа, как они обратили в бегство халидорское войско. Чудовище ферали, которое создали халидорцы, чтобы уничтожить армию Сенарии, обрушилось на своих хозяев, повергнув их в смятение. После сражения Логан отдал самые срочные приказы, а потом отпустил воинов, чтобы они присоединились к всеобщему веселью, царившему в лагере сенарийцев.

Тэра Грэзин пришла одна. Логан сидел на вросшем в землю камне и, казалось, не замечал окружающей грязи. Богатые одежды пропитались кровью и грязной жижей — их уже не отчистить. Опрятное платье Тэры составляло разительный контраст с лохмотьями Логана, и только к волочившейся по земле бахроме на подоле прилипли комья грязи.

Высокие сапоги не спасали от жидкой слякоти под ногами. Тэра остановилась перед камнем, на котором сидел Логан, однако он не соизволил встать.

Тэра Грэзин сделала вид, что не замечает столь вызывающей непочтительности, а Джайр, в свою очередь, притворился, что не видит ее телохранителей, спрятавшихся среди деревьев всего в сотне шагов. На их одежде не было следов крови, так как в битве они не участвовали. Для прихода сюда у Тэры Грэзин имелась лишь одна причина: не терпится узнать, считают ли ее по-прежнему королевой. Если бы не страшная усталость, эта уловка позабавила бы Логана. Тэра явилась одна, чтобы продемонстрировать свое мужество и беззащитность.

— Сегодня ты вел себя как настоящий герой, — обратилась она к Логану. — Сумел остановить чудовище, которое наслал на нас халидорский король-бог. Говорят, ты его убил.

Логан покачал головой. Да, он действительно ранил ферали, но потом король-бог бросил чудовище на поле боя, и его добили другие воины. Нет, короля-бога остановил вовсе не Логан, а какая-то неведомая сила.

— Ты велел ферали уничтожить наших врагов, и он послушался. Благодаря тебе Сенарию удалось спасти.

Логан в ответ только пожал плечами. Казалось, все, о чем говорит Тэра, произошло давным-давно.

— Хочу спросить, — вновь обратилась к нему Тэра, — ты спасал Сенарию только для себя или для всех нас?

Логан сплюнул женщине под ноги.

— Прекрати нести вздор, Тэра. Хочешь использовать меня в своих интересах? Только вот предложить взамен нечего, да и пригрозить ничем не можешь. Вижу, ты хочешь спросить о чем-то важном, так не тяни и задай наконец свой вопрос!

Тэра резко выпрямилась, вздернула подбородок и как будто хотела махнуть рукой, но сдержалась.

Именно едва заметное движение руки и насторожило Логана. А если бы королева подняла руку? Скорее всего, это послужило бы для ее людей сигналом к нападению. Логан стал всматриваться в деревья и заросли кустарника, растущие по краю поля, однако сразу же заметил не телохранителей Тэры, а своих воинов. Псов Агона, среди которых были два искуснейших лучника, непревзойденных мастера своего дела. Агон вооружил воинов иммурскими луками и сделал их охотниками-чародеями. Псы Агона незаметно подкрались к телохранителям Тэры и окружили их. Оба охотника-чародея держали в руках луки с натянутой тетивой, они специально расположились так, чтобы Логан мог их легко заметить. Остальных Псов, при всем старании, обнаружить было невозможно.

Один из лучников переводил взгляд с Логана на скрывающуюся за деревьями мишень — телохранителя Тэры. Логан проследил за его взглядом и увидел лучника, который целился ему в грудь, ожидая сигнала хозяйки. Второй охотник-чародей нацелил лук Тэре в спину. Псы Агона ждали сигнала от Логана. Следовало бы догадаться, что сторонники не оставят его один на один с Тэрой Грэзин.

Он взглянул на Тэру. Прелестная хрупкая женщина с бездонными зелеными глазами, в которых горит огонь жажды власти. Глядя в два зеленых омута, Логан вдруг вспомнил мать. Тэра убеждена, что Логан не подозревает о ее людях, укрывшихся в роще.

— Сегодня утром ты поклялся мне в верности, когда нам всем грозила смертельная опасность. Ответь, ты сдержишь клятву или хочешь сам сесть на трон?

Тэра остается верной себе и не меняет привычек. Предпочитает окольные пути и никогда не спросит прямо, даже сейчас, когда думает, что жизнь Логана у нее в руках. Нет, достойной королевы из нее никогда не получится.

Еще минуту назад Логан думал, что уже все решил, но сейчас его охватили сомнения. Он хорошо помнил, что значит чувствовать собственное бессилие. Так было в Дыре, так было, когда убили его молодую жену Дженин в их первую брачную ночь. Логан помнил замешательство, которое испытал, приказав Кайлару убить Горхи, и восторг, когда увидел

последствия своих слов. Интересно, доставит ли ему такую же радость смерть Тэры? Это можно легко проверить, стоит лишь кивнуть в сторону укрывшихся за ветвями деревьев охотников. Тогда все будет кончено, и он никогда больше не почувствует себя слабым и беспомощным.

Отец говорил: «Клятва является мерилом человека, который ее дает». Логан не раз убеждался в правоте его слов, наблюдая за результатами своих дел, когда поступал так, как считал правильным, несмотря на то что в тот момент его решение всем казалось глупостью. Именно поэтому обитатели Дыры объединились вокруг него, а потом вера в свою правоту спасла ему жизнь, когда Логан страдал от жестокой лихорадки, лишь временами приходя в сознание. Благодаря этой вере Лили, женщина, душу которой халидорцы вселили в свирепое чудовище ферали, обрушила свой гнев на хозяев. И наконец, поступая так, как считает нужным, Логан спас всю Сенарию. Отец Логана Регнус Дрейк всегда хранил верность данной клятве. Из-за этого он был несчастлив в браке и всю жизнь служил жалкому и порочному королю. Днем он стискивал зубы, а по ночам спокойно спал. Логан не знал, хватит ли у него мужества поступить так, как сделал бы на его месте отец. Пожалуй, нет.

Он смотрел на Тэру, а душу терзали сомнения. Если она поднимет руку, подавая телохранителям сигнал к нападению, то нарушит договор, заключенный между госпожой и вассалом, и в этом случае Логан получит полную свободу.

— Солдаты провозгласили меня королем, — проговорил он с безразличным видом.

«Ну же, Тэра, выйди из себя. Дай знак телохранителям и подпиши свой смертный приговор».

В глазах Тэры на мгновение вспыхнул гнев, но голос по-прежнему звучал спокойно, и руки она не подняла.

— Мужчины могут много чего наговорить в пылу сражения, тем не менее я готова простить их опрометчивые слова.

«Неужели Кайлар спас мне жизнь, чтобы я сейчас преклонил колени перед недостойной женщиной? Нет. И все же я таков, какой есть, и навсегда останусь сыном своего отца».

Логан медленно, чтобы у его лучников не возникло подозрений, поднялся с камня и так же медленно преклонил колени перед Тэрой Грэзин и дотронулся рукой до ее ног в знак повиновения и покорности.

Той же ночью отряд халидорцев напал на сенарийский лагерь и, перебив десятки пьяных победителей, растворился в темноте. Наутро Тэра Грэзин отправила за ними в погоню тысячу воинов, которыми командовал Логан Джайр.

2

На часах стоял бывалый, видавший виды са'кьюрай, блестяще владеющий мечом. Он убил шестнадцать человек и вплел пряди волос поверженных противников в свою огненно-рыжую шевелюру. Часовой тревожно всматривался в темноту, туда, где дубовая роща переходит в густой лес. Са'кьюрай заслонил глаза рукой, чтобы отблески лагерных костров не мешали вглядываться в ночную тьму. Дул холодный пронизывающий ветер, под порывами которого жалобно стонали деревья в дубовой роще, но воин не надел шлема, чтобы от чуткого слуха не ускользнул ни один шорох. Только даже самому надежному стражу не под силу остановить мокрушника.

«Бывшего мокрушника», — подумал Кайлар, ухватившись единственной рукой за толстый дубовый сук.

Будь Кайлар, как в прежние времена, наемным убийцей, он просто расправился бы с часовым, да и дело с концом. Теперь все изменилось, и он стал ночным ангелом — бессмертным, невидимым и, считай, непобедимым, — который несет смерть лишь тем, кто ее заслуживает.

Фехтовальщики Кьюры, страны, само название которой означает «меч», были лучшими

воинами из всех, что довелось встретить Кайлару на пути. Умение и быстрота, с которой они разбили лагерь, говорили о многолетнем опыте боевых походов. Кьюрцы вырубили кустарник, чтобы противник не смог приблизиться незамеченным, прикрыли валежником небольшие костры и расставили палатки так, чтобы защитить лошадей и своих вождей. Возле каждого костра сидели по десять человек, и все они четко знали, за что несут ответственность. Воины двигались быстро и бесшумно, словно лесные муравьи, и, закончив порученное дело, не отходили дальше соседнего костра. Они играли в кости, но спиртного не пили и разговаривали шепотом. В данный момент уязвимым местом кьюрских воинов были только доспехи. Кьюрские доспехи изготавливают из покрытого лаком бамбука, и воин облачается в них без посторонней помощи. Сейчас на них халидорская броня, украденная неделю назад в роще Пэввила, и в одиночку с такими доспехами не справиться. Кьюрцы долго решали, то ли спать в броне, то ли помогать друг другу, взяв на себя обязанности оруженосцев.

Когда в конце концов каждому боевому расчету разрешили решать эту проблему по своему усмотрению и не дожидаться распоряжений сверху, Кайлар понял, что его друг Логан Джайр обречен. Военачальник Лантано Гаруваши сочетал в себе присущую кьюрцам любовь к порядку с чувством личной ответственности.

То, что Гаруваши не проиграл ни одной битвы, было символичным, и именно поэтому он должен умереть.

Кайлар бесшумно перелетал с дерева на дерево, словно горячее дыхание мстительного божества, и только время от времени потрескивали ветки под порывами ночного ветра. Дубы росли ровными рядами, между которыми были широкие проходы. Их строй кое-где нарушали молодые деревья, вклинившиеся между старшими братьями и уже сами успевшие повзрослеть. Кайлар забрался как можно выше на дерево и, не отрывая глаз, следил сквозь покачивающиеся ветки за Лантано Гаруваши, который сидел в тусклых отблесках походного костра, с довольным видом поглаживая лежащий на коленях меч, свою недавнюю добычу. Если бы Кайлар мог перебраться на соседний дуб и спрыгнуть вниз, то оказался бы всего в нескольких шагах от человека, которого обрек на смерть.

«Неужели я по-прежнему называю намеченную жертву „трупом“, хотя и перестал быть мокрушником?» — размышлял Кайлар.

Нет, думать о Гаруваши как о жертве или мишени невозможно. В голове у Кайлара до сих пор звучат слова учителя Дарзо Блинта.

«У обычных наемных убийц, — говорил он с усмешкой, — есть намеченная жертва, потому что им случается промахиваться».

Кайлар рассчитал расстояние до ближайшего сука, который выдержит его вес. Всего восемь шагов. Обычный прыжок, каких было великое множество. Самое трудное — бесшумно ухватиться единственной рукой за сук и удержать равновесие. Если Кайлар не прыгнет, придется прокрадываться между двумя кострами, где воины все еще играли в кости, а земля была покрыта сухими листьями. Кайлар решил, что прыгнет, когда снова подует ветер.

— Твои глаза горят странным огнем, — сказал Лантано Гаруваши.

Для кьюрца он был слишком высоким, с поджарым и мускулистым, как у тигра, телом и крадущимися движениями. Шевелюра полководца была того же цвета, что и пламя костра, и в ней переплетались шестьдесят разноцветных прядей убитых врагов.

— Всегда любил смотреть на огонь. Пусть он станет последним, что я увижу в этой жизни.

Кайлар чуть подвинулся в сторону, чтобы лучше рассмотреть человека, произнесшего эти слова. Фейр Коузат, белокурый великан, огромный, как гора, что в ширину, что в высоту. Кайлару как-то раз довелось с ним встретиться. Фейр был не только искуснейшим воином, но и магом-чародеем, и Кайлар благодарил судьбу, что богатырь сидит к нему спиной.

Неделю назад, когда его убил халидорский король-бог Гэрот Урсуул, Кайлар заключил сделку с желтоглазым существом, которого зовут Волком. В своей таинственной берлоге,

которая находится где-то между миром живых и мертвых, Волк пообещал Кайлару вернуть правую руку и быстро оживить, если тот похитит меч Лантано Гаруваши. На первый взгляд это легко. Кто же остановит невидимку и помешает взять то, что ему хочется? В действительности все оказалось не так просто. Кто остановит невидимку? Маг-чародей, который видит всех невидимок.

— Значит, ты веришь, что Темный Охотник живет в этих лесах? — спросил Гаруваши.

— Обнажи клинок, вождь, только не до конца, — предложил Фейр. Гаруваши выдвинул из ножен меч на ширину ладони. Лезвие сверкнуло в тусклых отблесках костра, словно наполненный волшебным огнем кристалл. — Клинок загорается, чтобы предупредить об опасности или магии. Темный Охотник является и тем и другим.

«Как и я», — подумал Кайлар.

— Он близко? — спросил Гаруваши, припадая к земле будто готовящийся к решающему прыжку тигр.

— Я же тебе говорил. Заманив сюда сенарийскую армию, мы, возможно, обрекаем на смерть себя, а не их, — откликнулся Фейр и снова устремил взгляд на огонь.

Всю прошлую неделю, после битвы в роще Пэввила, Гаруваши уводил Логана и его людей на восток. Кьюрцы переоделись в доспехи убитых халидорцев, и Логан решил, что гонится за остатками разбитой халидорской армии. Кайлар до сих пор не понимал, зачем Лантано Гаруваши завлек сюда Логана.

Впрочем, он многого не знал. Почему ка'кари вдруг решил ему служить? И зачем вывел из царства мертвых? Или почему он теперь видит все язвы и мерзкие пятна в душах людей, которые заслуживают смерти? Если так пойдет и дальше, в следующий раз задумаешься, почему каждый день встает солнце и какие силы удерживают его на небе.

— Ты говорил, что нам ничто не угрожает, пока мы не зайдем в лес Охотника, — продолжил Гаруваши.

— Я сказал, «возможно, не угрожает», — возразил Фейр. — Охотник чувствует магию и ненавидит ее, а этот меч, безусловно, пропитан магией.

Гаруваши махнул рукой, отгоняя опасность.

— Мы не зашли в лес Охотника, а если сенарийцы захотят на нас напасть, что ж, так тому и быть, — промолвил Гаруваши.

Кайлар наконец понял план противника, и от недоброго предчувствия у него перехватило дыхание. К северу, югу и западу от рощи раскинулись непроходимые дремучие леса, и Логану удастся воспользоваться численным преимуществом только в том случае, если он пойдет на восток, где находится лес Темного Охотника, и его войску будет достаточно места для маневра среди гигантских секвой. Но говорят, что много веков там обитает загадочное существо, которое убивает каждого, кто посмеет переступить границу зачарованного леса. Образованные люди только посмеиваются над такими сказками и считают их вымыслом, однако Кайлару доводилось беседовать с крестьянами из Торрас-Бенд. Конечно, их можно назвать невежественными и суеверными, но почему-то суеверие в тех краях только одно. Получается, Логан попадет в капкан.

Налетел очередной порыв ветра, и толстые ветви дубов жалобно застонали. Кайлар выругался про себя и прыгнул. Благодаря *таланту* он легко преодолел расстояние между деревьями, но перестарался и прыгнул слишком далеко, чуть не соскользнув с края ветки. В то же мгновение сквозь одежду стали прорезываться маленькие черные коготки. Они выросли на коленях, вдоль левой руки и даже на ребрах. Поначалу коготки казались сделанными из расплавленного металла и не рвали, а только затягивали одежду, потом они затвердели, и Кайлар резко затормозил.

Он подтянулся и снова устроился на толстой ветке, и когти тут же вобрались назад, в кожу. По телу пробежала дрожь, и не потому, что он едва не упал.

«Во что же я все-таки превращаюсь?»

После каждой встречи со смертью, которую он принес сам или которая причинила боль и страдания, унеся жизни близких людей, Кайлар становился все сильнее. И это наполняло

душу ужасом. Какую цену придется заплатить за волшебный дар?

Стиснув зубы, Кайлар прыгнул с дерева головой вперед, и снова тело выпустило когти, которые оставили крошечные дырочки на одежде и коре дерева. Когда он опустился на землю, черный ка'кари стал просачиваться из всех пор в виде расплавленного металла, который покрыл Кайлара словно вторая кожа. Вот ка'кари закрыл лицо и тело, одежду и меч, а потом принялся пожирать свет. Теперь Кайлар превратился в невидимку и может продолжить путь.

— Я всегда мечтал жить в таком маленьком городке, как Торрас-Бенд, — сказал Фейр. Кайлар стоял совсем близко и смотрел на широченную, как у быка, спину. — Построить кузницу на реке, установить водяное колесо, которое будет приводить в действие кузнечные мехи, пока не подрастут сыновья и придут мне на помощь. Предсказатель говорил, что моя мечта может сбыться…

— Хватит мечтать! — оборвал его Гаруваши. — Мои главные силы, должно быть, прошли через горы. Нам с тобой надо выезжать.

«Главные силы?»

Теперь все сходится. Вот почему кьюрцы надели халидорские доспехи. Гаруваши заманил лучшую часть сенарийской армии далеко на восток, а его главные силы собираются на западе. После разгрома халидорцев в роще Пэввила рекруты из числа крестьян наверняка торопятся вернуться домой, к своему хозяйству, и через несколько дней двести воинов, охраняющих замок, столкнутся лицом к лицу со всей армией Кьюры.

— Мы выезжаем сегодня ночью? — удивился Фейр.

— Немедленно.

Гаруваши ухмыльнулся прямо в лицо Кайлару, и тот от неожиданности застыл на месте. Но в зеленых глазах полководца не промелькнуло ни единой искры, говорившей о том, что он заметил врага. Зато Кайлар увидел в них кое-что похуже.

В глазах Гаруваши отражались восемьдесят две смерти, и ни одну из них нельзя назвать подлым убийством. Лишить жизни Лантано Гаруваши, оставаясь невидимкой, несправедливо, и такой поступок приравнивается к коварному убийству из-за угла. Негодуя на себя, Кайлар громко выругался.

Лантано Гаруваши вскочил с места и молниеносным движением выхватил из ножен меч, который сверкнул в темноте яркой полоской пламени. В следующее мгновение он уже стоял в боевой стойке. Великан Фейр лишь немногим уступил ему в скорости и занял место рядом с вождем, держа в руке обнаженный меч. Кайлар не ожидал от гиганта такого проворства. В этот момент Фейр увидел Кайлара, и его глаза расширились от страха.

У Кайлара вырвался вопль разочарования. Синяя вспышка пламени охватила лицо в суровой горестной маске и все тело, покрытое ка'кари. Он слышал шаги за спиной. Один из телохранителей полководца хотел напасть сзади, но *талант* Кайлара нахлынул, подобно прибою, и он, перепрыгнув через голову, вскочил стражнику на плечи и оттолкнулся. Кьюрец упал на землю, а Кайлар в облаке синего огня пронесся в воздухе и исчез за деревьями.

Прежде чем ухватиться за ветку, он погасил пламя и снова стал невидимым. Ночной ангел перепрыгивал с ветки на ветку, хватаясь за них единственной рукой, забыв об осторожности. Если не предпринять решительных мер сегодня же ночью, Логана и его людей ждет неминуемая гибель.

— Это и есть Охотник? — поинтересовался Гаруваши.

— Кое-кто похуже, — откликнулся побледневший от страха Фейр. — К нам наведался ночной ангел, единственный из людей, кого тебе следует опасаться.

Глаза Лантано Гаруваши вспыхнули огнем, и Фейр понял, что полководец считает «человека, которого следует опасаться» достойным противником.

— Куда он направился? — спросил вождь.

3

Элена, умирая от усталости, наконец подъехала к маленькому постоялому двору в Торрас-Бенд, а в этот момент юная красавица с копной рыжих волос, завязанных в конский хвост, садилась на чалого жеребца, намереваясь отправиться в путь. В левом ухе девушки сверкала сережка. Вскоре прекрасная всадница скрылась из виду, а местный конюх еще долго с вожделением смотрел ей вслед.

Конюх был так поглощен своим занятием, что не заметил Элены, и она едва не сбила парня с ног. Он тупо уставился на приезжую.

— Эй, ваша подруга только что уехала, — сообщил конюх, показывая рукой на удаляющееся облачко пыли.

— Не понимаю, о чем вы, — откликнулась Элена.

Она так устала, что не могла сообразить, в чем дело. Два дня пришлось идти пешком, а потом ее отыскала одна из лошадей. Элена так и не узнала, что случилось с остальными пленниками, а также с охотником, который спас ей жизнь.

— Вы еще можете ее догнать, — настаивал конюх.

Элена успела рассмотреть девушку и была уверена, что раньше они никогда не встречались. Она устало покачала головой. Прежде чем отправиться в Сенарию, нужно собрать запас еды здесь, в Торрас-Бенд. Кроме того, уже стемнело, а после долгого путешествия в компании с халидорцами, которые захватили ее в плен, Элене больше всего на свете хотелось выспаться и смыть с себя дорожную грязь.

— Я останусь здесь, — ответила она.

Девушка зашла в дом и сняла комнату, щедро заплатив растерянной хозяйке серебром, которое нашла в переметных сумках, а потом с наслаждением вымылась сама, постирала пропитавшуюся грязью одежду и уснула мертвым сном.

Еще до рассвета Элена с содроганием облачилась в слегка влажную одежду и спустилась вниз.

Хозяин постоялого двора, худощавый молодой мужчина, выносил ящик, заполненный вымытыми бутылями, которые он расставлял горлышком вниз, чтобы лучше просохли, прежде чем самому отправиться спать. Едва взглянув на Элену, он дружелюбно кивнул.

— Через полчаса жена приготовит завтрак. И… о господи! — Он снова посмотрел на Элену, как будто видел девушку в первый раз. — Майра мне не сказала…

Мужчина привычным движением вытер руки о передник, хотя они были абсолютно сухими, и направился к столу, заваленному всякими безделушками, записками и счетными книгами.

Порывшись в груде хлама, он извлек нужную записку и с виноватым видом вручил Элене.

— Вчера вечером я вас не видел, а иначе сразу бы отдал ее вам.

На свернутом листе бумаги были имя Элены и описание ее внешности. Элена развернула листок, и оттуда выпала скомканная записка, написанная рукой Кайлара. В уголке стояла дата, тот самый день, когда он оставил Элену в Кернавоне. Невидимая рука сжала горло, словно тисками.

> Элена, прости. Клянусь, я сделал все, что мог, но есть вещи, которые стоят гораздо больше, чем мое счастье. А еще есть то, что могу сделать только я один. Продай это мастеру Бурари и перевези семью в более спокойную часть города. Буду любить тебя вечно.

Значит, Кайлар по-прежнему ее любит, Элена всегда это знала и не сомневалась в его любви, но видеть признание, написанное неразборчивым почерком любимого, так необычно и странно. Из глаз ручьем лились слезы, а ей было все равно. Элена не замечала хозяина постоялого двора, который с ошарашенным видом толкался поблизости, не зная, как себя

вести с женщиной, надумавшей без каких-либо видимых причин реветь в его гостинице.

Элена осталась верной себе и из-за своего упрямства потеряла все, но Господь посылает еще один шанс, и она покажет Кайлару, как сильна, глубока и непобедима любовь женщины. Да, будет трудно, так ведь речь идет о человеке, которого она любит всем сердцем, о нем одном-единственном. Именно такой и бывает любовь.

Прошло несколько минут, прежде чем Элена вспомнила о второй записке, написанной незнакомым женским почерком.

> Меня зовут Ви. Я — мокрушница, расправившаяся с Джарлом, и это я похитила Ули. Кайлар оставил тебя, чтобы спасти Логана и убить халидорского короля-бога. Твой возлюбленный спас Сенарию, и думаю, ты им гордишься. Если поедешь в Сенарию, я предупредила Мамочку К., чтобы отдала тебе все, чем я владею. Бери, что хочешь. Если нет, Ули будет в Часовне вместе со мной. Думаю, Кайлар тоже вскоре сюда приедет. Есть еще кое-что… да рука не поднимается написать. Ради нашей победы мне пришлось совершить нечто ужасное. Никакими словами не искупить того, что я с тобой сделала. Прости, здесь нет моей вины. Как бы хотелось все исправить, но это не в моих силах. Когда приедешь, можешь требовать любого возмездия за мой проступок, я готова расплатиться даже собственной жизнью.
>
> Ви Совари

По телу Элены пробежали мурашки. Кто эта женщина, которая одновременно является непримиримым врагом и преданным другом? А куда подевалась обручальная сережка Элены? Что имела в виду незнакомка, упоминая об ужасном преступлении, которое ей пришлось совершить?

В голове молнией мелькнула страшная догадка, и Элена почувствовала, как противно засосало под ложечкой. У той женщины, с которой они разминулись всего на пару минут, в левом ухе сверкала сережка. Нет, не может быть… Нет! Нет!

— Господи! — воскликнула Элена и побежала к конюшне, где стояла ее лошадь.

Каждую ночь ему снились разные сны. Вот Логан стоит на помосте и смотрит на это прелестное ничтожество, Тэру Грэзин. А она идет впереди армии, состоящей из одних трупов. Или выходит замуж за человека, которого презирает, только для того, чтобы осуществить свои честолюбивые замыслы. В тот день Логан не смог пойти против собственного сердца. Его отец женился на женщине, отравившей ему всю жизнь и навеки лишившей счастья. Логан так не смог.

В тот день Логан потребовал, чтобы Тэра принесла присягу вассала на верность господину. Круглый помост напоминал Дыру, в которой он заживо гнил во время халидорского нашествия. Тэра отказалась от присяги. В своем сне Логан, вместо того чтобы подчиниться и избежать раскола армии в канун битвы, произнес роковые слова: «Приговариваю тебя к смерти за измену».

Сверкающий клинок просвистел в воздухе, Тэра попятилась назад, но очень уж медленно, и в следующее мгновение на нежной шее зияла кровавая рана.

Логан подхватил ее и вдруг увидел, что держит на руках другую женщину, да и место совсем не то. Из рассеченного горла Дженин хлещет кровь, стекая ручьем на белоснежную ночную сорочку и обнаженную грудь Логана. Халидорские воины, ворвавшиеся в спальню новобрачных, заходятся от хохота.

Логан бросился на них и проснулся в кромешной темноте и полном одиночестве. Некоторое время он не мог понять, где находится, а потом вспомнил все. Дженин погибла, а Тэра — его королева, которой он присягнул на верность. Поклялся служить верой и правдой до конца дней. Слово Логана значит гораздо больше обычной клятвы, в нем заключается его понятие о справедливости. Итак, если королева приказывает добить остатки халидорского отряда, нужно подчиниться и выполнить приказ. Логан всегда готов убивать халидорцев.

Логан выглянул из темной походной палатки и увидел капитана телохранителей Калдросу Уин. Во время халидорского нашествия бордели Мамочки К. стали для женщин самым безопасным местом в городе. Мамочка К. принимала только самых красивых женщин или обладательниц экзотической внешности. Они первыми пролили халидорскую кровь. Это событие получило название Ночи крови — Нокта Хемата. Логан прилюдно поблагодарил женщин и оказал им подобающие почести, и они поступили к нему на службу. Все, кто мог сражаться, бились до конца и погибали, спасая Логану жизнь. После сражения в роще Пэввила он распустил остатки ордена Подвязки, оставив только Калдросу Уин. Ее муж был из числа десяти охотников-чародеев, и супруги никогда не разлучались. Так что Калдроса решила продолжить службу.

Калдроса носила на левой руке сшитую из заколдованных халидорских боевых знамен подвязку, которая сверкала даже в темноте. Женщина была прелестна, с оливковой, как у всех сетцев, кожей и гортанным смехом. Она любила рассказывать разные истории, которых знала великое множество и неизменно утверждала, что все они правдивые. Кольчуга не подходила Калдросе по размеру, и она накинула сверху рыцарский плащ с белым кречетом, который разрывает концами крыльев черный круг.

— Пора, — сказала Калдроса Уин.

В палатку заглянул генерал Агон Брэнт, а потом зашел внутрь. Во время ходьбы ему по-прежнему приходилось опираться на две палки.

— Вернулись разведчики. Халидорские военачальники думают, что устроят нам засаду. Если выступим с юга, севера или запада, придется преодолевать непроходимый лес. Остается еще один путь, через лес Темного Охотника. Если он и правда существует, там легко укрыться. Случись мне выступить с сотней воинов против тысячи четырехсот человек, лучшего места и не найти.

Всего месяц назад, столкнувшись с аналогичной ситуацией, Логан не стал бы колебаться и, наплевав на все древние легенды и сказания, повел бы армию через лес Охотника. Но там, в роще Пэввила, легенда ожила и сожрала тысячи людей. Еще недавно Логан не сомневался, что сумеет отличить суеверия, созданные фантазией темных людей, от опасностей, подстерегающих в реальной жизни, однако после встречи с ферали от его уверенности не осталось и следа.

— Если там халидорцы, почему они не направились на север, к перевалу Кворик?

В ответ Агон только пожал плечами. Вот уже целую неделю все ломают голову над этим вопросом. В напавшем на лагерь отряде были опытные воины, ничем не походившие на халидорских недотеп, какими их знал Логан. Даже уходя от армии Логана, они ухитрялись совершать набеги, из-за которых Сенария потеряла около сотни человек. Халидорцы не потеряли ни одного. В конце концов Агон решил, что они имеют дело с отборным отрядом, состоящим из воинов неизвестного халидорского племени, с которым сенарийцам до сих пор встречаться не доводилось. Логану казалось, что он решает замысловатую головоломку, и если его старания не увенчаются успехом, армия сенарийцев погибнет.

— Ты по-прежнему хочешь ударить по ним с флангов? — спросил Агон.

Неразрешимая головоломка ухмылялась в лицо беззубым ртом, а правильный ответ никак не складывался.

— Да, — откликнулся Логан.

— И ты, конечно, настаиваешь на своем решении и хочешь сам вести кавалерию через лес Охотника?

Логан молча кивнул. Если приказываешь людям идти навстречу неведомому чудовищу и, возможно, принять хоть и геройскую, но смерть, нужно разделить их участь.

— Очень дальновидно с твоей стороны. А какая отвага… — восхитился Агон.

Он очень долго служил знати и мог позволить себе похвалу, которая звучит хуже любого оскорбления.

— Прекрати, — оборвал его Логан, принимая из рук Калдросы шлем. — Пойдем лучше убивать халидорцев.

4

Вюрдмайстер Неф Дада зашелся лающим, чахоточным кашлем, а когда приступ прошел, шумно отхаркнул мокроту в руку. Наклонив ладонь, он наблюдал за каплями слизи, падающими в грязь, потом поднял голову и посмотрел на остальных вюрдмайстеров, собравшихся вокруг его походного костра. Ни на одном лице не отразилось отвращение, и только самый молодой из них, Борсини, растерянно мигал. Никому не удастся прожить долго и получить звание вюрдмайстера, полагаясь только на магические силы.

На земле были разложены светящиеся фигурки, изображающие войсковые соединения противника.

— Здесь всего лишь примерное расположение войск, — обратился к присутствующим Неф. — Красные фигурки — силы Логана Джайра, они стоят к западу от леса Темного Охотника на сенарийских землях. Их должно быть около тысячи четырехсот человек. Примерно двести кьюрцев, которые прикидываются халидорцами, расположились на границе леса. Взгляните на синие фигурки. Дальше, на юге, разместились белые: пять тысяч наших возлюбленных врагов из Лэ'нота. Мы, халидорцы, в последний раз вели открытую войну с лэ'нотами, когда вы все ходили под стол пешком, а посему позвольте напомнить, что, несмотря на отвращение, которое лэ'ноты испытывают к магии, они появились на свет для того, чтобы уничтожить нас. Пятитысячной армии более чем достаточно, чтобы завершить дело, начатое сенарийцами, а следовательно, нам надо соблюдать осторожность на марше.

Неф в общих чертах сообщил известные ему сведения о расположении вражеских сил и, там, где считал нужным, добавил кое-что от себя. Он говорил, как бы ни к кому не обращаясь, поверх голов вюрдмайстеров, словно предполагал, что они и так поймут тонкости полководческого искусства, которое никогда не изучали. Всякий раз, когда умирал король-бог, в стране вспыхивала резня. Сначала разгоралась грызня между прямыми наследниками, а потом те, кому удалось выжить, собирали вокруг себя майстеров и вюрдмайстеров, и все начиналось по новому кругу, и так до тех пор, пока в живых не оставался только один Урсуул. Если никому не удавалось быстро одержать верх, кровавая бойня перекидывалась на майстеров. Неф не хотел допустить такой исход событий.

Удостоверившись, что король-бог Гэрот Урсуул действительно мертв, Неф нашел одного из его наследников, Тенсера Урсуула, и убедил юношу отдать свое тело богине Хали в качестве временного убежища. Тенсер решил, что это означает власть. Так, собственно, оно и есть. Только власть должна оказаться в руках у Нефа, а Тенсера ожидает неподвижность и умопомешательство.

Затем Неф отправил короткие послания вюрдмайстерам во все уголки Халидорской империи. «Помогите мне дать Хали достойное жилище!»

Отвечая на послание, взывающее к религиозным чувствам, все вюрдмайстеры, которым не хотелось губить свою жизнь ради злобного отродья Урсуула, получили законное основание уклониться от этой чести. А коли удалось укротить вюрдмайстеров, прибывших первыми из ближайших краев, остальные вюрдмайстеры со всех отдаленных концов империи тоже с ним согласятся. Если короли-боги для чего-нибудь и нужны, то только для внушения покорности.

— Между нами и всеми этими армиями лежит лес Темного Охотника. — Неф сделал жест, как бы желая охватить всех вюрдмайстеров, вместе с собой и эскортом Хали, всего около пятидесяти человек. — Я сам видел более сотни человек, которым велели пойти в лес. Среди них были как майстеры, так и простые люди. Так вот, ни один не вернулся назад. Если бы речь шла только о безопасности Хали, я бы не стал обращать ваше внимание на этот факт. — Неф снова закашлялся. Легкие горели огнем, но этот приступ кашля он рассчитал специально. Кто не желает преклонить колени перед юношей, возможно, удовольствуется тем, что будет выжидать подходящий момент, служа старой развалине. Он снова

сплюнул. — В руках у кьюрцев Кьюрох, меч, дарующий могущество и непобедимость. Вон там, на самой границе леса Темного Охотника. — Он показал рукой на землю, куда упал сгусток мокроты.

— Не означает ли это, что волшебный меч обрел форму Кьюр'келестоса, Небесного меча кьюрцев? — спросил вюрдмайстер Борсини, тот самый молодой человек, который не сумел скрыть отвращения, глядя на задыхающегося от кашля Нефа.

Его выделял до нелепости огромный нос и такие же уши. Борсини устремил взгляд куда-то вдаль, и Нефу это очень не нравилось. Неужели Борсини подслушал разговор с разведчиком?

Вир Борсини, особый знак благосклонности богини и его магической силы, расползся по рукам подобно сотне стеблей черной розы, покрытых шипами. Только у Нефа магический рисунок вира занимал больше места, струясь и извиваясь по всему телу, словно живые локоны лодрикарцев, покрывая его ото лба до ногтей на пальцах рук. Однако, несмотря на ум и могущество, Борсини удалось достигнуть лишь одиннадцатого уровня шу'ра, тогда как Неф, Тарус, Орад и Раалст были на двенадцатом уровне шу'ра, что является самым высоким рангом, выше которого может подняться только король-бог.

— Кьюрох принимает любую форму, какую пожелает, — ответил Неф. — Однако сейчас дело не в этом. Если Кьюрох попадет в лес Темного Охотника, он уже никогда оттуда не вернется, но у нас остается мизерный шанс завладеть сокровищем, за которым мы охотимся целую вечность.

— Там стоят три армии, — возразил вюрдмайстер Тарус. — Каждая из них превосходит по численности наши силы и легко сотрет нас с лица земли.

— Да, попытка завладеть мечом, вполне вероятно, приведет к множеству смертей, однако позвольте кое-что вам напомнить. Если мы упустим шанс, придется держать ответ, а поэтому я рискну. Я стар, и жить мне осталось недолго. Думаю, моя смерть обойдется империи дешевле, чем потеря меча.

Разумеется, все знали, что если Кьюрох окажется в руках у Нефа, его магическая сила возрастет во сто крат, и тогда все изменится.

Вюрдмайстер Тарус воспротивился первым.

— Кто поручил тебе…

— Это сделала сама Хали, — оборвал его молодой Борсини, прежде чем Неф успел ответить. Черт возьми! Проклятый сопляк! — Хали послала мне знамение, — продолжил Борсини. — Вот почему я спросил, как кьюрцы называют меч. Хали поведала, что я должен добыть Кьюр'келестос. Я самый молодой из вас, самый ничтожный и самый быстрый. Вюрдмайстер Дада, богиня сказала, что будет говорить с тобой сегодня утром. Ты должен ждать ее решения у кровати принца. Один.

А сопляк-то гений! Борсини хочет заполучить меч и сейчас откупается от Нефа в присутствии всех вюрдмайстеров. Неф останется наедине с Хали и безумным принцем, а когда выйдет из покоев, будет знать волю богини. По чести говоря, Нефу совсем не хотелось охотиться за мечом, но только так можно получить гарантию, что собратья признают его главенство. Борсини встретился глазами с Нефом. «Если я получу меч, ты станешь мне служить. Понятно?» — говорил взгляд юноши.

— Да будет благословенно имя богини, — откликнулся Неф, и остальные эхом повторили его слова. Они еще до конца не поняли, что сейчас произошло. Ничего, со временем поймут. — Возьми мою лошадь, — обратился он к Борсини, — она быстрее, чем твоя. — Он незаметно вплел в гриву совсем маленькое заклинание. С восходом солнца, а к тому времени всадник достигнет южной границы леса, заклинание начнет посылать магические импульсы, которые призовут Темного Охотника. Борсини не дожить и до полудня.

— Благодарю, я неважный наездник и с чужой лошадью не справлюсь. Предпочитаю ехать на своей, — с деланым безразличием откликнулся Борсини.

Огромные уши молодого человека зашевелились, и он принялся нервно подергивать

пальцами не менее внушительный нос. Парень заподозрил ловушку, а теперь решил, что из нее удалось выкрутиться. Ему хотелось, чтобы Неф принял эту уловку за случайное везение.

Неф растерянно замигал, стараясь придать лицу разочарованное выражение, а потом пожал плечами и сказал, что выбор лошади не имеет большого значения. Пусть Борсини поступает так, как считает нужным.

Так оно и было. Неф успел вплести магические заклинания в гривы всех лошадей, находившихся в лагере.

5

Кайлар никогда не начинал войну первым.

Он без труда добрался до лагеря лэ'нотов, поскольку соблюдать осторожность, как при визите к кьюрцам, не было нужды. Невидимка спокойно прошел мимо часовых, одетых в черные плащи с эмблемами в виде золотого солнца, сияние которого должно знаменовать победу над мраком суеверий и посрамить темные силы магии. Кайлар усмехнулся. Похоже, ночной ангел придется по нраву воинам лэ'нотам.

Лэ'ноты разбили огромный лагерь, в котором разместился пятитысячный легион вместе со знаменитым отрядом уланов-копьеносцев. Лэ'ноты провозгласили себя обществом, где главным является идеология, и без устали повторяли, что не имеют собственных земель. В действительности вот уже восемнадцать лет, как их армия оккупировала восточную часть Сенарии. Кайлар подозревал, что легион прислали для демонстрации силы, чтобы не позволить халидорцам продвинуться дальше на восток. Возможно, они тоже находятся где-нибудь поблизости.

Впрочем, Кайлару все равно. Лэ'ноты ведут себя как захватчики, и, если бы в их заявлениях о борьбе с черной магией содержалась хоть доля правды, они встали бы на защиту Сенарии, когда в ее владения вторглась армия Халидора. Вместо этого Лэ'нот тянул время и ждал удобного случая, чтобы прийти на помощь в удобный для себя момент, когда армия Сенарии будет уничтожена, и захватить лучшие земли, якобы в награду за свои труды. Лэ'ноты коротали время, сжигая на кострах местных ведьм и вербуя в свои ряды беженцев из Сенарии.

Сенария была мирной страной и никогда ни на кого не нападала, и вот на востоке ее границы нарушил Лэ'нот, с севера наступает халидорское войско, а с юга угрожает Кьюра. Что ж, стервятникам пора сцепиться друг с другом.

Из левой руки Кайлара вырос дымящийся черный клинок, который он заставил вспыхнуть синим пламенем, оставаясь при этом невидимым для врага. Два часовых, весело болтавших между собой, вместо того чтобы нести дозор, застыли от ужаса при виде этого зрелища. На одном из солдат больших грехов не было. По глазам второго стражника Кайлар прочел, что негодяй обвинил в колдовстве мельника, так как возжелал его жену.

— Убийца! — воскликнул Кайлар и взмахнул мечом, на который ка'кари нанес черное покрытие.

Клинок не рубил, а пожирал плоть. Он легко прошел сквозь защитную пластинку для носа, через сам нос и подбородок, рассек плащ и стеганую кожаную куртку под доспехами, а потом добрался до живота. Солдат с изумлением посмотрел под ноги и поднес руку к разрубленному пополам лицу, из которого хлестала кровь, затем дико закричал, и его внутренности вывались на землю.

Второй часовой с громким воплем понесся прочь, словно выпущенный из арбалета болт.

Кайлар, будто призрак, несся по лагерю. Как в тумане мелькало тело с выступающими мускулами, покрытое переливчатым черным металлом. Суровое, нахмуренное лицо мстителя, с четко обрисованными дугами бровей, высокими заостренными скулами, изящным ртом и блестящими черными глазами без зрачков, из которых вылетали стрелы синего пламени. Он пронесся мимо группы худосочных сенарийских рекрутов, взирающих

на жуткое зрелище расширенными от ужаса глазами, позабыв об оружии, которое держали в руках. В их глазах не отражались совершенные преступления. Эти несчастные пошли в солдаты, чтобы не умереть с голода.

А вот еще одна группа воинов. Они сожгли сотни людей и виновны в еще более тяжких преступлениях.

— Получай, насильник!

С громким криком Кайлар снова взмахнул мечом ка'кари и полоснул наемника по половым органам. Его ждет страшная смерть. Еще трое солдат упали на землю замертво, даже не попытавшись отразить удар Кайлара. В безумном танце он пронесся мимо воткнутого в землю копья, отсек на ходу наконечник, а затем устремился в центр лагеря, где находятся палатки командиров.

Трубач заиграл тревогу. Наконец-то сообразили! Кайлар бежал вдоль выстроившихся рядами палаток, временами вновь превращаясь в невидимку, но всякий раз представал перед противником, прежде чем убить. Чтобы усилить неразбериху, он освободил нескольких лошадей, разрубив поводья, которыми они были привязаны к походным коновязям. Тем не менее большинство лошадей остались на месте, так как Кайлар хотел, чтобы армия имела возможность быстро оказать сопротивление.

Через несколько минут весь лагерь превратился в преисподнюю. Часть лошадей сумела освободиться самостоятельно, и теперь они волочили за собой связанные колья, сметая попавшиеся на пути палатки. Солдаты грязно ругались, поминая призраков и демонов. Некоторые, не разобравшись в темноте и всеобщей сумятице, принялись тузить друг друга. Одна из палаток загорелась. Когда откуда-нибудь появлялся офицер и начинал кричать, чтобы навести порядок, Кайлар убивал. Наконец он нашел то, что искал.

Из самой большой палатки выбежал пожилой человек, надевая на ходу шлем, по которому Кайлар узнал генерала лэ'нотов.

— Стройся! Выстроиться ежом! Придурки, вас обманули, чтобы отвлечь внимание! Стройтесь ежом, черт бы вас побрал!

Огромный шлем заглушал голос генерала, и поначалу обезумевшие от страха воины его не слушали, но трубач снова заиграл тревогу, и Кайлар увидел, как они начали строиться кругами по десять человек, спина к спине, выставив вперед копья.

— Вы сражаетесь сами с собой. Это обман, иллюзия! Вспомните о своей защите!

Генерал имел в виду самую надежную защиту, имя которой неверие. Лэ'ноты считают, что суеверия имеют силу, только если в них веришь.

Кайлар подпрыгнул высоко вверх и, приземлившись перед генералом, перестал быть невидимкой. Он опустился на одно колено, прижав к земле левую руку с мечом, и склонил голову. Несмотря на охватившее лагерь смятение и царивший кругом шум, стоявшие поблизости воины онемели от изумления.

— Генерал, — обратился к полководцу Кайлар, — у меня для тебя послание.

После этих слов он поднялся.

— Это всего лишь видение, призрак, — заявил генерал. — Приказываю строиться!

Трубач снова заиграл, передавая приказы, и солдаты стали занимать свои позиции.

Более сотни человек заполнили пространство перед палаткой генерала, образовав огромный круг, ощетинившийся копьями, в центре которого стоял полководец. Ночной ангел зарычал, и изо рта и глаз вырвались языки синего пламени. Они пробежали по клинку, и Кайлар стал описывать мечом круги с такой скоростью, что в воздухе замелькали длинные огненные ленты. Еще одна вспышка света — и меч вернулся в ножны, а солдаты только мигали, стараясь отогнать видение.

— Вы, лэ'нотские придурки! — обратился к ним ночной ангел. — Эта земля теперь принадлежит халидорцам. Бегите, или вас убьют. Бегите, или предстанете перед правосудием!

Говоря о халидорцах, Кайлар надеялся натравить армию Лэ'нота на переодетых в халидорские доспехи кьюрцев, которые собираются разделаться с Логаном и его людьми.

Генерал беспомощно заморгал, однако быстро пришел в себя и снова обратился к солдатам:

— Морок не имеет над нами власти! Вспомните о своей надежной защите, воины!

Кайлар заставил пламя потускнеть — пусть думают, будто ночной ангел не может существовать без веры лэ'нотов. Он стал таять на глазах, и видимым остался только меч, медленно выписывающий какие-то фигуры.

— Он нам не опасен, — снова обратился генерал к сотням солдат, сгрудившихся по краям площадки перед палаткой. — С нами свет, и тьма нам не страшна!

— Я пришел, чтобы судить вас! — воскликнул ночной ангел. — Ибо считаю вас недостойными!

Он совсем исчез из виду и увидел облегчение в глазах людей, собравшихся вокруг площадки. Некоторые открыто смеялись и качали головами. Несмотря на пережитый испуг, они чувствовали себя победителями.

Адъютант подвел генералу коня и вручил поводья и копье. Военачальник вскочил в седло, намереваясь отдать необходимые распоряжения. Он вообразил, что снова держит в руках бразды правления, и теперь нужно чем-то занять людей, чтобы они выбросили из головы всякую чушь и не вздумали паниковать. Однако не успел генерал открыть рот, как Кайлар издал грозный клич, заглушивший голос полководца:

— Убийца!

Перед глазами присутствующих промелькнули вздувшиеся бицепсы, мощные плечи и светящиеся глаза, а потом с шумом вспыхнуло пламя, и огненный меч стал с молниеносной скоростью описывать в воздухе круги. Один из солдат упал на землю, и, прежде чем его голова успела отделиться от тела, ночной ангел исчез.

Толпа людей в ужасе застыла на месте. Произошло нечто невероятное. Ведь призрак — всего лишь плод массовой истерии, и он бесплотен.

— Проклятый работорговец!

На сей раз меч стал видимым, когда его острие вынырнуло из спины солдата. Нанизанный на меч воин взлетел в воздух и упал головой вперед рядом с кипящим котлом. Он извивался и корчился, поджариваясь на горячих углях, но откатиться в сторону уже не мог.

— Палач! — Один из самых знатных воинов в легионе валялся на земле с распоротым животом. — Нечестивцы! Нечестивцы! — кричал ночной ангел.

Фигура, объятая синим пламенем, шла по лагерю, и по обе стороны от нее оставались горы трупов.

— Убейте его! — завопил генерал.

Кайлар выходил из круга, оставляя за собой длинные огненные полосы, которые зловеще шипели и потрескивали. Теперь его пылающая фигура была хорошо видна. Ночной ангел направлялся на север, туда, где находится лагерь мнимых халидорцев. Встречавшиеся на пути люди с ужасом разбегались в разные стороны. Через некоторое время Кайлар погасил пламя и, снова превратившись в невидимку, вернулся в лагерь. Нужно удостовериться, что враг попался в расставленный капкан.

— Всем строиться! — орал генерал. Его лицо побагровело от злости. — Идем в лес! Воины, настало время расправиться с колдунами! Немедленно выступаем!

6

— Все евнухи — налево! — приказал Раггер, начальник халидорской стражи. Его сильное мускулистое тело напоминало набитый орехами мешок, но самой выдающейся выпуклостью была огромная уродливая шишка на лбу. — Эй, Недомерок, к тебе это тоже относится!

Дориан, шаркая ногами и стараясь не встретиться взглядом с охранником, направился к выстроившимся в ряд людям. Раггер был старым знакомым. Он был зачат одним из старших

братьев Дориана, связавшимся с какой-то рабыней. Этелинги, достойные трона сыновья монарха, подвергали Раггера беспощадным издевательствам, и наставник Дориана Неф Дада всячески поощрял их жестокие выходки. Приходилось соблюдать лишь одно правило: нельзя наносить рабу увечья, которые помешают ему выполнять свои обязанности. Безобразная шишка, красовавшаяся на лбу Раггера, появилась благодаря стараниям Дориана.

— Куда уставился? — рявкнул Раггер, тыча острием копья Дориану в грудь.

Дориан затряс головой, продолжая упрямо смотреть в землю. Прежде чем появиться в Цитадели и попытаться найти работу, он, насколько смог, изменил внешность, тем не менее обман может раскрыться в любую минуту. Его станут регулярно избивать, и любой охранник, дворянин или наследник-этелинг тут же заметит, что удары не оказывают должного действия и Дориан не вздрагивает и не корчится от боли. Он проводил опыты, изменяя соотношение жизненных жидкостей, и даже сумел приостановить рост волос на теле, но результаты оказались ужасающими. Он ощупал грудную клетку, которая, к счастью, вновь обрела пропорции и форму, свойственную мужчинам.

Дориан продолжал экспериментировать, пока с помощью огня и воздуха не очистил тело от волос. Однако борода отрастает с такой скоростью, что ее придется заплетать по два раза на день. Рабу редко выпадает возможность уединиться, поэтому скорость играет решающую роль. К счастью, на рабов не обращали внимания, и, как правило, они не возбуждали подозрений, если вдруг не начинали пялиться на стражников с таким видом, будто те ненормальные.

«Итак, Дориан, придется не только склонить голову, но и вобрать ее в плечи, а иначе — смерть!»

Раггер еще раз дал ему пинка. Дориан даже не пошевелился, и надсмотрщик двинулся дальше, намереваясь поиздеваться над другими жертвами.

Двести мужчин и женщин стояли с наружной стороны крепости, у западных ворот. Приближалась зима, и даже тех, кому удалось вырастить хороший урожай, ограбили и пустили по миру армии короля-бога. Для простых людей не имеет значения, чья армия проходит через их селение. Друзья или враги — все равно. И те и другие грабят и бесчинствуют, забирая все, что подворачивается под руку, и убивая каждого, кто посмеет оказать сопротивление. Если учесть, что король-бог опустошил Цитадель, отправив свои армии на юг, в Сенарию, и на север — во Фриз, можно догадаться, что зима предстоит тяжелая и страшная. Выстроившиеся в ряд люди надеялись продать себя в рабство до наступления зимних холодов, и ряды желающих увеличивались с каждым днем.

В городе Халирасе стояло ясное осеннее утро. До рассвета оставалось часа два. Дориан успел забыть лучезарное сияние северных звезд. Здесь лампы зажигались нечасто, так как керосин стоил дорого, и сейчас разведенные людьми костры пытались состязаться со вспышками божественного огня, загорающегося в прорехах небесного плаща.

Дориан не мог подавить волнующее чувство гордости, глядя на город, который мог бы принадлежать ему. Халирас раскинулся в виде огромного кольца вокруг пропасти, окружающей Невольничью гору. Из поколения в поколения короли-боги Урсуулы воздвигали стены в виде полукругов, чтобы защитить своих рабов, ремесленников и торговцев, и наконец эти полукруглые сооружения, построенные из разных сортов камня, соединились и стали щитом для всего города.

Здесь была лишь одна гора, узкий гранитный хребет, по которому змейкой петляла извилистая дорога, построенная так, чтобы по ней нельзя было подвезти осадные орудия. На вершине хребта, словно жаба на кочке, расположилась главная сторожевая башня. Именно там, по другую сторону ржавой подъемной решетки, Дориану предстояло совершить первое великое дело.

— Вы, четверо, подойдите сюда! — распорядился Раггер.

Дориан оказался третьим из четверых, на кого пал выбор охранника. Приблизившись к пропасти, все четверо вздрогнули. Мост Лаксбридж считался одним из чудес света, и Дориан, которому довелось много путешествовать, не встретил ничего, что бы могло

сравниться с этим волшебным сооружением. Без арок и опор мост завис в воздухе, словно сплетенная пауком нить протяженностью в четыреста шагов, которая соединяет главную сторожевую башню и Цитадель на Невольничьей горе.

В последний раз, когда Дориан проходил по мосту Лаксбридж, он заметил только сияющую волшебным блеском пружинящую под ногами поверхность, которая при каждом шаге переливалась тысячью цветов. Сейчас он не видел ничего, кроме стандартных блоков, от которых исходило дыхание магии. Лаксбридж построили не из камня, металла или дерева, а вымостили человеческими черепами, и дорога казалась такой широкой, что по ней можно проехать на тройке лошадей. Когда с годами в мостовой образовывались выбоины, их заполняли новыми черепами. Сюда созывались все майстеры, достигнувшие десятого уровня шу'ра, и любому вюрдмайстеру достаточно было одного слова, чтобы развеять чары. Дориан даже знал нужное заклятие. Однако существовало препятствие, при воспоминании о котором противно засосало под ложечкой. Магическое заклинание, удерживающее Лаксбридж, сплетено таким образом, что маг, пользующийся *талантом,* а не виром, грязным чародейством, к которому прибегают майстеры и вюрдмайстеры, в ту же секунду упал бы вниз.

Дориан надеялся, что, как у единственного человека в Мидсайру, который выучился на майстера и мага, у него по сравнению с остальными магами имеется больше шансов благополучно пересечь мост. Вчера вечером он купил новые башмаки и вложил в подошву каждого по свинцовой пластинке в надежде уничтожить все остатки южной магии, которые могли к нему пристать. К сожалению, существовал лишь один способ проверить, оправдались ли его надежды.

Дориан ступил на Лаксбридж вслед за другими евнухами, напряженно отсчитывая гулкие удары сердца. При первом же шаге мост засиял зеленым колдовским светом, и Дориан почувствовал покалывание в ногах. Это начал подниматься по башмакам вир. Через мгновение все прекратилось, и никто ничего не заметил.

Итак, Дориан совершил задуманное. Мост Лаксбридж почувствовал, что он наделен *талантом,* однако предки Дориана были достаточно сообразительны и, разумеется, знали, что не каждый человек, обладающий *талантом,* является магом. Он шагал по мосту, шаркая ногами, как остальные перепуганные евнухи, и при каждом шаге из-под ног разлетались магические искры, и вмурованные в мостовую черепа, казалось, зевают и перемещаются с места на место, с ненавистью разглядывая тех, кто на них наступает. Тем не менее они выдержали и не выдали Дориана.

Если при мысли о гении, сотворившем Лаксбридж, Дориан испытывал гордость, то вид Невольничьей горы не вызывал ничего, кроме отвращения и ужаса. Он родился в недрах проклятой скалы, голодал в ее подземных темницах, сражался в рудниках и совершал убийства в спальнях, коридорах и кухнях.

И в этой же горе Дориан обретет свой вюрд, свою судьбу, здесь исполнятся все предсказания и решится его участь. Он найдет женщину, которая станет ему женой. Дориан только опасался, что именно здесь предстоит узнать и причину, по которой он отказался от пророческого дара. Впрочем, что ужасного, если ему захотелось избавиться от способности предсказывать будущее?

Невольничья гора имела причудливый вид. Огромная черная четырехгранная пирамида, в два раза больше в высоту, чем в ширину, уходящая глубоко вниз, под землю. Стоя на мосту Лаксбридж, Дориан посмотрел вниз и увидел облака, закрывающие от глаз раскинувшуюся под ногами бездну. Тридцать поколений рабов, халидорцев и военнопленных, отправлялись в недра горы добывать руду, и они трудились до последнего вздоха, умирали в зловонных испарениях, и их кости смешивались с рудой.

Горная пирамида с одного края была расколота и выровнена, образуя плато перед острым выступом скалы. На этом плато и находилась Цитадель. По сравнению с гигантской горой она казалась карликом, но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что Цитадель сама по себе является городом. Там находятся казармы, размещающие тысячи

солдат, огромные склады, гигантские цистерны и площадки для тренировки воинов, выездки лошадей и дрессировки волков. Тут же расположились оружейные мастерские, дюжина кузниц, кухни, конюшни, амбары, скотные дворы, лесные склады и жилье для рабочих, а также кладовые, где хранятся инструменты и все необходимое, чтобы тысяча человек могла пережить осаду в течение целого года. И все равно Цитадель выглядела совсем маленькой рядом с Невольничьей горой, в которой находится множество комнат, огромных залов, апартаментов и коридоров, ведущих к самому подножию. О многих из них давно забыли.

И Цитадель, и сама гора десятилетиями стояли полупустыми, и сейчас, когда армии ушли на север и юг, здесь стало спокойнее и тише, чем обычно. В Халирасе остались простолюдины, небольшой отряд воинов, менее половины майстеров королевства и достаточное количество чиновников, чтобы заниматься делами королевства, которых стало гораздо меньше, и жизнь шла своим чередом, а также этелинги, жены и наложницы короля-бога вместе с надзирателями.

Надзирателями командовал главный евнух Йорбас Зурга, рыхлый старик, начисто лишенный волос. Он сбрил даже волосы на голове и постоянно выщипывал брови и ресницы. Зурга сидел у ворот для слуг и, спасаясь от утреннего холода, кутался в горностаевую мантию. Перед ним стоял письменный столик с развернутым пергаментом. Голубые глаза с сомнением уставились на Дориана.

— Ты низкорослый, — заметил управляющий Зурга. Сам он был обычного для евнухов роста.

А ты заплыл жиром, подумал Дориан, а вслух сказал:

— Да, милорд.

— Можешь называть меня сэром.

— Слушаюсь, сэр.

Управляющий Зурга поглаживал толстыми, как сардельки, унизанными кольцами пальцами лишенный растительности подбородок.

— Выглядишь ты странно.

В юности Дориан редко сталкивался с Йорбасом Зургой и надеялся, что евнух его не помнит, — любое не в меру пристальное внимание таило угрозу.

— Известно ли тебе, какое наказание ждет наглеца, попытавшегося проникнуть в гарем? — спросил Зурга.

Дориан отрицательно покачал головой, не отрывая глаз от земли. Стиснув зубы и по-прежнему не поднимая глаз, он убрал волосы за уши.

Он считал, что проявил гениальность, когда вплел в волосы серебряные пряди, слегка заострил уши и сделал перепончатыми пальцы стопы. По перечисленным признакам безошибочно узнавали лишь одно племя из всех, что обитают в Халидоре. Народ фейри утверждает, что является потомком племени предсказателей, которое некогда называлось фей. Именно за это, а также за проповедуемый этими людьми пацифизм они снискали всеобщую ненависть. Дориан постарался на славу и теперь выглядел как фейри-полукровка, то есть окружающие находили его внешность весьма экзотической. В душе он лелеял надежду, что представитель презираемого племени не привлечет к себе ненужного внимания и никому не придет в голову спросить, почему половинка халидорской крови придала ему разительное сходство с королем-богом Гэротом Урсуулом. Примесь фейрийской крови также объясняла его малый рост.

— Да, сэр, это является еще одной причиной, по которой люди называют меня Недомерком.

Йорбас Зурга прищелкнул языком.

— Понятно. Теперь тебе надо ознакомиться с условиями договора. Будешь нести службу в любое время суток, когда потребуется. В твои обязанности входит опорожнение и мытье ночных горшков, которыми пользуются наложницы короля-бога. Пища полагается только холодная, и вдоволь ее не дадут. Разговаривать с наложницами запрещается. Вздумаешь нарушить это правило, и тебе вырвут язык. Понятно?

Дориан кивнул.

— Остается еще одна мелочь, Недомерок.

— Слушаю, сэр.

— Нам нужно удостовериться, что ты действительно недомерок, каким представляешься. Давай снимай штаны!

7

Лантано Гаруваши, с обнаженным мечом на коленях, восседал прямо посреди дороги, по которой шел Кайлар. Рядом с ним, словно огромная гора, возвышалась мощная фигура Фейра Коузата. Они перекрыли узкую тропинку вдоль южной границы леса Темного Охотника. Заметив Кайлара, Фейр решил предупредить Гаруваши и что-то зашептал ему на ухо.

Меч Гаруваши не перепутаешь ни с одним другим оружием. Эфес такой длинный, что его можно держать одной или двумя руками, по желанию владельца. Меч сделан из чистого митрила, на котором золотом выгравированы старинные руны на древнем кьюрском языке. На слегка изогнутом клинке красуется голова дракона, взор которого устремлен на острие. Стоило Кайлару подойти поближе, и дракон выдохнул огненное облако. Языки пламени бежали по клинку, и Кьюр'келестос становился прозрачным и чистым, как стекло. Кайлар подходил все ближе, и огонь распространялся дальше и дальше. Через ка'кари Кайлар увидел Кьюр'келестос в облаках магии.

Именно тогда он понял, что меч явился из другой эпохи. Его сотворила исполненная красоты магия, в которой Кайлар ничего не понимал. Он только чувствовал игривость, великолепие, высокомерие, надменность и любовь. Кайлар знал, что имеет обыкновение впутываться в дела, которые ему не по силам. Именно к ним относится похищение меча у Лантано Гаруваши.

— Сбрось с себя сумрак, Кайлар, или я тебе помогу справиться с этим.

Подойдя на пятнадцать шагов, Кайлар убрал сумрачные тени.

— Значит, маги меня видят, когда для остальных я — невидимка? Черт побери, нечто подобное я подозревал!

Фейр грустно усмехнулся.

— Только один из десяти мужчин и девять из десяти женщин. Я вижу тебя только на расстоянии тридцати шагов. А вот Дориан заметил бы тебя за полмили, даже сквозь стену деревьев. Но я забылся, прости. Баронет Кайлар Стерн Сенарийский, ученик мокрушника Дарзо Блинта, позволь представить тебе непобедимого полководца Лантано Гаруваши из Эну, избранника меча Кьюр'келестос.

Кайлар хлопнул левой рукой по культе правой руки и поклонился на кьюрский манер.

— Великий полководец, о твоей доблести и воинском искусстве ходят легенды.

Гаруваши поднялся и вложил Кьюр'келестос в ножны.

— О тебе, ночной ангел, тоже сложено немало легенд. — Он скривил рот в улыбке и отвесил поклон.

На горизонте уже начало светлеть, однако лес еще был окутан мраком. В воздухе пахло дождем и приближающейся зимой, и Кайлар вдруг подумал, что эти запахи могут стать последними, которые ему доведется ощутить в мире живых. Душу заполнило отчаяние, но, пересилив себя, он улыбнулся.

— Нам нужно решить один вопрос, — обратился он к Гаруваши. — Вернее, несколько вопросов.

— И каких же? — поинтересовался полководец.

«Я могу превратиться в невидимку и сразиться с тобой. Мне даже нет нужды убивать Фейра первым. Но ни один из вас не заслуживает такой смерти».

— Ты владеешь мечом, который нужен мне, — сказал Кайлар вслух.

— А разве ты потерял свой? — удивился Фейр.

Гаруваши сделал жест, приказывая ему замолчать.

— Прости меня, ночной ангел, — обратился он к Кайлару. — Ведь ты не левша, и по движениям я вижу, что ты лишился правой руки совсем недавно. Если ты бросаешь мне вызов, потому что ищешь смерти, я его принимаю. Только сначала объясни, зачем ты так поступаешь?

«Потому что я заключил сделку с Волком».

Всего несколько часов спустя Кайлар нашел записку от Дарзо, которая заканчивалась словами: «Никогда не заключай сделок с Волком».

«Наверное, поэтому я вызываю тебя на бой. Только победить не могу».

«Если я не надумаю протянуть тебе руку помощи», — прозвучал в голове Кайлара голосок ка'кари.

«Что-то ты развеселился», — мысленно обратился он к ка'кари.

Гаруваши молча смотрел на обрубок правой руки Кайлара, а Фейр не скрывал волнения.

Кайлар перевел взгляд вправо и увидел, что на месте обрубка пробивается иссиня-черный металл, который постепенно принимает форму человеческой руки. Он попробовал сжать пальцы в кулак — получилось!

«Решил надо мной подшутить?» — спросил Кайлар у ка'кари.

«Я же не злодей. Между прочим, Джорсин Алкестес не любит, когда его убитые враги оживают. Если ты погибнешь от этого меча, то уже не воскреснешь и останешься навеки покойником».

«Забавно, а вот Волк не сказал об этом ни слова».

Кайлар пошевелил черными пальцами. Да, он их чувствует, но рука почему-то кажется слишком легкой. Конечно же, она внутри пустая, а натянутая кожа тоньше пергамента.

«Эй, раз уж ты решил творить чудеса…» — снова заговорил он с ка'кари.

«Нет, и не проси».

«Ты даже меня не выслушал!»

«Иди сражайся».

Кайлару показалось, что ка'кари вращает глазами. И как ему только удается? Ведь и глаз-то никаких нет!

«Можешь сделать эту штуку чуть тяжелее?»

«Нет».

«Но почему?»

«Я не могу менять свой размер, — откликнулся ка'кари со вздохом. — Послушай, ведь я уже защитил покровом твою кожу, превратил тебя в невидимку, подарил синее пламя и новую руку. Имей совесть!»

«Значит, с моей стороны будет наглостью, если я попрошу, чтобы ты превратился в кинжал и поразил моего врага?»

Ка'кари замолчал и принялся обиженно пыхтеть. Кайлар ухмыльнулся и вдруг понял, что скалит зубы прямо в лицо Лантано Гаруваши, в волосы которого вплетены шестьдесят три смерти, а в глазах отражаются целых восемьдесят две.

— Тебе требуется время на подготовку? — поинтересовался Гаруваши, приподнимая бровь.

— Я готов, — заявил Кайлар, выхватывая из ножен меч.

— Послушай, Кайлар, — обратился к нему Фейр, — что ты собираешься сделать с волшебным мечом?

— Хочу спрятать его в надежном месте.

— Значит, ты собираешься унести его в лес? — Глаза Фейра расширились.

— Пожалуй, туда я его и зашвырну.

— Прекрасная мысль, — заметил Фейр.

— Мысль сама по себе интересная, но далеко не самая удачная, — возразил Гаруваши и в следующее мгновение очутился рядом с Кайл аром.

Мечи скрестились, вызванивая дробное стаккато, предвещающее смерть одного из противников. Кайлар сделал вид, что не решается на ответный удар. Имея дело с таким блистательным мастером, как Лантано Гаруваши, иного выхода нет. Нужно дважды показать свою слабость, чтобы на третий раз захлопнуть ловушку.

Когда Кайлар в первый раз промедлил с ответным ударом, меч Гаруваши скользнул в пустоту и задел ребра. Этим ударом Гаруваши мог покончить с Кайларом, но отскочил назад, опасаясь подвоха.

Кайлар попятился, и Гаруваши позволил ему перегруппироваться. В глазах военачальника читалось неприкрытое разочарование. С того момента, как они скрестили мечи, не прошло и пяти секунд.

Кайлар подумал, что противник слишком уж быстр, и это вызывает подозрение. Он поднес ка'кари к глазам и застыл в изумлении.

— Ты даже не принадлежишь к числу тех, кто наделен *талантом!* — воскликнул он.

— Лантано Гаруваши магия не нужна! — отрезал полководец. «А вот Кайлару Стерну нужна, да еще как!»

Кайлар ощутил знакомую дрожь, отголосок прошлого. Это страх смерти. Если бы противник держал в руках алитэрский палаш, Кайлар мог бы сокрушить Гаруваши одной силой своего *таланта.* Но против элегантного кьюрского клинка *талант* практически бессилен.

— Продолжим, — предложил он Гаруваши.

Поединок возобновился. Гаруваши действовал осторожно и даже временами отступал, желая выяснить, на что способен противник. Ничего подозрительного он не обнаружил, и Кайлар это ясно видел. Совсем скоро Кайлар выдохнется и от отчаяния совершит какую-нибудь глупость. Гаруваши ждет от него именно этого. Скольких отчаявшихся соперников повидал он на своем веку, победив в шестидесяти трех поединках! Наверняка предшественники Кайлара, которым удалось уцелеть после первых ударов клинков, испытывали то же противное сосущее чувство под ложечкой, что и Кайлар. Зачем себя обманывать? Клинки снова завели свою звонкую песню.

Что-то изменилось в лице Гаруваши. Кайлар пока не понимал, что он собирается сделать, но ему стало ясно, что уловка удалась. Полководец думает, что реально оценил силы противника. Что ж, пора заканчивать.

Вдруг послышались удары, отбивающие ритм. Кайлар дождался, когда Гаруваши пойдет в атаку. Какие у него длинные, неестественно быстрые руки! Какая легкость и уверенность в каждом движении!

— Ты его чувствуешь? — спросил Гаруваши, передумав нападать. — Чувствуешь этот ритм?

— Иногда, — пробормотал Кайлар, не отрывая глаз от груди Гаруваши, стремясь не упустить ни одного пульсирующего биения. — Однажды я услышал его, это было похоже на музыку.

— Много людей погибло в тот день? — снова обратился к нему Гаруваши.

Кайлар пожал плечами и промолчал.

— Тридцать горцев, четыре колдуна и халидорский принц, — ответил вместо него Фейр.

Лантано Гаруваши лишь улыбнулся. Осведомленность Фейра его нисколько не удивила.

— И все же сегодня ты сражаешься как-то тупо, словно совсем задеревенел. А знаешь почему? В тот день ты видел смерть так же близко, как и сегодня.

«Нет, неправда. Но тогда я этого не знал».

— Сегодня, — продолжил свою мысль Гаруваши, — ты боишься. И из-за этого ты становишься недальновидным, теряешь способность предугадать действия противника. Все мышцы напряжены, а движения становятся медленными. Если так пойдет и дальше, смерть легко тебя одолеет. Сражайся, чтобы победить, а не проиграть, Кайлар Стерн!

Добрый совет, данный от души человеком, который собирается тебя убить, привел Кайлара в полное замешательство.

— Вот, смотри, — сказал Гаруваши, поднимая Кьюр'келестос, и Кайлар увидел, что лезвие меча затупилось. — Я увижу, когда ты будешь готов.

Фейр прислонился к дереву и стал тихонько насвистывать.

Гаруваши снова пошел в атаку, и через считаные секунды тупой клинок прошелся Кайлару по ребрам. Еще несколько секунд был слышен яростный звон мечей, а потом тупое лезвие задело предплечье и пронзило плечо. Даже сейчас, под градом ударов, Кайлар вспоминал жестокий и беспощадный спарринг с учителем Дарзо. Страх отступил. Вроде ничего не изменилось, но Кайлар стал более выносливым, сильным и быстрым, а также более опытным, чем год назад. И тогда он победил Дарзо. Всего один раз в жизни. Застилавшая глаза пелена исчезла, и сердце колотилось не так бешено, а его удары уже не отдавались молоточками в висках.

— Вот оно! Наконец! — воскликнул Гаруваши.

Кьюр'келестос снова стал острее бритвы, и поединок возобновился.

Кайлар чувствовал присутствие Фейра. Мастер клинка сидел на земле, скрестив ноги, его челюсть отвисла, и он время от времени бормотал не то молитвы, не то заклинания.

Противники стали двигаться быстрее, и в душе у Кайлара наступил покой. Вдруг он понял, что улыбается. Какое безумие! Нет, все так и есть, и губы Гаруваши тоже скривились в усмешке. Здесь чувствовалось присутствие красоты, чего-то драгоценного и очень редкого. Каждый мужчина хотел бы иметь возможность сражаться. Осуществить это на деле могли немногие, и лишь один способен выиграть сражение раз в сто лет. Кайлар не думал, что когда-нибудь встретит мастера, который может сравняться искусством с Дарзо Блинтом, но Лантано Гаруваши, пожалуй, даже превосходит его скоростью и размахом удара.

Кайлар успел нырнуть за молодое деревце, которое Гаруваши в следующую секунду разрубил надвое. Пока полководец отталкивал в сторону рухнувшее деревце, Кайлар предавался своим мыслям. Против Лантано Гаруваши у него был лишь один козырь, не считая способности превращаться в невидимку.

«Нет, не вздумай этим воспользоваться! Это нечестно!» — заволновался ка'кари.

У Лантано Гаруваши отсутствовал опыт сражения с противниками, превосходящими его в мастерстве. Кайлар изучал стиль Гаруваши во всех деталях, что самому полководцу никогда не приходило в голову. Просто не было нужды. Гаруваши всегда действовал открыто, без утайки, полагаясь только на свою сверхъестественную скорость, силу, непревзойденную длину замаха, до совершенства отточенную технику и маневренность. Он всегда был настроен на победу. И вот теперь что-то пошло не так!

Кайлар стал выполнять глубокий выпад, придуманный лордом Амбером, как вдруг изменил направление и, изогнувшись, успел отразить последний удар. Кьюр'келестос просвистел всего в миллиметре от щеки, а его собственный меч рассек плечо Гаруваши. Полководец, не обращая внимания на рану, пошел в контратаку. Кайлар вскинул руку и, не осознавая, что делает, направил ка'кари вверх по режущей кромке.

Вспыхнул ослепительный белый свет и тут же рассыпался на тысячи искр, как будто рука Кайлара превратилась в огромный кремень, столкнувшийся со сталью Кьюр'келестоса. Рука обгорела.

Воины отпрянули друг от друга, и Кайлар понял, что вложи Гаруваши чуть больше силы в удар, и ка'кари перестал бы существовать.

«Пожалуйста, никогда больше так не делай», — прошептал ка'кари.

— Кто тебя научил?

Лицо Гаруваши налилось кровью. Полководец ждал ответа.

— Я…

От смущения Кайлар не находил нужных слов. Нанесенная Кьюр'келестосом рана на левой руке сильно кровоточила.

— Он говорит о проделанной тобой комбинации, — пояснил Фейр. Его глаза

расширились от удивления. — Этот прием называется поворотом Гаруваши, и никому не по силам его повторить.

Кайлар снова принял боевую стойку. Страх ушел, а на его место пришло сознание собственного бессилия. Все старания ни к чему не привели. Он применил против полководца все искусство, которым владел, и лишь слегка его оцарапал.

— Никто меня не учил, — ответил он. — Просто по ходу поединка я понял, что нужно сделать именно так.

Гневное выражение исчезло с лица Лантано Гаруваши. Он был человеком внезапно нахлынувших страстей, непредсказуемым, неукротимым и очень опасным. Полководец вынул белый носовой платок, с благоговением вытер Небесный меч, очищая его от крови Кайлара, а потом вложил в ножны.

— Я не стану убивать тебя сегодня, досточтимый Кайлар, и да пребудет в мире твой клинок. Через десять лет ты достигнешь расцвета сил, и вот тогда мы встретимся в Эну и сразимся перед королевским двором. Такие мастера, как мы, заслуживают чести биться в присутствии менестрелей, прекрасных дев и менее искусных воинов. Если ты одержишь победу, можешь взять все, что мне принадлежит, в том числе и священный меч. А если удача улыбнется мне, ты ничего не теряешь, а лишь приобретаешь десять лет жизни и славы. Согласен? Десять лет все будут ждать этого события, о нем сложат легенды, которые станут передавать из поколения в поколение тысячу лет.

Действительно, через десять лет Кайлар будет находиться в расцвете сил, но Гаруваши не сказал, что к тому времени его лучшие годы останутся далеко позади. Сколько ему будет лет, сорок пять? Возможно, тогда Кайлар сравняется с ним в скорости, а у Гаруваши останется непревзойденная длина удара, и они оба наберутся еще больше опыта. И все же время играет на руку Кайлару, а не Гаруваши, и полководец делает ему бесценный подарок. Имеет ли для Волка значение, что Кайлар промедлит еще десять лет? Черт возьми, если Кайлар не свернет себе шею, то, возможно, и не встретится с Волком еще десять лет. С другой стороны, если он примет смерть от волшебного меча, то вообще уже никогда с ним не увидится.

— Скажи, если бы я что-то тебе пообещал, что бы ты предпочел: получить обещанное немедленно или ждать десять лет?

— Если поединок состоится сейчас, ты умрешь, а через десять лет у тебя появится шанс уцелеть.

Всего месяц назад Кайлар преследовал лишь одну цель: убедить Элену, что в восемнадцать лет уже пора расстаться с девственностью. Потом убили Джарла, который вез новость о том, что Логан Джайр угодил в ловушку и сидит в темнице собственного дворца. Клятва верности, принесенная живым и мертвым, поставила перед ним две новые цели, из-за которых пришлось пожертвовать первой. Несмотря на обещание всегда быть рядом, Элену пришлось оставить и идти на выручку Логану Джайру, а также отомстить за смерть Джарла, убив кьюрского короля-бога. За это пришлось заплатить немалую цену: Кайлар потерял руку, магические узы связали его с прекрасным созданием по имени Ви Совари, которое приносит одно несчастье. В довершение ко всему он дал клятву похитить меч Гаруваши.

Сейчас Кайларом владело лишь одно желание — убедиться, что его жертвы не пропали даром, а потом загладить вину перед Эленой.

Девушка вправе наказать его за неверность. Он ясно представил, как Элена с грустью в голосе говорит: «Клятва, которую сдерживаешь, только когда это удобно, и клятвой не считается».

— Я не могу отложить поединок, — обратился он к Гаруваши. — Прости.

— Дело чести? — пожал плечами Гаруваши. — Понимаю. Значит…

— Смотрите! — воскликнул Фейр, стремительно вскакивая с места.

Кайлар повернулся и увидел в десяти шагах от себя разверзшуюся в воздухе дыру, в которой полыхало пламя. А в лесу смеялся длинноносый, лопоухий вюрдмайстер.

8

— Давай сюда мочу. Ты не такой, как все, Недомерок, — заявил Хоппер, высокий, худой седоволосый старик евнух, обучавший Дориана, то есть Недомерка.

Евнух протянул ему ночной горшок.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Недомерок.

— Два горшка с дерьмом. — Хоппер протянул еще два ночных горшка, и Недомерок разделил мочу поровну и разлил по горшкам, а потом покрутил каждый в воздухе и вылил содержимое в огромный чан, стоявший на подставке, сплетенной из ивовых прутьев. — Одна порция мочи на каждые два горшка с дерьмом. Остальная моча расходится быстро. Горшки легкие. Если обнаружишь рвоту или понос, ополосни двумя порциями мочи. Никому неохота нюхать эту дрянь целый день.

Дориан решил, что так и не дождется ответа на свой вопрос, но, опустошив все горшки в глиняные чаны, которых сегодня оказалось шесть, что означало для Недомерка еще одну дополнительную ходку, Хоппер, немного помедлив, проговорил:

— Даже и не знаю. Посмотри, как прямо ты держишь спину, когда сидишь.

Выругавшись про себя, Дориан покорно ссутулился. Опять забыл, как нужно держаться в его положении. Тридцать два года он сидел прямо, с гордо поднятой головой, как и положено сыну короля, — сейчас эта привычка может сослужить дурную службу.

Конечно, Хоппер общается с ним больше остальных, но если старый евнух заметил его прямую спину, что произойдет, когда необычная осанка раба привлечет внимание Зурги, одного из надсмотрщиков, какого-нибудь майстера или этелинга? Из-за внешности, характерной для племени фейри, все старались держаться от него подальше. На Недомерка взваливали самую тяжелую и грязную работу и регулярно били за якобы совершенные проступки. Редко выдавалась ночь, когда от побоев не ныло все тело.

— Смотри сам не обмочись. Опять кто-то нарыгал. В толк не возьму, где это девицы умудряются раздобыть вина. — Хоппер поднял по очереди обутые в сандалии ноги и пошевелил большими пальцами. Кроме них, других пальцев на ступнях не осталось. Как-то раз его застигли за весьма неблаговидным занятием. Хоппер решил обучить танцам скучающих обитательниц гарема и отделался так легко только потому, что нравился Зурге, а во время танца он не прикасался к женщинам и не заводил с ними разговора. По словам самого Хоппера, других евнухов убивали и за куда менее серьезные провинности. — Прошло двадцать два года с тех пор, как меня некстати потянуло в танцы. Все это время я выношу ночные горшки и буду коротать с ними век до самой смерти. А теперь помоги мне разделаться с пустыми горшками. Надеюсь, ты помнишь процесс?

— Одной порцией чистой воды ополаскиваем десять горшков из-под мочи или четыре из-под дерьма.

— Ишь какой сообразительный! Помоги ополоснуть первые сорок штук, а потом можешь их уносить.

Они работали в полном молчании. Дориан так и не напал на след женщины, которая станет его женой. В Цитадели имелось два не сообщающихся между собой гарема, а несколько женщин вообще содержались отдельно. Недомерка приставили к обычному гарему.

Здесь жило более сотни жен и наложниц Гэрота Урсуула. Женами считали женщин, родивших сыновей, а наложницами — тех, которые родили девочек или вообще остались бесплодными, что рассматривалось как одно и то же. Если учесть, что Гэроту Урсуулу было около шестидесяти лет, его женщины поражали молодостью. О том, какая участь постигла старших жен, никто не упоминал.

Дориан испытывал странное чувство, находясь в гареме отца. Он наблюдал за неизвестной, очень личной стороной жизни человека, который во многом способствовал формированию его характера. Подобно большинству халидорцев, король отдавал предпочтение упитанным женщинам с пышными бедрами и ягодицами. У жителей севера

пользовалась популярностью пословица: «Мужчине нужны лошади и невесты, на которых можно ездить верхом». Большинство публичных женщин были халидорками, но в гареме короля собрались девушки всех национальностей, за исключением фейри. Все они были красивы, с большими глазами и пухлыми чувственными губами, и, по словам Хоппера, король предпочитал делить с ними ложе, как только они созреют.

Жизнь в гареме имела мало общего с историями, которые рассказывают южане. Жизнь, полная роскоши и страшной скуки.

Каждый день, вынося горшки из комнат наложниц, Недомерок украдкой поглядывал на женщин. Первое, что бросалось в глаза, — они всегда были полностью одеты. Короля-бога в городе не было, и стремительно приближалась зима. Женщины знали, что их услуги в ближайшее время не потребуются, и некоторые перестали даже причесываться и переодеваться после сна. И все же они опасались общественного порицания, которое служило сдерживающей силой и не давало совсем опуститься.

— Раньше они сидели там всю зиму полуобнаженные, раскрашенные, как шлюхи, ежились от холода возле камина и дрожали, словно выброшенные на снег щенки, — рассказывал Хоппер. — Сейчас, как только мы узнаем о прибытии короля-бога, сразу подаем им сигнал. Подожди, сам увидишь, как они забегают. В жизни не встречал такой резвости. А если одну из них потребуют к его величеству и назовут по имени, все остальные бросаются к ней и окружают плотным кольцом. Клянусь кровью Хали, минут пять ее совсем не видно, а когда девушка выходит из круга, можно подумать, что перед вами предстала сама богиня. Конечно, они ненавидят друг друга, плетут интриги и сплетничают, но когда король-бог призывает одну из них, девушки всеми силами стараются помочь друг другу. Одно дело — злословить и собирать сплетни… — Хоппер опасливо оглянулся и заговорил шепотом: — И совсем другое — стать причиной того, что кто-нибудь из девушек попадет в руки этелингов.

Внутри у Дориана все сжалось. Итак, им известно о развлечениях этелингов. А как же иначе? Он помнил, как королевских отпрысков обучали сдирать кожу с дерзкой наложницы. Дориану, как первому из клана, досталось лицо. Никогда не забыть чувства гордости, которое он пережил, предъявляя наставнику Нефу Даде совсем не поврежденное лицо, на котором сохранились даже веки и ресницы. Десятилетний Дориан надел его, как маску, и пришел на ужин, где они шутили и смеялись вместе с другими отпрысками короля-бога, а Неф смотрел на них и ободряюще улыбался. Господи, спаси и помилуй! Ему доводилось совершать и более страшные вещи.

Что он делает здесь, в этом гиблом месте? Как только народ все терпит? Как можно поклоняться богине, которой страдания людей приносят наслаждение? Дориан иногда и сам начинал верить, что каждая страна имеет вождей, которых заслуживает. Как это характеризует Халидор с его насквозь прогнившим племенным строем и местными предрассудками, который держится только на страхе, испытываемом перед людьми, провозгласившими себя королями-богами? А как это характеризует самого Дориана? Это его страна, его народ и культура, которые должны были принадлежать ему по праву первородства. Ему, Дориану Урсуулу, удалось выжить, уничтожив по очереди всех соперников. Он натравливал сводных братьев друг на друга, пока не остался в одиночестве. Дориан исполнил уурдтан, священный обряд коронования, и подтвердил свое право называться королевским сыном и наследником. Все вокруг могло принадлежать ему, но Дориан ни секунды не жалел о потере.

Дориан любил в Халидоре многое: музыку, танцы, гостеприимство бедноты, мужчин, которые от души смеются и плачут, не скрывая чувств, и причитающих женщин, когда они оплакивают покойников. В таких случаях южане хранят молчание, как будто им все безразлично. Он любил картины, изображающие животных, татуировки, которые живущие на равнинах племена наносят синей краской из дикой вайды, и холодных, голубоглазых девушек с молочно-белой кожей и неистовым темпераментом. Дориану многое нравилось в соплеменниках, однако порой ему казалось, что мир станет гораздо лучше, если их всех поглотит морская пучина.

Сколько первенцев, надрывающихся от плача, оставили у погребального костра Хали голубоглазые женщины, принося новорожденных сыновей в жертву, чтобы домашний скот не болел и давал приплод? Сколько чувствительных мужчин в надежде собрать богатый урожай сажали своих престарелых отцов в гробы, сплетенные из ивовых прутьев, и смотрели, как они тонут в болоте? Совершая убийство, они рыдают, но продолжают убивать и дальше. Когда умирает мужчина, закон чести требует, чтобы его жена, если ее не захочет взять глава клана, взошла на погребальный костер супруга. Дориан стал свидетелем, как четырнадцатилетняя девочка не выдержала; в решающий момент мужество ей изменило. Она была замужем меньше месяца за стариком, которого никогда не видела до свадьбы. Отец избил ее до крови и сам швырнул в костер, проклиная за позор, который дочь навлекла на его голову.

— Эй, — окликнул его Хоппер, — ты начал думать! Перестань. Здесь это не нужно. Работай больше и ни о чем не думай. Понял? — Недомерок послушно кивнул. — Тогда давай привяжем тебе эту штуку на спину, и берись за дело.

Вместе они принялись прилаживать сплетенную из ивовых прутьев корзину Недомерку на спину. К корзине были приделаны ремни, которые перекидывались через плечи и закреплялись вокруг бедер, чтобы они выдержали немалую тяжесть заполненного нечистотами глиняного чана. Хоппер пообещал подготовить еще один чан, когда Недомерок вернется после первой ходки.

Он медленно тащился по холодным и темным базальтовым коридорам, которые освещались всего несколькими факелами, чтобы рабы не столкнулись друг с другом.

— Мне надоело колотить беззубых рабов, — послышался впереди чей-то голос. Группа людей стояла на пересечении двух коридоров. — Я слышал, в Тигриную башню привезли новую девушку. Говорят, она — красавица.

— Тави, ты же знаешь, башню запрещено так называть! — ответил другой голос.

Бертольд Урсуул, прадед Дориана, совсем рехнулся, решив, что вознесется на небеса, если построит высоченную башню и украсит ее исключительно шкурами гаранских саблезубых тигров. Безумное желание отца не вызвало восторга у Гэрота Урсуула, и он приказал называть это сооружение Бертольдовой башней, и никак иначе.

Дориан остановился. На перекрестке горел факел, и проскользнуть незамеченным или повернуть назад было невозможно. Этелинги, которых Дориан сразу же узнал, так как никто больше не мог позволить себе такой надменный тон, шли прямо на него. Избежать встречи с королевскими отпрысками не представлялось возможным.

И тут Дориана осенило: ведь окружающие видят в нем всего лишь раба-евнуха. Вобрав голову в плечи, он стал молиться, чтобы этелинги прошли мимо. Хорошо бы превратиться в невидимку!

— Говорю все, что пожелаю, — огрызнулся Тави, подходя к перекрестку одновременно с Недоноском.

Раб остановился и отступил в сторону, стараясь не поднимать глаз. Тави представлял собой классический образец этелинга: красивый, несмотря на хищный ястребиный нос, лощеный и роскошно одетый. Мальчишке не больше пятнадцати лет, а он уже привык повелевать и живет в предвкушении огромной власти, которую намерен получить. Это чувство окутывает юнца подобно смрадному облаку. Недомерок с первого взгляда оценил его по достоинству. Именно Тави станет первым в клане, и именно его Дориан постарался бы уничтожить раньше остальных. Однако излишняя самонадеянность может сыграть с Тави злую шутку. Он слишком дерзок и обожает хвастаться. Такому не уцелеть, когда начнется уурдтан, во время которого прореживаются ряды этелингов.

— И буду спать с тем, с кем захочу! — заявил Тави и остановился, оглядываясь по сторонам.

Похоже, этелинги заблудились. Недомерок в страхе застыл на месте. Свернуть было некуда, и встреча с королевскими отпрысками становилась неизбежной.

— Кроме того, гаремы тщательно охраняются, — продолжил свою мысль Тави, — а

башню сторожат два урода, которые стоят внизу, да глухонемой евнух, приставленный к девушке.

— Он убьет тебя, — откликнулся второй этелинг, которому очень не нравилось вести подобные разговоры в присутствии раба.

— А кто ему скажет? Девушка? Тогда придется убить и ее! Черт побери, где мы?! Бродим здесь уже минут десять, и все коридоры выглядят абсолютно одинаково.

— Я же говорил, что надо идти другим путем, — заметил второй этелинг.

— Заткнись, Ривик! Эй, ты! — обратился Тави к Недомерку, который исправно вздрогнул, как и положено рабу. — Во имя Хали, как же от тебя воняет! Как пройти на кухню?

Недомерок неохотно показал на коридор, откуда появились этелинги.

Ривик злорадно засмеялся.

— Далеко? — спросил Тави.

Раб по имени Недомерок нашелся бы что ответить, но Дориан не сдержался и сказал:

— В десяти минутах ходьбы.

Ривик захохотал еще громче. Тави наотмашь ударил Недомерка.

— Как тебя звать, недомерок?

— Милорд, ничтожный раб так и зовется Недомерком.

— Ух ты! — взревел Ривик. — Нам попался живой раб!

— Ему недолго таким оставаться, — заверил Тави.

— Если вздумаешь его убить, я все расскажу, — предупредил Ривик.

— Расскажешь? — недоверчиво переспросил Тави, и его лицо исказила презрительная гримаса, по которой Дориан понял, что дни Ривика в качестве закадычного друга сочтены.

— Он меня рассмешил, — сказал Ривик. — Пойдем, мы и так опоздали на урок. Ты же знаешь, что Дрэф не упустит случая обратить это против нас.

— Хорошо, подожди секунду.

На коже Тави ожил и заиграл вир, и он начал нараспев говорить заклинания.

— Тави! — предостерег Ривик.

— Не бойся, я не собираюсь его убивать.

Облако магии образовалось в нескольких дюймах от груди Недомерка. В следующее мгновение он почувствовал удар, который отбросил его к стене, словно тряпичную куклу. Ивовые прутья не выдержали, и глиняный чан рухнул на пол, разлетевшись на куски и окатив раба и стену потоком человеческих нечистот.

— Нужно не забыть эту шутку, когда снова станет скучно! — хохотал Ривик. — Клянусь грудью Хали, как же здесь воняет! Представляешь, если разбить такой вот чан в комнате у Дрэфа?

Этелинги двинулись дальше, а Недомерок остался лежать на полу, ловя ртом воздух и вытирая с лица зловонную жижу. Прошло минут пять, и вдруг он стремительно вскочил на ноги. Из-за страха, а вернее, попытки его изобразить он упустил самое важное. Новой наложницей могла быть только одна женщина. Его будущая жена находится в Бертольдовой башне, и ей грозит смертельная опасность.

9

Пит-Вирм, порожденный бездной гад, прорвался сквозь разверзнувшуюся в воздухе яму в реальный мир и двинулся прямо на Кайлара. Похожее на гигантскую трубу тело имело не менее десяти футов в ширину. Черная шкура потрескивала, а из щелей между кольцами вырывалось пламя. Огромное туловище рывками двигалось вперед, безглазая морда время от времени открывалась, изрыгая наружу конусообразный рот. Слышался лязг концентрических колец, из которых состоял рот гигантского змея, и Кайлар стал проворно перепрыгивать с места на место. Каждое кольцо окружал ряд огромных зубов толщиной с человеческую руку, и, когда одно из колец зацепилось за дерево, зубы вонзились в ствол. Вынырнувший из

преисподней гад рванулся вперед, кольца по очереди вгрызались в дерево, и при каждом ударе наружу вываливался уродливый, как у миноги, рот. Прежде чем Кайлар успел встать на ноги, от дерева отвалился огромный кусок длиной в десять футов.

Неожиданно змей снова ринулся вперед. Казалось, он не предпринимает для этого никаких усилий и не готовится к броску, как делают обычные змеи. Напротив, создавалось впечатление, что гад является лишь головой или рукой какого-то другого существа, гораздо большего по размеру, которое притаилось по ту сторону бездны. Чудовище снова двинулось по направлению к Кайлару.

Кайлар успел подпрыгнуть высоко вверх, когда подрубленное гадом дерево рухнуло на землю, выбрасывая столб пыли в предрассветные сумерки. Он схватился за дерево, пытаясь зацепиться за ствол. Благодаря подаренным ка'кари когтям ему удалось вцепиться в дерево и, оттолкнувшись, перепрыгнуть на спину змея. В воздухе сверкнул занесенный меч, но в следующий момент клинок отскочил от покрытой броней шкуры.

Краем глаза Кайлар заметил что-то белое. Он упал на мягкую лесную подстилку и рассмотрел существо, крошечного белого карлика с крылышками. А еще он увидел ухмыляющуюся физиономию носатого, лопоухого вюрдмайстера. В следующее мгновение коготки карлика-гомункулуса оцарапали Кайлару лицо.

Он поднял руку, защищаясь, и коготки плавно погрузились в меч.

Вырвавшееся из преисподней чудовище снова пошло в наступление, не обращая внимания на Фейра, который наносил ему удар за ударом в бок. Меч, словно молния, мелькал в тумане, не причиняя твари ни малейшего вреда. Чудовище не думало останавливаться и продолжало стремительно продвигаться вперед. Порождение бездны нельзя было ни остановить, ни отвлечь от намеченной жертвы.

Теперь стало ясно, что гад охотится не за Кайларом, а преследует карлика-гомункулуса.

Бросив меч, Кайлар сделал сальто в воздухе и опустился сбоку на дерево, в тридцати футах от земли. Выросшие на руке и ногах когти впились в ствол. Тварь с разбегу наткнулась на меч Кайлара, который остался лежать на земле. Огромные конусообразные зубья сомкнулись на тельце карлика, врезаясь в землю. Зубастые кольца продвигались вперед, пожирая белое существо и все, что находилось вокруг. Завершив свое дело, тварь стала пятиться назад, поднимая в воздух столбы грязи, вырванных из земли кореньев и сухих листьев. Гадина была удовлетворена и теперь собиралась вернуться в преисподнюю, откуда ее вызвали.

Вдруг по гигантскому туловищу пробежала дрожь.

Фейр продолжал наносить бесполезные удары и почему-то не решался применить магию. Маг-великан замахнулся и снова изо всей силы ударил тварь, но желаемого результата не достиг.

В этот момент Кайлар обнаружил истинную причину, заставившую гада дрожать и корчиться. Лантано Гаруваши с остервенением рубил огромное туловище мечом и уже почти добрался до середины. Нет, он не просто рубил. После каждого взмаха Кьюр'келестоса от тела гадины отлетали в стороны дымящиеся куски плоти. По лицу доблестного са'кьюрая Кайлар понял, что тот охвачен жаждой битвы, ведь в искусстве владения мечом Гаруваши не имеет себе равных, и ничто не может сравниться с его непобедимым клинком. И вот теперь он сражается с чудовищем из легенды и переживает свой звездный час.

Меч Гаруваши с молниеносной скоростью мелькал в воздухе. Никому не под силу достичь такого же мастерства. Вот он уже разрубил гада пополам. Огромный кусок в тридцать футов с тяжелым стуком грохнулся на лесную подстилку, судорожно дернулся и рассыпался на студенистые красные и черные сгустки, которые стали на глазах растворяться, превращаясь в зловонный зеленый дым. Вскоре от огромного куска не осталось никаких следов. Оставшийся обрубок извивался и корчился на земле, но крови не было видно. Гаруваши быстро разрубил его на шесть кусков, которые неведомая сила тут же увлекла назад, в дыру, соединяющую мир живых с бездной.

Кайлар проворно спрыгнул с дерева, приземлившись в десяти шагах от Гаруваши.

Са'кьюраю никогда прежде не доводилось встречаться с порождением бездны, и он не знал, что такие твари не появляются сами по себе и их кто-то непременно должен вызвать. На какой-то момент осторожность ему изменила, и са'кьюрай утратил бдительность.

Носатый вюрдмайстер опередил Кайлара и приступил к решительным действиям. Выйдя из-за дерева, он выпустил в воздух зеленый пульсар. Гаруваши взметнул вверх Кьюр'келестос, но он не мог предвидеть, что произойдет, когда меч соприкоснется с магией.

Кьюр'келестос столкнулся с виром, последовал страшной силы глухой удар, и со всех лиственниц осыпались золотистые иголки. Утренний туман превратился в шар, напоминая мыльный пузырь, мох на стволах деревьев задымился и съежился. Мощная ударная волна сбила с ног Фейра, Гаруваши и самого вюрдмайстера.

Только Кайлар остался стоять на ногах. Магия ка'кари, которая покрывала все тело как вторая кожа, защитила его от страшного удара. Мужчин разбросало в разные стороны, но Кьюр'келестос, перевернувшись в воздухе, вонзился в землю и остался в центре разыгравшейся бури.

Кайлар стремительным движением схватил волшебный меч. Вюрдмайстер все еще лежал на земле и даже не пытался подняться, накапливая магическую силу. По рукам чародея, извиваясь причудливым рисунком, медленно бродил вир, и по его движениям Кайлар, к своему удивлению, понял, что магия вот-вот выплеснется огромной огненной вспышкой, пятнадцать футов в высоту и три фута в ширину.

Вюрдмайстер не успел выпустить пламя на волю, так как в этот раз Кайлар опередил его, пронзив насквозь клинком.

Холодные голубые глаза вюрдмайстера расширились от боли и ужаса, когда распространившиеся по всему телу черные шипы вира начали наполняться белым светом. Свет взрывами прорывался сквозь кожу, а тело вюрдмайстера судорожно дергалось и вздрагивало, а потом вдруг обмякло и перестало подавать признаки жизни. Вир исчез, не оставив следов, и кожа покойника приобрела матовый мучнистый оттенок, характерный для жителей севера. Даже воздух стал прозрачным и чистым.

Где-то вдали, на северо-востоке, в лагере лэ'нотов затрубили сбор. Звуки трубы доносились из леса Темного Охотника.

— Поганые придурки, — пробормотал Кайлар.

Значит, он и правда заманил лэ'нотов в лес, но пока сам не верил, что затея удалась. Он перевел взгляд на Кьюрох.

«Я должен это совершить ради короля».

«Ты ведь не собираешься его вышвырнуть?» — забеспокоился ка'кари.

«Я дал слово».

«У тебя есть талант и уйма времени, чтобы стать хозяином этого меча».

«Я не могу появиться на людях с черной железной рукой». «Надень перчатки».

— Надо немедленно уходить, — предупредил Фейр Коузат. — Когда используют магию так близко от леса, она служит призывом для Темного Охотника. В гриву лошади, на которой приехал вюрдмайстер, было вплетено заклинание. Я отогнал его прочь, но, боюсь, слишком поздно.

Так вот почему Фейр не призвал магию во время сражения с гадом. Очень мудро с его стороны.

— Ты забрал мой меч! — с негодованием воскликнул Лантано Гаруваши.

Кайлар поначалу не понял его возмущения. Потом вспомнил, что душа каждого са'кьюрая живет в его мече. Кьюрцы свято верят в это предание и считают, что нет ничего более омерзительного, чем похитить душу другого человека.

— А разве ты сам не отнял его у другого воина? — спросил Кайлар.

— Этот клинок мне дали боги, — ответил Лантано Гаруваши. Са'кьюрай дрожал от гнева и отвращения, но глаза его переполняло отчаяние. — Твой поступок бесчестный.

— Да, — согласился Кайлар, — как и я сам.

Вдруг по лесу пронесся жуткий заунывный вой. Ничего подобного Кайлар в жизни не

слышал. Голос звучал скорбно и не походил на человеческий.

— Мы опоздали, — сдавленным голосом прошептал Фейр. — Охотник идет сюда.

Волк советовал Кайлару не подходить к лесу Темного Охотника ближе чем на сорок шагов, но он решил увеличить это расстояние до пятидесяти. Кайлар всматривался в промежутки между ничем не примечательными редкими деревцами, за которыми начинались владения Темного Охотника и причудливой стеной возвышались гигантские секвойи. В этот момент он чувствовал себя крошечной песчинкой, затянутой в водоворот событий, понять которые не дано. Послышался свист — что-то неизвестное стремительно двигалось по направлению к ним. Схватив рукоять Кьюроха, Кайлар размахнулся и, собрав все силы, метнул меч в лес. Кьюрох взлетел в воздух подобно выпущенной из лука стреле. Пролетая над лесом, он засверкал, словно звезда, падающая с небес на землю.

Весь лес засиял золотым светом, и свист прекратился.

10

Трое мужчин, выстроившись в ряд, всматривались в заколдованный лес. Фейру казалось, что творившиеся чудеса до смерти перепугали лишь его одного. Кайлар отвлек Охотника, зашвырнув священный меч Кьюрох в лес, но он в любую минуту может вернуться.

Кайлар, поджав ноги, уселся на покрытую листьями землю. Черная кожа исчезла, и он остался в одном нижнем белье. Юноша внимательно изучал обрубок, на месте которого совсем недавно была металлическая рука, и, казалось, не замечал, как одетый в осеннее золото лес стал кроваво-красным, а потом вдруг посветлел и зазеленел.

Лантано Гаруваши с недоверием взирал на происходящее, однако все его мысли были заняты исчезновением меча. Человек, считавший себя равным королям, вдруг утратил меч, а вместе с ним и душу, в мгновение ока превратившись в изгоя, которого отвергнут соплеменники. Поползут слухи и домыслы, которые безжалостно обратят в пыль все будущее некогда непобедимого воина.

В течение последней недели Фейр заметил, что на людях этот человек ведет себя так, будто Кьюр'келестос вложила в его руку сама судьба. Однако, оставаясь наедине с собой, он превращался в молодого са'кьюрая из захудалого рода с обычным железным мечом. В душе он прекрасно понимал, что никакое воинское искусство не сделает его равным среди тех, кто по рождению получает право на самые блистательные клинки в мире. Кьюр'келестос круто изменил судьбу воина, который уже примирился с суровой действительностью. И вот новый удар: жизнь поставила его перед лицом еще более тяжкого испытания.

Фейру хотелось знать, сколько времени потребуется Гаруваши, чтобы решиться на самоубийство. Лантано Гаруваши не относится к числу людей, с легкостью расстающихся с жизнью. Слишком сильна его вера в собственные силы. Однако страшный позор непосильным грузом обрушился на плечи, и пережить его нельзя.

Странно, эта мысль оставила Фейра равнодушным. С какой стати оплакивать смерть Гаруваши, если она поможет Сенарии избежать очередного страшного нашествия, а сам он избавится от необходимости служить этому жестокому и неуправляемому человеку? И все же Фейр не желал Гаруваши смерти, потому что уважал доблестного воина.

Вспышка магии была такой внезапной и мощной, что глаза Фейра застелила белая пелена. Она длилась всего мгновение.

Утирая навернувшиеся слезы, Фейр взглянул на Кайлара, который судорожно ловил ртом воздух. На первый взгляд юноша нисколько не изменился и по-прежнему сидел полуголый, устремив пристальный взгляд на лес. Но вот он медленно поднялся и вытянул перед собой руки.

— Так гораздо лучше, — с усмешкой заявил он.

У Кайлара снова было две руки. Он встряхнулся всем телом, которое опять облачилось в черный покров, однако на сей раз с лица исчезла мрачная маска судьи, явившегося

свершить возмездие. В руке Кайлар держал тонкий изящный клинок черного цвета.

Лантано Гаруваши упал на колени, обращаясь к Фейру:

— Помнишь, ты говорил мне: «Перед тобой открывается путь. Разгроми Халидор и стань великим королем». А мной руководило завладевшее сердцем страстное желание показать изнеженной знати, засевшей в Эну, чего стоят их жалкие насмешки. Хотел доказать всем, что я стану королем Кьюры. И вот, я не победил Халидор и потерял Кьюр'келестос. Итак, Лантано Гаруваши заслуживает смерти за предательство. Ночной ангел, — обратился он к Кайлару, — стань моим помощником.

На лице Кайлара отразилось смущение, потом он понял, чего хочет воин. После того как Гаруваши рассечет поперек живот коротким мечом, помощник должен отрубить ему голову и завершить обряд добровольного ухода из жизни. Такая страшная просьба является большой честью, и Фейр не мог побороть чувства внезапно нахлынувшей обиды.

— Фейр, нефилим, вестник богов, которыми я пренебрег, тебя я прошу оказать другую услугу. Иди и расскажи мою историю всем воинам, а также родным и близким.

По спине Фейра пробежал холодок. Значит, все, до самого захудалого са'кьюрая, узнают, где принял смерть Лантано Гаруваши, а также им станет известно, что Кьюр'келестос заброшен в лес Темного Охотника. И не важно, как сам Фейр изложит эту историю. Ее станут пересказывать, добавляя новые подробности, до тех пор, пока жители Кьюры не получат красивую легенду, в которую захотят поверить. Она навеки свяжет между собой имя непобедимого воина и самого гиблого места на свете. Каждый юный са'кьюрай, достигнувший шестнадцатилетнего возраста и возомнивший себя непобедимым, а таких безумцев окажется большинство, бросится в лес Темного Охотника в надежде вернуть Кьюр'келестос и воскресить Лантано Гаруваши.

Это грозит смертью нескольким поколениям молодых воинов.

Кайлар изменился в лице. По нему пробежала дрожь, а из глаз покатились черные слезы. Потом на лицо вернулась маска судьи, выносящего приговор. В глазах Кайлара зажглось синее пламя. Наклонив голову набок, он внимательно изучал Лантано Гаруваши. Выражение лица воина привело Фейра в ужас. Остатки детской непосредственности, которые он видел в молодом человеке, встретившемся на его пути полгода назад, бесследно исчезли, и Фейр не мог понять, что пришло им на смену.

— Нет, — объявил свое решение ночной ангел. — Ты не запятнал себя позором и не заслуживаешь смерти. Ты обретешь новые клинки, Лантано Гаруваши. Через пять лет я буду ждать тебя на рассвете самого долгого дня в середине лета, в тронном зале Эну. Мы покажем миру поединок, равного которому никому не доводилось видеть. Клянусь, так и будет!

Ночной ангел прижал клинок к спине, и тот растворился, впитавшись в кожу. Поклонившись Гаруваши, а затем и Фейру, он исчез.

— Нет, ты не понимаешь, — снова заговорил Гаруваши, не поднимаясь с коленей, но ночного ангела уже не было видно. Гаруваши устремил исполненный отчаяния взгляд на Фейра. — Ты не откажешься стать моим помощником?

— Откажусь! — решительно ответил Фейр.

— Хорошо же, неверный слуга, обойдусь и без твоей помощи!

Гаруваши выхватил из ножен короткий меч, но впервые за время знакомства Фейр опередил са'кьюрая и успел выбить из рук Гаруваши клинок, подбросив его вверх своим мечом.

— Дай мне несколько часов, — обратился Фейр к Гаруваши. — Охотника удалось отвлечь. Если у паука в паутине барахтается пять тысяч мух, присутствия еще одной он может и не заметить.

— Что ты собираешься делать? — спросил са'кьюрай.

«Я собираюсь спасти тебя и весь твой проклятый, упрямый, заносчивый и такой прекрасный народ. Вполне возможно, что ваше спасение мне, старому дураку, будет стоить жизни».

— Я хочу вернуть твой меч, — сказал Фейр вслух и пошел по направлению к лесу.

11

Пронзительный душераздирающий вопль пробудил Ви Совари от сна, в котором она видела Кайлара, сражающегося с богами и чудовищами. Она быстро села, не обращая внимания на боль в спине, вызванную еще одним ночлегом на каменистой земле. Крик доносился издалека, за много миль от места, где находилась Ви. Его нельзя было расслышать за стеной гигантских секвой и леденящей пеленой утреннего тумана, но вопль повторился — дикий, безумный вой. Он с невероятной скоростью разлетался в стороны от середины леса Темного Охотника, звуча то выше, то ниже.

Только спустя некоторое время сережка из митрила с золотом подсказала Ви, где находится Кайлар. Она привязала к себе Кайлара, когда тот лежал без сознания, брошенный на милость короля-бога. Поступок Ви спас Сенарию и жизнь Кайлара, и теперь они чувствуют друг друга. Сейчас Кайлар находится в двух милях отсюда и держит в руке предмет, заключающий в себе невероятную силу. Ви чувствовала, что Кайлар готовится принять какое-то решение. Потом неведомая сила исчезла, и его охватило чудесное чувство, которое испытывает человек, одержавший победу.

Вдруг что-то произошло, и Ви показалось, что солнце восходит на юге. Она стояла на дрожащих коленях, а там, далеко, за сотни шагов от этого места, среди гигантских секвой в лесу Темного Охотника воздух вдруг засиял золотом, излучающим магию. Ви показалось, будто вечерняя заря в разгар лета запечатлела на ее коже волшебный поцелуй.

Потом золото приобрело красноватый оттенок. Каждая пылинка, кружащаяся в воздухе, каждая капелька воды в облаках тумана зажглась огнем осеннего великолепия.

Когда Ви была пятнадцатилетней девочкой, Хью Висельник взял ее с собой надело в одно из поместий. Приговоренный к смерти был незаконным сыном какого-то знатного вельможи. Он стал преуспевающим торговцем специями и решил не платить дань Са'каге, покровителям из преступного мира. На территории поместья росло множество кленов. В то осеннее утро Ви Совари шла по сияющему золотом миру, и под ногами шелестел ковер из багряно-золотистых листьев. Даже воздух был залит этим фантастическим буйством красок.

Уже стоя над трупом, она мысленно унеслась в край, где багрянец осенних листьев не запятнан бьющей фонтаном кровью из перерезанной артерии. Хью Висельник, конечно же, ее отлупил, и Ви умом приняла побои как должное и согласилась с тем, что заслуживает наказания. Рассеянный и мечтательный наемный убийца сам может считать себя покойником. Для профессионального убийцы такого понятия, как красота, не существует.

Дикий вой, от которого кровь застыла в жилах, снова прорвался сквозь лесные заросли. Он разносился со стремительной скоростью, становясь то выше, то ниже по тону, как будто за пару секунд успевал несколько раз слетать туда и обратно. И куда бы ни прилетал этот дикий звук, за ним следовал тихий металлический скрежет. Потом закричат какой-то мужчина, и его крик слился с воплем многоголосой толпы.

В лесу Темного Охотника шел бой. Нет, не бой, там началась настоящая резня.

Весь лес вибрировал магической силой. Пылающий красный цвет поблек и стал желто-зеленым, а потом желтый оттенок вытеснила жизнеутверждающая яркая зелень с ароматом свежей травы и цветов.

— Кайлар дал лесу новую жизнь, — проговорила Ви.

Она сама не понимала, как узнала об этом, но не сомневалась, что Кайлар вдохнул в лес нечто неведомое, и оно возродило весь лес. Кайлар чувствовал прилив энергии, которого он не испытывал с той недели, когда их с Ви связали неразрывные узы.

Ви вдруг почувствовала, что кто-то стоит за спиной. Рука инстинктивно метнулась к висевшему на поясе кинжалу. Потом кто-то набросился сзади, и уже в следующее мгновение Ви лежала на спине. Из легких со свистом вырвался воздух, и на то место, где несколько секунд назад стояла Ви, с треском и шипением прорвался синий шар, представляющий собой огромный сгусток энергии.

Ви беспомощно хватала ртом воздух, пытаясь восстановить дыхание. Прошло несколько безумных секунд, прежде чем ей удалось сесть.

Ви увидела закутанного в темно-коричневую кожу мужчину; его нога стояла на лице покойника, из глаза которого торчал кинжал. На мертвеце были одежды халидорского вюрдмайстера, а под кожей все еще бродил похожий на татуировку черный вир. Мужчина, спасший Ви, выдернул из мертвого тела кинжал и тщательно его вытер. Он передвигался совершенно бесшумно. Необычное одеяние незнакомца состояло из многочисленных плащей, жилетов, рубашек с множеством карманов и мешочков всех размеров. Вся одежда была сшита из выделанной лошадиной кожи насыщенного коричневого цвета и от долгой носки сделалась совсем мягкой. Сзади, за поясом, Ви рассмотрела два изогнутых гуркских ножа, а за спиной висел короткий ненатянутый лук, украшенный резьбой. Кроме того, одежда мужчины скрывала множество клинков, от которых были видны только эфесы. Незнакомец развязал шнурки на маске, которая скрывала все лицо, не считая прорезей для глаз, и откинул ее назад, за плечи. Ви увидела приветливое широкоскулое лицо с миндалевидными карими глазами и приплюснутым носом. Итак, ее спасителем оказался иммурский сталкер. Их ни с кем не спутаешь.

Из всех рыцарей Иммура сталкеры пользуются репутацией величайших охотников. Говорят, в лесах и заросших травой восточных степях, где находится страна Иммур, они превращаются в невидимок. Они стреляют в свою жертву только на бегу или на лету. А еще все иммурские сталкеры наделены *талантом.* Иными словами, их можно назвать степными мокрушниками, но убивают они не ради денег, а из соображений чести.

«Черт меня возьми, если эти истории не являются более правдивыми, чем те, что рассказывают о нас», — подумала Ви.

Сталкер сложил руки за спиной и отвесил девушке поклон.

— Меня зовут Девирамин ко Брамазиваказари, — представился сталкер, и Ви уловила в его голосе странную модуляцию, характерную для людей, родным для которых является один из тоновых языков. — Звучит необычно? Можешь называть меня просто Дэви. — Он улыбнулся. — А тебя зовут Ви?

Ви кивнула, стараясь проглотить застрявший в горле комок. Этот человек незаметно подкрался, сбил ее с ног и швырнул на землю, как пушинку. Он убийца, но ведет себя дружелюбно и улыбается. Это пугает ничуть не меньше, чем смертоносный синий шар, пролетевший всего в нескольких дюймах от лица.

— Пойдем, — обратился к ней Дэви. — Здесь оставаться опасно. Я тебя провожу.

— О чем ты говоришь? — не поняла Ви.

— Магия… Призыв… Лесные демоны.

Дэви сосредоточенно наморщил нос. Ви поняла, что сталкер имеет в виду, но не знала, какое нужное слово он хочет найти.

— Зов! — наконец нашелся сталкер. — И этот зов означает смерть.

— С помощью магии кто-то вызвал Охотника, — медленно проговорила Ви, складывая слова сталкера в предложение.

Вюрдмайстер использовал магию, а Ви обладает *талантом.* Значит, Охотник может появиться здесь в любую минуту.

— Мне трудно понять твои слова. У них слишком много значений, — нахмурился сталкер.

— Куда ты меня поведешь? — поинтересовалась Ви, а про себя подумала, что выбора у нее фактически не остается.

Сковавшее тело напряжение прошло, и пальцы скользнули вверх, как будто девушка хотела стряхнуть приставшую к брюкам грязь. На самом деле она хотела удостовериться, что кинжалы находятся в положенном месте, но они куда-то исчезли.

Сталкер спокойно следил за ее действиями. Нет, Ви проверила все как следует. Кинжалов не было.

— Мы пойдем в Часовню, — ответил на ее вопрос сталкер.

Дэви повернулся к Ви спиной и, став на колени перед трупом, принялся что-то тихо бормотать на незнакомом языке. Затем трижды плюнул на покойника и произнес проклятия, не прибегая к грязным ругательствам, которыми пользовалась сама Ви. Он просто посоветовал душе вюрдмайстера посетить иммурскую преисподнюю.

— Пойдешь со мной? — спросил Дэви, протягивая девушке кинжалы.

— Да, — откликнулась Ви и с опаской взяла свое имущество. — Пойдем.

— Тогда в путь. Демон вышел на охоту. Медлить нельзя.

12

Еще в те времена, когда Дориан учился на Хот'салара, Целителя, он изобрел короткое заклинание, которое убивает жизнь, обитающую в желудке, и помогает имитировать симптомы инфлюэнцы. Удивительные последствия проявляются через день-два. Несколько раз Дориан использовал свое умение в далеких от науки целях, что несказанно позабавило Солона и Фейра. И вот сейчас эпидемия «инфлюэнцы» обрушилась на евнухов, в результате чего на Недомерка взвалили множество дополнительных обязанностей, с которыми он был не знаком, и ему приходилось трудиться день и ночь не покладая рук. Во избежание каких-либо подозрений Недомерок предусмотрительно позаботился о том, чтобы переболеть первым.

Сегодня слегли два евнуха, пользующихся самым большим доверием. И вот Недомерок уже поднимается по лестнице, ведущей в Тигриную башню, неотапливаемое уродливое сооружение из базальта, которое, кажется, вот-вот рухнет, стоит ветру подуть чуть сильнее. Он проходил мимо тысяч огромных сумчатых кошек, похожих на волков, с непомерно огромными животами, клыками, напоминавшими острые сабли, и покрытым оранжево-черными полосами туловищем. Куда ни посмотри, непременно встретишься взглядом с саблезубым тигром. Повсюду висели гобелены, гравюры и картины, на которых тигры пожирали детей, стояли статуэтки, изображавшие этих же тварей, и древние, пропитавшиеся пылью и грязью чучела в ожерельях из тигриных зубов. Вся обстановка представляла собой чудовищную мешанину, ни о каком едином стиле не шло и речи. Для Бертольда Урсуула любой предмет представлял интерес, только если на нем, в том или ином виде, был изображен саблезубый тигр.

Поднявшись на вершину башни, Дориан совсем выдохся и продрог от холода. Мнимый евнух сильно переживал, что еда, которую он нес, совсем остыла. А еще он с трепетом ждал встречи с заключенной в башню пленницей. Если она, как некоторые жены и наложницы, наделена *талантом,* то почувствует исходящую от него магическую силу. Любая женщина, обнаружившая изменника, немедленно его выдавала.

С замиранием сердца Дориан постучал в дверь, а когда она открылась, он едва не задохнулся от волнения.

Он увидел девушку с огромными черными глазами и длинными темными волосами. Она была изящна, и красоту фигуры не скрывала даже бесформенная одежда. На юном лице отсутствовали какие-либо следы косметики. Украшений девушка тоже не носила. Красавица улыбнулась, и сердце Дориана на мгновение остановилось. Они никогда не встречались, но он узнал эту улыбку. Он уже видел ямочку на левой щеке, чуть больше той, что украшает правую щеку. Да, это она.

— Моя госпожа, — обратился к ней Дориан.

Девушка снова улыбнулась. Хрупкая женщина с добрыми грустными глазами. Какая же она юная!

— Ты разговариваешь, — удивилась она. Голос девушки был легким, чистым и звучным. Таким голосом только петь прекрасные баллады. — Раньше ко мне присылали только глухонемых евнухов. Как тебя звать?

— Разговор с вами означает для меня смерть. И все же скажите, вы их боитесь? — спросил Недомерок.

Назвав свое настоящее имя, он сделает решительный шаг, и пути назад уже не будет. Но как же хочется бросить это имя к ее ногам и отдаться на милость любимой женщины, стать зависимым от ее прихоти. Нет, это полное безумие, такое же, как в тот раз, когда ему удалось выпутаться, отказавшись от пророческого дара.

Дженин молчала, покусывая губу. А губы у нее были пухлые и, несмотря на стоявший в башне холод, розовые и свежие. Дориан (так как раб Недомерок не посмел бы дать волю фантазии) не устоял перед искушением и представил, как целует эти нежные, чувственные губы. Он заморгал, отгоняя наваждение, и поразился, что девушка задумалась над его вопросом. В Халидоре страх считается проявлением мудрости и осмотрительности.

— Здесь мне всегда страшно, — наконец ответила она. — Я тебя не выдам, но что, если меня станут пытать? — Дженин нахмурилась. — Да, я могу предложить совсем немного. Обещаю оправдать твое доверие и держаться из последних сил. Ах, какая убогая, нищенская клятва! Впрочем, у меня ведь отняли все богатства.

Ее лицо снова осветила очаровательная грустная улыбка.

Как же Дориан ее любит! Не иначе Господь, спасший ему жизнь, проявляет милосердие. Разве может все случиться так быстро? Дориан никогда не верил в любовь с первого взгляда, называя внезапно вспыхнувшее чувство страстью и вожделением. Вот и сейчас, глядя на Дженин, он испытывал к ней и то и другое. Но к безумной страсти примешивалось и другое удивительное чувство, как при встрече с давнишним другом. Его друг Антониус утверждал, что подобные вещи происходят, когда встречаются люди, которые были знакомы во время одной из прошлых жизней. Сам Дориан в это не верил. Возможно, Дженин приходила к нему в видениях. В Ревущих Ветрах он неделями пребывал в трансе, и, хотя являвшиеся ему образы стерлись из памяти, Дориан знал, что в своих видениях провел много времени вместе с этой женщиной. Возможно, они были предвестниками любви. А Дориан не сомневался, что встретил настоящую любовь, женщину, которой без колебаний отдаст тело, ум и душу, все свое будущее, все надежды и чаяния. Он женится только на Дженин, и ни на какой другой женщине. И она родит ему сына. Или он вовсе не появится на свет.

Значит, его настигла любовь… или безумие, которого Дориан так долго боялся.

— Здесь меня называют Недомерком, — сказал он. — На самом деле я — Дориан Урсуул, первый законный сын и наследник Гэрота Урсуула, но меня давно вычеркнули из Цитадели за предательство короля-бога и его принципов.

— Не понимаю, — растерялась девушка, слегка наморщив лоб. В своих видениях Дориан видел эту морщинку, когда она горестной линией пролегла поперек лба. Он с трудом сдержал желание протянуть руку и стереть морщинку с чела любимой. Это было бы недопустимой фамильярностью с его стороны. Господи, а он-то думал, что забыл о смущении, расставшись с даром провидца! — Почему же ты здесь?

— Я пришел за тобой, Джени.

— Можешь называть меня «ваше высочество». — Лицо девушки сделалось жестким. — Или, поскольку ты подвергаешь себя страшному риску, называй меня Дженин.

— Да, разумеется, ваше высочество.

У Дориана закружилась голова. Вот он, принц крови, стоит перед юной девушкой, и она разрешает называть себя только полным именем. Это раздражает и наполняет душу разочарованием. Любовь с первого взгляда сама по себе — штука скверная, а уж если она еще и безответная… Впрочем, если бы Дженин бросилась ему на шею, он счел бы ее легкомысленной кокеткой.

— Мне кажется, тебе следует объясниться, — обратилась к нему Дженин.

«Какой же ты глупец, Дориан! Она здесь совершенно одна, вдали от родного дома, который у нее на глазах разорили твои солдаты. Она страшно напугана, да и твой собственный вид не располагает к романтическим приключениям. Господи, да ведь она считает меня евнухом!»

Дориан задумался, как бы в ходе беседы изящно намекнуть, что с мужскими

достоинствами у него все в полном порядке. Ведь не скажешь: «Да, кстати, если вам интересно, то сообщаю, что у меня имеется мужской совокупительный орган».

— Понимаю, ваше высочество, это кажется неправдоподобным, но я пришел вас спасти… То есть помочь совершить побег.

Дженин гневно подбоченилась. Боже, как же она хороша!

— Ну да, понимаю. Вы — принц, а я — заточенная в башню принцесса. И вы явились сюда, чтобы меня спасти. Очень смешно! Ступайте к Гэроту и скажите, что мои глаза распухли от слез и я задыхаюсь от рыданий. И вообще, катитесь ко всем чертям!

Дориан смущенно потер лоб. Если бы хоть в одном из обрывочных видений нашлась подсказка, как укротить гнев Дженин.

— Ваше высочество, я только хочу знать, желаете ли вы с риском для жизни совершить побег или останетесь в этой уютной башне в ожидании моего батюшки. Кстати, он годится вам в дедушки и явится сюда, чтобы лишить вас девственности, обесчестить и превратить в умалишенную. Вообще-то, на вкус отца, вы уже несколько староваты, но поскольку являетесь принцессой крови, не сомневаюсь, он даст вам шанс. Если вы родите сына, наделенного *талантом,* вам даруют жизнь, и вы станете издали наблюдать, как растет дитя. Близко вас не подпустят, чтобы «женская слабость» не покалечила ребенка. А когда ему исполнится тринадцать лет, вам позволят провести вместе два месяца. Затем отец устроит вам обоим сюрприз, оказав честь личным посещением. Он спросит, чему вы научили его отпрыска в отведенное вам время. Это уже не имеет значения. Важно другое — ваш сын впервые в жизни привлечет к себе безраздельное внимание божества. В конце беседы ему предложат вас убить. Мало кто проваливается на этом испытании.

Глаза Дженин стали огромными.

— Вы тоже его выдержали?

— Север — жестокая и безжалостная возлюбленная, ваше высочество, и после ее ласк у всех остаются глубокие шрамы, — ответил Дориан. — У меня есть план, но на подготовку потребуется пять дней, и его успех зависит от того, успеем ли мы перейти через перевал по дороге в Сенарию, прежде чем его завалит снегом. Теперь я только хочу знать: если я, подвергая риску свою жизнь, снова приду сюда, пойдете ли вы со мной?

Дориану казалось, что он слышит, как бьется сердце Дженин, и даже может сосчитать удары. Стиснув зубы, она окинула взглядом темницу, а потом отвернула высокий ворот платья, и Дориан увидел широкий шрам поперек нежной шеи. С такой раной девушка не прожила бы и минуты. Значит, ее залечили с помощью магии.

— Дома, в Сенарии, я была тайно влюблена в одного достойного и очень умного человека, преданного друга моего отца. Половина женщин в стране мечтала о Логане из-за его красоты, а вторая половина жаждала его внимания из-за герцогства, которое достанется ему в наследство. Логан Джайр стал бы для меня прекрасной партией, и обе семьи желали этого брака. Препятствием стала давнишняя вражда между нашими отцами, и я уже не надеялась, что моя заветная мечта когда-нибудь осуществится. Потом подосланный убийца расправился с моим братом, и отец лишился наследника. Вот он и решил, что, если сделает своим наследником Логана, попытки покушения на его собственную жизнь прекратятся. Мы с Логаном поженились, а два часа спустя после свадьбы халидорцы перебили всю мою семью, чтобы не осталось ни одного претендента на трон. Чародей по имени Неф Дада решил, что я слишком красива и могу еще пригодиться. Он перерезал мне горло на глазах у мужа, а потом тайно залечил рану. Логана они убили чуть позже, предварительно подвергнув мучительным пыткам. Эти люди отняли все, что я люблю. — Она посмотрела на Дориана, и в глазах ее застыла расплавленная сталь. — Я буду ждать.

Дориан взял в руки нож для хлеба и с помощью *таланта* удлинил лезвие, сделав его обоюдоострым. Девушка внимательно следила за его действиями.

— Среди этелингов есть один по имени Тави. Пока король пребывает в Сенарии, он никого не боится, и управы на него нет. Возможно, он явится сюда, чтобы вас обесчестить. Так вот, если это произойдет… Советую воспользоваться ножом только в крайнем случае,

если будете полностью уверены в успехе. Если нет — не губите свою жизнь.

Дориан прочел ответ в глазах Дженин. Если явится Тави, девушка попытается его убить, а если это не удастся, покончит с собой. И все же Дориан отдал нож. Дженин заслуживает того, чтобы иметь выбор.

— А теперь можно поговорить о менее серьезных вещах. Жаль, что ваша еда совсем остыла. Подъем на башню, где томится в неволе красавица, оказался очень длинным.

Дженин застенчиво улыбнулась, и эта робкая улыбка напомнила Дориану о ее молодости и заставила почувствовать себя старым, подлым развратником.

— Ты и в самом деле колдун? — спросила девушка, показывая пальцем на изготовленный кинжал.

— Уже нет. Такая магия является злом, и я давно от нее отрекся, но я учился у магов.

— А не мог бы ты призвать свою магическую силу и разогреть еду?

Глаза Дженин озорно заблестели, и они оба рассмеялись. Дориан чувствовал, что любит эту женщину все сильнее.

— Ну, если мне удалось так изменить свою внешность, что сам Йорбас Зурга принял меня за евнуха, думаю, с такой простой задачей я справлюсь.

И Дориан подогрел жидкую овсяную кашу, втайне надеясь, что девушка поняла изящный намек по поводу сохранности его мужских достоинств.

— Я вот все время думаю, что, будь я принцессой, которую погрузили в заколдованный сон, и сюда явился бы принц, чтобы меня разбудить, счастье бы мне изменило.

Девушка многозначительно приподняла бровь.

— Ну, в книгах, что мне довелось прочесть, он будит принцессу поцелуем, — возразил Дориан.

— Ты читал не те книги.

Дориан поперхнулся, чувствуя, как лицо заливает краска, а Дженин озорно рассмеялась.

Они говорили часами. В последующие четыре дня Дориан разогревал принцессе еду, а принцесса согревала ему душу. Дженин по-прежнему переживала потерю семьи, своего королевства и супруга, но присутствие Дориана вселяло в нее надежду. А Дориан смотрел на любимую и видел прекрасную жизнерадостную девушку, которой она была прежде, и решительную, сильную, вызывающую всеобщее преклонение женщину, которой она очень скоро станет.

Страстная любовь и восхищение любимой женщиной становились все сильнее. Эти дни стали самыми счастливыми в его жизни.

13

В заново отросшей правой руке все еще чувствовалось легкое покалывание. Она ничем не отличалась от той, что Кайлар потерял неделю назад, если не считать отсутствия шрамов и бледного цвета кожи, никогда не видевшей солнечных лучей. Волк предусмотрительно снабдил ладони обычными для фехтовальщика мозолями, но на остальной части руки кожа была очень чувствительной и реагировала даже на самое легкое дуновение ветерка. Волосы на руке отсутствовали, зато аккуратно подстриженные ногти имелись в наличии. Мизинец, который Кайлар сломал еще в свою бытность цеховым крысенком и не мог полностью выпрямить, теперь выглядел безупречно.

«Волк может гордиться своей работой. Новая рука даже лучше, чем прежняя».

Кайлар отыскал своего боевого коня в лесу, на том самом месте, где оставил. Трайб легко нес седока, как будто тот ничего не весил, и поглощал уйму корма. Кайлар боялся признаться, что конь вызывает у него страх. Он не был кавалеристом, и боевой конь это знал так же хорошо, как и всадник. В это утро с Трайбом не возникло никаких хлопот. Кайлар осторожно подошел к нему, всасывая ка'кари обратно в кожу, прежде чем снова стать видимым. Как обычно, под подаренной ка'кари кожей на нем осталось только нижнее белье.

Ка'кари, конечно, мог покрыть его тело вместе с верхней одеждой, но тогда ночной ангел окажется слишком грузным и неповоротливым, и такая фигура вряд ли вызовет у кого-нибудь страх. Трайб пристально посмотрел на хозяина, и Кайлара охватило странное чувство смущения.

— Вот сукин сын! — выругался Кайлар, рассматривая огромную дыру на кальсонах, которая возникла в самом интересном месте. Ничего удивительного, что там гуляет ветер. — Зачем ты это сделал?

Трайб уставился на Кайлара, как на сумасшедшего.

«А что я такого сделал?» — осведомился ка'кари.

— Сожрал мою одежду!

«А я и есть Пожиратель».

— Мог бы оставить в покое мою одежду и мечи.

«Некоторым нравятся короткие мечи».

— Людям нравятся мечи, у которых имеется острое лезвие!

«Очень верное замечание».

— Прекрати жрать мои вещи, понял?!

«И не подумаю. Тем более что ты не ценишь моих остроумных шуток».

— Это не просьба…

«Я все прекрасно понимаю, но не подчинюсь».

Кайлар погрузился в презрительное молчание и принялся доставать из переметной сумы шерстяные штаны, рубашку и запасную смену белья. Ему осточертел этот ка'кари. Сколько можно терпеть его выходки? А впрочем, ничего не поделаешь, это будет длиться вечно.

«Ты и правда ничего не понимаешь? Эй, ты? — возмутился ка'кари. — Ты, человек из плоти и крови, наделенный душой и разумом, не можешь в течение двух месяцев вести себя как добропорядочный травник. И в то же время требуешь, чтобы я, сотворенный из сплава металлов и магии, искусственно наделенный толикой разума и некоторой индивидуальностью, взял да и изменил свою натуру? Что до тупых мечей, то вовсе не я продал меч Возмездия».

Кайлар об этом не подумал. Лезвие меча Возмездия оставалось острым, несмотря на покрытие ка'кари, которое находилось на нем в течение многих лет. А он продал меч за бесценок.

Нет, Кайлар сделал это, чтобы показать Элене, как много она для него значит. При мысли об Элене сердце снова пронзила боль. Теперь он выполнил данную Волку клятву и может отыскать Элену и наконец все уладить.

Или хоть что-то исправить. Он протянул руку к кольцу в левом ухе, приковавшему его к Ви Совари, которая сейчас находится всего в нескольких милях отсюда. Она направляется на восток, а потом на север, в сторону перевала Форглинг. Зачем Ви понадобилось в Часовню? Кайлар постарался выбросить из головы мысли о Ви. Думать об этой дряни хотелось меньше всего.

— Значит, тебя наделили толикой разума и некоторой индивидуальностью, — усмехнулся Кайлар.

Ка'кари сердито выругался, и это еще больше рассмешило Кайлара.

— Кроме того, — посерьезнев, сказал Кайлар, — я сам изменился.

— И я тебе верю, — раздался мужской голос за спиной.

Кайлар мгновенно выхватил меч, молнией сверкнувший в воздухе. Пришелец был высок и статен, словно сказочный герой из старинной легенды, в пластинчатых доспехах, украшенных белой эмалью. Пластины подшлемника спадали блестящим каскадом на плечи, а сам шлем он держал под мышкой. На худом лице светились ясные голубые глаза. Меч Кайлара просвистел в нескольких дюймах от шеи Логана Джайра.

По лицу Логана пробежала улыбка, а Кайлар так резко затормозил, что едва не упал. Затем вложил меч в ножны и преклонил колени перед пришельцем.

— Ваше величество, — обратился он к Логану.

— Встань и обними меня, маленький мерзавец.

Мужчины обнялись, и тут Кайлар заметил телохранителей Логана, полдюжины Псов Агона в перепачканной одежде. Ими командовала красивая женщина с блестящей подвязкой на рукаве. Вся компания с подозрением уставилась на Кайлара, а он в душе обругал себя за то, что позволил по меньшей мере восьми человекам подойти так близко, оставаясь незамеченными. Похоже, он утрачивает бдительность и становится рассеянным. Впрочем, попав в объятия друга, Кайлар перестал себя винить в досадном промахе. Месяцы, проведенные в Дыре, оставили на лице и теле Логана слишком много неизгладимых следов, из-за которых его уже не назовешь красавцем. Обнимая Логана, Кайлар изумился худобе друга, и все равно вокруг этого человека витала атмосфера силы, которая постоянно набирает мощь. Он был таким же широкоплечим, сохранил благородную осанку и выделялся из толпы высоким ростом.

— Ты называешь меня маленьким, а я, пожалуй вешу больше тебя. Ты самый тощий из всех людоедов, которых мне довелось видеть.

Логан рассмеялся и разжал объятия.

— Ты тоже прекрасно выглядишь, вот только… — Он повертел в руке бледную ладонь Кайлара. — Ты что, загорал в одной перчатке?

Логан рассеянно махнул рукой, и телохранители скрылись из виду.

— Я отрубил руку, и мне срочно потребовалась новая, — сообщил Кайлар.

— Еще одна история, которую ты не желаешь рассказывать? — усмехнулся Логан.

— Да если и расскажу, все равно не поверишь, — стал оправдываться Кайлар.

— А ты все-таки попробуй.

— Уже попробовал.

— И почему ты все время врешь? — со скептическим видом поинтересовался Логан.

Он помнил, как, будучи ребенком, Кайлар клялся, что не притрагивался к пирожному, хотя измазанная глазурью физиономия с прилипшими крошками свидетельствовала совсем о другом.

Лицо Кайлара приобрело холодное выражение, а когда он заговорил, голос стал чужим и резким, как у Дарзо Блинта.

— Хочешь знать, почему я лгал тебе в течение десяти лет?

— Ты за мной шпионил, а я-то считал тебя другом.

— Ты изнеженный придурок! Когда тебя приводили в смущение обнаженные статуи у входа во дворец, я спал в сточных канавах, потому что для цехового крысенка это единственный способ согреться в морозную ночь и не умереть от холода. А когда ты переживал из-за угрей на физиономии, я спасался от насильника, который преследовал наш цех и хотел меня убить. Не отрицаю, чтобы выпутаться, я пошел в ученики к мокрушнику. Да, я тебе лгал. Да, если бы ты сболтнул что-нибудь лишнее, я бы сообщил Са'каге. Мне это не нравилось, но приходилось терпеть. А теперь, самодовольный мерзавец, позволь задать тебе один вопрос. Когда ты очутился в Дыре и стоял перед выбором: убить или быть убитым — что ты выбрал? А я провел в Дыре всю свою проклятую жизнь. Ну-ка, ответь, кто больше виноват в том, что случилось с Сенарией и во что она превратилась: мой отец, у которого не хватило сил вырастить свое дитя, или твой, который был настолько слабым, что не смог стать королем?

Лицо Логана стало безжизненным. Из-за страшной худобы оно казалось обтянутым кожей серым черепом с горящими глазами. Голос звучал уныло и тускло.

— Чтобы взойти на престол, моему отцу пришлось бы убить детей женщины, которую он любил.

— А сколько потом погибло детей из-за того, что он не решился? Вот это, Логан, и есть бремя власти, плата за право оставаться первым. Приходится делать выбор, и что ни выбери — все плохо. Когда вы, спесивая знать, не желаете платить, за ваши грехи приходится расплачиваться простым людям, таким как я и те дети, у которых ничего нет и никогда не

было.

Логан некоторое время молчал.

— Дело ведь не в моем отце?

— Куда, черт побери, подевалась твоя корона?! — потребовал ответа Кайлар.

Благодаря связи, установленной с помощью серьги, он чувствовал, что Ви беспокоится по поводу охватившего его смятения чувств. Черт бы ее побрал, теперь она чувствует каждый шаг Кайлара! Он хотел отгородиться от Ви, воздвигнуть стену, чтобы она не смогла узнать, что тревожит его душу.

— Ты когда-нибудь встречался с Дженин Гандер? — спросил Логан. Вид у него был измученный.

— Где бы я мог встретиться с принцессой? — откликнулся Кайлар.

Ему потребовалась всего секунда, чтобы все вспомнить. Логан был женат на Дженин всего несколько часов. Халидорцы совершили переворот в первую ночь после их свадьбы, и новобрачная истекла кровью на руках у мужа.

— Думаешь, я смогу забыть о том, что случилось? — спросил Логан. — Честно говоря, мне всегда казалось, что такая красивая, веселая и счастливая девушка непременно должна быть дурочкой. Каким же идиотом был я сам! Скажи, Кайлар, приходилось ли тебе смотреть женщине в глаза и чувствовать, что ради нее хочется стать сильным и добрым, честным и благородным, защитить от всех бед и излить всю свою нежность? В лице Дженин я обрел счастье, о котором не смел мечтать. — Кайлару не нравились подобные разговоры, так как они наводили на мысли об Элене и его гнев затихал. — Разве мог я променять этот драгоценный дар на Тэру Грэзин? — снова обратился он с вопросом к Кайлару. — Вот я и не смог, даже ради короны. Да я бы не совершил подобный обмен за все блага на свете!

— Я сам видел, как на поле битвы все склонились перед тобой.

— Я дал слово, — тихо ответил Логан и надолго замолчал.

Кайлар в отчаянии воздел руки к небу.

— Я поступил так, как считал правильным. — Глаза Логана переполняла скорбь.

«Невозможно представить короля, который последовал бы твоему примеру!»

Кайлар устремил на Логана пристальный взгляд и увидел гораздо больше, чем в тот день, когда друг спас ему жизнь, вытащив из Дыры. Тогда его тело покрывали страшные раны, а сейчас Логан стоит перед ним живой и невредимый, и только в глубине глаз затаилась смертельная боль.

— Вижу, если бы можно было вернуть все назад, ты снова поступил бы точно так же, — сказал Кайлар.

— Эй, послушай, я уже начинаю сомневаться, — откликнулся Логан и натянуто рассмеялся.

— Ты ни в чем не сомневаешься.

— Сомневаюсь, — тихо проговорил Логан, и смех замер у него на губах. Он смотрел Кайлару в глаза и не думал отводить взгляд. — Впрочем, ты прав, случись мне пережить все заново, я поступил бы точно так же. Я такой, каков есть, и тут уж ничего не поделаешь.

Никогда Кайлар не видел его таким величественным и исполненным поистине королевского достоинства.

«Дай мне взглянуть на него поближе», — попросил Кайлар ка'кари и взял Логана за руку.

Перед его мысленным взором предстал другой человек, не такой красивый, но неистовый и неукротимый, остающийся первым даже в грязной и мерзкой Дыре. Вот он с рыданием вгрызается зубами в человеческую ногу, испытывая презрение и ненависть к обитателям Дыры, и сам погружается в ее нечистоты. Он кажется себе таким же убогим, как эти ничтожества, тем не менее, преодолевая голод, который день и ночь терзает тело, делится с ними последними крохами, чтобы сохранить остатки человеческого достоинства и не превратиться в животное. Да, Логан всегда оставался верным себе, отдавая еду и ненавидя тех, кто ее принимает. Благородство во всем — таково основное качество этого человека, за

которое он готов заплатить любую цену.

Еще одно воспоминание связано с Сэрой Дрейк, которая была невестой Логана до того, как король Гандер заставил его жениться на Дженин. Логан любил Сэру, но с годами любовь угасла, превратившись в привязанность, в которой, впрочем, тоже было мало искреннего чувства. Логан собирался жениться на женщине, которая ему совершенно не подходит, не желая ранить ее чувств. Разрыв помолвки был правильным поступком, хотя на тот момент представлялся слишком жестоким. Тем не менее, если бы они не были помолвлены, Сэра не оказалась бы во дворце в ночь восстания и осталась бы жива. Делясь едой с обитателями Дыры, Логан поступал правильно, хотя тогда это выглядело глупостью. В конце концов они пришли Логану на помощь, потому что он помогал им. Неудачи Логана и его успех доказывают простую истину: делай то, что считаешь правильным, и в итоге получишь самый благоприятный результат.

По мнению Кайлара, в этом и заключалось величие Логана. На него всегда можно положиться. Он честен, хранит верность данному слову и будет бороться до конца, чтобы поступить так, как считает правильным. Всегда.

— Мы оба зашли слишком далеко, — сказал Кайлар. — Думаешь, мы сможем остаться друзьями?

— Нет. — Логан с мрачным видом покачал головой. — Не просто друзьями, а самыми лучшими в мире друзьями.

Его лицо озарила широкая улыбка, и Кайлар почувствовал, что тяжкий груз, который давил на него весь год, наконец свалился с плеч. Их дружба выдержит любые испытания, а на такого друга, как Логан, можно положиться во всем. Кайлару всю жизнь приходилось хранить множество грязных тайн, ставивших под угрозу всех и вся, поэтому обретенное чувство дружбы он считал драгоценным даром, и сейчас у бывшего мокрушника не хватало слов, чтобы выразить свою радость.

— Что же ты собираешься делать? — спросил он у Логана.

— Осталось еще одно дело, а потом… Потом я намерен написать книгу.

Брови Кайлара поползли вверх.

— Не сочти за обиду, твое людоедское величество, но о чем ты собираешься писать?

— Ты же знаешь, как я люблю слова. Вот и решил написать книгу о словах.

— Вообще-то мне кажется, что все книги так или иначе связаны именно со словами.

— Я говорю не о книге, составленной из слов. Нет, я напишу книгу, в которой дам определения всем словам в нашем языке. Такая книга называется словарем.

— Ты собираешься писать на языке джеран?

— Да.

— И растолковывать джеранские слова?

— Именно.

— Значит, ты должен выучиться читать на этом языке.

— Перестань болтать глупости, — нахмурился Логан.

— Да-а-а…

Кайлар недоуменно пожал плечами. Идея Логана, прирожденного полководца и лидера, засесть за манускрипты и портить зрение, изучая их содержание при тусклых, коптящих свечах, казалась забавной. Вот только сам Логан относился к ней совершенно серьезно. Логан получил прекрасное образование, однако по природе ученым не был. Этот человек родился, чтобы повелевать и вести всех за собой. Мысль о создании книги является попыткой убедить себя, что таким образом он отгородится от ошибок, которые непременно совершит Тэра, и устоит перед искушением предпринять против них соответствующие действия.

Всего несколько минут назад Кайлар думал, что, выполнив клятву, данную Волку, он может считать себя свободным и наконец исправит все, что натворил с Эленой. Но, оказывается, Тэра Грэзин стала королевой и, возможно, уже заключила с Логаном договор об отречении. Лучший способ аннулировать договор — расправиться с тем, кто его навязал, а

Тэра Грэзин, как никто иной, заслуживает, чтобы ее стерли с лица земли.

«Еще одно убийство, и я смогу изменить страну. Если Логан станет королем, все пойдет по-другому и необходимость в цехах и гильдиях, а значит, и цеховых крысах, отпадет. Элена пока находится в Уэддрине, и ей ничего не угрожает». За неделю он покончит с неприятным делом и отправится в путь.

— Послушай, нам с тобой необходимо серьезно поговорить, — заявил Логан, — только сначала мне нужно помочиться и решить, что делать с халидорцами и армией Лэ'нота.

— Какой армией? — переспросил Кайлар.

— То есть как это «какой»? — удивился Логан. — Что ты так странно на меня смотришь?

— Воины, которых ты принял за халидорцев, вовсе не халидорцы, а войско Лэ'нота разбито. Нам нужно спешить в Сенарию, чтобы опередить кьюрскую армию.

— Кьюрскую? О чем ты?!

Кайлар только рассмеялся в ответ.

14

Дориан сидел в помещении, где находятся мусоросбросы, с трудом удерживая на краю одного из спускных желобов привязанный к спине бак с нечистотами. На сегодняшний день бак был последним, и Дориан чувствовал себя больным и разбитым. Кроме того, он испытывал раздражение из-за необходимости проводить большую часть дня в компании красивых женщин. То ли дело раб, приставленный следить за мусоросбросами. Он отвечает за исправность спускных желобов, сидит целый день в пропахшем дерьмом помещении и руководит другими рабами, которые приносят сюда нечистоты, собранные со всей Цитадели. За всю свою жизнь Дориану не доводилось встречать более счастливого и довольного своей участью раба. Всякий раз, открывая дверь, ведущую в хозяйство Тобби, Дориан затыкал нос и не переставал удивляться, как это рабу удается сохранить жизнерадостность в таком гиблом месте.

Спина нестерпимо болела, и Дориан попробовал ее расправить, дожидаясь, пока Тобби закончит разгружать чан, принесенный рабом из казарм, где живет стража. Тобби потянул за два рычага, выждал несколько секунд и стал дергать цепь, пока где-то вдалеке не послышался лязг. Раб развязал верхнюю веревку, удерживающую его ношу, и Тобби шустро перевернул бак, выплескивая зловонную жижу в желоб. Нижняя веревка помогала удержать бак, чтобы он не свалился в желоб вслед за нечистотами. Закончив работу, Тобби направился к Дориану.

— Что, на сегодня последний? — поинтересовался он.

Дориан зевнул и потянулся.

— Да, я…

В этот момент он потерял равновесие и стал заваливаться назад под грузом бака. Еще мгновение, и он угодит в зловонную утробу сливного желоба. Дориан в отчаянии закричал, пытаясь затормозить. К счастью, Тобби не растерялся, с быстротой молнии подбежал к Дориану и схватил его за колени.

Тело пронзила нестерпимая боль. Под тяжестью бака напряглись все мышцы ног и живота. Сейчас эта махина увлечет его вслед за собой в бездну или разорвет пополам. Но вот крышка бака открылась, нечистоты выплеснулись в желоб, и боль стала понемногу утихать.

Теперь, когда бак опорожнился, Тобби помог Дориану выбраться из желоба.

— Что, захотелось отправиться вслед за предшественником? — с добродушным смешком спросил раб.

— Каким еще предшественником? — не понял Дориан.

— А как ты думаешь, зачем понадобился еще один евнух? — хмыкнул Тобби. — Евнух, который выносил дерьмо из гарема, выполнял ту же работу, что и ты. Вот только я в тот день малость замешкался.

— Черт побери! — выругался Дориан.

Тобби захохотал, и его смех напоминал ослиный крик. Неужели забавно смотреть, как человек захлебывается в дерьме? При мысли о том, что смерть подкралась совсем близко, Дориана охватила дрожь. Господи, а ведь ему даже в голову не пришло призвать на помощь *талант*.

— Самое смешное, — продолжил Тобби, — что он не разбился во время падения. Его убили там, внизу.

— Как это? Куда ведет этот желоб?

— Хочешь знать, куда отправляется все дерьмо? — эхом отозвался Тобби и вновь расхохотался. — Вниз, в шахты. Только что не падает этим недоноскам на голову. Как только Арри угодил в желоб, я направил его в один из самых безопасных. Окажись он немного сообразительнее, остался бы в живых.

— Один из самых безопасных? — не понял Дориан.

— Э, да ты ни черта не знаешь и не разбираешься в здешнем дерьме! — Он ткнул Дориана кулаком в бок, — Я отправил его в хороший желоб, понимаешь?

— Нет, — откликнулся Дориан, заставляя себя улыбнуться, но улыбка получилась вымученной.

— Видел дерьмо, которое я сейчас вылил?

— Нет, не видел.

— У меня тут уйма сточных желобов, — доверительно сообщил Тобби.

— Не сомневаюсь, — откликнулся Дориан, а про себя подумал: «Если и есть на свете человек, заслуживающий жить в рабстве, сейчас я его вижу перед собой». — Почему некоторые сливные желоба считаются безопасными? — спросил он вслух.

— Эти желоба стоят здесь сотни лет. А все начиналось с одного желоба. Расстояние от его нижней части до дна пропасти, куда падало дерьмо, было двести футов. Через пару сотен лет, во время которых двадцать тысяч человек исправно гадили и сбрасывали нечистоты вниз, места почти не осталось, и падать дерьму стало некуда. Старина Бэтти Бертольд занервничал, вообразив, что армия рабов из шахты заберется вверх по желобу и нападет на Цитадель изнутри. Вот он и распорядился соорудить новые сливные желоба. А теперь, когда между кучами дерьма и дном желоба остается пятьдесят футов, мы переходим к другому желобу. А то, прежнее, дерьмо выстаивается, пока не превратится в землю, потом работающие в шахте рабы поднимают его в тележках наверх, и стражники продают его как удобрение. Разумеется, мне приходится использовать каждый желоб хотя бы раз в день, чтобы не заржавели механизмы. И чтобы рабы не могли определить, где под несколькими дюймами жижи находится твердая почва, а где можно запросто в ней захлебнуться, если надумаешь лезть наверх. Когда Арри рухнул вниз, я быстренько поменял желоба, чтобы дать ему шанс выжить.

— И сколько тебе для этого нужно времени? — поинтересовался Дориан.

Тобби непристойно выругался, потянул за третий и восьмой рычаги, а потом дернул последнюю цепь. На все ушло около трех секунд.

Дориан удивленно присвистнул, мысленно представив весь процесс.

— Что же случилось с евнухом?

— Он поделился дерьмом с одним из колдунов-майстеров там, внизу. После того что ему довелось перенести, я его не виню.

— Похоже, у него выдался поистине дерьмовый день, — сострил Дориан и сразу же пожалел о своей злой шутке.

— Вот-вот, — согласился Тобби, который не оценил каламбура. — Рабов караулят два майстера, и это занятие не доставляет им радости. Пачкаться в дерьме им не захотелось, а Арри они вывернули наизнанку. — Тобби шутливо толкнул Дориана в бок.

Дориан натянуто рассмеялся, подумав о том, что легко справился бы с двумя майстерами.

Опорожнив все баки, Дориан вернулся в гарем и застал там причитающих на разные

голоса наложниц. Ничего подобного в жизни не слышал. Поставив пустой бак на пол, Дориан бросил вопросительный взгляд в сторону Хоппера.

— Король-бог, — прошептал старик, на которого вопли женщин, похоже, наводили ужас. — Только что получили новость, что его святейшество скончался.

На мгновение сердце Дориана перестало биться.

«Отец умер!»

Словно во сне, он побрел в огромную комнату, где находился гарем. Среди мраморной роскоши дворца собралось около двухсот женщин. Они с остервенением рвали на себе одежды и волосы на голове, били кулаками в обнаженную грудь и раздирали ногтями белоснежную кожу. Из накрашенных глаз катились черные слезы. Некоторые бились в истерике на полу, а другие и вовсе лишились чувств.

Дориан знал, что в любви, горе и состоянии опьянения его народ ведет себя весьма экстравагантно, но слезы женщин были искренними. Все они благоговели и трепетали перед королем-богом, и лишь немногие осмеливались его любить. В комнате не было ни одной из любимых наложниц Гэрота Урсуула. Никто не донесет, которые из женщин оплакивают смерть повелителя, а кто не пролил ни слезинки. Король-бог являлся центром, вокруг которого вращаются их жизни, и вот теперь центра не стало, и весь привычный мир рухнул в одно мгновение.

Наложниц заставят броситься в погребальный костер Гэрота Урсуула, чтобы сопровождать его в загробной жизни и остаться навек его рабынями. Гэроту всегда нравились молоденькие женщины.

Внимание Дориана привлекла красивая девушка по имени Приция, которая едва успела созреть. Ей только исполнилось четырнадцать лет. Приция сидела в стороне от остальных наложниц, устремив в пространство ничего не выражающий взгляд. Она была девственницей, и Йорбас Зурга собирался предложить ее в качестве подарка его святейшеству, когда тот вернется домой.

— У тебя есть возможность выжить, — безразличным тоном пробормотал Дориан. — Возможно, следующий король-бог возьмет тебя в гарем.

— Все мои подруги собираются принять смерть, — откликнулась Приция, даже не взглянув в его сторону.

Ответ девушки устыдил Дориана. Приция не думала о себе. В этой комнате, среди рыдающих наложниц, он снова почувствовал себя циником, каким всегда был в прежней жизни.

Мысль о других последствиях, связанных со смертью Гэрота Урсуула, пришла на ум минутой позже. Король не оставил после себя прямого наследника, и любой из этелингов, которому удастся захватить престол, непременно перебьет всех остальных. Если о смерти его святейшества известно наложницам, то скоро о ней узнают и этелинги. А ведь, пожалуй, новость уже дошла до их ушей!

Господи, Дженин!

Дориан вихрем ворвался в комнату евнухов, где застал Хоппера.

— Выводи их всех отсюда! — приказал он старику. — Сначала девственниц!

— Что? — не понял Хоппер.

— Спрячь их в моей комнате. Кто-нибудь из этелингов попытается захватить гарем короля-бога, чтобы все восприняли его как законного наследника и будущего повелителя. Или на них набросятся обезумевшие стражники. Конечно, всех не спрячешь, но надо спасти хотя бы девственниц, тогда у них появится шанс стать избранницами нового короля-бога. Если девушек изнасилуют, им придется принять смерть вместе со всеми остальными.

Хоппер все понял и согласно закивал.

— Все будет сделано, — заверил он Дориана.

Дориан бросился к Тигриной башне.

Двух уродов, охраняющих внизу вход в башню, на месте не оказалось, и у Дориана все похолодело внутри. Он стремительно взлетел наверх, перепрыгивая через три ступеньки. До

заветной двери оставалось не более двадцати ступеней, когда до слуха донеслись громкие голоса.

— Иди ко мне, а иначе будет плохо… Все равно будет по-моему…

— Хорошо, — покорно согласилась Дженин.

Дориан увидел на двери остатки расплавленного замка. Вот подонок! Тави уже явился сюда, чтобы изнасиловать Дженин. Дориан открыл ногой дверь как раз в тот момент, когда девушка выхватила подаренный кинжал и вонзила в грудь насильника. Он отчаянно закричал, и на поверхности кожи стал мгновенно вырисовываться вир. Белый шар размером с кулак ударил Дженин в грудь, и девушка отлетела в другой конец комнаты.

Мужчина повернулся на шум открывшейся двери, но сделать ничего не успел. Выпущенное Дорианом пламя шестью молниями ударило в грудь, прошило тело насквозь и вышло из спины, прежде чем насильник упал замертво лицом вниз. Это оказался не Тави, а его закадычный дружок Ривик. Дориан бросился к Дженин.

Девушка, задыхаясь от боли, тихо стонала. Из-за шести переломанных ребер грудная клетка запала внутрь. Дориан положил руку ей на грудь, чтобы определить, насколько серьезны полученные раны. От его прикосновения боль ушла, и дыхание стало ровным. Он стал аккуратно сращивать сломанные кости, не оставляя на теле девушки ни единого следа. Вскоре работа была завершена.

— Ты пришел, — прошептала Дженин, глядя на Дориана своими бездонными глазами.

— И всегда буду приходить за тобой.

Девушка сделала глубокий вдох.

— Ничего не болит.

Дориан смущенно улыбнулся и принялся собирать канделябры, статуэтки тигров и другие предметы, сделанные из золота.

— Зачем ты это делаешь? Мы не сможем унести их с собой, — с сомнением в голосе заметила Дженин.

Дориан бросил вещи на стол и, озорно подмигнув девушке, стал по очереди прикасаться к каждой из них. Расплавленное золото стекало на стол, образуя подвижные комочки, похожие на ртуть. Потом комочки стали застывать. Они делались все тоньше и тверже и наконец превратились в маленькие диски с выбитым изображением Гэрота Урсуула.

— Как ты это сделал? — изумилась девушка.

— Стоимость монет составляет лишь малую долю от тех денег, что можно получить за произведения искусства, однако сбыть их гораздо легче, да и возни меньше, — улыбнулся Дориан, с нежностью глядя на Дженин.

Он улыбался, но на душе было скверно. Тщательно продуманный план рухнул в одночасье. Черт возьми, ведь все готово к завтрашнему побегу! И дело не в напрасно затраченных усилиях, не в отсутствии лошадей, подходящей пищи и теплой одежды, необходимой для опасного путешествия через перевал Ревущие Ветра. Хуже всего то, что Дориану пришлось применить южную магию, которую способен учуять любой майстер, а Лаксбридж может просто сбросить его в пропасть.

Воцарившийся во дворце хаос не поможет. Здесь собралось множество солдат, повсюду снуют майстеры и, конечно же, этелинги. Дориан тщательно изучил повадки каждого часового и знал путь, по которому они ходят. Теперь все это ни к чему.

А впрочем, все не так плохо. Он находится во дворце, а армий короля-бога здесь пока нет, как и его старших сыновей. Дженин жива и здорова, и путь на юг пока открыт. В гневе Дориан обрушил на Ривика слишком большое количество магии, но у него еще остается достаточно сил, чтобы справиться с любым майстером, а то и вюрдмайстером, если они неожиданно встретятся на пути.

— Что ты делаешь? — удивился он, наблюдая, как Дженин переворачивает тело Ривика.

Ему не хотелось, чтобы девушка смотрела на мертвеца.

— В таком виде я далеко не уйду. Хочу снять с него одежду, — откликнулась Дженин.

Вместе они быстро раздели Ривика. Спереди на тунике, в том месте, где Дженин ударила кинжалом, растеклось кровавое пятно, а с обеих сторон виднелось по шесть маленьких прожженных отверстий. Но в целом туника смотрелась недурно. Ривик был юношей изящного телосложения, и его одежда пришлась Дженин почти впору.

Девушка сбросила блузу и стала облачаться в одежду Ривика, даже не попросив Дориана отвернуться. Онемев от изумления, он уставился на Дженин, потом, удивляясь своему смущению, отвел глаза в сторону. А она нисколько не смутилась, и это тоже вызывало удивление. Дориан снова украдкой посмотрел на Дженин и отвернулся. Она в два раза младше и такая красавица! К тому же дерзкая не по годам. Что ж, девушка поступает вполне разумно, времени на церемонии у них просто нет. Из выреза туники показалась головка Дженин. От девушки не ускользнуло странное выражение на лице Дориана.

— Будь добр, подай мне штаны, — попросила она с безразличным видом.

Вспыхнувший на щеках румянец выдал смущение, и Дориан решил ответить дерзостью на дерзость и не стал отворачиваться, пока девушка стаскивала с себя юбку. Она выхватила из рук штаны и, бросив многозначительный взгляд на его собственные, шутливо сказала:

— Держи себя в руках, Недомерок, а не то все увидят, что ты притворяешься евнухом. — Потом ее взгляд остановился на распростертом за спиной Дориана теле, и загоревшийся в глазах озорной блеск угас. — Давай поскорее уйдем отсюда. Ненавижу это проклятое место и всю окаянную страну.

Не проронив больше ни слова, девушка закончила одеваться и натянула на голову шляпу с мягкими полями, которую еще недавно носил Дориан, стараясь скрыть лицо от любопытных взглядов. Роскошные длинные волосы она собрала в узел. Результат оказался плачевным. И дело было не в одежде. Просто Дженин не умела подражать мужской походке, и обучить ее за несколько минут не представлялось возможным. На мужчину она не похожа, но и с принцессой ее внешний вид не имеет ничего общего. Остается надеяться, что всем во дворце сейчас не до них.

15

Фейр попросил у Лантано Гаруваши два часа, чтобы вернуть меч из леса Эзры, и теперь не знал, сколько времени из отпущенного срока уже прошло. Он даже не помнил, как здесь оказался. Фейр посмотрел вверх, на уходящие в небо верхушки гигантских секвой.

По крайней мере, он знает, где находится. Вне всякого сомнения, это лес Эзры. Фейр стал рассматривать покрытые царапинами руки и разбитые при падении колени, а потом пощупал нос и понял, что он сломан, но перелом искусно срастили, и нос приобрел прежний вид. На верхней губе осталась корка запекшейся крови.

Дориан рассказывал истории о людях, которые после удара по голове полностью теряли память. Они не помнили ничего, что с ними происходило до удара, да и потом забывали все на ходу. Если они с кем-нибудь встречались и тот человек на пару минут выходил из комнаты, а потом возвращался, его снова приветствовали. При этом воспоминании Фейра на мгновение охватила паника, однако, не считая сломанного носа, с головой было все в порядке, и не похоже, чтобы по ней сильно били. Фейр помнил, как ушел от Лантано Гаруваши и приблизился к огромному сгустку магии, окружающему лес Эзры. А потом в сгустке началась суматоха — это, за несколько миль к востоку, в лес вошли войска Лэ'нота и попали в расставленную ловушку. Фейр хотел воспользоваться сумятицей в собственных целях, в надежде отвлечь от себя магические силы, но с этого момента в памяти образовался полный провал.

Теперь он стоит лицом к магическому сгустку, как в тот момент, когда направился к лесу. Ничего не понимая, Фейр сделал несколько шагов в сторону и снова наткнулся на исполинскую секвойю. Перед ним, не более чем в пятидесяти шагах, как раз рядом с границей магического круга, сидели Лантано Гаруваши и невесть откуда взявшийся

Антониус Уэрвел.

«Может быть, я схожу с ума?» — с ужасом подумал Фейр.

Антониус Уэрвел был красным магом, одним из самых могущественных и умнейших людей, которым в течение многих десятилетий доводилось ходить по залам Шо'сенди. Толстяк Антониус был родом из Модая, и долгие годы он являлся приятелем Фейра. И вот теперь он сидит рядом с Лантано Гаруваши, неуклюже скрестив ноги, а поза самого са'кьюрая изящна, как и все, что он делает. Нет, такое зрелище казалось невероятным и совершенно нереальным.

Оба мужчины заметили Фейра и поднялись с места. Антониус что-то выкрикнул, но, несмотря на то что он находился совсем близко, Фейр не расслышал ни слова.

Фейр направился прямо на воздвигнутую магией стену. Какой бы хитроумной магией он ни воспользовался, чтобы попасть в лес Эзры, перехитрить обитающие здесь силы невозможно. Он остался в живых только благодаря снисходительности, которую проявило неведомое существо. Фейр проходил сквозь облако магии, оно скользило, обволакивая тело, и на мгновение он был готов поклясться, что лесного обитателя это забавляет.

Наконец он вышел из колдовского сгустка.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он у Антониуса Уэрвела.

— Ты только что вышел из заколдованного леса, — рассмеялся Антониус. — За семьсот лет это не удалось сделать ни одному магу, а ты спрашиваешь, что делаю я!

— Ты добыл мой меч? — задал Гаруваши вопрос, который волновал его больше всего.

За спиной у Фейра висел заплечный мешок, которого не было, когда он входил в лес.

— Сначала хочу разобраться с ним. — Он кивнул в сторону Антониуса.

Антониус удивленно поднял подкрашенные брови, но ответил:

— Я пришел вместе с делегацией из Шо'сенди, чтобы вернуть Кьюрох. После сражения делегация вернулась назад. Никто не сомневался, что, находись Кьюрох на поле боя во время той жестокой битвы, в которой участвовало множество магов и майстеров, кто-нибудь из них непременно захотел бы им воспользоваться. Этого не произошло, и они решили вернуться и поискать меч в других местах. А правда заключается в том, что не все члены делегации пользуются доверием лорда Люциуса. Нам с ним наплевать друг на друга, но он знает о моей преданности и предоставил мне свободу действий. А теперь твоя очередь отвечать на вопросы. Удалось ли вернуть Кьюр'келестос?

Модаец всегда был чертовски умен. Коузат мог поклясться, что толстяк уже сравнил легендарный меч, который держал в руках сам Фейр, с другим, таким же легендарным мечом, и обнаружил отсутствие какого-либо сходства между ними.

Фейр открыл заплечный мешок, внутри которого обнаружил записку с распоряжениями, написанными неумелым, корявым почерком. Похоже, автор не знал языка, на котором писал свои указания. Фейр быстро прочел записку и вспомнил до мельчайших подробностей все, что произошло в лесу. Отложив записку в сторону, Фейр извлек из мешка эфес без меча. Он представлял собой точную копию эфеса от Кьюр'келестоса, и ножны Лантано Гаруваши прекрасно для него подойдут. Пока са'кьюрай не надумает извлечь меч на свет божий, никто ни о чем не догадается.

— Что это значит? — требовательным тоном спросил Лантано Гаруваши.

— Еще три месяца, — ответил Фейр.

— О каких трех месяцах ты говоришь? — не понял са'кьюрай.

— Именно столько мне потребуется, чтобы завершить задуманное. Послушай, Гаруваши, я — Творец, и в заколдованном лесу получил наставление. Это предсказание, оставленное самим Эзрой много столетий назад. Если хочешь умереть, я стану твоим помощником, но если предпочитаешь жизнь, возьми эфес. Мы с Антониусом отправимся к Черному Кургану и совершим то, чего не удавалось никому со времен Эзры. К весне я сделаю для тебя Кьюр'келестос.

«Или, по крайней мере, хорошую копию», — подумал он про себя.

— И ты станешь королем, как и хотел, — завершил Фейр свою мысль.

Лантано Гаруваши долго молчал. Его глаза вспыхнули гневом, который постепенно угас. Са'кьюрай разрывался между желанием принять предложение Фейра и уязвленной честью.

— Ты обещаешь вернуть мой меч? — спросил он, судорожно сглотнув.

— Клянусь, — откликнулся Фейр.

Лантано Гаруваши протянул руку и взял эфес.

Логан и Кайлар ехали верхом во главе отряда, состоящего из пятисот всадников и девятисот пеших воинов. Телохранители Логана отстали на десять шагов, чтобы никто не слышал разговора. Зубастик ехал на своем обычном месте обок Логана, но содержание беседы его не занимало. Ему просто нравилось находиться рядом с хозяином. Кайлар развернул истершееся письмо.

— Что в нем? — поинтересовался Логан.

Кайлар посмотрел на него с загадочным видом, пожал плечами и протянул письмо, написанное мелким убористым почерком.

> Я уже решил, что прошлое письмо было последним. Он сказал, что я могу написать еще одно, в память о прежних временах. Возможно, он даже был искренним. Остерегайся тех, кого любишь. Не верь предсказаниям и не позволяй использовать себя, чтобы посадить на трон верховного короля. Твоя тайна — самое главное богатство. Теперь ты значишь гораздо больше, чем когда-либо доводилось мне. Возможно, все эти годы я берег шанс для тебя. НЕ ИМЕЙ НИКАКИХ ДЕЛ С ВОЛКОМ.

— Полагаю, тебе понятен смысл? — осведомился Логан.

— Не весь, — признался Кайлар.

— Кто этот Волк? — снова задал вопрос Логан.

— Тот, с кем я связался прямо перед тем, как нашел письмо.

— Ух ты! А верховный король?

Кайлар скривился.

— Я надеялся, что ты поможешь мне разобраться с этим.

Логан на некоторое время задумался.

— Около четырехсот лет назад был верховный король, который правил Сенарией и еще несколькими странами. Но в последнее тысячелетие Сенарию завоевывали разные страны. Похоже, речь идет об одном из Урсуулов. Они — единственная династия в Мидсайру, которая, по своему положению, может управлять другими королями. Думаю, Урсуулы копаются в прошлом, чтобы извлечь на свет божий старое пророчество и с его помощью сделать свои действия законными. Не в этом ли заключается тайна, о которой я думаю?

— Вот и пришли, — не ответил на вопрос Кайлар.

Они обогнули лес Эзры в поисках следов войска Лэ'нота. Кайлар заверил, что Логан должен увидеть это зрелище своими глазами.

В пятидесяти шагах Логан увидел гору трупов — сотни людей, вдавленных в невидимую преграду в тот момент, когда они хотели выбраться из леса. Местами толщина слоя мертвых тел достигала двадцати футов. Люди карабкались по трупам, стремясь добраться до вершины невидимой стены. В живых не осталось никого. Раны на телах убитых представляли собой жуткое зрелище. Все тела были покалечены и разорваны на части огромными острыми клыками, таившими в себе невероятную силу. Сплющенные в лепешку шлемы и оторванные головы, тяжелые мечи, переломанные пополам, словно тонкие веточки. Трупы лошадей с оторванными головами и вырванными, а кое-где выгрызенными кусками мяса.

Повсюду, насколько мог видеть глаз, царили смерть и разрушение. На востоке и на западе все пространство было завалено трупами лэ'нотских воинов, наткнувшихся на невидимую и непреодолимую преграду. Прежде чем расстаться с жизнью, они проверили

каждый кусочек заколдованной стены, прорваться сквозь которую так и не сумели. Из тел убитых все еще сочилась густеющая кровь, стекающая по невидимой стене, как по стеклу, но, как ни странно, трупный запах отсутствовал. Магическая сила замуровала в невидимом пространстве даже воздух.

От жуткого зрелища у некоторых охранников открылась рвота.

— Жители Торрас-Бенд говорят, что из поколения в поколение кто-нибудь непременно пытается проникнуть в заколдованный лес. Это случается так часто, что даже попытка самоубийства у них называется «прогулкой в лес», — тихо сказал Кайлар. Логан посмотрел на его искаженное горем лицо и безжизненные, потухшие глаза. — Я заманил сюда этих людей, чтобы они попали в расставленную кьюрцами ловушку вместо тебя. Их погибшие души навеки останутся на моей совести.

— Наши разведчики слышали шум боя… вот почему мы задержались. Своим поступком ты спас жизни тысяче четыремстам воинам…

— Да, ценой жизней пяти тысяч человек.

— А возможно, ты спас и всю Сенарию. — Логан остановился. Сознание правоты не делало зрелище менее жутким. — Капитан, — обратился он к женщине-офицеру, — ведите сюда людей небольшими группами. Это должен увидеть каждый воин. Не хочу, чтобы сенарийцы когда-либо допустили страшную ошибку, которую мы едва не совершили сами.

Калдроса Уин с готовностью отсалютовала, радуясь возможности покинуть место, где произошла кровавая бойня.

Логан решил убедить Кайлара в невиновности другим способом.

— Послушай, Кайлар, вот ты считаешь себя негодяем, но, кроме тебя, я в жизни не встречал человека, готового пойти на любые жертвы, лишь бы поступить так, как ему кажется правильным. Я считаю, что ты высоконравственный человек, и полностью тебе доверяю. А еще хочу сказать, что ты — мой лучший друг.

Логан пристально посмотрел Кайлару в глаза, всей душой желая, чтобы тот поверил в искренность его слов.

Губы Кайлара скривились в саркастической усмешке, которая тут же исчезла, когда он понял, что Логан не лукавит и его слова не идут вразрез с мыслями. Кайлар вдруг заморгал, словно пытаясь избавиться от попавшей туда соринки, а потом отвернулся.

«Милый мой друг, через какие же невзгоды тебе пришлось пройти, если глаза застилают слезы, когда тебя просто называют порядочным человеком? А может, тебя так растрогало слово „друг“?» — подумал Логан.

Он провел в Дыре несколько месяцев и сравнивал ее с преисподней, а у Кайлара там прошла вся жизнь.

— Ты не все сказал, — заметил ему Кайлар.

— А ты к тому же еще и не дурак, — сказал Логан с глубоким вздохом, и Кайлар ответил знакомой озорной усмешкой, которую Логан так любил. — Ведь ты был наемным убийцей, Кайлар, а сейчас превратился в нечто еще более опасное. Не стану делать вид, будто не знаю, что ты можешь сотворить с Тарой…

— Ты действительно мне доверяешь? — перебил Кайлар.

Логан замолчал, и пауза показалась слишком долгой.

— Да, — наконец ответил он.

— Тогда закончим этот разговор.

16

— Дориан! — окликнула его Дженин. — Иди сюда и посмотри, что там творится.

Дориан подошел к окну и посмотрел на раскинувшийся внизу Халирас. В город входила армия из двадцати тысяч пеших воинов и двух тысяч кавалеристов, в сопровождении двухсот майстеров. Младший брат Дориана вернулся из Фриза. Рабы разбегались в разные стороны перед группой всадников, ехавших впереди армии. Дориану не

было нужды рассматривать знамена, он и так мгновенно понял, что сюда пожаловал Пэрик собственной персоной.

Дориан и Дженин побежали вниз по лестнице, ведущей к основанию Тигриной башни, перепрыгивая через две ступеньки. Дикие кошки хищно ухмылялись клыкастыми мордами и, казалось, издевались над беглецами. Тем не менее в запасе оставалось какое-то время. Если удастся добежать до парадных ворот, они успеют пересечь Лаксбридж и на несколько минут опередят Пэрика.

В туннелях для рабов было, как всегда, темно. Где-то вдалеке мелькали тени, звенели мечи и вели битву магические силы. Однако Дориан умел обойти стороной места, где происходили стычки, так как даже на большом расстоянии чувствовал присутствие сводных братьев.

Путь, по которому им пришлось идти, привел вниз, в туннель из тесаного камня. Дальше дорога проходила мимо Халириума, где обитала богиня. Каждый камень здесь был пропитан виром. Дориан свернул за угол всего в сотне шагов от главных ворот замка и буквально уткнулся носом в спину одного из этелингов. В другой обстановке он непременно «увидел» бы юношу, но близость Халириума ввела его в заблуждение. На мгновение он застыл на месте как вкопанный, и Дженин быстро втащила его назад в каменный туннель.

— Хали здесь нет, — заявил этелинг.

В ответ на его слова кто-то грязно выругался.

— Значит, Мобуру и правда забрал ее в Сенарию? Черт бы его побрал! Он действительно возомнил себя верховным королем.

— Ну и хватит говорить о похищении Хали. Что будем делать дальше? — спросил первый этелинг.

Так Хали все еще в Сенарии! Неудивительно, что сейчас это место не вызывает такого гнетущего чувства, которое Дориан хорошо помнил.

— Нужно присоединиться к Дрэфу. Если мы поможем ему остановить Пэрика на мосту, возможно, он подарит нам жизнь. Пэрик или Тави убьют нас при любом раскладе.

Дориан и Дженин забились назад в туннель, стараясь действовать быстро и бесшумно, однако до пересечения с другим коридором оставалось всего пятьдесят шагов, и пройти мимо этелингов незамеченными было невозможно. Они отыскали большую нишу в стене, Дориан затолкал туда Дженин и сам прижался к ней, но зацепился за камень рукавом, и тонкая ткань с треском порвалась.

Один из этелингов зашел в туннель и поднял вверх жезл, который вспыхнул ярким пламенем и осветил коридор и лицо юноши. Этелингу было лет четырнадцать, как и его спутнику. Оба небольшого роста и хрупкого сложения, с самой заурядной внешностью, они не унаследовали грубоватой, но исполненной силы красоты отца, получив лишь частицу его власти.

«С этими я справлюсь», — мелькнуло в голове у Дориана.

Даже с южной магией Дориан был сильнее обоих этелингов, но он не хотел столкновения.

«Ну, идите же своей дорогой, сверните в сторону».

Если бы этелинги свернули в другой коридор, Дориан пошел бы по короткому пути, ведущему к Лаксбриджу. Внезапность и отсутствие Хали, которая находится в сотнях миль от Халираса, сыграют на руку: он справится с Дрэфом и перейдет вместе с Дженин через Лаксбридж. Все так близко, стоит протянуть руку… Разве Господь не проявил свою благосклонность, задержав снегопады?

«Господи, умоляю, пусть они свернут в сторону!»

— Могу поклясться, что слышал какие-то звуки, — сказал один из юношей.

— У нас нет времени на такие глупости, Вик, — откликнулся второй этелинг.

Вик упрямо двинулся вперед, подняв вверх магический жезл. Между ним и беглецами оставалось шагов десять, и Дориан приготовился принять бой.

«Не торопись, — прошептал тихий голос, прорываясь сквозь хоровод беспорядочных

мыслей, кружащийся в голове Дориана. — Выбирайся по спускным желобам».

На мгновение Дориану показалось, что с ним разговаривает сам Господь. Он хорошо помнил, как устанавливать нужные рычаги, и мог без труда справиться с двумя майстерами, не ожидающими его появления. Они с Дженин выпрыгнут оттуда и уйдут по лестнице, предназначенной для майстеров. Конечно, он уже подумал о таком пути для себя, но Дженин? Мысль о том, что ей придется отправиться под землю по желобу для стока нечистот, в полной темноте и нестерпимом зловонии, приводила в ужас даже такого человека, как Дориан. А ведь он ко многому привык, вынося каждый день дерьмо.

Дженин примет его за труса, убегающего от четырнадцатилетних мальчишек. А может, и вовсе откажется пойти за ним, а если и пойдет, то потом будет презирать. Какому мужчине придет в голову тащить любимую женщину через потоки дерьма?

Вик подошел ближе, и теперь их разделяло не более пяти шагов. Сейчас он увидит беглецов, иначе и быть не может! Если Дориан не установит защиту, Вик убьет их на месте. Если установить защиту, Вик ее сразу же почувствует. Они оказались между молотом и наковальней, но решение нужно принимать немедленно.

«Это были не слова Всевышнего, а голос страха. Я справлюсь».

Дориан вышел из ниши и выпустил в Вика пять огненных разрядов.

Свою ошибку он понял в тот момент, когда разряды развернулись и понеслись вниз по туннелю к брату Вика. Юноши были не просто близнецами, а двойняшками, иначе Дориан понял бы это сразу. Двойняшки могут сплести заклинания, защищающие друг друга, но в ущерб собственной защите. Такая защита, набрав полную силу, становилась гораздо сильнее той, что мог обеспечить сам майстер.

Вик нанес ответный удар. Навстречу вылетел вращающийся синий конус, которому Вик, подогреваемый юношеским задором, придал форму пылающего кулака. Вместо того чтобы уклониться от удара, Дориан решил его остановить, чтобы спасти стоящую за спиной Дженин. Секундой позже от двойняшки Вика прилетел еще один огненный кулак, с грохотом сбивая камни с низкого потолка туннеля. Дориан успел блокировать и его и вдруг понял, как много магической силы израсходовал за сегодняшний день. Он слабел с каждой минутой.

Магическими пальцами он проник под защиту Вика и, повернув, направил на себя. От неожиданности и удивления юноша замешкался со следующим ударом. Его брат времени зря не терял. Огненный кулак ударился о непробиваемый круг, который теперь охранял Дориана, и, отлетев от него, рикошетом ударил по Вику, размазав его тело по стене туннеля.

Дориан пустил пульсар вниз но коридору. Со смертью Вика его близнец лишился защиты, и пылающая молния пронзила ему грудь. С глухим стоном этелинг рухнул на пол.

Дориан поднял жезл Вика — проклятая штука оказалась усилителем, и именно она придала ударам этелингов такую силу и сделала более мощными, чем ожидал Дориан. Схватив Дженин за руку, он потащил девушку по коридору. Они еще могут успеть и перейти через мост. Осталось совсем немного. Последний коридор был свободен.

«Мы почти у цели!»

С грохотом массивные двойные ворота распахнулись настежь, и на Дориана с Дженин обрушился шквал. Перед ними стояли четыре юноши, а на их коже, словно на волнах, покачивался узловатый, похожий на татуировку, темный вир. Они были готовы к бою, так как почуяли Дориана издалека.

Дориан поспешно установил защиту, постаравшись сделать ее как можно толще, насколько позволили остатки *таланта,* и обратился в бегство. Проклятый усилитель в жезле совсем не помогал, так как был приучен к действию вира. Защита поглотила несколько ударов подряд: огненный кулак, восемь пылающих метательных снарядов, град острых, как иголки, ударов и рассеянное огненное облако, слизывающее все живое на пути, которое называют языком дракона. Защита Дориана каким-то чудом выдержала, и он был готов пережить еще одну волну, только бы никто не посмел вызвать из бездны гигантского змея.

— Дрэф! — с победоносным видом крикнул юноша за спиной у Дориана.

Это был Тави с тремя этелингами. Они перекрыли запасной выход из зала. Первая компания молодых людей прекратила атаковать Дориана.

Дориан переводил взгляд с одного враждующего лагеря на другой, а они рассматривали его. Дориан и Дженин оказались в ловушке между двумя группировками этелингов.

— Стойте! — крикнул Дориан. — Я — Дориан Урсуул. Я знаю, что мое имя вычеркнули из списка сыновей, но уверен, что до вас дошли слухи. Я существую на самом деле, и вы не посмеете на меня напасть!

— Ты даже не являешься майстером, — сплюнул под ноги Тави.

— Почему? — одновременно с ним задал вопрос Дрэф.

— Даже если бы я был простым магом, то не сдался бы так легко. Если вы нападете на меня, то сами подставите себя под удар соперников. Я — Урсуул двенадцатого уровня.

«Еще чуть-чуть, пожалуйста. Я смогу одолеть вир и не покориться».

Дориан потянулся вниз, вир вынырнул из глубин и, подобно чудовищу Левиафану, побежал огромными узлами по телу — из-за них потемнела почти вся кожа. Он поторопился затолкать вир назад.

Этелинги, которым было не больше шестнадцати или семнадцати лет, смотрели на Дориана с благоговением. Несколько юношей, сопровождавших Тави, были готовы обратиться в бегство.

— Это только иллюзия! — истерично завопил Тави, срываясь на визг.

— Иллюзия, которая имеет запах? — презрительно хмыкнул Дрэф. «Да, Дрэф — первый из клана отпрысков, а Тави всего лишь претендент». — Чего ты хочешь? — спросил Дрэф.

— Просто уйти. А когда я уйду, можете перебить друг друга и строить козни, сколько душа пожелает.

Разговаривая с Дрэфом, Дориан устремил взор на магический жезл с усилителем, который держал в руках. Многие годы он не говорил на языке рук, которым пользуются этелинги, но сейчас, когда его тело блокирует поле зрения Тави, он пошевелил руками, подавая над усилителем сигнал: «Это для тебя».

Глаза Дрэфа заблестели. Заключенный в жезле усилитель сможет изменить ход битвы.

— Дориан, — прошептала Дженин, пугливо сжимаясь в комочек и изо всех сил стараясь быть похожей на мальчика-слугу.

— Хочешь уйти? Что ж, твое право, — вымолвил Дрэф, а его пальцы спросили: «Когда?»

Сквозь стиснутые зубы Дженин прошептала:

— Тави смотрит на меня как-то странно.

Дориан лихорадочно вспоминал язык пальцев, которым не пользовался много лет, чтобы ответить на вопрос Дрэфа. Вот, наконец-то!

«Когда доберемся до моста».

Казалось, ответ удовлетворил Дрэфа, хотя его лицо сохраняло напряженное выражение. Дориан и Дженин двинулись вперед, и только теперь Дориан осмелился оглянуться и посмотреть на Тави. Он боялся, что у Тави может начаться припадок бешеной ярости. На сей раз Дориан вышел из игры победителем, но, принимая во внимание неуемное тщеславие и болезненное самолюбие этелинга, было разумнее не выказывать радость, которую он испытывает от своей победы.

Восемь этелингов поочередно переводили взгляд с Дориана на своих соперников, стоявших в другом конце зала. Любое движение Дориана могло отвлечь их внимание, и тогда противник не упустит возможности воспользоваться подвернувшимся удобным случаем. Независимо от того, выберется он из зала живым или нет, этелинги передерутся между собой, и произойдет это очень скоро.

Стараясь не шевелить губами, Дориан процедил:

— Помни, что нужно ходить…

Увы! Слишком поздно!

— Она останется здесь! — вдруг закричал Тави и направил вир на Дженин.

От выходки Тави у одного из юношей, сопровождающих Дрэфа, сдали нервы, и он инстинктивно выбросил защиту, издающую потрескивающие звуки.

Это высвободило целую бурю магии. Дорин стал устанавливать защиту вокруг себя и Дженин, но огненный снаряд прорвался прежде, чем она была готова, и оцарапал ему ребра. Дориан скорчился и едва не утратил защиту. Дженни подхватила его и помогла выпрямиться.

Зал переполняли магические силы, в воздухе летали огненные брызги и зигзаги молний, удар следовал за ударом и, отражаясь от многочисленных защит, отбивал от каменных стен и потолка огромные глыбы, которые сами превращались в метательные снаряды и с сокрушительной силой ударялись об пол. Большинство атак не имели своей целью Дориана и Дженин, но они оказались прямо на линии огня.

Защита, установленная Дорианом, становилась все тоньше и быстро таяла, теряя слой за слоем. Этелинги, напротив, были полны сил, и Дориан понимал, что они продолжат сражение и после того, как его защита растворится полностью. Значит, ему суждено умереть, а что еще хуже: он не сумел уберечь Дженин и предал ее.

«Нет, пока я дышу, этому не бывать! Господи, прости меня за то, что я сейчас сделаю!»

Дориан не молился, выпрашивая прощения за грех, который решил совершить, но страстно желал, чтобы его слова дошли до ушей Всевышнего.

Он потянулся за виром, и тот радостно откликнулся на зов.

Раздался дикий крик, который вир усилил во сто крат, и от жуткого вопля содрогнулись все залы и коридоры Цитадели. Дориан стоял, размахивая руками, и, когда они пролетали перед лицом, был виден черный извивающийся змеей вир, не оставивший на коже ни одного светлого пятнышка. Потом виру стало тесно в телесной оболочке, и он вырвался наружу и растекался все дальше, словно на руках выросли огромные крылья, достигавшие земли, которые защитили Дориана от последних атак отчаявшихся этелингов.

Он слышал, как под могучими крыльями трещат кости этелингов, словно чей-то огромный сапог давит мерзких жуков. Их защита разлетелась на кусочки, как ореховая скорлупа, а то, что находилось внутри, превратилось в кровавое месиво, размазанное по камням.

Вир пел гимн власти, могуществу и ненависти. «Он омерзителен в своей злобе, и я испытываю к нему страстную любовь».

Дориан перестал кричать, и прошло еще несколько долгих секунд, прежде чем эхо прекратило отражаться от стен Цитадели. Ему стоило немалых усилий усмирить разбушевавшийся на коже вир.

— Дженин, ты не пострадала?

Прекрасные глаза девушки расширились и стали бездонными. Она хотела что-то ответить, но не смогла и только кивнула.

— Прости, у меня не было иного выхода, иначе мы бы погибли. Ну вот, мы уже у цели.

Когда беглецы прошли через дымящиеся ворота, Дориан понял, что ошибся. Посреди сверкающего моста стоял человек, облаченный в великолепную горностаевую мантию, подобную той, что носил Гэрот Урсуул. Его шею украшали золотые цепи короля-бога, а на коже бурлил вир.

Пэрик Урсуул, младший брат Дориана, явился, чтобы заявить о своих правах на престол. Рядом с ним, перегородив мост, стояли шесть полных магической силы вюрдмайстеров.

17

На третий день после перехода через перевал Форглина, когда путники разбили лагерь, Дэви наконец заговорил с Ви.

— Давай потренируемся, мокрушница, — предложил он.

— Я не мокрушница, — торопливо ответила Ви.

— Но ты же ходила в учениках у Хью Висельника.

— Да.

При одном упоминании ненавистного имени у Ви пересохло во рту. Слишком страшными были воспоминания, связанные с этим человеком.

Дэви достал пару трезубых кинжалов сай.

— Ночной ангел убил его.

— Знаю. Очень за него рада.

Ви жалела, что у нее не хватило смелости самой покончить с негодяем.

Улыбка на лице Дэви сменилась удивлением.

— И ты не хочешь отомстить?

— С тринадцати лет мечтала убить Хью Висельника.

— Что-то мы разговорились, — нахмурился Дэви и склонился над свернутой постелью Ви, где она хранила меч.

Выхватив кинжал-трезубец сай, он поддел острием меч в том месте, где клинок соединяется с эфесом, и подбросил вверх. Ви поймала меч и проверила лезвие. Оно было затуплено с помощью тонкого слоя магической защиты, но если ударить посильнее, можно нанести серьезную рану. Дэви проверил оба сая. Все шесть зубцов были отменно заточены. Ви никогда не приходилось иметь дело с таким оружием. Сай похож на короткий меч с узким клинком и отличается только формой эфеса, изогнутого в виде подковы, образующей два дополнительных зубца наподобие гарды, с помощью которых удобно захватывать клинок противника, а также, если потребуется, наносить удары.

Не выпуская из руки сай, Дэви сбросил сшитый из лошадиной шкуры плащ и бросил его на один из камней. Ви без особого восторга последовала его примеру. Дэви повернулся к девушке лицом, отвесил поклон и пробормотал что-то невнятное на иммурском языке. Вращая в руках сай, он принял неестественно низкую позицию, из которой, по мнению Ви, вести бой невозможно.

Однако при первом ударе сомнения Ви мгновенно рассеялись. Она сделала выпад, намереваясь поразить лицо противника, а Дэви прыгнул прямо на нее, захватив меч Ви сначала одним, а потом и вторым саем. Перевернувшись в воздухе, он изогнулся змеей. Меч Ви вырвался из рук хозяйки и взлетел в воздух, а в следующее мгновение девушка почувствовала острие сая на горле. Второй кинжал трезубец уперся в поясницу. Лицо Дэви сохраняло бесстрастное выражение. Не сказав ни слова, он отступил назад и швырнул Ви ее меч.

Во второй раз Ви продержалась пятнадцать секунд и не выпустила меч из рук, несмотря на то что Дэви сделал обманный выпад и едва не завладел мечом, а его сай уперся девушке в ребра. Через несколько минут Ви начала понимать действия Дэви. Потом Дэви стал менять позиции. Отступив в сторону, он уклонился от удара, и ему даже не потребовалось прибегнуть к помощи сая. В следующее мгновение Дэви сбил девушку с ног.

Барахтаясь в грязи, Ви смотрела на ухмыляющуюся физиономию Дэви. Хью Висельник иногда жестоко подшучивал над Ви и не упускал случая поиздеваться, но улыбка Дэви была невинной, как у младенца. Его взгляд, казалось, говорил: «Если бы ты сейчас на себя посмотрела, то тоже не удержалась бы от смеха».

Неожиданно для себя Ви вдруг разразилась рыданиями. Горючие слезы градом катились по щекам. Дэви устремил на нее полный недоумения взгляд. Что ж, она получила то, что заслуживает. Преодолев чувство обиды, Ви рассмеялась. Она понимала, что выглядит нелепо, и принялась торопливо утирать слезы.

— Знаешь, Дэви, Хью Висельник изгадил все. Каждая тренировка с ним сводилась к издевательству, унижению и множеству синяков. А с тобой тренироваться одно удовольствие, и я учусь каждому движению, потому что Висельнику до тебя далеко. Ничего удивительного, что ты любому надерешь задницу.

— Мне приходилось надирать и задницы, — философски заметил Дэви, — хотя, на мой

взгляд, есть и более чувствительные части тела.

Ви рассмеялась и принялась моргать, пытаясь остановить неуместный поток слез.

— Ты вышла замуж по обычаям Уэддрина, — обратился к ней Дэви, оттягивая свое ухо и показывая на серьгу Ви. — Но ты не из Уэддрина. Кто же твой муж?

Вопрос заставил девушку забыть о слезах.

— Кайлар Стерн. — Ви откашлялась. — В некотором роде он мне муж.

Дэви удивленно поднял брови.

— Что-то я не совсем понимаю, — хмыкнул сталкер.

Пожав плечами, он достал из ножен меч и потрогал рукой лезвие, желая удостовериться, что защита на месте, и они продолжили спарринг. Поединок захватил Ви, заставив забыть обо всех огорчениях в прошлой жизни, от которой она спасается бегством, и не думать о невзгодах, подстерегающих в будущем. Несмотря на то что время от времени затупленное острие меча Дэви упиралось в разные части тела, у Ви впервые в жизни возникло ощущение, что сражается она действительно мастерски. Когда удалось отбить удар, который она несколько минут назад пропустила, Дэви едва заметно кивнул, и этот жест был дороже самых громких похвал.

Дэви менял манеру ведения боя не менее шести раз, и Ви чувствовала, что у него еще имеется много чего в запасе. Последний прием оказался знакомым. Девушка была так поглощена движениями собственного тела, что ничего не замечала до тех пор, пока не увидела, что Дэви совершил ошибку, и при ответном ударе ее меч скользнул по животу противника.

— Ты — Дарзо Блинт, — невольно сорвалось с языка. Глаза говорили, что этого не может быть. Ви хорошо знала обманчивые иллюзорные маски, которыми пользуются маги. Но сердце подсказывало, что ошибки нет, и реакция противника на ее слова только подтвердила догадку. — Что ты здесь делаешь? — спросила Ви.

— Догадалась по акценту? У меня всегда с этим сложности. А у тебя, кажется, есть дядя из Иммура? — Голос Дэви звучал по-сенарийски отрывисто.

— Ты сражаешься точно так же, как Кайлар. И все же скажи, зачем ты сюда явился?

— Ты насильно привязала к себе Кайлара с помощью двух обручальных серег, обладающих самой могущественной магической силой в мире. Сама додумалась или кто подсказал?

— Король-бог наложил на меня заклятие на принуждение, чтобы привязать к себе, и сестра Ариэль сказала, что эту связь можно разорвать, только соединив себя с кем-нибудь обручальными серьгами.

— Я думал, Кайлар любит Элену. Почему же он женился на тебе?

— Ну, я надела на него серьгу, когда он лежал без чувств. — Ви с трудом проглотила застрявший в горле комок.

Лицо Дэви ничего не выражало, но у Ви вдруг возникло чувство, что этот пустой взгляд является предвестником бури пострашнее, чем приступы гнева Хью Висельника.

— Я пришел сюда, чтобы решить, надо ли тебя прикончить и освободить Кайлара от навязанных ему уз, — спокойно проговорил Дэви.

— Ну так убей, черт бы тебя побрал! — Ви отшвырнула меч в грязь.

Дэви-Дарзо устремил на нее странный оценивающий взгляд.

— Скажи, Ви, возникало ли у тебя когда-нибудь чувство, что ты являешься частью великого замысла? Что чье-то благоволение определяет твою судьбу?

— Нет, — призналась Ви.

— Вот и у меня тоже, — рассмеялся Дэви. — Прощай. Смотри не упускай из виду своего мужа. Он изменит твою жизнь. — С этими словами он удалился.

Солонариван Тофьюсин стоял на палубе модайского торгового корабля, направляющегося в Хоккайскую гавань. Он не был в столице сетов двенадцать лет, а ведь когда-то считал этот город домом. При виде двух цепных башен, охраняющих вход в гавань

и сверкающих белизной в осенних лучах солнца, сердце Тофьюсина было готово разорваться на части от переполнявших его чувств.

Как всегда, когда корабль проходил между изящными на вид башнями, восхищение изумительным сооружением переросло в благоговейный трепет. Цепные башни, построенные во времена расцвета Сетской империи, располагались на узких полуостровах. Основание каждой башни граничило с океаном, и поэтому, не захватив башни, повредить цепь было невозможно. Сами цепи лежали под водой, и их извлекали оттуда только во время войны или для текущего ремонта. Тогда приводили королевских туров, которые с помощью лебедки поднимали цепи до уровня воды во время прилива и на пять или восемь футов над водой при отливе. Во время сражения туры поворачивали цепи. К каждому звену прикреплялся клинок, заточенный в форме акульего зуба. Цепь поворачивалась по каждой оси на сто восемьдесят градусов, и зубья прошивали в разных направлениях корпус корабля, вознамерившегося войти в гавань. Одним словом, цепь представляла собой пилу, которая уничтожила не один флот и заставила еще большее количество кораблей взять обратный курс.

Глядя на сверкающие синие воды бухты, Солон подумал, что они могут соперничать по цвету с самыми яркими сапфирами. Хоккай возвышался на трех холмах, с которых, куда ни кинь взор, виднелись многочисленные доки, где уже стояли пришедшие на зимовку корабли. Огромный город был застроен домами с побеленными стенами и красными черепичными крышами. После архитектурной мешанины, характерной для Сенарии, это зрелище радовало глаз.

Но самым прекрасным строением был величественный Уайтклиффский замок, расположившийся на самой высокой горе. Глядя на него, Солон испытывал не благоговение, а совсем иное чувство, сродни священному ужасу.

«Кайде, любимая, неужели ты все еще меня ненавидишь?» — подумал он.

После того как Хали и те, кто отдал ей душу, перебили всех в Ревущих Ветрах, Солону там было нечего делать. Его друг Фейр ушел за несколько дней до того, как стало известно об опасности. Когда командир гарнизона не послушал Дориана, предостерегавшего о приходе Хали, сам Дориан исчез, и Солон остался в одиночестве. Он вдруг обнаружил, что его здесь ничто не удерживает. Из-за предсказания Дориана он не был дома более десяти лет. Солон служил Регнусу Джайру, как предписывало предсказание, и потерпел неудачу. Теперь Регнус умер. Солон прослужил ему десять лет лишь для того, чтобы его освободили от обязанностей накануне убийства Регнуса. Кайде сейчас стала императрицей сетцев, и приезд Солона, скорее всего, ее не обрадует. Что ж, если Кайде его убьет — тем лучше.

Он трудился вместе с матросами. Разумеется, Солон мог заплатить за путешествие на корабле, но ни один уважающий себя сетец не станет отсиживаться в каюте, когда другие поднимают паруса, пусть и на громоздкой модайской посудине. Сетцы предпочитают небольшие легкие суда. Конечно, сетским купцам приходится совершать в два раза больше рейсов, зато и делают они это в два раза быстрее. Сетский корабль оседлывает штормовую волну, а не проходит сквозь нее, словно крестьянский плуг. Однако сетские моряки привыкли к капризам океана и беззаветно любят его и одновременно боятся.

Когда корабль бросил якорь в бухте, из каюты вышел капитан-модаец. Он только что подкрасил глаза и брови. Солон считал, что такая дань моде придает черноволосым модайцам зловещий вид. Однако капитан был человеком любезным и обходительным. Он передал Солону деньги за работу и, прежде чем отправиться к начальнику порта, который прибыл взять пошлину за стоянку судна и проверить груз, пригласил в любое время присоединиться к его команде.

Начальник порта вскарабкался по веревочной лестнице на палубу с ловкостью человека, который проделывает эту процедуру не менее десяти раз на дню. Как большинство сетцев, он не надевал туники до самой зимы, и кожа от постоянного пребывания на солнце приобрела темно-оливковый оттенок. У начальника порта был выступающий вперед нос и карие глаза. В ухе красовалась серьга в форме восьмерки, что говорило о принадлежности к

клану Хобаши. Два серебряных кольца на правой скуле и серьга в ухе соединялись двумя серебряными цепочками. Стало быть, этот человек является помощником начальника порта.

Помощник не сказал и пары слов, когда заметил Солона и оборвал речь на половине фразы. Солон, обнаженный по пояс, как и остальные члены команды, не был таким загорелым, как большинство сетцев. Однако, несмотря на светлую кожу и белые волосы, выросшие взамен черной шевелюры, в нем можно было безошибочно узнать сетца. Кольца, свидетельствующие о принадлежности к какому-либо клану, отсутствовали. Помощник начальника порта мгновенно выхватил длинный нож. В Сете существует только две группы людей, которые не носят колец.

— Как твое имя, безродный?

Модайский капитан онемел от ужаса. Он никогда раньше не бывал в Сете и не знал обычаев этой страны. Именно поэтому выбор Солона пал на его судно.

Помощник начальника порта схватил Солона за подбородок и стал изучать его щеки и уши, сначала с левой, а потом и с правой стороны. Осмотр привел его в полное замешательство. Отсутствовали не только шрамы в тех местах, из которых вырвали кольца клана, но не было и отверстий, в которые эти кольца полагалось вставить.

— Разве ты не сетец? — спросил он у Солона по-сетски.

— Я — сетец, — признался Солон на безупречном старом сетском наречии.

Помощник отдернул руку от лица Солона, словно обжегся об огонь.

— Как же тебя называли?

— Солонариван Тофьюсин.

Один из модайских моряков выругался, а загорелое лицо помощника приобрело зеленый оттенок. Он понял, что все еще сжимает в руке длинный нож, и торопливо засунул его за пояс, как будто он жег пальцы.

— Думаю, вам лучше пройти со мной… ваша светлость.

— Что происходит? — поинтересовался капитан.

Ему никто не ответил. Солон прыгнул в гребную шлюпку вместе с помощником, матрос, который выругался, пробормотал:

— Тофьюсины правили в течение пяти столетий.

«Неправильно. Всего четыреста семьдесят семь лет».

— Правили? А сейчас уже не правят? — спросил капитан сдавленным голосом. Усаживаясь в шлюпку, Солон не мог сдержать улыбки.

— Нет, капитан. Последний из их рода умер десять лет назад. Но если этот человек и правда из Тофьюсинов, быть большому скандалу.

«Вот тут ты попал в точку», — подумал про себя Солон.

18

— Клянусь кровью Хали! — воскликнул Пэрик и решительно зашагал по мосту, направляясь к Дориану. — Ты произвел неизгладимое впечатление. Кто ты?

Его взгляд скользнул по Дженин, но надолго не задержался.

— Все хорошо, — прошептал Дориан, обращаясь к Дженин, хотя прекрасно понимал, что хорошего в их положении мало.

Он уничтожил нескольких мальчиков-подростков, которые недооценили его возможности, однако Пэрик Урсуул находится в расцвете нерастраченных сил, а за спиной у него стоят шесть закаленных в сражениях вюрдмайстеров.

Один из вюрдмайстеров что-то зашептал Пэрику на ухо, и тот настороженно выпрямился.

— Нет, не может быть! Неужели Дориан?

Они двинулись навстречу друг другу, так как Дориан не хотел, чтобы Пэрик беспрепятственно перешел через мост. На лице сводного брата играла самодовольная ухмылка, и, глядя на нее, Дориан почувствовал непреодолимое желание стереть его в

порошок. Ни к кому в мире он не испытывал такой ненависти и презрения.

— Да, я — Дориан, — с вызовом ответил он.

Господи, ну за какие грехи на его голову свалился Пэрик с шестью вюрдмайстерами? Ведь Дориан всего лишь хотел уйти с миром. Он поднял голову и увидел проплывающие по небу холодные, ко всему безучастные черные облака.

— А мы-то думали, что ты давно умер, братец, — насмешливо заметил Пэрик. — Ну ничего, эту ошибку можно быстро исправить.

Дориан призвал на помощь вир и *талант,* чтобы разорвать заклинания и смести вюрдмайстеров с моста. Одновременно он принялся расшатывать магические опоры в надежде, что мост обрушится в пропасть.

Его атаку тут же отбили. Даже имея в руках магический усилитель, Дориан не мог противостоять семерым вюрдмайстерам.

— Ах, братец, братец, — с издевкой в голосе напомнил Пэрик, — этот мост никогда не сбросит в пропасть настоящего Урсуула. — Он рассмеялся, и, казалось, вмурованные в Лаксбридж черепа хохочут вместе с ним, а их глаза светятся магическим огнем. — Да уж, если кому из сыновей Гэрота и грозит опасность, так это тебе, Дориан, ученик мага.

— Именно на это я и рассчитываю, — спокойно откликнулся Дориан, делая шаг вперед и с помощью *таланта* легко высвобождая ногу из башмака.

В следующий момент его босая нога ступила на мост.

Мост сразу же почувствовал присутствие мага и ответил ослепительной вспышкой, а потом обрушился.

Пэрик с диким криком рухнул вниз вместе с черепами, которые уже не смеялись. Этелинг и вюрдмайстеры улетали все дальше и дальше в бездну. Они призвали на помощь вир, стараясь зацепиться за находившиеся в отдалении стены, но заколдованные стены не подчинялись магическим силам. Вюрдмайстеры скрылись из виду в густых и зловонных испарениях на дне пропасти. Дориан в течение нескольких секунд ощущал действие их магии, чувствовал, с каким отчаянием они пытаются спастись, а потом все сразу затихло.

Лаксбридж восстанавливался у них на глазах. Дориан снова вставил ногу в башмак со свинцовой стелькой и опробовал его на мосту, который засверкал зеленым светом и стал прозрачным. Дориан израсходовал слишком много *таланта,* и произошло это совсем недавно, вот почему защиты, которую обеспечивала тонкая свинцовая пластинка, оказалось недостаточно. Дориан еще раз вызвал вир и направил его под мост, чтобы придать устойчивость.

— Нужно очень быстро перейти мост, — обратился он к Дженин. — Стань рядом со мной.

Девушка послушно кивнула и закусила губу. Господи, до чего же она красива! Ради такой красоты стоит идти на любые жертвы.

Дориан ступил на Лаксбридж, и мост выдержал. Теперь, когда Лаксбридж не был вымощен черепами, идти по нему стало еще страшнее. Вид безобидных черепов, принадлежавших давно умершим людям, пугал куда меньше, чем темные клубы испарений, вырывающиеся из бездны.

Перейдя мост, они встретились с онемевшими от изумления стражниками, которые упали перед ними на колени. Дориан узнал среди них Раггера.

— Прости меня, — обратился он к Раггеру, который в ужасе уставился на Дориана, вероятно решив, что пришла его смерть.

Одним легким движением Дориан излечил уродливую шишку на лбу Раггера, без которой он превратился в весьма привлекательного мужчину. Не веря свалившемуся счастью, Раггер стал ощупывать лоб.

Взявшись за руки, Дориан и Дженин прошли через подъемные ворота и с возвышения посмотрели на город. Армия Пэрика растеклась по городским улицам, и ее часть выплеснулась на равнину. Первые ряды уже взбирались на хребет горы, где стояли Дориан и Дженин. Это были не солдаты, а майстеры и вюрдмайстеры, всего двести человек,

направлявшихся к Дориану. Они не могли не почувствовать магической бури, вызванной Дорианом, и теперь он стоял под прицелом устремленных на него глаз.

— Мы умрем? — тихо спросила Дженин.

— Нет, — откликнулся Дориан. — Эти люди долго жили под гнетом тирана, и теперь, когда предводитель мертв, не знают, что делать. Еще один обман — и мы сможем возвратиться домой.

«Интересно, о каком доме идет речь, Дориан?»

— Ты и правда веришь, что сможешь их всех обмануть? — недоверчиво спросила Дженин, показывая на приближающуюся армию.

Дориан улыбнулся, и вдруг в голове мелькнула мысль, что впервые за долгое время он задумался о будущем. Он утратил дар предсказания, но полностью уверен в своих действиях. Придется в последний раз поставить все на карту. Всего несколько распоряжений, пара ругательств и, возможно, чьих-то смертей — и они с Дженин уже будут на пути в Сенарию. Его замысел непременно удастся. Во всяком случае, стоит попробовать.

Что-то холодное упало на щеку, и Дориан беспомощно заморгал.

— Что случилось? — забеспокоилась Дженин, видя, как медленно умирает озарившая лицо Дориана надежда. — Что происходит?

Вслед за ним девушка подняла глаза к небу.

— Пошел снег, — тихо откликнулся Дориан. — Скоро он закроет перевалы. Мы попали в ловушку.

Откуда-то издалека, почти заглушаемый шумом снежной бури, до ушей Дориана донесся издевательский смех Хали.

Снежная погода — самая неудачная для превращения в невидимку. В Сенарии снег обычно сразу же тает, едва прикоснувшись к земле, но за сегодняшнюю ночь его выпало столько, что уже видны следы ног. Мокрый снег прилипал к телу Кайлара, обретая его формы. Продвижение к лагерю кьюрцев шло медленно. Приходилось соблюдать осторожность, словно он снова стал мокрушником. Хорошо, что не успел забыть, как нужно подкрадываться к намеченной жертве. А тут еще луна спряталась за облаками. Однако стало очень холодно, а на Кайларе, как обычно, под кожей ка'кари осталось только нижнее белье, которое совсем не греет.

Он потеребил рукой серьгу, стараясь заглушить далекий голос, услужливо подсказывающий, чем сейчас занимается Ви. Дрожа от холода, взобрался на каменистый бугор, чтобы обеспечить себе хороший обзор. Кьюрцы оставили на продуваемом ветрами холме четырех часовых, которые сгрудились возле разведенного в углублении костра. Промасленные факелы стояли рядом, чтобы, в случае чего, можно было сразу же подать знак расположившейся в низине армии. Кайлар уселся в пяти шагах от усталого часового и сразу определил, что перед ним не са'кьюрай, а воин из крестьян. Его доспехи были сделаны из пластинок, нашитых на ткань. Вместо кожаных ремешков, которые при частом намокании становятся твердыми и садятся, кьюрцы предпочитают застегивать доспехи с помощью страшно дорогих шелковых шнурков, привезенных из Лодрикара.

После сражения в роще Пэввила Гаруваши планировал оттянуть силы сенарийцев на восток и пустить в погоню за своими воинами, переодетыми в халидорские доспехи, а затем двинуть за ними вслед свою армию и захватить столицу. План мог бы прекрасно сработать, если бы не одно непредвиденное обстоятельство: неприступные стены.

Большую часть старых сенарийских стен растащили по камням. Еще в те времена, когда Кайлар был ребенком, поколения кроликов, слишком бедных, чтобы платить за каменную кладку, в конце концов оставили Крольчатники без стен. Более богатая западная сторона разрушалась чуть медленнее. Однако во время отсутствия Кайлара вокруг города воздвигли новые стены. От этого зрелища захватывало дух. Учитывая царящую в Сенарии склонность к воровству и взяткам, на постройку таких стен ушла бы уйма денег и сменилось не менее пяти поколений королей. Гэроту Урсуулу, благодаря жестокости и волшебству,

удалось выполнить задачу за два месяца. Правда, в его распоряжении оказалось достаточное количество камня от домов, покинутых сторонниками Тэры Грэзин. А когда запасы иссякли, халидорцы разрушили еще несколько домов и забрали все, что требовалось.

Сейчас кьюрская армия расположилась полумесяцем, держа в объятиях южную и западную части города. Обнаружив стены, генералы армии Гаруваши решили подготовить все необходимое для осады и дождаться прибытия вождя, который должен к ним присоединиться. Именно это Гаруваши вскоре и сделал. Западная часть города располагалась на полуострове, покрытом болотами и скалами, и выходила в океан. На севере возвышались горы, и имелась лишь одна переправа через реку Плит. Гаруваши удовлетворился тем, что сжег мост, и теперь смог сосредоточить свои силы на западном берегу реки Плит и на двух воротах, которые намеревался штурмовать.

Армия Гаруваши разбила лагерь на манер налетчиков, которых Кайлар видел на окраине леса Эзры. Лагерь представлял собой решетку с узкими проходами между палатками солдат и более широкими, отделявшими друг от друга взводы. Палатки командиров располагались рядом с палатками курьеров, а костры и отхожие места были предусмотрены на определенное количество человек.

Не хватало одного — фургонов и повозок. По каким бы дорогам и тропинкам ни шли кьюрцы, они оказались слишком узкими, крутыми или опасными для лошадей. Гаруваши пожертвовал всем ради скорости. Сам вождь догнал армию как раз вовремя и получил возможность убедиться в неприступности стен, окружающих город. Вдобавок ко всему пошел снег.

Осада обещала быть недолгой. Когда Тэра Грэзин покидала Сенарию, все, кто последовал за ней, сожгли свое имущество, чтобы оно не попало в руки халидорцев. Сколько амбаров с зерном погибло во время пожаров? Пожалуй, более уместно спросить, сколько уцелело пекарен, мельниц и складов. Солдаты Лантано Гаруваши бродили по округе, однако все зерно давно увезли в город. Можно было бы совершать налеты на деревни, но как без лошадей быстро доставить продовольствие в лагерь? Да на своих плечах много и не унесешь. Даже укради они лошадей и сооруди несколько фургонов, это займет слишком много времени, а армию нужно кормить каждый день.

Достаточно нескольких дней, чтобы сделать положение обеих сторон отчаянным.

Войско Логана, находившееся за стенами города, вряд ли перевесит чашу весов, во всяком случае, сначала надо переговорить с Тэрой Грэзин. Если удастся встретиться с королевой и уговорить ее не совершать глупостей, Логан сможет пустить в ход кавалерию и лишить Гаруваши возможности добыть продовольствие для своей армии. В безвыходном положении, в которое попали тринадцать тысяч пеших воинов, несколько сотен лошадей могут решить исход сражения. Только бы Тэра Грэзин не наломала дров.

А это значит, что кто-нибудь должен с ней поговорить.

«Где же найти такого человека?»

До рассвета оставалось шесть часов, и ночь обещала принести много хлопот. Перед уходом Кайлар ради смеха связал вместе шелковые шнурки на рейтузах часового.

19

— Прости, Дженин, — обратился Дориан к девушке. — Нужно было уходить раньше.

Чтобы пройти через перевал, следовало отправиться в путь неделю назад. Но тогда он еще не нашел Дженин. А теперь идет снег, и ничего нельзя изменить. И все-таки остается один шанс.

— Ты сделал все, что смог, и был великолепен, — утешила Дженин.

В голосе девушки звучали отвага и неприкрытое восхищение тем, что ему удалось совершить. Дориан понял: она готовится умереть. Еще бы, для этого есть множество причин. Вот они, маршируют по городу и направляются прямо к беглецам. Глядя на бесстрашие, с которым Дженин намеревалась принять смерть, у Дориана что-то оборвалось внутри.

— Я люблю тебя, — нечаянно сорвалось с языка, и он уже собирался попросить прощения за дерзость, когда Дженин закрыла ему рот рукой.

— Спасибо, — прошептала она и, приподнявшись на цыпочки, нежно поцеловала.

Слова, слетевшие с уст девушки, ожидающей смерти, и поцелуй не следовало принимать всерьез, но они зажгли огонь надежды в душе Дориана.

— У нас еще есть один шанс, — сказал он.

— Правда?

Дориан стряхнул с себя обличье Недомерка, исчезли характерные для народа фейри уши и брови, а также малоприятные детали, присущие внешнему виду евнуха.

— Дориан?! — выдохнул Раггер, стараясь прийти в себя от изумления.

Дориан пристально посмотрел на стражника, и тот упал перед ним лицом вниз.

— Ваше святейшество, — пробормотал он.

Все оказалось очень просто. Гэрот Урсуул был абсолютным монархом и, если не считать ряда моральных издержек, управлял страной умело и плодотворно. После его смерти наступило безвластие, а народ хотел, чтобы им управляли, как и прежде. Эти люди привыкли немедленно повиноваться. Дориан и Дженин пробежали по Лаксбриджу и вошли в замок.

Дориан мысленно прочертил путь и передвинул залы так, что парадные ворота открылись прямо в малый зал, который вел в большой зал и, наконец, в тронный зал. Камни послушались его приказа и со скрежетом передвинулись, встав на нужные места.

Прежде чем зайти в тронный зал, он забежал в барак евнухов. Хоппер не хотел открывать дверь, и Дориану пришлось ее выбить. Он торопливо извинился перед наложницами, а те не сводили с Дориана изумленных взглядов. Он кого-то напоминал, но кого именно — они не могли понять. Хоппер узнал его первым и упал перед Дорианом ниц.

— Хоппер, черт бы тебя побрал, у нас нет времени на церемонии! Ступай в покои короля-бога и принеси самую роскошную одежду, которую найдешь. А вы, девушки, оденьте соответствующим образом Дженин. А потом мне понадобятся две или три наложницы, которые встанут рядом с троном как украшение. Дело опасное, а потому добровольное. Если найдутся желающие, они должны быть готовы через пять минут.

— Я не хочу с тобой расставаться, — умоляющим голосом произнесла Дженин, когда он направился к выходу.

— Придется, ведь так нужно для дела, — ответил Дориан.

Она собралась было возразить, потом согласно кивнула, и Дориан выбежал из комнаты.

Он отправился не в тронный зал, а в спальни сводных братьев, где повсюду валялись мертвые тела. Этелинги сразу поняли, что для них означает смерть короля. Обыскивая спальни, Дориан несколько раз наткнулся на детей, прятавшихся под кроватями или в шкафах для одежды. Убивать он их не стал. Дориан искал усилители магии и нашел их в одной из комнат. Старшие этелинги старались собрать или создать как можно больше магических жезлов, понимая, что в один прекрасный день именно они решат вопрос жизни и смерти. Собрав жезлы в охапку, Дориан побежал в тронный зал.

Его встретило жуткое зрелище. Совсем недавно тронный зал стал местом смертельной схватки. Двадцать мертвых этелингов и два вюрдмайстера валялись на полу, утопая в смрадном запахе смерти. Два юноши еще дышали, но их раны были смертельными, и здесь не помог бы даже вир. Дориан просто заставил их сердца остановиться, а сам занял трон, возвышающийся над трупами, запахом горелого мяса и волос и медным привкусом крови. Все собранные магические жезлы не могли ему помочь и стали грудой бесполезного хлама. Правда, еще остается немного волшебной силы. Если Дориан сейчас воспользуется ею, чтобы выстоять в схватке с вюрдмайстерами, то неизбежно погибнет. А они вот-вот придут в тронный зал.

Дженин вместе с Хоппером и двумя молодыми наложницами вбежали в зал. Хоппер двигался так же неловко и смешно, как и его тезка кузнечик.

— Ты неотразима в этом наряде, — похвалил он Дженин. На девушку надели зеленое шелковое платье и украшения с изумрудами. — Дамы, — обратился он к наложницам, —

ваша смелость и преданность не останутся без внимания.

— Они идут по мосту, — сообщил Хоппер и протянул Дориану великолепное одеяние Гэрота Урсуула.

Наложницы быстро сняли с него лохмотья и облачили в королевские одежды.

Дориан подумал о майстерах и вюрдмайстерах. Они так торопятся в тронный зал. А что, если им придет в голову замедлить шаг и прочесть по останкам, что здесь происходило? И что они думают об обвале Лаксбриджа? С этими мыслями Дориан надел на шею тяжелые золотые цепи, указывающие на его высокий сан.

— Ты станешь здесь, а ты — вон там, — обратился он к наложницам. — Дженин, сядешь возле трона. К сожалению, кресла здесь нет. Хоппер, стой у двери на случай, если понадобишься.

Дориан уселся на огромный трон, высеченный из оникса, и, положив руки на волнистые поручни, почувствовал связь со всей Цитаделью, но больше всего с ее сердцем, которое сейчас пустовало и где должна находиться Хали. Дориан поблагодарил Всевышнего, что ее сейчас там нет. В противном случае ему вряд ли бы удалось уцелеть. Он чувствовал, как майстеры подходят к огромным воротам, и с помощью трона, который сделал Цитадель одной из частей его тела, с грохотом их распахнул.

Майстеры и вюрдмайстеры в нерешительности остановились. Их было несколько сотен. Они, несомненно, поняли, что произошло во время резни, устроенной этелингами, и чувствовали непринужденное величие человека, восседавшего на троне. Большинство колдунов предполагали увидеть на этом месте Пэрика, и от неожиданности у некоторых отвисли челюсти. А другие уже прочли вир и знали, что он мертв, но, как обычно, не спешили поделиться знаниями с коллегами в надежде, что впоследствии сумеют усилить свое влияние.

— Входите, — приказал Дориан достаточно громко, чтобы все услышали, но не повышая голос до крика, что стало бы свидетельством его неуверенности.

Вюрдмайстеров не запугаешь простым заклинанием, а если попробовать навязать его силой, это вызовет подозрения. Тем, кто умел прочесть, что произошло во время драки этелингов, Дориан дал возможность это сделать. Он позволил им осмотреть зал и находящихся здесь женщин, почувствовать магию и даже изучить фигуру Хоппера. Пусть смотрят на самого Дориана, и те, кто его помнят, замрут в изумлении, а потом станут тихонько рассказывать остальным, кто он на самом деле. Дориан — наследник, воскресший из мертвых, мятежник и бунтовщик, стертый с лица земли. Он терпеливо ждал, вспоминая времена, когда отец учил его управлять людьми.

Как-то раз они проходили по пшеничному полю.

— Как тебе удается держать в руках такой честолюбивый народ? — спросил он у отца.

Гэрот Урсуул ничего не ответил, а только указал на пшеничный колос, возвышающийся надо всеми остальными, и оторвал ему головку.

Стоящие перед ним люди из поколения в поколение проходили через эту процедуру. Молчание затягивалось, прошло десять секунд, двадцать, минута — никто не произнес ни слова. Дориан терпеливо ждал. Вот он заметил молодого вюрдмайстера, которому не терпелось высказаться. Призвав вир, Дориан швырнул в юношу магический жезл.

В тронном зале взметнулись в воздух две сотни защит. Жезл, усиливающий действие магии, ударился о защиту молодого чародея и упал на пол. Дориан смерил присутствующих снисходительным взглядом, и майстеры стали медленно убирать свои защиты. Молодой вюрдмайстер, который собирался вступить в спор с Дорианом, со смущенным видом бросился вперед и подхватил упавший жезл. Тогда Дориан швырнул еще один жезл женщине-майстеру, которая стояла справа, и она поймала его на лету. Он бросал и бросал жезлы, пока не осталось ни одного.

Конечно, жезлов на всех не хватило, хотя Дориан не пожалел даже своего. Самое главное, он ясно продемонстрировал свои намерения: король не станет вооружать тех, кого считает врагами.

Дориан поднял вир на поверхность кожи, и он покрыл не только руки, но и обрамил лицо, разрывая кожу на голове и образуя вокруг нее живую корону. Вир прорывался наружу, причиняя неимоверную боль, а еще он пробивался по каналам власти и могущества, которые Дориан отключил много лет назад. Теперь он снова стал могущественным и вызывает у людей священный трепет.

— Некоторые из вас узнали меня. Я Дориан, первородное семя, первый этелинг, победитель во всех состязаниях, первый, кто завершил свой уурдтан, перворожденный сын Гэрота Урсуула.

— Дориан мертв, — возразил один из молодых майстеров в толпе.

— Да, он мертв, — согласился Дориан. — Вы читали хроники. Дориан погиб двенадцать лет назад. А сейчас погиб и Пэрик, а также и Дрэф. Тави, Джурик, Ривик, Дьюрон и Хесдел, и Рокуин, и Поррик, Гуэсси и Уэрисс, Джуламон и Вик — все они мертвы. Все, кто хотел оспорить мое право на престол, погибли, и теперь каждый из вас может сделать свой выбор. Ответьте, намерены ли вы тоже оспорить мое право на престол или предпочтете выловить всех моих врагов и доставить их сюда?

Лицо Дориана сохраняло бесстрастное выражение. А что остается делать, если хочешь жить? *Талант* и вир иссякли, а силы, которую придает трон, явно не хватит, чтобы уничтожить двести майстеров и вюрдмайстеров.

Дориана мучил вопрос: а понимают ли все собравшиеся здесь люди хрупкость его положения? Им не потребуется много силы, чтобы уничтожить новоиспеченного претендента на престол. Достаточно одной презрительной усмешки — и он пропал.

К счастью, их годами учили жить в смирении и никогда не насмехаться над властью, пусть даже презираемой. Время тянулось бесконечно долго, но вот один из юношей упал на колени перед новым королем-богом, и все остальные торопливо последовали его примеру, стараясь не оказаться в последних рядах.

«По крайней мере, за эту удачу я должен поблагодарить тебя, отец. Жестокий и беспощадный, и все же удивительный человек! Тебя называли богом, и ты заставил всех поверить в свое божественное происхождение».

Новоиспеченный король-бог сделал вид, что иного и не ожидал. Он начал отдавать приказы, и все спешили их исполнить. Несколько майстеров побежали к наложницам, чтобы позаботиться об их безопасности. Их коллеги отправились на поиски оставшихся в живых этелингов и занялись решением неотложных дел, связанных с армией. Король велел созвать городских глав, а также управляющих высокогорных и низинных областей страны и отыскать майстеров, которые спрятались на время резни.

— Что я натворил? — тихо спросил он Дженин, когда все закончилось.

Девушка ничего не ответила. В тронном зале было по-прежнему полно майстеров. Получив огромную власть и возможность исправить все, что ему так ненавистно на родине, Дориан должен был испытывать ни с чем не сравнимое счастье, а вместо этого казался себе попавшим в капкан зверем.

— Ваше святейшество, — обратился к Дориану рыжеволосый вюрдмайстер, который поначалу вознамерился вступить с ним в спор, — если Дориан мертв, то как прикажете называть вас?

Разумеется, назвать себя королем-богом Дорианом невозможно, и не только потому, что отец желал его смерти. Дориану не хотелось, чтобы об этом узнали Солон и Фейр или любой другой маг. Пусть считают его погибшим.

«Похоже, Господи, мне все же придется поплавать в дерьме?»

Господь ничего не ответил, так как был слишком далеко. Зато свалившиеся на голову Дориана проблемы находились здесь, рядом, и требовали немедленного решения.

— Называйте меня, — он на мгновение задумался, — королем-богом Уонхоупом.

На старинном наречии слово «уонхоуп» означает «отчаяние». Он бросил взгляд на Дженин. Девушка выглядела испуганной, но была полна решимости. Дориан взял ее за руку и крепко сжал.

«Она стоит принесенных жертв, и мы как-нибудь выпутаемся».

20

Когда к полудню Ви спустилась с перевала, вместо пушистых снежных хлопьев пошел мокрый снег, сменившийся холодным дождем. За лесом начались крестьянские хозяйства, но на дороге не встретилось ни души, так как в такую погоду все разумные люди предпочитали сидеть дома. Ви завернула за угол и нос к носу столкнулась с сестрой Ариэль, восседающей верхом на кобыле. По грациозности осанки и умению держаться в седле она могла потягаться с мешком картошки. В отличие от Ви, которая промокла до нитки и представляла собой жалкое зрелище, старая ведьма Ариэль умудрилась остаться совершенно сухой. Потоки дождя стекали по невидимой оболочке, установленной всего в дюйме от тела, и падали на землю.

— Здравствуй, Ви, — с блаженной улыбкой приветствовала девушку сестра Ариэль. — Рада видеть тебя живой и невредимой. Сегодня утром я получила очень странное послание, в котором говорится, что сегодня следует ожидать твоего появления.

— Послание от Дэви?

— От кого? — удивилась Ариэль.

— Дэвира-Брамэзи-какого-то-там, — ответила Ви.

— Дэвирамин ко Брамазиваказари? — переспросила сестра Ариэль, в точности копируя модуляции голоса, как это делают иммурцы. Вот сукин сын!

— Именно так.

— Дитя мое, Ви, ты меня удивляешь, — пропела с фальшивой улыбкой Ариэль. — Однако должна заметить, что Дух Степей вот уже двести лет как умер. Я, разумеется, говорю о человеке, а не о легендах, которые живут до сих пор. Кто-то сыграл с тобой шутку.

— Как это? — не поняла Ви.

— Скажи, зачем ты сюда явилась, Ви? — поинтересовалась Ариэль. — Только, прошу, не лги.

Ви вдруг почувствовала, как гнев застилает глаза, и в то же время страшно хочется расплакаться. Раньше так никогда не было. После убийства Джарла она превратилась в ходячее несчастье и пребывала в полном унынии, а после того как привязала к себе Кайлара обручальной серьгой, дела пошли еще хуже. Даже события, которые, казалось бы, должны доставить радость, например известие о смерти Хью Висельника или участие в убийстве Гэрота Урсуула, утверждавшего, что он доводится ей отцом, еще больше сбивали с толку и лишали душевного равновесия.

— Я пришла, чтобы занять твое место, сука! Хочу манипулировать людьми и не позволю управлять собой. Я стану первой и лучшей из всех. — Она потеребила рукой серьгу в ухе. — И отделаюсь от этой проклятой штуковины.

Лицо сестры Ариэль окаменело, а губы побелели от гнева.

— Ради твоего же блага, настоятельно рекомендую назвать привратнику другие причины, когда он станет тебя расспрашивать. А посему прикуси язык, а я, в свою очередь, сделаю вид, что считаю тебя приличной молодой особой, желающей вступить в сестринскую общину. Ну как, договорились?

Ви потребовалось немало времени, чтобы обуздать рвущийся наружу гнев. Наконец она согласно кивнула.

Дальше они поехали вместе под проливным дождем, и вскоре из-за низких облаков показался город.

— Его называют Лейктаун, город озер, — сообщила сестра Ариэль. — Думаю, нет нужды объяснять почему.

Сам город и сестринская община, именуемая Часовней, находились на слиянии двух рек, в результате чего выше озера Вестаччи образовалось огромное водохранилище. Все строения в городе и в Часовне размещались на островах, разбросанных по водохранилищу.

Ближайший остров находился в пятидесяти шагах от берега. Арочные мосты соединяли острова между собой и с берегом, но сами по себе улицы отсутствовали, и по водным путям сновали плоскодонные ялики. На некоторых из них имелись навесы, защищающие от дождя, а на других они отсутствовали. Как бы там ни было, ялики передвигались гораздо быстрее, чем можно предположить.

Ви и Ариэль въехали в район Лейктауна, выросший на берегах рядом с мостами, однако создавалось впечатление, что все торговцы забились в свои оштукатуренные и обнесенные плетнями дома, из труб которых вырывались струйки дыма. Правда, на некоторых домах трубы отсутствовали, и вместо них на крышах были только отверстия, из которых тоже шел дым.

— По воле неизвестной древней магии, которую мы до сих пор не умеем воспроизвести, острова в буквальном смысле плавают на воде, — сообщила сестра Ариэль. — На случай войны плотину можно открыть, и острова вынесет в озеро. Правда, вот уже много веков нам не приходилось этого делать. Думаю, отбуксировать острова на прежнее место потребует больших усилий.

— Какая красота! — восхитилась Ви, позабыв обо всем на свете. — И вода такая чистая.

— Этот город построен во времена, когда магия служила на благо крестьянам и рыбакам. В каждой его части были ручьи, которые смывали с одежды любые пятна. Имелись и плуги, которые тащил один вол, пропахивая сразу по шесть борозд. И бесплатные бани с горячей и холодной водой, и заговоры, с помощью которых можно долго хранить мясо. Люди считали магию полезным инструментом, а не только боевым оружием. В Лейктауне все нечистоты сливаются вот в эти трубы, которые несут их прямо к дамбе. И заметь, никакого запаха! Разумеется, невозможно заставить всех следовать законам, даже если они в высшей степени разумные. За всеми не уследишь, и на случай, если кто-нибудь вздумает вылить нечистоты в воду, которую потом сам будет пить, над озером сплетено специальное очищающее заклинание.

Сестра Ариэль подвела Ви к плоскодонному белому ялику в дальнем конце пристани. Какой-то парень выскочил на дождь, чтобы забрать у них лошадей, и Ви, подхватив свои вещи, взошла на ялик. Она с трудом скрывала радость, наблюдая за сестрой Ариэль, которая тряслась от страха, что лодка перевернется. Как только они уселись на низенькие мокрые скамейки, ялик сам по себе тронулся в путь.

Ви ухватилась за борт с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Сестра Ариэль улыбнулась:

— Зато такая магия нам по плечу. В наше время слишком много разных забот. — Они быстро скользили по широким водным улицам, и лодка сама повернула в нужном месте. — Есть течения, которые меняют направления при повороте магического кристалла. Если знаешь, как это делается, можно попасть из одного конца города в другой и при этом все время ехать вниз по течению.

Через несколько минут они вышли в огромный залив, где не было других островов, кроме самого большого.

— Вот она — Белая Госпожа. Алебастровый серафим. Часовня. А для тебя, Ви, это место теперь станет домом.

Обитель сестринской общины представлялась большой и раньше, но только теперь, когда они подъехали совсем близко, стало понятно, какая она огромная. Все строение было высечено в виде фигуры похожей на ангела женщины с крыльями. Для такого материала, как алебастр, она казалась слишком прочной и тяжелой, а для мрамора — слишком белой. Неизвестный камень сиял даже в тусклом свете ненастного дня. Ви подумала, что при ярком солнечном свете от его блеска можно ослепнуть. Когда они приблизились к зданию, Ви увидела, что пятнышки, которые она приняла за следы разрушения, оставленные на теле статуи временем, на самом деле окна и террасы, ведущие в многочисленные комнаты. Их почти не было видно из-за ослепительного блеска камня.

Крылья женщины-серафима были наполовину развернуты, а меч, который она держала в левой руке, повернут острием вниз. На лице статуи застыло спокойное, невозмутимое выражение. Когда лодка обогнула остров, Ви увидела в отведенной за спину правой руке статуи весы, на одной чаше которых лежало перышко, а на другой — сердце.

Сотни причалов занимали заднюю часть острова, и, несмотря на дождь, на них разгружались и принимали груз десятки судов. Белый ялик заскользил к ближайшему причалу, проскочив под живой аркой из усыпанной пурпурными цветами глицинии. Ялик причалил к пристани, и к ним навстречу вышли две сестры в черном одеянии.

— Ви, иди с ними, — обратилась к девушке сестра Ариэль. — Они не разбрасываются угрозами понапрасну, — добавила она, немного помолчав. — Уже много лет никто не умирал во время инициации, но такое может произойти. И да хранит тебя божество, в которое ты веришь. А если ни в кого не веришь, то просто желаю удачи.

Хуже всего было не то, что последним божеством, которое Ви хотела видеть рядом с собой, был Нисос, которому она принесла в жертву свои тело и душу, равно как и кровь многих невинных существ. Самое скверное заключалось в том, что все добрые пожелания сестры Ариэль звучали совершенно искренне.

21

Прежде всего надо проникнуть в город. Кайлар знал, что существует множество путей, которыми пользуются контрабандисты, но они не спешили делиться своими секретами на приемах в Са'каге. Впрочем, Кайлар хорошо представлял, что ищет. Тайный ход скрывается где-нибудь здесь, на протяжении нескольких сотен шагов вдоль стен, и ведет в скалу, чтобы не были видны следы лошадиных копыт и колес, а еще он должен находиться поблизости от одного из большаков.

Всего месяц назад низкие холмы, окружающие город, были застроены тавернами, фермерскими домами, гостиницами и многочисленными лавками и постоялыми дворами, где могли остановиться путешественники, которым проживание в самом городе оказывалось не по карману. Теперь все постройки исчезли.

Кьюрцы разобрали дома и увезли в свой лагерь все до последнего камня. Трудно представить, какие чувства испытали в Са'каге, когда пришлось решать, какие туннели разрушить, а какие сохранить, чтобы обеспечить себе выход из города, если все другие пути будут перекрыты. Должно быть, пришли в бешенство.

Кайлар медленно передвигался по кьюрскому лагерю, шарахаясь от каждой тени. Расхаживать в образе невидимки он не рискнул, так как решил, что мокрый снег, принявший очертание несуществующего человека, вызовет больше подозрений, чем едва заметная в темноте черная, расплывчатая фигура.

Кайлар надеялся на свои зоркие глаза, которые должны помочь в поисках контрабандистского хода. Наконец он нашел массивную низкую скалу, окруженную деревьями, в нескольких футах от большой дороги. Идеальное место для тайного хода. Если открыть в скале дверь, контрабандисты могут незаметно вывезти повозку прямо на дорогу, не оставив никаких следов. Кайлар стряхнул со скаты мокрый снег и обнаружил предательские царапины, оставленные окованными железом колесами повозки. Вот оно, нашел!

Прошло десять минут, а он так и не добился ощутимых успехов. Каждые две минуты приходилось срываться с места и прятаться отделавших обход часовых. И каждые пять минут с другой стороны появлялся еще один часовой. Впрочем, часовые были здесь ни при чем. Кайлар просто не мог отыскать потайную защелку, с помощью которой можно открыть ведущую в скалу дверь. Возможно, пальцы застыли от холода и утратили привычную ловкость? А что, если он вовсе не так безупречен, каким себе кажется?

«Ты бессмертный, но не непобедимый. И почему только Дарзо всякий раз оказывается прав! Интересно, где его сейчас носят черти?»

Мысли о Дарзо неожиданно задели за живое. В течение долгих месяцев он считал учителя мертвым. За все это время Дарзо ни разу не появился. Кайлар считал себя его лучшим другом, даже после того, как Аристархос бан Эброн рассказал обо всех великих героях, обличье которых принимал учитель. Даже тогда Кайлар считал их дружбу особенной. Во всяком случае, узнав о том, в каких выдающихся людей превращается учитель, его мнение о собственной персоне значительно улучшилось. Время шло, а Дарзо так и не появился. Даже если Кайлар и сыграл какую-либо роль в долгой жизни этого человека, длящейся семь столетий, она осталась кратким мигом, принадлежащим прошлому.

Кайлар присел на камень. Нижнее белье промокло насквозь, и от этого на душе стало совсем скверно.

«Только не говори, что сейчас разрыдаешься», — проворчал ка'кари.

«А что, нельзя?»

«Когда пройдет приступ жалости к собственной персоне, будь добр, разбуди меня».

«Черт возьми, ты говоришь совсем как Дарзо».

«Я провел в его обществе семь столетий кряду, и он передал мне некоторые свои качества. А вот ты был с ним всего десять лет, но посмотри, как на него похож».

Слова ка'кари застали Кайлара врасплох.

«Я на него вовсе не похож!»

«Ну конечно же нет. Просто, по случайному совпадению, ты явился сюда, чтобы в одиночку спасти мир».

«Ведь и он так часто поступал».

«Слышал ли ты когда-нибудь о Милетском упадке? А о смерти шести королей, Вендазианском восстании или побеге грэскских близнецов?»

После минутного раздумья Кайлар неуверенно ответил: «Вообще-то нет».

Ка'кари тяжело вздохнул, и Кайлар в очередной раз удивился, как ему это удается.

— Какой же я идиот! — вдруг воскликнул Кайлар, вскакивая с места. От долгого сидения у него совсем занемел зад.

«Наконец-то наступило долгожданное прозрение! Давно пора! А теперь самое время браться за дело».

Кайлар направился к стене. На подходах к ней кьюрских солдат не было, так как у них хватало ума не приближаться на дальность полета стрелы. Кьюрцы рискнули подойти поближе лишь в одном месте, вдоль берегов реки Плит, куда они свозили огромное количество камней, чтобы перекрыть часть реки. Вдоль всего берега и на подступах к нему они построили коридор, чтобы защитить рабочих от вражеских стрел. Колдуны защитили все подходы к городу, за исключением реки. Наверное, кьюрцы решили, что пара майстеров на каждом берегу не позволят ни одному судну или пловцам проплыть по узкому каналу. Сенарийцы не могли позволить подобной роскоши. Гаруваши нападет именно здесь. Когда на берег привезут достаточно камней, Гаруваши сможет выслать стрелков.

Если са'кьюрай вступит в схватку с сенарийскими воинами, нетрудно догадаться, чья гора трупов окажется к концу дня выше. У Кайлара на сей счет сомнений не возникало.

Он подошел к стене. Под действием магического заклятия огромные камни стали гораздо прочнее, чем предполагалось природой, и прилегали друг к другу так плотно, что не требовалось известкового раствора. Кайлар призвал ка'кари, и тот заполнил его руки и ноги.

«Надо бы заставить тебя поплавать».

Кайлар усмехнулся в ответ и, почувствовав под пальцами рук и ног углубления в камне, стал карабкаться вверх.

Робкая надежда на то, что Тэра Грэзин не наделает глупостей, развеялась в прах, как только он взобрался на стену. До рассвета оставалось четыре часа, а воины уже готовились напасть на са'кьюраев. Большинство солдат еще спали, и лошадей не вывели из конюшен, но у южных ворот была очищена огромная площадка. Полковые знамена воткнули в землю так, чтобы утром полки сразу же встали на свои места. Повсюду сновали оруженосцы, торопясь привести в порядок доспехи и оружие. По размеру площадки Кайлар догадался, что на

рассвете королева собирается бросить в бой все силы, около пятнадцати тысяч человек.

Бросив беглый взгляд на полковые знамена, Кайлар сделал в уме подсчеты и удивился. Таким количеством людей Тэра не располагала.

Разгадка крылась в знаменах, расставленных у самых ворот. На них красовалась эмблема с кроликом. Неужели королева призвала на службу кроликов и собирается бросить первыми в атаку необученных крестьян, которым предстоит сражаться с самым вымуштрованным са'кьюрайским войском в мире? Гениальное решение. Одно дело — послать в бой своих крестьян против крестьянского войска противника, особенно если имеется возможность ударить с фланга кавалерией… здесь совсем иной замысел. Лавина сенарийцев хлынет из ворот и сразу же наткнется на са'кьюраев Гаруваши. Крестьяне окажутся без всякой поддержки, лицом к лицу с грозным противником, и сражение превратится в бойню. Продвинуться вперед они не смогут — помешают са'кьюраи, отступить тоже невозможно из-за напирающей сзади армии, которая будет всеми силами стремиться вырваться из ворот.

Через несколько минут после начала сражения в рядах кроликов начнется паника, и в конце концов все сведется к количеству перебитых людей, прежде чем Люк Грэзин прикажет трубить отбой и попытается захлопнуть ворота перед носом у са'кьюраев, не позволив им ворваться в город.

Кайлар проскользнул в просторный двор, где позаимствовал у кого-то кожаный стеганый зипун, который надевают под доспехи, пару штанов и рубаху. Минутой позже он выбежал из-за кузницы и увидел паренька, толкающего перед собой тележку, заполненную дешевыми мечами и копьями.

— Значит, на рассвете кролики пойдут в атаку первыми? — обратился он к пареньку, показывая на боевые знамена. — Как такое могло случиться?

— Мы вызвались сами, — ответил паренек, и его лицо осветила довольная улыбка.

— Я знавал человека, который вызвался понюхать жгучий перец. Ни к чему хорошему это не привело.

— Что ты такое несешь? — обиделся паренек.

— Почему королева решила первыми отправить в атаку именно кроликов?

— Вообще-то не королева, а ее братец Люк. Он теперь главнокомандующий.

— И что же?

— Он сказал, что в первых рядах потери будут самыми большими, — нахмурился паренек. — Пока мы не уничтожим их лучников. А кролики никого не боятся.

Итак, новый главнокомандующий отбирает самых храбрых граждан, посылает их на убой и наносит сокрушительное поражение противнику. Блестящий план!

— Ну, я, пожалуй, пойду. У меня еще много работы, — сказал парень.

Кайлару срочно требовалась лошадь, так как добраться до замка пешком он не успевал. Когда он уже был в седле, подбежал конюх.

— Эй, ты кто такой? Эта лошадь…

Кайлар надел на лицо маску судьи и с грозным рычанием повернулся к конюху. Изо рта и глаз вылетели вспышки синего пламени.

Перепуганный конюх отскочил назад и с громким воплем рухнул в лохань, из которой поят лошадей.

Кайлар несся в замок во весь опор. Перед Западным Королевским мостом снял с себя украденную одежду и превратился в невидимку. Остаток пути он летел, словно выпущенная из лука стрела, оставляя позади недоумевающих стражников, которые не могли понять, откуда доносится топот убегающих ног. Он не стал бегать по лабиринту коридоров и беспорядочно расположенным залам, а вскарабкался на стену и уже в следующую минуту оказался на балконе королевы. В том месте, где Кайлар выносил труп Мэгс Дрейк, по-прежнему не хватало выломанного куска перил.

Заглянув внутрь, Кайлар обнаружил, что королева не одна.

22

— До того как я послала тебя за сестрой Джесси, ты сказала, что чему-то обучалась в течение двух лет, — произнесла Истариэль Вайянт, занимающая в Часовне должность спикера. Обе женщины сидели у нее в кабинете, расположенном на самом верху статуи серафима. — Чему именно?

— Ка'карифер, — ответила Ариэль.

— Что? Боюсь, я подзабыла хириллический язык.

— Ты никогда им хорошо и не владела, — возразила Ариэль. — Если не ошибаюсь, твои отметки по курсу чужеземных языков оставляли желать лучшего.

— Отвечай на вопрос, Ариэль, — не сдержала раздражения Истариэль.

Из всех сестер не больше десяти помнили ее весьма скромные успехи по некоторым предметам, но ни одна из них не осмелилась бы спорить со спикером. Ариэль не в счет. И не потому, что они родные сестры, и это дает определенные привилегии. Нет, Ариэль вступит в спор и станет поправлять любого.

— Ка'кариферы — владельцы самых главных в мире камней, — принялась объяснять Ариэль. — Попросту говоря, камней, наделенных неимоверной магической силой. Первоначально владельцами являлись приверженцы Света, служившие Джорсину. Одна Трейс Арвагулания чего стоит! Думаю, тебе бы она понравилась. Она была одним из величайших умов эпохи, которая, сама по себе, прославилась выдающимися умами. Возможно, великие достижения того времени не удалось превзойти и по сей день. Правда, Россерти утверждает, что миловианский период не менее важен. Лично я считаю, что его возражения по поводу наследственного права и преемственности Алитэры не имеют под собой никакой почвы. Мне кажется, в период Междуцарствия милетские традиции грубо нарушались. Но я уклоняюсь в сторону. Так вот, эта блистательная женщина, Трейс Арвагулания, славилась своим уродством. В некоторых летописях ее называют самой безобразной женщиной своего времени, хотя я думаю, эти легенды сильно преувеличены, впрочем, как и все остальные. И вот однажды Трейс достался камень, даровавший ей неземную красоту. У поэтов той эпохи нет единого мнения по поводу ее внешности. Мне кажется, прав Хэмбоуэр, автор труда «Сентенция». Черт бы подрал всех лодрикарских ученых и их громоздкие синтаксические правила, только тут уж ничего не поделаешь! Короче говоря, причина путаницы при описании этой женщины заключается в том, что ка'кари не менял внешность Трейс, а только влиял на то, какой ее видят разные люди. Всякий раз он превращал ее в красавицу, наделяя достоинствами, которые ценил тот или иной человек. А теперь представь, сколько денег заработал бы Эзра на косметике!

Ариэль сделала паузу, ожидая, что собеседница оценит шутку и рассмеется. Однако та сидела с непроницаемым лицом.

— Потрясающе, — отозвалась она наконец равнодушным голосом.

— Разумеется, потом ка'кари куда-то исчез и уже больше не появлялся. Думаю, все это сказки, иначе он непременно бы дал о себе знать. Имеются более веские доказательства, подтверждающие существование красного ка'кари. Первоначально его подарили Корвэру Блэкуэллу. С тех пор лорда Блэкуэлла стали называть Корвэром Красным. После его гибели во время сражения на Джеранских равнинах ка'кари достался человеку по имени Малак Мок'мази, на нашем языке это звучит как Малак Огненнорукий, хотя, конечно же, аллитерация при переводе не сохранилась. Летописи обеих враждующих сторон утверждают, что он сражался, находясь внутри бушующего пожара, который охватил всю равнину и уничтожил армию Гурвани. После смерти Малака — вероятно, огонь все же оказался слабее яда — ка'кари время от времени давал о себе знать, оказываясь в руках разных владельцев. — Ариэль издала лающий смешок, но Истариэль по-прежнему оставалась серьезной. — Некоторые из этих владельцев заслуживают доверия. Взять хотя бы Герддиоса. Все его рассказы, по нашим сведениям, являются достоверными. Так вот, он утверждает, что лично…

— Удалось ли тебе узнать что-нибудь новое? — оборвала ее Истариэль, пытаясь изобразить живой интерес к рассказу собеседницы.

Ариэль облизнула пересохшие губы и, устремив взгляд в потолок, задумалась.

— Я пришла к выводу, что вся имеющаяся на данный момент в нашем распоряжении литература оставляет открытыми самые насущные вопросы, — призналась Ариэль, — А также большинство вопросов менее насущных, — добавила она.

— То есть ты затратила два года на то, чтобы в конце концов прийти к выводу, что ничего определенного выяснить не можешь.

Слова Истариэль прозвучали вызывающе грубо, но с Ариэль иначе нельзя. Долг платежом красен.

— Вот почему я хотела поподробнее разузнать о Джесси аль'Гвайдин, — скривившись, ответила Ариэль.

«А вовсе не потому, что об этом попросила спикер».

На мгновение Истариэль прониклась завистью к своей забывчивой старшей сестре. Ариэль всегда напоминала скалу, мимо которой с ревом катятся волны большой политики, а она их даже не замечает. Конечно, она страшная зануда, зато приносит большую пользу. Всякий раз, когда Истариэль нужно услышать мнение профессионала по поводу магической стороны того или иного вопроса, она прибегает к помощи сестры, а та, словно спущенная с привязи гончая, берет след, и ни одна мелочь не ускользнет от ее внимания. Самое ценное, что она ни с кем не станет делиться своими открытиями, доверяя все тайны только книгам, которые пишет, и Истариэль. Одним словом, Ариэль с лихвой окупает все неприятности, причиной которых является. И все равно, ну нельзя же быть такой занудой!

Ах, если бы Ариэль направила свой блестящий ум на политику… Истариэль не раз приходила в голову эта мысль, и она гнала ее прочь, считая очередным приступом паранойи. Если бы Ариэль пожелала избрать для себя такую стезю, то именно она стала бы спикером, а Истариэль пришлось бы удовольствоваться ролью обычной рабочей клячи. С Ариэль можно справиться, только зная ее единственное уязвимое место. Она — верующая, но верит не в какое-либо божество, а в Часовню. Есть нечто трогательно-наивное в женщинах, которые искренне веруют во всю эту чепуху о «служительницах серафима». Благодаря этой вере ими гораздо легче управлять, чем магами, которые полагаются только на самих себя. Стоит только сказать: «Это нужно во благо Часовни», и Ариэль свернет горы.

— Ариэль, я столкнулась со сложной задачей, и мне требуется твоя помощь. Знаю, ты никогда не признавала…

— Я сделаю все, что надо.

— Прошу тебя, подумай о благе… — Истариэль замолчала под пристальным взглядом сестры. — Кажется, ты хочешь что-то сказать? — спросила она.

— Ты хочешь, чтобы я обучила Виридиану Совари и взяла под защиту, пока она не уничтожит Эрис Бюэль и Рабынь, и я это сделаю.

После слов сестры у Истариэль едва не выпрыгнуло сердце из груди. Надо же, выложила все как есть. А ведь речь идет о заговоре, раскрытие которого означает гибель для спикера.

— Никогда не смей об этом говорить! — прошипела она. — Даже здесь, в моем кабинете.

Ариэль презрительно подняла бровь.

— Сегодня вечером она пройдет обряд посвящения? — Истариэль пригладила платье.

— Как и договаривались. Однако есть кое-какие трудности.

— Каким *талантом* наделена эта девушка? — нахмурилась Истариэль. — Можно ли ее считать ровней Эрис Бюэль?

— Нет, — откликнулась Ариэль, — их нельзя сравнивать. — Истариэль тихо выругалась. — Ты не поняла. Она во всем превосходит Эрис Бюэль. Ви Совари наделена гораздо более сильным *талантом,* чем я сама.

Глаза Истариэль расширились от удивления. Как все сестры, она не любила признавать

превосходство других и считала, что у Ариэль, которая всегда была самой сильной женщиной-магом, это тоже должно вызвать раздражение, ну хотя бы чуть-чуть.

— Улиссандра превзойдет *талантом* всех, но потребуется еще пять лет, — заметила Ариэль.

— Прекрасная новость. Только я не могу ждать пять лет. У меня их просто нет. И мне нужна твоя помощь, чтобы к весне сделать из Ви Совари что-нибудь стоящее. Представители Рабынь направляются сюда, чтобы продемонстрировать силу и выставить свои требования.

«А возможно, и сместить спикера».

— Ты пойдешь на уступки, — сказала Ариэль, и ее слова не прозвучали вопросом.

— Они хотят, чтобы мы открыли мужскую школу. Я говорю «хотят», но это слово совершенно неуместно. Нет, они требуют признания своего так называемого ордена и места в совете, благодаря чему станут самым могущественным орденом в Часовне. При любом голосовании они получат большинство голосов. А еще они требуют отмены всех запретов на супружество, чтобы вступать в брак с магами. Требуют отмены Алитэрских соглашений. У народов Мидсайру возникнут все основания опасаться возврата к алкестианской магократии. Рабыни организовали новый орден. Он объединит народы против нас, а ведь именно мы являемся оплотом света в мире мрака. Ариэль, я могу сделать вид, что иду на уступки, но разрушения не допущу.

— Чему я должна научить Ви? — спросила Ариэль, и Истариэль с трудом скрыла охватившую ее радость. Теперь сестра в ее руках.

Истариэль немного помолчала, борясь с желанием сразу же выяснить, сделает ли непокорная сестрица все, чего требуют сложившиеся обстоятельства. Нет, не надо спешить, когда следует соблюдать осторожность.

— Учи ее так, как и других сестер. Помоги Ви узнать, на что она способна и какова ее сила, а потом приступай к обучению.

Глаза Ариэль широко раскрылись, потом сощурились. Они обе знали, что девушка почти достигла уровня боевого мага. Ариэль мгновенно откликнулась на просьбу сестры, возможно почувствовав в ней приказ. А может быть, она просто чертовски умна.

Именно то, что надо. Осторожность соблюдена, и распоряжение отдано. Это все, что может себе позволить Истариэль, чтобы сохранить должность, если хоть одно слово из их разговора выйдет наружу. Конечно, придется держаться на расстоянии от Ариэль и Ви. Это поймет даже Ариэль… если, конечно, заметит. А теперь надо сгладить острые углы и поддержать иллюзию.

— Сестра Ариэль, ты заслужила награду за то, что приводишь в нашу обитель такие великие *таланты.* На моей памяти вот уже пятьдесят лет, как в Часовне не появлялись одновременно две такие талантливые ученицы. — Она многозначительно улыбнулась. Ведь пятьдесят лет назад в Часовне появилась она сама и Ариэль.

— Мне думается, с тех пор прошло гораздо больше времени.

— Ты заслуживаешь поощрения, — настаивала Истариэль с застывшей улыбкой на губах. — Может быть, тебе что-нибудь нужно для занятий?

Ну конечно же, сейчас Ариэль ответит, что рада служить во благо Часовни.

— Ничего, — твердо заявила Ариэль.

К моменту ухода Ариэль заставила сестру согласиться со всеми пунктами и даже не соизволила проявить обычную любезность. А могла бы и попросить какую-нибудь ерунду и дать Истариэль возможность с легким сердцем отказать, чтобы потешить уязвленную гордость хотя бы маленькой победой.

Истариэль откинулась на спинку кресла и стала рассматривать в зеркале свои волосы. Нужно предстать перед посланником Алитэры в безупречном виде. По крайней мере, ее белокурые волосы сохранили прежнюю красоту. По доходящим время от времени слухам, сестры полагают, будто она обязана густой сияющей шевелюрой действию магических сил. Это, разумеется, ложь, но такие слухи доставляют Истариэль удовольствие.

Мысли снова вернулись к сестре Ариэль и ее рассказу об уродине Трейс, как ее там…

Ариэль утверждает, что Трейс непременно бы ей понравилась… Истариэль нахмурилась, и на отразившемся в зеркале величественном, но некрасивом лице прорезалось множество малопривлекательных морщин. Если бы Ариэль обладала чувством юмора, Истариэль сейчас могла бы стать объектом очередной изящной шутки сестры.

Истариэль пренебрежительно фыркнула. Ариэль и чувство юмора… Пожалуй, лучшей шутки и не придумать.

23

Кайлар всматривался в комнату через застекленную дверь балкона. В темной королевской спальне парочка предавалась любовным играм на широкой кровати. Их движения становились все быстрее, и Кайлар сделал вывод, что любовники приближаются к кульминации или же наделены от природы недюжинной энергией. По привычке он бросил взгляд на петли, удерживающие балконную дверь, и сразу же понял, что, даже если она визжит, как стадо свиней, эти двое ничего не услышат. Внезапно смутившись, Кайлар отвернулся к окну, потом решительно двинулся вперед.

На его месте джентльмен дождался бы завершения любовной сцены, но мокрушник решил воспользоваться подвернувшейся возможностью и проскользнул в комнату.

Мужчина застонал и замер на месте. Послышался громкий шлепок, и женщина, ухватив любовника за ягодицы, стала трясти его, призывая продолжить удовольствие. Пару раз дернувшись, он окончательно затих, совершенно выбившись из сил.

— Чтоб тебя! — выругалась Тэра Грэзин, сбрасывая с себя любовника. — Я-то думала, что хоть в этот раз все будет как надо!

— Прости, сестричка, — откликнулся Люк Грэзин.

Кайлар внезапно почувствовал легкое головокружение, а ка'кари только тихонько свистнул.

«Вот уже пару столетий я не наблюдал инцеста между членами королевского семейства. В последний раз это случилось в Иммуре, где подобные вещи не вызывают удивления», — пробормотал он Кайлару.

Люк прижался к Тэре и положил ей голову на грудь. Он был значительно выше и массивнее сестры, и такая поза выражала странную покорность. Кайлара поразила разница в их возрасте. Люку было лет семнадцать, но выглядел он моложе, а Тэре исполнилось двадцать пять, и она казалась старше своих лет. Интересно, сколько времени продолжается их связь?

Дарзо учил, что, если в процессе работы происходит нечто неожиданное или удивительное, имеет значение только один вопрос: повлияет ли это на осуществление задуманного плана? В данном случае напрашивался отрицательный ответ, если только Люк не надумает остаться до утра. Кайлар отбросил в сторону сомнения и направил мысли в другое русло. Придется затаиться и ждать, иного выхода нет, а пока надо спрятаться за колонной в дальнем углу комнаты.

Люк приподнялся на локте и заговорил с сестрой:

— Послушай, сестричка, хочу поговорить с тобой насчет завтрашнего утра. То есть уже сегодняшнего.

— Ты будешь командовать первым в своей жизни сражением, — отозвалась Тэра, отводя рукой непокорный локон за ухо брату. — Тебе ничего не грозит. Я отдала приказ телохранителям, чтобы они…

— Вот и я об этом, Тэр. — Люк вскочил с кровати и начал одеваться. — Я не участвовал ни в сражении в роще Пэввила, ни в набегах. Меня не было во время битвы с горцами на перевале Ревущие Ветра.

— Только не заводи разговор о Логане Джайре.

— Я — главнокомандующий королевскими армиями Сенарии, а мой военный опыт ограничивается кулачной дракой с сыном свинопаса. Мне тогда было десять лет, а ему —

восемь. Я проиграл, и ты велела его высечь.

— Главнокомандующие сражаются не кулаками, а головой, а твои разведчики оказали неоценимую помощь во время сражения в роще Пэввила, — утешила брата Тэра.

— И как ты только умудряешься втиснуть две лжи в одно короткое предложение? — возмутился Люк и прекратил зашнуровывать тунику. — Мы не имеем к той победе ни малейшего отношения, ее одержал Логан. И непонятно, почему мы сидим во дворце и правим страной, когда наши головы должны быть насажены на копья. А с разведчиками я так напортачил, что страшно вспомнить. Они даже решили, что я нарочно хочу провалить операцию, и посчитали меня предателем.

— Кто смеет так говорить? — грозно спросила Тэра, и ее глаза загорелись гневом.

— Какая разница?

— Чего ты хочешь, Люк? Я отдала тебе все, что могу.

Люк примиряющим жестом поднял руки вверх.

— Именно это я и пытаюсь тебе объяснить! Ты дала мне все, чего может добиться мужчина в течение всей жизни…

— Так чего же еще тебе надо? — прервала Тэра брата.

— Думаю, нам надо остановиться.

— Остановиться?

— Да, и тебе и мне. Нам обоим. — Он отвел взгляд в сторону.

— Скажи, ты по-прежнему меня любишь?

— Сестричка…

— Я задала простой вопрос.

— Безумно, — тоскливо откликнулся Люк. — Если люди узнают о нашей любви, они в мгновение ока посадят на трон Логана.

— Логан не будет нам вечно угрожать.

— Сестренка, он достойный человек, настоящий герой. Ты ведь не хочешь его убить?

— Не учи меня управлять страной, Люк, — со зловещей усмешкой ответила Тэра.

— Послушай, Тэра… — начал Люк.

— Нет, это ты послушай! Ты вечно скулишь и жалуешься на жизнь, а я решаю все вопросы. Я иду на риск — ты получаешь награды. Так шел бы ты подальше вместе с угрызениями совести! Лучше пройдись по своим девкам, все равно шлюхой назовут меня!

— Хочешь меня убедить, что не переспала со всеми вельможами королевства?

— Ах ты, сволочь! — Тэра отвесила братцу звонкую пощечину. — Они ко мне и пальцем не притронулись!

— В таких делах можно обойтись и без пальцев.

Тэра снова ударила Люка по лицу.

— Не смей так делать! — возмутился Люк и в следующий момент получил еще одну пощечину.

— Пусть называют меня шлюхой, — снова заговорила Тэра. — А ты можешь спать со всеми женщинами подряд. Разрешаю. В ту ночь, когда ты сюда приходишь, я просыпаюсь за два часа до рассвета, чтобы горничная успела сменить постельное белье и прачка не обнаружила никаких следов твоего пребывания. Между прочим, она — шпионка Са'каге. Зачем я это делаю? Да потому что люблю тебя и заслуживаю хотя бы немного благодарности.

Люк попытался выдержать взгляд сестры, потом отвел глаза в сторону.

— Прости, Тэр. Просто я очень боюсь.

— Иди и немного поспи. А ко мне придешь после победы.

Тэра многообещающе улыбнулась.

Глаза Люка загорелись мальчишеским озорством.

— А что, если я наведаюсь прямо сейчас?

— Нет, спокойной ночи, Люк.

— Ну пожалуйста.

— Приятных сновидений, Люк.

После ухода Люка королева уснула. Кайл выждал полчаса, а потом извлек на свет кинжал, лезвие которого затупилось и покрылось ржавчиной. Работа окаянного Пожирателя!

«Прости, пожалуйста», — прошелестел ка'кари.

Кайлар протянул руку, чтобы уколом кинжала разбудить Тэру, но вдруг остановился. Есть вещи куда более страшные, чем изъеденный ржавчиной кинжал.

Кайлар изучал лицо Тэры, как это бывало со всеми его жертвами. Тэра относилась к типу женщин, происхождение и репутация которых привлекают людей гораздо больше, чем дарованная природой красота. Сейчас, почти без одежды, с ненакрашенным липом, она скорее походила на обычную худенькую крестьянскую девушку, а не на королеву. Тонкие потрескавшиеся губы кажутся совсем бесцветными. Едва наметившаяся линия бровей, короткие ресницы, слегка загнутый книзу нос и молочно-белая кожа, которую портят редкие прыщики. Лицо наполовину закрыто прядями распущенных волос.

В этот момент Кайлар почувствовал к Тэре Грэзин невольное уважение. Она родилась в одной из самых выдающихся семей Сенарии и обладает неукротимым нравом и несгибаемым духом. Она возвысилась вопреки желанию мужчин, которые презирают ее за молодость, за то, что она женщина, пользующаяся дурной репутацией. Тэра Грэзин стала королевой не случайно. Но сейчас перед ним просто одинокая женщина, которую собирается разбудить проникший в спальню ночной кошмар.

Иногда Кайлар, сам того не желая, проникался жалостью к тем, которых предстояло прикончить. Дарзо учил, что лучший наемный убийца понимает свою будущую жертву лучше, чем она сама. Кайлар верил словам учителя, но всякий раз, когда приходилось совершить нечто, вызывающее ужас жертвы, возникали сомнения, а не теряет ли он человеческий облик. Одно дело — нагнать страху на негодяев и убийц, и совсем другое — ворваться в спальню к молодой женщине, чтобы напугать ее до смерти.

Впрочем, Тэра Грэзин не просто женщина, а еще, на беду, и королева. Ее глупость может стоить жизни тысячам людей. Кроме того, Тэра намеревается убить Логана, являющегося законным королем. Прочь сомнения, надо действовать!

Кайлар подошел к кровати и откинул в сторону одеяло, освобождая для себя место. С присущей наемному магу-убийце осторожностью он стал медленно усаживаться на матрас. Кайлар некоторое время сидел неподвижно с выпрямленной спиной, скрестив ноги и сложив руки на коленях. На лице появилась маска разгневанного судьи.

Молодая королева спала на боку, засунув руки под подушку, и ему не составило труда стащить со спящей женщины толстое одеяло. Приходилось действовать осторожно, чтобы не разбудить Тэру раньше времени. Но медлить тоже нельзя, так как в комнате прохладно, и она попытается во сие натянуть на себя одеяло. Кайлар отвернул простыню, открывая обнаженное тело.

Он не смотрел на женщину, испытывая к себе отвращение. Кайлар хотел увидеть Тэру беззащитной, не владеющей собой. Вот она пошевелилась, и он снова замер, выпрямив спину. Холодное синее сияние становилось все ярче.

Теперь самая трудная задача. Внезапно разбуженная жертва начинает кричать, и в этот момент ее бесполезно уговаривать и запугивать. Можно разбудить Тэру, зажав ей рот рукой, но это не вызовет ужаса, на который он рассчитывает.

Как и предполагал Кайлар, Тэра Грэзин просыпалась медленно. Она беспомощно моргала, словно защищаясь от утреннего света, который еще не проник в комнату. И тут ее взгляд остановился на ночном ангеле. Его глаза горели синим пламенем, а при каждом выдохе изо рта вырывались синие вспышки. Тело то становилось невидимым, словно легкая черная дымка, то начинало переливаться металлическим блеском. У женщины перехватило дыхание, и из горла вырвался тихий всхлип.

Ноги Тэры свело судорогой, а руки беспомощно шарили по кровати в поисках одеяла, до которого она никак не могла дотянуться. Женщина поползла к краю кровати. Кайлар сидел неподвижно, словно древнее божество, и прикасался к ней только *талантом.* Он еще

не достиг мастерства в этом деле и все же сумел с первой попытки схватить Тэру за горло. Рука *таланта* пригвоздила ее к кровати.

Занеся руку вверх, как для удара, когда в ней зажата рукоять кинжала, Кайлар призвал ка'кари, который превратился в клинок в форме лепестка.

— Не надо кричать, Тэра, — прошептал он. — Ты поняла?

Он специально назвал королеву по имени, как добрую знакомую, и от этого стало еще более жутко. Пусть всякий раз, вспоминая их встречу, королева дрожит от страха.

Глаза женщины расширились от ужаса, и она молча кивнула.

— Прикройся, шлюха. От тебя за версту несет семенем братца, — приказал он Тэре, освобождая ее горло и убирая ка'кари из руки.

Королева судорожным движением схватила простыню и стала натягивать на себя, сжимая ткань в побелевших от напряжения кулачках. Она никак не могла унять бившую все тело дрожь.

— Поскольку ты управляешь моим городом, — обратился к ней ночной ангел, — я требую, чтобы ты выполняла свои обязанности надлежащим образом.

— Кто ты? — спросила королева сдавленным, дрожащим от страха голосом.

— Ты отменишь наступление. У Гаруваши нет продовольствия, и он не сможет держать город в осаде.

— Ты явился, чтобы помочь мне спасти Сенарию? — с недоверием в голосе спросила Тэра.

— Я в любом случае спасу Сенарию, вместе с тобой или от тебя. Дай мне два дня. Гаруваши не знает, как скверно обстоят дела в городе, и начнет переговоры.

Тэра Грэзин уже начала потихоньку приходить в себя.

— Он отказался от переговоров, так как поклялся никогда не вступать в переговоры с женщиной.

Новость удивила Кайлара. Интересно, что это нашло на Гаруваши?

— Значит, он будет вести переговоры не с тобой, а с Джайром.

В глазах Тэры вспыхнула ярость.

— С Джайром?! Так ты — посланец Логана? Это ты спас нас в саду во время переворота. Значит, тебя волнует только судьба Джайра. Это ты его спас. Ты его спас, а теперь хочешь, чтобы ему достались все лавры. И после всего, что мне пришлось сделать ради короны, ты хочешь оставить меня в дураках? Рассчитываешь, что я позволю Логану стать победителем? Да лучше сразу умереть! — Она с надменным видом поднялась с кровати и потянулась за висящим на кресле платьем. — Теперь я полагаю…

Тэра не успела издать ни звука, как Кайлар вдавил ее в кровать, сам уселся сверху и нанес удар в солнечное сплетение, а потом закрыл рукой лицо. Схватив с туалетного столика шпильку для волос, он пронзил женщине руку. Кайлар позволил ей сделать вдох, а потом заполнил рот ка'кари, чтобы пленница не вздумала кричать.

Тэра, лишенная возможности кричать, стала выдыхать воздух носом и измазала руку Кайлара соплями. Он пошевелил шпильку, а потом взял со столика еще одну.

Тэра извивалась и брыкала ногами, пытаясь издать какие-то звуки через нос. Кайлару снова пришлось призвать на помощь ка'кари и закрыть ей нос.

Глаза женщины вылезли из орбит, вены на шее вздулись, и она стала задыхаться. Тэра еще пыталась барахтаться, и Кайлар прижал ей коленями руки. Он показал Тэре шпильку и дотронулся острием до лба.

Горло королевы судорожно дергалось, но сама она затихла. Кайлар провел шпилькой по лбу, потом между глазами, скользнул по тонкой коже век.

На мгновение ему пришла в голову мысль об Элене. Что бы она подумала, застав его за подобным занятием? Ужас королевы вызывал отвращение, тем не менее на губах Кайлара по-прежнему играла злобная усмешка. Он убрал шпильку от ее глаз, чтобы Тэра увидела лик судьи.

— Ну что, ты не изменила решения и по-прежнему предпочитаешь смерть? —

поинтересовался ночной ангел.

24

Лодка медленно приближалась к алебастровому серафиму, но его вид не принес Элене успокоения. Если она правильно поняла смысл письма Ви, та окольцевала Кайлара против его воли, да еще теми самыми обручальными серьгами, что предназначались для него самого и Элены. Кажется, это случилось так давно. За всю жизнь Элена не испытывала такой ярости.

Она знала разрушительную силу этого чувства, которое съедает человека заживо. Всего неделю назад она убила человека, но даже тогда не испытывала такой ненависти.

Элена понимала, что проявляет неповиновение, лелея в душе чувство обиды и постоянно подпитывая праведный гнев. Однако ненависть к женщине, причинившей ей столько зла, придавала силы. Ви заслуживает ненависти.

Лодка причалила к маленькой пристани, которую магические силы защищали от дождя, и лодочник показал Элене на выстроившуюся в ряд очередь. Девушка присоединилась к десяткам других людей, главным образом женщин, явившихся в Часовню с прошениями. Часом позже, когда Элена назвала свое имя и попросила о встрече с Ви, одна из сестер нашла записку, в которой сообщалось о ее прибытии, и куда-то отправила одну из послушниц.

Через несколько минут появилась пожилая женщина-маг. Кожа на ее лице обвисла, а одежда свободно болталась и была явно не по размеру. Создавалось впечатление, что женщина за короткий период времени слишком резко похудела.

— Здравствуй, Элена. Меня зовут сестра Ариэль. Пойдем со мной.

— Куда вы меня ведете?

— К Ули и Ви. Ведь ты за этим сюда пришла?

Сестра Ариэль повернулась спиной и пошла прочь, не дожидаясь ответа.

Они проделали долгий путь, прежде чем достигли этажа, где находилось помещение больницы с несколькими сотнями коек, расположенными полукругом по статуе серафима. Большинство кроватей пустовало, но сестры с зелеными поясами сновали между теми, на которых лежали больные. Иногда они прикасались к стенам, и те сразу же становились прозрачными и пропускали внутрь рассеянный солнечный свет.

— Ули заболела? — спросила Элена.

Сестра Ариэль ничего не ответила и повела девушку мимо десятков коек. У некоторых девушек, которые на них лежали, были забинтованы руки и ноги. У большинства пациентов вообще не было заметно ран, и Элена предположила, что раны, нанесенные магическими силами, не всегда оставляют следы на теле.

Наконец они остановились у кровати, но на ней лежала не Ули, а Ви. От волнения у Элены перехватило дыхание. Увидев рыжеволосую девушку мельком на постоялом дворе, Элена поначалу решила, что они никогда раньше не встречались, однако сейчас поняла, что ошибалась. Ви присутствовала на роковом вечере в поместье Джадвина, который оказался последним. В тот вечер Ви явилась блондинкой в ярком красном платье, которое само по себе было вызовом общественному мнению. Элена хорошо помнила бурю чувств, которая охватила ее в тот вечер. Потрясение, что кто-то имеет дерзость облачиться в столь откровенный наряд, осуждение и восхищение. Как и все присутствующие в зале мужчины и женщины, Элена не могла отвести взгляд от этой красавицы. Потом на смену негодованию пришла черная зависть, от которой противно засосало под ложечкой, и нахлынула обида, что ей самой никогда не сравниться с такой женщиной. Вдруг страстно захотелось ловить на себе восхищенные взоры и надеть такой же наряд, понимая в душе, что этого никогда не будет. И все равно, так хотелось оказаться на месте ослепительной красавицы, хотя бы на пару коротких мгновений. Элена смотрела на Ви. С копной рыжих волос она еще прекраснее, чем в тот вечер, когда на ней, вероятно, был белокурый парик.

Элена подошла поближе к кровати и посмотрела на ухо Ви, в котором в лучах

утреннего света, струящегося сквозь прозрачные стены, сверкала сережка из митрила и золота. Она была парой той самой прекрасной обручальной сережки, которую Элена хотела надеть на Кайлара. Ураган чувств, которые переживала Элена, вдруг тяжелым камнем обрушился на сердце. Так значит, перед ней соперница? Эта тварь окольцевала Кайлара. Ничего удивительного, что Кайлар предпочел ее. Какой бы мужчина устоял?

Сестра Ариэль подошла незамеченной и стала рядом с Эленой.

— Когда она спит, — заговорила шепотом Ариэль, — я вижу, какой красавицей стала бы Виридиана.

Элена бросила быстрый взгляд на сестру Ариэль.

«А разве можно быть прекраснее?»

— Она раздражена и больна, причиняет массу беспокойств и чувствует себя оскорбленной. Ее нрав так же низок, как прекрасно тело. Сама увидишь, когда она проснется. Настоящее ходячее несчастье. Ремесло, которому ее обучали, погубит любого, у кого есть душа. Ты сама знаешь об этом на примере Кайлара. Но Ви не просто обучалась мерзкому ремеслу, а занималась этим под руководством Хью Висельника и часто находилась под ним самим в прямом смысле слова еще с тех пор, как была ребенком. Всякий раз, когда я смотрю на нее спящую, то испытываю зависть, несмотря на то что уже стара. Я забываю, что красота не принесла Ви счастья, — Сестра Ариэль немного помолчала, как будто о чем-то задумалась. — На самом деле среди всех мужчин и женщин у нее был всего один настоящий друг — Джарл, а король-бог заставил ее убить этого человека.

Элена не хотела слушать историю соперницы.

— Что с ней случилось? То есть почему она сюда попала? — спросила она сестру Ариэль.

— У нас для инициации, или посвящения, требуются не только способности, но и сосредоточенность. — Сестра Ариэль тяжело вздохнула. — Ви обладает такими способностями, что они даже пугают. Ее *талант* равен красоте, и я боюсь, что, когда она поймет свою силу, это не пойдет ей на пользу. Для постижения нашего искусства требуются терпение и смирение, а женщины, наделенные таким огромным *талантом,* обычно лишены и того и другого. Вот почему я решила не откладывать обряд посвящения. После того, что она натворила и пережила за последние недели, о сосредоточенности не может быть и речи, у нее и желания-то жить не осталось. Это равносильно смертному приговору. — Ариэль пожала плечами. — Элена, я знаю, что Ви причинила тебе страшную боль. Эти обручальные серьги очень древние, и я их сейчас изучаю, чтобы выяснить, можно ли разорвать установленную с их помощью связь между людьми. Знаешь, надежды у меня мало. Ви сама призналась, что надела на Кайлара серьгу, когда он лежал без сознания. Остальные сестры об этом не знают. У нас подобный поступок приравнивается к тяжкому преступлению. Даже если Ви совершила его, спасая всю страну и самого Кайлара. Безусловно, она заслуживает любого возмездия, которое покажется тебе уместным. Если захочешь, можешь ее разбудить. Надумаешь остаться в Часовне, тебя проводят в отведенные комнаты, а если пожелаешь встретиться с Ули, ее утренние занятия заканчиваются через два часа. На случай, если понадоблюсь, я буду у себя в комнате. Спроси любую послушницу, ты их легко узнаешь по белым одеждам, и они отведут тебя, куда захочешь.

Сестра Ариэль вышла из палаты, оставив Элену наедине с Ви. Элена осмотрелась по сторонам, но никого не обнаружила. Потрогала висящий на поясе нож. Можно убить Ви и со спокойной совестью уйти отсюда. Ведь ей уже доводилось убивать. Теперь Элена знает, как это делается.

Девушка крепко зажмурила глаза.

«Нет, не могу!»

Прошло достаточно много времени, прежде чем она решилась открыть глаза. До боли стиснутые челюсти разжались, и напряжение прошло.

Вот она Ви, лежит перед ней, такая прекрасная, умиротворенная и беззащитная. Перед мысленным взором Элены предстала не роскошная красавица, которая явилась в особняк

Джадвина и привела в смятение всех гостей, вызвав похотливые желания у одних и жгучую зависть у других. Та женщина обладала страшной притягательной силой. Нет, глядя на беспомощную соперницу, Элена вдруг представила ее маленькой девочкой, которая, как и сама Элена, жила в Крольчатнике. Они были красивыми детьми и обе вышли оттуда, получив страшные раны. Элена снова посмотрела на Ви. Да, она была прелестной беззаботной девчушкой с копной огненно-рыжих волос, пока Крольчатник не утопил ее в своих нечистотах.

«У нее никогда не было ни одного друга».

Элена сначала не поняла, откуда донеслись эти слова: то ли она высказала вслух свои мысли, то ли услышала голос Господа. Ей вдруг стало ясно, к чему призывает Господь Единый.

Тяжело дыша, она застыла на месте.

— Господи, как тяжко! Ви нельзя простить после всего, что она натворила. Я хочу ее возненавидеть, хочу быть сильной и заставить ее заплатить за причиненное зло!

Элена говорила и говорила и не могла остановиться, убеждая себя, что Ви заслуживает самой страшной кары. Она должна искупить страданием свою вину, и тогда справедливость восторжествует. Господь не ответил ничего, но Элена чувствовала его молчаливое присутствие. Перед ней встал очень простой выбор: послушно следовать воле Господа или ослушаться.

Глубоко вздохнув, она села на стул рядом с кроватью Ви и стала ждать ее пробуждения.

Сестра Ариэль, следившая за девушкой с лестницы через щелочку в двери, первый раз за все это время вздохнула с облегчением. Несколько минут показались ей вечностью. Ариэль отпустила *талант* и плотно закрыла дверь. Одержана очередная победа в азартной игре. Хотелось бы надеяться, что удача и дальше будет на ее стороне.

25

После двухчасового ожидания в обществе нервного начальника пристани за Солоном явился Микайдон, блюститель гражданского порядка в Хоккае. Эта должность подразумевает не только ответственность за обеспечение правопорядка, но и дает ее обладателю большой политический вес, так как только он имеет право следить за людьми благородного происхождения и обыскивать их и принадлежащее им имущество. Солон сразу узнал этого человека.

— Ошоби, — обратился к нему Солон, — ты занял высокое положение в этом мире.

Ошоби Такеда недовольно хмыкнул.

— Так значит, это действительно ты.

Ошоби носил регалии, которые полагаются в его должности, с видом человека, использующего их как доспехи, а не как украшение.

Ошоби был крепким тридцатилетним мужчиной внушительной внешности. Разумеется, он носил шлем с открытым забралом, чтобы были видны сделанные из электрума, сплава золота с серебром, кольца клана Такеда, обрамляющие правый глаз. Шесть стальных цепочек соединяли затылок с левым ухом. Рыбы на шлеме были позолочены, как и наплечник на левой руке, сделанный из кожи и металлических пластинок. В руках он держал трезубец ростом с него самого. За спиной висела сеть, словно плащ спадавшая с закрепленных на плечах шипов. По краям такой сети обычно подвешивали свинцовые грузы, чтобы при броске она раскрывалась. К сети Ошоби были подвешены миниатюрные кинжалы. Искусный воин мог использовать ее не только как сеть, но и как щит или оружие. Судя по многочисленным шрамам и мощной мускулистой груди, Ошоби Такеда за прошедшие годы превратился именно в такого воина. Ошоби очень шло его имя, которое переводится как «большая кошка» или «тигр», а Солон помнил времена, когда старшие мальчишки называли его Ошиби, «котенок». Трудно представить, что кто-нибудь осмелится сейчас так его

назвать.

— Я прошу о чести получить аудиенцию императрицы Вариямо, — обратился к нему Солон.

Своим заявлением он давал понять, что не хочет подчеркивать свое положение и безоговорочно признает статус императрицы.

— Ты находишься под арестом, — ответил Ошоби и мгновенно снял сеть с шипов на плечах, словно желая найти подходящий предлог для ее немедленного использования.

Вот кретин! Ведь Солон — маг, неужели Ошоби об этом забыл? Конечно, сейчас на мага он не похож. После десяти лет службы у герцога Регнуса Джайра Солон превратился в сурового воина, покрытого шрамами, ни в чем не уступающего Ошоби. Только теперь у него на голове неестественно белые волосы.

— На каком основании? В чем меня обвиняют? У меня есть определенные права, Микайдон, если не как у принца, — он прикоснулся к щеке, на которой отсутствовали следы от колец, — то как у человека знатного происхождения. — После слов Ошоби у него защемило сердце. Значит, Кайде в ярости. Хотя чему здесь удивляться?

— Твой брат отказался от всех прав Тофьюсинов. Пойдешь сам или я тебя поволоку силой?

«Что же сделал брат?»

Во время всего царствования брата Солон изучал искусство магии в различных школах, а предсказания Дориана привели его в Сенарию как раз в момент смерти Седжурона Тофьюсина. Они не успели сблизиться. Седж был на десять лет старше, но у Солона сохранились о брате самые хорошие воспоминания. Очевидно, Ошоби имел на этот счет иное мнение.

— Что-то ты расхрабрился, Ошиби, — спокойно произнес Солон.

Ошоби стремительным движением повернул трезубец и нацелил его тупой конец в голову Солона. Тот схватил древко руками и, устремив на Микайдона презрительный взгляд, проговорил:

— Я пойду с тобой.

На сердце легла свинцовая тяжесть. Во время царствования Седжурона Солон вместе с Дорианом и Фейром колесил по Мидсайру в поисках Кьюроха, и поэтому ничего удивительного, что новостей из дома доходило мало. Кроме того, когда он, скрывая свое имя, отправился в Сенарию, то на родине об этом никому не сказал. За проведенные на чужбине годы он не имел возможности узнать, что происходит на родине. Необходимость скрывать свое имя вынуждала Солона избегать соотечественников. Сетцы, встречавшиеся на пути, сами избегали Солона, видя в нем изгнанника, который не носит колец, указывающих на принадлежность к клану.

По дороге во дворец Солон с наслаждением вдыхал запахи родины, любовался с детства знакомыми картинами, и на душе становилось легче. Родная земля, словно волшебный бальзам, залечивает раны. Только сейчас он понял, как тосковал по красным холмам Ариголея. Когда громоздкая четырехколесная колесница Микайдона свернула на вымощенную булыжником дорогу, ведущую во дворец, Солон устремил взор на запад. Как в большинстве городов, подъезды к дворцу были плотно застроены жилыми домами и лавками. Однако в Сете застраивалась только восточная сторона Императорской дороги, а на западной стороне вот уже в течение многих веков росли виноградники. Их безупречно ровные ряды тянулись по холмам до самого горизонта, насколько видел глаз. Лозы были усыпаны тяжелыми гроздьями, и специально назначенные люди проверяли их зрелость. Вот-вот начнется уборка урожая.

Во многих королевствах дворяне каждое лето должны поставлять в армию определенное количество людей, а в Сете рекрутов набирали каждую осень, во время уборки винограда. Солон увидел огромные широкие корзины, сложенные в конце каждого ряда. Виноградники не огораживали стенами, так как они являлись гордостью Сета, его живительной силой, и ни один сетец не посмел бы нанести им урон и не позволил сделать

это чужеземцам. Кража отростков виноградной лозы стала причиной войны между Сетом и Ладешем. Потеря шести кораблей считалась дешевой платой за возможность потопить корабль ладешского купца, который хотел увезти отростки к себе на родину и развести там виноградники. Ладеш располагает монополией на шелк, но великолепное, ни с чем не сравнимое по вкусу вино покупают только в Сете.

Солон, как любой сетец, ценил виноградники не только за красоту. В них заключался глубокий смысл. Процесс посадки, прививки растений, подрезки, выращивания и ожидания урожая имел огромное значение для каждого жителя империи.

Они проехали последний холм, и Солон, впервые за двенадцать лет, увидел Уайтклиффский дворец, выстроенный из белого мрамора, который свидетельствовал об огромном богатстве империи в период расцвета. Ни на одном из островов Сетской империи белый мрамор не добывали, а возить его из-за океана было так дорого, что, глядя на дворец, Солон всякий раз испытывал чувство благоговения, смешанное со стыдом за расточительность своих предков. Надворные постройки, кузницы, казармы, дома для прислуги, псарни, амбары и склады охватывали одну сторону холма полукольцом, словно челюсти с гранитными стенами, а на вершине находился сам дворец. Широкие ступени, по которым можно проехать на лошади, вели на первый ярус, а оттуда в приемную, в которой отсутствуют стены, но имеется крыша из мрамора, оникса и витражного стекла, поддерживаемая резными мраморными колоннами.

Подъехав к лестнице, Ошоби приказал своим людям остановиться.

— Ты намерен вести себя как подобает или хочешь еще больше ухудшить свое положение? — обратился он с вопросом к Солону.

— Я приехал сюда решать проблемы, а не создавать их, — ответил Солон.

— Слишком поздно, — заметил Ошоби. — Отправляйся в комнату на первом этаже.

Солон согласно кивнул. Обычно людей знатного происхождения провожали на второй этаж, а человека его звания должны отвести на третий, но в его положении сойдет и первый, все лучше темницы. Кроме того, у Кайде будет время подумать, как с ним поступить.

Они поднялись по лестнице вдвоем, не привлекая особого внимания. К Ошоби здесь, по-видимому, привыкли, а Солон носил сенарийскую, а не сетскую одежду, и, если не подходить близко, отсутствие клановых колец не бросалось в глаза. Кроме того, приближалось время сбора урожая, и у всех было полно дел.

Небесные стражи помогли при постройке наружной приемной, и поэтому рисунок на панелях из витражного стекла менялся в зависимости от времени года. Сейчас яркое солнце освещало приемную, казавшуюся лиловой от картин, изображающих сбор и давку винограда. Женщины танцевали в огромных чанах, высоко подняв юбки, что совершенно необходимо при данном процессе, а мужчины хлопали в ладоши и всячески их ободряли. Повсюду были батальные сцены, картины морских походов и рыбной ловли, роскошных балов и праздников в честь Нисоса. Некоторые панели выглядели ярче других, напоминая Солону о временах детства. Он был еще мальчиком, когда на город обрушился доселе невиданный град и разбил десятки панелей. Он помнил, как отец проклинал недальновидных предков, которым вздумалось соорудить стеклянный потолок. И кому в голову пришла подобная глупость? Однако пришлось заменить панели из витражного стекла точно такими же, несмотря на баснословную цену, которую пришлось заплатить. Нельзя допустить, чтобы потолок приемной рухнул и разбил все вдребезги.

Ошоби и Солон прошли через огромные двери из черного дуба, ведущие во внутреннюю приемную, по обе стороны которой находились две белые лестницы. А дальше вход во дворец устилал императорский ковер лилового цвета. Приемную украшало множество скульптур из мрамора и золота. Когда они прошли мимо лестницы к боковой двери, к Ошоби подошел маленький старичок. Солон в жизни не видал более миниатюрных людей. Старичок остановился и молча уставился на Солона. Это был старый гофмейстер императоров Вариямо, раб, пожелавший навеки остаться с императорской семьей, вместо того чтобы стать свободным человеком на седьмой год службы. Старик, конечно же, узнал

Солона. Он быстро пришел в себя и что-то зашептал Ошоби, который тут же повернул назад и знаком предложил Солону следовать за собой, в большой зал.

Они прошли через большой зал, мимо декоративных геометрических рисунков, составленных из мечей и копий. Еще одно свидетельство расточительности, которое говорит приехавшим сюда послам: мы так богаты и имеем столько оружия, что используем его в качестве украшения. По мнению Солона, такая расточительность все же разумнее крыши из витражного стекла. В большом зале никого не было, не считая стражников у дальней двери, но оба были так молоды, что не могли узнать Солона. Они с готовностью распахнули двери во внутреннюю часть императорского двора, и Ошоби даже не пришлось замедлить шаг. Ошоби провел Солона мимо огромного трона, с которого его отец и брат управляли страной, и они оказались во внутреннем дворе.

Внизу, у основания лестницы, украшенной фигурами львов, распахнулись двери, и они поднялись наверх по двадцати одной ступеньке. Невидимая рука сжала Солону горло, и тут он увидел ее, женщину всей своей жизни.

Кайде Вариямо была брюнеткой с изумительной кожей оливкового цвета, темно-карими глазами, красиво очерченным носом и пухлым чувственным ртом. Ее прическа соответствовала приближающемуся сбору урожая, изящную головку на тонкой шее украшали собранные в «конский хвост» густые волосы. Наджика императрицы была сшита из простого хлопка и представляла собой одеяние, переброшенное через плечо и собранное складками на другом бедре. Наджика ниспадала на пол, полностью скрывая ноги, но оставляя обнаженной одну грудь. Во время пребывания в Мидсайру Солон не раз объяснял людям, что сетские мужчины тоже считают женскую грудь красивой и привлекательной, тем не менее им она не кажется эротичной. В Сете мужчины говорят о женской груди так же, как в Мидсайру отмечают красоту глаз. Однако, прожив в Мидсайру десять лет, Солон почувствовал, как забилось сердце при виде любимой женщины в таком откровенном наряде. В те далекие времена Кайде тоже его любила. Сейчас ей исполнилось двадцать восемь, и она мало напоминала ту невинную девочку, которую некогда знал Солон. На передний план вышел недюжинный ум и несгибаемая воля, которую раньше скрывала юность. Отверстия от клановых колец на правой щеке давно заросли, однако следы остались, показывая всему свету, что она не является императрицей по рождению.

Солону казалось, что Кайде стала еще красивее. Он хорошо помнил день, когда отправился изучать магию. Он целовал эту тонкую шею, ласкал грудь и до сих пор ощущал запах ее волос. Все произошло в этой вот комнате, и они были уверены, что их никто не найдет. Солон ласкал Кайде и все время думал, когда девушка его остановит, если вообще остановит. Он так этого и не узнал. Ее мать Донэ Вариямо застала их с поличным и разнесла в пух и прах. Разъяренная женщина обзывала Солона такими грязными словами, что будь он немного постарше, то просто вышвырнул бы ее из дворца. Дочь она тоже не пощадила, излив на бедняжку весь накопившийся яд. Тогда он предал Кайде. Стыд удержал его от желания защитить девушку, которая была младше его и гораздо беззащитнее. Это стало первым раскаянием, связанным с Кайде.

— Ах, Кайде, — обратился он к императрице, — твоя красота затмевает звезды. Почему же ты не отвечала на мои письма?

Светящаяся в глазах доброта вдруг сменилась холодным металлическим блеском, и в следующее мгновение она изо всех сил ударила Солона по щеке.

— Стража! В темницу этого недоноска!

26

Когда появился Кайлар, люди уже начали собираться в большом дворе перед южными городскими воротами. Посланники королевы, которые возвестят об отмене атаки, должны появиться с минуты на минуту. Кайлар почти не сомневался, что так и будет. Однако Дарзо учил, что, имея дело с грешными людьми, нельзя рассчитывать на логику и благоразумие. В

любом случае его работа еще не завершена.

Са'кьюраи еще спали, но Кайлар на этот счет не заблуждался и не сомневался, что утренняя атака не застигнет их врасплох. Они могут спокойно спать, а потом перебить сенарийцев, даже не пропустив завтрака.

Мокрый снег прекратился, и Кайлар смог пробраться к палатке Лантано Гаруваши. Полководец спал у стены на простой циновке.

Кайлар остановился у стола, заваленного картами. Никогда в жизни он не встречал таких подробных карт. Здесь были карты города с кварталами и объектами, раскрашенными в разные цвета. Кайлар не совсем понимал, что означает каждый цвет. На других картах планы пригородов со всеми возвышенностями и указанием состояния дорог и удивительно точной схемой Архипелага Контрабандистов. Квадраты с полковыми знаменами представляли различные подразделения, размещенные в городе, и Кайлар обнаружил среди них только что сформированные полки кроликов. Значит, у са'кьюраев есть в городе шпионы, которые передают важные сведения. Здесь также имелись карты различных районов страны, на которых отмечены силы противника, а также белые пятна, свидетельствующие о том, что са'кьюраям известно не все. Они не знали, кто удерживает перевал Ревущие Ветра на севере, и не имели точных сведений о силах Лэ'нота на юго-востоке. Но на последней карте Кайлар увидел гибель Сенарии.

Фигуры представляли силы Логана, которые были несколько преувеличены, а у них за спиной к армии Гаруваши подходило подкрепление.

«Я не генерал, а всего лишь наемный убийца и, похоже, полный дурак».

Кайлар смотрел на карты и думал, что знает о создавшейся ситуации гораздо лучше находящихся в городе генералов. Лантано Гаруваши ринулся захватывать город без лошадей и обозов, но это не означает, что он не приказал им идти вслед за армией.

Разумеется, приказал. Они находятся в нескольких днях пути отсюда и идут за армией Логана, а тот ничего не подозревает. Гаруваши наверняка отправил отряд са'кьюраев, который обойдет войско Логана и будет охранять обоз с продовольствием.

Среди бумаг были также планы по найму пиратов, перекрытию дорог контрабандистов, ведущих в город, и поднятию восстания в Крольчатниках. Са'кьюраи уже вели переговоры с представителями Са'каге, которые знают тайные пути в город. На данный момент Са'каге предлагали не слишком хорошие условия сделки, но генералы не сомневались, что они станут сговорчивее, когда прибудет обоз с продовольствием, и голодным сенарийцам ничего не останется, как наблюдать за пиршеством, которое устроит противник.

Чем больше Кайлар узнавал новостей, тем тяжелее становилось на душе. Конечно же, Са'каге вступят в переговоры с кьюрцами. Одно дело — отказаться от сотрудничества с халидорцами, которые хотят уничтожить всю Сенарию, и совсем другое — передать ненавистную королеву в руки здравомыслящего человека, который не станет вмешиваться в дела Са'каге. Прибытие обоза с продовольствием означает конец Мамочки К., которая попытается предотвратить кровопролитие. Вот только надо решить, что лучше: тысячи людей, умирающих от голода в Крольчатниках, или сотня голов, которые скатятся с плеч знати? Очень скоро вырытые контрабандистами туннели заполнят са'кьюраи.

— Приветствую тебя, ночной ангел, — раздался голос Лантано Гаруваши.

Полководец поднялся с циновки.

Кайлар не сомневался, что остается невидимым, и бросил взгляд на бумаги, зависшие в воздухе. Странное зрелище. В следующее мгновение он скинул с себя личину невидимки.

— Доброе утро, вождь.

Лантано Гаруваши относился к редкому типу людей, которые с обнаженным торсом имеют более грозный вид, чем облачившись в боевые доспехи. На его теле отсутствовал жир, но в отличие от большинства других искусных фехтовальщиков, имеющих, как и сам Кайлар, худощавое телосложение, у Гаруваши был богатырский торс кузнеца, и под кожей четко вырисовывались мощные мускулы. На руках, груди и животе виднелись неглубокие шрамы, ни один из которых не повредил мышцы и не мешал свободе движений. Раны,

которые говорят о том, что получивший их человек лишь изредка допускает незначительные ошибки.

Лантано Гаруваши встряхнул головой, как будто отгоняя сон, и Кайлар понял, что это продуманный жест, демонстрирующий привязанные пряди волос более чем шестидесяти поверженных врагов. Послышался перестукивающий звук, словно в чаше перекатывались мраморные шарики.

— Я ждал тебя.

Лантано Гаруваши грустно улыбнулся Кайлару.

Кайлар не верил глазам. Неужели вождь спит так чутко, что его может разбудить тихий шелест бумаги на расстоянии пятидесяти футов?

— Если бы ты действительно меня ждал, то выставил бы вокруг палатки пятьдесят са'кьюраев.

— Я понял, что ты придешь, когда мой часовой сообщил о шутке со связанными рейтузами.

— Он сообщил об этом? — От удивления у Кайлара отвисла челюсть.

Гаруваши с довольным видом улыбнулся. Кайлару хотелось увидеть на лице вождя хотя бы тень самодовольства, но его улыбка была на редкость заразительной.

— Я его слегка наказал и щедро наградил, на что он и рассчитывал.

— Вот сукин сын!

Всякий раз, когда Кайлар делал что-нибудь, кажущееся вполне уместным, то неизменно получал по физиономии.

«Ну что, получил еще один урок?» — ехидно поинтересовался ка'кари.

Кайлар не обратил внимания на издевку.

— Значит, если ты ждал моего прихода, то все эти бумаги — полная чушь и обман? — Он бросил карты и планы на стол. — И обоза с продовольствием тоже нет?

— Обоз вот-вот придет. — С лица Гаруваши исчезла улыбка. — Если не веришь, подожди пару дней. Неужели ты думаешь, что все эти донесения успели написать после того, как ты подшутил над часовым? Ведь, как ты сам понимаешь, это огромная работа. И с моей стороны было бы непростительной глупостью загубить все труды, заявив, что я тебя давно жду.

Кайлар в недоумении заморгал.

— Так в чем заключается игра?

— Можем ли мы быть друг с другом откровенными? — спросил Гаруваши, натягивая на себя одежду.

— В этом случае мы сумеем добиться лучших результатов, чем если вдруг надумаем лгать и играть друг с другом в прятки.

Гаруваши немного помедлил, а потом сказал:

— Твои слова справедливы. Что ж, ночной ангел, знай: я хочу стать королем.

— Верховным королем? — переспросил Кайлар.

— Ты говоришь так, будто в этих словах для тебя скрывается тайный смысл, — пришел в недоумение Гаруваши.

— Просто до меня дошли кое-какие слухи, — отозвался Кайлар, проклиная в душе свою глупость.

— С какой стати мне становиться верховным королем? Сенария и Кьюра — маленькие страны и находятся рядом, а короли-вассалы превратятся в моих соперников. — Он махнул рукой, словно отгоняя ненужную мысль, и принялся завязывать вокруг талии шелковое кимоно. — Через год я стану королем Кьюры. Я добился славы, и она способствует достижению моих целей. Однако в нашей столице Эну спесивая знать называет меня варваром. Они признают мое воинское искусство, но разве может мясник и убийца стать королем? Вот таким нападкам они подвергают всех выдающихся людей. Поэтому у меня есть некоторый интерес захватить город без убийств и кровопролития. Мы оба хорошо знаем, что я могу взять Сенарию штурмом, ведь я дал тебе достаточно времени для изучения

моих бумаг.

— Так чего же ты добиваешься? — поинтересовался Кайлар.

— Капитуляции, полной и безоговорочной. Даю слово, что буду милосердным. Весной мы уйдем, и я заявлю свои претензии на престол, а когда его получу, еще раз подарю эту страну вашей королеве.

Кайлар не мог скрыть раздражения, которое вызвали слова Гаруваши, и это не укрылось от внимания вождя.

— Ты хочешь, чтобы королем стал герцог Джайр? Договорились. Я даже верну половину королевской казны. Кроме того, в течение зимы мои воины расправятся с Са'каге. Скажи, неужели ради этого не стоит пойти на кое-какие жертвы и позволить нам здесь перезимовать? Неужели они ценятся выше половины казны?

«Особенно если учесть, что казна совершенно пуста», — услужливо подсказал ка'кари.

Кайлар понял, что Гаруваши известно положение дел в Сенарии. Он знает, что халидорцы забрали отсюда все, что смогли вывезти. Просто он предлагает королеве победу, чтобы потешить ее гордость. Не желаешь ли получить половину пустой казны? И пусть кьюрцы разносят по всему свету молву о щедрости Гаруваши, что еще больше укрепит его репутацию как человека благородного. Никто и не вспомнит, что казна пуста.

— Хочешь, чтобы Сенария доверилась тебе? Делаешь подобное предложение народу, который совсем недавно страдал под властью самого жестокого из известных тиранов?

— Да, это трудно, — пожал плечами Гаруваши. — Можно поступить так, как хотите вы. Однако, если моим людям придется заплатить за этот город своей кровью, они прольют и чужую кровь. Отнеси эти бумаги королеве и подожди несколько дней и убедись, что я не блефую. Кстати, должен заметить, что запланированная на утро атака не является свидетельством военного гения. Бросьте своих кроликов против прекрасно обученных рыцарей, и осаде сегодня же придет конец.

— Атаки не будет. — Кайлар махнул рукой. — Действительно, глупая затея.

— Значит, у тебя есть силы изменить ход событий. Это меня и интересовало.

Сказанное мимоходом замечание Гаруваши поразило Кайлара в самое сердце. Он с небрежным видом ведет переговоры о десятках тысяч жизней и судьбе всей страны. Как он мог до такого дойти?

Как это воспримет Логан? Кайлар может следовать данной клятве и подчинится, но не допустит победы Тэры. Нет, он не станет убивать Тэру. Вместо него это сделает Лантано Гаруваши.

Гаруваши — человек достойный и честный, тем не менее эти качества не всегда сочетаются с добротой. По кьюрским обычаям не нужно просить прощения за вырванную из других рук власть. Он исполнит клятву и проявит милосердие в том виде, как сам его понимает. Кайлар знает его недостаточно хорошо, чтобы представить, во что может вылиться обещанное милосердие. Кьюрская знать называет Гаруваши варваром. А что, если они правы?

Однако Сенария ставит на карту не только жизни людей. Кайлар недолго оставался в городе после убийства короля-бога Гэрота Урсуула, но из уст в уста передавались истории о тех событиях, и в них слышалась гордость, которую люди испытывали по поводу Ночи крови.

Сенария сгорела дотла, и на пепелище пробиваются ростки чего-то нового и хорошего. Возможно, Сенария является землей, где все малое становится великим, несмотря на огромные, кажущиеся непреодолимыми трудности и тяжкие испытания, которые пришлось пережить. Так было во время Ночи крови и битвы в роще Пэввила. Или она служит козлом отпущения для Мидсайру, и соседи будут вечно нарушать ее границы? Неужели их агрессию может остановить только полное разложение страны, когда гниение проникнет так глубоко, что никто не захочет ею править?

В Сенарии есть великие люди, такие как Мамочка К., Логан, граф Дрейк и Дарзо. Они настоящие исполины. Разве они не могут стать героями, как случилось бы в любой другой

стране? И тогда Резаный Врабль стал бы прославленным воином, а не наемным убийцей. Кайлар думал о счастливой судьбе Сенарии, но на пути стояли две преграды: войско Лантано Гаруваши и Тэра Грэзин.

— Пожалуй, я не позволю тебе совершить задуманное, — сказал Кайлар.

Гаруваши уже полностью оделся и стоял перед Кайларом, засунув большие пальцы рук за пояс, где обычно висели мечи. Вероятно, такая поза была для него привычной и означала прямую угрозу для всякого, кто смеет усомниться в искусстве Гаруваши. Он небрежным жестом вынул пальцы из-за пояса и обратился к Кайлару:

— Собираешься меня убить? Сражаться с невидимкой трудно, но, кажется, у нас уже есть опыт.

Кайлар не обратил внимания на его слова. Он смотрел мимо кьюрца, туда, где лежала его циновка. Его внимание привлек предмет, который явно представлял собой меч в ножнах, и этим мечом должен быть Кьюр'келестос. Тот самый меч, который Гаруваши не засунул за пояс. Меч, который Кайлар забросил в лес Эзры.

— Славный меч, — заметил Кайлар.

Лицо Гаруваши вспыхнуло румянцем, который он попытался скрыть под небрежной улыбкой. Однако у Лантано Гаруваши была слишком светлая кожа.

— Что скажут твои люди, когда узнают, что в ножнах подделка? Ты не хочешь проливать кровь? А как насчет того, чтобы вообще не вынимать меч из ножен?

Учитывая сложившуюся ситуацию, Лантано Гаруваши прекрасно владел собой и легко справился с приступом гнева. Его взгляд стал безжизненным и утратил всякое выражение, а мышцы расслабились. Так снимает напряжение искусный мастер клинка, готовящийся к бою. Кайлар слышал, что однажды Гаруваши перерезал противнику глотку, прежде чем тот успел выхватить меч. Тогда он не поверил, что на такое способен человек, не наделенный *талантом,* но теперь изменил мнение.

Однако Лантано Гаруваши не собирался нападать. Вместо этого он вынул из ножен мнимый Кьюр'келестос и засунул за пояс, изобразив на лице приятную улыбку.

— Я тоже знаю твою тайну, ночной ангел. Ты являешься точной копией Кайлара Стерна и не хочешь потерять это обличье. А заодно и всех друзей и множество вещей, к которым ночной ангел сам по себе не смог бы получить доступа.

— Напомни мне поблагодарить за это Фейра. — Кайлар немного помолчал. Интересно, что еще есть в запасе у са'кьюрая? Неужели его выходкам не будет конца? — Если я потеряю обличье Кайлара Стерна, это причинит огромную боль. Но у меня есть не только Кайлар Стерн, и не только им я могу стать. Я могу изменить имя.

— Поменять имя несложно, — согласился Гаруваши. — В Кьюре иногда так делают, чтобы увековечить великие события, случившиеся в нашей жизни, а вот лицо… — Он осекся, когда Кайлар провел рукой по лицу и принял облик Дарзо. — Ага, что-то новенькое.

— Потеря сходства обойдется мне дорого и будет стоить многих лет труда, — сказал Кайлар. — Давай посмотрим на дело с другой стороны. Если ты не сможешь извлечь меч из ножен, то не поведешь за собой людей, какой бы исключительной силой ты ни обладал. Я хорошо знаю Кьюру, и мне известно, что король не может править, имея железный меч, а такого понятия, как са'кьюрай без меча, просто не существует.

Лантано Гаруваши многозначительно поднял бровь и бросил взгляд на висящие на бедре ножны с мечом.

— Если желаешь повторить наш поединок в лесу, я к твоим услугам. Фейр Коузат в тот же день отправился в заколдованный лес за моим мечом и вернулся назад. Даю слово са'кьюрая, это до него никому не удавалось. Я по-прежнему владею Кьюр'келестосом и докажу это, напоив его дух твоей кровью.

Клятва прозвучала серьезно, но Кайлар понял: Гаруваши не хочет, чтобы он догадался об истинном положении вещей.

— У тебя нет ничего, кроме ножен и эфеса. Скажи, что я лгу, Гаруваши, и тогда я стану перед твоей палаткой и вызову на поединок перед всей армией. Когда са'кьюраи узнают, что

ты потерял Кьюр'келестос, они разорвут тебя голыми руками.

Гаруваши стиснул зубы и долгое время не произносил ни слова.

— Будь ты проклят, — изрек он наконец, хотя голос звучал уже мягче. — Будь проклят, что забрал мой меч, и будь проклят Фейр, что заставил меня жить. Он действительно вернулся из леса и сказал, что его избрали, и теперь он должен сделать для меня другой Кьюр'келестос. Он знает, что са'кьюраи не простят утраты меча, и дал мне этот эфес, поклявшись вернуться к весне. Я ему верю. — Гаруваши тяжело дышал. — И тут являешься ты, ночной ангел, чтобы меня уничтожить. Не знаю, возненавидеть тебя или восхищаться. Я почти добился, чего хотел, понял это по твоему лицу. Послушай, наступит когда-нибудь конец твоим шуточкам?

Кайлар по-прежнему был настороже.

— Тебе ведь не нужна Сенария. Просто еще одна быстрая победа, которая добавит славы, и легенд о твоих подвигах станет еще больше.

— Что значит военный вождь без войны, ночной ангел? Я стал непобедимым до того, как получил Кьюр'келестос, а теперь ты хочешь, чтобы я проиграл в войне с Сенарией? Ты не знаешь, что такое вести за собой людей.

— Зато я хорошо знаю, как их убивать и просить других заплатить за мои ошибки.

— А знаешь ли ты, как себя чувствует человек, отказывая себе в радости получить малую часть того, что дает жизнь? Думаю, знаешь. Ты можешь представить меня с закатанными штанами, на корточках в поле, рядом с собственным слугой, собирающим рис? Эти руки не предназначены для мотыги. Ты взял себе имя Кайлар Стерн, а зачем? Потому что ты тоже родился с железным мечом в руках. Моим воинам нужна еда, но победа им нужна еще больше. Со мной или без меня, они останутся здесь на зиму. Туннели, которые мы расширили, чтобы пройти через горы, теперь превратились в реки и лед. Если ты выдашь тайну, са'кьюраи меня убьют, ну а что потом? Они обрушат всю свою ярость на твой народ. Послушай, ночной ангел, ради всеобщего блага, согласись на мои условия. Иди к королеве и скажи, чтобы она сдалась. Даю слово, что в случае капитуляции не погибнет ни один сенариец. Нам нужны лишь еда и место, где можно провести зиму. А когда весной мы покинем страну, она снова сядет на трон.

«Понятно. И, получив Сенарию вместе с Кьюр'келестосом, ты больше ни о чем не станешь просить».

— Ты сложишь оружие, Лантано Гаруваши, — покачал головой Кайлар.

— Не могу, — процедил сквозь стиснутые зубы Гаруваши. — При капитуляции даже сенарийцы складывают мечи к ногам победителя.

Кайлар об этом не подумал. Значит, для Лантано Гаруваши не представляется возможной не сама сдача, а то, что ему в этом случае неизбежно придется сделать.

— Возможно, существует еще и третий путь, — философски заметил Кайлар.

27

Когда Пэрик, сводный брат Дориана, повел свою армию в Халирас, чтобы захватить престол, он самовольно оставил очень важный пост. Генерал Тэлуин Нага, который служил под его началом, стоял перед троном и рассказывал королю-богу о вторжении дикарей. По словам генерала, оно должно произойти весной.

— Так значит, их шестьдесят тысяч? — переспросил Дориан. — Как им удалось поднять такое войско?

— Вот именно поднять, ваше святейшество. Это, пожалуй, самое подходящее слово, — вмешался маленький лодрикарец, сопровождавший генерала Нагу.

— Кто ты?

— Это Ашайя Вул, — сообщил генерал. — Он состоял при вашем отце в должности Raptus Morgi — хранителя мертвых. Думаю, вам стоит послушать его рассказ.

— Никогда не слышал о такой должности, — удивился Дориан. Слово «raptus»

первоначально означало не «хранитель», а «забирающий» или «вор». Внутри у Дориана что-то перевернулось.

— Ваше святейшество, по приказу вашего отца, а еще раньше по приказу его отца эта должность являлась тайной, — объяснил Ашайя Вул. Он был абсолютно лысым, с шишковатым черепом, морщинистым лицом и близорукими глазами. — Меня знали просто как хранителя, а приближенные вашего отца, которых называют исполнителями, пресекали все вопросы.

Исполнители. Еще одна головная боль. Те, кто руководил осведомителями, палачами, шпионами и стражей, тысячи исполнителей воли короля-бога, еще дадут о себе знать. И все же Дориан не сомневался, что, рассказывая об этих людях, Ашайя Вул не осмелится лгать.

— Продолжай, — приказал он Ашайе.

— Ваше святейшество, не соблаговолите ли вы последовать за мной? Телохранителей лучше оставить здесь.

Неужели первая попытка покушения на жизнь короля-бога? Если так, то выглядит она довольно нелепо. Именно поэтому отказываться от предложении Ашайи нельзя. В прежние времена, когда делались попытки совершить покушение на жизнь Дориана, он безжалостно пресекал их в корне, и в конце концов они прекратились.

— Будь по-твоему, — согласился Дориан и, отпустив генерала, подал охранникам знак рукой, приказывая остаться в зале.

В приемной они столкнулись с Дженин.

— Мой господин, счастлива вас видеть.

Девушка приветствовала его, изобразив некую смесь принятого в Халидоре поклона с сенарийским реверансом. Подняв вверх подбородок, она на мгновение потупила глаза и сделала правой рукой приветственный жест, характерный для халидорских придворных, а левой придержала подол юбки, приседая в глубоком реверансе. Движения Дженин были полны изящества и грации. Наверняка девушка потрудилась над ними заранее. Дориану вдруг пришло в голову, что в Халидоре нет общепринятого приветствия, которое женщина адресует равному по положению мужчине. Халидорские дамы, занимающие одинаковое положение в обществе, при встрече друг с другом ограничиваются кивком головы. Однако мужчины знатного происхождения считают женщин ниже себя, а мужчины из низших сословий вообще не имеют права смотреть на женщин благородной крови. И все без исключения женщины Халидора падают ниц перед королем-богом. Дженин нашла компромиссное решение, и Дориан улыбнулся, восхищаясь ее сообразительностью.

Он отвесил Дженин более низкий поклон, чем предписывал этикет. Ни один король-бог до него так не поступал.

— Госпожа, я рад нашей встрече. Чем могу служить?

— Я надеялась провести весь день в вашем обществе. Я не помешаю вашим делам, а просто хочу немного поучиться.

Дориан посмотрел на Ашайю Вула, который скромно отвел взгляд в сторону. Он не осмеливался выразить недовольства по поводу решений властелина и даже не смел взглянуть на его женщину.

— К сожалению, мне предстоит осмотреть нечто в высшей степени неприятное. Подобные вещи не для ваших глаз, да и мне самому это не доставляет радости. Дождитесь меня в тронном зале, я скоро вернусь.

Дориан повернулся, намереваясь удалиться.

— Но я хочу это видеть, — не отступала Дженин.

От такой неслыханной дерзости у Ашайи Вула отвисла нижняя челюсть, и он снова уставился в пол, покраснев как рак.

— Умоляю простить мои опрометчивые слова, повелитель, а также мою невежественность. — Девушка слегка прикусила нижнюю губу, — Мой отец никогда не смотрел на то, чего не желал видеть, и в результате его убили, истребили нашу семью и повергли в руины всю страну. Правителю приходится иметь дело с вещами, которые ему не

по душе. Это одна из обязанностей властелина. Отец отказался ее выполнять, потому что был человеком слабым и продажным. У кого еще мне учиться, как не у вас?

— То, что я намереваюсь осмотреть, выходит за рамки воображения. Вашему отцу не приходилось иметь дела с подобными вещами даже в страшном сне.

— Пусть так, — настаивала Дженин, — я хочу все увидеть своими глазами.

Дориан не мог сдержать улыбки. Ему нравилась решительность девушки, хотя и вызывала удивление.

— Хорошо, — согласился он. — Ашайя, покажи нам все, во что собирался посвятить меня одного. Ты понял? Абсолютно все.

Ашайя Вул ничего не ответил, сделав вид, что не имеет собственного мнения, а возможно, так оно и было на самом деле. Неприятный приказ короля-бога можно сравнить с непогожим днем. Он может не нравиться, но изменить нельзя ни то ни другое. Итак, Ашайя повел их в недра Цитадели, а оттуда в туннели, проложенные в самой горе. Дориан чувствовал исходящий от Ашайи вир — он не был сильным. В лучшем случае он майстер третьего уровня шу'ра.

Наконец Ашайя Вул остановился перед дверью, которая ничем не отличалась от сотен других дверей в глубинах Цитадели. Слой пыли на полу был таким толстым, что скорее походил на землю. С первого взгляда становилось ясно: в эту комнату никто давно не заходил. Ашайя повернул ключ и открыл дверь.

Дориан последовал за лодрикарцем в темноту комнаты, держа наготове вир. Комната напоминала огромную пещеру. Спертый воздух пах плесенью и еще какой-то зловонной дрянью.

Ашайя пробормотал заклинание, и Дориан мгновенно установил три слоя защиты вокруг себя и Дженин. В следующее мгновение в том месте, где Ашайя прижал к стене руку, под аркой вспыхнул свет и стал быстро распространяться от арки к арке, по высокому крашеному потолку. Прошло несколько секунд, и свет залил все помещение.

Когда-то здесь находилась библиотека, место, где царили красота и свет. Стены и колонны цвета слоновой кости и многочисленные фрески словно явились из забытой древней легенды, осветив царивший вокруг мрак. Глядя на них, возникали мысли о божественном начале и высоких целях. На длинных деревянных полках темно-красного цвета некогда хранились свитки и книги, а столы были расставлены так, чтобы за ними могли заниматься науками студенты и ученые.

Теперь здесь повсюду белели человеческие кости. В огромном помещении на всех полках и столах виднелись кости, которые, судя по всему, пролежали здесь много-много лет. На некоторых полках лежали целые скелеты с привязанными к запястьям бирками. Отдельные скелеты были составлены из человеческих костей, сложенных в форме других живых существ, но на большинстве полок находились одинаковые кости, причем мелкие были разложены по коробкам. Целую полку занимали бедренные кости, а рядом, на другой полке, стояли коробочки с фалангами пальцев. Дальше виднелись уложенные штабелем кости таза. Целые позвоночники и коробки с отдельными позвонками, а в центре комнаты огромные горы черепов.

Дориан убрал все три слоя защиты. Нападать на него здесь никто не собирался.

— Что это значит? — обратился он с вопросом к Ашайе.

Ашайя взглянул мельком на Дженин и, по-видимому, решил, что лучше всего рассказать правду.

— Ваше святейшество, на случай вторжения варваров здесь кроется ваше спасение. Это корпусариум. Когда генерал Нага говорит о кланах варваров, которые поднимают огромное войско, он имеет в виду вот такое хранилище костей. Два года назад один из их вождей обнаружил древнее захоронение и раскрыл секрет, которым, как нам казалось долгие годы, владеем мы одни.

— Он научился поднимать из могилы мертвецов?

— Нечто в этом роде, ваше святейшество.

— Как понимать твои слова?

— Души мертвых никто не тревожит, — пояснил Ашайя Вул.

— Хорошо хоть так, — усмехнулся Дориан.

Ашайя заморгал, не осмеливаясь улыбнуться словам повелителя. Дженин, как зачарованная, рассматривала груды костей, и Ашайя решил, что девушка пропустила разговор мимо ушей.

— Мы не обладаем способностью воссоединить душу с телом. Ваши предшественники пытались это сделать и обрести бессмертие. Безуспешно. Мы действуем по-другому. Берем кости, в которые вселяем некие существа, наделенные духом, но лишенные плоти. Их именуют пришельцами. А в результате появляются создания, известные как кралы. Первоначально их называли павшими, потому что, когда они погибали в бою, их снова поднимали, если рядом находился вюрдмайстер.

— Подожди, расскажи все по порядку, — приказал Дориан, чувствуя, что его начинает мутить.

— Все начинается в рудниках. Так было всегда. Короли-боги утверждали, что под Халирасом находятся богатые залежи руды, и поэтому для работы туда сгоняют рабов, преступников и пленных. Ложь. Нам не нужен ни их труд, ни сама руда, а только кости и предсмертные муки. Из костей получается скелет, а агония привлекает пришельцев.

— А что представляют собой пришельцы? — спросил Дориан.

— Нам неизвестно. Некоторые из них находятся здесь многие тысячелетия, но, несмотря на такое длительное общение, остаются загадкой. У них нет телесной оболочки, хотя мой учитель рассказывал, что когда-то они ходили по земле, любили, рожали детей, которые становились героями древних легенд, нефилимами. По утверждению южан, это название возникло из-за того, что когда-то пришельцы были детьми своего единственного Бога, а потом их сбросили с небес на землю.

Ашайя вымученно улыбнулся, явно сожалея об упоминании религии южан.

— Что же произошло потом?

— Мы не знаем, но пришельцы жаждут снова обрести телесную оболочку. Итак, мы берем кости умерших людей и освящаем, чтобы ими воспользовались пришельцы. Вот почему короли-боги приказывают кремировать свое тело после смерти. Они не хотят, чтобы мы воспользовались их костями.

— Что дальше?

— Человеческие кости необходимы для материализации живых существ, однако их одних недостаточно. А пришельцы соглашаются служить нам только ради материализации. Мы даем им тело, и оно не обязательно должно быть человеческим. Некоторые короли-боги считали, что возможна любая оболочка, и складывали человеческие кости в форме лошади или собаки. В этом случае поднять павших труднее, так как все они хотят обрести человеческий облик. Однако, должен заметить, лошади из них получаются отменные.

— А как же мышцы, кожа и все остальное? Неужели для их создания тоже требуются титанические усилия? — поинтересовался Дориан. Он учился на целителя и не мог представить, какая магия может воссоздать живого человека.

— Если скелет сложен правильно и имеется достаточное количество глины и воды, пришельцы призывают на помощь магию и изготавливают мышцы, сухожилия и кожу. Они не такие прочные и крепкие, как у людей. Король-бог Ройгарис мог создавать кралов, которые жили десять лет и больше, но он был блистательным анатомом. Он мог делать кралов-лошадей, волков, тигров и мамонтов, а также других живых существ, которым мы сейчас даже не знаем названий.

— Значит, они ведут себя как живые существа?

— Они и есть живые существа, ваше святейшество. Они дышат, едят и… — Ашайя снова взглянул на Дженин, — справляют большую и малую нужду. Просто чувствуют себя иначе, чем люди. Самая страшная боль, способная вывести из строя любого человека, не оказывает на них никакого действия. Они не жалуются на голод и упоминают о еде только в

том случае, если чувствуют, что их жизненные силы на исходе.

— Так они умеют говорить?

— Плохо. В темноте кралы видят лучше людей, правда на близком расстоянии. Соорудить глаза правильно очень сложно. Лучники из них получаются никудышные. Они испытывают различные чувства, но их гамма совсем не такая, как у людей. Страх встречается очень редко, так как они знают, что в случае уничтожения тела они рано или поздно обретут другое. И так будет всегда, пока продолжается династия королей-богов.

— Эти существа послушны?

— В большинстве случаев послушание беспрекословное, но они испытывают невероятную ненависть ко всему живому и никогда не помогут что-либо построить, даже если идет речь о военных сооружениях. Они умеют только разрушать. Проводились опыты, при которых крала помещали в одну камеру с пленником и предупреждали, что если он убьет соседа по камере, то погибнет и сам. Всякий раз крал убивал пленника, будь то мужчина, женщина, старик или маленький ребенок. Разве что детей они убивали быстрее. Им нельзя приказать захватить город и не убивать тех, кто сдался на милость победителя. Кроме того, кралы пожирают человеческое мясо и становятся от этого сильнее. Мы не знаем, по какой причине.

— Мой отец собирал все эти кости и ни разу ими не воспользовался? — удивился Дориан.

Странно. Может быть, Гэроту Урсуулу мешала исключительная порядочность?

— Прошу прощения, ваше святейшество, но ваш высокочтимый отец однажды воспользовался ими, когда восстал клан Хила. После чего он отметил, что Хилы, узнав о том, что их подвергнут надругательству и съедят, отчаянно сражались и погибли все до последнего человека. Ваш отец сожалел, что никого не осталось в живых, а ему нужны были живые люди, которыми можно управлять. Кралы оставляют после себя пепелище. Он берег их на случай крайней необходимости, которая так и не наступила. Вот почему здесь собралось столько костей.

— Сколько же их у нас?

— Примерно восемьдесят пять тысяч. Когда мы создадим кралов, нужно соблюдать их иерархию. Их система счисления отличается от нашей.

— Что ты имеешь в виду?

— Наша система основана на числах, кратных десяти. Например, десять, сто, тысяча, десять тысяч, сто тысяч, миллион. В основе их системы счисления лежит число тринадцать. Мой учитель говорил, что отсюда идет суеверный страх перед этим числом. Кралы накрепко привязаны к числам, кратным тринадцати. Майстер может сам командовать двенадцатью кралами, но если он захочет управлять тринадцатью или большим количеством кралов, то должен подчинить себе тринадцатого крала. Он отличается от остальных. Это белый крал, именуемый дэемоном. Белые кралы расторопнее остальных, их рост обычно более шести футов, и для их создания требуется больше магии. Каждый взвод состоит из тринадцати отрядов, по сто шестьдесят девять кралов в каждом. После того как из праха поднимутся тринадцать отрядов, следующий крал должен быть повелителем праха. Повелители праха хорошо разговаривают, отличаются силой, умом и сообразительностью, а еще они умеют пользоваться магией.

— Это вир?

— Нет, скорее всего, *талант* или что-то с ним схожее. Тринадцать повелителей праха образуют легион, и если вы не сами им командуете, то это должен делать крал, который называется извергом. Тринадцать извергов составляют армию, двадцать восемь тысяч пятьсот шестьдесят один крал. У вашего святейшества достаточно материала для трех армий, если вы сможете подчинить себе двух аркангхалов, которые поведут за собой две другие армии. Таким образом, у вас появится войско, насчитывающее более восьмидесяти пяти тысяч воинов.

— А что произойдет, если у меня появится тринадцать аркангхалов? Сколько это?

Около четырехсот тысяч кралов?

— Не знаю, ваше святейшество, — пробормотал перепуганный Ашайя, и Дориан понял, что он лжет.

— Разве никто не пробовал это совершить? Не смей мне лгать!

— Слухи, которые до меня дошли, являются страшным богохульством, ваше святейшество.

Ашайя беспомощно моргал.

— Как король-бог прощаю тебе любое богохульство.

Бедняга снова заморгал, но вскоре справился со своим страхом.

— Мой предшественник, хранитель Ирджин, говорил, что это попытался сделать первый представитель вашей династии, король-бог Ройгарис. Ему потребовались сотни тысяч скелетов, и он вторгся в страну, которая сейчас называется Фризом. Хранитель Ирджин рассказывал, что когда-то там существовала высочайшая цивилизация и было множество могущественных и хорошо укрепленных городов. Ройгарис без труда завоевал страну, так как жители считали его союзником. А потом согнал людей в лагеря и всех перебил, уничтожил целую цивилизацию. А еще хранитель Ирджин рассказывал, что после тринадцати аркангхалов король-бог Ройгарис обнаружил следующий, более высокий ранг, которому он дал имя ночного повелителя. С одним ночным повелителем Ройгарис завоевал остальную часть Фриза, а численность его армий все росла. А он никак не мог остановиться и решил, что приблизился к разгадке тайн вселенной. Он думал, что если сумеет подчинить себе тринадцать ночных повелителей, то станет выше Бога. Не знаю, наберется ли во всем мире такое количество людей, но учитель говорил, что Ройгарис взял в плен и предал смерти почти пять миллионов человек. Выше ночных повелителей он нашел… — Лицо Ашайи стало белым как мел и покрылось капельками пота, а голос перешел на свистящий шепот. — Нашел Хали. Она его уничтожила и стала нашей богиней. И подарила нам вир, чтобы привязать к себе и сделать из нас разрушителей. Вот почему Хали так любит предсмертные муки. Как и все пришельцы, она ненавидит все живое.

— Что было дальше, Ашайя?

— Джорсин Алкестес, — едва слышно прошептал хранитель.

У Дориана внутри все похолодело. Он слышал эту историю, но только воспроизведенную южанами. Безумный император и безумный маг. Завоеватель и его верный пес. Ашайя стал рассказывать, как Джорсин и Эзра остановили богиню и ее армию, состоявшую из пяти миллионов кралов.

— Какие бы потери ни несли наши армии днем, ночью они пополнялись новыми силами. Это делало нас практически непобедимыми. Однако Алкестесу каким-то образом удалось защитить великий город Трэйетелль и сделать так, что там стало невозможно поднимать из праха кралов.

— Ты говоришь о Черном Кургане? — спросил Дориан. Город находился на юго-востоке Халидора, но там никто и никогда не жил. Он считался проклятым местом, и на расстоянии многих миль там нельзя было встретить ни души. Действительно, на востоке Халидора население малочисленное. — Кому еще известно о костях и кралах?

— Все мои помощники — глухонемые. Мы собираем здесь всех умерших во дворце и в городе. Я никого не пускаю в большие комнаты. Из всех этелингов только Пэрик и Мобуру знали, что здесь находится. А генерал Нага узнал тайну от Пэрика, больше не от кого.

Да, больше не от кого.

— Значит, Пэрик был не дурак, — неожиданно вмешалась в разговор Дженин. С того момента как они зашли в хранилище костей, это были ее первые слова. — Имея двадцать тысяч человек, он направлялся сюда, где ему противостояла шестидесятитысячная армия. Пэрик шел не для того, чтобы сесть на трон. Во всяком случае, не только за этим. Нет, он пришел за кралами. Что все это значит, мой господин?

Дориан почувствовал подкатывающуюся к горлу тошноту. Девушка затронула главный вопрос.

— Мой отец потерпел страшную неудачу, остановившись в Сенарии. Это была непростительная ошибка, полное безумие. Он думал, что захватит Сенарию и станет посылать на родину ее богатства и продовольствие. Но запасы, на которые он рассчитывал, убегающие сенарийцы предали огню. — Дориан потер рукой лицо. — Значит, когда из Фриза хлынут полчища варваров, Халирас окажется беззащитным. Его жители захотят перейти через Лаксбридж и поселиться здесь, в Цитадели. Во время осады их надо кормить, а у нас совсем нет еды. Наше войско прекрасно исполняет приказы, однако не умеет брать инициативу в свои руки. Если я брошу в бой свою армию, где соотношение будет три к одному, и не в нашу пользу, их всех перебьют. Нет способа одержать победу.

Дженин некоторое время молчала, потом, окинув взором груды костей, тихо произнесла:

— Мой господин, вы хотите сказать, что нет иного способа одержать победу, кроме как…

Дориан тоже посмотрел на человеческие кости, вспоминая все, что узнал о кралах. Он думал о том, как глубоко придется погрузиться в вир, о людях, которые все равно будут умирать, как бы он ни поступил, и наконец произнес:

— Да. Нет иного пути к победе, кроме как поднять из праха этих чудовищ. И тогда наступит дикая оргия смерти.

— Чьей смерти? Захватчиков или ваших ни в чем не повинных подданных?

— Захватчиков, — согласился Дориан. Разумеется, если ему удастся все сделать правильно.

— Так давайте поднимем из праха чудовищ.

28

Облачившись в подобающие одежды, Кайлар направился к палатке Логана. Увидев Кайлара, телохранитель Логана кивнул и откинул полог палатки. Солнце уже вышло из-за горизонта, но в палатке еще было темно, и, чтобы изучить карты, офицерам, Агону и Логану понадобилось зажечь фонари.

Кайлар молча присоединился к присутствующим. Карты отличались точностью, не считая отсутствующего обоза с продовольствием.

— Они превосходят нас численностью в соотношении шесть против одного, — заметил Агон, — но у них нет кавалерии. Значит, мы вылетим на них верхом, охотники-чародеи перестреляют часть офицеров, а мы растворимся в горах. Мы уже собираем продовольствие и сможем пережить зиму, а также выслать еще больше разведчиков, чтобы обнаружить обоз с продовольствием, который, возможно, направляется к лагерю противника. Это единственный выход. Са'кьюраи не ожидали наткнуться на стены и перемрут от голода раньше нас.

— Обоз с продовольствием уже здесь, — заметил Кайлар, показывая на карту, — его сопровождает тысяча конных воинов.

Над столом повисло молчание.

— В той стороне пропал наш разведчик, — напомнил один из офицеров.

— Ты точно знаешь? — обратился Логан к Кайлару. — Обоз большой?

Кайлар уронил на стол связку бумаг.

Мужчины молча брали и читали листки рисовой бумаги. Один Логан не принимал в этом участия и с любопытством смотрел на Кайлара, пока офицеры обменивались документами. Логан Джайр хотел понять, что у Кайлара на уме.

— Как тебе удалось их добыть, Волкодав? — обратился к Кайлару один из офицеров, называя его прозвищем, которое дали солдаты.

— Просто достал, — ослепительно улыбаясь, ответил Кайлар.

— Ясно, — сказал Агон, бросая бумаги на стол. — Дело обстоит хуже, чем мы предполагали.

— Хуже? — переспросил офицер. — Да это катастрофа.

— Генерал, — обратился Кайлар к Логану, — могу я поговорить с вами с глазу на глаз?

Логан молча кивнул, и офицеры вышли из палатки, унося с собой бумаги, чтобы изучить их подробнее.

— Что ты затеял, Кайлар?

— Стараюсь, чтобы ты сохранил лицо.

— Грядущее убийство поможет мне сохранить лицо?

— Нет, ты его сохранишь, предотвратив надвигающуюся катастрофу.

— И у тебя, разумеется, имеется план.

— Гаруваши нужна еда и победа. Предлагаю дать ему и то и другое.

— Как я сам не додумался?! — с сарказмом воскликнул Логан.

Он был действительно удручен и взволнован. И Кайлар решил, что это хорошо.

— Он одержит победу не над нами, — продолжил свою мысль Кайлар и стал объяснять свой план.

Когда он закончил, Логан выглядел не удивленным, а безмерно опечаленным.

— И тогда я предстану в наилучшем свете?

— И спасешь тысячи жизней и весь город, — подтвердил Кайлар.

— Послушай, Кайлар, давай закончим этот разговор.

— Какой разговор?

— Тот самый, о том, как возводить на трон королей и свергать королев.

— Мне больше нечего сказать.

— Хорошо, тогда послушай, — устало откликнулся Логан и потер рукой небритое лицо. Рукав рубахи поднялся вверх, открывая взору мерцающую тусклым зеленым светом татуировку на руке. — Люди обычно неверно цитируют Сакриномикон, называя деньги корнем зла. Полный идиотизм, если задуматься. Не сами деньги, а любовь к ним является корнем всех зол. Именно так говорится в старой священной книге. Не так лаконично, зато гораздо ближе к правде. То же самое и со мной. То, на что способен пойти я в погоне за властью и плотскими наслаждениями, живущий внутри меня человек, которого я знаю как Логана Джайра, не позволит сделать. Голод не заставит меня превратиться в чудовище в собственных глазах. Даже когда пришлось съесть человеческое мясо, меня толкнула на это безысходность, а не склонность к извращениям. С тобой то же самое. Я прочел это на твоем лице, когда ты убил моего тюремщика Горхи. Да, ты его убил, но радости не почувствовал. Если бы подобное занятие приносило тебе удовольствие, ты был бы ничем не лучше Хью Висельника.

— От моей профессии получаешь некое удовольствие, — тихо заметил Кайлар.

— Удовольствие получаешь и от плотно набитого брюха, хотя для некоторых это тоже небезопасно. Когда я приказал покончить с Горхи, восторга ты не испытал. — Логан заметил, что татуировка на руке снова открылась, и поспешно прикрыл ее рукавом. — А вот я испытал. Отдал приказ, и человек умер. Я убил его одним словом, и мне это понравилось и захотелось еще.

— И что теперь? Собираешься стать отшельником и поселиться в заброшенной хижине в лесной глуши?

— Я не настолько эгоистичен. — Логан в задумчивости почесал голову. — Скажи, если бы я попросил, ты бы убил Тэру Грэзин?

— Не сомневайся.

Логан закрыл глаза. Иного ответа он не ожидал.

— А если бы не попросил? Ты все равно бы это сделал?

— Да.

— Значит, ты все спланировал заранее?

— Конечно.

— Черт бы тебя побрал, Кайлар! Теперь-то я понимаю.

— Тогда зачем спрашиваешь? — удивился Кайлар.

— Чтобы исключить все оправдания. Можно ли справедливо управлять страной, усевшись незаконным путем на трон?

— Такой вопрос нужно задать женщине, укравшей у тебя престол.

— Каким образом, Кайлар?

— Договорись с ней о встрече и предварительно хорошенько напейся.

— Черт возьми, я не о том. Как ты собирался ее убить?

— Неудачная попытка избавиться от беременности. Я бы добавил отраву в абортивные средства, которые она регулярно принимает. Многие из этих снадобий опасны для жизни. Если откроется, что она приняла по ошибке двойную порцию вместо той, что прописал аптекарь, это будет выглядеть как несчастный случай, постыдный для молодой незамужней королевы, которая оказалась шлюхой. Если придворные постараются скрыть подробности, по городу поползут слухи о распутности Тэры, и никому не придет в голову, что ее убили. А репутация нового добродетельного монарха в глазах народа только выиграет.

— Господи! — Логан тяжело вздохнул. — И долго ты ломал голову над своим планом?

— Пару минут, — пожал плечами Кайлар.

— Поистине блестящая идея, Кайлар. Но я запрещаю претворять ее в жизнь.

Глаза Логана наполнились болью, и казалось, каждое слово дается ему с трудом.

— Ты запрещаешь?

— Вот именно.

— Интересно, каким образом ты собираешься мне что-либо запретить? — удивился Кайлар.

Логан устремил на него изумленный взгляд.

— Несмотря на все прилагаемые мной усилия, ты пока не мой король и ничего не можешь мне запретить.

Лицо Логана потемнело, утратив обычное доброжелательное выражение, и Кайлар вдруг заметил, как высок ростом его собеседник. Худая фигура с обтянутым кожей лицом походила на призрак, не ведающий жалости.

— Знай, — твердым голосом произнес Логан, — если я получу корону благодаря смерти Тэры Грэзин, то прикажу тебя казнить.

— И ты убьешь меня из-за Тэры?

— Нет, я казню тебя за измену, за убийство правительницы Сенарии и за нанесенный стране ущерб.

— Она не должна называться королевой.

— Тем не менее Тэра Грэзин таковой является.

— Ты не имел права присягать на верность.

— Кайлар, я сделал то, что было необходимо для спасения людей, и теперь должен оставаться верным своей клятве. Политика представляет собой ухудшенный вариант морали.

— Нет, политика — это искусство делать возможное действительным, и тебе это хорошо известно, — возразил Кайлар. — Накануне битвы ситуация изменилась, и ты не смог стать королем, но теперь она меняется снова, и уже в другую сторону.

— Я не изменю своему слову, — не терпящим возражений голосом заявил Логан, скрестив на груди руки.

— Неужели можно любить свои убеждения больше живого человека и не превратиться при этом в чудовище? Скольких друзей ты принесешь в жертву на алтарь высшей справедливости, Логан?

— Если нарушишь мой запрет, то по крайней мере одного.

Они стояли на краю пропасти. По своему положению в обществе Логан стоял выше Кайлара, а в нравственном отношении Кайлар всегда признавал его превосходство. Однако до сегодняшнего дня они никогда не сталкивались лоб в лоб на иерархической лестнице. И вот сейчас Логан отдает приказ и своего решения не изменит.

Кайлару остается либо повиноваться и впредь выполнять все распоряжения Логана, либо ослушаться и уже никогда не признавать его первенства. Кайлара раздирали

противоречивые чувства. Какая-то его частица жаждала смириться с приказом Логана, однако он ни минуты не сомневался, что убийство Тэры пойдет всем на благо. И все же у Логана моральный компас оказался более точным прибором, чем у Кайлара. Почему же так трудно покориться? От него ведь не требуют слепого повиновения, а просто просят послушаться человека, которого он хорошо знает, любит и глубоко уважает и который, в свою очередь, испытывает уважение к Кайлару.

«Волкодав нежится у огня, а за волком охотятся в стужу».

— Знаешь ли ты, Логан, как сильна моя любовь к тебе? — спросил вдруг Кайлар. Логан открыл рот, но ответить не успел. — Она безмерна, — сказал Кайлар и вышел из палатки.

29

Кайлар направился в город, где у него имелся надежный дом-укрытие, который, он был уверен, не обнаружили во время правления короля-бога. В этот момент послышался голосок ка'кари:

«Ты бы хотел увидеть Логана на троне, согласись он, что политика — это искусство делать возможное действительным? А потом попросил бы тебя убрать всех его соперников?»

«Я и так проклят, а мои преступления могли бы пойти на пользу».

«Значит, ты предлагаешь выпить чистой воды из грязной чашки? Да ты, оказывается, мастер на всякие проказы! Даже меня переплюнул».

Надежный дом-укрытие находился в западной части города, на самой окраине, вдали от богатых кварталов. Правда, сам дом оказался разрушенным, а вход в убежище представлял собой каменную плиту заподлицо с землей и находился всего в нескольких шагах от воздвигнутой королем-богом новой стены. В окрестностях, где раньше размещались кварталы бедноты, вовсю кипела жизнь. После смерти короля-бога тысячи людей покинули Крольчатник в надежде улучшить свою жизнь или найти кого-нибудь, кому это уже удалось, и заставить поделиться нажитым богатством. Костры, которые разводили беженцы на пути из города, оставили огромные черные полосы выжженной земли. В городе фактически не осталось строений, где можно было бы разместить всех людей, а тут еще вернулись тысячи приверженцев Тэры Грэзин, покинувшие город вместе с ней. Строительных материалов тоже не было. За воротами стояла вражеская армия, осадившая город, начались холодные осенние дожди, и люди оказались в отчаянном положении.

Кайлар сел, прислонившись спиной к стене, и стал вслушиваться в голоса города. До наступления темноты попасть в убежище не представлялось возможным. Даже будучи невидимкой, нельзя незаметно поднять плиту посреди места, которое теперь стало многолюдной улицей. Конечно, имелся и другой вход в убежище, но на нем теперь возвышается новая стена.

В долетавших до ушей обрывках разговоров слышались озлобленность и раздражение. Сегодня утром Тэра Грэзин запретила движение по Ванденскому мосту, и дело едва не закончилось бунтом. Кайлар слушал воззвание герольда, обещавшее вернуть прежние порядки, существовавшие до вторжения. Переселенцев, самовольно покинувших Крольчатники, водворят назад, а согнанным с насиженных мест почтенным торговцам и мелкой знати вернут дома и земли, если они докажут свое право собственности. Герольда освистали и обрушили на беднягу град ядовитых насмешек.

— Ну и как я докажу, что владел кузницей, если королева сожгла ее дотла вместе со всеми документами?! — возмущался какой-то детина.

Кайлар был готов посочувствовать несчастному, но узнал в нем городского попрошайку. Впрочем, остальные оказались не такими внимательными и поддержали мошенника хором одобрительных возгласов.

— А я не вернусь в Крольчатник! — орал во всю глотку другой парень. — И так достаточно там намыкался!

— Я прикончил шесть бледных мерзавцев во время Ночи крови и заслуживаю лучшей

доли! — кричал кто-то в толпе.

Не дожидаясь, пока народный гнев обрушится на его голову, герольд поспешно ретировался.

Невесть откуда появились писцы и без всякого стеснения принялись торговать поддельными документами, в которых даже неопытный глаз мог сразу узнать фальшивку. Еще через час явился представитель Са'каге. Его бумаги отличались высоким качеством и столь же высокой ценой. Кроме того, он от имени Са'каге дал гарантию, что ни один дубликат документа не будет считаться поддельным. Он получил право продавать документы только для этого квартала и имел перечень, в котором указывалось, какие лавки здесь будут находиться. Таким образом, документы Са'каге пользовались большим спросом и действовали безотказно, если только у владельца не сохранился подлинный документ.

Тем временем цены на продовольствие достигли заоблачных высот. Черствые буханки хлеба, которые утром нельзя было продать за шесть медяков, пролежав весь день на солнце, продавались уже по десять медных монет. С наступлением сумерек люди начали готовиться ко сну. Они сооружали из подручных средств и собственных плащей и одеял навесы, чтобы укрыться от холода. Некоторые просто закутывались в плащи, спрятав кошельки под туники, и засыпали на месте, поодиночке или группами, чтобы было теплее.

Впрочем, спали далеко не все. С наступлением темноты в поисках легкой добычи вылезли из нор цеховые крысята. Один из них наклонился над Кайларом, который сидел неподвижно, надеясь, что его примут за спящего. Он ждал, когда оборванка протянет руку к кошельку. Из-за въевшейся в лицо грязи определить пол воришки было трудно, но Кайлар почему-то решил, что это девочка. Он сделал резкий бросок и, перевернув ребенка в воздухе, одной рукой заломил руки за спину, а другой — закрыл рот.

— Отпустите меня, господин. Я просто выбежала поссать, а теперь вот потерялась и не могу найти папочку.

— Дети, у которых есть родители, не произносят таких слов, когда разговаривают с взрослыми, — назидательным тоном сказал Кайлар. — Скажи лучше, из какой ты гильдии?

— Какой еще гильдии, господин?

Кайлар дернул девчушку за ухо, правда, не так сильно, как имел обыкновение делать Дарзо.

— Из Черного Дракона, господин.

— Черный Дракон? — Кайлар тихо рассмеялся. — Когда-то это была моя гильдия. Какая сейчас взимается пошлина?

— Два медяка.

— Два? А вот нам приходилось платить по четыре. — Кайлар вдруг почувствовал себя старой перечницей, предающейся воспоминаниям о тяжелом детстве, которое, конечно же, было гораздо труднее, чем у нынешних детей. — Как тебя зовут, сорванец? — спросил он, разжимая руки.

— Блю.

— Так вот, Блю, скажи тому высокому пареньку, чтоб оставил в покое толстяка, потому что он и не думает спать. А теперь, если вы все уберетесь на часок, я оставлю вам столько денег, что хватит заплатить пошлину за целую неделю. А если вздумаете остаться, я закричу, что поймал воришку, и расскажу людям, что здесь орудуют цеховые крысята. Так что все равно придется убираться, и хорошо еще, если обойдется без тумаков.

Он отпустил девочку и, пока та собирала свою команду, превратился в невидимку и поднял плиту. Потайная дверь в земле гораздо хуже той, что сделана в стене. Какой бы мастер над ней ни трудился, стоит ее однажды открыть, и покрывающий ее слой земли и грязи нарушается, и грязь набивается в швы. Кайлар решил, что больше никогда не воспользуется этим убежищем. Безопасное место, куда опасаешься заходить, уже перестает быть таковым. Но необходимо забрать нарядную одежду, золото и взять новое оружие. За последнее следует поблагодарить ка'кари.

Прежде чем спуститься по лестнице вниз, он подпрыгнул и быстро задвинул плиту, а

потом проверил расставленные ловушки: одну на лестнице и две на двери. Все было в порядке. Наконец Кайлар медленно открыл деревянную дверь. Дверные петли заскрипели, и он подумал, что не худо бы их смазать. Внутри маленькой каморки Кайлар не заметил ничего подозрительного. На всякий случай проверил крышку одного из сундучков и обнаружил поперек защелки несколько собственных волосков, оставленных в прошлый раз. Разумеется, их отсутствие едва ли можно считать серьезным доказательством визита незваных гостей. Волоски могли слететь на пол от дуновения воздуха, когда он сам зашел в убежище. Однако если они остались на месте, можно не сомневаться, что никто посторонний сюда не приходил.

Кайлар встряхнул головой, отгоняя ненужные мысли. Он рассчитывал задержаться здесь всего несколько минут, но привычка, которую привил Дарзо, стала частью его натуры, и поэтому он тщательно проверил каждый уголок каморки.

Интересно, где теперь сам Дарзо и чем занимается? Может быть, в очередной раз перешел в какую-нибудь другую жизнь? Неужели он без сожалений бросает все и забывает о людях, с которыми провел долгие годы? От этой мысли у Кайлара испортилось настроение. Дарзо стал главным человеком в его жизни, а потом безжалостно бросил. Правда, Дарзо подарил ка'кари, это бесценное сокровище, а вот доверия лишил, да и времени тратить на ученика не захотел.

Рядом с покрытым толстым слоем пыли письменным столом стоял такой же пыльный стеклянный ящик. Внутри ящика находилось множество баночек с этикетками, подписанными аккуратным почерком Дарзо. В них хранились травы, различные снадобья, эликсиры и настойки. Дарзо рассказывал Кайлару, что некоторые мокрушники умышленно указывают на этикетках неправильное название, чтобы ввести в заблуждение или отравить любого, кто задумает похитить снадобья. Однако сам Дарзо к подобной мере не прибегал и утверждал, что вор, у которого хватит смелости сунуться в его тайник, наверняка прекрасно разбирается в травах или наймет для этой цели профессионала. Кайлар подозревал, что истинная причина кроется в другом. Просто Дарзо не привык называть вещи чужими именами.

Да, Дарзо никогда не опускался до лжи и не наклеивал вводящих в заблуждение этикеток, но на некоторых склянках подписи вообще отсутствовали. Учитель Кайлара полагал, что любой тайник могут рано или поздно обнаружить, и распределил самые ценные экземпляры своей коллекции по разным местам, рассчитывая таким образом уменьшить ущерб, если он все же будет нанесен. Наличие таких огромных запасов, их учет и бережное расходование отчасти объясняло некоторые параноидные наклонности Дарзо. Вот и сейчас в ставшем бесполезным убежище Кайлар обнаружил бутылочку без подписи, размером меньше большого пальца руки, в которой находилось вещество, похожее на расплавленное золото. Дарзо охотился за снадобьем полгода и называл его огнем, заключенным в сосуд. На самом деле оно называлось филодунамосом.

В то время как большинство принадлежностей, связанных с профессией мокрушника, имели земное происхождение, заключенный в сосуд огонь обязан своим появлением магии. Его умели изготавливать только коренные жители Гарана, чья магия связана с бурным проявлением чувств и песнопениями. После того как двести лет назад жители Гарана были вынуждены покинуть свои дома в долине, они утратили доступ к компонентам, необходимым для приготовления филодунамоса. Остается тайной, как Дарзо удалось узнать секретный состав и найти все компоненты, а потом уговорить гаранского мага изготовить смертельное зелье.

Кайлар сел за стол и принялся рыться в вещах, пока не нашел позолоченный пинцет, комочек ваты и свечу. А вот огнива нигде не оказалось. С тех пор как Кайлар стал превосходно видеть в темноте, он не носил при себе огнива. Но без него не зажжешь свечу, а без свечи не сделаешь стерильным пинцет. Только абсолютно чистым пинцетом можно оторвать кусочек ваты и погрузить его в бутылочку, чтобы набрать нужное количество снадобья. Кайлар тихо выругался.

«Ну что ты мучаешься? Возьми меня. Ведь я абсолютно стерильный», — послышался голосок ка'кари.

В следующий момент на ладони у Кайлара ка'кари превратился в необычное приспособление с гибкой колбой на одном конце и подобием острой иглы — на другом. Ничего похожего Кайлар не встречал.

«Сожми колбу и опусти меня в филодунамос».

— Ты просто чудо! — восхитился Кайлар.

«Я это давно знаю».

— И большой скромник.

Кайлар открыл пузырек, набрал немного жидкости и капнул на лоскуток ткани, а потом закрыл склянку и задвинул стул. Ка'кари бесследно исчез, растворившись в коже. Кайлар отнес бутылочку с заключенным в сосуд огнем в другой конец каморки и закрыл все ящики, где хранились травы, оставив только склянку с водой. Капелька филодунамоса мгновенно засохла и стала твердой. Кайлар бросил лоскут на пол и вылил на него немного воды. Вода растеклась по тряпочке и добралась до филодунамоса.

Со свистом вспыхнуло пламя высотой по колено. Оно мгновенно сожрало лоскуток и горело еще секунд десять, а потом погасло.

— Все очень хитро, — говаривал Дарзо, — Его воспламеняет любая жидкая субстанция, будь то вода, вино, кровь или пот. Но оно может повести себя непредсказуемым образом и поэтому, во имя ночных ангелов, никогда не открывай флакон в сырую погоду.

Кайлар спрятал флакон и улыбнулся. Пот — именно то, что нужно. Он выльет флакон на осквернённую кровосмешением постель Тэры Грэзин, и ее смерть станет достоянием всеобщей гласности. Он собрал одежду и золото, а потом повернулся к стене, на которой висело оружие, и протянул руку за мечом. Внезапно что-то его остановило.

— Черт меня побери!..

Не веря глазам, Кайлар смотрел на стену, где висел великолепный меч, на клинке которого было выгравировано слово «Милосердие». Будто не он сам продал меч за большие деньги в городе, находившемся в двух неделях езды отсюда. Не было ни объяснения, ни записки, только насмешливый намек в виде поставленных на прежние места ловушек и пряди волос в замке. Дарзо однажды вернул Кайлару его неотъемлемое право по рождению и сейчас во второй раз посылает награду.

30

Кайлар стоял в подернутом дымкой коридоре, украшенном яркими картинами с изображением животных, и смотрел на дверь. Все окружающие предметы расплывались, как в тумане. Вдруг дверь распахнулась сама собой, и при виде находившейся в комнате женщины он почувствовал, как екнуло сердце. Ви лежала на узкой кровати и рыдала. Во всей комнате только ее Кайлар видел отчетливо, и только она казалась реальной.

Девушка с мольбой протянула руку, и Кайлар подошел ближе. Она была удивлена происходящим не меньше самого Кайлара. Где он находится и как сюда попал?

Однако стоило ему дотронуться до руки Ви, как все мысли улетучились из головы. Ее рука была маленькой и изящной, а кожа покрыта мозолями, как и у Кайлара. Безымянный палец немного длиннее указательного, а раньше он этого не замечал. У Элены рука совсем другая. А впрочем, что может быть естественнее, чем сесть на кровать и сжать девушку в объятиях. Она лежала у Кайлара на коленях, прильнув к нему всем телом, и вдруг зарыдала еще сильнее и судорожно ухватилась за него как за спасительную соломинку.

Кайлар крепко обнимал Ви, словно желая влить в нее свою силу, которой ей так не хватало. Она испытывала смущение, растерянность и страх перед новой жизнью. Боялась, что ее прошлое станет известным, но еще больше страшилась исчезнуть в неизвестности. Кайлару не было нужды читать ее мысли по лицу, так как он пропускал через себя все переживания Ви благодаря соединившим их обручальным серьгам.

Она подняла покрасневшие, распухшие от слез глаза, и Кайлар утонул в их бездонной зелени. Он превратился в зеркало, в котором отражается правда, разгоняющая все страхи.

Девушка перестала плакать и разжала руки, а потом закрыла глаза, как будто испугалась установившейся близости. Ви положила голову Кайлару на колени. Ее дыхание стало глубоким, из тела ушло напряжение. Спутанные пряди длинных огненно-рыжих волос в беспорядке падали на плечи, и он замер в изумлении. Блестящие шелковистые кудри завораживали. Такой цвет волос встречается у одной из тысячи женщин. Его взгляд скользнул по мокрым от слез ресницам и изящному носу с едва заметными веснушками, которых Кайлар раньше не замечал.

На Ви была надета простая бесформенная ночная рубашка, слишком короткая для нее. Завязанный спереди узел развязался, открывая взору высокую грудь с маленькими темно-розовыми сосками, чуть сморщенными от холода. В первый раз Кайлар увидел обнаженную грудь Ви, когда девушка нарочно разделась, чтобы поразить его. Сейчас он понял, что Ви не ведает о своей наготе.

Девушка казалась совершенно беззащитной, и у Кайлара вдруг возникло желание ее защитить. Проглотив застрявший в горле комок, он взял простыню и набросил на Ви. Несмотря на то что они чувствовали каждое движение друг друга, девушка как будто ничего не заметила. То ли она была слишком измучена, то ли ее мысли улетели от тела так далеко, что Ви даже не почувствовала, как ее обнаженную грудь прикрыли простыней. Кайлар этого так и не понял, но нахлынувшее чувство сострадания было сильнее плотского желания. Он мельком взглянул на стройные ноги, обнаженные до середины бедра, и бережно набросил на них одеяло.

Ви уткнулась в него лицом, такая беззащитная и безумно красивая, и мысли в голове окончательно перепутались.

Кайлар пробежал пальцами по ее волосам, как бы желая оградить от всех бед. Тело Ви вдруг стало податливым, и по нему, от головы до лона, пробежала легкая дрожь. Кайлар почувствовал, как замерло сердце. Что-то похожее он испытал, когда долго ласкал Элену, обнял ее сзади и стал покрывать поцелуями тонкую шею. Его пальцы скользили по груди, и в этот момент девушка всегда его останавливала из боязни не справиться со своими чувствами. Ви перешла эту грань и безраздельно принадлежала ему.

Кайлару передался ее экстаз, и он опьянел от нахлынувшей страсти. Установившаяся между ними невидимая связь разгорелась пожаром. Он уже не мог остановиться и все ласкал роскошные волосы. С тихим стоном Ви повернулась у него на коленях и уткнулась лицом в живот, совсем рядом с тем местом, которое выдавало его возбуждение.

Кайлар замер, и Ви сразу это почувствовала. Она широко открыла глаза, в которых светилось желание, и прошептала:

— Умоляю, не останавливайся. Обещаю, тебе будет хорошо.

Она погладила его по животу и скользнула рукой вниз.

Бесстыдность девушки потрясла Кайлара и, вместо того чтобы укрепить связь, нарушила ее. Ви предлагала не разделить любовь, а заключить сделку.

— Прости, — проговорила девушка, заметив его замешательство. — Я слишком много думаю о себе. — Она откинула одеяло, и, как по волшебству, уродливая ночная рубашка исчезла, а вместо нее появилась красная сорочка, облегающая плавные изгибы прекрасного тела. Ви потянулась, словно кошка, выставляя напоказ свои прелести. — Ну же, это все твое.

Она не сказала «я твоя», а предлагала себя точно вкусную конфету. Для Ви это было обычным делом, которое не стоит принимать всерьез.

Внезапно распахнулась дверь, и на пороге появилась Элена. Она молча смотрела на полуобнаженную Ви, обнимающую Кайлара. Рука Ви так и осталась лежать у него на животе, и Кайлар, злясь на себя, чувствовал, что это доставляет ему удовольствие.

Справившись с собой, он вскочил с кровати и крикнул: «Нет!»

— Что случилось? — спросила Ви. — Что ты там увидел?

— Элена! Подожди!

Кайлар проснулся. Вокруг не было ни души, а сам он по-прежнему находился в тайном убежище.

Дориан сидел в своих покоях вместе с Дженин и изучал карты Фриза и заметки вюрдмайстеров, дающие оценку силе кланов, когда появился хранитель мертвых. Дориан и Дженин последовали за ним в одну из менее мрачных комнат, где лежало завернутое в простыни тело. Два огромных горца в невообразимых одеждах, которые носят южане, но с выправкой бравых солдат отвесили низкий поклон.

Ашайя Вул откинул ткань, закрывавшую голову покойника, и помещение наполнил тлетворный запах. Лысый череп был расколот надвое, а не раздроблен, словно кто-то аккуратно вырезал ломоть от макушки до шеи.

Теперь Дориан узнал не только жертву, но и убийцу. Такое мог сотворить лишь черный ка'кари. Это дело рук Кайлара. Завернутый в простыни разлагающийся труп был отцом Дориана Гэротом Урсуулом. Дориан вдруг почувствовал, как подкосились колени. Дженин стояла рядом, однако не прикоснулась и не взяла его за руку. Любая попытка утешить воспримется как признак его слабости.

— Как вам это удалось? — спросил Дориан.

— Ваше святейшество, — откликнулся горец с большим родимым пятном на левой щеке, — мы подумали, что вы захотите предать огню тело родителя. В замке поселился демон, он все и натворил. Лейтенант взял с собой десять лучших воинов и хотел покончить с демоном, а нам приказал забрать тело. Потом мы договорились встретиться, но ни один из них так и не пришел.

— Расскажи, что случилось в пути. Только честно.

— Дорога была очень тяжелой, ваше святейшество, — потупился горец. — Мы трижды подверглись нападению. Два раза напали Са'каге, а потом на Кворигском перевале налетели проклятые изменники, те самые, что после нашего поражения в роще Пэввила подались в разбойники. Они решили, что мы везем сокровища. С тех пор как я вытащил из Рыжего стрелу, он не может нормально дышать. — Горец кивнул в сторону товарища, который вовсе не был рыжим. — Мы надеялись, что, когда вы нас отпустите, господин, его осмотрят вюрдмайстеры.

— На вас напали не разбойники, а повстанцы. — Дориан подошел к горцу и положил руку ему на голову. Тот, кого называли Рыжим, напрягся всем телом. В его легких полно сгустков крови и гнойных очагов. Удивительно, что он до сих пор жив. — Вюрдмайстерам такая задача не по силам, — сделал вывод Дориан. — А что болит у тебя?

— Ничего. Я прекрасно себя чувствую, ваше святейшество.

— А что случилось с коленом?

Горец побледнел.

— Подо мной убили лошадь, и она меня придавила.

— Идите сюда и станьте на колени, — велел Дориан, и оба горца немедленно выполнили приказ. Его душила ярость при мысли о том, какому ненужному риску подвергали свои жизни оба храбреца. Не будь Дориан таким искусным целителем, один из них непременно бы умер, а второй — остался на всю жизнь калекой. И ради чего? Чтобы доставить сюда мешок с костями? Герои принесли огромные жертвы, оказавшиеся напрасными. — Вы с честью выполнили долг и проявили большое мужество, — снова обратился Дориан к горцам. — В ближайшем будущем я щедро вас награжу.

Он исцелил обоих воинов, несмотря на то что пользоваться *талантом* было почему-то трудно.

Магические силы очистили от хвори тела обоих мужчин, и они от избытка чувств не сдержались и тихо выругались, выражая таким образом восторг. Рыжий осторожно кашлянул, а потом стал дышать глубоко и ровно. Они с благоговейным страхом и смущением смотрели на Дориана, словно не веря, что король-бог приложил такие усилия для спасения их жизни.

Дориан отпустил горцев и подошел к телу отца.

— Ах ты старый мерзавец! Ты не заслуживаешь погребального костра, и мне бы следовало… — Он внезапно замолчал и, нахмурив брови, задумался. — Скажи, хранитель, короли-боги всегда приказывали сжигать свои тела, чтобы их не смогли превратить в кралов?

— Да, ваше святейшество, — пробормотал Ашайя, и его лицо стало от страха серым.

— И сколько раз их приказы исполнялись? — поинтересовался Дориан.

— Дважды, — едва слышно прошептал Ашайя.

— Значит, здесь есть кости всех королей-богов, правивших последние семь столетий, за исключением двоих? — спросил Дориан, и в его голосе слышалось недоверие.

— Кости шестнадцати предков вашего святейшества использовались для того, чтобы поднять из праха аркангхалов, которых потом уничтожили. Все остальные находятся здесь, в целости и сохранности. Прикажете подыскать подходящий труп для погребального костра Гэрота Урсуула?

Гэрот Урсуул не заслуживает лучшей участи после всего зла, что принес людям. Однако если не похоронить отца подобающим образом, такой поступок не станет наказанием для мертвеца, а Дориан, совершив его, не сможет больше себя уважать.

— Отец был чудовищем при жизни, и я не позволю ему продолжить злодейства после смерти.

Когда маленький человечек вышел из комнаты, Дженин наконец взяла его за руку.

31

— Ведь мы не собираемся возвращаться? — обратилась Дженин к Дориану, стоя перед троном короля-бога.

Дориан жестом велел телохранителям удалиться, подошел к девушке и взял ее за руку.

— Все дороги завалены снегом, и через перевалы не пройти, — тихо проговорил он.

— Я не об этом. Мы вообще не собираемся возвращаться.

«Господи, она сказала „мы“».

Дженин неосознанно признала, что теперь они составляют единое целое, и ее слова привели Дориана в трепет. Он тронул пальцами золотые цепи, которые носил на шее, как подобает королю-богу, и тихо произнес:

— Меня растерзают за преступления, совершенные отцом.

— А меня ты отпустишь?

— Отпущу ли тебя? — Слова Дженин жестоко ранили. — Ты не пленница, Дженин, и можешь идти, куда пожелаешь. — Он назвал девушку не «Джени», а «Дженин», как предписывал этикет, и это неприятно резануло ухо. Может быть, она боится, потому что видит в нем тюремщика. — Но сначала я должен тебе кое-что рассказать. Только что стало известно, что Сенария в осаде. Последние воины, проходившие через Ревущие Ветра, видели армию, окружившую город.

— Чью армию?

— Кьюрского генерала по имени Гаруваши, который привел за собой тысячи са'кьюраев. Возможно, весной…

— Мы должны им помочь! — воскликнула Дженин.

Дориан немного помолчал, давая девушке подумать над своими словами. Порой она и правда ведет себя как шестнадцатилетний подросток.

— Я, разумеется, могу приказать своей армии перейти через перевал, — начал Дориан. — Если повезет с погодой и племена мятежных горцев не нападут на растянутое войско, наши потери ограничатся несколькими тысячами человек. К тому моменту, когда мы подойдем к Сенарии, осада, возможно, будет уже снята. Если мы прибудем вовремя и сами возьмем город, вряд ли Сенария встретит нас с распростертыми объятиями. Сама подумай. Спасители из Халидора! Сенарийцы не забыли, что натворили халидорские воины всего

несколько месяцев назад. В свою очередь, солдаты, потерявшие на перевале своих братьев, отцов и сыновей, а также друзей во время Ночи крови, потребуют военной добычи.

Если я запрещу грабежи и убийства, возможно, они подчинятся, — продолжил Дориан, — но это заронит в их души сомнения на мой счет. Двести моих вюрдмайстеров, то есть больше половины, исчезли. Кроме того, я не контролирую приближенных короля-бога, а ведь только они могут сказать, куда подевались вюрдмайстеры и кто их предводитель. У Гэрота Урсуула имеются другие этелинги, которых я не принял в расчет, и вполне возможно, в стране начнется гражданская война. Если до нее дойдет, как ты думаешь, за кем пойдут вюрдмайстеры: за Хали, которая дает им власть, или за этелингом, который уже однажды совершил предательство? — Он посмотрел на Дженин. Между бровями девушки залегла глубокая складка, а лицо исказила гримаса боли от собственной беспомощности. Дориан продолжал: — Даже если вюрдмайстеры поддержат меня и нам будет сопутствовать удача, что скажет твой народ? Они посадили на престол Тэру Грэзин.

— Что?! Тэру?! — Дженин не верила своим ушам.

— Обрадуются ли твои соотечественники возвращению Дженин в сопровождении халидорской армии? А может быть, они скажут, что ты слишком молода и служишь марионеткой в моих руках, сама того не подозревая? И пожелает ли королева Грэзин добровольно отказаться от власти?

Дженин слушала его с несчастным видом.

— Я думала, после нашей победы все будет просто. Ведь мы победили?

Очень уместный вопрос. Пожалуй, сейчас именно он и является самым главным.

— Мы победили, — подтвердил Дориан после долгой паузы. — Но победа дорого обошлась. Я никогда не смогу вернуться на юг, где находятся все мои друзья, кроме тебя. Они расценят мое восхождение на престол как предательство. — Дориан подумал о Солоне. Удалось ли ему выбраться живым из Ревущих Ветров? При мысли о Солоне больно защемило сердце. — Если желаешь отстаивать свое право на сенарийский престол, я могу все устроить, но и тебе это обойдется недешево. А знаешь, какая будет цена? Всем станет ясно, что тебя посадил на трон король-бог. Ты действительно считаешь, что готова управлять страной без посторонней помощи? В шестнадцать лет трудно выбрать достойных советников. Знаешь ли ты, как разговаривать с канцлером казначейства, который проматывает государственные деньги, и как себя вести с генералами, видящими в тебе ребенка? Есть ли у тебя план в отношении Са'каге? Известно ли тебе, как закончились две войны с Кьюрой и какие твои обязательства перед соседями? А что ты станешь делать с Лэ'нотом, оккупировавшим западные территории? Если ты не в состоянии решить все эти вопросы, значит, нуждаешься в помощи. Если ты ее примешь, все это увидят, а если откажешься, то наделаешь непоправимых ошибок. Если доверишься недостойным людям, тебя предадут, а не доверишься достойным, не у кого будет искать защиты от врагов. В твоей стране вероломные убийства так же популярны, как кровавая резня на моей родине. Задумывалась ли ты, за кого выйдешь замуж и когда? Намерена ли ты отказаться от власти в пользу супруга, или вы будете править вместе? А может быть, хочешь остаться единовластной правительницей?

— На некоторые из твоих вопросов у меня есть ответ. Знаю я и нескольких верных людей, на которых можно положиться.

— Не сомневаюсь.

— Я не задумывалась над всеми проблемами, что ты перечислил. — Она говорила совсем тихо. — Нет, я не готова управлять страной.

— У тебя есть выбор, — произнес Дориан, чувствуя, как бьется сердце, готовое выпрыгнуть из груди.

Если бы призвать на помощь вир! В прежней жизни, до того как он стал избранником Господа Единого, Дориан обучился волшебному искусству соблазнять женщин. И теперь настал момент, когда можно им воспользоваться, совсем немножко, просто помочь Дженин преодолеть страх и разочарование и наконец увидеть в нем мужчину. Дориан не станет ее

принуждать, ничего не заставит делать против воли.

В ту же минуту он погасил внезапно вспыхнувший порыв. Нет, такой способ не подходит. Если Дженин не выберет его по собственной воле, любое волшебство теряет всякий смысл.

— Останься, — снова обратился он к девушке. — Будь моей королевой. Я люблю тебя, Дженин, и явился в Халидор только ради тебя. Без тебя мне не нужен трон. Я люблю и буду любить тебя вечно. Ты родилась королевой и должна ею стать, а здесь для тебя так много дел. У моих предшественников не было королев. Они обзаводились дворцами, землями, гаремами, дорогими игрушками. Народ в Халидоре не хуже любого другого, но его поразила тяжкая болезнь. Однажды мне показалось, что можно убежать и выбросить все из головы. Теперь вижу, что это ошибка. Я обрел здесь дело всей жизни и хочу, чтобы вместо преклонения перед властью родилось уважение к человеческой жизни. Ты даже не представляешь, что сможешь совершить одним своим присутствием. Наш брак изменит отношение к супружеской жизни во всей стране. А это великое дело, которое принесет счастье всем женщинам, да и мужчинам тоже.

— Ты хочешь на мне жениться, потому что я смогу помочь в твоих трудах?

— Послушай, Дженин, — тихим голосом заговорил Дориан, — влюбленным всегда хочется создать свой собственный мир, в котором они останутся вдвоем. Только ты и я, а все остальное не имеет значения. Правда заключается в том, что в жизни важно все: наши семьи, различное воспитание, обязанности, которые у нас есть, и дело, которым мы занимаемся, — все это имеет огромное значение. Счастливый брак может стать для влюбленных убежищем, но было бы большой глупостью забыть о том, кто есть я и кем являешься ты. Отвечая на твой вопрос, я скажу «нет». Я хочу на тебе жениться не из-за помощи, которую ты можешь оказать. Мне нужна только ты. Ты для меня дороже всех сокровищ в мире, и я скорее соглашусь жить в нищенской лачуге с тобой, чем стать владыкой мира без тебя.

— Ты оказываешь мне большую честь, мой господин. — Дженин отвела глаза.

— Просто я тебя люблю.

Девушка снова посмотрела ему в глаза, но в ее взгляде сквозила неуверенность.

— Ты замечательный человек, Дориан Урсуул, и великий повелитель. Могу я подумать несколько дней над твоим предложением?

— Конечно, — откликнулся Дориан, с трудом скрывая разочарование.

Не такого ответа ждет любой мужчина от любимой женщины. Впрочем, другие мужчины, перед тем как сделать предложение, ухаживают за своей избранницей.

С одной стороны, Дориан испытывал разочарование, с другой — был доволен. Ему хотелось, чтобы Дженин свыклась с возможностью их союза умом, а не сердцем. Романтические чувства приходят и уходят, и Дориану не хотелось, чтобы она сделала выбор в спешке, а потом на досуге раскаялась.

Дженин попросила разрешения удалиться, и телохранители ввели следующего посетителя, которым оказался Хоппер. Раб торопливо проковылял к трону и пал ниц. Дженин остановилась на полпути к двери. Она как-то говорила Дориану, что хочет поделиться своими мыслями о Хоппере, но удобный случай так и не подвернулся.

— Ваше святейшество, — обратился к Дориану евнух, — среди женщин большое волнение. Они упросили меня пойти к вам и спросить, возьмете ли вы кого-нибудь из них в свой гарем.

Дженин отвернулась, стыдясь подслушивать, однако уходить не торопилась.

— Разумеется, нет, — ответил Дориан. — Никого.

32

Тэра Грэзин торопилась с коронацией. Для нее не имело значения, что город осадила вражеская армия, а запасы еды такие скудные, что устраивать торжества, мягко говоря, неуместно. Тэра решила, что ждать еще два месяца нельзя, и назначила коронацию через три

дня. Именно поэтому Мамочке К. пришлось явиться во дворец, чтобы встретиться с новым придворным бардом. Она подошла к двери отведенной ему комнаты и постучала.

Бард открыл дверь, оглядываясь по сторонам сильно косящими глазами. Вид у него был довольный, как и рассчитывала Мамочка К. Во время последней встречи она заказала барду песню к дню рождения королевы, но не упомянула, что коронация состоится в тот же день. В качестве ответной меры он нанялся придворным бардом, а следовательно, Мамочка К. заплатила за произведение искусства, которое ему все равно пришлось бы написать.

— Знаешь ли ты, кто я такая, Куогли Марс? — обратилась к барду Мамочка К., отстраняя его рукой и проходя в маленькую комнату.

Куогли вдохнул запах ее духов. Его обоняние было настолько же тонким, насколько зрение скверным. Шпионы Мамочки К. донесли, что Куогли даже успел пообщаться с королевским парфюмером в Алитэре.

— Вы — мадам Кирена, — немного помедлив, отозвался бард. — Женщина, обладающая огромной властью и богатством.

У Куогли был изумительной красоты тенор, который приятно слушать, даже когда он говорит самые обыденные вещи.

К сожалению, другими достоинствами природа поэта не наделила. Куогли Марс напоминал раздавленную лягушку. Большой рот с толстыми вывернутыми губами, полное отсутствие шеи, врожденное косоглазие и выпирающий вперед, похожий на мяч живот. Вместо обычных штанов, какие носят мужчины, на Куогли было надето нелепое желтое трико, обтягивающее худосочные ножки, а голову украшала маленькая треугольная шапочка с пером. За всю свою жизнь Мамочка К. не встречала более уродливого человека, не считая нескольких прокаженных, у которых болезнь зашла слишком далеко.

— Я слышала твою последнюю балладу «Падение дома Гандеров». Превосходно, а главное, очень смело. Ты должен написать что-нибудь еще.

Куогли отвесил почтительный поклон, принимая похвалу как нечто само собой разумеющееся.

— Я, как правило, отдаю предпочтение инструментам, отличающимся искренностью звучания. Свирель и лира никогда не лгут, и от их звука у порядочных людей прибывает сил.

— Странная сентиментальность для менестреля, которого выставили из большинства столиц в Мидсайру за то, что он никак не мог наступить на горло собственной песне и его все время подмывало поведать миру правду.

Мамочка К. знала историю этого человека и именно поэтому спросила, известно ли ему, кем она является на самом деле. По крайней мере, будет вести себя благоразумно. Она одарила барда ласковой улыбкой.

— Смею ли я поинтересоваться, что вас сюда привело? — осведомился Куогли, кося на нее близоруким глазом.

Черт бы побрал всех людей искусства! Чтобы подкупить этих типов, надо представить их сильным мира сего, дарить красивую одежду и инструменты, организовывать сольные концерты и давать стопроцентную гарантию, что их хорошо примет публика. Разумеется, бард не станет возражать, если молодая красивая любительница музыки предложит почистить флейту. Но во всем следует соблюдать осторожность. Единственным, самым страшным наказанием, до которого они могли додуматься, чтобы вызвать неодобрение Мамочки К., было пренебрежение. Много лет назад Мамочка К. послала начинающему, но уже популярному барду по имени Роуэн Рыжий изящный футляр с флейтой. Девушка, которая принесла подарок, отвесила ему несколько тяжеловесных комплиментов, чего никогда бы не сделала, окажись она хорошо образованной светской барышней, которую пыталась изобразить. Вместо того чтобы проводить девицу в свою комнату и найти ее устам более подходящее применение, Роуэн подверг ее публичному допросу и выставил перед всеми дурочкой. Он очень быстро догадался, кто прислал красавицу. Когда несколько часов спустя Дарзо Блинт навестил барда, то застал его за написанием песенки издевательского содержания с нелепыми и непристойными намеками в адрес Мамочки К. Впрочем,

некоторые предположения содержали значительную долю истины. Как бы там ни было, зажигательные куплеты Роуэна Рыжего так и не дошли до ушей широкой публики, а вскоре все забыли и о самом авторе, из-под пера которого больше не вышло ни одного произведения искусства. Безобразие едва удалось предотвратить, и с тех пор Мамочка К. всячески избегала общения с бардами.

Однако они представляли собой исключительно ценный источник информации, и совсем отказаться от их услуг было бы неразумно. Барды засыпали Мамочку К. любопытными фактами и пикантными подробностями некоторых событий, жадно подхватывая на лету щедрые подачки. Действительно, часто барды сообщали очень ценные сведения, так как неизменно присутствовали на всех балах и приемах, куда другим шпионам был закрыт путь. Однако Куогли выделялся из всей братии, так как рассказанные им истории были необычными и интересными, и благородные господа принимали их за чистую правду, а другие барды часто повторяли в своих выступлениях. Его было трудно чем-либо заинтересовать, но если это удавалось, Куогли вцеплялся в предложенный сюжет мертвой бульдожьей хваткой.

— Знаешь ли ты, кто я такая, Куогли Марс? — повторила вопрос Мамочка К.

Бард помедлил с ответом и после минутного колебания решился:

— Вам принадлежит половина борделей в городе. Вы — женщина, которой удалось выбраться из сточной канавы и взлететь так высоко, что в это трудно поверить. Я полагаю, вы являетесь Госпожой Удовольствий в Са'каге.

— У одной из моих девочек есть дар предвидения, правда, его нельзя назвать выдающимся, — обратилась к барду Мамочка К. — Видения посещают ее нечасто, но когда это случается, она всегда оказывается права. За все время ни разу не ошиблась. Два года назад ей привиделся ты, маэстро, хотя она никогда тебя не видела и слыхом не слыхивала о твоем существовании. В то время ты еще не добрался до Сенарии. Девушка описала тебя с исключительной точностью и поведала, что песни льются из твоих уст подобно речному потоку. Кстати, река — самый чистый источник воды из всех, что ей довелось видеть в жизни. Девочка сказала, что я пыталась помешать твоей песне, тогда воды меня захлестнули, и я утонула. На следующую ночь ей привиделся тот же сон, и на сей раз я хотела сбить тебя с ног, прежде чем ты начнешь петь, но песню нельзя было остановить, и меня опять поглотили воды реки. А на третью ночь я поплыла. Думаю, твоя река, Куогли Марс, называется Правдой, и именно поэтому я в третий раз задаю тебе тот же вопрос: известно ли тебе, кто я?

— Вы — шинга Са'каге, — чуть слышно ответил бард.

Мамочка К. была готова к такому ответу, тем не менее высказанная в лицо правда вдруг вызвала страх. Однако не по этой ли причине она наняла Куогли Марса? Сначала заплатила за пьесу для флейты, а потом велела своим осведомителям намекнуть поэту, что у нее имеется интересный сюжет, который Куогли непременно захочет воплотить в одном из своих творений. И все же этот парень слишком умен, что делает его опасным.

— Как ты догадался? — спросила она барда.

— Всем известно, что вы были правой рукой Джарла, а когда он пропал, работа в Са'каге шла своим чередом. Псы Агона продолжали тренировки, в установленный срок наступила Ночь крови, а тела головорезов не плавали в реке Плит. Са'каге не отложит до лучших времен борьбу за право наследования только потому, что идет война. Ведь вы являетесь шингой уже больше месяца.

— А пятнадцать лет не хочешь? — тяжело вздохнув, ответила Мамочка К. — Я всегда стояла за спиной у очередной шинги-марионетки. Знаешь, ведь шинги не умирают своей смертью.

— Так что же вы хотите купить? Полагаю, нечто большее, чем пьеса для флейты.

— Хочу, чтобы ты исполнил песнь, рассказывающую о тайнах Тэры Грэзин.

— А вам они известны? — поинтересовался Куогли.

— Разумеется.

— Вы ими со мной поделитесь?

— Нет.

— Но почему?

— Потому что я зарабатываю на жизнь ложью, и ты это прекрасно знаешь. Потому что правда губительна, а ты прославился тем, что умудряешься добыть ее, где только можно.

— Итак, если реку нельзя перекрыть плотиной, можно направить ее в нужное русло. И как вы намерены от меня откупиться?

— Тебя интересуют не только деньги? — осведомилась Мамочка К., прекрасно зная ответ.

— Угадали.

— Тогда я дам то, что ты хочешь, — пообещала она.

— Хочу знать вашу историю. Придется ответить на все вопросы, которые я задам, и, если солжете, я воспользуюсь этим рассказом и представлю вас в самом нелицеприятном свете.

— Послушай, ты сейчас вводишь меня в искушение претворить предсказание в жизнь и прибегнуть к услугам мокрушника, который скрывается за занавесками и с радостью тебя прикончит. Видишь ли, правда из уст уличной девки имеет слишком много острых углов. Я поведаю свою историю и не пощажу себя, но ни за что не выдам секретов людей, которых моя откровенность может погубить. Я подпишу себе и им смертный приговор, а некоторые из этих людей заслуживают лучшей участи. Итак, я расскажу о себе и о Са'каге столько, что тебе и не снилось, но на этом моя помощь заканчивается. А ты поклянешься молчать о том, что услышал, в течение года. Мне нужно закончить важные дела.

Лицо Куогли позеленело от страха, что придало ему еще большее сходство с лягушкой.

— Вы меня обманываете, и за занавесками нет никакого мокрушника, — сказал он дрожащим голосом.

— Разумеется, там никого нет, — успокоила барда Мамочка К. Странно, что Куогли так струхнул. — Так мы договорились?

Куогли засопел носом, будто хотел унюхать наемного убийцу, а поняв, что опасность не грозит, потихоньку стал приходить в себя.

— Да, если расскажете о своих мотивах. Не верю, что вы все затеяли из-за видений какой-то девки.

Мамочка К. согласно кивнула.

— Если бы Логан Джайр стал королем, возможно, мечта Джарла о создании новой Сенарии осуществилась бы, и для таких девчонок, какими когда-то были мы с сестрой, и для всех цеховых крысят жизнь стала бы другой.

— Какое трогательное человеколюбие, — с сарказмом заметил Куогли.

Мамочка К. сдержалась и не позволила гневу выплеснуться наружу.

— У меня есть дочь.

— Это для меня новость.

— Знаешь, маэстро, я самая богатая и могущественная особа в стране. Но власть шинги умирает вместе с ней, и мое богатство растащат те, кому в конце концов удастся меня убить. Рождение дочери обошлось дорого. Я потеряла любимого мужчину и едва не лишилась жизни. И все равно, какие бы испытания мне ни пришлось из-за нее пережить, их нельзя сравнить с опасностью, которой она из-за меня подвергается. Мне нужно, чтобы Логан Джайр стал королем, потому что только так я могу узаконить свое положение и передать дочери по наследству хоть что-нибудь, кроме смерти.

— То есть вы пришли не как торговка и даже не как королева всех купцов. — Глаза Куогли расширились от изумления. — Вы собираетесь посадить на престол новую династию. Чем вы заплатите за осуществление своих планов?

— Об этом я расскажу после коронации. Так мы договорились?

— Вы хотите, чтобы я за три дня узнал все грязные тайны королевы да еще сложил песню? Но это же нелепость. Невозможно. Во всей Мидсайру не найдется барда, способного на такой подвиг. И все же… — он сделал театральную паузу, и Мамочка К. едва удержалась

от желания закатить глаза к небу, — и все же я не простой бард, а истинный гений и исполню вашу просьбу.

— Пой свою песнь, бард, и ничего не бойся. Я позабочусь, чтобы ее никто не прервал.

Куогли заморгал и снова подозрительно зашмыгал носом.

— Вспомнил! Головная нота: бергамот и гальбанум, и еще что-то третье. Не могу определить. Серединные ноты жасмина и нарцисса наслаиваются на базовые ноты ванили, ириса, зверобоя и аромата леса. Эти духи мне показал сам Нуэк вин Бремар, королевский парфюмер Алитэры. Он сказал, что они принадлежат королеве, и никто, кроме нее… — Он внезапно умолк и с изумлением уставился на Мамочку К., облизывая толстые влажные губы. — Позвольте заметить, мадам, вы в одинаковой степени пугаете и заинтриговываете.

— Знаешь, маэстро, — хмыкнула в ответ Мамочка К., — ты вызываешь у меня похожие чувства.

Резаный Врабль пришел, как всегда, вовремя. На сей раз встреча была назначена в дворцовом саду, который украшало множество статуй. На Резаном Врабле было разноцветное одеяние гекатонарха, длинные рукава которого закрывали ритуальные шрамы на руках, а риза скрывала от глаз сетку шрамов на груди и шее.

— Ну что, дитя мое, — обратился он с кривой усмешкой к Таре, — хочешь исповедоваться в прежних грехах или взять на душу новые?

Тэра Грэзин смерила Врабля презрительным взглядом.

— Твое появление в роли священника выглядит богохульством.

— Из сотни богов должен быть хоть один, наделенный чувством юмора. Что у вас задело, ваше высочество? Если люди заметят, что наш разговор затянулся, то и вправду решат, что вы надумали исповедоваться.

— Я хочу, чтобы ты убил Логана Джайра, и чем скорее, тем лучше.

Тэра почесала забинтованную руку, которую проткнул невесть откуда взявшийся призрак. Рана заживала очень медленно.

Резаный Врабль сплюнул на посыпанную белым гравием дорожку, напрочь позабыв о своем намерении выступить в роли священнослужителя.

— Я заплачу в два раза больше, чем за убийство Дарзо Блинта.

— Забавно, ты тогда утаила, что предстоит убить Блинта, и призналась, когда дело было сделано.

— Но ведь все прошло удачно.

— Только потому, что я застал его врасплох, — признался Врабль.

— Кажется, ты говорил, что сражался с ним один на один? — спокойно заметила Тэра.

— Так и было! — вспыхнул Врабль. — Нелегкое дело. А ты заплатила оскорбительно мало. Просто смехотворная цена за такую услугу.

— Ах вот оно в чем дело! Опять торгуешься. Какая тоска! Назови свою цену, убийца.

— Да, я наемный убийца, тебе, черт возьми, это хорошо известно. И я убил Дарзо Блинта. Что до цены — торговаться не стану.

— Сколько?

Как же болит рука! Она надела платье с длинными плотными рукавами, чтобы скрыть от посторонних глаз забинтованную руку. В присутствии проклятого Врабля даже нельзя прикоснуться к ране. Мерзавец тут же донесет Са'каге.

— Трудная работенка. Говорят, герцог Джайр в роще Пэввила прикончил великана пятидесяти футов ростом. А еще говорят, ему служит безумец с зубами, как пила, который разрывает людей пополам, и двуногий волкодав, да еще тысяча девок на лошадях в придачу. Я даже слышал о демоне, явившемся спасти Логана во время переворота. У этого человека множество друзей, которые наведут страх на любого, и все они превратятся в грозных врагов наемного убийцы, который осмелится посягнуть на жизнь Джайра.

— Я заплачу в десять раз больше обычной суммы, сделаю тебя баронетом и дарую земли.

Предложение было по-королевски щедрым, и Тэра видела, что оно ошеломило Врабля.

— Соблазнительно, но я отказываюсь, — ответил он наконец. — Единственный мокрушник, который бы рискнул взяться за такое дело, — Хью Висельник.

— Тогда пришли его ко мне! — раздраженно крикнула Тэра.

— Невозможно. Он кормит рыб, так как дерзнул взяться за работу, которая не по душе Матушке Са'каге. Да будет вам известно, Матушка Са'каге запретила всем своим птенчикам браться за заказы, направленные против Джайра.

— Что? — окончательно вышла из себя Тэра. — Да ты понимаешь, с кем говоришь?!

— Я все расскажу Совету Девятерых.

Тэра в ярости вскочила с кресла.

— Если Са'каге пойдет против меня, лучше прими мою сторону, иначе я всех уничтожу!

— Клянусь бородой верховного короля, женщина! Мы отказываемся от одной определенной работы, и это вовсе не означает, что мы стали твоими врагами.

— Вы исполните приказ, или я вас раздавлю! — не унималась Тэра.

— Надо быть полной дурой, чтобы говорить подобные вещи мокрушнику. Впрочем, ты и есть самая большая дура в стране. Сама-то хоть это понимаешь? Известно ли тебе, чем занят Логан сегодня утром? Нет? Пока ты плетешь интриги, чтобы перебить своих союзников, Логан спасает своих.

— Что ты несешь?

— Совет Девятерых предупреждает: у тебя есть неделя, чтобы отказаться от угроз в их адрес. А чтобы до тебя дошло, какую войну ты затеваешь, сегодня утром они организовали маленький дипломатический скандал. Кстати, они просят учесть, что грядущие скандалы окажутся уже не маленькими и отнюдь не дипломатическими.

Тэра почувствовала, как но спине пробежал холодок. Уже устроили скандал? А ведь она еще им не угрожала напрямую.

— Откуда тебе известно? — накинулась она на Врабля.

— Нам известно все, — многозначительно заметил Резаный Врабль.

— Ваше величество! — воскликнул задыхающийся от бега слуга. — Послы Часовни и Лэ'нота приглашены к вам на завтрак, как и приказано. Дворецкий пытается усадить их на места для почетных гостей, но они в ярости, что их заставляют ждать.

— Я не приглашала…

Тэра повернулась, намереваясь обрушить свой гнев на Врабля, но тот уже исчез.

33

— Солон, — обратилась к нему Кайде, силуэт которой вырисовывался в темноте за окошком камеры, — почему моя мать тебя ненавидит?

Солон сел и принялся выбирать из волос грязную солому.

— Что она натворила? — ответил он вопросом на вопрос.

Едва начало светать, и утро обещало быть холодным. Кайде набросила на плечи парчовую накидку, и Солон в душе обрадовался, что во время разговора не придется отвлекаться на ее обнаженную грудь. И одновременно почувствовал разочарование.

— Ты знаешь причину или нет? — потребовала ответа Кайде. Металлические ноты в ее голосе напомнили видение, когда Хали пришла в Ревущие Ветра и пыталась толкнуть его на смерть. Он знал, что видения лживые, и Кайде на него не гневается, но от этого на душе становилось совсем скверно. Солон встал и подошел к решетке.

— Об этом тяжело говорить, а слушать еще хуже.

— Сделай милость, исполни мой каприз.

Солон закрыл глаза и задумался.

— Двенадцать лет назад, закончив обучение у синих магов, я вернулся домой. Помнишь? Мне было девятнадцать лет, и я обратился к отцу за разрешением просить твоей

руки, но он ответил, что твоя семья никогда не согласится на наш брак.

— Мать ни перед чем не останавливалась, когда шла речь о продвижении семьи наверх. Вот почему мне непонятна ее ненависть к тебе. Ведь если рассудить здраво, она сама должна была подталкивать меня к супружеству с принцем.

— Она боялась, что ты можешь оказаться моей сестрой, — чуть слышно прошептал Солон.

В течение нескольких секунд по лицу Кайде пронеслась буря противоречивых чувств: замешательство сменилось недоверием, потом в голове мелькнула какая-то мысль, вызвавшая удивление, на смену которому пришло отвращение. И снова недоверие.

— Кайде, я не хочу клеветать на наших родителей. Связь между ними была короткой и длилась всего несколько месяцев, во время последней неудачной беременности моей матери. Когда она умерла вместе с младенцем, отец воспринял это как божью кару. К тому времени твоя мать уже была беременна. Спустя годы, когда отец заметил мой интерес к тебе, он попросил зеленого мага определить, доводишься ли ты ему дочерью. За эту услугу и обещание хранить тайну мне пришлось отправиться на учебу к зеленым магам. Ни они, ни отец не надеялись, что во мне проснется *талант.* Маги просто хотели завести дружбу с сетским принцем. Я не наделен *талантом* целителя. — Правда, потом Солон встретил Дориана, что в корне изменило всю жизнь, и не всегда перемены были в лучшую сторону. — Маги всячески убеждали отца, что ты мне не сестра, но твоя мать никогда не доверяла магам. Со страха ей казалось, что ты больше похожа на моего отца, а не на своего.

— Откуда мне знать, что ты говоришь правду? — Кайде оставалась невозмутимой.

— Я не стал бы лгать об отце. Он был великим человеком, и я сильно переживал, когда он признался, что изменял матери. Он и сам из-за этого страдал. После ее смерти он очень изменился. А тебе ничего не приходит в голову по поводу поведения твоей матери? Почему не спросишь у нее сама?

— Почему ты не вернулся домой?

Лицо Солона выглядело усталым и измученным.

— Мне было девятнадцать лет, когда я покинул дом, а тебе едва исполнилось шестнадцать. Я пытался убедить твою мать, что маги говорят правду, а она решила, что я ей угрожаю. Ты была так молода, и мне не хотелось настраивать тебя против матери, вот я и промолчал. Потом мне предложили продолжить учебу в Шо'сенди, и я согласился. Я писал тебе каждую неделю, но ответа так и не получил. И тогда я послал друга, чтобы он передал письмо тебе в руки. Твои родственники вышвырнули его из дома и сказали, что ты обручена и не желаешь обо мне слышать.

— Я никогда не была обручена, — прошептала Кайде.

— Об этом я узнал гораздо позже. Я собирался вернуться домой, но предсказатель определил для меня два пути. Если вернусь домой — убью брата, а если отправлюсь в Сенарию, возможно, спасу весь юг от Халидора.

— Ну и как, удалось?

— Ты о чем?

— Удалось спасти мир?

Голос Кайде дрожал от злости.

— Нет, — признался Солон и сглотнул застрявший в горле комок. — Я утаил, что являюсь магом, от человека, который заменил мне брата, от человека, который должен был стать королем. Когда он узнал о моей лжи, то освободил от обязанностей, а на следующий день его лишил жизни подосланный убийца. Окажись я с ним, и убийства бы не произошло.

— Значит, ты явился домой, как побитый пес в поисках объедков.

Солон с нежностью посмотрел на Кайде, так как понял, что под маской гнева она хочет скрыть свою боль.

— Я вернулся домой, чтобы все исправить. Я не знал, что здесь происходило, потому что никто из сетцев на Большой земле не хотел об этом говорить.

— Ты неверно истолковал предсказание и должен был его убить, — нахмурилась

Кайде.

— Что ты говоришь?

Она плотнее закуталась в парчовую накидку и приблизила лицо к окошку камеры.

— Твой брат стал кошмаром для страны и в течение года перечеркнул все хорошее, что сделала твоя семья. В результате вторжения в Ладеш мы потеряли три из четырех флотилий, а когда Ладеш нанес ответный удар, то лишились и последних колоний. Он вынудил моего брата Джарриса вести войско в наступление без всякой надежды на победу, а когда оно, как и следовало ожидать, провалилось, бросил его в темницу. Брата там задушили, хотя Сиджурон утверждает, что Джаррис повесился сам. Он заставлял знатные семьи оплачивать попойки, которые длились неделями и на которые у них не было средств, обложил налогами и богатых и бедных, но освободил от их уплаты своих друзей. Потом твой брат построил зверинец, куда поместил более тысячи диких зверей. Люди умирали от голода и были вынуждены просить милостыню, а он заказывал шелковое постельное белье для львов, а потом стал швырять на съедение хищникам всех недовольных его правлением. Он обожал тренировочные бои с воинами и приказывал их казнить, если считал, что они не проявляют достаточного рвения во время спарринга. Если воины вели учебный бой в полную силу и на монаршем теле появлялись синяки и ссадины, их тоже отправляли на казнь.

Твой братец пристрастился к игре, повсюду таскал за собой кости и заставлял их бросать всех, кто встречался на пути. Можно было выиграть кошелек с золотом или свой смертный приговор. Таковы были ставки. Однажды он наткнулся на меня и заставил играть, хотя обычно члены знатных семейств освобождались от этой обязанности. Я выиграла, и он заставил меня снова бросить кости. Я выиграла четыре раза подряд, и у твоего брата закончились деньги. Он был вне себя от ярости и велел слугам расплатиться со мной. Я поняла, что он заставит играть до тех пор, пока мне не выпадет смерть. Тогда я предложила сыграть в последний раз и сказала, что три стороны будут означать смерть, а другие три — супружество. Такая дерзость заинтриговала твоего брата, и он ответил, что женщина, собирающаяся пустить его по миру, вполне подойдет в качестве жены. — Глаза Кайде потемнели от ненависти. — Сиджурон проявил сообразительность и дал мне только две из шести сторон. Я снова выиграла, и он сдержал слово и устроил пышный свадебный пир за счет моей семьи. А когда твой брат уснул, я перерезала ему горло и босиком, в ночной сорочке, вернулась в зал. Мои руки были по локоть испачканы кровью. Только недавно пробило полночь, и пиршество шло полным ходом. В зале царило странное возбуждение, свойственное людям, которые знают, что в следующую минуту, по капризу монарха, могут расстаться с жизнью. Когда я вошла, все замерли. Я села на место императора и рассказала о том, что совершила. Солон, как же все радовались! Кто-то приволок мертвое тело в зал, и благородные дворяне нашей империи разорвали его на части голыми руками. Потом я стала исправлять то зло, что причинил стране твой брат. Однако за девять лет своего правления мне не удалось наладить и половину того, что он умудрился разрушить за три года пребывания на престоле.

Некоторое время Солон молчал. Рассказ Кайде потряс его до глубины души.

— И ты так и не вышла замуж? — наконец спросил он.

— Второй раз замуж я не вышла.

— Прости мою глупость.

— На меня навалилось слишком много дел. Кроме того, недоброжелатели называют меня Черной Вдовой, и я не возражаю. Хорошо, что я вызываю страх. Несмотря на то что из меня получился правитель в сто раз лучше твоего братца, в начале пути я совершила много ошибок, оттолкнув людей, которые могли бы стать друзьями. С тех пор я многому научилась, но некоторые мужчины не забывают даже самых малых обид. Чтобы удержаться на престоле, я веду ежедневную борьбу, и вот являешься ты, чтобы разрушить плоды многолетних усилий.

— Мне не нужна корона. Могу в этом поклясться перед всем двором.

— Чего же ты хочешь, Солон?

— Только тебя одну, — ответил он, глядя в глаза Кайде.

— «Меня одной» больше нет, — сердито возразила Кайде. — Да, я императрица, но взгляни на мое лицо. Там остались следы от клановых колец, а твои щеки никогда не прокалывали. Думаешь, это не имеет значения? Ошибаешься. Если я императрица, кем тогда прикажешь считать тебя?

— А разве императрица не может быть просто женщиной?

— Нет. Прежде всего я — государыня.

— Неужели корона давит так сильно, что под ней не осталось места для любви?

На мгновение выражение царственного спокойствия на лице Кайде сменилось глубокой печалью, но она быстро взяла себя в руки.

— Когда-то я любила тебя, Солон, и твой отъезд привел меня в отчаяние. Люди молили Бога о твоем возвращении в надежде, что ты удержишь брата от безумных поступков, а потом займешь его место на троне. Я тоже молилась о твоем возвращении… по другим причинам. А ты так и не пришел. Даже в первую брачную ночь я молилась, надеясь, что ты вернешься, и все будет хорошо. Молилась, когда твой братец потащил меня в постель, и все ждала, что сейчас распахнется дверь и на пороге появишься ты. А ты не появился. — Ее голос стал совсем тихим, в нем не было теплоты. — И вот я стала женой твоего брата.

— Но ведь ты сказала…

Солон замолчал, проклиная в душе свою бестактность.

— Я хотела его напоить до бессознательного состояния, однако именно в тот день ему не хотелось пить. — Кайде закрыла глаза. — А я… я очень испугалась. Потом я дождалась, когда он уснет. Даже после всего, что натворил твой брат, я долго собиралась с силами, чтобы перерезать ему горло. Во сне он был так похож на тебя.

— Прости меня… — прошептал Солон.

Кайде протянула руку через решетку и ударила его по лицу.

— Не смей меня жалеть!

— Кайде, неужели ты не видишь, что во мне говорит не жалость, а любовь? Тебе причинили боль, а я ничего не сделал, чтобы этому помешать, и теперь глубоко раскаиваюсь.

— Через два дня я выхожу замуж за Ошоби Такеду.

— Ты ведь его не любишь.

— Не говори глупостей.

Конечно, она не любит Ошоби!

— Кайде, позволь мне исправить ошибки, дай последнюю возможность.

— Можешь наблюдать за свадебными торжествами из камеры. Прощай, Солон.

Тэра нетерпеливо ерзала на огромном черном троне, сделанном по приказу Гэрота Урсуула. У нее ушло несколько часов, чтобы успокоить послов. Все попытки угадать, кто является автором дипломатического скандала, оказались тщетными. Ниточки интриги вели в разные стороны, и понять, кто лжет, не представлялось возможным.

Наконец явился Люк, облаченный в великолепный, белый с золотом, мундир главнокомандующего.

— Слухи подтвердились, — сообщил он сестре и преклонил колено на верхней ступеньке, ведущей к трону. — Прибыл Логан в сопровождении тысячи четырехсот воинов.

— А разве они не понесли потерь, когда прорывались через лагерь кьюрской армии? — поинтересовалась Тэра.

В первом докладе только упоминалось, что Логан подошел к городским воротам. На ее приказ не открывать ворот никто не обратил внимания. В душе Тэра лелеяла надежду, что кьюрцы выполнят за нее грязную работу и убьют Логана.

— Им не пришлось прорываться, — промямлил Люк со смущенным видом. — Они подписали договор, — Взглянув на потемневшее от гнева лицо сестры, он поспешно добавил: — Когда я приказал выяснить, от чьего имени велись переговоры, мне ответили, что от твоего. Все очень удивились, что я ничего не знаю.

Тэра вдруг ощутила слабость во всем теле. Ясно, что здесь приложила руку Са'каге.

— Каковы условия договора?

— Не знаю, — растерянно пробормотал Люк.

— Идиот!

— По всему городу разъезжают кьюрские обозы с рисом и хлебом и раздают еду горожанам.

— Кьюрскую армию впустили в город?!

— Только Лантано Гаруваши и обозы с продовольствием. Но ворота до сих пор открыты, и люди идут в кьюрский лагерь и приветствуют их воинов.

Вскочив с трона, Тэра выбежала на балкон и посмотрела на раскинувшийся внизу город. Несмотря на яркое солнце, осенний день обдавал холодом. Ванденский мост заполнили сотни людей в сверкающих на солнце доспехах.

— Логан проходит маршем через Крольчатник? — не поверила глазам Тэра. — Как он отважился? Разве можно чувствовать себя в безопасности в таком месте?

— Кролики его обожают, — откликнулся Люк.

Процессия хлынула в западную часть города, а потом повернула в сторону дворца. Когда выходила на парад армия Тэры, на улицах было полно народу, а сейчас город, казалось, опустел. Приветственные крики звучали тоже по-иному, наводя на Тэру ужас.

— Позови ко мне советников, — велела она брату. — Я должна знать о договоре все, прежде чем Гаруваши явится во дворец. Кто он для меня: союзник, вассал или сюзерен? Или, упаси господи, супруг? Ступай, Люк, ступай!

34

Наложив на лицо подходящий грим, Кайлар прикрепил к спине меч Возмездия и облачился в грязные лохмотья, от которых исходил такой мерзкий запах, что было противно даже прикасаться к ним. Богатую одежду, которую носит знать, он сложил в заплечный мешок, а затем установил на прежние места ловушки с ядом, от которого непрошеному гостю, случись таковому заглянуть в тайник, сделается плохо, но с жизнью он не распрощается. Закончив все дела, Кайлар присел на лестницу и минут пятнадцать прислушивался к доносившимся с улицы звукам. Стояло раннее утро, и город уже начал просыпаться.

Вот послышался стук копыт — это по плите проехала запряженная лошадью телега. Подождав еще секунду, Кайлар стал невидимым. Когда телега проехала, он отодвинул плиту, выполз из убежища, закрыл вход и забросал плиту грязью. Задняя ось телеги зацепилась за прикрепленный к спине меч Возмездия, и Кайлара протащило на несколько футов по земле, прежде чем удалось освободиться. Возница, выругавшись, принялся оглядываться по сторонам, но ничего не заметил.

Оправившись от падения, Кайлар-невидимка свернул в переулок, где сбросил с себя тени и принялся изучать лохмотья. Нужно выяснить, какой урон одежде нанес ка'кари на сей раз. Ничего страшного, всего несколько дырок на спине, сквозь которые могут увидеть меч Возмездия. Закинув на плечи мешок с богатой одеждой, он, прикинувшись хромым, направился в сторону постоялого двора «Гнездо цапли», который находился на перекрестке улиц Сидлин и Ванден. Одно из немногих мест в городе, куда можно явиться в грязных лохмотьях, а выйти разряженным в шелка, не привлекая ничьего внимания.

Не пройдя и двух кварталов, Кайлар обнаружил засаду, которую устроили цеховые крысята. Ребята спрятались среди золы и мусора, которыми был завален переулок. Многие держали в руках камни, а у двух мальчишек в руках блестели халидорские мечи, которые явно были трофеями Ночи крови. Кайлар мог свернуть в сторону, но не стал этого делать, потому что в толпе ребятишек заметил свою старую знакомую Блю. Он забыл спрятать деньги, которые пообещал девочке. Возможно, она даже выполнила свою часть договора и увела всю компанию, хотя Кайлар сильно в этом сомневался.

Самый старший из цеховых крысят поднялся первым. Для шестнадцати лет он был низкорослым и таким же истощенным, как остальные дети. Однако у него не было раздувшегося живота, признака недоедания, который Кайлар заметил у многих малышей. Мальчишка сжимал в руке халидорский меч, а его глаза бегали по сторонам в поисках поддержки.

— Отдай деньги и мешок и можешь проваливать, — обратился он к Кайлару, нервно облизывая губы.

Кайлар остановился и стал рассматривать толпу детей. Их было человек семнадцать, все до смерти перепуганы и совсем еще малолетки. Блю стояла в стороне и подозрительно косилась на Кайлара.

— Я забыл тебе кое-что отдать, — улыбнулся он девочке, шаря рукой в кармане в поисках золотой монеты.

Это было гораздо больше, чем он пообещал, но детям пригодится. Найдя наконец монету, он бросил ее девочке.

Один из старших ребят неверно истолковал его жест и швырнул камень, целясь Кайлару в голову. Кайлар увернулся от удара, и камень едва не попал в мальчишку, стоявшего на другой стороне. Тот тоже бросил в ответ камень, и в следующее мгновение в воздух взлетел град камней и послышался звон мечей.

Призвав *талант,* Кайлар подпрыгнул высоко вверх и, перевернувшись в воздухе, выхватил меч Возмездия, который ка'кари покрыл своей оболочкой. Приземлившись, он завертелся вокруг своей оси. Серебряный Медведь сражается с Гаранским Зефиром и отсекает клинки от эфесов трех мечей. Ка'кари выпустил из меча Возмездия магический импульс, растекшийся по коже Кайлара.

«Что это такое?» — спросил он у ка'кари.

«Очень впечатляет. Ты только посмотри».

Толпа цеховых крысят застыла на месте, а два паренька, сжимающие в руках обломки мечей, как завороженные таращились на Кайлара. Кайлар тоже осмотрел себя и обнаружил, что туники на нем нет, а кожа светится изнутри, словно тело с трудом удерживает накопившуюся в нем силу.

«Я не просил тебя об этом», — упрекнул он ка'кари.

«Ты ведь сам хотел их остановить, не причинив вреда. Или я неправильно понял?»

— Я же говорила, это он! — воскликнула Блю.

Кайлара охватило ужасное чувство, что он уже это однажды видел. Дети решили, что перед ними Дарзо. А может быть, ка'кари умудрился отдать ему лицо Дарзо? И вот он стоит перед шайкой крысят, как двенадцать лет назад стоял Дарзо, когда ребята из гильдии Азота пытались его ограбить. Правда, теперь он оказался на месте Дарзо и чувствовал себя иначе.

— Это Кайлар, — прошептала Блю.

— Кайлар, — отозвались эхом несколько ребят.

В голосах слышался благоговейный трепет. Еще бы, попытаться ограбить живую легенду! Дети побросали камни на землю и топтались на месте, решая, что делать дальше: пуститься наутек или удовлетворить свое любопытство и посмотреть, чем все закончится. Только сейчас старшие ребята заметили, что вместо мечей держат в руках дымящиеся огрызки. Их товарищи с отсутствующим видом потирали ушибленные места.

— Откуда вам известно это имя? — требовательным голосом спросил Кайлар, чувствуя, как по телу пробежал холодок.

— Я как-то подслушала разговор Мамочки К. и Джарла, — призналась Блю. — Он сказал, что ты его лучший друг и что ты был Черным Драконом. А Мамочка К. нам говорила, что ты лучший из всех Черных Драконов, которых обучал Дарзо Блинт. Вот я все сопоставила и решила, что ты — Кайлар.

Кайлар смотрел на девочку, не в силах пошевелиться. Давным-давно Дарзо сказал, что правда всегда выйдет наружу. Если эти ребятишки знают, что Кайлар — мокрушник и ученик Дарзо, то очень скоро об этом узнают и враги. А может быть, уже знают. Остается

надеяться, что им не пришло в голову допросить цеховых крысят. Однако как обстоят дела на самом деле, пока установить невозможно.

Его вины здесь нет, но «Кайлар» должен исчезнуть. Его время истекло. Даже если он вернется в Сенарию, то совсем другим человеком, с другим именем и друзьями или совсем без них. Кайлару придется бросить все, как это делает Дарзо каждые десять или двадцать лет. Такова цена бессмертия.

— Пожалуйста, господин, — обратились к нему два испуганных старших мальчика, что напали первыми, — возьмите в ученицы Блю. Она у нас самая смышленая и должна выбраться из этой грязи.

— Вы считаете, мне удалось выбраться? — с досадой проворчал Кайлар. — Через неделю я погибну!

Он вытащил ка'кари на поверхность кожи и пропустил через него вспышку синего пламени. Дети подняли руки, заслоняя глаза от яркого света, а когда их открыли, Кайлар уже исчез.

35

Логан и Лантано Гаруваши вошли в тронный зал в сопровождении военачальников, телохранителей, лорда Агона и широколицего кьюрца по имени Отару Томаки. Логан преклонил колени перед троном, и все сенарийцы последовали его примеру. Кьюрцы низко поклонились королеве, а Лантано Гаруваши в знак почтения наклонил голову, звякнув кольцами в длинных рыжих волосах.

— Встаньте, — разрешила королева царственно-доброжелательным тоном.

На ней было красное платье из мягкой ткани с изумрудным кантом и подобранными в тон серьгами и ожерельем. Поднявшись с трона, она спустилась на семь ступеней вниз, туда, где стояли Логан и Лантано Гаруваши.

— Герцог Джайр, — с улыбкой обратилась она к Логану, — вы оказали нам неоценимые услуги и будете щедро награждены, как того заслуживаете. — Затем повернулась к Лантано Гаруваши. — Ваше высочество, для нас большая честь принимать при дворе такого прославленного воина.

Логан едва сдержал вздох облегчения. Значит, Тэра все-таки получила его письма. В ее манерах появилось что-то необычное. Исчезла презрительная насмешливость. Наверное, решила, что, поскольку ее правлению ничего не угрожает, нужно вести себя, как подобает королеве.

— Прошу, называйте меня просто Гаруваши, ведь я пока еще не король, — с многозначительной усмешкой попросил са'кьюрай.

Традиционная кьюрская одежда, состоящая из шелкового кимоно и широких штанов, скрывала фигуру, но Гаруваши мог надеть на себя груду бесформенного тряпья, и даже оно не испортило бы впечатления от его мужской красоты и стати. Волосы Гаруваши, завязанные в конский хвост, отливали красным золотом, в которое вплетались десятки прядей другого цвета, что придавало его шевелюре сходство с тигриной шкурой. Волевой подбородок, гладко выбритое худое лицо, широкие плечи и тонкая гибкая талия производили неизгладимое впечатление. Рукава кимоно были короче, чем предписывал этикет. Возможно, для большей свободы движения или с целью продемонстрировать мощные бицепсы. Логан заметил, что Тэра Грэзин по достоинству оценила прославленного воина. Гаруваши, в свою очередь, устремил на королеву дерзкий взгляд.

— Я тоже пока еще не стала королевой, — проговорила Тэра. — И буду рада, если вы согласитесь стать гостем на моей коронации.

— Сочту за честь. И может быть, в будущем году в это же время вы почтите своим присутствием торжества по поводу моей коронации.

— Позвольте показать вам дворец, — предложила Тэра, протягивая руку Лантано Гаруваши и знаком разрешая остальным удалиться.

По взглядам, которыми Гаруваши обменялся с королевой, Логан понял, что прославленный воин очень скоро возьмет эту крепость.

36

Четырнадцатилетнюю наложницу звали Прицией. Когда умер Гэрот Урсуул, она оплакивала судьбу подруг и не думала о себе. Девочка повесилась на своем шелковом пояске, аккуратно сложив в сторонке всю одежду. Нагое тело утратило красоту, лицо стало бесцветным, глаза вылезли из орбит, а язык вывалился наружу. По длинным стройным ногам стекали экскременты. Дориан дотронулся до тела, которое еще не успело остыть, и оно слегка качнулось в сторону. В этом было что-то непристойное, и Дориан потер лицо руками, словно стараясь отогнать дурное видение.

Следовало предвидеть такой исход. Вероятно, наложницы узнали о том, что найден труп Гэрота, раньше Дориана. Телохранителям короля-бога такая находка делала честь, а для наложниц означала смерть.

Все жены короля-бога должны взойти вместе с супругом на погребальный костер, за исключением девственниц и тех женщин, которых выберет новый владыка. Дориан заявил, что не возьмет себе ни одной из наложниц, вот женщины и решили, что их всех сожгут.

— Когда ты догадался, Хоппер?

— Простите, ваше святейшество? — переспросил Хоппер. — Я не совсем понял вопрос.

— А ты подумай как следует.

— Я находился с остальными наложницами. — Хоппер от страха закашлялся. — Прицию что-то понадобилось в этой комнате. Понятия не имею…

— Еще раз хорошенько задумайся над моим вопросом, — с невозмутимым видом настаивал Дориан.

Хоппер устремил на Дориана испытывающий взгляд, его глаза расширились от ужаса, но уже в следующее мгновение он успокоился, вероятно узрев в лице повелителя то, что искал.

— Ну да, — произнес он совсем другим тоном, сбрасывая с себя маску перепуганного раба. — Я догадался, что вы — Урсуул, когда сказал, что вы отличаетесь от остальных рабов. Каким бы странным ни был раб, после моих слов он вряд ли бы изменил поведение. Вы же изо всех сил старались изобразить покорность.

— Какое место ты занимаешь среди приближенных короля-бога? — спросил Дориан.

— Я их начальник, — с поклоном ответил Хоппер.

Значит, подозрения Дженин подтвердились. Кто лучше евнуха, которого не воспринимают всерьез и считают шутом, проследит за приближенными короля-бога и выведает их тайны? Хоппер жил среди евнухов, наложниц, жен Гэрота Урсуула и прислуги и с их помощью следил за всеми вюрдмайстерами, этелингами и военачальниками в королевстве.

— Когда ты лишился пальцев на ногах? — поинтересовался Дориан.

— Когда его святейшество, ваш батюшка, предложил мне эту должность, то сказал, что такова частичная плата за нее. Я с готовностью принес эту жертву. — Хоппер печально улыбнулся. — А вот смириться с тем, что надо стать кастратом, было куда труднее.

— Он предложил? А разве ты мог отказаться?

— Да. Его святейшество всегда был с нами честен и справедлив.

Признание Хоппера представило Гэрота Урсуула в совершенно новом свете. Таким Дориан отца не знал, и от этого на душе стало тревожно.

— Почему ты меня не разоблачил? — обратился он к Хопперу.

— Во-первых, на тот момент докладывать было некому, а во-вторых, я не понимал, чего вы добиваетесь, а когда понял, было уже поздно, вы совершили задуманное. С вашего позволения, должен заметить, это единственное упущение, которое я допустил, пребывая в

должности начальника приближенных его святейшества.

«Ничего удивительного, что Хоппер не разгадал моих намерений. На тот момент я сам о них ничего не знал».

— Ваше святейшество, подозреваю, что некоторые этелинги и вюрдмайстеры знают, кем я являюсь на самом деле. Обычных шпионов я не боюсь и легко с ними справлюсь, а вот остановить вир не в силах, — признался Хоппер и нервно сглотнул.

Действительно, как Дориан не подумал и допустил грубый просчет, который может загубить успешно начатое дело? В тот день, когда он захватил власть, Хоппер находился в тронном зале. Вюрдмайстеры, ворвавшись в зал, увидели не только бесстрашного Дориана на троне, но и стоявшего в сторонке Хоппера, весь вид которого говорил о молчаливой поддержке. Какую роль сыграло его присутствие?

У Дориана вдруг противно засосало под ложечкой. Скорее всего, вюрдмайстеры сделали нужные выводы, и этот промах обойдется дорого.

Он снова посмотрел на болтающееся в воздухе безжизненное тело Прации. Смерть здесь стала обычным делом, а человеческая жизнь не считалась священной.

— Как твое настоящее имя, Хоппер?

— Мне приказали его забыть. Простите, ваше святейшество, меня зовут Вондеас Хил.

— Я думал, весь клан Хила был уничтожен.

Дориан вспомнил рассказ хранителя мертвых о том, как кралы истребили этот клан.

— Король-бог спас меня от участи быть съеденным, — Хоппер немного помедлил, — вот я и не попал в котел для варки мяса. Повелитель решил, что у меня есть некоторые способности, и я приложил все усилия, чтобы он не пожалел о своем решении.

Горшок для варки мяса. Значит, существование кралов и их гурманские пристрастия не такая уж большая тайна.

— Вондеас Хил, я запомню твое имя и жертвы, на которые тебе пришлось пойти. Станешь ли ты служить мне верой и правдой в должности начальника приближенных, которые будут работать на меня?

Вондеас низко поклонился.

— Хочу задать тебе вопрос. Куда исчезли двести вюрдмайстеров?

— Когда умер его святейшество, вюрдмайстер Неф Дада выступил с призывами религиозного толка. Он обратился ко всем вюрдмайстерам с просьбой оказать ему помощь и вернуть Хали домой. Ваши помощники считают, что в настоящее время они находятся в западной части ваших владений.

На западе Халидора население малочисленное, там нет крупных городов, с тех пор как Джорсин Алкестес превратил Трэйетелль в Черный Курган.

— Значит, они сейчас в Черном Кургане? — уточнил Дориан.

— Во всяком случае, где-то поблизости. Мы не знаем точного местонахождения. Шпионы, пытавшиеся проникнуть в лагерь, не вернулись.

Итак, это дело может подождать. Майстеры, маги, вюрдмайстеры и архимаги столетиями пытались сокрушить Черный Курган. Неф Дада, ставший во главе двухсот вюрдмайстеров, представляет серьезную опасность, но до весны Дориан успеет собрать все силы, а Неф вряд ли станет создавать армию. Бывшего наставника Дориана занимала только магия. Тем не менее с этой проблемой тоже придется разобраться.

— Приложи все усилия. Я хочу знать, что они замышляют и что уже успели натворить.

— Слушаюсь, ваше святейшество.

— Сколько этелингов сейчас завершают свой уурдтан?

— Насколько мне известно, семнадцать.

— Сколько из них могут представлять для меня реальную угрозу в ближайшие полгода? — задал очередной вопрос Дориан.

— Поймите правильно, ваше святейшество. У вашего отца были тайны даже от меня, и я сообщаю вам все, что знаю. А мне известно гораздо больше, чем думал ваш батюшка. И все же не могу утверждать, что знаю всех его этелингов. Мне известно, что Мобуру Эндер жив и

пытается уничтожить дикие племена. Поступают сведения, что он возомнил себя верховным королем. Будто кто-то ему напророчил. Ваш отец не обращал на это внимания. Его больше беспокоили слухи о тайном сговоре между Нефом Дадой и Мобуру, хотя и он и я считали, что эти двое вряд ли договорятся о чем-нибудь серьезном.

— Да, трудно представить, чтобы Неф оставил в живых человека после того, как он стал ему ненужным. То же самое скажу и о своих сводных братьях.

— Есть еще один этелинг, о котором мне не полагалось знать, и его имя мне неизвестно. Он вошел в состав делегации боевых магов, которых Шо'сенди отправила на поиски меча Кьюрох. Маги добрались до Сенарии, где стали свидетелями сражения при роще Пэввила, а потом вернулись в Шо'сенди, обрадованные тем, что Кьюрох в битве не участвовал.

Дориан нахмурился. Он не сомневался, что кто-нибудь из сводных братьев попытается проникнуть в школу Огня, как он сам отправился в школу Целителей. Однако узнав, что один из них в этом деле преуспел, Дориан почувствовал себя человеком, которого предали. Он знал большинство магов, отправившихся за мечом, и по иронии судьбы вполне мог считать другом одного из братьев-предателей. Дориан потряс головой, отгоняя ненужные мысли. Нет, пожалуй, сейчас самую серьезную проблему представляют Мобуру и Неф. Главная задача — продержаться и собрать необходимую силу, чтобы выступить против них.

— Хорошо, Хоппер. Спасибо за помощь.

Евнух снова низко поклонился, а когда поднял голову, его лицо приобрело растерянное выражение, свойственное прежнему Хопперу.

— Дориан! Дориан, я повсюду тебя ищу! — воскликнула Дженин, вбегая в комнату.

Дориан с ужасом понял, что все еще стоит рядом с повесившейся девочкой, совсем еще ребенком. Никакими важными сведениями, которые удалось узнать, нельзя оправдать пренебрежительного отношения к гибели такого юного существа. Какая нелепость! Находиться рядом с еще теплым трупом, продумывая очередной политический ход! Господи, в кого же он превращается?! Дориан почувствовал приступ тошноты.

Дженин смущенно улыбнулась. С того места, где она стояла, тела Прации не было видно. Сегодня девушка надела простое платье из зеленого шелка, схваченное поясом под грудью.

— Я решила, — сказала она, направляясь к Дориану. — Я стану твоей женой, Дориан, и научусь любить своего супруга так же сильно, как он любит меня.

— Дженин, не надо…

Он опоздал. Дженин уже заметила обнаженное тело Прации. Первое, что увидел Дориан на лице любимой женщины в момент помолвки, было выражение неописуемого ужаса.

— Боже! — воскликнула Дженин, прижимая ладонь ко рту.

— Я убил ее, — сказал Дориан, и в следующий момент у него открылась рвота.

— Что? — не поняла девушка, боясь подойти к Дориану.

— Прация покончила с собой, чтобы ее не сожгли на погребальном костре Гэрота, — прошептал Хоппер.

Дориан упал на колени и, схватив с пола кусок ткани, стал вытирать рот и только потом понял, что держит в руках. Это было нижнее белье Прации, которое еще хранило аромат ее духов.

Дориана снова вырвало, он с трудом поднялся на ноги и вытер рот полой плаща, а потом отвернулся, чтобы не видеть мертвой Прации.

— Хоппер, — обратился он к евнуху, — позаботься о ней и смотри в оба за остальными наложницами. Дженин, — он повернулся к девушке, — ты должна помочь мне принять одно тяжелое решение. Оно… оно может отразиться на нашей помолвке.

Ви взяла медный кувшин и, налив воды в таз, ополоснула лицо. На узком столике у двери лежало послание, адресованное Виридиане, однако Ви к нему не прикоснулась. Она будет готова, когда приведет себя в порядок, и не раньше. Отведенная ей комната была ужасной и скорее напоминала чулан, где хранятся метлы. Неоштукатуренные стены располагались так близко друг к другу, что между ними едва втиснулась узенькая кровать с тощим матрацем. В ногах стоял сундучок для ее вещей и таз для умывания. Сундучок был пуст — у Ви забрали даже ленты для волос. Послушницам разрешалось иметь только те вещи, что дает Часовня. В случае с Ви щедрость сестер ограничилась уродливым белым платьем послушницы, которое оказалось слишком широким. Больше всего раздражало то, что у них имелось для Ви великолепное платье, которое сидело безупречно. Ви это точно знала. Как будто мастер Пиккун пережил прилив гениальности, превращая скучную шерстяную ткань в шедевр портновского искусства, чтобы представить Ви во всей красе.

Желаемого результата не получилось. Платье похитили и вместо него подбросили мерзкий белый мешок. Сестры даже не удосужились сшить для нее новую ночную сорочку, так как ту, в которой она проснулась, кто-то уже успел проносить довольно долгое время, и предыдущая владелица была гораздо толще и ниже ростом, чем Ви. Девушка надеялась, что сорочку, которая не доходила до колен, хотя бы постирали.

Не в силах сдержать раздражение, Ви зачесала волосы назад. Забрали даже ленты. Нет, она не пойдет на занятия и вообще не выйдет из комнаты. У нее и так отняли достаточно. Девушка осмотрелась по сторонам в поисках чего-либо полезного, и ее внимание привлек медный кувшин.

— Черт бы их всех побрал! — выругалась Ви, призывая *талант,* и отломала от кувшина ручку.

Через минуту ее волосы были заплетены в тугую косу. Еще раз выругавшись, она сжала медную ручку и скрутила в колечко, которым стянула косу.

Затем Ви подошла к столу, взяла записку и развернула.

«Виридиана, сегодня утром после занятий приди, пожалуйста, в отдельную столовую. С тобой хочет повидаться Элена. Сестра Ариэль».

У Ви перехватило дыхание.

Элена? Вот дьявольщина! Она знала, что рано или поздно Элена появится, но не думала, что это произойдет так скоро.

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге показалась скверно одетая юная девица с безумными глазами. Она с подозрением осмотрелась по сторонам и воздела руки к потолку, словно намеревалась призвать высшие силы.

— Что тут происходит? — требовательным тоном спросила девица. — Ты дважды использовала магию! Не вздумай отпираться!

Ви рассмеялась, сначала немного нервничая, а потом расхохоталась от всей души, радуясь возможности отвлечься. Девица задыхалась от быстрого бега, ее щеки горели, а по лбу градом катился пот. Она относилась к разряду пухлых коротышек, и Ви вдруг подумала, а не от этой ли кадушки с салом ей перепала не в меру широкая и короткая сорочка. На вид девице было лет пятнадцать, она носила белое платье с голубой отделкой, а на груди сверкала золотая брошь в виде весов.

— Ты застала меня на месте преступления, — подтвердила Ви.

— Значит, ты во всем признаешься!

— Разумеется. — Ви удивленно подняла бровь. — А теперь выметайся и в следующий раз не забудь постучать.

— Это запрещено!

— Запрещено стучать в дверь?

— Нет.

— Тогда выражай свои мысли яснее, толстуха.

— Меня зовут Ксандра, и я — староста по этажу. Ты дважды прибегла к помощи магии — на первый раз за это полагается два дня в судомойне при кухне. Кроме того, ты отнеслась

ко мне без должного уважения — неделя в судомойне.

— Ах ты маленькая поганка!

— За оскорбление добавляется еще один день! Меня предупредили, что с тобой хлопот не оберешься.

Ксандра тряслась от возмущения, колыхая жирными боками.

— Да ты шутишь, холера тебя возьми! — спокойно ответила Ви.

— Опять неуважение и ругательства! Сейчас же пойдешь к госпоже Джониссех и отправишься отбывать наказание!

— О каком неуважении ты говоришь, визгливая свинья? — Ви двинулась вперед. Ксандра, пятясь, открыла рот и подняла руки. — Граакос! — воскликнула Ви.

Мгновенно установилась защита, на которую Ксандра тщетно бросалась и тут же отлетала в сторону. Ви схватила девчонку и, завернув ей руку за спину, вышвырнула из комнаты. Ксандра пролетела вдоль коридора, скользя по гладкому полу. Ви тоже вышла в коридор и увидела компанию примерно из тридцати девочек, которые смотрели на нее расширенными от изумления глазами. Большинству не было и двенадцати лет.

— Пожалуйста, в следующий раз не забудьте постучаться, — обратилась к ним Ви и, повернувшись на пятках, захлопнула за собой дверь.

Уже из комнаты она услышала возмущенные причитания Ксандры:

— Подумать только, захлопнула дверь…

Ви снова открыла дверь и устремила испепеляющий взгляд на Ксандру, которая все еще барахталась на куче тряпья в дальнем конце коридора. Слова застряли у девчонки в горле, а Ви, еще раз хлопнув дверью, уселась на кровать и взяла записку, изо всех сад стараясь не расплакаться. Но ей это не удалось.

38

Никогда в жизни Кайлар не видел обитателей Крольчатника такими счастливыми. Псы Агона стояли рядом с повозками с рисом и другими злаками и следили за их распределением. Все Псы являлись членами Са'каге и решили позаботиться о том, чтобы съестные припасы раздавались по справедливости.

— Мы получим свою долю, — заверил один из Псов хмурого головореза из Са'каге. — Я узнал это от начальства. А теперь проследи, чтобы и цеховых крысят не обделили!

Кролики выстроились в длинную очередь, которая медленно, но верно продвигалась вперед, а один сообразительный малый вытащил металлическую дудочку и, усевшись на только что полученный мешок с рисом, начал играть. Через несколько минут все кролики пустились в пляс. Какая-то женщина поставила на огонь котелки с водой, и каждый, кто бросал порцию риса или другой крупы в один котелок, тут же получат готовое блюдо, приправленное пряностями, из другого котелка. Она также предлагала хлеб, а вскоре появилось и вино. Одни предлагали масло, другие — мясо, и вскоре начался настоящий пир.

В перерыве между песнями один из Псов Агона вышел вперед и рявкнул:

— Вы меня наверняка узнали! Я — Коннер Хук и вырос здесь по соседству. И я вас тоже знаю. Так вот, послушайте. Клянусь задницей верховного короля, если замечу, что кто-то встал в очередь во второй раз, вытащу его оттуда за шкирку и во всеуслышание объявлю имя мерзавца, а потом мы все вместе сварим в котелке его задницу, понятно?!

В толпе послышались возгласы одобрения, и вскоре очередь заметно поредела. Кролики давно считали продажность и мошенничество нормой жизни, и такой праздник стал для них неожиданным подарком, как и сама дармовая еда. Кайлар прислушивался к разговорам людей. Повсюду слышались тосты в честь Логана Джайра, и из уст в уста передавались рассказы о том, как он расправился с ферали. Подвыпивший народ со слезами на глазах вспоминал его речь об учреждении ордена Подвязки, и все чаще и чаще произносилось слово «король». Кайлар мрачно улыбался своим мыслям и вдруг застыл на месте.

На другом конце площади он увидел худенькую женщину с длинными белокурыми волосами. Она выделялась из толпы кроликов необыкновенной, сияющей чистотой. Время от времени ее лицо озаряла лучезарная белозубая улыбка.

— Элена? — с замиранием сердца прошептал Кайлар.

Женщина завернула за угол, и Кайлар устремился за ней следом, расталкивая локтями ликующую, пляшущую толпу. Когда он добежал до угла, женщина уже сворачивала из одного извилистого переулка в другой. Призвав *талант,* Кайлар понесся за ней со скоростью ветра.

— Элена!

Он схватил женщину за плечо, и та испуганно вздрогнула.

— Привет… Тебя зовут Кайлар? — спросила Дейдра.

Она когда-то числилась одной из девочек Мамочки К. и славилась своим искусством изображать девственницу. Это была ее коронная роль. Издали девушка действительно напоминала Элену.

Сердце бешено колотилось в груди, и Кайлар не мог понять, какое чувство сильнее: разочарование или облегчение. Ему не хотелось встретить Элену в таком месте, среди городских отбросов, он вообще не хотел ее видеть в тот момент, когда собирался убить королеву. И в то же время Кайлар так по ней тосковал, что это чувство было сродни физической боли.

— Знаешь, Кайлар, я больше не занимаюсь продажной любовью.

Девушка смущенно улыбнулась.

— Я и не хотел… — Кайлар почувствовал, как вспыхнуло лицо. — Прости меня.

Он повернулся и пошел в сторону дворца.

39

После полудня Фейр Коузат и Антониус Уэрвел вышли из Кворигского ущелья. На подходах к Черному Кургану вечнозеленый лес, раскинувшийся ковром у подножий холмов, закончился. Спасаясь от пронизывающего насквозь осеннего холода, Фейр закутался в дорожный плащ и взобрался на невысокий пригорок. От увиденного зрелища у него перехватило дыхание. Вот уже семь столетий в Черном Кургане никто не живет, и земля давно должна зарасти травой, деревьями и мелколесьем, но ничего подобного не случилось. И даже трава не пожухла и не потемнела, как полагается осенью. Семьсот лет назад решающее сражение в Войне Теней разыгралось в начале лета, и сейчас трава под ногами Фейра была еще невысокой и зеленой. Он заметил неподалеку свежую вмятину — след от каменной ограды, которую вытащили из земли и увезли все камни в город, чтобы враг во время осады не смог их использовать в качестве метательных снарядов. В глубоких вмятинах ничего не выросло, и казалось, каменный забор убрали только вчера. Время здесь остановилось.

Фейр поднял глаза и удивился еще больше. Свежие следы от колес проезжавших повозок, трава, притоптанная марширующим войском, следы от кострищ и ямы в тех местах, где находились отхожие места. Здесь располагался военный лагерь, однако ни палаток, ни оружия, ни орудий труда не осталось. Все, что можно унести, давным-давно разграбили, но то, что осталось, не претерпело никаких изменений.

Вскоре Фейр понял, что это относится не только к земле. Пройдя пару сотен шагов, он увидел тела убитых. Сначала их было немного — видимо, здесь битва только началась. Дальше повсюду валялись сотни, тысячи, десятки тысяч трупов, устилавшие землю черным покровом, насколько видит глаз. В самом центре, словно памятник смерти, стоял черный мраморный купол идеальной круглой формы высотой с невысокую гору, закрывавший город и холм, на котором некогда стоял дворец. У основания купола валялись обгоревшие осадные орудия на сломанных колесах, но их разрушило не время.

Вокруг купола на много миль раскинулось огромное кольцо зачарованной земли,

которое называли Мертвой землей. По другую сторону магического круга время продолжало свой бег, там шли дожди, дул ветер; на Мертвой земле все застыло на месте.

Фейр развернул богатырские плечи, поднес к лицу руки и с помощью *таланта* вызвал огонь, а затем переступил грань смертельного круга. Ничего особенного не произошло, и он погасил огонь.

— Странно, — сказал Фейр вслух, и Антониус что-то проворчал в знак согласия.

Фейр стал всматриваться в воздух.

Мертвая земля и Черный Курган — работа императора Джорсина Алкестеса. Использование вира здесь приводит к смерти, но так как вир имеет много общего с *талантом,* когда человек заходит в круг с его помощью, это правило не срабатывает. Кое-какие мелочи меняются. Например, магический огонь вместо оранжевого цвета становится красным, однако заклятие Алкестеса не действует.

Фейр потеребил косматую бороду. Ему это на руку. Не придется делать лишнюю работу. Кто-то сумел разрушить созданное Джорсином, что само по себе очень скверно.

Фейр изучал воздух над кругом, как делал в лесу Эзры, и одновременно исследовал магические силы. Он чувствовал пустоту в заклинаниях. Мощные магические заклинания, которые сплел Джорсин, не могли исчезнуть без следа. К сожалению, удалось узнать немногое, и Фейр понял только, что заклинания разрушены недавно. Однако, чтобы уничтожить чары, созданные Джорсином Алкестесом с помощью Кьюроха, нужен кто-то, обладающий невероятной магической силой и, возможно, владеющий артефактом. Подобное могли совершить объединившиеся вместе двести магов или вюрдмайстеров. Фейр не мог представить, кто, обладающий хоть толикой здравого смысла и порядочности, способен осуществить подобный замысел. А раз так, то след наверняка ведет к вюрдмайстерам.

Остальные чары Джорсина, наложившие заклятие на землю и тела убитых, остались нетронутыми, и Фейр в душе надеялся, что их разрушить не так-то легко.

Фейр стал всматриваться в находившиеся в отдалении деревья. В голову сразу же пришла тревожная мысль, что за ними может прятаться недруг. Фейр быстро пересек равнину. В воздухе непривычно отсутствовали всякие запахи, даже когда он подошел вплотную к трупам.

Перед Фейром лежало на земле черное существо, похожее на человека, но сложенное на удивление непропорционально. Слишком длинные руки и лицо, сильно выступающая вперед нижняя челюсть с неровными, загнутыми, как крючья, зубами, мощные мышцы. Два глаза разного цвета — один черный, а второй голубой — смотрели в небо. Кожа существа была густо покрыта волосами, скорее похожими на мех. На трупе отсутствовала одежда, и никакого оружия Фейр тоже не обнаружил. Он догадался, что это крал. Майстерам не под силу создать жизнь, они выучились делать мерзкие пародии на нее. Дориан как-то рассказал, что почти у каждого живого создания имеется темное зеркальное отражение.

Фейр и Антониус продвигались вперед, и с каждым шагом картина становилась все ужаснее. Тысячи погибли без крови, сраженные магией Джорсина, но на большинстве тел смерть оставила страшные следы. Повсюду изуродованные ударами боевого молота, раздробленные копытами лошадей лица, тысячи раздавленных, зияющих черными ямами грудных клеток. Перерезанные глотки и распоротые животы с выпотрошенными внутренностями, вывалившиеся из разбитых глазниц и болтающиеся на одном нерве глаза. И льющаяся из ран свежая кровь, которая никогда не застывает.

Между телами были протоптаны дорожки, и Фейр с Антониусом молча брели по ним. Вскоре Фейр заметил среди трупов кралов человеческую руку, а потом наполовину обглоданную ногу. По обе стороны дорожек лежали трупы, и их слой доходил высотой до колена. Потом они увидели трупы кралов, убитых магией. По полю боя были вырыты огромные воронки, заполненные массой из мяса. Остальные кралы сгорели, были разрублены пополам или задушены. Некоторые разорвали в клочья лица собственными когтями.

Теперь стали попадаться тела других кралов. Во главе каждой дюжины стоял

совершенно белый крал с загнутыми спиралью бараньими рогами. Реже встречались кралы более семи футов ростом. Они прошли мимо целого взвода мертвых четвероногих кралов, похожих на кошек, но размером с лошадь. Их туловища с обвислым брюхом были покрыты черной кожей с редкими, как на крысином хвосте, волосами. Еще реже попадались кралы, напоминавшие по внешнему облику медведей. Их рост достигал двенадцати футов, а тело покрывал густой мех цвета свежей крови. Казалось, на поле боя можно найти карикатурное темное отражение любого живого существа. Здесь встречались летучие мыши, вороны, орлы, лошади с клыками и рогами и даже черные слоны с красными глазами, которые возили на себе лучников. Все они приняли бесславную смерть.

— Чудовища, — прошептал Антониус. — Неужели у них не осталось ничего святого?

Фейр посмотрел в ту сторону, куда устремил взгляд Антониус, и увидел детенышей кралов. Они были гораздо красивее взрослых, с пропорциональными чертами лица, большими детскими глазами, светлой, почти как у людей, кожей и длинными когтями на пальцах. Они остались в человеческой одежде, даже у мародеров на них не поднялась рука. Маги шли дальше, с каждым шагом приближаясь к огромному черному куполу.

Через некоторое время Фейр привык к царившему вокруг ужасу, к многотысячному разнообразию смерти. Здесь встречались кралы любой формы и размера, иногда попадались люди и очень часто — лошади. Однако отсутствие запаха, застывший воздух и навеянная магическими силами неподвижная неизменность делали картину нереальной, как будто мертвецы были восковыми фигурами.

Если верить Джорсину, здесь погибли миллион сто тринадцать тысяч восемьсот семьдесят девять кралов. Ученые маги полагали, что против пятидесяти тысяч человек сражалось от пятисот тысяч до миллиона кралов. Остальная часть войска Джорсина отступила по приказу предателей-генералов.

Тогда Джорсин совершил все это с помощью Кьюроха, того самого меча, за которым Фейр отправился в зачарованный лес. Но нашел только письменные указания, а Кьюрох навеки остался в лесу Эзры. И слава богу.

— Ну вот и пришли, — сказал Антониус, когда они наконец прикоснулись к куполу Черного Кургана. — Теперь можно выковать поддельный Кьюр'келестос и спасти Лантано Гаруваши и всех его воинов. А возможно, и весь юг.

— Остается найти потайной ход Эзры, ведущий в Черный Курган, а также его мастерскую и золотые инструменты. А еще надо отыскать семь сломанных мечей из митрила и разгадать секрет ковки, который современные мастера считают выдумкой. Нужно также добыть один огромный рубин и сделать все так, чтобы не пронюхали две сотни вюрдмайстеров, замышляющих бог весть что.

— Ах, — вздохнул Антониус, подняв подведенную бровь, — думаю, на это уйдет вся зима.

40

Через час Ви услышала стук в дверь.

— Это сестра Ариэль. Можно войти?

— Я не могу тебе помешать. В двери нет замка, — откликнулась Ви.

Сестра Ариэль вошла в комнату и некоторое время с явной ностальгией рассматривала голые стены.

— Что тебе нужно? — поинтересовалась Ви.

— Немного нервничаешь перед занятиями? А может, встреча с Эленой превратила тебя из послушницы в деспота? — спросила сестра Ариэль.

— Я опять проиграла, — призналась Ви. Настроение было скверное, и она ненавидела себя за это, но все равно продолжала дуться. — Теперь меня снова ненавидят, как всегда.

— Девочкам по двенадцать лет, и у них не хватит смелости тебя ненавидеть.

— Думаете, от этого мне легче?

— Меня не слишком беспокоят твои чувства, Ви. Тем не менее, принимая во внимание, что твой случай очень трудный и что это я тебя нашла, а главное, поскольку я не сумела подыскать предлог, чтобы отказаться, мне пришлось взять тебя под свою опеку.

С губ Ви сорвался страдальческий стон.

— Вполне разделяю твои чувства. Эта комната и в самом деле тебе не подходит.

— Неужели мне дадут что-нибудь поприличнее?

— У тебя появится соседка. Из уважения к возрасту тебе предоставили отдельную комнату и совершили большую ошибку. Ты и так всех сторонишься. Итак, с сегодняшнего дня будешь жить с соседкой. Кстати, новая комната чуть больше этой. — Ви бессильно опустилась на кровать. — А сейчас, коли ты на моем попечении, ступай на занятия. Немедленно. Элена подождет.

Ви осталась сидеть на месте.

— Что, нужно повторить некоторые уроки, что мы выучили, когда шли по следу? — ласковым голосом спросила Ариэль.

Ви быстро вскочила с кровати.

— Между прочим, чтобы пребывание на моем попечении не показалось наградой, все взыскания, которые наложила на тебя староста по этажу, остаются в силе, а к ним добавятся и мои. А теперь иди на занятия.

Ариэль вышла из комнаты, и Ви послушно поплелась за ней, словно побитая собачонка.

При постройке Часовни на первое место ставились красота и практичность, а во что они обойдутся, значения не имело. Даже на этаже, где жили послушницы, высокие сводчатые потолки украшали различные резные орнаменты. Послушницы занимали самый нижний этаж Часовни, а склады, архивы и другие подсобные помещения располагались ниже уровня воды. Часовня размещалась внутри гигантской статуи серафима, и поэтому многочисленные ярусы имели круглую форму. Жилые помещения располагались вдоль прямоугольных вестибюлей, а читальные залы — по наружной окружности статуи, чтобы в них беспрепятственно проникал солнечный свет, необходимый для занятий магией.

Несмотря на большое количество белого мрамора, этаж, где обитали послушницы, не выглядел неуютным. Казалось бы, в помещении, где так много камня, должно быть темно и холодно, но полы здесь подогревались, и послушницы с удовольствием ходили босиком, а от потолков исходил свет. Стены украшали яркие, радующие глаз картины, чтобы вдали от дома девочки меньше грустили. Кролики, единороги, кошки, собаки, лошади и другие странные животные, которых Ви никогда не встречала, весело резвились вместе. Картины выглядели причудливо, но было видно, что они выполнены рукой мастера.

Ви погладила нарисованного розового щенка, свернувшегося калачиком и сладко спавшего рядом со львом, который выглядел на удивление миролюбивым. Щенок открыл глаза и потянулся за рукой Ви, а его розовый язычок прижался к стене, как будто зверек находился по ту сторону стеклянной перегородки. Ви, испуганно вскрикнув, отпрянула в сторону и инстинктивно схватилась за пояс, где всегда висел кинжал. Его там, разумеется, не было.

— Его зовут Пэт, — пояснила сестра Ариэль, — Один из моих любимцев. Он не проснется раньше полудня.

— Что?!

— Это часы. Смотри сюда, — приказала сестра Ариэль, останавливаясь рядом с одной из классных комнат.

Потолок стал по очереди пульсировать фиолетовым, красным, желтым, зеленым и, наконец, синим светом, а потом раздался звонок. Сотни девочек в возрасте от десяти до четырнадцати лет высыпали в вестибюль, наполняя его веселым шумом. На Ви смотрели любопытные глаза, в которых не было страха. Значит, слухи о подвигах новой послушницы не успели разойтись по школе. С хмурым видом она сложила руки на груди.

— Занятия начнутся через пять минут. Ты умеешь читать и писать?

— Конечно, — обиженно фыркнула Ви. Хоть об этом ее беспутная мамаша позаботилась.

— Прекрасно. В полдень я за тобой приду. Да, вот еще что. Если во время урока захочешь задать вопрос, подними руку. Сестра Джизадин очень строга и придирчива. Если тебя вызовут, встань и держи руки за спиной, иначе твое поведение сочтут неуважительным. И разумеется, о магии не может быть и речи. Постарайся все запомнить. А чтобы облегчить задачу, уроки проводятся триадами.

— Триадами? — не поняла Ви, но сестра Ариэль уже исчезла.

Спустя пять минут Ви сидела в первых рядах за низенькой партой, с трудом помещаясь на слишком маленьком стульчике. На стенах класса отсутствовали украшения, а с западной стороны стена была прозрачной, как стекло, сквозь которое щедро лился утренний свет. Озеро Вестаччи и покрытые снегом горы купались в солнечных лучах. На синей глади озера виднелись пятнышки рыбачьих лодок, и Ви невольно залюбовалась этой удивительной, ясной синевой.

Она даже не заметила, когда одноклассницы вдруг прекратили перешептываться. Низенькая сестра Джизадин недовольно цокнула языком, и в следующее мгновение стена, слабо вспыхнув, стала такой же матово-белой, как и остальные три. Без каких-либо предварительных вступлений сестра Джизадин начала урок.

— Существует три причины, по которым волшебными чарами следует пользоваться с осторожностью и в ограниченных количествах. У кого-нибудь есть вопросы? — Никто из девочек не шелохнулся. — Во-первых, чары непредсказуемы, во-вторых, они противоестественны и, в-третьих, непонятны и часто недооцениваются. Итак, что мы имеем в виду, когда говорим, что чары непредсказуемы? Во-первых, они могут действовать только на мужчин, только на женщин или исключительно на детей. Во-вторых, на одних людей чары действуют сильнее, чем на других. И в-третьих, чары привлекают людей в зависимости от их личной предрасположенности. Например, у мужчин они могут вызвать непреодолимое любовное влечение к чародейке. Или они вызывают рабскую зависимость, когда человек находит в вас все лучшие качества, о которых может мечтать. Могут они и просто сообщать вам обычную притягательную силу и убедительность. Теперь поговорим о противоестественном действии чар. Во-первых, они способны усиливать качества, которыми вы обладаете. Например, природную привлекательность или то, как люди воспринимают ваше мужество, силу и честность. Чары способны укрепить такие узы, как дружба. Во-вторых, они создают ложное представление о привлекательных сторонах другого человека. В-третьих, и это самое важное, с помощью чар можно узнать, что тот или иной человек считает наиболее привлекательным, и воплотить эти черты в себе. И тогда один мужчина скажет, что чародейка — хрупкая голубоглазая блондинка, а другой станет утверждать, что она — пышная зеленоглазая брюнетка. Такой вид волшебства применяется редко, и пользоваться им опасно. Разумеется, если оба мужчины заведут разговор после ухода женщины-мага, они сразу же заметят несоответствия. И это подводит нас к третьей причине, по которой к чарам надо прибегать с осторожностью, потому что они непредсказуемы. Во-первых… — Сестра Джизадин прервала свою речь и с раздражением посмотрела в сторону Ви. — Виридиана, прекрати вертеться! Ты хочешь что-то спросить?

— А что, если умеешь все это контролировать? — спросила Ви, поднимаясь с места и закладывая руки за спину. Она чувствовала себя маленькой девочкой. — Тогда будет гораздо проще.

Все девочки в классе уставились на Ви, не веря, что можно отважиться на подобную дерзость.

— Ты хочешь сказать, что от природы владеешь тайной одного из самых сложных реляционных заклинаний?

— Я этого не сказала, — с агрессивным видом возразила Ви.

Она все еще не пришла в себя, а предстоящий разговор с Эленой висел над душой смертным приговором. Вполне возможно, что именно так он и закончится.

— Так вот, пока не навела такие чары, сиди и помалкивай.

Ви нахмурилась и, немного помолчав, ответила:

— Я уже навела.

— Неужели? Тогда, будь добра, расскажи нам, — попросила сестра Джизадин, презрительно усмехаясь.

«Ну погоди, сука!»

— Я занималась любовью с парнем, а у него никак не получалось пробудить от спячки свою игрушку. — После первых слов Ви у сестры Джизадин от изумления глаза едва не вылезли на лоб. — Вот я возьми да и включи заклинание на совокупление. Обычно оно действует через пять минут. То есть я хочу сказать, что иногда получается неловко. Если перестараешься, он уже кончит, не успев раздеться. На этого парня чары не подействовали. Говоря по-вашему, я преувеличила свою природную привлекательность. Пришлось повозиться с заклятием, пока я не почувствовала, что оно начало действовать. Глаза у парня затуманились, и он начал нести чушь про мою мальчишескую фигуру, хотя сам в это время тискал весьма пышные груди.

Сестра Джизадин застыла с разинутым ртом, не в силах произнести ни слова.

— Во всяком случае, это уж точно не составило большого труда. У меня огромный опыт по части заклинаний на предмет секса, но я почерпнула его у одной куртизанки. А уж если за мое обучение возьмутся сестры, то и остальные заклинания пойдут как по маслу.

В классе долгое время стояла тишина, и все взоры устремились на Ви. Наконец сестра Джизадин закрыла рот и начала что-то говорить, потом опять замолчала, глядя мимо Ви. Двенадцатилетняя девочка с редкими зубами настойчиво тянула руку.

— Что ты хочешь, Хана? — спросила сестра Джизадин.

Хана встала с места, заложив руки за спину:

— Сестра, объясните, пожалуйста, к какой категории магов относится куртизанка?

Ви весело рассмеялась.

Сестре Джизадин, видимо, это надоело.

— Садитесь обе! — велела она. — А теперь поговорим о том, что является недооцененным. Даже если у людей не меняется восприятие чародейки, все равно, после того как чары спадут, возникает ощущение обмана. Во время действия чар люди не замечают, что ими манипулируют, но потом, особенно если чары были сильными, они понимают, что их реакция была неадекватной. Безответственное использование волшебных чар является одной из причин давнего недоверия к магам. Никому не хочется, чтобы им манипулировали, а все чары основаны именно на таких действиях. На сегодня все. Вы свободны.

Как будто Ви и не говорила ничего крамольного. Сестра Джизадин не ответила ни ей, ни Хане, и вообще, казалось, ее ничуть не смутила речь девушки. Только потом Ви сообразила, что сестра забыла прочесть последнюю часть лекции в триаде.

Мамочка К. поправила топазы в длинных волосах и критически осмотрела себя в зеркале мастера Пиккуна. Проснувшись, она обнаружила на туалетном столике записку, написанную корявым почерком Дарзо: «Я жив и приду за тобой». И больше ни слова. Какой назойливый и неугомонный человек! Она поднялась и в последний раз покрасила волосы в естественный пепельный цвет. Никаких серебряных нитей!

Потребовалось больших усилий убедить мастера Пиккуна сшить для коронации менее вычурное и более закрытое голубое платье по сравнению с теми, что она заказывала раньше. Наконец мастер стал делать замеры, и его руки принялись блуждать по ее телу, как обычно. Когда он перестанет это делать, Мамочка К. сразу же поймет, что окончательно состарилась.

— Ты — выдающаяся женщина, — в который раз восхитился мастер Пиккун. — Я встречаюсь со многими красивыми заказчицами. Обычные женщины ежедневно идут на новые уступки возрасту, и поэтому старость не является для них неожиданным ударом. У красавиц все случается сразу, и я обычно становлюсь тому свидетелем. Они пренебрегают

моими советами и в очередной раз заказывают платье по последней моде, а потом видят себя в зеркале. Некоторые обвиняют меня, считая, что я все сделал нарочно, а другие смотрят на незнакомую старушку в зеркале и никак не могут оправиться от потрясения. В обоих случаях дамы плачут.

— Ну, я слезливостью не грешу.

— Гвиневера, ты же знаешь, когда я просто льщу. Женское тело для меня — то же самое, что полотно для художника. И я со всей ответственностью заявляю: твое тело пребывает в таком состоянии, что еще долгие годы не придется плакать. В тебе есть нечто необъяснимое. Идешь по жизни, танцуя, и все движения полны силы, красоты и грации. Кстати, хочу поговорить об этой сногсшибательной девице, которая теперь тоже числится в моих клиентках. Она слишком мускулистая для идеала, и я посоветовал ей проводить время в праздности и кушать шоколад. На подростка она не похожа, а глядя на такую грудь и бедра, любая богиня позеленеет от зависти. Клянусь Приапом, эта девица может носить все, что угодно, и я сошью для нее одежду бесплатно, только чтобы потом посмотреть, как она ее носит.

— Теперь ты хочешь пробудить во мне ревность, — улыбнулась Гвиневера.

Портной видел, что женщина шутит, но какая-то ее частица оставалась вполне серьезной. Эмил Пиккун говорил о Ви Совари.

— Хочу сказать, что, если бы поставить рядом ее портрет и твой, когда ты была в ее возрасте, любой мужчина попал бы в очень трудное положение, выбирая между вами. Тем не менее я не могу назвать это соперничеством. Ее красота пропадает зря. Эта девушка живет отдельно от своего тела и не умеет радоваться жизни. Ты же не утратила способности наслаждаться мужчиной, который доставляет радость тебе. Если бы на меня снизошло вдохновение создать платье, соответствующее твоим достоинствам, я из портного превратился бы в Господа Бога. Знаешь, Гвиневера, из всех моих заказчиц ты всегда останешься самой любимой.

Мамочка К. улыбнулась, тронутая словами портного. От мастера Пиккуна всегда ожидаешь очередной распутной выходки, но за ней не кроется ничего серьезного, а вот сейчас каждое слово портного было искренним.

— Спасибо, Эмил. От твоих слов на сердце стало теплее.

— Жаль, что мне не суждено обогреть другие части твоего тела, — ухмыльнулся Пиккун.

— Искушение велико, — рассмеялась Гвиневера, — но слишком много женщин хотят получить скидку на пошив платьев к коронации. Они не переживут, если я доведу тебя до полного истощения.

— Какая жестокость! Намекнуть мужчине, какие чудеса способна творить в спальне жрица любви, а потом в течение четырнадцати лет отказывать ему в радости насладиться своими талантами!

— Говоришь, четырнадцать лет?

— Да, четырнадцать долгих лет.

— Гм, четырнадцать лет — большой срок, — заметила Мамочка К., невольно смягчаясь.

Пиккун подошел ближе.

Мамочка К. ускользнула от объятий Пиккуна, быстро открыла дверь и столкнулась нос к носу с шустрой дамой знатного происхождения, которая ждала своей очереди в передней.

— Осторожнее, милая. Думаю, сегодня он хочет начать разговор с обсуждения скидок.

Дама застыла на месте, открыв от удивления рот.

— Ах, Гвиневера, как жестоко с твоей стороны! — смущенно закашлялся мастер Пиккун.

Дженин в течение нескольких дней пыталась решить судьбу жен и наложниц Гэрота Урсуула. Дориан ждал ее решения в отделанных черным камнем залах, которые словно становились светлее, когда туда приходила Дженин. После того как Дориан задал роковой вопрос, даже ее лучезарная красота не могла развеять надвигающийся мрак.

— Любимая, — ласково сказал Дориан, — сегодня нам нужно все решить.

— Частица моей души ненавидит тебя за то, что ты заставляешь принимать решение, но ведь в этом и заключается долг королевы. Ты мудр, мой господин. Если бы ты решил за меня, то лишился бы моего доверия.

Дориан тяжело вздохнул. Когда Дженин заговорила о ненависти, у него едва не остановилось сердце. В течение многих столетий тела всех королей-богов предавали огню вместе с женами и наложницами, за исключением нескольких женщин, которых новый король-бог пожелал взять себе. Если Дориан сдержит первое обещание, данное Дженин, всем женщинам в гареме придется, добровольно или силой, взойти на погребальный костер Гэрота Урсуула ради сомнительного удовольствия навеки остаться его рабынями. Можно принять другое решение и взять всех женщин себе, что халидорцы расценят как эгоизм и неуважение к покойному, но от короля-бога никто и не ждет бескорыстия и самоотверженности.

Есть, конечно, и третий путь. Дориан может запретить обычай сожжения живых людей на погребальных кострах. Через несколько лет именно так он и намеревался поступить. А его уже и сейчас считают бесхарактерным южанином. Вюрдмайстеры — настоящие акулы, и его милосердие приведет к многочисленным заговорам и покушениям на жизнь нового повелителя. А что бы посоветовал Солон? Дориан тут же отбросил эту мысль в сторону. Солон, разумеется, посоветовал бы бежать подальше от Халидора.

— Видишь ли, если мы хотим изменить отношение к супружеству в этой стране, вполне целесообразно позволить этим женщинам умереть, а потом все начать с чистого листа.

— Значит, нужно погубить восемьдесят шесть женщин, чтобы доказать, какой бесценной является их жизнь?

Дориан ничего не ответил и предложил Дженин руку, на которую она оперлась. Они вместе направились в покои Дориана.

— Не знаю, как сделать выбор менее жестоким.

— Сомневаюсь в правильности своего решения, мой господин.

Дженин всегда называет его «мой господин». Разумеется, называть его Дорианом она не может. «Ваше величество» звучит слишком официально, а о «вашем святейшестве» не может быть и речи. Она также прекрасно знает, что Уонхоуп означает «отчаяние». Нельзя же называть жениха Отчаянием.

— У этих девушек все идет не так, как нужно с самого начала. Ты знаешь, что их забирают из семей в девятилетнем возрасте? Девушек учат быть такими, какими пожелает их видеть король-бог. Единственной ценностью в жизни для них является милость повелителя. Запрещено обучать их чтению, им не разрешается никуда ходить и ни с кем встречаться. Только друг с другом да с евнухами. Это уродует их душу. Девушки не так уж невинны и простодушны. Они сплетничают и предают, как и другие люди, а может, даже в большей степени, потому что им больше нечем заняться. Но они не животные, хотя с ними и обращаются как со скотиной. И не забывай, они совсем еще девочки. Я не могу требовать, чтобы все они погибли ради меня. Ты должен взять их себе, мой господин, однако я прошу, чтобы ты предоставил им свободу выбора. Эти женщины ничего и никогда не решали сами, так пусть сейчас сделают свой выбор.

— Думаешь, кто-то из них выберет смерть?

— Я слышала, как женщины рассказывали о ночах, проведенных с Гэротом Урсуулом, после которых на их телах остались глубокие шрамы. И знаешь, они ими гордятся. Они действительно считают твоего отца божеством, и некоторые хотят служить ему вечно.

Дориан чувствовал себя чужестранцем в собственной стране. Он не сказал ни слова,

когда они с Дженин проходили мимо группы этелингов, которые собрались в приемной. Они пали ниц перед новым властелином. У двери в покои Дориан остановился и обратился к Дженин:

— Дженин, клянусь, все эти женщины только будут считаться моими наложницами; ни одна из них не станет делить со мной ложе.

Девушка приложила палец к его губам.

— Ничего не обещай, любовь моя. Не клянись в том, над чем не властен.

У Дориана вдруг возникло чувство, что все это уже было с ним раньше. Прошлой ночью он видел такой сон, но забыл его и вспомнил только сейчас. Во сне присутствовал запах… нет, смрадное зловоние… Что же это такое?

— По крайней мере, я умею властвовать собой, моя королева.

Девушка грустно улыбнулась. Для своих лет Дженин отличалась удивительной мудростью.

— Я не стану требовать выполнения клятвы.

— Я и так ее сдержу.

Дженин крепко сжала ему руку, а в следующее мгновение в нос ударил вир. Дориан повернулся к этелингам, которые все еще лежали ничком на полу, но опоздал. Два безусых юнца, совсем дети, встали на ноги и выпустили пару зеленых огненных шаров, которые полетели прямо на Дориана и Дженин. Расстояние между ними составляло не более пяти шагов.

Дориан наблюдал за шарами, чувствуя свое бессилие. Вот сейчас зеленые пульсары врежутся в них и разорвут на части. Он потянулся за виром, но времени собрать защиту воедино не оставалось. Вдруг Дориан почувствовал присутствие вира. Он уже здесь, готов действовать и защитить их с Дженин. Вот сейчас вир вырвется снизу и нанесет удар. Ему нужно только получить согласие хозяина.

«Да».

Зеленые снаряды приблизились на расстояние ладони, и в этот момент стал пульсировать вир. Шары изменили направление и, описав дугу за спиной у Дориана и прижавшейся к нему Дженин, понеслись назад к этелингам. Послышался звук, как будто кто-то разбил яйцо, за которым последовало шипение, как при жарке мяса. Пульсары врезались этелингам в лоб и, раскроив черепа, стали выжигать мозг. Из круглых отверстий во лбу повалил дым, и оба этелинга замертво упали на землю.

Только сейчас вокруг Дориана и Дженин установилась вызванная защита, а ведь он старался действовать как можно быстрее. В зале воцарилась зловещая тишина.

Мертвые дети смотрели на Дориана широко раскрытыми глазами, из отверстий во лбу все еще шел дым. Остальные этелинги не смели поднять голову. На Дориана нахлынул приступ ярости. Они не просто покушались на жизнь короля-бога, а хотели убить Дженин. Он отыскал глазами вюрдмайстера, который нес ответственность за обучение двух этелингов. Вюрдмайстер лежал съежившись, лицом вниз и дрожал от страха. Думать в этот момент Дориан ни о чем не мог. Из руки вырвался наружу вир и, схватив колдуна за горло, поставил на ноги. Вюрдмайстер издал сдавленный крик и беспомощно замахал руками, но в следующее мгновение собранный в кулак вир размозжил ему грудную клетку о каменную стену.

Во все стороны брызнула кровь, пачкая стены и окропляя этелингов, но никто не смел пошевелиться. Дориан напрягся, убрал защиту и затолкал вир вниз, чувствуя, как в голове мерно стучат два молота.

Итак, этелинги выступили против него. Глупая детская выходка, тем не менее она едва не увенчалась успехом, потому что Дориану не пришло в голову защитить себя от восьмилетних мальчишек. Довести дело до конца не удалось, и узнать правду было не у кого. То ли дети действовали по указке вюрдмайстера, то ли это была попытка проверить силу Дориана и посмотреть, придет ли ему на помощь вир. Теперь это уже не имеет значения.

Главный вопрос заключался в том, как поступить с этелингами, показавшими себя

злобными ядовитыми гадами. Если восьми- и девятилетние мальчики приступили к действиям, то нет сомнений, что старшие этелинги вовсю плетут заговоры, и свадьба станет удобным случаем, чтобы попытаться их осуществить. Если Дориан промедлит с решением, все воспримут его колебания как слабость, а слабость ставит под угрозу и его самого, и Дженин. Терпеть подобное нельзя.

Дженин расплакалась, и Дориан, отослав этелингов, принялся утешать девушку, но мысли его летали далеко и были одна кровожаднее другой.

42

На Кайларе была одежда, какую носят слуги, а так как слуги Тэры смешались с остатками свиты Гэрота, а те, в свою очередь, с прислугой короля Гандера IX, во дворце появилось много новых людей, и пройти туда через ход для прислуги не составило труда. Проникнув внутрь, Кайлар сразу же направился в судомойню при кухне и, схватив поднос с вычищенными до блеска серебряными кубками, понес его на одной руке в тронный зал. Со всех сторон слышались сердитые окрики, раздавались распоряжения, бегали люди, которым раньше не приходилось работать вместе. В царившей вокруг неразберихе на Кайлара никто не обращал внимания. На сей раз он превратился в невидимку не с помощью ка'кари, а благодаря отработанной привычке становиться безликим и смешиваться с толпой. Дарзо потратил немало времени, обучая его этому искусству.

Все столы составили в комнате для прислуги, примыкавшей к тронному залу, куда их предполагалось внести после коронации. Кубки расставили на высоком столике, рядом со столом королевы. К несчастью, столы пока стояли пустыми, так как их полагалось накрыть непосредственно перед пиром. И только потом, под внимательным взором королевского телохранителя, личный виночерпий ее величества подаст на стол самый роскошный золотой кубок.

Как известно, непреодолимых препятствий не существует, однако все знали, что Тэра Грэзин не испытывает особой любви к вину, и, если Кайлар использует слабый яд, который не окажет действия на виночерпия, когда тот станет пробовать вино, Тэра может и не выпить смертельную дозу. То же самое относилось и к еде. Чревоугодием Тэра не отличалась.

Поставив кубки на стол, Кайлар схватил груду тряпок, которыми вытирали столы, и пошел по коридору с видом человека, занятого серьезным делом и точно знающего, куда нужно идти, хотя не имел ни малейшего понятия, где находится прачечная. По дороге он внимательно изучал потолок и стены на предмет глазков для подсматривания и потайных лазов, которых во дворце великое множество. Наконец удалось обнаружить один из лазов, расположенных на потолке. Кайлар подпрыгнул вверх и, ухватившись за края лаза, подтянулся на руках вверх.

Прямо перед глазами возникла гниющая паутина вира, которая закрывала ход. Повиснув на одной руке, Кайлар пропустил через нее ка'кари, и паутина лопнула, словно мыльный пузырь, не причинив ему вреда.

Теперь надо было не запутаться в потайных ходах. Кайлар шел по узким коридорам, а местами продвигался ползком, держа перед собой ка'кари, чтобы вовремя заметить магическую ловушку. Через час он нашел королевскую сокровищницу, вход в которую был закрыт дверью с толстой железной решеткой.

Ка'кари быстро справился с порученной работой.

«Надо было раньше думать, что убийство королевы — дело непростое», — проворчал ка'кари.

«Ты что, решил пожаловаться на судьбу?» — осведомился Кайлар.

Железные засовы открылись, и Кайлар вдруг почувствовал себя божеством. Это открытие его потрясло. В первый раз такое чувство пришло, когда он заметил благоговейный взгляд Блю. Дети не умеют скрывать восхищение. Возможно, все дело в том, что Кайлар совсем недавно был таким же, как Блю. При мысли о восторженных взглядах цеховых

крысят на память пришли совсем другие лица. Вдруг вспомнился Кернавон, шинга, Хью Висельник и даже сам король-бог. В их глазах отражался благоговейный ужас. Если цеховые крысята смотрели на Кайлара, как на сказочную мечту, для других он стал кошмаром, но во всех взорах светилось одинаковое недоверие. По мнению людей, само его существование было немыслимым.

По неведомым причинам он никогда раньше не задумывался о своей исключительности, считая себя прежним Кайларом и, в глубине души, Азотом. Сейчас почему-то все изменилось. Оказывается, это так легко. Кайлару всегда хотелось вырваться из гильдии крысят и не остаться на всю жизнь обычным наемным убийцей. И вот теперь это удалось, и он стал сверхчеловеком, на которого не распространяются законы и правила, действующие среди людей. Он гораздо сильнее обычного человека, во сто крат могущественнее и обладает бессмертием, а значит, не боится умереть. Но если на него не распространяется закон о смертности человека, то не уподобился ли он божеству?

Эта мысль одурманивала и одновременно делала еще более одиноким. Если Кайлар превратился в сверхчеловека, что общего у него может быть с обычными мужчинами или женщинами? При этой мысли перед глазами возник образ Элены, и в сердце образовалась пустота. Кайлар охотно бы пожертвовал второй рукой, только бы снова оказаться рядом с Эленой, положить ей голову на колени, чтобы тонкие пальцы с нежностью пробежали по волосам и любимая приняла его таким как есть.

Странно, он думал об Элене с любовью и щемящей нежностью, но стоило перевести мысли на плотские желания, и перед глазами вставал образ Ви, с сияющей копной рыжих волос и ямочкой на шее, к которой так хочется прижаться губами. В ее глазах вызов, а божественно прекрасное тело манит и вводит в соблазн. Теперь Кайлар чувствовал Ви на любом расстоянии. Сейчас она далеко на востоке, спит. Почему она спит в такой неподходящий час? Сейчас уже около полудня. Похоже, жизнь в Часовне не слишком тяжела.

Кайлар мысленно представил, как ложится рядом с Ви. Ее распущенные волосы золотым водопадом рассыпались по подушке. Да, волосы у Ви чудесные, как будто какое-то божество поймало угасающие лучи солнца и преподнесло ей в подарок. Кайлар наклонился ближе и вдохнул аромат ее волос. Ви вздохнула во сне и крепко прижалась к нему всем телом, словно желая в нем раствориться. От напряжения у Кайлара перехватило дыхание.

На мгновение почудилось, что он лежит обнаженный, потом одежда вернулась на свое место. На лице Ви появилась недовольная гримаса.

«Что я делаю?» — мелькнуло в голове.

Убедившись, что он полностью одет, Кайлар стал постепенно приходить в себя. Дыхание Ви стало спокойным и ровным. Во сне девушка казалась хрупкой и маленькой, но ее красота от этого не пострадала. С лица исчезло напряженное выражение, и оно выглядело моложе. В отличие от Тэры Грэзин, которую сон делал совсем бесцветной, черты Ви приобрели особое изящество и утонченность.

Тэра Грэзин. Дворец. Коронация.

«Черт возьми, где я?»

Кайлар заметил, как рука Ви покрывается гусиной кожей, и накрыл ее одеялом. Его рука осторожно пробежала по плечу девушки и скользнула вниз, по бедру, по стройной ноге. На ней была надета короткая широкая сорочка, и пальцы Кайлара ощутили тепло нежной кожи. Он снова погладил ногу Ви, рука нырнула под сорочку. Глаза застелил туман, в ушах гулко отдавались удары сердца, и он снова превратился в обычного мужчину, не способного совладать с собой.

Кайлар гладил стройные ноги, пальцы нашли впадинку между бедром и пупком, пробежали по плоскому животу танцовщицы, такому теплому и упругому, и снова направились вверх и стали ласкать грудь. Дыхание Ви становилось чаще и прерывистее.

Кайлар не отличался мощным телосложением, но рядом с доверчиво прижимавшимся хрупким изящным телом чувствовал себя настоящим сказочным витязем, и его сердце

переполняла нежность.

Он наклонился ближе, вдыхая сладкий аромат тела, и стал целовать тонкую шею, лицо, чистый лоб. Девушка изогнулась и еще плотнее прижалась к нему. Кайлар увидел, что одежда снова исчезла, сорочка Ви съехала вверх, и он почувствовал жар обнаженного тела, которое прошептало: «Да».

В дверной скважине заскрежетал ключ, и этот звук показался на удивление мерзким и неуместным. Снова раздался скрежет — кто-то открывал второй замок.

«Кайлар!»

«Я уже здесь, не волнуйся. Не знаю, где я был».

«Я живу в твоем теле, Кайлар, и есть вещи, которые от меня не спрятать. Например, возбуждение в некоторых его частях».

«О чем ты говоришь? О господи! Я и не думал!»

Внизу, сквозь сетку, Кайлар увидел, как открывается дверь в сокровищницу. На пороге появился маленький человечек с хмурым лицом. Кряхтя, он осмотрел помещение, в котором находилось всего три сундука. Человечек подошел к самому маленькому из них, и Кайлар увидел хранившуюся там корону. Человечек недовольно засопел.

— Куда, черт возьми, запропастилась проклятая подушечка? — пробормотал он и направился к двери. Выйдя из комнаты, он стал запирать все замки.

Кайлар отодвинул сетку и прыгнул в комнату, бесшумно приземлившись на сундуки. Вытащив из склянки пробку, превратил ка'кари в мягкую колбу с иглой на конце и набрал в нее большую дозу филодунамоса. Потом закрыл склянку и положил ее обратно в мешок, а сам взял в руки простую элегантную корону, украшенную несколькими изумрудами и бриллиантами. Судя по скудному количеству драгоценных камней и золота в остальных сундуках, подобная простота объяснялась отнюдь не утонченным вкусом ювелира. Кайлар снова преобразил ка'кари, и теперь на конце колбы вместо иглы появилась щеточка. Он быстро нанес узкую полоску филодунамоса на внутреннюю сторону короны, оставив сзади маленькую капельку. Как только Тэра Грэзин начнет потеть под тяжестью короны, заключенный в сосуд огонь охватит пламенем голову, а капелька произведет маленький взрыв, нацеленный прямо в затылок. Кайлару не хотелось устраивать публичное сожжение Тэры Грэзин. Просто эта женщина должна умереть. Если она уцелеет, людская жалость может оказаться сильнее ненависти. Кроме того, если Тэра выживет, то обвинит в преступлении Логана и прикажет его казнить.

Филодунамос ложился ровным слоем и тут же засыхал. Первые линии, которые провел Кайлар, слились с золотом и совсем не выделялись, не считая пары мелких рубчиков. Он очень надеялся, что смертоносное покрытие не отвалится. Кайлар также не знал, будет ли кто-нибудь примерять корону перед коронацией. Забавный получится фокус!

Снова послышался скрежет ключа в замочной скважине, и в этот момент Кайлар заметил, что капелька филодунамоса еще не засохла. Он машинально подул на корону и тут же задержал дыхание. На покрытии появилась светящаяся красная трещинка. Несколько секунд она светилась, словно тлеющий уголек, а потом погасла как раз в тот момент, когда стали открывать второй замок. Кайлар быстро положил корону в сундук и превратил ка'кари в веер, которым стал торопливо обмахивать корону. Он успел до появления маленького человечка спрятать ка'кари и снова стать невидимкой. Теперь оставалось затаить дыхание и просто наблюдать.

Человечек держал в руках бархатную лиловую подушечку с длинными золотыми кистями по краям. Он открыл и снова закрыл два других сундука, а потом с благоговейным трепетом взял корону двумя руками с наружной стороны и водрузил на подушечку. Кайлар с трудом сдержал вздох облегчения.

Человечек вышел из комнаты, а Кайлар, подпрыгнув вверх, снова оказался в потайном лазе и пополз обратно, намереваясь найти подходящее место, где можно переодеться в наряд благородного вельможи.

Итак, Тэра Грэзин уже мертва, хотя сама об этом еще не догадывается.

43

Ви проснулась в холодном поту. В темной комнате она находилась по-прежнему одна. Сестра Ариэль туманно намекала на какие-то причины, мешающие немедленно перевести Ви в другую комнату и подселить к ней соседку. Сегодня, когда привиделся такой сон, Ви была рада оказаться в одиночестве.

Она встала с кровати, и, как только босые ноги прикоснулись к теплому полу, потолок осветился мягким светом, но девушка даже не заметила. Натянув на себя допотопное платье послушницы, она направилась к двери. Внутри все сжалось в плотный комок, и чувствовала она себя прескверно. Когда Ви вышла в коридор, стена вспыхнула слабым светом, превратившимся в звезду. Потом картина стала меняться, как будто опытная рука умело наносит размашистые линии. И вот уже звезда запуталась в сплетенной пауком паутине, подвешенной между рогами лося. Лось устало посмотрел на Ви и поднялся, чтобы ее сопровождать. Звезда освещала теплым светом свой участок коридора.

Ви, поглощенная своими мыслями, машинально дотронулась до лося. Свечение продолжалось, но картинка поменялась. Паутина вокруг звезды превратилась в старый железный фонарь. Лось куда-то исчез, а вместо него появился добродушный бородатый лесник. Кивнув Ви, он высоко поднял фонарь. Девушка снова дотронулась до картины, и вместо лесника появилась улыбающаяся собака, пытающаяся удержать на носу звезду. Ви пошла дальше, и собака последовала за ней. Этаж был полностью сделан так, чтобы дети чувствовали себя в безопасности. Все вокруг удивляло и казалось необычным.

Ви вдруг почувствовала беспричинную ярость и изо всей силы ударила в стену кулаком. Собака исчезла, и ей на смену пришел смеющийся шут. Сдерживая рыдания, Ви побежала по лестнице, которая вела в центральную часть здания. Наконец она добралась до комнаты сестры Ариэль, но постучать не успела, так как дверь распахнулась сама.

— Входи, — пригласила сестра Ариэль и протянула Ви чашку с горячим оотаем.

Глаза у сестры Ариэль были усталыми. Не говоря ни слова, Ви зашла в комнату и взяла левой рукой чашку.

— Садись, — предложила сестра Ариэль.

Она жила в небольшой комнате, заваленной книгами и рукописями. Ви заметила два стула, на один из которых села.

— Сосредоточься и сиди тихо. — Сестра Ариэль взяла распухшую правую руку Ви. — Савалтус, — сказала она, и боль раскаленным железом пронзила руку, но сразу же утихла, и опухоль и синяк пропали. — У тебя скверная привычка бить по предметам, которые тверже кулаков. В следующий раз останешься калекой из-за собственного упрямства. Я тебя лечить не стану.

Ви не стала задумываться над смыслом слов, произнесенных сестрой Ариэль, и сразу заговорила о том, что волновало больше всего.

— Хочу, чтобы ты прекратила издеваться, — заявила Ви.

— Прости, не понимаю.

— Ты обманом заставила меня окольцевать Кайлара, и теперь я хочу снять проклятую серьгу.

Сестра Ариэль наклонила голову набок, сделавшись похожей на собаку, и ее глаза заблестели.

— Привиделся вещий сон, который показался явью?

— Заткнись и не говори слов, которые я не понимаю!

Что-то больно ударило по ягодице, и Ви вскрикнула.

— Запомни, дитя мое, язык подобен пламени, — спокойно произнесла сестра Ариэль. — И мы, использующие речь в магических целях, должны следить за своим языком, а иначе он нас сожжет. Знаешь, чем я занималась, пока ты была на уроках?

— А мне начхать.

Сестра Ариэль укоризненно покачала головой.

— Твоя ругань на меня не действует, маленькая идиотка. Твой рот подобен выгребной яме, такой же зловонный и грязный. Запомни, когда бранится сточная канава с дерьмом, ее проклятий никто не слышит, а когда проклинает маг, содрогается весь мир. Так вот, я придумала тебе наказания и надеюсь, тебе надоест упрямиться раньше, чем иссякнет моя фантазия. Мы теперь связаны друг с другом, и твое вызывающее поведение и неповиновение только продлит нашу связь. Са трока эксцепио дазии.

Ви краем глаза увидела магический ореол, окружающий сестру Ариэль, но ничего не почувствовала.

— Что ты сделала? — спросила девушка, сердито щуря глаза.

— Знаешь, дорогуша, главная забава ждет впереди. Придется самой догадываться, в чем заключается очередное наказание. Ты пришла сюда, потому что увидела сон, который произвел сильное впечатление.

Ви уставилась в дно чашки. Почему ей так противно говорить о том, что происходит между мужчиной и женщиной?

— Мне приснилось, что он пришел ко мне в постель. Все было на самом деле.

— И что?

— Как это «что»? — Ви подняла глаза от чашки.

— Приснился сон, в котором ты переспала с мужчиной. И что с того? Боишься забеременеть?

Ви снова устремила взор в чашку.

— У нас ничего… как бы это сказать… Ну, сама понимаешь.

— Тогда зачем ты сюда прибежала?

— Это все из-за сережек?

— Твой сон? Разумеется. Они позволяют общаться находящимся вдали друг от друга супругам. А также совокупляться. Между прочим, на подобное способны лишь немногие даже из старинных серег. На моей памяти немало сестер потратили десятилетия в поисках способа передать сведения на расстоянии. У них ничего не получилось. Не помню почему. После подписания третьего Алитэрского договора, запрещающего женщинам-магам выходить замуж за мужчин, наделенных *талантом,* больше никто этим не занимается.

— Значит, мы с Кайларом видели один и тот же сон? — Ви побледнела.

Сестра Ариэль смерила ее насмешливым взглядом.

— Кажется, именно об этом я и говорила. — Ви снова почувствовала себя полной глупышкой. — Ты испугалась?

— Не очень, — честно призналась Ви.

— Знаешь, иногда на разговор с тобой уходит столько же сил, как на Венгаризианское заклятие.

— Да и хрен бы с ним! — огрызнулась Ви и вдруг почувствовала, как рот обожгло огнем. Она вскочила на ноги, сестра Ариэль что-то сказала, и колени подкосились сами собой. Девушка бессильно рухнула на стул. — Холера тебя возьми…

Рот снова словно ошпарило кипятком. Ви посмотрела на ухмыляющуюся сестру Ариэль и вдруг все поняла. Через пять секунд боль прекратилась, а девушка все сидела, хватая ртом воздух и задыхаясь от возмущения и обиды. Потом дотронулась до языка, но следов ожога и других повреждений не обнаружилось.

— Моя матушка в подобных случаях применяла мыло, — наставительно заметила сестра Ариэль, — но я не сумела сплести нужное заклятие. Однако ты разбудила меня не просто так. Рассказывай, как все произошло, и отправляйся спать.

Ви в растерянности уставилась на сестру Ариэль, и тут до нее дошло, что та не шутит.

— Случалось тебе когда-нибудь тра… тьфу, я хотела сказать, приходилось ли тебе заниматься любовью? — спросила Ви.

— Вообще-то я лишилась девственности, когда скакала верхом на лошади, — ответила Ариэль.

— Никогда бы не подумала, что ты такая ловкая, — заметила Ви.

Сама она однажды попробовала нечто подобное, и эксперимент не закончился добром.

— А я не подозревала, что у тебя такое тонкое чувство юмора, — расхохоталась сестра Ариэль. — Послушай, Ви, ты мне нравишься все больше.

Господи, сестра имела в виду, что это случилось не во время скачки, а из-за нее. Ви, не сдержавшись, от души рассмеялась. Как изящно Ариэль ответила на ее вопрос. Нет, она скорее умрет, но не станет пренебрегать даже таким незначительным проявлением участия со стороны этой женщины. И все-таки Ви по-прежнему чувствовала себя скверно. Живот свело, как будто нужно срочно справить большую нужду.

— Я… я переспала с десятками мужчин, — призналась она.

— Славная работа, — заметила сестра Ариэль. — Я имею в виду наказание, а не твой распутный образ жизни, — уточнила она.

— Ни с одним из них я ничего не испытала. С тех пор, как была совсем ребенком. Когда мне встретился Кайлар…

— Мое мнение в данном вопросе нельзя считать авторитетным, но думаю, с человеком, которого любишь, все происходит по-иному.

От этих слов Ви словно прорвало.

— Дело не в том, что я не испытывала к ним никаких чувств, я не чувствовала их самих. Я словно заледенела внутри. А сегодня ночью…

Ви так и застыла с открытым ртом. С детских лет она насмотрелась самых мерзких сцен, а потом мужчины стали делать то же самое и с ней. Постепенно ее слабость превратилась в силу, ведь мужчины — рабы своей плоти, и тело стало для Ви средством платежа, с той только разницей, что в отличие от денег его можно было использовать снова и снова.

Когда ей впервые пришла в голову мысль переспать с Кайларом, это должно было стать платой за зло, которое она ему причинила. Сегодня ночью все было совсем по-другому. Ее чувства отличались от ранней мечты завладеть Кайларом. Ви до боли хотелось близости с этим мужчиной, она желала его каждой клеточкой своего тела, как будто начало просыпаться незнакомое существо, спрятанное глубоко внутри, которое давно уже считалось умершим. Близость с Кайларом — не небрежно брошенная подачка в виде предложения воспользоваться своим телом, нет — это признание своего поражения и добровольная сдача на милость победителя.

— Ты должна снять с меня проклятую серьгу! — потребовала Ви. Она дрожала всем телом, а по лбу катился холодный пот. — Пожалуйста, сделай это до того, как я встречусь с Эленой. Ведь она все еще здесь?

— К сожалению, все не так просто, дитя мое. Да, она сейчас здесь, — вздохнув, ответила сестра Ариэль. — Виридиана, я прочла все, что смогла найти о таких серьгах. Эту связь разорвать невозможно. Думаю, когда их изготавливали, замысел казался очень удачным. Поначалу их использовали, чтобы навеки связать супругов-магов, которые понимали, на что идут. Потом люди стали пользоваться серьгами при заключении политических браков. Короли и королевы стали требовать, чтобы золотых дел мастера усиливали насильно навязанную привязанность с одной или другой стороны, как в твоем случае, когда все под контролем держишь ты. Не знаю, сможем ли мы в полной мере понять, какие беды натворили маги. Но, увидев плоды своих деяний, Вай'сана, создатели волшебных серег, дали клятву никогда больше их не изготавливать. Они собрали все серьги, что удалось отыскать, и уничтожили вместе с инструкциями, как их делать. Серьге в твоем ухе не менее четырехсот лет, и то, что она уцелела до наших дней, — само по себе чудо.

— Чудо? Ты называешь это чудом?

Сестра Ариэль беспомощно развела руками.

Карета ждала Мамочку К., но когда она туда села, то поняла, что не одна. Темное пятно напротив приобрело четкие очертания, превратившись в Резаного Врабля.

— Добрый вечер, Мамочка К., — обратился к ней наемный убийца. — Спешишь на коронацию?

— Вообще-то спешу. Тебя подвезти?

— Пожалуй, не стоит. Похоже, я вышел из милости у королевы.

— В самом деле?

— Представляешь, просыпаюсь я после славной попойки, иду в поисках чего-нибудь подходящего для опохмелки и встречаю пятерых парней. А они начинают рассказывать небылицы, будто я чем-то напакостил королеве. Поганый денек! Я, конечно же, напился, но никак не мог проспать чуть не двое суток.

Дарзо! Внутри у Мамочки К. что-то оборвалось.

— Это Дарзо.

Лицо Бена Врабля сделалось белым как полотно, и даже шрамы стали не так заметны.

— Не говори глупости. Дарзо умер.

— Да уж знаю. Ведь это я его убил, не забыла? — Да, Врабль убил Кайлара, когда тот находился в обличье Дарзо. — Он поклялся, что не станет меня преследовать, и вот теперь лучший заказчик желает моей смерти.

— И все-таки ты его убил, и это не дает покоя.

— А ты не водишь меня за нос? Признайся, ты не посылала к королеве Грэзин еще одного наемного убийцу?

— Никого я не посылала и не участвовала в истории, когда оскорбили послов. Я вообще не предпринимала против Тэры Грэзин никаких действий. Во всяком случае, до сих пор. Слушай, Бен, тебе надо на некоторое время уехать из города. Возможно, Дарзо просто хотел убедиться, что ты не станешь работать на женщину, которая заказала его убийство.

Бен Врабль машинально кивнул, и этот жест окончательно подтвердил подозрения Мамочки К. На самом деле Дарзо велела убить Тэра Грэзин. Вот дрянь! Ну ничего, скоро она разделается с мерзавкой. Ждать осталось совсем недолго.

44

В тронном зале собрались сливки высшего общества. Впрочем, из-за невзгод, выпавших за последний год, они больше напоминали разбавленное молоко. Многие представители знати красовались в нарядах, в которые год назад постеснялись бы одеть даже слуг. Да и ряды самой знати заметно поредели. Одни были убиты во время государственного переворота или в битве в роще Пэввила. Другие примкнули к королю-богу еще раньше и с тех пор находились в бегах. Как ни старался королевский церемониймейстер заполнить ряды и украсить тронный зал подобающим образом, он все равно представлял собой убогое зрелище. Правда, гости к таким мелочам не придирались. Глупо отпускать шуточки по поводу изношенных мундиров королевских стражников, которые второпях украсили цветами дома Грэзинов, если сам явился на коронацию в потрепанном парадном плате и взятых напрокат украшениях.

Кайлар вошел в тронный зал через дверь, предназначенную для слуг, желая избежать церемонии официального представления и тайком полюбоваться на плоды своих трудов. Однако здесь возникло непредвиденное затруднение, так как у двери собралась огромная толпа слуг.

— Милорд! Милорд! Куда же вы? — подскочил к нему один из слуг.

— Угу, все мы тут милорды, — пробурчал под нос Кайлар.

«Если я воспользуюсь тобой, чтобы прикрыть наряд, ты небось снова проешь дыру на штанах?» — обратился он к ка'кари.

«Не могу за себя поручиться!» — с самодовольной ухмылкой отозвался ка'кари.

— Милорд заблудился? — осведомился жизнерадостный слуга и, не дожидаясь ответа, затараторил: — Прошу вас, милорд, следуйте за мной.

Он двинулся в сторону главного входа, и Кайлару ничего не оставалось, как пойти за

ним, мысленно проклиная не в меру усердных слуг.

Слуга подвел Кайлара к главному входу и передал в руки церемониймейстеру, который сурово оглядел его с ног до головы, по-петушиному вскидывая голову, и ворчливо заметил:

— Вы пропустили свой выход. Следовало зайти сразу после своего господина.

От неожиданности Кайлар едва не поперхнулся.

— Вы, вероятно, принимаете меня за кого-то другого. Я баронет Стерн, и не нужно объявлять о моем…

Церемониймейстер дважды сверился со списком гостей.

— Герцог Джайр дал мне строгое указание обязательно вас представить. — Развернувшись кругом, он ударил посохом об пол. — Маркиз Кайлар Дрейк, лорд Хавермер, Локл и, Веннас и Процин!

Кайлар шагнул вперед на одеревеневших ногах. Взгляды присутствующих устремились на нового гостя, с разных сторон послышался шепоток: «Это же Волкодав!» Логан не только узаконил само существование Кайлара, даровав ему настоящий титул, не идущий ни в какое сравнение с баронетом оккупированных Лаэ'нотом земель, но и возвел его до головокружительных высот. Выше маркиза стоят только герцоги Сенарии! При этой мысли у Кайлара перехватило дыхание. Настоящий титул сулит реально существующие земли и серьезные обязательства, которые надо выполнять! А хуже всего, что Логану наверняка пришлось обратиться к графу Дрейку, чтобы официально оформить усыновление Кайлара. Теперь никто не придерется к липовой родословной. Логан ради него поступился своими принципами, и, пожалуй, это его последняя попытка спасти Кайлара от себя самого.

Кайлар занял место в первом ряду по левую руку от Логана, который улыбался так заразительно, что Кайлар невольно улыбнулся в ответ, позабыв о раздражении. Слишком велико было пережитое потрясение.

— Так-так, дружище, — обратился к нему Логан. — Я уж подумал, что ты, как всегда, лазаешь где-нибудь по стропилам! Очень рад, что ты решил-таки спуститься к нам, смертным, на грешную землю!

— Ну ты и скажешь! Впрочем, почти угадал. — Кайлар прокашлялся, пытаясь оправиться от изумления. — А ты, я смотрю, нарываешься на скандал.

Не поворачивая головы, Логан ответил:

— Ради лучшего друга я пойду на все и буду бороться до конца.

— Для меня это большая честь! — отозвался Кайлар после короткой паузы.

— Верно! — рассмеялся Логан, явно гордясь собой, но получалось это у него на удивление симпатично.

— Мамочка К. надоумила?

— Я сам все придумал, хотя граф Дрейк приложил усилия, чтобы получить более высокий титул.

— А усыновление?

— И усыновление, — подтвердил Логан. — Посмотри налево, в шестом ряду!

Кайлар посмотрел в указанном направлении и вдруг почувствовал, как от лица отхлынула кровь. В ряду, где расположились обедневшие бароны, под знаменем Стернов стояла супружеская чета средних лет, облаченная в более чем скромные наряды. А рядом с супругами переминался с ноги на ногу молодой наследник, до неприличия темноволосый на фоне белокурых родителей. Это был их сын, баронет Стерн.

— Получается как-то неловко, — замялся Кайлар.

— Нам всем нужны друзья! — возразил Логан. — А мне как никому другому! Я потерял почти всех, кому безраздельно доверял, и без тебя мне не обойтись.

Кайлар промолчал, впервые обратив внимание на одеяние Логана. Герцог был одет в темную тунику и трико изящного покроя, но такого же мрачного траурного цвета. Логан по-прежнему оплакивал смерть Дженин и своей семьи, верных вассалов и, возможно, Сэру Дрейк. Внутренности Кайлара скрутила знакомая боль. И Логан, и граф Дрейк рисковали своей честью ради Кайлара, а честь для них обоих — самое святое, что только есть в жизни.

Убийство Тэры Грэзин теперь означает не просто трагическое разногласие во мнениях, Логан расценит его как предательство.

Впрочем, уже ничего не изменишь. Маркиз Кайлар Дрейк сидит в первом ряду, и на него устремлены любопытные взгляды придворных. Ночной ангел сумел бы невидимой тенью спрыгнуть со стропил и перехватить смертоносную корону, а вот маркизу Дрейку остается только наблюдать за разворачивающимися событиями, которые являются последствием его рокового выбора.

Когда объявили о появлении Тэры Грэзин, Кайлар поднялся с места. Она царственно прошествовала вперед, а следующие за ней два священнослужителя возносили молитвы, благословляя коронацию. Наконец оба святых отца и герцог Уэссерос подняли корону с пурпурной подушечки.

«Нет, не сейчас, Господи, прошу тебя!»

Кайлар не подумал, что случится с людьми, которые наденут корону на голову Тэры, если она уже покрылась испариной. Трое мужчин, символизирующие обоих богов и саму мать-землю, водрузили корону на голову королевы Тэры Грэзин.

И… ничего не произошло.

Королева приняла из рук герцога Уэссероса скипетр, у главнокомандующего лорда Грэзина — меч, некоторое время подержала обе регалии власти в руках и вернула лордам. Они склонились в почтительном поклоне, а Тэра села на трон и знаком позволила им выпрямиться. Мужчины удалились, и у Кайлара отлегло от сердца. Но тут громко заиграли трубы, и он подпрыгнул от неожиданности. Присутствующие в тронном зале гости поднялись с мест и принялись аплодировать, чествуя новоиспеченную королеву. Тэра Грэзин милостиво улыбалась и, приподнявшись с трона, махала рукой своим подданным.

С громким стуком распахнулись двери зала, и вошла процессия слуг, которые несли столы и блюда с кушаньями. Музыканты и жонглеры смешались с толпой, пока слуги расставляли столы для торжественного пира. Кайлар, ничего не замечая вокруг, не сводил глаз с Тэры Грэзин.

Логан похлопал по его плечу:

— Ну как тебе? — Кайлар даже не повернулся. — Ну же, маркиз Дрейк, сегодня вечером вы сидите за главным столом!

45

Кайлар позволил Логану провести себя к столу и усадить между сорокалетней сплетницей, доводившейся дальней родственницей Гандерам, которая надеялась заполучить герцогские земли, и Мамочкой К, сидевшей по правую руку от самого Логана. Заметив изумление Кайлара, Мамочка К. добродушно улыбнулась.

— Только не говори, что он и для тебя добился титула! — воскликнул он.

— Ты забыл, Кайлар, я, в отличие от тебя, бывала на многих светских приемах. Впрочем, должна признать, за последние десять лет их стало меньше. Сегодня вечером герцог Джайр любезно вызвался быть моим кавалером, чем привел в неописуемую ярость дам, которые присутствуют в зале. Они сейчас прямо-таки умирают от зависти.

— Что ты говоришь? — изумился Кайлар, с опозданием припоминая, что Гвиневера Кирена признана самой блистательной куртизанкой своего времени, хотя к моменту их знакомства она уже ушла на покой.

Можно с уверенностью сказать, что многие знатные господа в зале хоть раз сопровождали ее на подобные приемы. Кайлар знал, что в начале своей карьеры Гвиневера появлялась на приемах под именем алитэрской графини, приехавшей погостить в Сенарию. Впрочем, очень скоро надобность в такой выдумке отпала. Такая красивая женщина, искусная танцовщица, прекрасная певица, замечательная собеседница, к тому же отличающаяся редким тактом и благоразумием, какой являлась Гвиневера Кирена, стала исключением из общепринятых правил.

Мамочка К. приподняла удивленно бровь, прочитав по лицу Кайлара ход его мыслей.

— Ой, прости, я не то имел в виду…

На помощь ему подоспел Логан:

— Я просил о чести сопровождать эту даму, опередив остальных претендентов. Ведь в королевстве так мало красивых женщин, способных связать пару слов в самое простое предложение.

— Вот именно! — согласилась Мамочка К., растягивая слова, как это принято в прибрежных районах Кьюры. — Где у вас тута плевательница?

Кайлар весело рассмеялся. Он понял уловку друга. Чтобы наверняка оградить себя от ненужных приставаний, Логан решил облачиться в траур и появился на коронации в обществе дамы гораздо старше себя. Трудно придумать более удачный маневр. Приди он на прием в сопровождении молодой барышни или даже в полном одиночестве, на него тотчас набросились бы свахи, которым траур не помеха.

Кайлар все еще тихо посмеивался выдумке друга, как вдруг его взгляд упал на Тэру Грэзин. Она сидела через несколько человек от Логана. Смех застрял в горле.

— Кайлар? — Мамочка К. заметила перемену в его настроении. — Что с тобой?

Он попытался стряхнуть оцепенение.

— Я все жду, когда взорвется ее голова.

Справа послышался удивленный возглас родственницы Гандеров, но Кайлар не обратил на нее внимания, так как, не отрываясь, смотрел на королеву, а та вела себя непринужденно, как всегда. Вот отпила вина. Потом наклонилась к Лантано Гаруваши, сидевшему справа от нее, и что-то прошептала ему на ухо. Насмешливо помахала рукой дворянину с нижнего стола, по неосторожности пролившему вино на платье жены. Поговорила с братом, занявшим место слева от нее. И все это время смерть находилась рядом, дожидаясь своего часа.

Кайлар рассчитывал, что корона взорвется почти сразу после того, как ее возложат на голову королевы. В тот момент, когда она должна стоять одна перед собравшейся знатью. Теперь, если он перестарался с количеством филодунамоса, могут пострадать и другие приглашенные. Сравнительно безобидный Люк Грэзин не станет большой потерей для королевства, но что будет, если погибнет Лантано Гаруваши? Убийство легендарного кьюрца обернется катастрофой!

— Никак не пойму, — говорил Логан своей даме, — почему из всех политиков вы поддерживаете предложения Джарла?

Услышав знакомое имя, Кайлар снова стал прислушиваться к беседе за столом.

— Если я скажу, что этот человек вселил в меня надежду, вы поверите? — ответила Мамочка К. вопросом на вопрос.

По лицу герцога пробежала тревожная тень, и Кайлар вдруг заметил разницу между прежним, наивным Логаном, чуть что бросавшимся в бой, и совсем другим Логаном, который провел долгие месяцы в Дыре.

— Поверю, но не всему, — наконец ответил он.

Мамочка К. улыбнулась:

— Понимаешь, замыслы Джарла принесут пользу не только кроликам, но и всем жителям Сенарии. Например, тебе известно, сколько обычно тратит кролик, посещая публичный дом? — Она рассмеялась, глядя на перекосившееся лицо Логана. — Ваша честь, простите напыщенность моих фраз. Итак, он расходует всего три серебряные монеты: одну на выпивку и две на девочек. То есть мне в прибыль идет всего одна серебряная монетка. Средний торговец обычно покупает вино, закуску, иногда табак, иногда возбуждающие травки, а потом идет к девочкам. Выручка составляет чуть больше кроны. Что заказывают при посещении дворяне? Десерты, танцы, бардов, жонглеров, аперитивы, дорогие вина и плюс ко всему отдельные услуги, о которых вы, вероятно, предпочтете не знать. В моей кассе оказывается уже семь крон. Итак, что бы вы выбрали на месте торговки и королевы головорезов?

Логан покраснел, но согласно кивнул.

— Мне понятна твоя позиция.

Кайлар не верил собственным глазам, наблюдая за герцогом, невозмутимо обсуждающим экономические вопросы, связанные с проституцией.

— Беда в том, что люди обычно воспринимают кроликов как существ грязных и грубых, от которых исходит опасность. А для меня они лишь потенциальные клиенты.

— Ты не жадна до денег. Ведь, если не ошибаюсь, у тебя в собственности половина всех веселых домов в городе? — спросил Логан.

Мамочка К. хитро ухмыльнулась, и, глядя на ее довольную физиономию, Кайлар понял, что, как он и подозревал, ей принадлежит не половина борделей, а все.

— К тому же я слышал, ты совсем не платишь налоги в казну. Даже если мы имели бы возможность точно определить, кто из членов городского магистрата берет взятки, а кто — нет… — При этих словах Логана Кайлар сообразил, что друг разговаривает с единственной женщиной в городе, знающей взяточников наперечет. — Если сместить их с занимаемых должностей, на тебя свалится куча расходов, которых раньше не было. Не верю, что тебе удастся сохранить свою прибыль или хотя бы свести концы с концами. Так что бы ты выбрала на месте самого хитроумного торговца в городе: налоги или их отсутствие?

— За последние двадцать лет дворяне захватывали целые бордели не менее пятнадцати раз. Банки, в которых у меня свой интерес, захватывали около десяти раз. Я потеряла шестьдесят вышибал из-за вельмож, недовольных тем, что их вышвыривают из заведения. В самый неудачный год один знатный вельможа повадился убивать проституток из-за своей прихоти, и он отправил на тот свет сорок три девушки. Когда наконец-то убили его самого, отец отомстил за сына и сжег дотла шесть моих борделей, причем один из них сгорел со всеми работающими на меня людьми, которых там заперли. — Взгляд Мамочки К. стал ледяным. — И пока мы с вами обсуждаем, сколько месяцев можно не платить за захваченный бордель, никакие счета не расскажут, что чувствуешь, когда крадут твою юную протеже! Они не объяснят, как прикажете жить, постоянно думая, что будет, когда девочка надоест мерзавцу. То ли он, наигравшись вволю, убьет бедняжку, то ли выкинет на улицу. Ваша светлость, я давно научилась использовать царящую в городе коррупцию в своих целях, однако оплакивать ее крушение не стану.

Мамочка К. смотрела на Логана, и Кайлар не видел ее лица, но соглашался с каждым словом, так как Гвиневера Кирена говорила правду. Он не раз слышал жуткие истории, о которых Логан не имел понятия. Мамочка К. была шингой в течение всего времени, когда творились эти злодейства. Учитывая возможности Са'каге, она могла вершить свой суд руками таких людей, как Дарзо Блинт. В каждом случае, связанном со смертью проститутки или издевательским отношением, ей приходилось решать, стоит ли торжество справедливости страшного возмездия, которое за ним неизбежно последует. После того как сожгли ее бордели, Мамочке К. ничего не стоило подослать к злоумышленнику наемного убийцу, но тогда возникала опасность ввергнуть город в гражданскую войну. Ничего удивительного, что с годами ее характер стал таким жестким.

— Я понятия не имел, что вокруг творятся такие безобразия, — признался Логан.

А там, наверху, королева Грэзин поправила рукой съехавшую на лоб корону. Кайлара словно ударило молнией, но и в этот раз ничего не произошло. Напряжение спало, и он принялся за нетронутый кусок мяса на тарелке.

— Вопрос в том, можно ли это сделать, — задумчиво произнес Логан. — Просто строительство нескольких мостов через реку Плит ничего не изменит. Нам придется бороться с устоявшимися традициями.

— Мы покончили с рабством мирным путем, без всякой войны. Час настал. В последний год люди видели столько беспорядков, что еще один бунт, если он несет надежду, может в корне все изменить. Ночь крови показала всему городу, что кролики могут быть настоящими храбрецами, а в битве при роще Пэввила мы увидели, что эти люди готовы пролить кровь за свою родину. Жизнь можно изменить в лучшую сторону.

«Да, как только голова королевы разлетится на куски».

Тон, которым Мамочка К. говорила об уничтожении рабства, навел Кайлара на определенные мысли. Она сказала «мы», не имея в виду всю Сенарию. Она стала шингой в то время, когда граф Дрейк ушел из Са'каге, а значит, Мамочка К. либо сама участвовала в борьбе за отмену рабства, либо решила не выступать против нее, несмотря на огромные прибыли, которое благодаря рабству получали Са'каге. Это отчасти благодаря ее стараниям враги графа Дрейка не смогли его убить. Кайлар восхищался женщиной, которая научила его читать и защищала перед Дарзо. Она помогла покончить с рабством и дала цеховым крысятам безопасное место, где можно перезимовать. В то же время по ее приказу убивали десятки, а может, и сотни людей. Она подкупала судей и членов городского магистрата, открывала игорные притоны и бордели, продавала дурманящую мозг траву, вымогала деньги у честных лавочников, вызволяла из тюрьмы мошенников, безжалостно уничтожала конкурентов и обогащалась всеми возможными и невозможными способами. Страшная женщина. Размышляя о делах Мамочки К., Кайлар в душе порадовался, что эта дама всегда относилась к нему с большой симпатией.

Ни один из благородных замыслов нельзя претворить в жизнь, пока на троне сидит Тэра Грэзин. Вчера она приказала оцепить Крольчатник, а что сделает завтра? Станет строить новые мосты?

Логан и Мамочка К. продолжали беседу, но Кайлар уже не вслушивался в содержание и только наблюдал. Логан задавал насущные вопросы о ремеслах, которыми занимаются в городе, где и какие товары закупают торговцы, какие связи установлены с другими странами и каким образом купцы уклоняются от уплаты «драконовских» налогов. Они углубились в историческое прошлое, а потом разговор плавно переключился на сегодняшнюю жизнь страны: кто больше всего пострадал от войн, кто сотрудничал с Халидором и чем это для них обернется. Говорили о землях, оставшихся без хозяев, и о людях, которые на них претендуют. Кайлар смотрел на Логана и Мамочку К. и думал, что, должно быть, похожее чувство переживает солдат-новобранец, глядя на его воинское искусство. Имена и события, законные и противозаконные связи между знатью, всевозможные сделки, слухи и толки в ходе разговора сплетались в затейливый узор.

Кайлару это напоминало виртуозную работу ткачей, которые достигли вершин в своем мастерстве. Конечно же, Логан обладал менее богатым опытом и располагал только той информацией, что не шла вразрез с законом, но порой он высказывал такие глубокие мысли, что Мамочка К. не могла скрыть изумления. В ходе разговора, который целиком захватил обоих собеседников, Логан умудрился обменяться любезностями с Лантано Гаруваши, сидящим слева и по-прежнему преисполненным решимости завоевать королеву. Он не забыл поприветствовать дворян, сидевших за нижними столами и жадно ловившими каждый его взгляд, поблагодарил слуг и даже поаплодировал новому придворному барду, который, как говорили, очень талантлив, хотя и похож на мерзкую лягушку.

Недалеко от Логана Тэра Грэзин упивалась своим триумфом. Она принимала поздравления и достаточно много пила. Черт бы ее побрал! Подсыпь Кайлар в вино яд, он наверняка бы подействовал. Королева открыто флиртовала с Лантано Гаруваши и с собственным братцем. Глядя на Логана и Тэру, Кайлар подумал, что ему представилась возможность наблюдать две разновидности правления в миниатюре. Логан всеми силами старается улучшить жизнь в стране, а Тэра занята исключительно собственной драгоценной персоной.

Торжественный вечер шел своим чередом, и Кайлар понял, что кто-то очистил корону от филодунамоса до того, как ее водрузили на голову королевы. А значит, все его старания пропали даром и придется начинать все заново.

Как хорошо, когда рядом друзья. Здесь, сидя за столом для почетных гостей, Кайлар приобрел законный статус и больше не страдал от одиночества. Он может остаться с людьми, к которым испытывает любовь и восхищение, провести всю жизнь в обществе Мамочки К., графа Дрейка и Логана. Можно отыскать Элену, привезти сюда и подарить ей

спокойную жизнь. Жизнь по другую сторону теней. Тогда и ему самому не придется жить одиноким волком, которому негде преклонить голову.

Господи, ведь он наделен бессмертием! Так неужели нельзя хотя бы однажды прожить счастливую жизнь? Дрейк и Мамочка К. покончили с рабством, когда страной правил продажный, развратный король, и, конечно же, вместе с Логаном, графом Дрейком и Мамочкой К. они сумеют исправить любое зло, которое может натворить глупая королева.

Сидящая в центре стола королева Грэзин поймала на себе пристальный взгляд Кайлара и кокетливо подмигнула.

По окончании пиршества королева удалилась в один из соседних покоев рука об руку с Лантано Гаруваши. Кьюрский военачальник имел на редкость элегантный и одновременно грозный вид. Он облачился в широкие штаны, собранные складками, и рубашку с короткими накрахмаленными рукавами, которые подчеркивали широкие плечи и оставляли открытыми мускулистые руки. Остальные гости, сидевшие за королевским столом, тоже встали с мест и последовали за повелительницей. Логан взял Кайлара за руку и снял со своего пальца широкое кольцо с выгравированными лошадями.

— Маркиз, это эмблема вашей новой должности. — Он достал из кармана еще один, более изящный, перстень с печаткой в виде миниатюрного дракона, который Кайлар сразу же узнал. — Это фамильный перстень Дрейков. Возьми оба кольца и знай, что и по ту сторону теней существует жизнь.

Кайлару уже случалось прежде отдавать свою жизнь. Он умер, спасая любимую женщину, а потом погиб, добывая деньги, чтобы покинуть Сенарию. В очередной раз Кайлар умер, отказавшись убить Логана по приказу Тэры Грэзин, а потом еще раз, когда выступил против короля-бога. Умирать всегда невесело, но он твердо верил, что вернется назад. Всякий раз, расставаясь с жизнью, он испытывал боль, а потом была новая жизнь. Сейчас дело обстоит иначе, и возвращение не состоится. Придется начинать все заново, в дальних краях, с чувством, что все друзья умерли в один день.

— Ты станешь великим королем, — обратился он к Логану.

— И скольких людей ты готов убить ради осуществления своего замысла?

— Это не замысел, а мечта. А теперь простите, ваша светлость, и позвольте мне удалиться. Чем дольше вы будете беседовать со мной в присутствии всего двора, тем больше пострадает ваша репутация.

Кайлар отвернулся от Логана и последовал за Тэрой Грэзин в соседний покой.

— Ваша светлость, — обратилась к Логану Мамочка К., прерывая беседу с одним из придворных, — думаю, нам следует остаться. Говорят, новый бард сочинил изумительную песню.

46

Куогли Марс не участвовал в трапезе. Он поест позже, вместе со слугами, если, конечно, представится возможность. Однако сегодня еда барда не интересовала. Он ходил от стола к столу и безропотно исполнял все, что заказывала обнищавшая знать, даже если эта музыка была верхом дурного вкуса. Куогли Марсу аплодировали, он любезно кланялся и шел дальше, чтобы порадовать еще одну компанию выскочек-простолюдинов.

После ужина дворец открыл и, а столы убрали, чтобы знатные господа имели возможность пообщаться друг с другом и выразить свое почтение новоиспеченной королеве. Увеселительные мероприятия распределили по разным залам, где подавались всевозможные десерты и ликеры. Куогли выждал некоторое время, а когда решил, что подходящий момент настал, взобрался на возвышение, где до этого стоял стол королевы и почетных гостей. Стражники, которым полагалось следить за порядком, куда-то исчезли, зато в зале осталось несколько самых знатных и влиятельных дворян, и, что важнее всего, королева удалилась в соседний покой.

Куогли Марс наклонил голову вниз и, не замечая никого вокруг, заиграл так, как во

всем мире умел только он один. Он знал, что студенты, обучающиеся музыке, долгие годы тренируют руки, стремясь достигнуть такого совершенства. Он же навеки останется недосягаемым идеалом. Кто из них сможет сыграть эту увертюру, уложившись в то же время, что и Куогли Марс? Конечно же, некоторые, поднаторев, пробренчат мелодию с той же скоростью, что и он, но потом преподаватели объяснят им разницу. Одно дело — бездумно барабанить ноты, и совсем другое — наполнять каждую из них особым, глубоким смыслом.

В музыке Куогли пылкая юность уступала всепоглощающей страсти, сменяясь внезапными вспышками неукротимого гнева. Ближе к середине мелодия приобрела пленительную нежность, в ней звучала печаль любви, которую приносят в жертву гордости, она улетала все выше и выше, предвещая трагическую развязку.

И вдруг Куогли резко оборвал игру.

На секунду в зале воцарилась тишина, эти идиоты молча смотрели на него, не зная, надо ли аплодировать. Музыкант опустил голову, но и это не вывело слушателей из оцепенения.

Потом раздался гром аплодисментов, и Куогли поднял руку, призывая всех к тишине. В зале находилось около двухсот дворян, сотня прихлебателей и множество слуг. По счастливому стечению обстоятельств все стражники куда-то исчезли, и Куогли мог сказать все, что хотел, не опасаясь, что его прервут.

— Сегодня я хочу исполнить новое произведение, написанное для вас, — начал он хорошо поставленным голосом, который успокоил присутствующих лучше любого окрика, — и прошу у вас только одного: позвольте мне допеть мое творение до конца. Произведение написано по заказу лица, которое вы все знаете, но это не совсем обычный заказчик. Иными словами, песня написана по заказу шинги Са'каге, и клянусь, что каждое слово в ней — правда. Я назвал ее «Песнь о тайнах», а шинга попросила меня посвятить ее королеве Грэзин.

— Вы услышали достаточно, сержант Гэмбл. Хорошего понемножку, — заявил Резаный Врабль, появляясь из тени дверного пролета. Отработанным жестом он быстро засунул руку в пространство между богатым плащом сержанта и его спиной, приставив острие кинжала, проткнувшее кожаный жилет, к позвоночнику. — Для вас здесь больше нет ничего интересного.

— Что ты делаешь в тронном зале, мерзавец?!

— Я не собираюсь воровать и убивать. А остальные подробности тебе знать не положено, сержант.

— Я начальник стражи Гэмбл!

— Если еще раз шевельнешь рукой, станешь покойным начальником стражи.

— Понятно…

— Если надумаешь поднять тревогу, посмотри сначала внимательно в зал и скажи, что там видишь.

Начальник стражи последовал совету Врабля и посмотрел в зал, где в этот момент находились восемь королевских телохранителей. Шестеро из них беседовали с молодым дворянином, которого Гэмбл не знал, а двое других стояли возле королевы и ни с кем не разговаривали, как им и полагалось во время исполнения своих обязанностей. Зато три дворянина, которые находились рядом, зорко следили за происходящим, чем и привлекли внимание начальника стражи Гэмбла. Ему и в голову не приходило, что у Са'каге такое количество наемных убийц. Гэмбл громко выругался.

— Значит, на случай, если кто-то поднимет тревогу, у тебя есть особые распоряжения?

— Если будешь вести себя разумно и окажешь содействие, то и ты, и твои люди останутся в живых, и впоследствии никто тебя не станет ни в чем обвинять. Даже сохранишь должность.

— С какой стати я должен тебе верить? — возмутился Гэмбл.

— Потому что мне незачем врать. Со мной здесь две дюжины приятелей, а у тебя к спине приставлен кинжал.

— Две дюжины? — Начальник стражи Гэмбл некоторое время обдумывал слова Врабля. — Раз так, почему бы нам с тобой не выпить? На кухне у меня припрятана заветная бутылочка.

Гости замерли, не успев донести до рта десерт, а слуги застыли на месте с бокалами, которые собирали по всему залу. Казалось, на какое-то время все даже перестали дышать.

Находясь в городе, славящимся роковыми тайнами, Куогли Марс заявил, что знает самую главную из них. Какова же будет сама песня при таком многообещающем предисловии?

На губах Куогли играла самодовольная усмешка. Он царил над установившейся в зале тишиной, как и положено настоящему маэстро. Куогли чувствовал молчание так же тонко, как и музыку, отсчитывая беззвучные такты, и за мгновение до того, как охватившее зал оцепенение перерастет в бурю, поднял вверх палец.

Из толпы запел одинокий женский голос, взял высокую ноту и держал ее невероятно долго, а потом, не переводя дыхания, перелился в жалобный напев, и наконец прозвучали слова, осуждающие одиночество. Все взоры устремились на пышногрудое сопрано в одеянии цвета слоновой кости. Певицу никто не узнал. Не прерывая пения, женщина прошла через толпу и присоединилась к Куогли. Бард по-прежнему стоял на возвышении. Мужской и женский голоса слились, переплетаясь мелодиями в божественную гармонию, несмотря на то что слова вступали в противоречие друг с другом. Любовники пели о своей любви, о любви запретной.

В углах зала заиграли музыкальные инструменты. Нежная виола вторила низкому звучанию виолончели и струнным переборам арфы. Несмотря на шум, магическая сила музыки совершила чудо, и каждый голос и инструмент были отчетливо слышны. Жалобные речитативы следовали один за другим, перемежаясь с музыкальными связками. Обычная речь превратилась бы в неразборчивое бормотание, но в музыкальном произведении каждая строчка звучала хрустально чисто. Преступная страсть сестры, смущение брата, смятение в юных умах, осуждение общества, тайны, родившиеся в спальнях высокопоставленного семейства. Дерзкая страстная женщина, не терпящая помех на своем пути.

Не называя имен, Куогли не пытался замаскировать действующие лица. Благородные господа, до которых дошел смысл песни, не верили ушам. Они искали глазами стражников, полагая, что кто-то должен положить конец этому божественно прекрасному безобразию. Однако на месте не оказалось ни одного стражника. Са'каге выбрали этот вечер, чтобы продемонстрировать свою силу. Выступление барда не было досадной случайностью, как и отсутствие стражи. Зал, где собрался цвет дворянства и куча любопытных, прибежавших посмотреть, что привело в оцепенение благородных господ, обычно охраняло не менее дюжины королевских гвардейцев. Песня Куогли была равнозначна государственной измене, но его никто и не думал останавливать. Прекрасная музыка и слова, вводящие в соблазн узнать страшную тайну, околдовали дворян. Куогли создал шедевр. Никому раньше не доводилось слышать такой музыки. Струны спорили друг с другом, запретная любовь сражалась сама с собой, а дивная мелодия утверждала, что это извращенное чувство все равно является истинной любовью. Даже когда юноша шел против своей совести, а женщина требовала от него любовных ласк.

Наконец они запели в унисон, объявляя перемирие и покоряясь силе запретной страсти, которая должна остаться тайной для всех. И в этот момент вступил еще один голос, юная певица-сопрано в скромном белом платье присоединилась к дуэту Куогли и меццо-сопрано, выводя такие высокие и чистые ноты, что при их звуке разрывалось сердце. Невинная девушка нечаянно узнала тайну, которая грозила падением королевской династии.

Брат ничего не знал, а старшая сестра, поняв, что младшая сестричка представляет собой угрозу всему, что у нее есть, чего она так страстно желала, призвав на помощь свой

изощренный ум, замыслила страшный план.

Когда прозвучали первые аккорды, в зал, никем незамеченный, вошел юноша. Люк Грэзин не пытался остановить Куогли Марса, он стоял как зачарованный и только слушал.

Голос Натэссы Грэзин унесся в Дыру. Ее предали и убили самые близкие люди, родная кровь. Она издала скорбный вопль, и ее голос отозвался диссонансом и угас, утонув в забвении. Жизнь девушки принесли в жертву преступной страсти. Музыканты еще раз исполнили лейтмотивы роковых тайн и Сенарии.

— Не-е-е-ет! — закричал страшным голосом Люк Грэзин.

Потрясенные музыканты не доиграли мелодию, оборвав ее на последних нотах. Люк молнией вылетел из зала, и никто не последовал за ним.

47

Кайлар увидел графа Дрейка и стал пробираться через толпу придворных, окруживших королеву Грэзин, но на сей раз остаться незамеченным ему не удалось. Кто-то подошел сзади и взял его под руку. Кайлар оглянулся и встретился взглядом с Тэрой Грэзин. Бездонные зеленые глаза Тэры завораживали, особенно когда Кайлар стал по привычке всматриваться в то, что таится в глубине этих омутов.

Родись Тэра Грэзин в другое время и у других родителей, зло, которое она несет, не имело бы таких роковых последствий, так как ее главным грехом был всего лишь безумный эгоизм. Для Тэры все люди являются орудием, главное предназначение которого исполнять все ее желания. Она не раз предавала, но делала это походя, не задумываясь о морали. Если бы Тэра родилась в семье мельника, вред, который она причиняет, ограничился бы обманутыми любовниками и одураченными покупателями.

— Я думала, Логан и Римболд рассказали мне о тебе все, Кайлар Дрейк, но они почему-то не предупредили, что ты так красив.

Тэра одарила Кайлара ослепительной белозубой улыбкой, при виде которой он вдруг вспомнил об акулах.

Слова королевы взволновали Кайлара, ведь сам он не имел столь высокого мнения о своей внешности. Однако, глядя в глаза Тэры, он видел, что ее величество нисколько не лукавит, хотя и говорит слишком громко, вероятно из желания польстить его самолюбию. Кайлар беспомощно заморгал, чувствуя, как лицо заливает краска смущения. Как бы там ни было, он на время утратил способность проникать взглядом в душу человека. Тэра тихо рассмеялась и смерила Кайлара жадным взглядом.

— Удивительно красивые глаза, — заметила королева. — Глядя в них, девушка решит, что ты видишь ее насквозь.

— Так оно и есть.

— И это вгоняет тебя в краску?

Слова Тэры смутили Кайлара еще больше, и он принялся рассматривать стайку фрейлин ее величества, столпившихся поодаль. Девушки понимали, что когда королева обращает внимание на мужчину, свидетели и тем более соперницы ей не нужны. Стоя в сторонке, фрейлины тихо посмеивались и отпускали шуточки на его счет. Вдруг Кайлар поймал на себе осуждающий взгляд одной из девушек. По-видимому, сцена с королевой не доставляла ей удовольствия. Правда, она тут же скрылась за спинами других фрейлин.

— Скажите, маркиз, а что вы видите в моих глазах? — обратилась к нему с вопросом королева.

— Ваше величество, с моей стороны было бы большой нескромностью говорить об этом вслух, — ответил Кайлар.

На мгновение во взгляде королевы промелькнуло вожделение.

— Маркиз, проявляя нескромность в разговоре с королевой, человек рискует лишиться языка, — с серьезным видом заявила Тэра.

— Язык существует для того, чтобы совершать бестактности, а не обсуждать их.

— Маркиз, вы заставляете меня краснеть! — воскликнула королева, не скрывая изумления.

— Был бы рад вас заставить.

На мгновение зрачки Тэры расширились, но она сразу же приняла безразличный вид.

— Маркиз Дрейк, считаю своим долгом познакомиться ближе с дворянами, состоящими у меня на службе, и прошу посети, меня в моих личных покоях. — В голосе королевы звучала нежность. — Подождите десять минут, телохранители вас проводят. Рассчитываю на ваше благоразумие и прозорливость. — Кайлар кивнул и понимающе усмехнулся в ответ. — Мы раньше не встречались? — спросила королева, немного помолчав. — Мне все время кажется, что я вас уже где-то видела.

— Действительно, мы однажды встречались. К сожалению, тогда я не произвел на вас должного впечатления.

«Это случилось во время переворота. Вонзи я клинок в твое подлое сердце, и мы избавились бы от множества проблем».

— Мы исправим это недоразумение, — проворковала Тэра.

— Разумеется.

Королева удалилась, и тут Кайлар заметил Лантано Гаруваши. Кьюрский воин смотрел на него в упор. Кайлар почувствовал, как горло сжимает невидимая рука, однако, несмотря на нескрываемое недовольство, Гаруваши остался стоять на месте. Кайлар окинул зал равнодушным взглядом, позабыв, зачем он сюда пришел. От группы фрейлин отделилась девушка и что-то прошептала стоящим у одной из дверей стражникам. Девушка обернулась, и Кайлар успел оценить огромные бархатные глаза, безупречную прическу, чистую кожу и пухлые губы, а также стройную талию и изящную фигуру. Он узнал Илену Дрейк, которая была теперь одной из фрейлин ее величества. У Кайлара возникло чувство, что он вдруг переместился во времени. Казалось, он только что видел перед собой маленькую девочку, а теперь на ее месте возникла женщина ослепительной красоты. Илена Дрейк и вправду была красавицей. Переговорив со стражниками, она посмотрела в глаза Кайлару, и на ее лице отразилось разочарование, сменившееся отвращением.

Девушка решила, что помогает старшему брату обманывать свою лучшую подругу Элену. Она думала, что, став маркизом, Кайлар жаждет переспать с королевой, позабыв о прежней любви. Разочарование, промелькнувшее во взгляде Илены, было хуже самого страшного гнева. До сегодняшнего дня девушка считала, что Кайлар не способен совершить дурной поступок, и вдруг он обманул ее ожидания.

Королева Грэзин, извинившись перед гостями, покинула зал.

Кайлар оглянулся и увидел Римболда Дрейка, который, прихрамывая и опираясь на трость, направлялся к нему. Дрейк перевел взгляд с лица Кайлара на руки, ожидая увидеть кольца, которых там не оказалось.

— Она прекрасна, — обратился Кайлар к Дрейку.

— Вылитая мать. Двадцать лет назад Улана выглядела точно так же, правда, в ней было больше огня.

Несмотря на постигнувшее его горе, граф не мог скрыть своей гордости. Улана Дрейк была матерью и Кайлару, когда он это позволял. Эта женщина отличалась удивительным изяществом и грацией, а ее красота с годами только расцветала, о чем Кайлар не преминул сказать графу.

Лицо Римболда окаменело, и он закрыл глаза, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами.

— Хватит, перестань. А не то я начну богохульствовать и обвинять в своей утрате Господа.

Кайлар уже открыл было рот, чтобы задать вопрос, как вдруг в соседнем зале, где собралась толпа жаждущих послушать придворного барда, он увидел прекрасную белокурую женщину в синем шелковом платье. Вырез на спине был таким глубоким, что едва закрывал ягодицы. У Кайлара перехватило дыхание, на мгновение показалось, что это Элена, но он тут

же понял свою ошибку. Дейдра, покачивая роскошными бедрами, пробиралась сквозь толпу, ища кого-то глазами. А еще говорила, что оставила прежнее ремесло и не торгует телом.

Граф наконец справился с волнением и, вопросительно приподняв бровь, посмотрел на Кайлара:

— Итак, что тебя интересует?

Кайлар тоже пришел в себя и решил, что на данный момент лучше придержать язык за зубами.

— Нет, ничего.

— Кайлар, ты — мой сын или мог бы им быть, и, если хочешь что-то спросить, я прощу любую бестактность.

Кайлар некоторое время боролся с собой, а потом решился:

— С Сэрой, Мэгс и Уланой произошла страшная трагедия, а главное, их гибель была бессмысленной, хотя вряд ли в нашем мире найдешь здравый смысл. Я хочу спросить о другом. Становится ли вам еще тяжелее на душе при мысли, что где-то есть Бог, который мог предотвратить беду, но не сделал этого?

Граф Дрейк нахмурил брови и задумался.

— Кайлар, когда мы сталкиваемся с трагедией, не действуют никакие доводы. Что толку говорить себе, что трагедия бессмысленна? Ведь сердце все равно разрывается на части. Думаю, тебе так же тяжело, как и мне, когда я взываю к Господу, желая знать, за что любимых людей постигла такая страшная участь, а он молчит. Мы оба переживем это горе, но в отличие от тебя у меня останется надежда.

— Наивная надежда.

— Покажи мне счастливца, который не смеет надеяться.

— Покажите мне храбреца, который не осмелится посмотреть правде в глаза.

— Ты считаешь меня трусом?

Кайлар пришел в ужас от своих слов.

— Я не хотел…

— Прости меня, — сказал граф, — не следовало задавать этот вопрос. Поговорим о чем-нибудь другом. Послушай, если ее величество придерживается обычного распорядка, то она ждет твоего визита.

Кайлар поперхнулся от неожиданности. Выходит, Дрейку все известно?

— Вообще-то я хотел спросить… Что вам известно о моих способностях?

— Тебе не кажется, что здесь не самое подходящее место для подобных разговоров? — осторожно спросил граф.

— Для них настало подходящее время, — возразил Кайлар.

Он давно заметил, что за ним наблюдают трое мужчин, шесть женщин и двое слуг. Из всей компании только один слуга, наверняка чей-нибудь шпион, стоял достаточно близко и мог слышать разговор. Однако оставаться на одном месте долгое время нельзя, так как это вызовет подозрения. Кайлар встретился с ним глазами, и, повинуясь взгляду, слуга стремглав понесся за очередной тарелкой с бутербродами.

— Я вижу чужую вину. Не всегда, но часто. Иногда даже могу точно сказать, что именно совершил человек.

Лицо графа покрыла мертвенная бледность.

— Са'каге отдали бы все на свете за такой дар. — Видя, что Кайлар хочет возразить, Дрейк сделал предупреждающий знак рукой. — Впрочем, если учесть, что шантаж и вымогательство тебя не интересуют, я считаю подобный дар тяжким бременем.

Об этом Кайлар до настоящего момента не задумывался.

— Я просто хочу знать, почему меня наделили такой силой и чем ее считать: даром или проклятием? С какой целью Господь сотворил со мной это?

— А, понимаю. Надеешься услышать от меня слова, оправдывающие цареубийство?

Кайлар испепелил взглядом шпиона, который вернулся с блюдом закусок, и тот торопливо повернул в другую сторону, едва не выронив из рук поднос.

— Наличие такого дара указывает на то, что он дан мне не напрасно и имеет определенную цель.

Дрейк снова задумался.

— Все зависит от того, что именно ты видишь: преступление, грех или обычное чувство вины. Если речь идет о преступлении, то все ли их ты видишь, начиная с убийства и кончая незаконной установкой рыночной палатки? А если ты находишься в другой стране, где данное действие не считается незаконным, будет ли человек, пересекший границу, выглядеть иначе? Если же ты видишь грех, то нужно решить, какого определения греха следует придерживаться. Уверен, что между Богом, в которого верю я, и множеством других богов согласия по этому вопросу нет. Даже между Астарой и Ишарой не все так гладко. А если говорить о чувстве вины, то не покажется ли безумец, у которого отсутствует совесть, чище девочки, которая свято верит, что ее родители погибли, потому что она солгала, сказав, что сделала порученную работу?

— Черт возьми! — не сдержался Кайлар. — Ну почему все оказываются умнее меня? Как бы там ни было, я вижу порок и хочу знать, не является ли это знаком, указывающим на то, что я имею право исправить увиденное.

— Стараешься выдать желаемое за действительное? — усмехнулся Дрейк.

— Как это?

— Кайлар, возможно, она и заслуживает смерти, но тебе не следует убивать эту женщину.

— От этого всем станет только лучше.

— Кроме тебя и меня, да еще моей дочери, и Логана с Мамочкой К., и всех остальных, кто тебя любит.

— Что вы имеете в виду?

Слова графа застали его врасплох.

— Логан приговорит тебя к смертной казни, и это причинит нам всем страшную боль.

Кайлар пренебрежительно фыркнул. В таком деле потери неизбежны.

— Благодарю за все, что вы для меня сделали и что пытались сделать. Простите, что доставил столько хлопот.

Граф Дрейк тяжело оперся на трость и, опустив голову, прикрыл глаза.

— Кайлар, за этот год я лишился жены и двух дочерей. Не знаю, сумею ли пережить еще и потерю сына.

Кайлар положил руку графу на плечо и крепко сжал, удивляясь его хрупкости.

— Знайте, вы прошли испытание, — сказал он Дрейку.

— Не понимаю.

Кайлар криво усмехнулся человеку, который единолично установил и уничтожил рабство в Сенарии.

— Что бы я ни видел у других, вину или что другое, у вас ничего похожего нет. Вы абсолютно чисты.

По лицу Дрейка пробежала тень недоверия, сменившись удивлением и выражением, похожим на благоговейный страх.

— Да благословит вас Бог, в которого вы верите. Кто-кто, а вы этого заслуживаете.

48

Дориан и Дженин сидели в саду. Он отпустил слуг, и некоторое время они провели в полном молчании.

— Сожалею, что пришлось убить вюрдмайстера, — вымолвил наконец Дориан.

Дженин посмотрела на него с удивлением.

— Почему? Потому что твой поступок огорчил меня, или он был неправильным?

Дориан на мгновение задумался.

— Я мог бы обойтись с ним не так жестоко.

— Ведь он несет ответственность за этелингов?

— Да, — тихо откликнулся Дориан.

Дженин сорвала красный цветок с шестью лепестками, каждый из которых украшала пурпурная звездочка. В Халидоре цветок звездоцвета символизирует большую удачу, так как цветет раз в семь лет. Увядший звездоцвет, наоборот, предвещает горе. В саду божественного повелителя звездоцветы цветут круглый год, но цветы увядают, не успеет пройти и пары часов после того, как их сорвут. Вир не годится для поддержания жизни.

Дженин долго рассматривала цветок, а потом тихо проговорила:

— Мой господин, тебе, как и всем, известно, что мой отец был глуп, но люди не знают, что мать обладала блестящим умом. Отец ее боялся и старался изолировать, чтобы она не стала более могущественной, чем он сам. И она это допустила, потому что не хотела заниматься политикой, которая представлялась ей слишком тяжелым и грязным делом. Во время своего правления отец наделал множество ошибок, но единственная ошибка матери обошлась нам дороже, так как она отказалась управлять. Из-за этого я потеряла любимого мужчину, который бы стал великим королем. Вот почему я не намерена сворачивать с избранного пути и отказываться управлять людьми только потому, что это занятие кажется грязным. Мой народ заслуживает лучшего. И я не собираюсь лицемерно осуждать твои действия, когда тебе на каждом шагу приходится сталкиваться с опасностями, о которых я не имею представления.

— Я хочу править не ради того, чтобы упиваться властью. Тогда не стоило и начинать. Я хочу исправить все, что сотворили со страной мои предки. Не знаю, сумею ли и можно ли вообще это исправить.

По лицу Дженин пробежала тень, и какое-то время она сидела молча, а Дориан терпеливо ждал. Наконец девушка заговорила:

— Мой господин, я видела, как ты силен и решителен, зачем же ты потом идешь ко мне и извиняешься за поступки, которые должен был совершить? Вероятно, можно было сделать и по-другому, ну и что с того? Опасность возникла неожиданно, и ты мгновенно принял правильное решение. Я хочу, чтобы ты знал: ради меня не нужно проявлять слабость. В своей жизни я повидала достаточно слабых мужчин. Хочу задать тебе вопрос, который волнует весь народ. Ты действительно намерен стать повелителем или просто хочешь выжить и, дождавшись удобного момента, сбежать?

Слова Дженин застигли его врасплох. Дориан никогда не думал, что встретит старость королем-богом. Возможно, потому, что не мог припомнить ни одного предсказания, где представал в роли престарелого короля-бога, или же просто боялся связать навеки свою судьбу с этой страной. Дориан не задумывался даже над тем, что произойдет через год. Живя сегодняшним днем, он пренебрег многими важными вопросами, требующими немедленного решения. Ничего не сделал, чтобы привлечь на свою сторону племена горцев, не выступил против Нефа Дады, не предпринял никаких мер, чтобы обезопасить этелингов. И если Дженин воспринимает его нерешительность как слабость, сколько еще людей разделяет ее мнение?

— Я — повелитель и останусь им до конца жизни, какой бы долгой она ни была.

— Тогда управляй страной так, как подобает повелителю.

— Понимаешь ли ты, о чем говоришь? Здесь, с этим народом?

— Нет, — честно призналась Дженин. — Но я доверяю тебе.

Дориан всегда считал Дженин наивной девочкой и теперь понял, как ошибался. Ей не хватает опыта, и она не искушена во многих вопросах, однако отнюдь не наивна. Приобретение жизненного опыта пока приводит ее в ужас, однако Дженин смотрит на мир без розовых очков и не испытывает сочувствия к убийцам мужа и всей своей семьи. А монарх должен обладать твердостью характера и несгибаемой волей.

Дженин поднялась и собралась уходить, чтобы заняться приготовлениями к свадьбе. Дориан кивнул девушке и, погрузившись в свои мысли, машинально обратился к *таланту* и сплел простое заклинание, чтобы сохранить звездоцвет от увядания. Обычно заклинание

действовало даже на самый капризный цветок, и он оставался свежим в течение месяца. Однако Дориан совсем упустил из виду, какое огромное количество вира использовалось при выращивании звездоцветов. Вир и *талант,* соприкоснувшись, вступили в противоборство, а цветок почернел и безжизненно повис в руках Дженин.

Дориан тихо выругался.

— Прости, моя госпожа. Ты дала мне много пищи для размышлений, и должен отметить, ты мудра не по годам. Спасибо за все.

Он сорвал еще один звездоцвет и обернул виром, чтобы сохранить его свежесть для Дженин. Цветок проживет несколько дней, а потом Дориан сорвет еще один.

Королевские гвардейцы молча пропустили Кайлара. Илена Дрейк стояла у двери, сложив на груди руки.

— Прости, — пробормотал Кайлар.

— Как ты можешь так поступать с Эленой? — возмущенно спросила она.

Кайлар ничего не ответил; как в тумане, он прошел мимо девушки и стал подниматься по лестнице, ведущей в покои королевы. Из ладони вырос ка'кари, превратившийся в кинжал, но в следующее мгновение втянулся обратно в руку. Неужели у Ви никогда не возникало трудностей, связанных с ремеслом? Оказывается, все просто. Немного флирта, пара непристойных намеков, и жертва добровольно уединяется, обеспечивает тебе свободный вход в свои покои и хранит этот визит в тайне. Обычно у Кайлара на подготовку убийств уходило много времени, а сейчас он идет в распахнутую настежь дверь, и все происходящее кажется обманом. Стражники даже не забрали у него кинжал.

Прислонившись к двери, Кайлар перевел дыхание. Свидетелем скольких смертей ему довелось стать в этом месте! Покои Тэры Грэзин раньше принадлежали Гэроту Урсуулу, и всего несколько недель назад здесь стояли статуи, сделанные из тел убитых девушек. Интересно, куда они делись? Если когда-нибудь удастся найти Трудану Джадвин, он сделает статую из Хью Висельника, и мерзавец будет выглядеть приличнее, чем в жизни.

Господи, какие кровожадные мысли бродят в голове! Кайлар постучал в дверь.

Послышалось шарканье босых ног по мраморному полу, и Тэра Грэзин открыла дверь. Кайлар с удивлением отметил, что королева полностью одета. Тэра подошла ближе и нежно, с наслаждением, поцеловала его в губы, а потом слегка отступила назад, не прерывая поцелуя. Кайлар последовал за ней, предоставляя королеве ведущую роль в любовном диалоге. Закрыв дверь, Тэра обняла гостя.

— Надо спешить, — пробормотала она между поцелуями. — Я ведь не могу пропустить торжество, устроенное в мою честь. Если твой язык хотя бы вполовину так искусен, как ты намекал, я очень быстро отвечу тебе взаимностью. Не сомневайся.

Королева озорно захихикала.

Кайлар сам удивился, как все оказалось легко и просто. Тэра выше Элены, и ее губы не такие полные и чувственные, но, лаская королеву, он испытывал те же чувства. Кайлар пробежал пальцами по ее шее и, изображая нарастающую страсть, стал гладить спину, спускаясь все ниже и ниже, до самой ложбинки, где начинаются ягодицы. К своему удивлению, он понял, что Тэра успела снять нижнее белье.

— Как я обычно говорю: сделаем все быстро и чисто, — снова захихикала королева. — Потом у нас будет время посвятить этому занятию больше времени, не опасаясь испачкаться.

«Вот мерзкая сука! Сама не знаешь, о чем говоришь. Да и я тоже хорош! Почему не положу конец этому мерзкому фарсу? Давай, Кайлар, делай свою работу!»

Тэра толкнула Кайлара на кровать, и, как только он закрыл глаза, перед ним возник образ Ви. Девушка стояла рядом с кроватью и выглядела рассерженной. Тэра навалилась сверху всем телом и спустила платье с плеч.

— Поцелуй меня, — приказала королева.

Ви по-прежнему стояла у кровати, испепеляя Кайлара взглядом, и он ясно чувствовал переполняющий ее гнев. Кайлар понимал, что перед ним всего лишь видение, но от этого

оно не становилось менее ярким.

Тэра что-то недовольно забормотала и спустила лиф платья еще ниже, прижимая обнаженную грудь к лицу Кайлара. Вдруг он почувствовал, как к горлу подступила тошнота, а лицо покрылось капельками пота.

В этот момент дверь распахнулась, и раздался дикий, нечеловеческий вопль. Кайлар заморгал, стараясь рассеять мелькающие перед глазами черные пятна. Тэра не успела сообразить, что происходит, кто-то врезался в нее с разбега, сбив Кайлара на пол.

Кайлар быстро вскочил на ноги, черная пелена перед глазами исчезла, и он увидел Люка Грэзина, который сидел верхом на сестре и бил ее кулаками, выкрикивая грязные ругательства. Наконец, обессилев, Люк сполз с королевы.

— Ты убила Натэссу! — крикнул он в лицо сестре. — Ты убила нашу сестру!

— Нет, клянусь, — залепетала Тэра.

Из рассеченного лба королевы струилась кровь, а губы распухли от ударов.

Последнее пятно мрака, которое Кайлар увидел в глазах Тэры, встало на место, и все прояснилось.

— Она отправила гонца к Гэроту Урсуулу, — сказал Кайлар. — В послании говорилось, что Натэсса едет в Гавермер в сопровождении всего двух стражников. Тэра об этом позаботилась.

Тэра открыла от изумления рот, не понимая, что происходит, а Люк не отрывал глаз от лица сестры, на котором Кайлар только что прочел страшную вину.

— Я пошла на это ради нас. Натэсса хотела нас выдать! Ради всех святых, Кайлар, помоги мне! — умоляла Тэра, совершая тем самым роковую ошибку.

Тэра Грэзин еще могла остановить Люка, если бы у нее хватило ума не напомнить ему о присутствии другого мужчины, с которым она намеревалась заняться любовью. Издав звериный рев, Люк снова набросился на сестру и ударил кинжалом в живот. Тэра пронзительно вскрикнула, и юноша попятился назад, но тут же снова пошел в наступление и, видя, что сестра хочет встать, полоснул ее по руке. Королева бросилась к стене, где висел шнур от колокольчика, Люк догнал ее и, схватив за платье, ударил кинжалом в спину, а потом уронил оружие на пол.

Тэра наконец добралась до шнура и что есть силы стала его дергать. Подобрав с пола окровавленный кинжал, Люк снова двинулся на королеву. По перекошенному от гнева и горя лицу катились слезы. Она поднялась и снова упала на пол, а Люк, задыхаясь от рыданий, все посылал проклятия на голову сестры. Кайлару хотелось знать, видит ли Люк то же, что и он сам. Лишенная власти Тэра Грэзин, утратившая всю надменность, представляла собой жалкое зрелище. Сжавшись в комок, она забилась в угол.

— Люк, пожалуйста. Я же тебя люблю. Прости меня, прости…

Наверное, Люк и правда увидел то же, что и Кайлар. Он вдруг застыл на месте, не выпуская из рук кинжала, но Кайлар понял, что больше он не нанесет ни одного удара.

Кайлар видел, что раны Тэры не смертельные, особенно если учесть, что во дворце живет колдунья, владеющая зеленой магией. Тэра скоро выздоровеет и почувствует себя в неоплатном долгу перед Часовней. Потом она прикажет казнить брата и воспользуется сочувствием людей, чтобы обрушиться на своих врагов, как реальных, так и воображаемых. Бедный Люк Грэзин, ведь этому придурку нет и восемнадцати лет!

Кайлар ударил юношу по лицу и вырвал у него из рук кинжал. Люк рухнул на пол как подкошенный.

— А теперь смотри на меня, — приказал Кайлар.

В любую минуту здесь могут появиться королевские гвардейцы, а до их прихода Кайлару никто не помешает перерезать Тэре горло, ударить Люка по голове, чтобы он потерял сознание, а потом выпрыгнуть в окно и присоединиться к гостям. Люку отрубят голову, обвинив в государственной измене и убийстве королевы, а Логан станет королем. Наверняка тот, кто сообщил Люку о злодейском убийстве младшей сестры, рассчитывает именно на такой исход.

Люк встретился глазами с Кайларом, и тот смог рассмотреть душу юноши, после чего громко выругался.

— Послушай, Люк Грэзин, ты не убийца. Ты шел сюда, не прячась, мимо десятков свидетелей.

— Помоги мне, — взмолилась Тэра.

Кайлар снова посмотрел Люку в глаза и увидел на юноше тяжелые цепи, скованные другими людьми. Конечно, никому в голову не пришло бы назвать его святым или даже жертвой, но и смерти он не заслуживает.

— Скажи честно, — обратился к нему Кайлар, — если бы тебе представилась возможность сесть на трон, ты бы ею воспользовался?

— Нет, черт возьми! — воскликнул Люк, и Кайлар видел, что юноша говорит правду.

— Тогда я кое-что для тебя сделаю. Во-первых, знай, что ты никого не убил, и сестра умрет не от нанесенных тобой ран. Во-вторых, послушай добрый совет: найди лучшее применение своей жизни и попытайся стать путным человеком. И в-третьих, я избавлю тебя от зрелища, которое преследовало бы тебя до конца дней.

— Что? — не понял Люк.

Кайлар ударил юношу по голове, и тот упал на пол как подкошенный, а Кайлар взял его окровавленные руки в свои. Потом он в двух местах разрезал надетую на Люке тунику и ударил брата Тэры кинжалом в плечо, позаботившись, чтобы рана была неглубокой.

— Что ты делаешь?! — воскликнула пораженная ужасом королева.

Кайлар надел на лицо маску судьи.

— Я пришел за тобой, Тэра. — Ка'кари снова проник в его кожу.

Королева в ужасе закричала, а он схватил Тэру за волосы и поднял на ноги. Потом вонзил кинжал Тэре в плечо, а свободную правую руку прижал к кровоточащей ране в животе. Размазав кровь по лицу, Кайлар вытащил кинжал из плеча Тэры. Он стоял за спиной королевы, используя ее в качестве щита, который заслонит от ворвавшихся в комнату гвардейцев. Королева молила о пощаде и сквозь рыдания изрыгала проклятия, но Кайлар ее не слушал. Он вдохнул воздух всей грудью и почувствовал запах ее волос. От них исходил аромат юности и обещания наслаждений.

В коридоре послышались тяжелые шаги и лязг железа, а потом, бряцая оружием, в комнату ворвалась дюжина королевских гвардейцев. Вслед за ними появились Логан Джайр с герцогом Уэссеросом и их гвардейцы. Кайлар и Тэра оказались в кольце вооруженных людей.

— Брось кинжал! — крикнул кто-то из гвардейцев. — Немедленно брось кинжал!

На Кайлара было нацелено несколько десятков мечей.

— Помогите! — молила королева.

— Кайлар! Заклинаю тебя всеми богами, не делай этого! — воскликнул Логан.

Прекрасно! Отличная работа. Десятки свидетелей слышали, как Логан призывает Кайлара образумиться. Теперь нужно довести дело до конца. Кайлар придал лицу выражение отчаянной решимости.

— Люк хотел меня остановить и не смог! — выкрикнул он с видом одержимого. — И вам это не удастся!

Кайлар занес руку с кинжалом и одним движением перерезал Тэре Грэзин горло. По комнате пронесся вопль ужаса.

49

— Матушка, как идут приготовления к свадьбе? — спросила Кайде, входя в кабинет матери.

Дона Вариямо оторвала глаза от бумаг, разложенных на письменном столе. Она обожала списки и реестры.

— С нашей стороны, все находится под контролем. Все извещены о порядке

проведения церемонии и о местах, которые они займут в соответствии с положением. Меня только тревожит мать Ошоби. У нее мозги, как у птички колибри, с той разницей, что колибри может на некоторое время неподвижно зависнуть в воздухе. Полагаю, та часть церемонии, за которую отвечает семейство Такеда, обернется полной катастрофой. — Дона сняла с носа пенсне. — Я слышала, в городе объявился сумасшедший, который утверждает, что он один из Тофьюсинов.

Она сказала «один из Тофьюсинов», как будто их несколько.

— Он ничего собой не представляет. Какой-то чудак с белыми волосами, — ответила Кайде, небрежно махнув рукой. — Матушка, мне нужен твой совет. Чести нашей семьи нанесено оскорбление, и люди, возможно, станут обсуждать нелицеприятные вещи во время свадебной церемонии. Вот я и решила покончить с этим прямо сейчас. Одна из кузин наставила рога супругу, а сейчас клянется, что это случилось давно и связь была короткой. Однако последствия преступной связи дают о себе знать и по сей день. Как мне поступить?

Дона Вариямо удивленно подняла брови, всем своим видом давая понять, что ответ очевиден и со стороны Кайде задавать подобные вопросы — непростительная глупость.

— Разврат нельзя терпеть, Кайде. Распутная женщина является бесчестьем для всех нас.

— Прекрасно. Я прослежу, чтобы были приняты необходимые меры.

— Кто это?

— Матушка, — тихо продолжила Кайде, — хочу задать тебе вопрос, и, если ты солжешь, последствия окажутся куда страшнее, чем можно себе представить.

— Кайде! Разве так подобает разговаривать с матерью?

— Убереги высокопарные речи для другого случая.

— Твой тон столь неуважителен, что я…

— Молчать! — одернула ее Кайде.

Дона Вариямо была так потрясена поведением дочери, что не сумела немедленно прибегнуть к своей излюбленной тактике.

— Ответь, ты перехватывала письма, которые мне писал Солон Тофьюсин? — спросила Кайде.

Дона Вариямо часто заморгала и с видом оскорбленной добродетели ответила:

— Разумеется, нет.

— И сколько времени это продолжалось? — настаивала Кайде.

— Не помню.

— Сколько времени? — повторила вопрос императрица.

Мать императрицы долго молчала, а потом тихо ответила:

— Много лет. Письма приходили каждый месяц, а иногда и чаще.

— Каждую неделю?

— Кажется.

— И куда ты их дела, матушка?

— Этот Солон еще хуже своего братца.

— Не смей напоминать мне об этом чудовище, матушка! Где письма?

— Да там сплошная ложь. Я их все сожгла.

— Когда он перестал их посылать? — продолжила допрос Кайде.

На мгновение лицо Доны приобрело смущенное выражение.

— Не помню точно. Лет десять назад, — слукавила она.

— Он продолжал писать? Не смей мне лгать! Слышишь, не смей!

— Сейчас они приходят всего несколько раз в год. Как я понимаю, это какой-то самозванец, который снова хочет разбить тебе сердце. Послушай меня, Кэ, не позволяй этому чужестранцу разрушить все, что строилось с таким трудом. Даже если он и в самом деле Солон, ты его совсем не знаешь. Если отложишь свадьбу, тебе конец. Королева может выйти замуж только во время сбора урожая, а потом по морю сюда невозможно добраться, знатные дворяне с других островов не смогут присутствовать на церемонии. А тебе это

необходимо. Нельзя еще раз нанести обиду семейству Такеда.

С момента вступления на престол клан Такеда стал для Кайде бельмом на глазу. Много лет они стремились к этому браку, и если, будучи юной девушкой, она поклялась, что никогда не станет женой Ошоби, то теперь поняла, что иного выхода нет.

— Матушка, до конца ли ты была искренней со мной? Нет ли еще какой-нибудь тайны, в которой ты хочешь исповедоваться?

— Конечно же нет.

— Подумай как следует. — Кайде подняла вверх палец. — Ты не такая искусная лгунья, какой себя считаешь.

Мать императрицы немного помедлила с ответом, придав лицу горестное выражение человека, незаслуженно обиженного подозрениями.

— Мне нечего сказать.

Кайде ошиблась, ее матушка была заправской лгуньей.

— Пригласи сюда моего личного секретаря и управляющего, — велела она стражнику.

— Кэ, что ты творишь? — возмутилась Дона.

Через пару минут в комнату зашли секретарь и управляющий, и Кайде попросила их подождать за дверью.

— Матушка, ты и есть та женщина, которую сама назвала распутницей. Ты изменила отцу и запятнала позором всех нас.

— Нет! Я никогда…

— Неужели ты надеялась выйти сухой из воды? Ведь ты прелюбодействовала с императором, вокруг которого круглые сутки полно телохранителей и рабов. А ты сама, дама из знатной семьи, с кучей собственных телохранителей и рабов? Неужели ты думала, что все слепы?

В первый раз за всю жизнь Кайде увидела в глазах матери страх.

— Кэ, все это было несерьезно.

— Пока ты не забеременела, не зная, кто отец ребенка.

Дона Вариямо стояла как громом пораженная, не веря, что все ее тайны принесли гнилые плоды в один и тот же день. Секретарь, управляющий и стражники столпились у дверей, разинув рты, не смея даже дышать.

— Матушка, много лет я не понимала, почему такая честолюбивая женщина, как ты, не хочет, чтобы я вышла замуж за принца Солона. А оказывается, все просто. Ты боялась, что он мой брат и из-за твоей распутности я, сама того не ведая, вступлю в кровосмесительный брак. Что ж, чувство чести у тебя есть, хотя и извращенное.

По щекам Доны градом катились слезы.

— Кайде, я была так молода, а он клялся, что любит меня.

— Ты поверила зеленым магам, когда они осмотрели меня? Я тогда не поняла, зачем это понадобилось. Ведь мне было всего девять лет, а *талант* не проявляется в таком раннем возрасте. Они сказали, что я — Вариямо. Разве ты не почувствовала облегчение?

— Солон вернулся домой, выучившись в девятнадцать лет на настоящего синего мага. Он попросил меня о тайной встрече. Вот тогда-то я его и раскусила. Он старался вести себя обходительно, клялся, что никогда тебя не обидит, а мне, Кайде, в словах Солона слышалась угроза. А если бы он тобой пресытился? Что тогда? Или если бы я имела несчастье его рассердить? Он мог уничтожить меня одним своим словом. Пришлось бы стать его рабыней до конца дней. А если бы ты вздумала ему возражать? Он мог бы солгать, заявив, что маги признали тебя незаконнорожденной. Поскольку Солон был сам сильным магом, все поверили бы ему, а мы бы потеряли все. У нас оставался единственный выход — отослать его подальше от нашей семьи. Мне вовсе не хотелось причинить Солону страдания, я даже предложила ему продолжить учебу в Шо'сенди, а это высокая честь.

Несмотря на гнев, лицо Кайде разгладилось. Решение принято, правда восторжествовала, и теперь можно позволить себе погоревать.

— Значит, ты лишила меня возможности стать счастливой только потому, что

заподозрила в непорядочности человека, которого я люблю? Решила, что он не сдержит слова?

— Я защищала всех нас. Поверь, люди не такие хорошие, какими притворяются, — оправдывалась Дона.

— В отношении тебя это сущая правда, — согласилась Кайде. — Секретарь Тайябуса, — обратилась она к чиновнику, — запишите, что с этого момента королева-мать лишается всех привилегий и титулов и изгоняется со всех островов и территорий, принадлежащих Сету. С завтрашнего дня приказ вступает в силу, и, если ее увидят в пределах Сетской империи, наказанием за ослушание станет смерть. Управляющий Иньюи, на рассвете сопроводите ее в гавань и оплатите проезд до любого порта, который она назовет. Вы дадите ей десять тысяч яссов и проконтролируете, чтобы она покинула страну. Бывшая королева-мать может взять с собой одного из слуг, если найдется доброволец, желающий ее сопровождать.

Все присутствующие не могли оправиться от потрясения.

— Матушка, — снова обратилась Кайде к матери, — если бы ты солгала впервые, я бы не пошла на крайние меры. Эта ложь станет для тебя последней. Стража, приказываю не спускать с нее глаз. Два человека должны постоянно находиться рядом с ней. Вряд ли бывшая королева-мать покусится на свою жизнь, но от распутницы и лгуньи можно ожидать чего угодно, в том числе и кражи.

— Ты на это не пойдешь, — задыхаясь, прошептала Дона. Казалось, она вот-вот лишится чувств.

— Уже пошла, — возразила Кайде.

— Ведь я — твоя мать.

Кайде шагнула к матери, повернула ее к себе лицом и поцеловала в лоб. Потом императрица взяла в руку шесть платиновых цепочек, соединявших щеку с ухом, и изо всей силы рванула на себя. Дона пронзительно вскрикнула. Из разорванного уха и щеки хлынула кровь.

— Отныне ты не являешься королевой-матерью, — объявила Кайде, — и не зовешься Доной Вариямо. С этого момента имя тебе — Дона Изгнанница. Стража!

Капитан гвардейцев и его помощник взяли изгнанницу под руки, намереваясь вывести из комнаты.

— Кэ! Кайде! Умоляю!

— Капитан, — обратилась к начальнику стражи императрица, когда гвардейцы подтащили пленницу к двери, — о том, что здесь произошло…

Капитан окинул взглядом своих подчиненных.

— Ваше величество может положиться на моих людей.

Секретарь Тайябуса многозначительно откашлялся:

— Я переписал имена всех, кто присутствует в этой комнате. Если кто-нибудь из них распустит язык, его сразу же найдут и накажут соответствующим образом.

Тайябуса смерил тяжелым взглядом замерших от страха слуг.

— Наоборот, — возразила Кайде, — наказывать никого не станут. Пусть рассказывают. Моя покойная мать опозорила семью, и я не намерена ее щадить, замалчивая преступления, которые она совершила. Более того, мой нареченный и его семейство заслуживают права узнать всю правду до того, как мы сочетаемся браком.

Если семейство Такеда станет настаивать на браке, зная правду, им будет труднее справиться с Кайде. Гораздо хуже, если они «случайно» узнают о постыдной тайне после свадьбы. Кроме этого, Такеда вряд ли могут серьезно навредить. Несмотря на популярность, которой пользуется Ошоби у городской стражи и гвардейцев, государственный переворот маловероятен. Скорее всего, они отложат свадьбу до весны, и Кайде выиграет время, а значит, получит дополнительные возможности. Лично для нее ситуация складывается хорошо, а вот для Сета — очень плохо. Отложив свадьбу, Такеда удалятся на свой родовой остров, а это означает, что весной они вернутся, чтобы начать войну.

Проснувшись с восходом солнца, Ви уселась на кровати и спустила ноги вниз. После ухода сестры Ариэль она почти не спала, а потом приснился ужасный сон про Кайлара, где проливались реки крови. Возможно, это какое-то знамение. Сегодня утром она встречается с Эленой. Ви прикоснулась к тазику для умывания и громко сказала: «Холодно!» По корочке льда стали паутиной расползаться трещины, и девушка, зачерпнув рукой воды, ополоснула лицо. От холода перехватило дыхание. Закончив утренний туалет, она натянула на себя мешковатое платье послушницы и завязала волосы белой лентой, которую дала сестра Ариэль.

За дверью послышались знакомые шаркающие шаги. Сестра Ариэль постучалась в дверь и, не дожидаясь разрешения, вошла в комнату.

— Ты уже встала! — удивилась она. — Пойдешь к Элене?

— Она еще наверху, где эфес меча серафима? — спросила Ви.

— Ули говорит, она еще молится. Послушай, Ви, — сестра Ариэль на мгновение замолчала, — теперь ты одна из нас, и серафим заплатит все твои долги. Если сочтешь нужным, можешь предлагать Элене все, что угодно.

— Думаю, она не преследует корыстных целей, — возразила Ви.

— Вполне разделяю твое мнение. — Сестра Ариэль снова замолчала. — Знаешь, Ви, я думала, тебя придется тащить к Элене силой. Прежняя Ви никогда бы не решилась на такую встречу. А ты — молодец.

Сестра Ариэль рассчитала точно. Теперь все пути к отступлению отрезаны.

Ви добралась до центральной лестницы и стала подниматься наверх. Не успела она пройти и нескольких этажей, как камни стали слабо пульсировать. Так всегда происходит на рассвете. Она остановилась на лестничной площадке, наблюдая, как едва заметные струйки пыли соединяются в ручейки. Они пролетели мимо ног и исчезли в открывшемся в стене отверстии, которое потом сразу же закрылось. Так здесь каждый день убирают пыль. Первые лучи солнца приводят в движение всю скопившуюся грязь и удаляют ее из статуи серафима. Снаружи серафим кажется окруженным ореолом, так как магия отталкивает грязь, дождь и снег. Мусор сбрасывают в озеро, где магические силы его рассеивают, и около серафима самая чистая вода во всем озере Вестаччи.

Тем не менее на плечи послушниц возлагалось множество обязанностей. Магию отключали во всех помещениях, где она могла стать помехой для опытов, которые проводили сестры, или где находились особо чувствительные артефакты. Магия не убирала клочки пергамента, одежду и другие предметы, которые бросают на пол. И все же без помощи магии послушницам пришлось бы заниматься уборкой день и ночь, но содержать Часовню в чистоте все равно бы не удалось. Слишком уж велико это удивительное сооружение.

Ви добралась до верхнего этажа, где находились комнаты сестер, имеющих высшую степень. В Часовне утвердилась неофициальная иерархия, кому и на каком этаже полагается жить и какие сестры имеют право на комнату с окнами на южную сторону, но Ви в ней не разбиралась. К счастью, в вестибюле в этот час никого не оказалось, и девушка направилась в юго-западную часть башни, путь в которую указывали немерцающие светильники. Женщина-серафим держала меч в левой руке острием вниз, а его эфес находился выше талии статуи. Головку гигантского эфеса украшал крупный драгоценный камень круглой формы. Комната представляла собой сферу, откуда сестры могли наблюдать восход и закат солнца. Стены в комнате всегда были прозрачными, и она служила убежищем для тех, кому хотелось предаться размышлениям или, как в случае с Эленой, помолиться.

Набрав в грудь воздуха, Ви решительно открыла дверь и увидела Элену. Девушка смотрела на восток, где находились горы, и от этого зрелища у Ви захватило дух. Никогда в жизни она не поднималась так высоко. Плоскодонные ялики на озере казались не больше пальца на руке. Горы светились в лучах восходящего солнца, которое наполовину вышло из-за горизонта. Ви стала рассматривать лицо Элены, на которое падали мягкие солнечные

лучи, и от этого создавалось впечатление, что оно тоже светится. Темно-карие глаза устремлены вдаль, шрамы стали менее заметными. Не отрывая глаз от горизонта, Элена сделала жест, приглашая Ви подойти ближе.

Неуверенной походкой Ви подошла к сопернице и стала рядом. Обе девушки любовались восходом солнца.

Ви не осмеливалась встретиться глазами с Эленой, но молчание слишком затянулось.

— Прости, что прерываю твои молитвы. — Ви вытащила нож и, положив его на раскрытые ладони, протянула Элене. — Я причинила тебе и Кайлару большое зло и дала обещание его искупить. Если хочешь… Я заслуживаю наказания.

Элена взяла нож и, немного помолчав, сказала:

— Каждое утро Он являет новую милость.

Ви беспомощно заморгала. По щеке Элены скатилась одинокая слезинка.

— Кто? О ком ты говоришь?

— Господь Единый. Если Он тебя прощает, как я могу затаить на сердце злобу?

— Что? — не поняла Ви.

Элена взяла Ви за руку и крепко сжала в своей, и в этом жесте не было намерения мстить сопернице. Лицо Элены выглядело спокойным и умиротворенным, и постепенно ее спокойствие передалось Ви, проливаясь целительным бальзамом на обнаженные нервы.

Так они стояли плечом к плечу, глядя на новорожденное солнце. Потом Элена повернулась лицом к Ви, и их глаза встретились. Ви больше не испытывала страха.

— Я верю, что у Господа есть для меня особое предназначение, пока не знаю, в чем оно заключается, но уверена — не в том, чтобы лишить тебя жизни. — Элена отложила нож в сторону. — Мы вместе попали в большую беду. Будем и дальше держаться вместе, идет?

50

Вюрдмайстер Неф Дада расположился под высоким дубом, у самого входа в Кворигское ущелье. Здесь он должен встретиться со своей шпионкой. Неф Дада не привел с собой ни одного из двухсот вюрдмайстеров, которых пригласил на собрание. Если шпионку поймают, пусть на допросе в Часовне ей нечего будет сказать. Разумеется, Тенсер Урсуул, пребывающий в бессознательном состоянии, и Хали прибыли вместе с ним, но тайно.

Эрис Бюэль появилась, когда на небе взошла луна. Ее не назовешь красавицей. Близко посаженные глаза, длинный нос и вялый подбородок делали ее похожей на крысу, которую неумелый гример хотел приукрасить, да переборщил с косметикой. А еще у нее было множество родимых пятен. Гэрот Урсуул постарался распустить слух, что его отпрыски женского пола нужны лишь для того, чтобы этелинги имели возможность практиковаться в убийстве людей. Отчасти это было правдой. С помощью девочек выявляли этелингов, у которых не поднималась рука убить собственную сестру, и от них немедленно избавлялись. Однако девочек, рожденных от колдуний, в теле которых живет вир, отсылали сразу после рождения.

Мало кто из них представляет такую же ценность, как Эрис Бюэль. Много лет назад Гэрот Урсуул узнал, что Эрис возбудила подозрения спикера Часовни, но вместо того чтобы избавиться от девочки, он отправил ее в Алитэру и выдал замуж за дворянина. Потом Эрис оказалась на гребне волны возмущения, вспыхнувшего среди Рабынь, в прошлом женщин-магов, оставивших Часовню, чтобы выйти замуж. Сейчас она возглавляет это движение, которое требует от Часовни признания. Эрис, вероятно, даже может свергнуть нынешнего спикера.

— Приветствую тебя, Эрис. — Неф наклонил голову.

— И я приветствую тебя, вюрдмайстер.

Эрис всегда была высокого мнения о своей персоне, но сейчас она чувствовала близость Хали, а это хоть кого выведет из равновесия.

— У меня есть для тебя дело, — обратился к ней Неф. — Одна из моих шпионок

сообщила, что женщина по имени Виридиана Совари с помощью обручальных серег, которые накладывают заклятие на принуждение, привязала к себе мужчину. Так как связь неразрывная, мы предполагаем, что он скоро явится в Часовню.

— Я знаю эту девушку, в Часовне только о ней и говорят, — сказала Эрис.

— Она меня не интересует. Буду с тобой откровенен. Этот мужчина, Кайлар, возможно, владеет Кьюрохом. Мы наняли очень искусного вора, чтобы он похитил меч, и полностью ему доверяем. Однако Кайлар очень умен и изобретателен и может выследить нашего человека. Итак, как только вор похитит меч, он известит тебя условленным сигналом, подняв два черных флага на рыбачьей лодке, которую видно из твоей комнаты в Часовне. Три раза в день проверяй, не появились ли флаги, а когда увидишь их, заберешь меч и немедленно покинешь город. Похититель не должен видеть твоего лица или что-либо знать о тебе. Ты тоже о нем ничего не знаешь. Передашь ему плату за выполненную работу. Сумма ему известна.

Неф вручил Эрис кошель с золотыми алитэрскими монетами, и шпионка удивилась, какой он тяжелый.

Разумеется, Неф солгал. Он полагал, что Кайлар действительно короткое время владел мечом, но он сам видел, как изменился лес Эзры в тот день, когда вюрдмайстер Борсини направился туда навстречу смерти, в надежде отобрать у Кайлара Кьюрох. Меч, дающий силу, исчез, так как все, что попадает в лес Эзры, остается там навеки.

Нанятый Нефом вор охотится за обычным мечом. И все же есть одно различие. Нефу сообщили, что меч Кайлара имеет клинок черного цвета. Значит, Кайлар прячет пожирателя магии ка'кари в своем мече. Неф был в этом уверен. Если он ошибается, то, вполне вероятно, к весне погибнет. То, что поначалу виделось легким, на деле оказалось до невозможности трудным.

Вместе с двумястами вюрдмайстерами Неф обрушился на заклятия, которые много столетий назад наложил на Черный Курган Джорсин Алкестес. Даже общими усилиями им удалось разрушить только первое из заклятий, и теперь на территории Мертвой земли, окружающей купол Черного Кургана, можно пользоваться виром. До этого любой, кому пришло в голову призвать там вир, умер бы на месте. Конечно, до Нефа это никому не удавалось, но такая победа сама по себе ничего не дает. Миллионы кралов вокруг Черного Кургана не могут покинуть заколдованное место. Никто не в состоянии их поднять. Никому не по силам поднять титана, которого Неф нашел под огромным куполом самого Черного Кургана. Владея Кьюрохом, Джорсин Алкестес один обладал несоизмеримо большей силой, чем Неф вместе с двумя сотнями вюрдмайстеров.

Нефу удалось кое-чего добиться, но эти удачи кажутся сейчас ничтожными. Он взбудоражил дикие племена во Фризе и научил местных шаманов поднимать из праха кралов. Однако он намеренно раскрыл не все тайны, на случай если вдруг придется столкнуться с дикарями самому. Неф распустил среди горцев слухи о слабости нынешнего короля-бога.

Этого достаточно, чтобы рассердить и отвлечь новоиспеченного повелителя Халидора, но явно мало для получения желанной должности. Урсуулы в течение многих лет утверждают, что только истинный Урсуул может отобрать у майстера вир. Подобное заявление означает, что майстеры и вюрдмайстеры не представляют угрозы для настоящего Урсуула, и любая попытка сразиться с ним обречена на неудачу. Неф не сомневался, что это ложь. Он сделал ставку на Хали и свято верил, что, завладев Хали, он без труда узнает, как отобрать вир у любого, кто им владеет. Тем не менее до сих пор эта цель оставалась недосягаемой.

Если в ближайшее время не придумать, как выпутаться из создавшейся ситуации, в любой день может объявиться кто-нибудь из этелингов и отобрать вир у самого Нефа.

Выходы есть, но вероятность их осуществления мала. Конечно, если Неф вернет Кьюрох, то сможет рассеять заклятия Джорсина и разгромит любого, кто пойдет против него, даже без помощи кралов, пришельцев или Хали. Если удастся похитить черный

ка'кари, можно уничтожить магию Джорсина и поднять кралов, которые сокрушат любого врага, рискнувшего поднять на Нефа руку. С помощью черного ка'кари можно войти в лес Эзры и похитить Кьюрох и все остальное, что там имеется. Последняя надежда — поднять саму Хали. Таково желание Хали с тех пор, как ей начали поклоняться. Об этом говорится во всех халидорских молитвах: Хали, обрети во мне свое жилище! Если Неф найдет для Хали тело, она подарит ему что угодно. Неф готовил магические заклинания и подыскивал подходящее тело для Хали, на случай если придется прибегнуть к этому крайнему средству. Разумеется, Хали научит его, как отнять вир у короля-бога, но, с другой стороны, если у нее будет тело и она сможет дать Нефу все, чего он хочет, разве у нее не хватит силы все отнять?

Неф устремил на Эрис испытующий взгляд. С этими самонадеянными и спесивыми детьми любую ложь нужно сделать как можно более правдоподобной.

— Эрис, если это и правда окажется Кьюрох, я дам тебе все, что попросишь. Но есть две вещи, которые тебе следует знать. Во-первых, у тебя нет силы, чтобы им воспользоваться. Если попытаешься, меч убьет тебя на месте. Во-вторых, если ослушаешься, убью тебя я. — Вир, извиваясь, двигался по рукам, пока Неф сплетал простое заклинание, чтобы наложить его на Эрис. — Я знаю, ты без труда избавишься от заклинания, поэтому одна из моих шпионок в Часовне будет за тобой следить, и, если ты его разрушишь, у нее есть приказ тебя убить. Не тревожься, заклинание слабенькое, и его можно обнаружить с помощью магии только при ближайшем рассмотрении.

Эрис побледнела. Если кто-нибудь из сестер обнаружит заклинание, ей грозит смерть. Однако Неф признался, что у него есть еще одна шпионка, которая будет регулярно проверять заклинание.

— Велика ли вероятность, что Кайлар и правда владеет Кьюрохом? — спросила она.

— Она не слишком велика. Но награда стоит того, чтобы потерять тебя без сожалений.

Лицо Эрис приобрело зеленоватый оттенок.

— Я хочу получить Алитэру, — с вызовом заявила она. — Такова моя цена. Если это действительно Кьюрох, ты завоюешь всю Мидсайру, а я хочу стать королевой Алитэры. У меня есть долги, которые нужно оплатить.

Неф сделал вид, что обдумывает требование шпионки.

— Договорились, — наконец ответил он.

51

Кайлар открыл глаза в полной темноте. Все тело болело, и он сразу же сообразил, где находится. Ничто не может сравниться с омерзительным смрадом помоев и тухлых яиц, которым пропиталась тюрьма, называемая Утробой. Его поместили в камеру для знати. Однако Кайлар нисколько бы не удивился, окажись он в Дыре или вообще убитым. В душе он порадовался, что остался в живых. Для репутации Логана лучше, если состоится суд.

— Я был вдвое старше тебя, когда убил свою первую королеву, — раздался рядом знакомый голос. — Разумеется, я не наделал столько шума.

— Дарзо?

Кайлар сел, но мужчина, присевший на корточки, был ему не знаком. А вот его смех Кайлар хорошо помнил.

— Я теперь хожу в образе Дэви. — Голос заговорил с характерным для иммурцев тоновым ударением. — Имею честь называться Девирамином ко Брамазиваказари. Меня величали Призраком Степей или Дыханием Тайфуна, — сказал Дарзо уже своим голосом.

— Дарзо? Ты не видение?

— Называй это усовершенствованной магией тела. Я собирался тебя этому обучить, но твой *талант* развивался чертовски медленно. У нас всего несколько минут. Все часовые здесь исключительно честные, как ни трудно в это поверить. А суд над тобой идет полным ходом.

— Уже?

— Твой приятель король высоко ценит твои способности. Его оценка близка к действительности. Тебя напоили сильнодействующими снадобьями, и ты пролежал без сознания неделю.

— Значит, Логан теперь король?

— Да, и у него нет соперников. Они вместе с герцогом Уэссеросом председательствуют на суде. Жаль, тебя там нет, а то бы подивился показаниям, которые Гвиневера заставила дать всех свидетелей.

— Мамочка К. на суде? — изумился Кайлар.

Он все еще не пришел в себя и не мог сообразить, что к чему.

— Нет-нет, хотя она постаралась, чтобы все свидетели как можно чаще упоминали неблаговидные поступки Тэры. Почтенные судьи стараются пресечь слухи, но Мамочка К. уже одержала победу. Никому и в голову не придет, что ты убил святую. Логану это на руку, тем не менее, как ни крути, ты прикончил королеву в присутствии восемнадцати свидетелей. Логан хочет, чтобы тебя казнили как дворянина, однако уже выслушано свидетельство, утверждающее, что ты не Стерн. Стерны в этом отношении остаются непреклонными. Адама, что сидела рядом с тобой на коронации, заявляет, что ты отказался от усыновления, предложенного Дрейком. Он подарил тебе кольца, которые ты отказался надеть. Так что тебе светит колесование. Я однажды это пережил. Дерьмовая смерть, особенно для тех, кто исцеляется так быстро, как мы.

— Ты вернулся, — проговорил Кайлар, — и снова дал мне меч Возмездия.

Дарзо в ответ только пожал плечами, как будто такую мелочь не стоит и упоминать. Он потянулся к мешочку, но вдруг остановился.

— Ты смазал корону филодунамосом?

Кайлар кивнул.

— Удивляешься, почему он не подействовал? Кто-то очистил корону. Прачка клянется, что когда она бросила тряпье в воду, оно вспыхнуло и случился пожар! Ей никто не верит, а бедняжка потеряла руку и работу.

У Кайлара все сжалось внутри. Он едва не убил невинного человека. И как теперь жить однорукой прачке?

— Итак, — продолжил Дарзо, — мы теряем время. Ты хочешь жить или умереть?

— Я согласен на все, лишь бы не подумали, что Логан замешан в убийстве, и не сочли его слабым правителем. — Увидев гримасу на лице Дарзо, он закончил: — Только не говори, что не пожертвовал бы жизнью ради друга. Я-то тебя знаю.

Дарзо снова скривился и поднялся на ноги.

— Ты самый придурковатый из всех ребят, что мне довелось встретить. Что ж, желаю удачи.

— Учитель, подожди. Скажи, ведь я поступаю правильно? — спросил Кайлар.

Дарзо остановился, а когда повернулся лицом к Кайлару, его лицо расплылось в улыбке. Улыбающийся Дарзо представлял собой редкостное зрелище.

— Это азартная игра, мой мальчик, в которой ты постоянно ставишь все деньги на друзей. Вот это качество и вызывает мое восхищение.

Дарзо исчез, а Кайлар еще долго не мог прийти в себя.

Вскоре после ухода Дарзо пришли шесть королевских гвардейцев, и ни один из них не выглядел радостным. Если двое вели себя сдержанно, как подобает настоящим профессионалам, то четверо остальных то ли нервничали, то ли злились, а может быть, все вместе. Один из сердитых гвардейцев рывком поставил Кайлара на ноги. Только сейчас Кайлар обнаружил, что прикован к стене, хотя одежда осталась та же, что в ночь коронации. Неделю назад это был красивый наряд, теперь от него исходил тошнотворный запах засохшей крови Тэры Грэзин и его собственной.

— Значит, ты и есть знаменитый мокрушник? — ухмыльнулся щербатый стражник. — Сейчас, когда рядом нет беззащитной женщины, которой можно прикрыться, как щитом, ты не смотришься молодцом.

— Прости, что выставил вас всех в неприглядном свете, — миролюбиво ответил Кайлар.

Щербатый стражник сильно ударил его в живот.

— Пожалуйста, не бей меня больше, — попросил Кайлар.

— Тебе не удалось сделать из нас дураков, проклятый мерзавец! — не унимался стражник.

— Прекрати, Лью, ты ведешь себя как кретин, — попытался его урезонить капитан. — Ему-то как раз все удалось.

— Там, наверху, из него хотят сделать божество. Как же, такой страшный мокрушник! Только посмотрите на него — полное ничтожество!

Лью походя ударил Кайлара по лицу.

— Лью, я же сказал…

Капитан не договорил, застыв на месте с открытым ртом. Кайлар бесследно исчез.

До стражников стало постепенно доходить, что узника в камере нет, и на некоторое время у них отнялся дар речи. Тишину нарушил звон ручных кандалов, упавших на каменный пол.

— Где, черт возьми…

— Сэр, он сбежал!

— Немедленно закройте деверь!

Дверь камеры, в которой остались все стражники, с лязгом захлопнулась, и в следующее мгновение послышался звук поворачиваемого в замочной скважине ключа.

Кайлар подошел к зарешеченному окошку и помахал ключами, которые оставил снаружи капитан.

— Не может быть… — не поверил глазам один из стражников. — Скажите, что я сплю.

Кто-то тихо выругался, а остальные никак не могли прийти в себя от потрясения.

— Капитан, будьте добры, скажите Лью, чтобы больше меня не бил, — ласково попросил Кайлар.

— Лью! — Капитан облизнул пересохшие губы.

— Слушаюсь, сэр!

Кайлар посмотрел стражнику в глаза, и тот поспешно отвел взгляд.

Кайлар открыл дверь, и стражники послушно вышли из камеры.

— А как же… как быть с этим? — промямлил Лью, поднимая с пола сломанные кандалы.

Капитан проглотил застрявший в горле комок и, собравшись с силами, спросил:

— Если не возражаете, господин… господин Каге?

Кайлар молча протянул капитану обе руки. Надев на узника кандалы, стражники беззвучно удалились. Охота продолжить общение со знаменитым мокрушником пропала.

52

Зал суда представлял собой просторное прямоугольное помещение, вмещавшее несколько сотен людей. Сегодня здесь не осталось ни одного свободного места. Двери зала открыли настежь, чтобы люди могли наблюдать за судебным процессом стоя. В конце зала находился установленный на возвышении стол, за которым сидели Логан Джайр и герцог Уэссерос. По закону, судей должно быть трое, но Логан избавил от этой тяжкой обязанности оставшегося в живых герцога Люка Грэзина.

Перед судейским столом стояла клетка, в которой находился маленький письменный столик и стул. Капитан проводил Кайлара в клетку и снял с него кандалы. Толпа молча наблюдала за происходящим в предвкушении занимательного зрелища, как будто мокрушник был чудовищем, способным перегрызть толстые железные прутья. Кайлар спокойно зашел в клетку, бросив мимолетный взгляд в сторону галереи, и Логану

показалось, будто он пытается отыскать друзей. Интересно, сколько их осталось?

Первые два ряда занимала знать. Лантано Гаруваши сидел рядом с графом Дрейком. Кьюрец не произносил ни слова, но было видно, что он с интересом следит за происходящим. Лицо графа было напряжено, и он не скрывал горя. Интересно, что знает граф о своем подопечном? Этот вопрос занимал Логана, для которого Дрейк всегда служил образцом порядочности и честности. Кроме того, граф был знаменосцем Джайров. Семейство Стернов сидело во втором ряду, и у всех его представителей был разъяренный вид. К этому моменту уже выслушали свидетельские показания и установили, что Стерны не знают и никогда не видели Кайлара. Тем не менее они считают, что их фамильной чести нанесен урон. В стороне от знати расположилась разношерстная толпа простых граждан Сенарии. Сюда пришел цвет Крольчатника, мужчины и женщины в изысканных нарядах, но не имеющие титулов. Логан не знал, сколько из них являются членами Са'каге. Интересно, кто из них радуется, видя Кайлара в железной клетке, а кто горюет или с ужасом ждет, когда подсудимый заговорит? Здесь также присутствовало несколько праздных зевак, пришедших посмотреть на интересное зрелище, среди них несколько жителей Ладеша, алитэрские купцы и даже один иммурец.

По правую руку от Логана сидели свидетели: восемнадцать гвардейцев и задыхающаяся от волнения женщина, соседка Кайлара на коронации.

— Назови суду свое имя, — обратился к Кайлару герцог Уэссерос.

— Кайлар Стерн.

— Сядьте, барон Стерн! — рявкнул герцог Уэссерос, заметив, что представитель семейства Стернов с разъяренным видом вскочил с места. Дворянин нахмурился, однако ослушаться не посмел. — Суд выслушал показания свидетелей из числа благородных дворян, которые утверждают, что ты спас их во время халидорского вторжения. Они назвали тебя ночным ангелом. Мы также слышали, что ты спас короля Джайра из Дыры, и нам известно, что ты называешь себя Каге, то есть Тенью. Нам даже пришлось выслушать человека, который утверждает, что знал тебя под именем Азота. Из всего вышеизложенного мы можем с уверенностью утверждать лишь одно: к семейству Стернов ты не имеешь никакого отношения и не являешься одним из них. Как твое настоящее имя?

— Меня зовут ночной ангел. — Кайлар казался удивленным. — Но если вам трудно это выговорить, называйте меня Каге.

Герцог Уэссерос бросил вопросительный взгляд в сторону Логана, который попросил его вести судебный процесс. Логан кивнул в знак согласия.

— Итак, Каге, ты предстал перед судом по обвинению в государственной измене и убийстве. Что ты скажешь в ответ на выдвинутые обвинения?

— Признаю себя виновным в убийстве, а обвинение в государственной измене отвергаю. Тэра Грэзин не являлась законной королевой. С момента смерти короля Алейна Гандера Девятого по закону о наследовании престола в результате женитьбы и усыновления королем является Логан Джайр.

По залу суда пронесся шепот, переросший в громкие возгласы, и герцог Уэссерос поднял руку, призывая присутствующих соблюдать тишину. За последнюю неделю, во время слушания свидетельских показаний, он несколько раз грозился очистить зал от публики. Люди быстро успокоились, и герцог продолжил судебное заседание.

— Не тебе учить вышестоящие лица сенарийским законам.

— Тогда ответьте, ваша светлость, являлся или нет герцог Джайр официальным наследником короля Гандера, был ли он женат на Дженин Гандер и обеспечивает ли ему этот брак право престолонаследования?

Лицо герцога Уэссероса сделалось багровым, но он промолчал, так как не знал, что ответить. Согласиться с Кайларом — значит признать, что Тэра не должна сидеть на троне, а он сам не имел права приносить ей клятву верности. Если же объяснить свое решение практическими соображениями, люди посчитают его пройдохой и трусом.

— Я бы не стал убивать Тэру Грэзин, если бы вышестоящие лица руководствовались

законом, а не собственным тщеславием и жаждой наживы, — заявил Кайлар.

На сей раз шум в зале остановил Логан, подняв правую руку. Его голову украшал тонкий золотой ободок, единственное свидетельство королевской власти.

— В твоих словах есть доля правды, — признал он. — В канун битвы в роще Пэввила многие из нас пошли на компромисс, о чем впоследствии пожалели. А в результате дворянство Сенарии вложило в руки герцогини Грэзин скипетр и меч, и мы увенчали ее чело короной. Простолюдину не позволено проливать кровь, дабы исправить деяния людей благородного происхождения, только потому, что ему их поступки кажутся неправильными. Вот почему, Каге, ты предстал перед судом по обвинению в убийстве и государственной измене.

В зале установилась мертвая тишина.

— Высокий суд имеет к тебе еще ряд вопросов, на которые просит дать ответ во имя благополучия Сенарии и твоей собственной выгоды, — продолжил Логан Джайр. — Если ответишь честно, без утайки, примешь легкую смерть, в противном случае тебя ждет колесование.

На лице Логана не дрогнул ни один мускул, а его сердце обливалось кровью. Колесование в Сенарии являлось не менее страшной казнью, чем распятие в Алитэре и четвертование в Модае. Этой казни подвергали людей, обвиненных в государственной измене. Исключение составляли дворяне, которым колесование заменялось отсечением головы, но суд установил, что Кайлар не принадлежит к благородному сословию. В обмен на откровенное признание Логан мог даровать другу только легкую и быструю смерть.

— Я отвечу на все вопросы, не вступая в сделку с собственной совестью, — согласился Кайлар.

— Являешься ли ты членом Са'каге? — задал Логан первый вопрос.

— Да.

— Ты действительно наемный убийца?

— Обычные наемные убийцы охотятся за намеченной жертвой, которая может и ускользнуть, — усмехнулся Кайлар. — Мокрушник всегда оставляет после себя только трупы. Да, я был мокрушником.

Зал пришел в возбуждение и загудел. Толпа превратилась в зрителей, которые получают несказанное удовольствие от разыгрываемого зрелища. У людей появилась возможность заглянуть одним глазком за завесу, скрывающую тайны Са'каге, и они ни за что на свете не хотели пропустить такое развлечение.

— Был? — переспросил герцог Уэссерос.

— Я порвал с Са'каге во время переворота и теперь не убиваю за деньги.

— Значит, ты утверждаешь, что тебе никто не давал приказа убить королеву? — спросил Логан.

— Ночной ангел является духом возмездия, и мне никто не приказывает, что делать. Даже вы, ваше величество.

Дерзость подсудимого привела зал в волнение.

— Бейте его! — приказал герцог Уэссерос.

Один из стражников нерешительно направился к клетке.

— Бейте его! — повторил герцог.

Стражник ударил Кайлара в челюсть, но удар был слабым, и Логан был готов поклясться, что гвардеец дрожит от страха.

— Кто нанял тебя и приказал убить Тэру Грэзин? — повторил Логан свой вопрос.

— Я все задумал и осуществил сам.

— Зачем? — поинтересовался герцог Уэссерос. — Почему ты не убежал? Ведь магу-убийце ничего не стоит скрыться.

— Если бы я захотел, то сбежал бы прямо из зала суда, — заверил его Кайлар.

В зале захихикали.

— Не знаю, можно ли тебя назвать магом-убийцей, но с полной уверенностью

утверждаю, что ты — отъявленный лгун, — заявил герцог Уэссерос.

Кайлар бросил взгляд в сторону стражников, которые привезли его из Утробы. Вид у них был жалкий. Логан вдруг ощутил покалывание в правой руке, и на мгновение ему показалось, что с пальцев Кайлара соскальзывают едва различимые тени. Он огляделся по сторонам — похоже, окружающие ничего не заметили. Кайлар изменился в лице, словно хотел побороть нахлынувшие чувства. Логану было хорошо знакомо это выражение.

— Да, я отъявленный лгун, — согласился Кайлар. — Думаю, это открытие уже не имеет значения. Ведь вы установили, что я не принадлежу к семейству Стернов и что я убил королеву, так что давайте покончим с этим.

— Значит, ты отрицаешь, что Са'каге принимали участие в убийстве королевы? — настаивал герцог Уэссерос.

— Не пойму, вы кретин или новичок в судебных делах? — огрызнулся Кайлар. — Я дал Сенарии короля, которого нельзя ни подкупить, ни шантажировать. Са'каге вне себя от ярости. Дело в том, что вам хочется задать совсем другой вопрос, да не хватает смелости. Хотите спросить, заказывал ли король убийство Тэры Грэзин?

Герцог Уэссерос в гневе вскочил на ноги.

— Как ты смеешь марать честь короля! Стража, бейте его! — взревел герцог.

Охваченный волнением зал гудел, как пчелиный улей.

— Нет, сядьте! — велел Логан, вставая с места. Потребовалось некоторое время, чтобы зал успокоился. Наконец наступила тишина. — Вопрос уместный и вполне законный. И на него нужно дать ответ, потому что все равно люди будут об этом шептаться по углам. — Логан сел.

— Многие из присутствующих были в роще Пэввила и видели, как Логан убил ферали, — продолжил Кайлар, а Логан от изумления потерял дар речи. Они с Кайларом оба знали, что ферали убил не он. Чудовище удалось уничтожить благодаря тому, что Кайлар убил короля-бога. — Многие тогда провозгласили Логана королем, но он отказался от короны. Неужели вы думаете, что он тогда испугался Тэры Грэзин? Скажите, если бы в тот день Логан принял корону, много ли приверженцев Тэры сохранили бы ей верность? Он поступил так, как подсказывала честь, и именно это он делает всю жизнь. Неужели вы думаете, что если бы он заказал мне убийство Тэры в ночь коронации, то пригласил бы меня рядом с собой за почетный стол? Неужели он похож на дурака и, зная, что я намерен совершить, стал бы прилюдно демонстрировать дружбу с наемным убийцей? Я был шпионом Са'каге и шпионил за Логаном в течение десяти лет. И за это время Логан Джайр проникся ко мне доверием, считая своим лучшим другом. Вот и получается, что вопрос о том, заказывал ли он убийство Тэры, совершенно неуместен, потому что Логан на это не способен. У герцога, который обручился с дочерью графа, ниже себя по происхождению, слишком высокие понятия о чести для подобных поступков. Главный вопрос совсем другой: простит ли новый король своего друга за убийство, в результате которого он взошел на престол? — Кайлар повернулся и впервые за все время встретился глазами с Логаном. — Что скажешь, Логан?

Логан Джайр не знал, какие уроки извлек Кайлар, живя в самых разных уголках Сенарии, но, глядя на друга, понимал, что он во всех подробностях изучил свой народ и чувствует настроения и простых крестьян, и высшей знати. Подсудимый с поразительной точностью определил, какие вопросы станут задавать люди. Мало того, Кайлар обставил дело так, что на все вопросы можно дать только один правильный ответ. Логан понимал, почему друг позволил себя поймать и бросить в темницу. Разумеется, не потому, что не мог убежать. На сей счет Логан не обольщался. Благодаря Кайлару он ясно видел все ассоциации, которые непременно возникнут у людей в связи с убийством королевы. Когда происходит подобное убийство, прежде всего спрашивают, кому оно выгодно. В случае с Тэрой Грэзин напрашивался только один ответ: ее смерть выгодна Логану. Тем не менее Кайлар убил ее по другой причине. Он пошел на убийство королевы ради народа Сенарии, потому что, находясь на троне, она принесла бы стране страшные несчастья. Следовательно,

Кайлару пришлось убрать Тэру так, чтобы Логан остался вне подозрений.

В определенном смысле он сам подтолкнул Кайлара, усадив его во время коронации за стол для почетных гостей. Там же присутствовали и Стерны. Если бы Кайлар не сидел на таком заметном месте, то избежал бы пристального внимания со стороны окружающих. А поскольку на него были устремлены все взгляды, переодеться он не мог, иначе все бы узнали, что лучший друг Лога-на Джайра является членом Са'каге, что само по себе заслуживает осуждения. Как можно называть Логана реформатором, если он взошел на престол замаранным обвинениями в продажности? Кайлар дал ответ, пролив свет на все двусмысленные моменты, и заставил Логана продемонстрировать людям свою верность долгу.

Кайлар точно знал, как поступит Логан, и король это понимал. Правильное решение могло быть только одно. Друг не оставил ему выбора. Логан совсем недавно потерял родителей, невесту и жену. Неужели после стольких утрат придется подписать смертный приговор лучшему другу?

Логан помнил садистское удовольствие, которое испытал, когда приказал убить Горхи. Это было упоение властью, и он пережил это чувство снова, когда люди стали склонять перед ним голову. И вдруг он возненавидел власть. Кайлар так доверяет другу, что, не колеблясь, жертвует своей жизнью, чтобы наделить его властью, а Логан знает о чудовище, которое, затаившись, живет в его сердце, но изменить ничего не может, так как иного выхода нет.

Логан поднялся с места и с каменным лицом заявил:

— О прощении не может быть и речи. Ты был нашим другом, но это не должно повлиять на правосудие. Независимо от твоих намерений, даже если они имели своей целью сделать меня королем, ты совершил убийство в нашем королевстве. Справедливость требует твоей смерти, и она восторжествует. Как король, я требую ответа еще на один вопрос, и, если ты на него ответишь, я дарую тебе легкую смерть, а если нет — тебя ждет колесование. Каге, назови имена и должности всех, кого ты знаешь в Са'каге.

Кайлар вздохнул и молча покачал головой.

53

Стояла глубокая ночь. Кайлар сидел в своей зловонной темной камере.

Он отшвырнул ка'кари в угол камеры, и тот бесшумно отскочил от стены. Кайлар протянул руку и призвал его обратно. Ка'кари пролетел по воздуху, словно привязанный невидимыми нитями, и шлепнулся на ладонь. Кайлар снова подбросил ка'кари в воздух и на сей раз приказал ему превратиться в шип. Он выставил руку вперед, и ка'кари потянулся к ней, как к магниту, ударился о ладонь и с хлюпающим звуком погрузился обратно в тело.

На сей раз после смерти начнется совсем другая жизнь.

В конце коридора послышались голоса и скрежет открываемой двери. Потом раздались тяжелые шаги, которые приближались к камере. Кайлар стал всматриваться в лицо гостя. Такого посетителя он не ожидал.

— Приветствую тебя, Лантано Гаруваши.

Кайлар встал и поклонился кьюрскому военачальнику.

— Приветствую тебя, ночной ангел. — Лантано Гаруваши отвесил такой же низкий поклон. — Ты позволишь войти?

— Входи, — усмехнувшись, разрешил Кайлар.

Гаруваши обставил посещение темницы, как светский визит, и, получив согласие Кайлара, открыл дверь ключом и зашел в камеру.

— Как ты сюда проник? — поинтересовался Кайлар.

— Попросил разрешения тебя навестить.

— Понятно.

— Ты ограбил меня, ночной ангел.

— Интересно, каким образом? — не понял Кайлар.

— Я говорю о поединке, который вознес бы нас на вершину славы и обессмертил наши имена.

Кайлар не мог объяснить свои чувства, но раздражение Гаруваши по поводу отмены поединка, который должен состояться через пять лет, приятно грело душу. Вероятно, Лантано Гаруваши дает таким необычным образом понять, что хотел бы стать Кайлару другом.

— Ночные ангелы всегда держат слово, — ответил Кайлар. — Обещаю, ночной ангел придет на поединок в назначенный срок.

— Он будет тебе ровней?

— Возможно, он будет ровней даже тебе, — усмехнулся Кайлар.

Гаруваши тоже изобразил подобие улыбки, которая трещиной прорезала лицо. Он уселся, поджав под себя ноги, на каменную скамью напротив койки Кайлара. Кайлар тоже сел.

— Я не понимаю, что в Сенарии называют честью, — заявил Гаруваши. — Король Джайр все равно оказался бы на троне, так зачем тебе умирать ради людей, не достойных твоего благородства?

— Не знаю, но не сомневаюсь, что поступил правильно.

— У тебя есть возлюбленная? Она одобряет твой поступок?

Кайлар об этом не задумывался. Гаруваши все понял по выражению его лица.

— Тогда спрошу по-другому, — усмехнулся он. — Скажи, ночной ангел, ты бы пожертвовал жизнью любимой, чтобы совершить задуманное?

Кайлар пришел в замешательство от вопроса, который меньше всего ожидал услышать от такого человека, как Гаруваши.

— Я ни от кого не потребовал бы такой жертвы ради своих идеалов.

— Тем не менее именно ради них ты вынуждаешь Логана пойти на убийство.

Кайлар не нашелся, что ответить са'кьюраю.

— Поскольку тебе никогда не доводилось посылать людей на смерть, позволь задать совсем простой вопрос. Пожертвовала бы твоя возлюбленная жизнью ради того, чтобы изменить к лучшему жизнь в стране?

— Да, с радостью.

— В таком случае она, возможно, тебя когда-нибудь простит.

«Ну, я рассчитываю вернуться в мир живых раньше, чем она узнает о моей смерти».

— Никогда не думал, что са'кьюрая интересует мнение женщины, — сказал Кайлар вслух.

— Ни один из са'кьюраев не захочет сочетаться браком с тенью, — рассмеялся Гаруваши. — Женщина должна быть такой же огненной, как ее волосы. Кьюрские женщины разговаривают шепотом на улице и кричат дома. Молодые са'кьюраи по наивности думают, что делают они это только в спальне, — усмехнулся Гаруваши, — но ничего, со временем жизнь их всему научит.

Слушая Гаруваши, Кайлар не мог сдержать улыбки. Гаруваши провел в камере еще несколько минут, а потом поднялся со скамьи и сказал:

— Мне нужно идти. Буду ждать встречи с твоим преемником ровно через пять лет, в середине лета. И пусть твой меч, обитель души, засияет еще ярче, ночной ангел.

После ухода Лантано Гаруваши Кайлар, неожиданно для себя, крепко уснул.

Его разбудил тихий царапающий звук. Кто-то пытался открыть дверь камеры отмычкой. Сон как рукой сняло, и Кайлар бесшумно вскочил с тюремной койки. В следующее мгновение дверь открылась, и Кайлар понял, что вошедший в камеру человек является мастером своего дела, так как замки в камерах для знатных господ делались очень надежными.

Гостем оказался Резаный Врабль. Увидев, что узник не спит и готов встретить любого противника, он расплылся в улыбке.

— Ученика Блинта сразу видно. Доброе утро, приятель.

— Что ты здесь делаешь? — удивился Кайлар.

— Мне поступило два заказа на тебя. Один от Са'каге. Там хотят, чтобы я тебя убил. А второй — от нескольких благородных господ.

Кайлар не сводил глаз с Резаного Врабля, хотя у него не было в руках никакого оружия.

— Придворные Тэры Грэзин? — поинтересовался он.

— Знаешь, во время переворота неизвестная тень спасла нескольких вельмож, и теперь они считают себя твоими должниками. Угадай, за какой заказ я взялся?

— Все зависит от того, кто из Са'каге сделал второй заказ, — заметил Кайлар.

— Человек из Са'каге — не мой постоянный клиент. — Резаный Врабль сплюнул на пол. — А Мамочка К. тебя любит, и я не собираюсь играть против нее, поэтому и взялся выполнить заказ дворян. — Врабль вытащил нож и протянул его Кайлару рукояткой вперед.

— Поблагодари их от моего имени, но я нахожусь здесь не потому, что не могу сбежать.

Кайлар отклонил протянутый нож.

— А я говорил, что именно так ты и ответишь. Господа пообещали заплатить половину, если попытаюсь тебя уговорить. Не знаю, чего ты добиваешься, но должен сказать, ты — отчаянный храбрец.

— Ну, есть и похрабрее меня.

— Знаешь, ведь я тебе соврал, — рассмеялся Резаный Врабль. — Вообще то заказа не два, а три. Ну, как тебе это нравится? Третий заказ точно такой же, что и второй, то есть вызволить тебя отсюда. Да, для наемного мага-убийцы у тебя много друзей. Догадайся, кто сделал третий заказ?

— Скажи, не томи.

— Король, собственной персоной. — Лицо Врабля расплылось в довольной ухмылке. — Я бы на его месте просто тебя освободил. К сожалению, не все благородные господа разделяют мое мнение. Ну что, идешь?

«Черт бы тебя побрал, Логан! Ты не смеешь отступать!»

— Я остаюсь, — заявил он Враблю.

Резаный Врабль удивленно поднял брови и в недоумении пожал плечами.

— Должно быть, ты и сам из благородных господ. Прямо-таки влюблен в смерть. Что ж, ночной ангел, свидимся на той стороне.

54

Перед рассветом пятьдесят человек вывели Кайлара из Утробы. Ему заломили руки за спину, надели на запястья кандалы, а локти и ноги связали пеньковой веревкой. Он удивился, когда, вместо того чтобы пройти через дворец, стражники провели его в огромную двустворчатую дверь, вверх по черному мраморному выступу, а потом вывели через узкий проход на каменистый западный берег острова Вос.

Их уже поджидала баржа, и, как только узника привязали к мачте, судно сразу же отчалило от берега. Сопровождающие Кайлара стражники держались настороже, ожидая угрозы как со стороны пленника, так и тех, кто, возможно, захочет его освободить.

Баржа прошла под Западным Королевским мостом, и тут Кайлар обнаружил новое сооружение, появившееся на реке Плит. К югу от острова Вое в дно реки были врыты сваи, на которых держалась центральная платформа. Сваи возвышались над платформой, а от центра отходили лучами три перекладины, поддерживающие временно установленные пролеты моста, которые соединяли одну сторону берега с островом Вое, Крольчатниками и восточной частью города. Сооружение было временным и располагалось низко над водой, но по размеру и расположению свай Кайлар понял всю грандиозность замысла, который станет символом правления Логана. Мост, соединяющий все части города с резиденцией правительства. Когда баржа подошла ближе, Кайлар увидел, что на всех трех пролетах моста

полно народу. Солнце едва успело взойти, а здесь собрались тысячи людей. Казалось, сюда пришли все жители города. Кайлар рассмотрел даже солдат Лантано Гаруваши.

Люди увидели баржу, и из толпы послышались злобные выкрики. Горожане любили Логана, и Кайлар понял, что всякий, кого он назвал предателем, кажется им злодеем. В гуще толпы все страхи, которые они испытывали к человеку, олицетворяющему Са'каге, мгновенно улетучились. Ненависть к нему возросла еще больше. Какие бы обличительные речи Кайлар ни говорил в зале суда, сейчас имел значение только вынесенный приговор. Баржа подошла ближе, и крики стали затихать. Глядя на перекошенные злобой лица, Кайлар в душе порадовался, что в городе голод и в него не бросают тухлой едой.

Вдруг что-то шлепнулось в воду, всего в десяти футах от баржи.

— Поднять щиты! — рявкнул офицер.

Стражники присели и подняли над головами щиты, а Кайлар, который был привязан к мачте, не мог ни защититься, ни уйти. Камни со стуком отскакивали от щитов и падали в воду; наконец один, описав дугу, рассек Кайлару голову. Он пошатнулся, чувствуя, как из-за уха потекла кровь. Второй камень попал в плечо, а третий угодил прямо в пах. Толпа разразилась радостными воплями, когда он осел на пол.

Кайлар сумел подняться на ноги, хотя перед глазами плавали черные пятна, из-за которых он ничего не видел. Баржа подошла еще ближе, и теперь на нее обрушился град камней. Большинство из них не попадали в цель, но некоторые больно били по бокам и ногам. Удачно брошенный камень пролетел рядом с лицом и ударился о ступню, раздробив кости. Кайлар не сдержался и закричал от боли.

Он выбрал неудачное время для крика, и следующий камень попал в рот, оставив на месте передних зубов одни обломки. Наконец баржа причалила к платформе.

— Прекратите! — крикнула какая-то женщина.

Кайлар поднял голову и увидел молодую девушку в боевых доспехах, стоявшую в центре платформы. Она подняла руки, стараясь успокоить разбушевавшуюся толпу. Следующий камень попал Кайлару в глаз.

— Прекратите! — снова крикнула женщина, но Кайлар уже ничего не слышал из-за пронзившей все тело боли.

Лицо горело огнем от ударов, а скованные за спиной руки не давали защититься от града камней. К нему подошли солдаты и потащили волоком куда-то вперед.

Кайлар открыл глаза и обнаружил, что видит только правым. Взгляд остановился на окровавленной босой ноге с переломанными костями. От этого зрелища закружилась голова, и он почувствовал, что теряет сознание. Кайлар поднял голову вверх и попробовал моргнуть, но дикая боль молнией пронзила левый глаз. Во рту было полно крови, и он не помнил, то ли проглотил, то ли выплюнул выбитые зубы, на месте которых остались острые обломки.

Наконец Кайлару удалось собраться с силами и рассмотреть, что творится вокруг. На платформе собралась вся свита Логана и более сотни телохранителей. Кроме того, здесь было множество солдат, которые смешались с толпой и следили за порядком. Они оттесняли людей от дорожки, по которой вели приговоренного к казни узника. На дальнем краю платформы Кайлар увидел колесо, повернутое в сторону дворца, а сбоку в позолоченном кресле сидел Логан. Пленника подтащили ближе и поставили перед королем. Герольд стал зачитывать выдвинутые против Кайлара обвинения, но он не слушал и видел перед собой только Логана. Взгляд короля задержался на окровавленном лице узника, и его лицо исказила гримаса боли, однако он не отвел глаз. Глядя на друга, Кайлар понимал, что тот испытывает такие же страдания, как и он сам.

Герольд зачитал все обвинения и спросил, признает ли приговоренный к смерти себя виновным.

— Признаю, — громко ответил Кайлар. — Я убил Тэру Грэзин и нисколько не раскаиваюсь. Если вернуть все назад, я бы сделал это снова.

Логан поднялся с кресла, и пробежавший по толпе ропот мгновенно затих.

— Обращаюсь к тебе, Каге, Человек-Тень, которого я знал под именем Кайлара Стерна.

Я обязан тебе жизнью, ты — настоящий герой и мой друг, но ты предал нашу страну и убил ее королеву. Я не хочу прослыть монархом, который делает снисхождение друзьям, совершившим преступление. Правосудие одинаково для всех. Кайлар, друг мой, я приговариваю тебя к колесованию, и ты будешь висеть на колесе, пока не умрешь.

Кайлар не произнес ни слова в ответ, только склонил перед Логаном голову. Король снова сел в кресло и уже не пытался успокоить толпу, которая снова загудела, видя, что слухи, которые до нее дошли, подтверждаются.

Солдаты подтащили Кайлара к колесу, которое было немного выше человеческого роста. От втулки оси колеса отходили только четыре перекладины в виде креста, к которым привяжут Кайлара, повернув лицом к толпе. Ноги вставлялись в специальные колодки, чтобы при вращении колеса не соскальзывали ступни. Талию привязывали прочным кожаным ремнем, а для рук предназначались поручни с острыми краями. Изнутри колесо ощетинилось множеством спиц, направленных на приговоренного к казни человека.

Королевские гвардейцы, которые привезли Кайлара из Утробы, стали привязывать его к перекладинам.

— Ты действительно ночной ангел? — тихо спросила Калдроса, затягивая ремень вокруг талии.

— Да, — признался Кайлар.

Калдроса наклонилась ближе и принялась закреплять запястья.

— Двести пятьдесят женщин погибли бы от руки Хью Висельника, не приди ты нам на помощь, — прошептала она. — Если мы пойдем против Логана, то умрем, но если ты…

— Исполняй свой долг, — велел Кайлар и закрыл глаза.

— Благодарю тебя, — еще тише прошептала Калдроса.

Привязав Кайлара к колесу, стражники принялись устанавливать спицы. Если Кайлар останется неподвижным, ни одна из них не причинит боли. Однако при вращении колеса придется удерживать свой вес за счет ног и рук, и тогда острые поручни искромсают пальцы и ладони. Когда силы начнут его покидать, острые спицы вопьются в бока, ноги и руки, но не слишком глубоко, чтобы не убить. В конце концов он умрет от потери крови или от разрыва сердца.

Стражники закончили приготовления, и Кайлар, собравшись с силами, снова посмотрел в толпу. Он увидел Мамочку К., графа Дрейка и посла Часовни, от которой исходило слабое свечение. Наверное, надеется, что ночной ангел призовет на помощь магию, и ей будет что рассказать сестрам. Посол Лэ'нота сохранял невозмутимый вид, и его больше занимала реакция Логана, а не страдания Кайлара. Были здесь и женщины из ордена, с искаженными от ужаса лицами. Некоторые из них плакали. Он видел лица людей из Крольчатника, хозяев постоялых дворов, проституток, воров и знахарей, дворян, с которыми общался Кайлар Стерн и которые его отвергли.

Логан подал знак, и колесо с грохотом подвинулось назад, а потом опустилось вниз, и ноги Кайлара оказались в воде.

Как же он забыл! Есть еще одна возможность умереть на колесе, которое устанавливается перпендикулярно течению реки Плит и вращается потоком воды. Когда Кайлар повиснет вниз головой, она погрузится в воду, и рот тоже окажется в воде. Захлебнуться в этом случае можно, лишь потеряв сознание или совершенно обессилев. Если же он закашляется, десятки спиц вонзятся в тело.

Логан кивнул, и колесо начало вращаться.

55

— Спасибо, что согласился меня принять, — поблагодарила Логана Мамочка К. и вышла на балкон, где стоял король.

Принесенный ужин остался нетронутым. Логан не сводил глаз с реки. С того момента, как начало вращаться колесо, прошло двенадцать часов. За спиной у Логана бегал Зубастик и

без зазрения совести воровал предназначенное для его величества печенье.

— Как я мог тебе отказать? Короли всегда танцуют под музыку шинги, — ответил он унылым голосом, не поворачивая головы.

Сегодня утром один из мокрушников принес письмо, в котором Мамочка К. признавалась, что является шингой Са'каге. Потрясение, которое пережил Логан, узнав эту новость, заглушило горе.

Мамочка К. встала рядом с королем, опершись на перила. С балкона они видели, что на платформе осталось несколько десятков человек, большинство из них гвардейцы, и колесо все еще вращается. Сигнальный флаг, извещающий Логана о смерти Кайлара, еще не подняли.

— Эта казнь меняет все дело, — заметила Мамочка К.

— Какое участие ты принимала в убийстве Тэры Грэзин? — спросил Логан.

— Никакого, — призналась Мамочка К., — и не потому, что не предприняла для этого никаких попыток. Я направила Куогли Марса по верному пути, в надежде, что он разоблачит Тэру и расскажет, как она предала младшую сестру Натэссу. Я даже устроила его выступление в ночь коронации и позаботилась, чтобы ни один из стражников не смог ему помешать. И я проследила, чтобы Люк Грэзин присутствовал в зале и услышал песню Куогли, рассчитывая, что потом он убьет Тару. Я все равно собиралась с тобой поговорить, но хотела подождать месяц, после того как ты станешь королем.

— А за это время… — продолжил ее мысль Логан.

— Запасы продовольствия, привезенные кьюрцами, будут съедены.

— И что дальше?

— Я бы пришла к тебе и предложила обеспечить город едой на всю зиму.

Ответ Мамочки К. привел Логана в такое изумление, что он даже не спросил, где она возьмет еду.

— И что ты хочешь получить взамен? — наконец спросил он.

— Знаете, ваше величество, — она кивнула в сторону колеса, — этой казнью вы доказали, что являетесь человеком честным, а в нашей стране это редкое качество. Однако одной честности мало, чтобы изменить жизнь в городе. Для этого потребуются союзники, которых нужно искать среди людей с двусмысленным прошлым.

— Вроде тебя?

— Или графа Дрейка, который в свое время также числился среди первых лиц Са'каге. Правда, ты предпочел об этом забыть, ради собственного удобства.

Логан озадаченно заморгал.

— Знаешь, если ты попытаешься привлечь к ответственности всех чиновников, замешанных во взяточничестве и других нарушениях закона, у тебя никого не останется.

— И что ты предлагаешь? — поинтересовался Логан.

— Вопрос заключается в том, что предлагаешь ты. Что именно предполагает правление короля Джайра Первого?

Логан ни на секунду не отводил взгляда от колеса, на котором умирал его друг.

— Я хочу придать своему правлению определенный смысл. И я намерен уничтожить Са'каге.

— Это только одно из средств, но не конечная цель.

— Я предполагаю превратить Сенарию в огромный центр торговли, чтобы люди гордились страной, в которой живут. Мы сумеем себя защитить и будем жить в мире, не дрожа от страха, избавив общество от коррупции. Наверное, Крольчатник никогда не сравняется с восточными кварталами города, но я хочу, чтобы человек, родившийся в Крольчатнике, имел возможность закончить свои дни во дворце в восточной части.

— Ты говоришь о мужчинах, а как насчет женщин? — шутливо спросила Мамочка К.

— И о женщинах тоже, — заверил Логан.

— Со стороны выглядит превосходно, — улыбнулась она. — Я принимаю твой план.

Лицо Логана скривилось от злости.

— Ты и сейчас можешь купить любой дворец.

— Я хочу, ваше величество, чтобы вы пожаловали мне титул герцогини и подарили земли Грэзинов.

— Во всем мире не хватит денег, чтобы за это заплатить.

Голос Логана дрожал от злости. Лучший друг умирает мучительной смертью, а Мамочка К. делает вид, что ничего не замечает.

— Са'каге — это паразит, вцепившийся Сенарии в лицо, и вырвать его с корнем невозможно, но можно лишить власти. — Мамочка К. сделала вид, что не замечает раздражения Логана. — На это уйдут годы. Борьба с Са'каге будет стоить тебе всей казны, а возможно, и любви народа. Заметь, поручиться за успех нельзя. Подумай как следует, сможешь ли ты стать королем, который прольет реки крови?

Логан долго молчал, глядя на вращающееся колесо, а потом тихо вымолвил:

— Пока бьется сердце, я сделаю все, чтобы смерть Кайлара не стала бессмысленной жертвой. Что ты станешь делать, если получишь желаемое?

— Я подарю тебе свою преданность и стану во главе твоих шпионов. А самое главное, я уничтожу Са'каге.

— Как я могу поверить, что ты с легкостью предашь организацию, в которой состоят все твои друзья? — усомнился Логан.

— Друзья? — переспросила Мамочка К. — Са'каге освобождает нас от бремени дружбы. Сказать по правде, за всю жизнь у меня было только три друга в Са'каге. Одного из них звали Дарзо, и Кайлару пришлось его убить из-за некоторых моих поступков. Вторым был Джарл, который погиб, пытаясь претворить в жизнь одно из моих предложений. А мой последний друг умирает на колесе, пока мы с тобой беседуем. Да, то, что я сейчас предлагаю, называется предательством, но это хорошо продуманное решение. Если мы договоримся, то в течение некоторого времени мое назначение должно оставаться в тайне. Стоит членам Са'каге узнать о моей измене, и они уйдут в подполье, а мне нужно переговорить с многими из них до того, как это произойдет.

— Их можно уничтожить? — спросил Логан.

— Одними мечами здесь не обойтись.

— Какие трудности нас ждут? С какими кознями мы столкнемся?

— Тебе рассказать вкратце или подробно?

— Как можно подробнее.

Мамочка К. подробно осветила все нюансы, а потом сообщила о встречных мерах, которые собирается предпринять в каждом случае. Она была немногословна и попутно задавала Логану разные вопросы. Ее интересовало, намерен ли Логан пользоваться услугами мокрушников для выполнения работы, с которой не справятся гвардейцы, и на кого распространится амнистия. Будут ли гулять на свободе воры, бандиты, вымогатели, насильники и убийцы и какая кара ждет тех, кто попадется на взятках в возрожденной и обновленной Сенарии?

— Первый удар, который мы нанесем, должен быть очень сильным. Он подразумевает конфискацию денежных средств и аресты. Кроме того, нужно добиться, чтобы люди получали работу законным путем. Одним словом, великие замыслы требуют больших жертв, а наши планы могут рухнуть, как только зазвенят мечи.

Долгое время Логан не произносил ни слова. Молчание затягивалось. Наконец король заговорил:

— Если мы пойдем на такие меры, я не поручу тебе руководить уничтожением Са'каге.

— Как прикажешь тебя понимать?

— Я не позволю тебе сосредоточить такую огромную власть в своих руках, потому что одно твое слово может погубить любого человека. И потом, я не уверен в твоей искренности. Я поручу это дело Римболду Дрейку, а ты будешь работать под его началом. По-моему, справедливое решение.

На лице Мамочки К. застыло холодное выражение, но потом оно постепенно

разгладилось.

— Вижу, что придется привыкать к подчинению. Да, решение справедливое. Возможно, ваше величество, вы и есть тот король, который может претворить в жизнь эти замыслы. Я присягаю вам на верность.

Грациозно опустившись на колени, она прикоснулась рукой к ноге Логана.

— Гвиневера Кирена, данной мне властью жалую дворянское звание семейству Кирена, которое отныне считается равным среди самых знатных семей королевства. Я дарую тебе и твоей семье в пожизненное владение все земли, которые простираются с запада на восток, от Архипелага Контрабандистов до реки Уай, и начинаются от границ Гавермера на севере и заканчиваются границей Кьюры на юге. Поднимитесь, герцогиня Кирена.

Новоиспеченная герцогиня встала и, немного помолчав, снова обратилась к королю:

— Ваше величество, есть еще одно дело. Вчера я получила подтверждение предыдущего донесения, которому я тогда не поверила. Оба мои источника надежны, и ложь не приносит им никакой выгоды. Я всегда им доверяла и никогда не имела повода усомниться в достоверности сведений, которые они сообщают. Не знаю, как могло случиться такое чудо, но уверена, что это правда. Я не хотела заводить разговор перед нашими переговорами, чтобы вы не заподозрили меня в намерении повлиять на их исход.

— Вы слишком многословны, герцогиня. О чем идет речь?

— Ваше величество, ваша супруга не погибла во время переворота. Дженин жива и сейчас находится в Халидоре.

Через некоторое время после наступления темноты колесо перестало вращаться, и Кайлар вскинул голову. Речная вода стекала с волос на лицо. Он моргнул, и это причинило боль, но теперь он различал очертания предметов глазом, который выбили утром.

Перед Кайларом стоял юноша в доспехах, наверняка один из телохранителей Логана.

— Господин Каге, меня попросили вам передать, что Аристархос здоров и ему ничего не грозит. Он сейчас дома с женой и детьми. Общество хочет вас отблагодарить и выражает надежду, что остановка колеса на пару часов позволит хоть немного облегчить вашу участь и отплатить за то огромное добро, что вы для него сделали. — Он посмотрел на один из мостов.

В темноте Кайлар рассмотрел незнакомого ладешца, которого не встречал раньше. Мужчина поднял руку в приветствии, хотя никто, кроме Кайлара, не мог увидеть его в темноте. Через некоторое время ладешец ушел. Значит, Аристархос бен Эброн преодолел пагубную привычку. Кайлар не знал, что у Аристархоса есть семья. Интересно, что подумала его жена, когда красавец муж вернулся с почерневшими и поредевшими зубами, пожертвовав красотой и гордостью ради дела, которого ей не понять? Итак, Общество отблагодарило Кайлара?

— К сожалению, мы можем остановить колесо только до рассвета, господин Каге.

Кайлар уже его не слышал. Он выпустил из окровавленных рук поручни с острыми краями, и его тело повисло на ремнях, а голова упала на грудь.

— Кайлар? — позвала Ви. Они находились в маленькой комнатке с двумя кроватями, в ногах которых стояло по сундучку, и тазиком для умывания. На одной кровати спал кто-то маленький, а на второй лежала Ви, подперев рукой голову. Девушка никогда не выглядела так плохо. Глаза покраснели и распухли, а лицо покрылось красными пятнами. Ви прижимала к распухшему носу носовой платок. — Господи, что с тобой сделали?

Кайлар взглянул на маленькую фигурку и заковылял к кровати.

— Ули, — прошептал он. — Господи, как она выросла! Ули!

— Она нас не слышит, — объяснила Ви. — Мы ведь сейчас не здесь. Иди сюда, садись.

Кайлару стоило большого труда сесть на кровать. Он вымученно улыбнулся девушке.

— Ули — твоя соседка по комнате?

Ви кивнула.

— Ей тринадцать лет, а она во всем меня перегнала.

— Скажи Ули, я так жалею, что оставил ее. Я всегда и всех бросал, и из меня вышел никудышный отец.

— Успокойся и полежи немного.

— Я испачкаю кровью простыни, — возразил Кайлар, однако сопротивляться не стал.

Он положил голову Ви на колени и закрыл глаза.

— Кайлар, мне кажется, я могу тебе помочь. — Ви откинула ему волосы со лба. — Но ты должен рассказать, что случилось. Кто сделал с тобой такое?

Пальцы Ви были теплыми и нежными.

— Продолжают делать, — с трудом выдавил он.

— Продолжают?

— Меня сейчас казнят за убийство королевы Грэзин. Теперь Логан — король, и это сделал я, Элена. Ведь будущее Сенарии стоит моей жизни.

— Элены здесь нет, Кайлар. Это я, Ви.

Спину свело судорогой, Кайлар поморщился и прерывисто задышал.

Ви положила на спину обе руки, и судорога прошла. Он услышал, как тяжело дышит Ви, а потом все тело залило теплом, и наступила благословенная передышка от боли.

Они долго молчали, и Кайлар начал погружаться в дрему. Наконец Ви нарушила молчание:

— Ведь ты вернешься после смерти?

— Этого никому не удалось объяснить. Представляешь, проживать каждую жизнь, как будто она у тебя последняя, — тихо засмеялся Кайлар и снова погрузился в обволакивающее тепло.

Потом открыл глаза и взглянул на Ви, но девушка не улыбалась — ее лицо оставалось напряженным и сосредоточенным, а глаза переполняла боль.

— Спи, — прошептала она, — я сделаю все, что смогу.

56

Логан провел бессонную ночь и встал задолго до рассвета. Телохранители, почувствовав настроение короля, тоже не спали, но, в отличие от Логана, скрывали свои переживания.

— Я пойду к Кайлару, — сообщил он Калдросе, и та кивнула в ответ, словно давно ожидала от него этих слов.

Логана больше всего злило, что, став королем, он никуда не может отправиться без сопровождения. Принимая во внимание, что два последних монарха в Сенарии погибли от руки убийцы, такая мера не лишняя. Впрочем, если верить герцогине Кирене, убитых монархов было шесть. И все же Логана несказанно раздражала необходимость повсюду таскать за собой двенадцать человек, хотя он понимал, что их вины здесь нет, и не собирался отравлять им жизнь. Приходилось сдерживаться и вести себя уважительно.

Горячую воду принесли очень быстро, и Логан догадался, что Калдроса заблаговременно сходила на кухню и предупредила о намерении короля принять ванну в ранний час. Ее предупредительность говорила о многом. Обычно знатные господа не замечают слуг, считая их неотъемлемой частью своей жизни, как земля, по которой они ходят. Отец учил Логана, что любой дворянин общается со слугами больше, чем с собственной семьей, и хорошее обращение с ними окупается сторицей. И все же способность Калдросы точно угадывать желания господина была большой редкостью.

Логан разделся и стал принимать ванну. Растирая тело, он думал о том, что его роскошные покои видели не меньше горя и страданий, чем Дыра, в которой ему довелось жить. Он видел статуи, сделанные из убитых людей. Их спрятали в кладовых, в подземельях дворца. С этими женщинами развлекался король-бог, и все они были из знатных семей Сенарии. Логан знал каждую из них в лицо и помнил по имени. Все они прошли через

страшные издевательства, а потом их убили и выставили на всеобщее обозрение. Став королем, он первым делом решил передать статуи девушек семьям, чтобы те могли их достойно похоронить. У некоторых не осталось ни одного родственника, и Логан взял заботы об их похоронах на себя. Он сожалел, что не может собственноручно еще раз убить мертвого короля-бога. Что до Труданы Джадвин, то колесование стало бы для нее слишком мягкой казнью. Она подписала каждую статую, словно это было произведение искусства в ее коллекции. Когда Логан выбрался из ванны, уже начало светать.

С обнаженного тела ручьями стекала вода, а он не замечал полотенца, которое протягивал телохранитель.

Вполне вероятно, что Дженин разделила участь несчастных жертв короля-бога. Даже если удастся спасти жену, возможно, она лишилась рассудка от перенесенных издевательств. Как бы там ни было, той женщины, что он потерял, уже не вернуть, и теперь нужно быть готовым любить человека, претерпевшего жестокие страдания и получившего раны, которые нельзя залечить. Проклятые изверги! Внезапно нахлынувший гнев становился все сильнее, и комната вдруг засветилась беловато-зеленым светом. Логан закрыл глаза и сделал глубокий вдох, стараясь подавить злость. Он ненавидел себя за невежество и раздражительность, за неумение управлять своими чувствами, которые не должны мешать достижению намечен ной цели. Что толку кричать и крушить мебель в собственном дворце, когда Дженин томится в Халидоре?

Логан открыл глаза и только сейчас заметил Калдросу и низенького телохранителя-иммурца по имени Птурин. Оба стояли поодаль и глазели на короля, разинув рот. Беловато-зеленые линии на руках стали бледнее.

— Прикажете подать тунику с длинными рукавами? — откашлявшись, спросила Калдроса.

— Да, всегда только с длинными рукавами. Благодарю вас.

Когда Логан вместе со свитой прибыл на платформу, где умирал Кайлар, солнце уже почти взошло. Тишину нарушали только скрежет шестерней, шум падающей воды и скрип ремней, которыми был привязан Кайлар. Его бока, плечи, голени ног и бедра были исколоты острыми спицами, а руки, вцепившиеся в острые поручни, превратились в кровавое месиво. На Кайларе не было живого места, и только на поясе, где находился ремень, осталась нетронутая полоска тела. Из ран на голове не переставая струилась кровь. Она не засыхала, так как при каждом повороте колеса голова узника оказывалась под водой. Тело Кайлара представляло собой сплошную рану, тем не менее он все еще дышал.

В этот ранний час посмотреть на мучения Кайлара пришел еще один человек. Когда подошел Логан, Лантано Гаруваши даже не повернул головы.

Колесо повернулось, и Кайлар, вконец обессиленный и уже не способный удерживать вес тела, соскользнул на острые спицы. При каждом вдохе спицы все глубже впивались в грудь. Колесо продолжало вращаться, и теперь он повис ногами вверх и, сделав слабую попытку удержаться, снова соскользнул вниз. Три спицы вонзились в голову, а десятки других воткнулись в плечи и руки. Кайлар успел сделать глубокий вдох, перед тем как его голова исчезла под водой.

Живот Логана свело спазмом, и его едва не вырвало. Он пришел забрать тело друга, а не смотреть на его мучения.

Должно быть, Кайлар потерял последние силы всего несколько минут назад. Невероятно, что человек так долго истекает кровью и никак не умрет. Логан стоял рядом с Лантано Гаруваши и смотрел на дело своих рук. Прошло пять минут, тянувшихся вечность, потом десять, но Кайлар был по-прежнему жив, и Логан не верил своим глазам, настолько невероятным казалось это зрелище.

— Взгляни на его ступню, — обратился к Логану Лантано Гаруваши.

Поначалу Логан не понял, на что намекает кьюрец. Ступни Кайлара на первый взгляд не представляли собой ничего примечательного. По крайней мере, спицы в них не впивались.

Вдруг он вспомнил, что вчера стражникам пришлось тащить Кайлара к колесу, так как ему раздробило камнем ногу. Второй камень выбил глаз. Сейчас обе ступни и оба глаза были целы. Недоумение сменилось изумлением, а потом его охватил ужас.

К мучительной смерти на колесе приговаривали изменников, и обычно казнь длилась несколько часов. На Кайларе раны заживали с невероятной быстротой. Он давно уже должен был умереть, но, провисев на колесе весь день, Кайлар выглядел так, будто его поместили туда час назад. Логану и в голову не приходило подвергнуть его мучениям, по сравнению с которыми Дыра кажется раем.

— Ты поступил правильно, — выдавил из себя Кайлар, глядя в глаза Логану. Его взгляд был открытым и чистым. — Иди, мой король, а я еще повишу здесь. — Он сделал слабую попытку улыбнуться.

Логан больше не мог сдерживать рыдания.

— Как положить конец его мучениям?!

— Ваше величество, — откашлявшись, обратился к нему Агон Брэнт, — в прежние времена, если человека приговаривали к колесованию в канун религиозного праздника, правитель, не желавший осквернить чувства горожан, приказывал перебить приговоренному к казни кости рук и ног. Тогда спицы вонзаются в тело глубже, и смерть наступает быстрее. — Он снова закашлялся, не смея взглянуть на Кайлара. — Должен также известить ваше величество, что сюда направляется посол Лэ'нота. Он не желает больше ждать.

Логан закрыл глаза и на мгновение задумался, а потом посмотрел на временный мост, по которому шел посол Лэ'нота.

— Прекрасно, — согласился он, — я его приму. Поставьте сюда письменный стол и кресло.

Логан заранее позаботился, чтобы посол узнал, где король проведет утро, и тот попался на приманку. Логан намеревался встретиться с послом перед жутким колесом, чтобы тот понял, каким грозным и беспощадным может быть король Джайр. Однако даже в самых страшных ночных кошмарах он не мог представить, что момент их встречи Кайлар все еще будет мучиться на колесе.

Колесо вращалось, а Логан все стоял и смотрел на Кайлара, пока Агон Брэнт, выступая в необычной для себя роли гофмейстера, не объявил о визите посла.

— Ваше величество, Тертулус Мартус, квестор Двенадцатой армии Лэ'нота, атташе повелителя Лэ'нота Джулуса Ротанса.

Логан мельком взглянул на посла и уселся за походный письменный стол. Глаза Тертулуса Мартуса были прикованы к Кайлару. Стоя, Логан загораживал страшную картину смерти, усевшись за стол, он оказался на фоне вращающегося колеса. Глядя на короля, посол был вынужден смотреть и на человека, в муках умирающего на колесе.

— Ваше величество, — начал свою речь Тертулус, — благодарю, что согласились меня принять. Примите поздравления по случаю восхождения на престол, а также ряда замечательных побед, которые вы одержали. Если половина легенд о них — правда, ваше имя будет жить в веках.

Посол продолжил свою длинную речь. Двенадцатая армия Лэ'нота представляла собой дипломатический корпус. Вообще-то двенадцати армий в Лэ'ноте не было со времен Алитэрского соглашения. Сейчас Лэ'нот имел три, а может быть, всего две армии, если учесть, что пять тысяч лэ'нотских воинов погибли в лесу Эзры. Однако Тертулус Мартус заранее продумал речь и теперь говорил без остановки. Посол прекрасно владел собой, ни одним жестом не выдавая своих мыслей. Он стоял, не расставляя ног слишком широко, чтобы его не заподозрили в агрессивности. Руки свободно висели по бокам, пальцы не напряжены и не сжаты в кулаки. Жестикулировал посол мало, и Логан сосредоточился на его глазах.

Этот человек его оценивал. Посол явился сюда не за тем, чтобы предложить договор или сделку, хотя какую-нибудь ерунду он непременно предложит. Он торопился встретиться с Логаном только из-за давления, которое на него оказывали вышестоящие лица. Им не

терпелось узнать, представляет ли новый король угрозу для Лэ'нота. Недавно Лэ'нот потерял пять тысяч воинов, и теперь нужно убедиться, что новый повелитель слабого, изъеденного коррупцией королевства будет вести себя так же, как его предшественники в течение последних двадцати лет. То есть вообще ничего не будет делать.

Логан молча встал из-за стола, не дослушав излияний посла. С ледяным спокойствием он с силой ударил по походному столу, сбросив с него чистый лист пергамента, чернильницу и перо для письма, а потом наступил на стол и оторвал одну ножку. А далее двумя мощными ударами перебил Кайлару голени. Кайлар закричал от нестерпимой боли, и его тело, лишенное опоры, обвисло. Острые спицы впились в подмышечные впадины. Обломки костей прорвали кожу на ногах и выступили наружу. Колесо повернулось вбок, Кайлар снова закричал, и спицы вонзились в ноги еще глубже. Крик оборвался, так как его голова погрузилась под воду, а когда она снова появилась на поверхности, у Кайлара начался приступ кашля и рвоты.

Теперь его тело заняло вертикальное положение, и руки соскользнули на *острые* шипы. Крик перешел в протяжный вой. Логан проверил, насколько глубоки раны, а потом посмотрел Кайлару в глаза. В них отражалось нечеловеческое страдание, но страха не было.

Двумя тяжелыми ударами Логан перебил ему предплечья.

Кайлар снова закричал. Без поддержки костей тело неестественно обмякло, и под действием силы тяжести руки стали растягиваться, словно слепленные из глины. При каждом вдохе у него открывался кашель с кровью, и реки крови текли из глубоких ран.

У кого-то из свиты Логана открылась рвота.

Колею повернулось еще семь раз, и Кайлар больше не кашлял. Кровь текла уже не так сильно, и напряжение в изуродованных мышцах ослабло. Логан сделал знак двум королевским гвардейцам, и колесо остановилось. Они подошли к Кайлару и пощупали пульс. Он не бился. Стражники принялись снимать Кайлара с колеса.

Логам повернулся к Тертулусу Мартусу, который, позабыв о дипломатической выучке, наблюдал за происходящим, широко открыв рот.

— Пятьсот сорок три года назад, — начал Логан, — халидорский вюрдмайстер захватил в плен одного человека и издевался над ним три месяца. Этот человек сохранил здравый рассудок и не утратил мужества, а по истечении трех месяцев он убежал и нашел орден, который решил уничтожить черную магию. Я говорю о халидорской магии. Со временем эта организация расширилась и выросла, ставя своей целью уничтожить всю магию и тех, кто ею занимается. Тем не менее его орден, который называется Лэтьюнариверissинот, или Носители Свободы Света, вызывает особую ненависть всех, кто владеет виром.

— Ваше величество демонстрирует превосходное знание…

— Молчать! — рявкнул Логан, взмахнув окровавленной ножкой стела перед носом у посла. Тертулус замер с открытым ртом. — В течение последних восемнадцати лет Лэ'нот незаконно занимает земли Сенарии. Пора положить этому конец. Вам предлагается три варианта на выбор. Можете быстро собрать пожитки и убраться восвояси. Если хотите, объявляйте нам войну. Только не забудьте что вы недавно потеряли пять тысяч человек, а в моем распоряжении закаленная в боях армия, которая начинает скучать. Кроме того, есть еще кьюрская армия, и я пообещал ей сражение, память о котором останется в веках. Мы разобьем вас наголову. Есть и третий вариант. Вы можете выстроить свои армии и двинуть их вместе с нами на Халидор. Это даст Лэ'ноту возможность сразиться с врагом, к которому, по вашим же словам, вы испытываете давнишнюю ненависть, и одержать над ним победу. Если решите сражаться бок о бок с нами, я разрешу вам жить на ныне оккупированных землях еще пятнадцать лет. По истечении этого срока вы навеки покинете Сенарию. Независимо от выбора, который сделает Лэ'нот, армии Сенарии выступят весной и сначала двинутся на восток. Если не пойдете вместе с нами, мы вас уничтожим и не остановимся на своей границе. Мы уведомим о своих намерениях все королевства, на землях которых могут укрыться люди Лэ'нота. Возможно, некоторые из них объединятся с Лэ'нотом и выступят

против нас, но не менее вероятно, что они предпочтут присоединиться к нам. Все зависит от отношений с ближайшими соседями, и доброжелательно ли они настроены.

— Эти условия, разумеется, абсолютно неприемлемы, — нервно рассмеялся Тертулус Мартус. — Однако не сомневаюсь, что люди, которые будут вести переговоры, найдут взаимовыгодное решение и…

— Если вы не пожелаете сражаться вместе с Сенарией, придется воевать против нее. Я привык одерживать такие победы, после которых затевать войну повторно не придется.

— Вы не можете напасть на нас, когда с севера угрожает Халидор.

— Халидор потерпел сокрушительное поражение, и между нашими границами хорошо защищенные ущелья и перевалы. В отличие от Лэ'нота Халидор не захватил ни пяди сенарийской земли. Я дал клятву Лантано Гаруваши устроить грандиозное сражение будущей весной, и вместе с ним мы сотрем вашу армию с лица земли. Думаю, после такой славной победы народ Кьюры полюбит его еще сильнее, когда Гаруваши вернется на родину. Однако без вашей помощи мы не сможем расправиться с Халидором. Как бы там ни было, а са'кьюраи следующим летом вернутся домой. У меня есть всего один год, чтобы уничтожить одного или обоих самых опасных врагов Сенарии, и поэтому не вижу причин, которые могли бы меня остановить. Вы согласны?

— Вы просто безумны, — заявил Тертулус, начисто позабыв о подобающей дипломату сдержанности.

— Нет, я доведен до отчаяния, а это не одно и то же. Я не намерен предлагать вам выгодные сделки, посол. Силы Лэ'нота рассредоточены, он ослаб и находится в окружении врагов, к тому же, сказать по чести, вы меня просто бесите. Я не собираюсь вести переговоры. Мы составили договор, в котором подробно разъяснено, каким образом силы Лэ'нота сольются с нашими на время войны с Халидором, а также перечислены гарантии, обеспечивающие ваш уход из Сенарии по истечении обещанных мной пятнадцати лет. Я дам время только на то, чтобы вы успели передать договор своему повелителю, а он должен в трехдневный срок обсудить документ с советниками и дать ответ. Любые изменения, которые он предложит, будут рассматриваться как отказ от заключения договора. Это все, что я могу сказать. Если вы и правда ненавидите Халидор и черную магию, которая обратила в рабство всю страну и жаждет уничтожить Мидсайру, Лэ'ноту представляется редкая возможность расправиться с извечным врагом. Мы уничтожим Халидор раз и навсегда. — Логан сделал знак рукой, и ему передали богато украшенную шкатулку со свитком. — А теперь я настоятельно рекомендую вам немедленно отправиться в путь. Ответ повелителя Лэ'нота должен прибыть сюда через три недели, отсчитывая от сегодняшнего дня. Любое промедление будет расцениваться как объявление войны.

57

Элена вошла в больничную палату и взглянула на женщину, лежащую на кровати. Глаза Ви распухли, а мелкие веснушки на бледном лице приобрели зеленоватый оттенок. Два дня назад, во время прогулки, Ви неожиданно вскрикнула и потеряла сознание. Элена не переставала удивляться, как хорошо они поладили с Ви, когда случилось это несчастье.

— Вы можете объяснить ее болезнь? — спросила она у сестры Ариэль.

— Несомненно, так действует связь, установленная обручальными серьгами, — откликнулась Ариэль.

Это было и хорошо и плохо. Правда, возникло еще одно предположение. *Талант* Ви развивался так стремительно, что, возможно, осталась незамеченной какая-то ошибка, и теперь вся сила, которой обладает девушка, рикошетом обрушилась на нее саму. Из разговоров с сестрой Ариэль Элена поняла, что Ви обладает невероятным *талантом,* однако ее обучение проходит неровно. Благодаря подготовке, которую Ви прошла как мокрушница, она с легкостью использовала *талант,* но не знала некоторых основ, и сестры никак не могли определить, каких именно. Самые сложные вещи давались ей без труда, а

иногда она не могла справиться с простейшими заданиями. Своим обмороком Ви перепугала насмерть всех сестер.

Если во всем виновата связь, значит, с Кайларом действительно случилась беда. Элена вопросительно посмотрела на сестру Ариэль.

— Осведомители из Сенарии сообщают, что там идет суд по обвинению в государственной измене, — сообщила сестра Ариэль. — Судя по состоянию, в котором находится Ви, можно предположить, что в настоящее время приговор приводится в исполнение. Думаю, это колесование. — Она отвела взгляд в сторону. — Учитывая особые способности Кайлара, казнь займет больше времени, чем обычно. А Ви помогала ему залечивать раны, принимая часть страданий на себя. Это только оттягивает неизбежный конец. Намерения у нее благие, но в такой доброте слишком много жестокости.

Значит, Кайлар сейчас умирает на колесе?! Элена должна была почувствовать все сама, как Ви. Так бы и случилось, не похить Ви обручальную серьгу. Ревность вспыхнула с новой силой, и Элене стоило больших трудов ее подавить. Господи, ну почему нельзя простить человека раз и навсегда?

— Зачем Ви решила помочь Кайлару таким способом? — спросила Элена.

— Остается только гадать. Правда, я плохо разбираюсь в причудах любви.

Слова Ариэль подействовали на Элену, как пощечина.

— Значит, Ви любит Кайлара? Какой же сильной должна быть ее любовь!

Ви, громко вскрикнув, села на кровати и обняла руками колени. Глаза обеих девушек на мгновение встретились.

— Нет, не могу, не могу! У меня не хватит сил! Слишком больно! — Она снова упала на кровать и забормотала что-то невнятное, время от времени пронзительно вскрикивая. — Нет, Кайлар, нет!

Потом она потеряла сознание, и Элена поняла, что Кайлар умер.

Сестра Ариэль подошла к кровати и, схватив серьгу в ухе Ви, попыталась ее снять. Серьга не поддавалась.

— Черт возьми, их связь не разорвать. Даже после его… — Она запнулась на полуслове, понимая, что не стоит распространяться о бессмертии Кайлара. — Я надеялась, что… Нет, я не то хотела сказать… Я думала, если это все-таки произойдет, связь разорвется. — Сестра Ариэль скривилась и отвела глаза в сторону. — Это была последняя надежда помочь тебе. Такие узы неразрывны навеки, и я ничего не могу сделать. Прости.

Прогулка по золоченым коридорам смерти была знакомой. Кайлар плавно скользил вперед, не касаясь ногами пола. Движение здесь происходило словно по велению неведомого разума, которому вздумалось навязать законы мира живых на царство, существующее по собственному распорядку.

Преддверие таинства оказалось в точности таким, как Кайлар его запомнил. Волк сидел на троне, поблескивая желтыми глазами. На его покрытом рубцами от ожогов лице застыло выражение враждебности. Напротив Волка располагались две двери: через одну из них, сделанную из простого дерева, Кайлар вернется в мир живых, а золотая дверь, по краям которой льется теплый свет, закрыта для него навсегда. В комнате ощущалось присутствие призрачных существ. Оставаясь невидимыми, они разглядывали и обсуждали Кайлара.

— Прими поздравления, Безымянный, — обратился к нему Волк. — Ты доказал, что способен принести себя в жертву, как будто тебе плевать на смерть. Будто жизнь для тебя ничего не стоит. Ах, молодость, молодость!

Улыбка Волка походила на оскал.

Кайлар слишком устал для его игр, и Волк больше не вызывал у него страха.

— За что ты меня ненавидишь? — спросил он.

Волк, застигнутый врасплох, с озадаченным видом склонил голову набок.

— Потому что от тебя никакой пользы, Безымянный. Люди любят тебя больше, чем ты заслуживаешь, а ты относишься к ним как к дерьму, которое приходится отскребать от

подошвы сапога.

После всего пережитого слова Волка казались страшной несправедливостью. Задыхаясь от обиды, Кайлар вскинул вверх руки.

— Черт с тобой и твоими таинственными намеками. Можешь меня ненавидеть, сколько душе угодно, но изволь называть по имени!

— И как же тебя зовут? — поинтересовался Волк.

— Кайлар. Кайлар Стерн.

— Ах, Кайлар Стерн? Безжалостный и бессмертный носитель смерти? Это не имя, а звание или приговор.

— Тогда Азот.

— У тебя нет ничего общего с запуганным глупеньким крысенком, но даже будь ты им, знаешь ли, что означает слово «азот»?

— Куда ты клонишь?

— Азот — это старинное название ртути, — злобно рассмеялся Волк. — Непостоянный, бесформенный, непредсказуемый и очень подвижный металл. Ты, Безымянный, можешь быть кем угодно и остаешься никем. Ты — дым, тень, которая исчезает при свете дня. Люди называют тебя Каге. Да, ты тень того, кем мог стать, и тень своего учителя, который был титаном.

— Мой учитель был трусом и даже не сказал, кем он является на самом деле! — гневно крикнул Кайлар и вдруг замолчал, потрясенный собственной яростью. Откуда у него такая злоба?

Волк задумался. Призраки в комнате на некоторое время замолчали, а потом до слуха Кайлара донеслось их невнятное бормотание. Один из призраков разговаривал с Волком, а тот слушал, сложив на животе руки, и время от времени согласно кивал.

— Принц Акелус Торне из Трэйетелля был по природе воином. Он не отличался ни рассудительностью, ни мудростью, ни способностью к самоанализу. Принц относился к редкой категории славных людей, которые обожают войну. Он не испытывал ненависти к жизни и не был жестоким, а просто упивался состязанием, в котором делаются самые высокие ставки, и, надо сказать, преуспел и стал одним из лучших друзей Джорсина Алкестеса. Это рассердило еще одного лучшего друга Джорсина, раздражающегося по любому пустяку архимага по имени Эзра, который считал Акелуса обаятельным дурачком, способным только размахивать мечом. Акелус, в свою очередь, считал Эзру трусом, который увел Джорсина с переднего края, где он должен находиться. Когда были избраны Последователи, мужчины и женщины, которые стали последней надеждой Джорсина на победу, Эзра вознамерился привязать к себе Пожирателя, по всеобщему признанию, самого могущественного ка'кари. Он из кожи вон лез, чтобы добиться своей цели, и единственным человеком, которому Эзра мог добровольно уступить, был Джорсин. Однако Пожиратель выбрал не Эзру и не Джорсина, а любителя помахать мечом. Думаю, ты понимаешь, почему кажется странным, что артефакт, который по своей природе занимается укрывательством и маскировкой, выбирает человека, начисто лишенного коварства и вероломства. Действительно, это представлялось странным, хотя, как известно, выбор ка'кари оказался мудрым. Пожиратель не выбрал твоего господина только потому, что не понимал его, а вот душу Акелуса прочел без труда. Акелус любил звон оружия, но таково большинство мужчин, так как с помощью оружия они доказывают свое превосходство над другими. Если бы Пожиратель выбрал человека, жаждущего власти, как Эзра, на свет появился бы страшный тиран. Вспомни короля-бога, который действительно стал божеством, и поймешь, о чем я говорю. Твой учитель в глубине души любил воинское братство и жаждал мужской дружбы, когда товарищи приходят друг другу на помощь, рискуя потерять все.

Пожиратель ничего не значит, если не наделен талантом создавать напряженные ситуации и отношения. Для получения власти над черным ка'кари твоему учителю пришлось отказаться от воинского братства. Ему пришлось бросить то, что он любил больше всего, и прослыть предателем. Этот конфликт сделал Акелуса человеком более содержательным,

мудрым и печальным. Со временем напряжение и сила ка'кари росли. Твой учитель был воином, у войны свои причуды, и даже самый могучий воин не застрахован от шальной стрелы, гибели боевого коня и ошибки товарища. Вот твой учитель и жил с напряжением своего призвания и боролся со страхом за всех, кого любит.

Акелус хотел жить в мире. Он прожил несколько жизней, в которых был фермером, охотником, аптекарем, парфюмером и кузнецом. Представляешь? И хотя это были полноценные жизни, в течение которых он женился и даже имел детей, их нельзя назвать счастливыми и удачными, так как человек, отказывающийся от самого важного, сам просверливает дыры в чаше своего счастья. Как он мог не обижать тех, кого любил, если они мешали его призванию? Человек, который может повести за собой армии и фактически в одиночку победить любого вторгнувшегося в страну врага. Как можно запереть его на ферме ради любви? Он то и дело возвращался на поле боя, потому что вокруг было слишком много зла, на которое он не мог не обращать внимания. И иногда он побеждал и ничего не платил за победу. А иногда у него умирала жена, но еще хуже, когда умирали дети. Тогда семейная жизнь разбивалась вдребезги. Он был человеком, который так и не научился прощать себя.

Кайлар не мог уловить чего-то очень важного в речи Волка, а тот думал, что ему все понятно. Волк все говорил и говорил, а Кайлару так хотелось узнать больше о своем учителе, что он не осмелился прервать его рассказ.

— В конце концов он решил нанести поражение силе ка'кари, победив любовь, — продолжил Волк. — Он думал, что, если откажется от любви, смерти будет нечего у него забрать. Он заглушал голос любви убийствами, развратом и пьянством и стал наемным магом-убийцей, потому что они не способны любить. Наконец он добился успеха, и ка'кари его покинул, потому что твой учитель познал чувство, являющееся противоположностью любви.

— Ненависть?

— Равнодушие. Когда над жизнью Вонды нависла угроза, Дарзо был освобожден. Путь, который он избрал, оказался разумным. Он не позволил, чтобы ка'кари попал в руки молодого Гэрота Урсуула, но правда заключалась в том, что его не тревожило, умрет ли Вонда. Вот это и разорвало связь с ка'кари.

— Он вернулся. Даже после того, как я привязал к себе ка'кари.

— Потому что он тебя любил, Кайлар, и предпочел умереть ради тебя, отказавшись от всего, что все еще имел. Он отдал ради тебя все: свой меч, ка'кари, силу и саму жизнь. Нет любви сильнее. Наградой за такую смерть стала новая жизнь.

— Кто дал ему такую награду? Ты? — не понял Кайлар. Волк ничего не ответил. — А может быть, ка'кари или сам Бог?

— Возможно, таково действие высочайшей магии. Справедливость и милосердие переплетаются. Это тайна, Кайлар, такая же, как извечный вопрос, почему вообще существует жизнь. На него можно ответить, сославшись на Господа, или вообще над ним не задумываться и просто жить. В любом случае надо радоваться, ибо это великий дар. Или в высшей степени удачная случайность.

Кайлар вдруг почувствовал себя песчинкой в бескрайней вселенной, которая живет по законам выше его понимания, и все же, несмотря на необъятность окружающего мира, он не вступает в противоречие даже с такими страданиями, что перенес Дарзо. Одна последняя жизнь — бесценный дар. Ка'кари — еще более удивительное и невероятное создание, чем Кайлар мог предположить.

— Я думал, это просто какая-то невероятная магия, — пробормотал Кайлар.

Волк расхохотался, и даже призраки в комнате, казалось, испугались.

— Не просто, а в самом деле невероятная магия. Самая могущественная магия связана с такими ценностями и проявлениями человеческой натуры, как красота, страсть, желание и сила духа, мужество и способность к сопереживанию. Именно у них все ка'кари черпают свою силу, так же как из магии, которой они пропитаны.

— А как насчет порочных проявлений человеческой натуры? — с озадаченным видом

спросил Кайлар.

— Имеют значение как достоинства, так и пороки. Мстительность и ненависть, страсть к разрушению, честолюбие и жадность — все они обладают силой. Чтобы достигнуть высшего могущества, характер человека должен соответствовать виду магии, которой он хочет овладеть. В этом и состоит весь секрет. Из майстеров выходят никуда не годные целители. По той же причине большинство зеленых магов, у которых сильно развита способность к сопереживанию, не могут развязать войну. Чем больше в тебе человечности, тем разнообразнее таланты, и чем глубже чувствуешь, тем мощнее твой дар. Вот почему, Кайлар, именно ты призвал ка'кари. Ты жаждал любви, и не просто хотел быть любимым, как все мы, а стремился одарить любовью дорогих для тебя людей. Ты страстно желал этого всем своим существом, но думал, что навеки лишен такого счастья.

Тон, которым Волк произнес эти слова, привел Кайлара в замешательство.

— Не смущайся, — приободрил его Волк. — Что может быть человечнее, чем любить и быть любимым? В борьбе между любовью и мыслями о том, что она для тебя невозможна, создалось напряжение, которое усилило твое могущество.

— Это напряжение по-прежнему со мной, — с горечью в голосе произнес Кайлар. — Потому что моя любовь всегда таит угрозу для тех, кого я люблю.

— Какой, однако, умник! Твоя сила связана со способностью любить. Создатель ка'кари дал тебе дар и снабдил его средством, которое вечно сохраняет силу. Это не какая-нибудь дурацкая шутка.

— Вот именно, дурацкая шутка. И что мне теперь прикажешь делать? — с раздражением спросил Кайлар.

— Трудно сказать, — пожал плечами Волк.

Кайлар не слушал. От страшной догадки от лица отхлынула кровь. Удары сердца гулко отдавались в ушах, а в горло вцепилась невидимая рука и не давала дышать. Он-то думал, что его любовь опасна, потому что враги всегда смогут расправиться с любимыми людьми, но Волк имел в виду совсем другое. Вот уже пять минут он старается объяснить Кайлару, в чем дело, а он так ничего и не понял.

— Так что это… получается, всякий раз, когда я умирал… кто-то из людей, которых я люблю, расплачивался своей жизнью? — задыхаясь, прошептал Кайлар.

— Вот именно. Такова цена бессмертия.

— Кто?.. — с трудом выдохнул Кайлар.

— Сэра Дрейк умерла, когда тебя убил Рот. Мэгс Дрейк погибла, когда Резаный Врабль выпустил из лука стрелу, преследуя тебя, а Улана Дрейк ушла из жизни, когда тебя убил король-бог.

У Кайлара подкосились колени. Захотелось отключиться, потерять сознание и ничего не чувствовать. Казалось, время остановило свой бег, а в голове вертелась одна мысль: слава богу, что не Ули и не Элена. В следующее мгновение он проклял себя за такие мысли. Кто он такой, чтобы решать, кому жить, а кому умереть, и радоваться, что из жизни ушел человек, которого он любит меньше? Ведь это он, Кайлар, убил родных графа Дрейка, который подобрал его в сточной канаве и сделал членом своей семьи. Они погибли из-за безответственности и самонадеянности Кайлара. За все добро, что сделал для Кайлара граф Дрейк, он отплатил черной неблагодарностью.

— А когда я взял деньги, чтобы меня убили?

— Джарл.

Кайлар со стоном разорвал на себе плащ. Он упал на землю и стал бить ее кулаками, но она не испытывала боли, и ее нельзя было убить. По лицу градом катились слезы, не принося облегчения.

— Господи, ведь я же не знал! Я ничего не знал!

Волк не скрывал удивления.

— Разумеется, ты знал, ведь Дарзо оставил для тебя письмо, в котором все объяснил. Он сказал мне, что положил письмо в нагрудный карман.

— Я не смог его прочесть, потому что оно насквозь пропиталось кровью! Нельзя было разобрать ни единого слова! — Вдруг его осенила страшная мысль. — Кто на сей раз? — спросил он в отчаянии. — Кому суждено умереть ради меня?

Волк наблюдал за Кайларом, совершенно ошеломленный. Из горящих желтым светом глаз исчезла злоба, а рубцы на лице разгладились, впервые за все время, что его знал Кайлар, это лицо приобрело сходство с человеческим.

— Прости, Кайлар, я думал, ты все знаешь.

— Умоляю, позволь мне расплатиться самому!

— Невозможно. Мы оба бессильны и не можем что-либо изменить. На сей раз умрет Элена.

58

Кайлар очнулся в холодной комнате. Он лежал на каменной плите и не открывал глаз. Если бы можно было никогда не просыпаться! Он лежал неподвижно, прислушиваясь к своему телу. Кровь бежала по жилам, и, как всегда, при возвращении в мир живых, оно ощущало себя превосходно. Кайлар был цел и невредим, полон сил и энергии. Он украл чью-то жизнь, которая щедро отдала ему всю свою силу. Жизненная сила переполняла Кайлара, и его абсолютно здоровое тело казалось жестокой насмешкой.

Из глаз покатились горючие слезы. Ничего удивительного, что Волк счел его чудовищем. Он решил, что Кайлар осознанно расплачивается за бессмертие жизнями людей, которые его любят и которых он любит сам.

Он лежал на спине с закрытыми глазами, время шло, а ему становилось все хуже. Воздух в помещении был затхлым и спертым. Кайлар открыл глаза и увидел богато украшенный потолок из белого мрамора. Итак, он находится в склепе, а где-то рядом, на таких же каменных плитах, лежат тела мужчины и женщины. Мужчина был крепким и рослым и держал в руках меч, а у женщины перерезано горло, и, глядя на признаки разложения, Кайлар понял, что она истекла кровью. Мужчина умер примерно в то же время, когда произошел переворот. Это были родители Логана, а вокруг них по стенам ярусами лежали представители семьи Джайр, которых тут хоронили веками. Значит, Логан похоронил Кайлара в своем фамильном склепе.

Кайлар поднялся. Несмотря на долгие часы, проведенные на мраморной плите, тело совсем не онемело. Он был одет в тунику из золотой парчи, белые штаны ниже колена и мягкие замшевые башмаки. В склепе стояла кромешная темнота, и определить, который сейчас час, не представлялось возможным. Вход в склеп закрывал массивный камень, высеченный в форме колеса выше человеческого роста. Кайлар вспомнил, что склеп находится за чертой города и уходит под землю. Если так, то можно выбраться отсюда незамеченным, хотя, как бы там ни было, уходить все равно придется. Кайлар схватил каменное колесо и силой *таланта* стал освобождать выход.

Камень медленно повернулся на пол-оборота, и Кайлар, превратившись в невидимку, вышел из склепа.

Стояла ночь, но высоко в небе светила полная луна, и в ее сиянии на узкой лесенке, ведущей в склеп, отчетливо вырисовывалась фигурка девочки. При виде отодвигающегося камня ее глаза расширились от ужаса. Это была Блю, маленькая беспризорница из гильдии Черного Дракона.

Кайлар в нерешительности остановился и стал наблюдать за девочкой. Похоже, Блю очень хотелось убежать, однако она не тронулась с места. Отважная маленькая побирушка.

— Кайлар, это ты? — прошептала девочка.

Оставаясь невидимым, Кайлар думал, как поступить. Убить девчонку? Или просто уйти, и пусть себе рассказывает байки о том, как открылся вход в склеп? Маловероятно, но все же кому-нибудь может прийти в голову проверить ее слова и открыть склеп. И что произойдет, когда увидят, что Кайлара там нет?

— Кайлар, я знаю, что ты здесь. Возьми меня с собой, — прошептала девчушка.

— Блю, приходилось ли тебе убивать? — обратился он к девочке, по-прежнему оставаясь невидимым.

Блю стала в растерянности оглядываться по сторонам, пытаясь определить, откуда доносится голос.

— Нет, — наконец еле слышно произнесла она.

— А ты хочешь убивать людей?

— Я бы убила Дэга Таркуса. Он ударил Пигги в живот, наказал за воровство, а на следующий день Пигги умер.

— А если я скажу, что, став моей ученицей, ты будешь вынуждена убивать десятками таких мальчишек, как Пигги? Вдруг тебе придется перебить всю вашу гильдию?

Блю разрыдалась.

— Ну что, вижу, ты передумала идти со мной.

Девочка кивнула.

— Тогда попрошу тебя о двух вещах. Никому и никогда не рассказывай, что ты здесь видела, а иначе об этом узнают плохие люди и погибнет множество людей хороших. Понимаешь? Ничего не говори даже лучшим друзьям.

— После смерти Пигги у меня не осталось друзей, — призналась Блю.

— Иди на угол улиц Вердан и Гар. Встретимся там через час.

— Ты меня не обманешь? Обещаешь?

— Обещаю.

Блю ушла, и Кайлар, закрыв вход в склеп, отправился в дом-укрытие, где собрал все, что ему нужно, в том числе и меч Возмездия, который оставил здесь перед убийством королевы, так как знал, что оружие отберут. Затем он написал послание Римболду Дрейку, в котором объяснил случай с прачкой, оставшейся по его вине калекой. Кайлар просил графа позаботиться о женщине, а потом сообщил о том, что узнал от Волка. Кайлар рассказал, во что обошлась семье Дрейк любовь к нему. Потом он взял несколько мешочков с золотом, яды и смену белья, надел плащ и натянул на голову капюшон, закрыв лицо.

Блю ждала его на перекрестке, как договаривались. Увидев Кайлара, она быстро вскочила на ноги.

— Послушай, Блю, в этом доме живет хороший человек. Его отравили и едва не лишили жизни во время переворота. Халидорцы убили его жену и двух дочерей. Это самый достойный человек из всех, что я знаю. Думаю, вы с ним нужны друг другу. В своем письме я прошу его принять участие в твоем воспитании. Это твой единственный шанс выбиться в люди, и тебе предстоит нелегкий путь. Войдя в его дом, ты останешься там, сколько потребуется, и выйдешь из него настоящей леди. Ведь ты хочешь именно этого?

— Настоящей леди? — переспросила Блю, и на ее лице появилось мечтательное выражение.

— Ну что, подходит тебе мое предложение?

— Хочу, чтобы из меня вышел толк. Хочу стать настоящей леди.

— Верю.

Кайлар приложил руку к щели в дверях и отправил ка'кари отодвигать щеколду. Потом открыл дверь, и они тихо прошли мимо домика сторожа к парадному входу. Кайлар вручил девочке мешочек с золотыми монетами, который оказался таким тяжелым, что Блю с трудом удержала его в руках. Кайлар вложил в руку девочки письмо и отбросил назад капюшон. Теперь у Блю не возникнет сомнений, что это он, ночной ангел.

— Я верю в тебя, Блю. Я вижу души насквозь и без труда определяю, кто чего стоит. Знаю, ты достойна иной участи. Будь внимательна к графу Дрейку, не причиняй ему боли. Вот мне это не удалось. Я принес ему много горя, а он не заслуживает таких страданий.

Кайлар постучал в дверь и, превратившись в невидимку, дождался, когда граф ее откроет. Римболд Дрейк смотрел на Блю воспаленными от бессонницы глазами, а она от страха не могла произнести ни слова. Граф взял из рук девочки письмо и, прочитав его,

расплакался.

Кайлар собрался уходить, и в этот момент Дрейк заговорил, обращаясь в ночную темноту:

— Ты лучше, чем думаешь, и я прощаю все зло, которое, как тебе кажется, ты мне причинил. Всегда рад видеть тебя здесь, сын мой.

Кайлар растворился во тьме, частью которой являлся.

59

Через два дня Солона перевели в другую камеру. Дверь, обитая железом, запиралась на замок, на окнах стояли решетки, но они выходили во внутренний двор Уайтклиффского замка. Внутренний двор уже украсили для предстоящей свадебной церемонии. Зеленый цвет символизировал виноградники и море, а пурпурный — вино и монаршую власть.

— Не знаю, кто ты на самом деле, самозванец, — заявил один из стражников, — но можешь наслаждаться свадебным торжеством, потому что оно станет последним зрелищем в твоей жизни.

Солон посмотрел на стражника. Это был пузатый мужчина с тяжелой челюстью, в плохо начищенных доспехах.

— Интересно, почему? — поинтересовался он.

— Потому что микайдон решил, что, став императором, прежде всего отдаст приказ о твоей казни.

Второй стражник, худой, как щепка, с единственной бровью на лице, явно нервничал и имел виноватый вид.

— Заткнись, Ори. Клянусь кровью Нисоса, день и так обещает быть скверным. Клянемся, что сделаем свою работу быстро, — обратился он уже к Солону.

Он некоторое время настороженно наблюдал за пленником, словно ожидая от него какой-нибудь выходки, а потом закрыл за собой дверь.

После ухода стражников Солон с удивлением обнаружил таз с водой и чистую одежду. Он вымылся и переоделся, размышляя о том, что Ошоби уже командует тюремщиками, которые подчиняются лично Кайде. Конечно, это дурной знак, но, возможно, дело обстоит не так плохо, как он подозревает. Солон не знал, каким образом Кайде собирается делить власть с супругом. Во время их разговора, состоявшегося два дня назад, она не была похожа на императрицу, намеревающуюся предоставить всю полноту власти мужу.

У Солона сделалось нехорошо на душе от дурного предчувствия. За последние дни он обдумал все варианты и не нашел ни одного способа заявить о своих правах без ущерба для Кайде. Он не знал скрытых политических сил и течений, существующих в стране, и поэтому любая попытка что-либо предпринять могла дать обратный результат. Однако ему принесли чистую одежду, какую носят если не члены императорской семьи, то, во всяком случае, люди благородного происхождения, и это подтверждает, что Кайде вряд ли намеревается умертвить его сегодня. Может быть, она дает ему шанс? Или наказывает, заставляя смотреть на свою свадьбу, которая, по ее мнению, стала возможной только по вине Солона? Во дворе уже собирались дворяне, располагаясь по порядку старшинства, как это принято у сетцев, чтобы стать свидетелями свадебной церемонии. Очень скоро около четырехсот человек окружили помост, где должны были сочетаться браком императрица и будущий император. Солон рассмотрел в толпе много знакомых лиц и с ужасом отметил, скольких людей, которых он знает, тут не хватает. Неужели брат истребил такое количество народа? Как могло случиться, что он превратился в чудовище, а Солон ни о чем не подозревал?

Звон поющих мечей возвестил о начале церемонии. На помост вышли два танцора в масках и стали лицом друг к другу. Мужчина надел маску претендента на руку невесты, и сегодня ее выражение было очень серьезным. Мальчик-подросток изображал очаровательную, но суровую женщину, что соответствовало чувству собственного достоинства императрицы. Каждый держал в руках полый меч особой формы, который поет

во время танца, и его звук меняется в зависимости от того, как его держит танцор и какой наносит удар. Мечи были разделены на октавы, и состязание двух танцоров, символизирующее процесс ухаживания влюбленной пары, наряду с отработанными хореографическими па, всегда содержало элемент импровизации. Такой танец был излюбленным развлечением на свадьбах и самым дорогостоящим, так как искусство опытных танцовщиков стоило недешево. Он посвящался Нисосу и имел разную направленность, от эротической до комедийной. Кроме того, танец вызывал наибольшее беспокойство будущих супругов, так как артисты иногда любили выставить жениха или невесту, а то и обоих сразу в весьма неприглядном или даже дурацком свете. Часто после свадебного торжества у гостей оставался в памяти только танец с поющими мечами.

Танцоры низко поклонились, не опуская глаз, как будто в чем-то друг друга подозревали, а потом начали представление. На время танца Солон совершенно забыл, что находится в темнице. Артисты изобразили жениха быстрым на руку, с широким замахом меча, а Кайде — острой на язык женщиной. В течение всего танца женщине, прослывшей сварливой и бранчливой, предназначалась всего одна нота, тогда как легко выходящему из себя мужчине отдавались ноты, которые можно получить только на крайних точках поющих мечей. Мужчина, изображающий Ошоби, отличался мощным телосложением и, хотя двигался медленнее, был сильнее Кайде. Неизвестные танцоры были неподкупными и не боялись даже будущего императора. Глядя на их танец, Солон прекрасно понимал всю процедуру ухаживания.

Ошоби гонялся за невестой, преследуя определенную цель. Кайде быстро выбивалась из сил и долго приходила в себя, потом преследование продолжалось. Танцор, изображающий Ошоби, подсмеивался над своим персонажем так изящно, что это мог заметить только очень искушенный глаз. Зрителям намекали, что Ошоби нужна не сама Кайде, а ее трон. За ним-то и идет погоня.

Кайде двигалась все медленнее, но танцоры не хотели показывать, как Ошоби принудит ее к покорности. Просто теперь Ошоби мог ее догнать и от этого казался себе совершенно неотразимым. Обе каденции слились, потом Ошоби заглушил мелодию Кайде. В заключительной части танца Кайде опустилась на колени, широко раскинув руки. Настал момент ритуального прикосновения к сердцу. В спешке танцор, изображающий Ошоби, сделал неловкий шаг и поскользнулся, а его меч на мгновение уперся невесте в горло. Он молниеносно выпрямился и, как полагается, прикоснулся мечом к сердцу Кайде.

Все было обставлено так ловко, что даже Солон на секунду поверил, что танцор действительно оступился. Все гости так и решили или сделали вид, что не заметили незначительной досадной ошибки в безупречном представлении, и приветствовали исполнителей одобрительными возгласами. Когда шум утих, вошли жених и невеста.

Кайде направилась к помосту, и Солон почувствовал, как к горлу подкатил ком. На ней была парчовая накидка с длинным шлейфом, отороченным кружевом. Корона из виноградных лоз со спелыми ягодами украшала длинные черные волосы. Как и полагается на свадебной церемонии, обе груди были обнажены, а соски выкрашены в красный цвет. Ниже пупка, на обнаженном животе нарисованы руны плодородия. Юбка из золотой парчи держалась на бедрах и тащилась по земле, время от времени открывая взору босые ноги, испачканные вином. Большинство женщин предпочитали более короткую юбку, открывающую ноги, считая, что на свадебном пиру одеяния из виноградной лозы вполне достаточно. Похоже, Кайде действительно думает, что она прежде всего королева и только потом женщина. Однако, проведя столько лет в Мидсайру, Солон начисто утратил стыдливость. При виде Кайде в свадебном одеянии его охватило страстное желание.

На юбке отсутствовали пуговицы и застежки, а под ней не полагалось носить белье. Ее дошивали утром в день свадьбы, уже на самой невесте. В порыве страсти жених срывает юбку в первую брачную ночь, а подвыпившие гости громко кричат за дверьми комнаты для новобрачных, пока он не выбросит юбку в окно. В старые времена, да и сейчас кое-где в деревнях невеста надевает юбку белого цвета. Сначала жених должен ее разорвать, но не

выбрасывать до тех пор, пока не исполнит супружеский долг, после чего гости ходят, размахивая юбкой как доказательством невинности невесты, которое часто представляло собой не что иное, как овечью кровь. Обычно матери давали дочерям склянки с овечьей кровью, на случай если любимое чадо уже успело лишиться девственности. К радости Солона, этот неприличный обычай почти исчез. Как можно получить удовольствие от супружеской близости, когда пьяные придурки орут и колотят ногами и кулаками в стены?

К помосту направился Ошоби Такеда, и Солон почувствовал приступ дикой ненависти. Это он, Солон, должен сейчас идти к невесте и ночью сорвать с Кайде свадебную юбку. Ошоби вошел в центр круга. Мощная грудь обнажена, а полностью лишенный жира живот, казавшийся от этого не плоским, а ребристым, украшали руны, символизирующие мужскую силу. В его волосы тоже были вплетены виноградные лозы. Наряд Ошоби состоял из простой зеленой накидки с капюшоном и сшитых из золотой парчи штанов ниже колена.

Он поднялся на помост, едва взглянув на Кайде, и Солон подумал, что этот человек либо слеп, либо является извращенцем. Как можно не восхищаться такой красотой? Ошоби повернулся к собравшимся дворянам и обратился к ним с речью:

— Я пришел сюда, чтобы взять в супруги нашу императрицу. В моей душе всегда жило желание объединить страну, которая страдает от раздоров уже более десяти лет. Все мы пришли в смятение, узнав о супружеских изменах, совершенных Доной Вариямо, и, несмотря на то что это ложится пятном на мою фамильную честь, я пришел, полный решимости вступить в брак.

Из своего окна Солон видел то, что ускользнуло от взоров дворян. Все выходы перекрыли одетые в доспехи городские стражники, а вместе с ними неровными рядами выстроились королевские гвардейцы. Их никто не замечал, но они в любую минуту могли напасть на собравшихся на свадебное торжество гостей. Солон только не мог рассмотреть, как реагирует Кайде на эту прелюдию к предательству.

Ждать пришлось недолго.

Кайде подошла к Ошоби и отвесила ему пощечину.

— Если будешь вести предательские речи, Ошоби Такеда, я прикажу отрубить тебе голову, — заявила Кайде чистым голосом, в котором отсутствовал страх.

Пожилой дворянин, в котором Солон узнал Нори Ошибату, давнишнего друга семьи Вариямо, бросил украдкой взгляд на Ошоби и двинулся вперед.

— Дорогая Кайде, наша возлюбленная императрица, твоими устами говорит гнев. Так себя вести не подобает. Он не сказал ничего особенного.

Нори втащил Кайде в толпу, где ее плотным кольцом окружили другие «друзья семьи».

Ошоби ухмыльнулся, словно огромный сытый кот.

— Я явился сюда, чтобы послужить Сету, но сегодня утром я обнаружил нечто такое, что является неприемлемым для моей чести. У Доны Вариямо сохранились письма от Солона, брата покойного императора. Они адресованы Кайде, и в них Солон рассказывает о любовных свиданиях с ней и тайной женитьбе.

— Ложь! — выкрикнула Кайде.

У Солона упало сердце. Эти свидания были лишь робкой попыткой любви и закончились полной катастрофой, когда мать Кайде застала их обоих обнаженными в постели. Она била Солона туфлей по лицу. Приди Дона Вариямо на десять или, учитывая его молодость, на пару минут позже, и он признал бы справедливость наказания. Ни о каком тайном браке, разумеется, не шло и речи.

Однако Ошоби времени зря не терял.

— У меня есть эти письма! — воскликнул он, размахивая пачкой писем. — А эта женщина присутствовала, когда госпожа Вариямо застала вас в момент прелюбодеяния. — Он вытолкнул вперед рабыню.

— Клянусь, я все видела, — прошептала женщина.

— Говори громче! — приказал Ошоби.

— Клянусь, это правда!

Среди дворян началось волнение, но у Ошоби хватило мудрости не призывать на помощь своих людей. Кайде закричала, и чья-то рука закрыла ей рот. Теперь императрицу держали несколько мужчин.

— Итак, даже если мы поверим, что Кайде не вступала в кровосмесительную связь, предаваясь распутству в самом сердце нашей державы, нам всем известно, что она вышла замуж за Седжурона Тофьюсина. Этот брак считается недействительным, так как Кайде вступила в него, уже будучи замужем за братом императора!

Ошоби придал лицу скорбное выражение.

— Сегодня утром я проснулся, намереваясь запятнать позором свою семью, потому что считал это полезным для страны…

У Солона за спиной скрипнула дверь. Он отвернулся от окна и увидел на пороге двух тюремщиков.

— Ну ладно, — заявил пузатый, — ты и так уже увидел больше, чем надо. Ну что, готов?

— Да, — ответил Солон, призывая *талант,* — Который из вас хочет умереть первым?

— Что? — хором переспросили тюремщики.

— Значит, вместе, — согласился Солон и силой *таланта* остановил их сердца.

Тюремщики стали сползать на пол, один скрючился, а второй упал лицом вниз. Солон взял в руки меч и снова повернулся к зарешеченному окну.

Удар, потрясший весь замок, снес всю стену, и камни градом посыпались на толпу. Люди в панике оглядывались по сторонам, не понимая, что происходит.

«А Дориан говорил, что мне не хватает ловкости».

Солон легко спрыгнул вниз и направился к толпе дворян. Стражник с выпученными от страха глазами заступил ему дорогу. Солон сделал жест, как будто убил щелчком муху, и поток воздуха отшвырнул стражника в сторону.

— Я — Солонариван Тофьюсин, сын императора Крезуса Тофьюсина, Светоча Запада, протектора всех островов и лорда-адмирала Королевского флота Сета. — Солон умышленно говорил двусмысленно, чтобы никто не понял, то ли он перечисляет все титулы и звания отца, то ли претендует на них сам. — Я вернулся на родину и называю тебя, Ошоби Такеда, лжецом и предателем. Но даже если бы твоя презренная ложь оказалась правдой, ты не имеешь права на престол, пока жив я.

— Это можно легко исправить, — оскалился Ошоби.

Солон быстро вскочил на помост, не давая Ошоби опомниться.

— Хочешь вызвать меня на поединок? — презрительно рассмеялся Солон. — Ни один из Тофьюсинов не станет марать руки собачьей кровью.

Ошоби с ревом выхватил меч и изо всей силы обрушил его на Солона. Солон отбил удар и вонзил меч противнику в шею. Ошоби выпучил глаза, но попытался нанести еще один удар. Всплеск магии разжал пальцы Ошоби, и его меч выпал из рук.

— Впрочем, — продолжил свою мысль Солон, — я сделаю исключение для жалкого котенка. — Он вырвал меч из шеи Ошоби, и кровь ручьем хлынула на помост, а великан упал лицом на землю. Солон поставил ногу на шею умирающего врага и повернул меч в сторону дворян, вцепившихся в Кайде. — Это ваша императрица, — обратился к ним Солон. — Настоятельно советую вам немедленно убрать от нее руки.

60

Кайлар провел в пути почти всю ночь и ближе к рассвету сделал привал недалеко от дороги. Расседлав Трайба, он бросил на землю одеяло и сразу заснул, но пару часов спустя его разбудило храпение лошади. Кайлар по привычке стремительно вскочил на ноги.

— Вижу, ты не забыл всего, чему я тебя учил, — сказал человек в одежде коричневого цвета, привязывая свою лошадь рядом с Трайбом.

— Учитель?! — воскликнул Кайлар, не веря ушам.

Девирамин ко Брамазиваказари насмешливо фыркнул. Было странно слышать знакомый голос Дарзо из уст иммурца. Дэви взглянул на меч Возмездия в руках Кайлара.

— Молодец, что сумел сберечь меч и не потерял его в очередной раз. Береги его и впредь. Ты готов отправиться в путь?

Кайлара охватило необычное волнение. Ему действительно не терпелось сесть в седло. Энергия, переполнявшая тело после очередного возвращения к жизни, еще не иссякла.

— Ведь я не сплю? — обратился он к Дэви.

— Есть лишь один способ убедиться наверняка, — насмешливо поднял бровь Дэви.

— Какой?

— Ступай в лес и помочись, и если почувствуешь, что стало тепло и мокро, пора просыпаться.

Кайлар рассмеялся и последовал совету Дэви. Когда он вышел из леса, Дэви сидел, скрестив ноги, на земле, а перед ним был разложен обильный, хотя и холодный завтрак.

Кайлар набросился на еду с таким удовольствием, что удивился сам, но Дэви сохранял невозмутимый вид. Все происходящее вокруг по-прежнему казалось нереальным, и Кайлар не сводил удивленного взгляда с учителя.

Наконец иммурец не выдержал:

— Если ищешь во мне повадки, свойственные Дарзо, их становится все меньше. Я больше не жую чеснок и хочу как можно скорее избавиться от других привычек. В новом обличье нет никакого толку, если продолжаешь вести себя, как прежде. Я уже несколько раз прошел через это, и если тебе нужны доказательства, что я именно тот, за кого себя выдаю, можешь проверить сам.

— Есть вещи, которые Дарзо сообщил только мне и никому больше. У тебя было много имен, и все они непременно что-нибудь означали: например, Феррик Файрхарт — Огненное сердце, Гэлан Старфайр — Звездный огонь, Гротан Стилбендер — Сгибающий сталь. И у других наемных магов-убийц имена имели определенное значение. Взять хотя бы Хью Висельника или Резаного Врабля. Почему ты выбрал имя Дарзо Блинт? Какой-нибудь каламбур на древнем джеранском языке?

— Коварный вопрос! — рассмеялся Дэви. — Я никогда не говорил тебе, почему выбрал это имя. Но отвечу на твой вопрос. Вообще-то предполагалось, что меня будут звать Дарзо Флинт, то есть Кремень. Я напился, и кто-то назвал меня Блинтом, а мне было плевать, и я не стал его исправлять. Какой следующий вопрос?

— Ах ты, старый мерзавец. Флинт — совсем другое дело, — рассмеялся Кайлар, потом вдруг помрачнел. — Какова цена бессмертия?

— Каждая новая жизнь оплачивается жизнью того, кого ты любишь.

Как все просто. Если бы Дарзо сказал об этом до переворота, многое пошло бы по-другому. Разумеется, Дарзо хотел все ему объяснить в своем письме.

— Есть ли способ покончить с этим безумием? — спросил Кайлар.

— Покончить с бессмертием или убийством других людей?

— Одно из двух или и то и другое.

— Волк никогда не говорил, какой предел у бессмертия. Возможно, он и сам не знает. Я всегда старался избежать казни, которая полностью разрушает тело, например сожжение на костре или четвертование.

— А как же Кьюрох?

Дарзо пристально посмотрел на Кайлара и ответил:

— Роковой удар Кьюроха разобьет вдребезги магию бессмертия. Джорсин боялся пожирателя магии ка'кари и позаботился о том, чтобы оставался хотя бы один способ убить наделенного бессмертием.

У Кайлара возникло чувство, что он переместился во времени. Подумать только, он говорит с человеком, знавшим Джорсина Алкестеса! А Джорсин испытывал страх перед магией, которой обладает Кайлар.

— А можно ли не рассчитываться за бессмертие чужими жизнями? — спросил Кайлар.

— Думаешь, за семь столетий я не пытался это осуществить? Здесь действует очень сильная и трудная для понимания магия. Жизнь за жизнь. Волк может отсрочить смерть, но не остановить. Подобные вещи даже ему не под силу.

— А что, если убить меня Кьюрохом в тот промежуток времени, когда умираю я и человек, который должен погибнуть из-за меня? — предположил Кайлар.

По выражению лица Дарзо было ясно, что вопрос поставил его в тупик и он думает над ответом.

— Послушай, ты не представляешь, как выглядит Кьюрох…

— Ошибаешься. Я забросил его в лес Эзры.

— Что ты сделал?!

— Я заключил сделку с Волком, потому что до недавнего времени ничего не знал о твоем письме.

Дарзо в замешательстве потер руками виски.

— И что он тебе дал в обмен на самый мощный в мире артефакт?

— Он оживил меня быстрее, чем обычно, и вернул отрубленную руку.

Кайлар прекрасно помнил застывший взгляд Дарзо и сразу его узнал, несмотря на то что сейчас на него смотрели незнакомые миндалевидные глаза. Взгляд означал, что он размышляет о непроходимой глупости ученика.

— Будь добр, скажи, как ты умудрился добыть и потерять меч, за которым гоняется весь мир, да еще убить при этом короля-бога и королеву Сенарии, а также вытащить из Дыры человека и сделать его королем? — поинтересовался Дарзо.

— На все ушла неделя. Мечом владел Лантано Гаруваши, и я вызвал его на поединок.

— Он на самом деле такой искусный воин, как говорят?

— Гораздо лучше, особенно если учесть, что он не наделен *талантом.*

— Тогда непонятно, как тебе удалось его победить? — удивился Дарзо.

— Что ты хочешь этим сказать?! — возмутился Кайлар.

— Кайлар, ведь я сам тебя учил, и ты не относишься к числу лучших учеников. Возможно, со временем ты им и станешь. Так что или Гаруваши не так хорош, как о нем говорят, или тебе просто повезло, или ты смошенничал.

— Мне повезло, — признался Кайлар. — А что, дело и правда обстоит скверно? То есть я зря забросил Кьюрох в лес Эзры?

— Знаешь ли ты, кто такой Волк? — спросил Дарзо.

— Именно этот вопрос я и хотел тебе задать.

— Уместнее спросить, кем Волк был, потому что никто не знает, что он собой представляет сейчас.

— Хорошо. Так кем был Волк? — спросил Кайлар.

— При дворе Джорсина Алкестеса был маг с золотистыми глазами. *Талантом* и магической силой он лишь немногим уступал самому Джорсину. Однако Джорсину помимо магии приходилось обучаться военному искусству, умению руководить людьми и дипломатии, тогда как маг с золотистыми глазами всецело посвятил себя изучению магии и достиг небывалых высот. Он оказался настоящим гением, какие рождаются раз в тысячелетие. У мага было мало добродетелей, а друзей еще меньше, и весь мир сосредоточился для него на Джорсине. Во время войны он потерял все, что любил: Джорсина, книги по магии, единственного друга Орена Рейзина и невесту. Кроме того, маг лишился рассудка, и никто не знает, пришел ли он в себя. Он укрылся в лесу, где можно спокойно вынашивать и лелеять свою ненависть. Разумеется, лес назван его именем.

— Лес Эзры? — шепотом спросил Кайлар. — Значит, Волк — это Эзра?

— У Джорсина был близкий друг, который его предал, и звали его Ройгарис Урсуул.

— О господи!

— Во время войны Ройгарис сотворил из себя нечто невероятное. Мы назвали это существо Грабителем. Против этого создания магия бессильна, а оно само действует со скоростью мысли и убило тысячи таких, как мы. — Дарзо потер рукой щеку. — Я стал

первым человеком, которому удалось его ранить, и в тех местах, где на лицо брызнула его кровь, остались следы. Меня не смогли исцелить с помощью магии. Во время последнего сражения Грабителя тяжело ранили, но Эзра не стал его добивать, а забрал в свой лес. Прошло пятьдесят лет, и там состоялась битва магических сил, и все живое в лесу погибло. То же самое происходит и сейчас. Кто бы ни зашел в лес Эзры, будь то животное, крал, маг или непорочная дева, живыми им оттуда не выйти. Там погибали целые армии с севера и юга. Как бы там ни было, Волк собирает артефакты в течение семи столетий и с каждой новой сделкой становится все сильнее.

— А что отдал ему ты? — спросил Кайлар, чувствуя, как все холодеет внутри.

— Пару ка'кари, но он хочет заполучить их все, а еще Кьюрох и Иурес.

— Что такое Иурес?

— Спутник Кьюроха, меч Власти и жезл Правосудия. Джорсин умер в тот день, когда закончили работу над Иуресом, и он так и не воспользовался жезлом. Никто не знает, что с ним потом стало.

— Чего добивается Волк?

— Не знаю. Видишь ли, Кайлар, мы имеем один ка'кари, и его сила вызывает священный трепет. А теперь представь архимага, владеющего всеми семью ка'кари да еще Кьюрохом и Иуресом в придачу. Даже если Волк — это Эзра, разве можно доверять безумцу, наделенному такой огромной властью? Окажись ты на его месте, нельзя доверять даже себе самому! А что, если Волк вовсе не Эзра, а Ройгарис?

— Значит, ты с ним боролся.

— Когда я отдал коричневый ка'кари, то понял, что сделал это зря, и разбросал остальные ка'кари по всему свету. Поверь, для него это не прихоть. За семь столетий Волку удалось добыть несколько ка'кари, а теперь у него есть еще и Кьюрох, а возможно, и Иурес. Он вполне может потратить еще лет сто на поиски остальных артефактов. И тебе, Кайлар, придется взвалить это бремя на свои плечи и не допустить, чтобы Волк завладел ими всеми.

— Возможно, он на нашей стороне.

— Расскажи это всем невинным людям, которых он убил.

— А что сказать тем, кого убил ты?

Дарзо некоторое время в задумчивости покусывал губу.

— Дело в том, что черный ка'кари не способен действовать в зеркальном отображении, и я не смогу рассмотреть свою душу, а ты — свою. Если хочешь, прямо сейчас поднеси его к глазам и вынеси приговор моей душе.

Кайлар не отважился последовать совету Дарзо, так как знал, что только во время переворота он отравил десятки людей. А всего на его совести были сотни и тысячи жизней. Кайлар понимал, что при виде такой огромной вины он может не сдержаться и убить Дарзо или попытаться это сделать. Выйти победителем из такого поединка ему не хотелось, особенно сейчас, когда стала известна цена каждого возвращения к жизни.

— Что же я должен предпринять против Волка? — обратился он к Дарзо.

— Пока ничего. Однако если вдруг услышишь, что гора Тендзи впервые за двести лет не извергает огонь или вихрь Тлаксини успокоился, нужно действовать как можно быстрее. Как я уже сказал, речь идет не о прихоти и не о кратковременной угрозе.

— Когда же этому наступит конец?

Дарзо скептически фыркнул и протянул руку к поясу, где обычно хранил мешочек с дольками чеснока. Опомнившись, он с раздражением скрипнул зубами.

— Возможно, пройдут столетия, а может быть, хватит и двадцати лет. Отдав ему Кьюрох, ты совершил большую ошибку.

— Мы можем победить?

— Мы? Знаешь, малыш, я ведь теперь стал смертным, и в моем распоряжении в лучшем случае лет тридцать или сорок. Так что у меня нет желания связываться с Волком. Можешь ли победить ты? Возможно. Он не будет жить вечно, так как его магия — всего лишь подражание нашей. То есть твоей.

— Он сделал один черный ка'кари, почему не сделать для себя еще один? — засомневался Кайлар.

— Сделал? Вовсе нет. Эзра его нашел и тщательно изучил, чтобы сделать другие ка'кари, но получились лишь ухудшенные копии оригинала.

— Ка'кари мне сказал…

— Позволь, я догадаюсь сам. Он сказал что-нибудь о своих «ограниченных умственных способностях». Знаешь, Кайлар, когда я появился на свет, ка'кари уже был древним артефактом. Он заговорил в таком тоне, только чтобы не напугать тебя до смерти. Теперь у тебя общие мозги с существом, могущество которого превращает тебя в карлика.

«Я бы не сказал, что мое могущество сводит на ноль твою силу».

— Передай от меня привет этому подлецу, — улыбнулся Дарзо.

«Я любил тебя больше, чем ты сам себя, Акелус».

— Тем не менее хочу предупредить: если ка'кари скажет, что надо действовать, сделай это немедленно, — проговорил Дарзо.

«Совершенно верно. Благодарю за поддержку».

Когда ка'кари заговорил с Кайларом в первый раз, то посоветовал ему нагнуться. Кайлар не послушался, и в следующее мгновение его грудь пронзила стрела.

— Подожди, ты так и не ответил на мой вопрос. Что, если меня убьет Кьюрох, прежде чем ка'кари отнимет жизнь у другого человека?

— Ты не понял, — возразил Дарзо. — Убивает не ка'кари, а мы сами. Тебе двадцать лет, а ты уже умирал пять или шесть раз. Ка'кари здесь ни при чем.

— Замечательно. Получается, я сам во всем виноват.

По лицу Дарзо пробежало раздражение, но он сдержался.

— Если ты погибнешь от Кьюроха, человек, которого ты любишь, возможно, останется в живых. Однако существует и другая вероятность, и тогда Кьюрох убьет всех, кого ты любишь. Мы имеем дело с дикой, не прирученной магией. Кьюрох означает «Разлучающий», и он не предназначен для мирных целей. Ты затеял скверную и очень опасную игру, малыш.

— Трудно сразу все это переварить, — вздохнул Кайлар.

— Тогда переваривай, пока будем в пути. А сейчас мы зря теряем время.

Они скакали верхом, пока не стемнело, потом устроили привал и вместе поужинали. За ужином обсуждались только вопросы, не представляющие особой важности. Кайлар поведал Дарзо обо всем, что произошло за время его отсутствия. Дарзо смеялся, иногда совсем невпопад, как будто вспоминал похожие случаи из своих жизней. Никогда прежде Кайлар не видел его таким веселым.

Дарзо рассказывал разные истории, и Кайлар с удивлением обнаружил, что рассказчик он великолепный.

— В одной из своих жизней я был бардом, — начал Дарзо. — Я решил этим заняться, чтобы потренировать память, которая всегда была неважной.

Некоторые рассказы Кайлар слышал от других бардов, но они отличались многими подробностями. Дарзо поведал о юном Алексане Благословенном, которого дизентерия сразила прямо в горах во время его первого похода. Бедняге пришлось срочно снимать доспехи и штаны и бежать в кусты, где его поджидала засада. Когда Дарзо рассказывал, как Алексан сражался с врагом, держа в одной руке меч, а другой поддерживая штаны, Кайлар катался по земле от хохота. Потом Алексан скатился с горы и упал в ущелье высотой несколько сот футов. Его нашли внизу, без единой царапины и без штанов, которые зацепились за дерево в десяти футах от дна ущелья и, замедлив падение, спасли Алексану жизнь.

— Это было неслыханное везение, и поначалу его стали называть Алексан Удачно Гадящий, потом какому-то ханже это не понравилось, и его переименовали в Алексана Благословенного. Славный был малый, — рассмеялся своему рассказу Дарзо, но улыбка быстро сошла с его лица. — Когда пришлось его убить, мое сердце разрывалось от жалости. Хотя под конец своей жизни он заслужил такую участь.

Кайлар пристально смотрел на учителя, а потом заметил:

— Ты сильно изменился.

Дарзо долго молчал. Он напоминал Кайлару гусеницу, с которой происходят изменения, но процесс еще не завершен. Иногда он казался прежним, непреклонным Дарзо, а уже в следующую минуту Кайлар видел перед собой смеющегося над своими воспоминаниями незнакомца.

— Волк работал со мной почти семьсот лет. Эзра и Ройгарис считались непревзойденными целителями, и, кем бы Волк ни был, он десятки раз видел, как я умираю и возвращаюсь к жизни. Он прекрасно разбирается в магии и знает, что делает ка'кари с моим телом. Тем не менее он не провидец, во всяком случае не родился таким, как, например, Дориан. А значит, даже призвав на помощь самую сильную магию, Волк может собрать лишь отдельные кусочки, но не целую картину. Когда я распрощался с жизнью, кажется, он долго думал, что для него выгоднее — оживить меня или оставить все как есть. В конце концов он решил возвратить меня к жизни.

Слова Дарзо удивили Кайлара, ведь Волк утверждал, что воскрешение Дарзо — это тайна, неведомый дар. То ли он скромничал, то ли сам не знал, каким образом Дарзо вернулся в мир живых.

— Во всяком случае, когда Волк решил надо мной потрудиться, тело уже порядком разложилось. Вот я и чувствую себя совершенно другим человеком.

Дарзо усмехнулся и принялся помешивать угли в костре, наблюдая за разлетающимися в стороны искрами.

— Значит, теперь у тебя другая жизнь? — спросил Кайлар.

— Иногда любить легко, а принимать любовь тяжело. Я привык быть ведущим, а Пожиратель отнимает это качество. Скажи, кем надо быть, чтобы насадить свою восьмилетнюю дочь на острие копья? Правильно, чудовищем! А какой человек откажется сражаться, когда враги могут уничтожить все, что ему дорого? Теперь понимаешь, почему я без устали тренировался и стал идеальным убийцей? Потому что мой промах означал смерть любимого человека. Я уже решил, что вырвал из сердца любовь, когда ка'кари покинул меня, но тут появился ты, там в башне. Совершенно один против всего света. И ты плакал. И в тот момент, когда ты нырнул в реку, я понял три важные вещи. Во-первых, ты меня любил.

Кайлар молча кивнул. В устах Дарзо подобные слова, да еще без обычной насмешки, звучали странно, и, похоже, он сам удивился.

— Я знал, что завоевать твое уважение непросто, — продолжил Дарзо. — Ведь ты видел все темные стороны моей души и знал меня лучше всех жен. — Он скептически хмыкнул. — Знаешь, ведь я могу пренебречь любовью графа Дрейка. Он святой и любит всех подряд. Не обижайся, но ты далеко не святой.

Кайлар только улыбнулся в ответ.

— Во-вторых, я старался вырвать с корнем все чувства, предаваясь пьянству, распутничая и убивая людей. — Дарзо по-прежнему не сводил глаз с огня. — Я жил в полном одиночестве и сделал из себя чудовище. И проиграл, потому что любил тебя сильнее, чем себя. Это кое-что говорит о моей натуре.

Он снова замолчал.

— А в-третьих? — подсказал Кайлар.

— В-третьих… Черт возьми, забыл. А, погоди, вспомнил! Я долгие годы вдалбливал тебе в голову, что жизнь — штука тяжелая и страшно несправедливая. И ведь я оказался прав. Нет никакой гарантии, что справедливость восторжествует и благородная жертва изменит мир. Но когда такое случается, то всегда волнует мою душу. Это магия, которую нельзя постигнуть рассудком. Она говорит, что вот именно так и должно быть в жизни. Почему? Как? Черт побери, не знаю! Этой весной мне будет семьсот лет, а я так ничего и не понял. А ведь у большинства несчастных… И вот, кстати… — Дарзо откашлялся. — У меня плохая новость.

— Господи, какая еще новость? — У Кайлара замерло сердце.

— Я же говорил, жизнь несправедлива.

— Да не тяни же! Что случилось?

— Люк Грэзин. Тот самый, спасая которого ты пошел на колесо. Помнишь?

— Я сделал это ради Логана, а не Люка. Так что там с Люком?

— Он повесился, — ответил Дарзо.

— Как? Кто его убил? Резаный Врабль?

Кайлар сразу подумал о Мамочке К. Видимо, она решила убрать всех, кто может представлять угрозу для Логана.

— Да нет же. Он повесился.

— Шутишь? После всего, что я для него сделал? Вот придурок!

Дарзо взял одеяло и улегся возле костра, подложив под голову седло.

— Очень тяжело осознавать, что человек идет ради тебя на смерть. Кому, как не тебе, это знать?

61

— Немедленно вставай! Считаю до трех, потом прибью тебя сухарем! — Кайлар изо всех сил старался открыть слипающиеся глаза, но Дарзо не унимался, — Один, два, три.

Кайлар успел схватить на лету сухарь, брошенный с такой силой, что от удара о ладонь разлетелся мелкими крошками во все стороны.

— Черт бы тебя побрал! — возмутился Кайлар, выбирая из волос крошки. — Зачем ты это сделал?

— Ради забавы, — расплылся в улыбке Дарзо.

Кайлар нахмурился. Учитель изменился за одну ночь. Его глаза уже не казались такими раскосыми, кожа стала светлее, а рубашка, которая еще вчера была свободной, плотно облегала грудь и плечи.

— Чем ты занимаешься? — спросил он учителя.

— Готовлю завтрак, — откликнулся Дарзо, аппетитно хрустя сухарем.

— Я говорю о твоем лице!

— А что? Подумаешь, вскочил прыщик! — прошамкал Дарзо полным ртом.

— Послушай, Дарзо, перестань притворяться! Вчера ты лег спать иммурцем, а проснулся полукровкой.

— А, вот ты о чем! Хочешь услышать продолжение? Вчера я наговорил больше, чем за сто лет. — Кайлар знал, как немногословен учитель, и не сомневался, что тот нисколько не преувеличивает. — А тебе хочется узнать все сразу?

— Еще бы! Ведь ты теперь смертный, да к тому же старый и можешь в любую минуту загнуться.

— Пожалуй, ты прав, — хмыкнул Дарзо. — Ладно, седлай лошадей, а я буду рассказывать.

Кайлар воздел глаза к небу и направился к лошадям.

— Ты пользовался призрачными масками, вводящими людей в заблуждение. Видел я эту черную рожу, которая, по мнению Са'каге, производит неизгладимое впечатление!

— Благодарю за комплимент, — огрызнулся Кайлар. — Погоди, а когда и где ты ее видел? — изумился он.

— В Кернавоне.

— Так ты приходил в Кернавон? Когда?

— Слишком поздно, поэтому не сумел спасти Джарла, но успел сохранить жизнь Элене. А теперь не перебивай, — рассердился Дарзо. — Ты, наверное, заметил, что сделать маски с реально существующих людей непросто, и этот процесс имеет массу недостатков, особенно если нужно принять облик человека, отличающегося от тебя по росту. В свое время я создал несколько замечательных масок, но это был адский труд, а кроме того, стоило кому-нибудь до меня дотронуться или просто начинался дождик, и иллюзия рассеивалась.

Потом в один прекрасный день я умер. Истек кровью, когда мне отрубили ногу. Когда я, как обычно, вернулся к жизни, то был цел и невредим. Да ты взгляни на себя. Умирал шесть раз, а на теле ни царапины. Как такое возможно? И каким образом у меня выросла отрубленная рука?

— Ты же сказал, что это была нога, — возразил Кайлар, набрасывая седло на спину Трайбу. Раз в кои-то веки скотина не пыталась его укусить. — И что ты хотел рассказать про Элену?

— Да нет же, мне отрубили руку. Я вспомнил. А про Элену расскажу позже. Я понял одно: наше тело само знает, где и что должно вырасти. То есть, когда отрубают руку, кожа начинает расти именно в этом месте, а не на носу или голове. А почему? Да потому что тело знает, что здесь должна быть рука, а не что-то еще. И до меня дошло, что если дело обстоит так, как я думаю, то для принятия любого облика достаточно изменить инструкции. Ха, если бы все было так просто! Я понял еще кое-что. Если сильно изменить рост, координация движений восстановится только через год. Со зрением тоже шутки плохи. А еще нельзя ничего менять в своем теле только потому, что тебе эта часть не нравится. Очень скоро превратишься в такого красавца, что люди на улице будут останавливаться и глазеть вслед. Какая уж тут маскировка! Как бы там ни было, на постижение всех тонкостей ушло лет сто. И теперь у меня примерно двадцать тел. Я имею в виду только те, в которых я провел достаточно много времени и изучил все их особенности, такие как походка или другие движения. Да, двадцать тел, пожалуй, многовато, но никогда не забуду, как перенервничал, обнаружив два своих портрета, написанных с разницей в двести лет в разных частях Мидсайру. На обоих был точно я. Один коллекционер из Алитэры повесил их рядышком у себя в кабинете. Я тогда приехал в Алитэру, чтобы начать новую жизнь, и дернул же меня черт воспользоваться тем самым телом.

— Подожди, ты говоришь, что можешь выбрать любое лицо, зачем же понадобилось остановить свой выбор на уродливой роже Дарзо Блинта?

— Это мое настоящее лицо, — обиделся Дарзо.

— Господи! — воскликнул Кайлар, чувствуя, как щеки заливает краска стыда. — Прости, что обидел. То есть твое лицо и правда…

— Я все понял, — откликнулся Дарзо.

Кайлар смущенно закусил губу.

— Как бы там ни было, переход из одного обличья в другое требует времени, особенно когда только начинаешь этим заниматься. И промежуточная стадия может доставить много неприятностей. Мы путешествуем и, значит, встречаемся с людьми, и, если кожа на верхней части тела черная, как у ладешца, а ноги остались белыми или половина лица как у молодого человека, а вторая половина — как у старика, вряд ли можно рассчитывать на радушный прием. Вообще-то теперь процесс превращения занимает у меня гораздо меньше времени, но я рассчитывал, что обучу тебя магии тела, которая очень сложна, и только потом покажу вершины мастерства, то есть то, что кажется вообще невозможным.

— Погоди, не хочешь ли ты сказать, что можешь принять любой облик? Если верить твоим словам, ты можешь превратиться в девицу?

— Не желаю слушать извращенные фантазии, — обозлился Дарзо.

— Да ладно уж!

— Никогда не превращался ни в девицу, ни в животное. Боюсь застрять на полпути. Однажды я принял облик человека без намека на *талант* и намеревался провести в таком виде от силы месяц, пока внедрюсь в Часовню. Потребовалось десять лет, чтобы выйти из этого образа, а кроме того, я упустил возможность обрести серебряный ка'кари. Увязнуть в середине процесса в облике толстого модайца довольно скверно, но даже страшно подумать о возможности остаться на долгие годы женщиной!

— Зачем же ты меняешь свою внешность сейчас и кем хочешь стать?

— Я превращусь в пятидесятилетнего приветливого и добродушного уэддринского графа, наделенного небольшим *талантом,* который он никогда не использует.

Обстоятельства вынудили меня оставить любимую женщину и отправиться вместе с тобой в Часовню, место, которое, кстати говоря, я терпеть не могу. И все для того, чтобы встретиться с дочерью. Вообще-то буду очень признателен, если поможешь мне принять этот облик надлежащим образом. Хочу, чтобы, глядя на меня, дочка сказала: «Ой, а у меня такие же глаза!»

Откровения Дарзо не вызвали у Кайлара интереса.

— Учитель, — обратился он к Дарзо, немного помолчав, — объясни, прошу тебя. Волк назвал меня Безымянным, но если я научусь делать то же, что и ты, то останусь не только без имени, а и без лица. Если мы можем превратиться в кого угодно, то кем являемся на самом деле?

Дарзо ухмыльнулся и стал прежним Дарзо Блинтом, несмотря на другое лицо.

— Волк сам не знает, о чем говорит. Когда-то я заблуждался, считая, что каждая новая жизнь действительно начинается с нуля. Наш дар не дает такой свободы или такого кошмара. Назови, как хочешь. Мы являемся ночными ангелами, членами ордена, который был древним уже в то время, когда я в него вступил. Гораздо труднее ответить на вопрос, что значит быть ночным ангелом. Почему мы видим коранти? — Поймав вопросительный взгляд Кайлара, Дарзо пояснил: — Мы видим все грязное и порочное в человеке, но не по принуждению, а из-за своей чувствительности к злу. В свое время я мог рассмотреть обманщика, однако за год до того, как меня покинул черный ка'кари, я с трудом различал убийцу. Что это значит? Почему я избран? У Джорсина иногда проявлялся пророческий дар, и он сказал, что мне нужно завладеть черным ка'кари. «В твоих руках находится вся история, мой друг», — заявил он, и я поверил. Ради Джорсина я пошел бы в огонь и воду. Потом, когда прошло несколько столетий, все мои друзья умерли, мир погрузился в темноту, наступили страшные времена, и никто даже не пытался меня преследовать. Возможно, моя великая роль в истории, мое предназначение заключалось в том, чтобы хранить ка'кари в течение семи столетий и передать его тебе. Прости, если такое объяснение тебя не удовлетворяет. Представь, что собираешь армию и обращаешься с призывом к людям: «Давайте, ребята, собирайтесь!» А потом наступает долгое, томительное ожидание. Опять-таки действительность тяжела, однообразна и несправедлива, и лучше приспособиться к тому, что есть на самом деле, чем жаловаться на судьбу, потому что она не дает того, чего ты хочешь. Вот почему я утратил веру в пророчества, в предназначение и даже в саму жизнь. Однако, потеряв веру, я вскоре снова засомневался и понял, что она у меня есть. На каждом шагу встречались порой едва заметные подтверждения того, что все на свете имеет смысл. В конце дня ты выбираешь то, во что веришь, и принимаешь все последствия.

— И всего-то?

— Что ты хочешь сказать?

— Выбираешь, во что веришь, а потом живешь с последствиями своего выбора? И это все, чему ты научился за семьсот лет? Черт возьми, так-то ты объясняешь причину нашего бессмертия!

Дарзо с быстротой молнии выбросил вперед руку и нанес Кайлару мощный удар в челюсть. Поступок учителя ошеломил Кайлара, ведь удар наотмашь тыльной стороной руки причиняет одинаковую боль тому, кто его наносит, и тому, кого бьют. Дарзо умышленно выбрал такой удар, чтобы вложить в него все презрение к ученику.

Они молча стояли, глядя друг другу в глаза. Во взгляде учителя Кайлар видел разочарование и сожаление, но извиняться Дарзо не стал. За семь столетий Акелус Торне так и не научился приносить извинения.

— Малыш, всякий раз, когда я поворачивал влево, ты шел вправо, а теперь требуешь, чтобы я предсказал твою судьбу. А зачем тратить понапрасну слова, если ты все равно будешь делать по-своему?

— Тогда я буду знать, где повернуть направо, — ответил Кайлар.

Дарзо невольно улыбнулся словам ученика, но это не уничтожило внезапно возникшую между ними пропасть. Кайлар видел, что его отказ следовать наставлениям Дарзо больно

ранит учителя, даже в тех случаях, когда он сам признает, что преподанный урок отнюдь не безупречен. Однако Дарзо говорит то же самое, что Кайлар давно услышал от Волка. Кайлар никогда не принимал ответы, которые дают на мучающие его вопросы другие люди. Ему претила злобная практичность Дарзо, цинизм Мамочки К., благочестие графа Дрейка и идеализм Элены. И все же Дарзо прав: мы выбираем то, во что верим, а потом расплачиваемся за последствия.

— Я просто хотел… — Кайлар запнулся. — Мы — ночные ангелы, наделенные бессмертием, но я не понимаю, что это значит, не знаю, почему мы стали такими и что делать с этим даром. Иногда я чувствую себя богом, а потом мне кажется, что я не в силах что-либо изменить и повлиять на ход событий. Уж если суждено жить вечно, то мое существование должно иметь цель. Только не говори, что тебе предначертано судьбой хранить для меня ка'кари целых семь столетий. Смешно слышать! Хотя, если задуматься, это страшно. Нет, не может быть! Ведь ты — великий человек, а не какой-нибудь олух!

Кайлар внимательно посмотрел на учителя, понимая, что нечаянно сделал ему ответный комплимент.

По едва заметной усмешке на губах Дарзо он понял, что тот оценил комплимент по достоинству. Кайлара всегда страшно раздражало, что от Дарзо не дождешься похвалы, как ни старайся. Он привык к суровому нраву учителя, но никак не мог предположить, что Дарзо тоже приятно услышать высокую оценку своего мастерства. Кайлар никогда не выражал своего восхищения искусством Дарзо и принимал его как нечто должное и само собой разумеющееся. Их отношения напоминали нож с обоюдоострым лезвием.

— Я и не думал выбирать для себя судьбу олуха, — возразил Дарзо. — Что бы я ни делал и в какую сторону ни сворачивал, я решил найти ка'кари и разбросать их по всему свету, чтобы они не попали в руки людей, которые могут использовать их в дурных целях. Не знаю, такую ли судьбу предсказал Джорсин, но я сам выбрал именно этот путь. Имел ли он смысл и приносил мне удовлетворение? Случалось и такое. Я прожил несколько славных жизней, причем были и такие, о которых страшно вспомнить. Теперь черный ка'кари у тебя, и я могу сбросить с плеч это бремя и изменить судьбу. Передо мной стоят другие задачи. Итак, я буду учить тебя до наступления весны и постараюсь общаться с дочерью как можно чаще. А потом меня ждет женщина, которую я хочу попросить о любви, хотя такой человек, как я, ее не достоин. Какие задачи стоят перед тобой и что ты выберешь, мне наплевать. Копайся в своем дерьме сам.

Дарзо хитро ухмыльнулся.

Кайлар ничего не ответил и только вздохнул. Он любил Дарзо, но временами учитель вел себя на удивление несносно.

62

— От старшего брата заклинание на принуждение действует слабо, ваше святейшество, — предупредил Хоппер. — Оно не сможет долго сдерживать рвущегося к заветной цели этелинга.

— Знаю. Я стал тем самым сыном, который разрушил заклятие, наложенное отцом, — признался Дориан.

Прошлой ночью он опять видел сон, который не мог вспомнить, а наутро проснулся с головной болью. *Талант* к пророчеству восстанавливался быстрее, чем можно предположить, но пока он оставался бесполезным. Дориан не помнил своих снов, и единственным средством, утоляющим боль, был вир, что приводило его в отвратительное настроение.

— Простите, ваше святейшество, я забыл.

План пришел в голову внезапно и оказался до ужаса простым. Дориан оставался сыном своего отца. Целыми днями он обдумывал все мелочи, чтобы не упустить ни одной, и наконец пришел к выводу, что никаких изъянов в плане нет.

— Клятва отвлечет внимание. Ты им скажешь, что в награду за клятву верности они выберут наложницу и возьмут ее в жены. Этелинги воспримут мое решение как присущую южанам слабость, и в их сердцах затеплится надежда, а телами завладеет похоть, что помешает им защищаться. После того как каждый этелинг выберет наложницу, она проведет его мимо выстроившихся в ряд братьев. Женщины должны быть нарядно одеты, и, разумеется, им ничего не положено знать. Их задача заключается в том, чтобы провести этелинга в один из пустых верхних покоев. Понимаешь? Они — мои братья и отнюдь не глупы. По пути в покои убейте их. Нескольких солдат и четырех вюрдмайстеров, которых ты считаешь надежными, вполне достаточно, чтобы позаботиться обо всех этелингах. Особенно если учесть действие заклинания на принуждение. Их лица не должны быть изуродованы. Я потребую полного отчета и сам осмотрю все тела. Когда закончите, изолируйте всех отпрысков короля-бога, у которых, в силу их малолетнего возраста, пока нельзя выявить врожденный дар к волшебству. Убейте и их. Вызовите выкидыши у всех беременных наложниц. Нельзя ждать, пока эти дети вырастут и мы определим, кто из них обладает врожденными колдовскими способностями. Это сыграет на руку моим врагам, которые попытаются их выкрасть.

— Очень разумно и дальновидно, ваше святейшество, — одобрил Хоппер.

План Дориана не вызвал у него ни ужаса, ни возмущения, он просто по достоинству оценил целесообразность замысла.

Да, план жестокий, но назвать его мерзким и бесчеловечным нельзя. У Дориана он не вызывал радости, однако другого выхода нет. Он одним ударом вырвет с корнем тот ужас, что превратил королевство в настоящий ад для людей. Такой путь гораздо гуманнее, чем бездействие. Нельзя позволить не в меру рьяным этелингам плести заговоры и втягивать всех братьев. Можно, конечно, и не торопиться и каждый месяц устраивать казни, и так в течение многих лет. А народ будет жить в темноте и страхе, который охватил всю страну по милости отца. Нет, лучше быть жестоким и безжалостным, как сам север, если в результате люди заживут спокойно и мирно и наконец перестанут дрожать от страха. Дориан начнет все с чистого листа, и повелителя станут называть Уонхоупом не потому, что им владеет отчаяние, а потому, что он поверг в отчаяние всех врагов.

— Да, — согласился Дориан, — чудовищно, но разумно и дальновидно.

Хоппер не знал, что ответить, и только низко поклонился, а король-бог жестом разрешил ему удалиться.

Как страшно быть богом! В день своей свадьбы король-бог Уонхоуп утопал в крови. Он знал, что у отца сто сорок шесть детей, но никогда не предполагал, что увидит их всех мертвыми. Из ран на еще теплых телах сочилась кровь, которая не успела застыть, а на лица смерть уже наложила свою печать. Все помещение пропиталось мерзким запахом крови, и Дориан, прежде чем приступить к осмотру трупов, призвал на помощь вир, чтобы отключить на время обоняние.

Подходящих наложниц оказалось меньше, чем обреченных на смерть этелингов, и каждой из них пришлось повторить свой страшный путь уже после того, как женщина стала свидетельницей убийства человека, которого считала своим будущим господином. От тяжкой обязанности освободили лишь наложниц, одежда которых была испачкана кровью. Однако затея удалась, так как этелинги, пришедшие последними, были самыми юными и не обратили внимания на страх предназначенных им наложниц.

Убили всех. Трое старших мальчиков разрушили заклинание и оказали сопротивление, убив одного вюрдмайстера и двух солдат. Когда об этом узнал Дориан, его охватило странное чувство гордости за братьев.

Король-бог Уонхоуп готовился к осмотру убитых детей. Нужно ожесточить свое сердце. Все этелинги — ядовитые гадины, а он среди них всегда был чужим, потому что из всех братьев только у него имелись представления о нравственности. Ядовитых гадин нельзя приручить. Сейчас нужно собраться с силами и проверить, хорошо ли выполнена работа, или

в течение всего царствования придется оглядываться, ожидая появления вюрдмайстера, который спрячет свой вир и предаст короля-бога. Именно так поступил он сам в юности. Он с особым вниманием осматривал трупы с изуродованными лицами, но всегда чувствовал на них остатки собственного заклинания на принуждение, которое сплел необычным способом, чтобы безошибочно узнать свою работу. Вот почему трупы следовало осмотреть немедленно.

Если один из вюрдмайстеров оказался предателем и спрятал этелинга, ему прежде всего пришлось бы найти подходящего по возрасту мальчика, убить его, переодеть и изучить заклинание короля-бога. Вюрдмайстер должен заметить, что заклинание изменено, и понять, как именно. Только потом он мог наложить на мертвого ребенка собственное заклятие. Все это сделать трудно, но возможно, однако, завершив осмотр трупов, король-бог не сомневался, что подобные попытки не предпринимались.

В соседней комнате ожидало еще менее приятное зрелище, хотя крови там не было, не считая той, что испачкала белые одежды короля-бога. Хоппер собрал здесь всех жен и наложниц. Пятнадцать беременных женщин выстроились вдоль стены, и король-бог подходил к каждой и, прикасаясь к раздувшемуся животу, чувствовал, что зародившаяся там жизнь угасла. Потом проверил остальных женщин, чтобы выяснить, есть ли среди них беременные.

Он не торопился. Сплести заклятие, скрывающее беременность, проще, чем подменить покойника и придать ему нужное обличье, но в этом случае вюрдмайстер идет на большой риск. Нет никакой гарантии, что выживший ребенок родится с колдовским даром и окажется способным осуществить честолюбивые замыслы вюрдмайстера относительно халидорского престола.

Король-бог осмотрел по очереди всех женщин и заметил нечто странное. В их глазах не было ненависти. Он заставил их участвовать в убийстве ста сорока шести детей и умертвил их собственных, не успевших родиться младенцев, тем не менее почти никто не плакал. Наоборот, женщины смотрели на него с обожанием и благоговейным трепетом. Король-бог совершил нечто, недоступное их пониманию, и этого было достаточно. В их глазах он действовал, как и подобает божеству, то есть показал себя сильным, наводящим ужас и загадочным.

— Сегодня каждая из вас сделает свой выбор, — обратился он к женщинам. — Как известно, по сложившемуся обычаю все жены и наложницы идут вслед за покойным королем-богом на погребальный костер, за исключением тех, которых новый повелитель соблаговолит оставить себе. Вы хорошо мне служили, и я дам всем место в своем гареме. Этелинги Гэрота Урсуула отправятся с ним на погребальный костер и будут служить ему в загробной жизни. Однако если вы пожелаете присоединиться к ним, я не стану чинить препятствия.

На сей раз женщины отреагировали, как он и предполагал. Некоторые с рыданиями упали на пол, а другие вдруг словно стали выше ростом, и на их лицах появилось гордое выражение. Многие просто не поняли, что происходит. Впрочем, не прошло и нескольких секунд, как все пали ниц, протягивая руки к ногам повелителя.

«Я совершаю богохульство», — подумал Дориан.

— Хотите что-нибудь сказать? — снова обратился он к женщинам.

Одна из девушек из верхнего гарема, отличающаяся пышными формами, подняла вверх два пальца.

— Слушаю тебя, Оланна.

Девушка замялась, не решаясь заговорить с повелителем, потом, прокашлявшись, проговорила:

— Ваше святейшество, Сиа не числилась среди беременных. Ей просто стало нехорошо, и она пошла к майстерам, да так и не вернулась. Она не потеряет ребенка.

От этого известия у Дориана что-то оборвалось внутри, как будто он услышал свой смертный приговор за двадцать лет до его приведения в исполнение. Не это ли он видел во

сне? Только сейчас в памяти стали всплывать обрывочные видения. А может, это просто обычный животный страх? Он взглянул на побледневшее лицо Хоппера. Евнух служил в нижнем гареме, и это происшествие ускользнуло от его внимания, но он все равно чувствовал свою вину и дрожал от страха. Дориан сделал знак рукой, и Хоппер, шаркая ногами, вышел из комнаты. Он старался двигаться как можно быстрее, насколько позволяли искалеченные ноги. Уонхоуп послал погоню за сбежавшей женщиной и вюрдмайстером, который организовал побег, однако их так и не нашли. Король-бог Уонхоуп не учел главное правило, которое всегда действует при избиении невинных младенцев: один непременно уцелеет.

63

Кайлар и Дарзо подъехали к Часовне, где их встретил сиянием алебастровый серафим, возвышающийся над городом, который уже припудрил первый снежок. По голубым водам озера Вестаччи пробегали алые отблески утренней зари, и крыши городских домов сверкали так же ярко, как сама хозяйка Часовня.

Они оставили лошадей в конюшне на окраине города и, переговорив со старой хозяйкой таверны, которая, похоже, узнала Дарзо, взяли у нее ключ от дома-укрытия. Они не стали брать ялик, и Дарзо повел Кайлара по узким многолюдным тротуарам. Кайлар с изумлением глазел на огромную статую серафима и пересекающиеся каналы, которые образовывали городские улицы. Он натыкался на прохожих, и те толкали его в ответ и слали вслед проклятия, но, встретившись с холодным взглядом голубых глаз, тут же умолкали и шли дальше своей дорогой. Восхищение, вызванное статуей серафима, не могло заглушить предательский страх, закрадывающийся в душу. Кайлар чувствовал присутствие Ви. Она была где-то рядом, на втором или третьем этаже статуи серафима, и ее чувства, как в зеркале, отражали переживания Кайлара. Он поправил висевший на поясе меч и тяжело вздохнул.

Дарзо привел его в маленький пыльный домик с толстой дверью. Кайлар заметил, что их с учителем внимание привлекают одни и те же детали. Цепкий взгляд скользнул по дверям, узким окошкам, коврикам на стенах и дощатому полу. Дарзо остался доволен осмотром и, открыв комод, выдвинул нижний ящик, в котором оказалось двойное дно. Кайлар задумчиво перекатывал в руке ка'кари.

«Я буду скучать по твоим остротам и шуткам».

«Оставь при себе сарказм», — завелся ка'кари, и Кайлар велел ему закрыть собой меч Возмездия.

«Подожди, послушай меня!» — завопил ка'кари, но Кайлар уже положил меч в пустое пространство между двойным дном и ящиком комода.

Меч Возмездия и ка'кари относились к предметам магии, и Кайлар не мог взять их с собой в Часовню. На время его отсутствия они останутся здесь и будут ждать возвращения хозяина.

Дарзо установил на место двойное дно и задвинул ящик. Ему потребовалось еще несколько минут, чтобы поставить ловушку. В это время Кайлар занялся изменением внешнего вида, как учил его Дарзо. Поставив ловушку, Дарзо придирчивым взглядом осмотрел работу ученика и, по-видимому, остался вполне довольным.

— Недурно, — похвалил он Кайлара.

Не успел их маленький ялик причалить к пристани и стать рядом с рыбацкой лодкой, на которой развевались два черных флага, как перед ними возникла знакомая фигура.

— Это вы, сестра? — осведомился Кайлар.

— В Сенарии есть король! — заявила тоном обвинителя сестра Ариэль.

— Это у вас пароль такой? — поинтересовался Дарзо.

— Да пребудет во славе его имя, — добавил Кайлар. — Можно нам сойти на берег?

— В Торрас-Бенд я назвала тебя заносчивым выскочкой, а ты ответил, что мы

поговорим о заносчивости, когда в Сенарии появится король. — Лицо сестры Ариэль сохраняло суровое выражение. — Это твоих рук дело?

— Моих? — переспросил Кайлар с деланым удивлением. — Да кто я такой, чтобы якшаться с королями?

— Как тебя звать, юноша? Что-то не припомню. А это кто с тобой?

— Кайл Блэксон. Рад снова с вами познакомиться, сестра Эйри Белль. Я правильно произношу ваше имя? — Сестра Ариэль ничего не ответила и только смерила Кайлара испепеляющим взглядом. — А его зовут Дэнник Билсин. Он — отец Ули.

— Тысяча чертей! — не сдержалась сестра Ариэль.

— И мне приятно с вами познакомиться, — откликнулся с невозмутимым видом Дарзо.

Кайлар выбрался из лодки, и сестра Ариэль подошла совсем близко и стала принюхиваться. Потом отступила назад, не в силах скрыть замешательства. Ариэль осмотрелась и, убедившись, что никого из сестер поблизости нет, спросила:

— Что ты с собой сделал?

Следуя наставлениям Дарзо, Кайлар принял облик человека, наделенного огромным *талантом,* которым он не пользовался. Во всех остальных отношениях он ничем не выделялся среди других мужчин своего возраста. Эту личину легко сохранить, пока Кайлар не использует силу ка'кари и свой собственный *талант.*

— Я пришел сюда, чтобы повидаться с женой, — заявил он сестре Ариэль.

— Ви сейчас на занятиях, но после обеда ее к тебе приведут.

— Я говорю о жене, которую выбрал сам, а не о той, что вы мне навязали, — усмехнулся Кайлар.

— Ты сам не ведаешь, что творишь! — возмутилась сестра Ариэль, и ее лицо стало каменным.

— Ну, должен заметить, не я один, — возразил Кайлар.

— А чего хочешь ты? — обратилась она к Дарзо. — Неужели и твои прихоти будут стоить жизни другим людям?

— Я пришел всего лишь повидаться с дочерью, — заверил Дарзо.

64

Похороны состоялись перед обрядом бракосочетания. Дориан не хотел, чтобы его молодая жена смотрела на обезумевших женщин, которые бросаются в погребальный костер, и слушала их дикие вопли. Еще меньше хотелось, чтобы Дженин увидела десятки маленьких тел, которые солдаты будут бросать в огонь первыми. Он сказал невесте, что отправил в ссылку этелингов, которые плели заговоры против божественного повелителя.

Что ж, преисподнюю вполне можно назвать дальней ссылкой, а уж небеса и подавно!

Разумеется, Дориану раньше не доводилось видеть сожжение тела короля-бога, но этот ритуал хорошо помнили старые майстеры. Несмотря на явный обман, он всегда свято соблюдался. Лишь в редких случаях сжигаемое на погребальном костре тело действительно принадлежало повелителю Халидора. На костре Гэрота Урсуула подмены не будет. Гэрот стал олицетворением зла, тем не менее он был великим человеком, кошмаром для всей страны. А ведь мог стать ее гордостью! Кроме того, он — отец Дориана.

На похоронах короля-бога разрешалось присутствовать только майстерам, однако такое ограничение не имело смысла, так как почти каждое должностное лицо в правительстве Халидора и являлось майстером. На церемонию кремации собрались генералы, чиновники, казначеи и даже шеф-повара. Сборщики налогов и военные наблюдали за ритуалом, выстроившись в соответствии со званиями. Дориан произнес несколько дежурных фраз, восхваляющих Хали, и ему ответили обычными для такого случая возгласами, выражающими религиозное рвение. Разожгли костры, и Дориан почувствовал присутствие вира, когда майстеры стали сплетать заклинания, чтобы не чувствовать едкого запаха горящей в огне человеческой плоти. Когда костры разгорелись, Дориан приказал привести

гарем и заявил, что забирает почти всех женщин. Решение нового короля-бога вызвало удивление, но не более того. Наместнику бога полагается быть ненасытным. Вперед вышли восемь жен и наложниц, избравших погребальный костер, и присутствующие сочли это незначительной, но вполне приемлемой данью традиции. Женщинам предварительно предложили выпить вина и опиума, и шестеро охотно согласились. Две наложницы были абсолютно трезвыми. Казалось, все они довольны своим безумным выбором, и ни одна не запросила пощады, даже когда евнухи стали по очереди бросать их в костер.

Потом раздались душераздирающие вопли. К счастью, вскоре все затихло. Иногда мучения жертв умышленно продлевались, чтобы порадовать Хали, однако Дориан решил, что Хали и так получила от него больше, чем заслуживает. Следовало удержать женщин, запретить это безумие. Их повелитель мог отправиться в последний путь и без сопровождения наложниц. Но что, если они действительно любили короля-бога? Если бы Дориан заставил их жить, они рано или поздно вонзили бы ему нож в спину.

«Возможно, женщины перенесли бы свою рабскую преданность на меня, как хорошая собака находит нового хозяина, когда умирает прежний владелец».

Дориан смотрел, как корчатся в огне тела, и гнал от себя ненужные мысли.

Он кивнул вюрдмайстерам, которые стояли у костров, и пламя взвилось выше, пожирая плоть и кости и превращая их в пепел. Через несколько минут все было закончено.

Дориан поднял руку, подавая знак к началу свадебной церемонии. Предполагалось, что она будет простой, но, по халидорским меркам, достаточно пышной. Короли-боги никогда прежде не вступали в брак. Когда кто-нибудь из простонародья задумывал жениться, мужчине было достаточно сказать: «Я беру эту женщину в жены». Что касается женщины, она просто не должна была выражать явного протеста против замужества. Дориану хотелось устроить для Дженин особенную свадебную церемонию, но чтобы она не вызвала возмущения у майстеров. Он застыл с поднятой рукой, а в голове мелькали мрачные предсказания. Дориан почувствовал, как по телу пробежала дрожь, и призвал вир, на случай очередной попытки покушения. Хоппер что-то прошептал на ухо пажу, и тот, склонив голову, направился к королю-богу. Дориан рассматривал свои роскошные белые одежды и лица присутствующих людей. Этот момент появился в одном из пророчеств, почему же сейчас он ничего не может вспомнить?

Дориан наклонился к пажу.

— Ваше святейшество, Хоппер велел передать, что вернулся наш шпион из Сенарии. Он сообщил, что на сенарийский престол взошел человек по имени Логан Джайр.

Весь мир на мгновение замер. Значит, муж Дженин жив! Дориану казалось, что его душа покинула тело и вновь окунулась в бездну безумия, которая, как он надеялся, осталась в прошлом, вместе с пророческим даром.

«Как ты посмел, Господи! Чего ты от меня хочешь? Что мне делать? Сказать, что ее муж жив? Я отдал душу за этот момент и за тебя, Господи! Превратился в чудовище, чтобы искупить грехи этого народа. Неужели тебе наплевать на мои страдания? Неужели тебе безразлично, что станет с этой страной?!

Если нет, то ты бы сам спас этих несчастных. Я не рвался на трон и не просил *таланта,* который ты мне дал, и молил только о том, чтобы получить эту женщину. Мое желание так сильно, что его не выразить словами, и ты хочешь, чтобы я отказался от меда, уже почти пригубив его?

Нет, я о тебе не забыл и знаю, что сделаю.

А вот ты лучше бы обо мне не вспоминал, если не хочешь помочь! Не я тебя предал, а ты — меня, и больше я тебе не служу! Наши пути разошлись».

Король-бог Уонхоуп чувствовал на себе недоумевающие взгляды майстеров. Он улыбнулся и подал Хопперу знак рукой.

— Начнем свадебное торжество, — объявил тот, кого признали богом.

В комнату Дарзо принесли простой обед, и Кайлар разделил с учителем трапезу.

— А теперь, пожалуй, ступай в свою комнату, — предложил Дарзо. — К тебе в любую минуту могут прийти.

Он смущенно откашлялся и машинально протянул руку к поясу, где раньше висел мешочек с чесноком.

— Я отдал бы все на свете, чтобы увидеть твою встречу с дочерью, — сказал Кайлар.

— А я бы дорого заплатил, чтобы хоть одним глазком посмотреть, как ты встретишься с женушкой, — парировал Дарзо.

Кайлар нервно сглотнул, понимая, что допустил бестактность.

— Ты ее чувствуешь? — спросил Дарзо.

— Она находится тремя этажами выше и сейчас спускается вниз и нервничает так же сильно, как и я.

— Я всегда знал, что у меня другое предназначение, и никогда не был настолько глуп, чтобы позволить себя окольцевать, — заметил Дарзо.

— Представляешь реакцию Ули, когда она тебя увидит? — поинтересовался Кайлар.

Дарзо ничего не ответил и только покачал головой.

— Вот и заткнись!

— Вы только посмотрите, малыш Кайли подрос и нападает на учителя! — сказал нараспев Дарзо, коверкая слова.

Кайлар вспыхнул и хотел ударить Дарзо по лицу, передумал и рассмеялся.

— А тебе все не верится. Ладно, пойду, пожалуй, к себе. Желаю удачи!

Когда Кайлар выходил из комнаты, Дарзо похлопал его по спине. Жест был до боли знакомым, и Кайлар сделал вид, что ничего не заметил.

Комната, куда поселили Кайлара, была еще меньше, чем у Дарзо. Там помещалась хотя бы пара стульев, а здесь хватило места только на кровать и один стул, на который и уселся Кайлар. Через некоторое время он вскочил и пересел на кровать, а потом встал у двери, чтобы открыть ее, не дожидаясь, когда постучат. Волнение все усиливалось, и он снова сел на кровать, проклиная все на свете.

Он чувствовал, как Ви спускается в вестибюль. Вот она остановилась. Неужели, чтобы оставить Ули у Дарзо? Ви не испытывала вины и не казалась расстроен ной, что выглядело довольно странно. Ведь всего несколько месяцев назад она похитила Ули, била ее и морила голодом. Потом Ви пошла дальше по коридору, напряженная, словно натянутая струна.

Кайлар поднялся с места, собираясь открыть дверь. Раздался короткий уверенный стук, и дверь открылась, но Ви пришла не одна. Сначала в комнату зашли сестра Ариэль и еще одна немолодая женщина с длинными белокурыми волосами, а вслед за ними — Ви.

Такому количеству людей было трудно разместиться в крошечной комнате, даже если бы трое из них не были магами. Кайлар молча ждал, прислонившись к стене.

— Кайл Блэксон, это Истариэль Вайянт, спикер Часовни. Она здесь всем руководит, — обратилась к Кайлару сестра Ариэль.

— Рад познакомиться, — откликнулся Кайлар. — Меня поселили в специальные апартаменты для гостей?

— Я — спикер, — с раздражением напомнила Истариэль.

— И что с того? — огрызнулся Кайлар, сам не понимая, что на него нашло.

Сейчас он напоминал манерами Дарзо, и Ви смотрела на происходящее расширенными от удивления глазами.

— У нас возникли большие трудности, юноша, куда важнее вашего не в меру раздутого самомнения, — поджала губы Истариэль.

— Почему мы разговариваем здесь, а не в вашем кабинете? — поинтересовался Кайлар.

— Как ты и говорила, — обратилась она к сестре Ариэль, — безрассудный и беспечный, но не дурак. Послушай, Кайл, Часовню и весь юг ждут тяжелые и страшные времена, и, для того чтобы выжить, нам потребуется помощь Ви.

— Неужели? — удивилась Ви.

— Помолчи, дитя мое, — успокоила ее сестра Ариэль.

— Мы надеялись, что располагаем определенным запасом времени, — обратилась Истариэль к Ви. — Рассчитывали обучить тебя надлежащим образом и подготовить к выполнению важной миссии, которая сопряжена с серьезным риском как для тебя, так и для Часовни. Уже сам факт, что ты…

— Из всех женщин, что приходили в Часовню за последние сто лет, ты наделена самым выдающимся *талантом* — вмешалась сестра Ариэль. — Ты вышла замуж до приезда к нам, следовательно, этот брак не нарушает третьего Алитэрского соглашения. *Талант* женщины не является гарантией для дальнейшего продвижения, но если он велик, такая женщина будет всегда на виду. Итак, Ви, ты бросаешься в глаза, обладаешь огромным *талантом* и являешься супругой мужчины, также наделенного великим *талантом,* а ваш брак не нарушает ни одного договора или соглашения.

— А как быть со всеми нам известными событиями, которые предшествовали этому браку? — спросила Ви и многозначительно посмотрела на сестру Ариэль, которая густо покраснела под ее взглядом.

— Да, кстати, Кайл, мы не ожидали, что ты сюда придешь, — пришла на выручку Истариэль. — Сестра Ариэль не сомневалась, что ты не появишься в Часовне.

— Я не знала, как на тебя подействуют прелести Ви, — мягко заметила Ариэль.

— Я пришел сюда по другой причине! — вспыхнул Кайлар.

— Какая разница, раз ты все равно здесь, — возразила Истариэль, — и теперь можешь уничтожить Ви или, во всяком случае, сделать ее бесполезной для Часовни.

— Ага, вот почему мне открывают часть правды! Пусть так… И все же не понимаю, зачем для встречи со мной понадобилось действовать тайком и плести козни? — возмутился Кайлар.

— В Часовне имели место случаи, связанные с обручальными серьгами Вай'сана. — Глаза Истариэль гневно сверкнули. — Сто лет назад кто-то надел обручальную серьгу на спикера и сделал это против ее воли.

— Подобные действия называются изнасилованием посредством обручальной серьги, — заметила Ариэль.

— Не мешай, — оборвала ее Истариэль, смерив сестру ледяным взглядом. — Это была попытка разрушить Часовню одним ударом, — снова обратилась она к Кайлару. — И она едва не увенчалась успехом. Я упомянула лишь самый недавний случай. Насильственное обручение серьгами вызывает у всех глубокую неприязнь и сурово осуждается.

— Значит, своей болтовней я погублю Ви. А вам-то что за дело? — не понял Кайлар.

— **У** нас нет причин для вражды, — примирительно заметила Истариэль.

— А вот я вижу по крайней мере одну, — возразил Кайлар, теребя серьгу.

— Послушай, Кайл, браки между магами находились под запретом в течение двухсот лет. Император Алитэры Дикола Райнс боялся, что мы создадим особую программу размножения, с помощью которой станем создавать архимагов и превратимся в основную силу мировой политики, как и было раньше. В те времена мы имели тесную связь с мужской школой синих магов, но в соответствии с договором все маги, имевшие семьи, должны были развестись. Маги-мужчины хотели воевать, а решение оставалось за спикером, которая сама была замужем за синим магом. Она понимала, что у мужчин нет шансов победить в войне с Алитэрой, и подписала соглашение. Разрыв с магами-мужчинами происходил болезненно, и с тех пор отношения остаются напряженными. В целях собственной защиты, а также по многим иным причинам, в частности желая избежать унизительных проверок на соответствие званию мага, Часовня ввела запрет на вступление в брак со всеми мужчинами. Женщины, которые все же выходили замуж, всеми силами искоренялись. Их лишали права продвижения во всех орденах, не позволяли продолжать обучение и превращали в объект насмешек. Тем не менее многие женщины по причинам, известным им одним, выбирали супружество.

— И сколько же их? — поинтересовался Кайлар.

— Половина.

— Значит, вы теряете половину женщин? — не поверил он.

— Будет еще хуже, если мы изберем неверный путь для их возвращения в лоно Часовни. Есть одна женщина по имени Эрис Бюэль, которая стала во главе этих женщин. Они хотят вернуться, разорвать Алитэрское соглашение и создать здесь мужскую школу. Однако в глубине души они просто хотят снова стать сестрами. Исходя из наших донесений можно предположить, что этой весной у нас появится больше бывших магов, чем магов действующих.

— И какова их численность? — спросил Кайлар.

— От восьми до десяти тысяч. Если принять во внимание, что наши сестры рассеяны по всему свету, то когда здесь появится толпа Рабынь, а так мы называем замужних сестер, они потребуют разрешение на создание собственного ордена, и мы не сможем им отказать.

— И что произойдет, если они создадут свой орден? — не понял Кайлар.

— Скорее всего, они первым делом объявят вотум недоверия и устранят меня, а на мое место изберут свою предводительницу. Мягко говоря, Эрис Бюэль — женщина злая, недалекая и опасная.

— И вы хотите, чтобы Ви ее убила?

— Боже сохрани! Конечно же нет, — заверила сестра Истариэль. — Мы хотим, чтобы Ви заняла ее место.

— Что?! — не поверила ушам Ви.

— Ты талантливее, красивее и не такая злобная, как Эрис.

— Ну, вы еще не видели Ви, когда она злится, — философски заметил Кайлар.

— И ты пока не видел! — огрызнулась девушка.

— Дело в том, — стала объяснять сестра Ариэль, — что Эрис Бюэль еще не стала официальным предводителем Рабынь. Эти женщины собрались со всей Мидсайру и даже не знакомы друг с другом. Когда они прибудут сюда, то примутся подыскивать подходящую кандидатуру. И это еще не все. Истариэль, расскажи им о Халидоре.

— Несмотря на то что Халидор не занимает большую часть своих восточных земель, он все же является нашим соседом, — начала Истариэль. — После смерти Гэрота Урсуула на халидорский престол взошел никому не известный человек по имени Уонхоуп. У нас есть все причины предполагать, что его правление окажется недолгим. На севере один из сыновей Гэрота, которого зовут Мобуру, объединился с варварами из Фриза. Ходят слухи, что они узнали древний секрет, с помощью которого можно поднять из пепла целые армии созданий, не являющихся людьми, то есть нежити. Мобуру движется на восток, чтобы то ли сразиться, то ли присоединиться к группе из пятидесяти вюрдмайстеров под предводительством Нефа Дады. Сейчас они в Черном Кургане. Говорят, что Неф Дада собирается поднять из пепла титана.

— А что это такое? — удивился Кайлар.

— Надеюсь, что всего лишь миф. Но как хозяйка плавучего острова полагаю, что титан понадобился халидорцам лишь для одной цели.

— Думаете, они нападут на Часовню? — предположила Ви.

— Я считаю, что они глупы, — сказала Истариэль. — В пашем распоряжении имеется только наемная армия из пятисот человек и ни одного боевого мага-женщины. Если халидорцы пройдут через ущелье и приведут двадцатитысячную армию и сотню вюрдмайстеров, они уничтожат нас и без помощи кралов или титана. Хуже всего, что в это же время Лэ'нот планирует поход на север. Если любой из них нападет сначала на нас, то даже в случае победы мы потеряем столько сил, что второй противник сотрет нас в порошок.

— Значит, вы хотите создать из десяти тысяч Рабынь армию, а потом пошлете их на убой ради спасения женщин, которые выгнали их вон, — предположил Кайлар.

В воздухе повисло гробовое молчание.

— Я несу ответственность за жизни женщин, находящихся под моим

покровительством, а также являюсь хранительницей наследия, которое создавалось в течение многих тысячелетий и стоило огромных усилий, — ответила наконец Истариэль. — И поэтому, если потребуется, для их спасения я пожертвую жизнью и честью Ви, а также твоей жизнью и свободой и своей собственной жизнью и репутацией. Ради этого я пойду на войну с Алитэрой и заплачу любую цену, какая потребуется. Кайл, ты можешь разрушить мои планы и уничтожить жену. Достаточно сказать первой встречной женщине-магу, что тебя женили насильно. Я не в силах тебе помешать, но и освободить тоже не могу. Много веков назад, когда были сделаны эти серьги, их изучали великие маги, гораздо сильнее тех, что живут в наше время. Они подтвердили, что связь, установленную с помощью обручальных серег, разорвать невозможно. Проси чего хочешь за свое молчание, но не требуй невыполнимого. Итак, назови свою цену.

— Объясните сначала, что вы собираетесь предпринять, — потребовал Кайлар.

— В ближайшие недели я затею при всех весьма неприглядный спор со своими главными советниками по поводу Рабынь. Ариэль пойдет против меня. Я заявлю, что Часовня никогда не допустит воссоединения с Рабынями. Через несколько дней после нашего раскола просочатся слухи о нависшей угрозе, о которой я уже тебе рассказала. Я пошлю гонца в Алитэру с просьбой о защите и помощи в соответствии с нашим соглашением. Мои требования будут непомерно велики, и даже если Алитэра пришлет своих солдат, их малочисленность будет воспринята как оскорбление. Ви начнет обучать военному искусству всех, кто пожелает присоединиться к ней и сестре Ариэль. Я наложу запрет на эти занятия, но против «ослушниц» не станут предпринимать никаких мер. Если Ви сыграет свою роль надлежащим образом, у нее появится прекрасная возможность стать во главе мятежниц. Когда наступит весна, Ви будет вести со мной переговоры от имени Рабынь, я сдамся, и Рабынь примут в Часовню на определенных условиях. Для получения права голоса им предложат жить в Часовне в течение года или дольше.

— И лишь немногие на это согласятся, — вмешалась сестра Ариэль. — Большинство женщин являются владелицами ферм и торговых лавок, и у всех имеются семьи, к которым нужно вернуться как можно скорее.

— Благодарю за помощь, — язвительно сказала Истариэль. — Однако тем, кто действительно захочет воссоединиться с нами, будет дано разрешение. При этом их брак сохранится. Если в течение лета удастся осуществить наш план, можно приступить к пересмотру Алитэрских соглашений.

— То есть вы не станете приносить Ви в жертву Алитэре? — спросил Кайлар.

— Дружеские отношения, которые Ви установит с Рабынями, сделают ее неприкосновенной. Если я вздумаю ее предать, достаточно собрать всех Рабынь, которые имеют право голоса, и меня свергнут. Впрочем, несмотря ни на что, вопрос с Алитэрой придется решать в будущем году.

— А что требуется от меня? — поинтересовался Кайлар.

— Ты должен жить вместе с женой, и мне плевать, намерен ли ты делить с ней ложе. Для окружающих вы станете идеальной супружеской парой и будете проводить достаточно времени вместе на людях, чтобы все в это поверили. Ничего особенного не требуется. Время от времени обедайте и ужинайте вместе в таверне, прогуливайтесь, взявшись за руки. Вот и все.

— А вы представляете, каково мне делить с ней комнату? — возмутился Кайлар. — Я люблю другую женщину, на которой и хотел жениться. А теперь, если появляется желание к кому-нибудь, кроме Ви, меня тянет на рвоту. Я не могу контролировать сны и чувствую то же, что она. Я…

— Это нельзя исправить, — решительно заявила Истариэль. — Избавься от прежней возлюбленной, дели ложе с Ви, и в конце концов вы вполне можете понравиться друг другу.

— Ах ты бессердечная старая сука! — воскликнула Ви, опережая мысли Кайлара.

Все трое застыли на месте, изумленно глядя на девушку.

— Хорошо, делай вид, что все можно изменить, — заговорила наконец Истариэль. —

Ты окольцевала этого мужчину и теперь собираешься принести в жертву тысячи жизней, чтобы почувствовать себя виноватой? Кайл, ты тоже хочешь пожертвовать чужими жизнями, чтобы наказать меня или сестру Ариэль? Думаешь, от этого станет легче? Что бы ни случилось через год с Часовней, ты все равно останешься женатым, Кайл. Я дам тебе все, что захочешь. Ви, ты получишь власть и положение, о каких не смела мечтать. Со временем ты станешь спикером. Выбирай. Обдумайте все как следует и сообщите сестре Ариэль. Нельзя, чтобы меня видели вместе с вами. Если мы случайно встретимся, старайтесь всячески подчеркнуть свою неприязнь. Думаю, это не составит труда.

Истариэль открыла дверь и, еще раз окинув всех взглядом, удалилась.

— Элена скоро придет в ваш новый дом, и все станут считать ее служанкой, — сообщила Ариэль.

— Я еще не дал согласия, — откликнулся Кайлар.

Сестра Ариэль устремила на него долгий ласковый взгляд и, не сказав ни слова, вышла из комнаты.

— И что нам делать? — обратилась к нему Ви.

Она стояла совсем близко, и Кайлар читал обрывки образов, проносившихся у нее в уме. Вот Элена отбрасывает в сторону нож. А потом Кайлар увидел себя, но гораздо красивее, чем на самом деле. Он нежно гладил Ви по лицу, привлекал к себе. Потом картина сменилась, и он очутился в тронном зале, разъяренный, обезумевший от гнева, в тот момент, когда рубанул сплеча по голове Гэрота Урсуула, спасая жизнь Ви. И снова новый образ. Кайлар с ужасом смотрит на Ви, теребя обручальную серьгу в ухе. А затем они лежали обнаженные, тесно прижавшись друг к другу. Все мышцы напряжены, глаза смотрят в глаза… И снова темнота и ужас.

Кайлар посмотрел на Ви и в душе порадовался, что на девушке бесформенное платье из белой шерсти. Ви стояла совсем близко, и он ощущал ее пьянящий запах. Она не пользовалась духами; может быть, он чувствовал аромат лавандового мыла, но, скорее всего, так невыносимо сладко пахло ее тело.

И снова образы. Вот, заливаясь кровью, падает Джарл. Из глаз Ви градом катятся слезы, и она спускает тетиву лука. Кайлар чувствовал, как она ненавидела себя в тот момент, какое страшное чувство вины пережила. Он простил Ви все, не заботясь о природе наложенного на нее принуждения.

Им не требовалось слов. Ви прочла мысли Кайлара, и ее глаза наполнились слезами.

Кайлар, сам того не желая, не мог оторвать глаз от груди Ви и густо покраснел, когда понял, что девушка поймала его взгляд. И снова он держал обнаженную Ви в объятиях, не понимая, откуда прилетел этот образ.

— Черт возьми! — тихо выругался он.

Ви взглянула на узкий соломенный тюфяк у стены и тут же отвела глаза. Но образ никуда не уходил. Кайлар лежит на ней, и она чувствует каждый мускул его прекрасного тела, от прикосновения которого обжигает как огнем. Их ноги переплетаются, и уже совсем близко момент счастья, которого она не заслуживает.

— Боже мой! — воскликнула Ви. — Мы подошли к последней грани.

Кайлар чувствовал жар, переполняющий тело Ви.

— Нет, — решительно сказал он. — Я не раз предавал Элену, но эту черту не переступлю. Ведь мы не допустим такого.

Возбуждение, охватившее Ви, мгновенно исчезло, и на смену ему пришло замешательство и чувство вины. Девушка шагнула к Кайлару, протягивая руки. Он отпрянул.

— Мы не должны даже прикасаться друг к другу, и ты это знаешь.

Ви отвела глаза в сторону, и Кайлар почувствовал, как ей больно быть отвергнутой и ощущать собственную ненужность. Ему захотелось утешить девушку, но он не произнес ни слова.

— Хорошо, будь по-твоему, — прошептала Ви.

66

Сестра Ариэль устремила на Кайлара пристальный взгляд, не оставляющий сомнений: она призвала на помощь *талант* и снова хочет разгадать его мысли.

— Сюда вот-вот придет Элена. Скажи, все ли сделано, как ты хотел?

Кайлар встретился взглядом с сестрой Ариэль и тут же пожалел, что не может поднести к глазам ка'кари и посмотреть сквозь него. Дарзо предупредил, что в обличье человека, наделенного недюжинным *талантом,* который использовался всего несколько раз в жизни, нельзя призвать на помощь ни ка'кари, ни *талант* как таковой. Кайлару пришлось оставить ка'кари в тайнике у Дарзо, чтобы тот охранял меч Возмездия. Разумеется, можно бы изменить внешность, но стоит ли возиться восемь часов ради того, чтобы несколько мгновений попользоваться *талантом?*

Только теперь Кайлар по достоинству оценил уроки Дарзо, который обучил его множеству земных искусств. Поначалу, как только Кайлар научился выпускать на волю *талант,* эти навыки казались устаревшими и совсем ненужными, но сейчас они пришлись как нельзя кстати.

— Все замечательно, — заверил он сестру Ариэль.

Часовня выделила огромные деньги на покупку небольшого дома с наделом земли на берегу озера. Сегодня они с Ви туда переселятся. В доме есть комнаты для Элены и Дарзо, но Ули останется жить в Часовне. Кайлар и Ви будут встречаться не слишком часто. Ей придется рано вставать и сразу же идти в Часовню, где она проведет весь день и вернется только поздно вечером. Позже, когда вспыхнет «мятеж», Ви вместе с присоединившимися к ней сестрами станет тренироваться в большом, обнесенном стенами дворе. Понятно, что их общий дом покупался прежде всего для этой цели.

— Когда ты выучился так искусно менять внешность? — удивилась сестра Ариэль. — Восхитительно! Никогда бы не поверила, что можно сотворить такое чудо.

— Значит, вы ошибались.

— Знаешь, Кайл, я допустила в жизни много ошибок, в том числе и в отношении тебя. Но у меня хорошая память, — Она смущенно откашлялась. — Хочу попросить прощения. Ведь ты в таком ужасном положении по моей вине. Я не знала, во что тебя вовлекаю, тем не менее скажу честно: я подтолкнула Ви надеть на тебя обручальную серьгу.

— А если все вернуть назад, вы поступили бы иначе? — спросил Кайлар.

Сестра Ариэль долго молчала, а потом решительно сказала:

— Нет, я поступила бы точно так же.

— В таком случае вы избрали странный способ просить прощения.

Сестра Ариэль молча повернулась и вышла из комнаты, оставив Кайлара наедине со своими невеселыми мыслями.

— Здравствуй, — раздался знакомый голос.

Кайлар поднял глаза и увидел на пороге Элену. Девушка застенчиво улыбалась. Он почувствовал, как по всему телу пробежала дрожь, и от волнения потерял дар речи. Застыв на месте, Кайлар смотрел на Элену, в который раз удивляясь ее красоте. В ней восхищало все: гармоничные черты лица, сияющая юностью кожа и тихая смущенная улыбка. В широко распахнутых глазах светилась робкая надежда и испуг от ожидания встречи с любимым и того, как он ее встретит. От присутствия Элены в маленькой комнатке вдруг сразу стало светлее. В горле застрял предательский комок, и, позабыв обо всем на свете, Кайлар бросился к любимой и сжал ее в объятиях.

Девушка доверчиво прижалась к нему. Кайлар с жадностью вдыхал аромат ее волос и кожи, давно забытый запах родного дома, и весь мир вдруг изменился и стал прекрасным.

Они стояли, обнявшись, позабыв о времени, но Кайлар первым пришел в себя.

Элена сразу же уловила перемену в настроении любимого и, чуть отстранившись, взяла в руки его лицо и посмотрела прямо в глаза. Кайлар не выдержал и отвел взгляд.

— Кайлар, я должна кое-что тебе сказать, — обратилась к нему Элена.

— И что же ты мне скажешь?

— Я все знаю, и я люблю тебя. — Элена отпустила лицо Кайлара и нежно пробежала пальцами по щекам. — Я люблю тебя, — повторила она.

— Элена, — с нежностью произнес Кайлар имя любимой и удивился, как сладко оно звучит и отличается от всех остальных женских имен. — Разве сравнишь твое имя с какой-то Ви?

— Оба имени хороши, — возразила Элена.

Кайлар на мгновение замер. Оба имени. Да, он думал о них обеих. Или Элена прощает его за что-то другое, что он совершил, сам того не ведая? Во время их короткого семейного счастья в Кернавоне Кайлар не обратил бы на ее слова внимания из боязни получить неожиданный удар, потому что пропустил что-то важное. Сейчас настали другие времена.

— Любимая, не говори загадками. Речь идет о слишком важных для нас вещах.

Элена слегка наклонила голову, и Кайлар понял, что она заметила произошедшую в нем перемену, и от этого ее восхищение только возросло. Вот почему общение с Эленой вызывало такое напряжение. Она не умела скрывать свои чувства, и ее можно было читать, как открытую книгу. Кайлару мгновенно передавались все ее переживания, и часто эта ноша казалась непомерной.

— Я знаю про обручальные серьги. Мы неоднократно и подолгу беседовали с Ви. После наших разговоров на душе оставалась тяжесть. Мне известно, что ты продал свой меч, чтобы купить эти серьги, и одна из них предназначалась для меня. И я знаю о смерти Джарла. — Глаза Элены наполнились слезами, но она взяла себя в руки. — Я знаю, что из-за обручальных серег вы с Ви видите одинаковые сны, и они о самых сокровенных вещах. Мне известно о сделке, которую хочет заключить Часовня, и почему сестры хотят, чтобы ты изображал мужа Ви. Мне это не нравится, но так надо. За последнее время случилось многое, что сильно меня изменило, Кайлар. — Элена недовольно поморщилась. — Прости, я забыла, что теперь тебя зовут Кайл… позволь мне снова называть тебя Кайларом, хотя бы на часок, хорошо?

Кайлар молча кивнул, а проклятый комок все сильнее сдавливал горло.

— Я так люблю, когда ты произносишь мое имя.

Элена улыбнулась, и ее глаза снова наполнились слезами, однако девушка и на этот раз сдержалась.

— Я сама себе пообещала, что не стану плакать, — призналась она.

— Конечно, ты выплачешь все слезы потом, — предположил Кайлар.

Элена неожиданно рассмеялась, и ее смех прозвучал слаще самой прекрасной музыки.

— И когда только ты успел так хорошо меня узнать? — удивилась она и глубоко вздохнула. — Знаешь, Кайлар, в Кернавоне у меня было очень четкое представление, что ты за человек. В тебе чувствуется дикая, необузданная сила, которая меня завораживала и пугала. А когда я начинала бояться, то пыталась тебя переделать. Я не слушала, что ты говоришь, и не почитала тебя, как ты того заслуживаешь. И я тебе не доверяла, не могла на тебя положиться.

«Еще бы! Потому что ты чувствовала, что я увезу тебя в далекие края и брошу на произвол судьбы».

— И вот я запрятала свои страхи куда подальше, послала их ко всем чертям.

Кайлар не ожидал услышать от Элены подобные выражения и удивленно поднял брови.

Девушка грустно усмехнулась. Ее забавляло, что удалось сразить Кайлара наповал, но она сразу же посерьезнела.

— Все наши ссоры из-за этого дурацкого меча… Ты не мог продать меч Возмездия, потому что сам Возмездие. Помнишь ту девушку в Кернавоне, дочку лавочника? Ты изменил ее жизнь, и она получила то, что заслуживает. Когда убиваешь плохого человека, происходит то же самое. Дело в том, Кайлар, что я сотворила себе бога, похожего на меня саму, а не наоборот, как обычно бывает. Знаешь, когда я узнала, что из-за меня ты продал меч, то оплакивала свою судьбу, потому что потеряла тебя. А потом я уже плакала о тебе, так как

считала, что ты недостаточно хорош для меня. Кайлар, меня пугает то, что ты делаешь. Я все понимаю умом, но не могу принять сердцем. На мой взгляд, это ужасно.

— Знаешь, и мне мои дела кажутся не менее ужасными.

Элена посмотрела Кайлару в глаза.

— Когда я сбежала от работорговцев, один халидорец хотел убить мальчика, и я убила его. Убила негодяя, чтобы невинный мог жить, и то же самое ты сделал с королевой. Кайлар, хочется верить, что мне никогда больше не придется убивать. Однако я не считаю себя лучше только потому, что тебе придется это делать не раз.

— О чем ты говоришь? Какие работорговцы? Подожди, тебя похитили?

— Есть более важные вещи, которые нам надо обсудить, Кайлар. Когда ты умер, я видела сон. Мне привиделся невысокий человек, красивый, с удивительными белыми волосами и желтыми глазами. Его лицо покрывали рубцы от ожогов.

Горло Кайлара сжала невидимая ледяная рука. Это мог быть только Волк.

— Он рассказал, какую цену платят за бессмертие. Всякий раз, когда ты воскресаешь, Кайлар, вместо тебя умирает кто-нибудь из любимых людей. На сей раз моя очередь, и самое большее, что он может сделать, — это отсрочить мою смерть до весны.

— Я не знал… — прошептал Кайлар.

— Кайлар, в Кернавоне для меня самым тяжким переживанием стало осознание, что ты представляешь важность, а я — нет. И вот, вместо того чтобы завидовать или бороться против тебя, я решила сражаться вместе с тобой. Все доброе, что ты сделаешь в жизни, станет возможным благодаря мне. Наверное, подобный героизм никому не виден, но это, пожалуй, только на пользу, а не во вред.

— Я люблю тебя, Элена. Прости, что вел себя как последний дурак. Ненавижу себя за то, что бросил тебя.

— Кайлар, ты любишь девушку со шрамами, а я люблю мужчину, идущего к намеченной цели. За любовь приходится платить высокую цену, но ты ее стоишь.

— Как ты можешь меня простить? Ведь я тебя погубил, украл и изуродовал твою жизнь.

Кайлар мучительно старался проглотить застрявший в горле комок.

— Как можно украсть то, что я отдаю добровольно? Я стою на краю вечности, частью которой скоро стану, и не хочу терять ни секунды того времени, что мне отпущено. Я сделала свой выбор и хочу остаться здесь, с тобой.

Кайлар больше не мог сдерживать слез. Там, во дворе, он чувствовал присутствие Ви. Она в отчаянии сплетала заклинание, потом оставила эту затею, пытаясь отвлечься и дать Кайлару возможность побыть наедине с любимой. Элена обняла его, и ее прикосновение согрело душу и наполнило таким теплом и радостью, что слезы хлынули еще сильнее. Все его сомнения, чувство вины и проклятия словно смыло чистым потоком воды. Он больше не плакал, но теперь разрыдалась Элена, и их слезы омыли душу, и Кайлар, впервые за много лет, почувствовал себя чистым, как новорожденное дитя.

Они смотрели друг другу в глаза. Лица, залитые слезами, озарила улыбка, и они смеялись и обнимались, как дети, а потом стали рассказывать свои истории. Элена поведала о путешествии в Сенарию, о том, как попала в лапы работорговцев. А Кайлар поведал, как его хотел убить Аристархос, о смерти Джарла, о битве с королем-богом и о том, как на него насильно надели обручальную серьгу. Он рассказал, как посадил на трон Логана Джайра и о своей казни на колесе, о том, как узнал цену бессмертия и снова встретился с Дарзо.

Элена расспрашивала о жизни наемного убийцы, о первом убийстве, что ему пришлось совершить, об изнурительных тренировках и о *таланте,* о том, что он видит в человеческих душах, когда смотрит в них сквозь ка'кари. Кайлар выложил всю правду, ничего не скрывая, а она все слушала и слушала. Элена призналась, что многого не понимает, но она не осуждала Кайлара и не отдалилась, узнав историю его жизни.

Исповедь принесла Кайлару облегчение, и он вдруг почувствовал, как спадает напряжение, связанное с сохранением тайны, и исчезает чувство вины и страх быть

разоблаченным, которые преследовали его много лет и являлись неотъемлемой частью жизни. Рядом с Эленой Кайлар впервые в жизни обрел покой и умиротворение.

Он смотрел на Элену другими глазами; ее красота походила на теплое пушистое одеяло, которым укрыли усталого путника холодным зимним утром. Совершив долгое путешествие, он наконец вернулся домой. В отличие от Ви такая красота не вызывает вожделения, ей хочется тихо радоваться и провести рядом всю жизнь. Безупречно прекрасное тело Ви вызывало страстное желание, а Элена всем своим существом излучала любовь, которую делят на двоих. Лицо Элены покрыто шрамами, и при виде ее вполне складной фигурки мужчины отнюдь не теряли дар речи, и, несмотря на это, ослепительная красота Ви рядом с ней проигрывала. Смутное чувство, оттолкнувшее Кайлара от Ви во время их первой встречи в особняке графа Дрейка, когда она безуспешно пыталась его соблазнить, вдруг приобрело четкую форму. Мужчина разделяет свою жизнь не с женским телом, а с женщиной.

— Выходи за меня замуж, — неожиданно для себя предложил Кайлар и понял, что выразил этими словами свое самое заветное желание. — Прошу тебя, Элена, выходи за меня.

— Кайлар…

— Я понимаю, что наш брак должен остаться тайной для всех, но он будет настоящим, и я хочу только тебя.

— Кайлар…

— Знаю, что из-за проклятой серьги мы не сможем заниматься любовью… мы что-нибудь обязательно придумаем. Даже если ничего не выйдет, я все равно тебя люблю и хочу, чтобы ты была рядом. Для меня это гораздо важнее секса. Конечно, это нелегко, но я говорю от чистого сердца. Мы сможем…

— Помолчи, Кайлар, — прервала его Элена и улыбнулась, глядя на его растерянное лицо. — Почту за честь стать твоей женой, — сказала она, приглаживая руками платье.

Поначалу он решил, что ослышался, но счастливая улыбка Элены и радость от того, что ее ответ застиг Кайлара врасплох, говорили о другом. И весь мир вдруг засиял тысячью огней. Они обнимали друг друга, и Элена плакала слезами радости, а потом их губы слились в поцелуе, и Кайлар забыл обо всем на свете. Ее губы были мягкими, нежными и маняще теплыми. Наступил самый счастливый момент в жизни Кайлара, его целиком захлестнуло самое удивительное и прекрасное чувство…

А в следующее мгновение его вырвало.

67

Дженин не разделяла его страстной любви. Ведь всего месяц назад она была девственницей, и Дориан убеждал себя, что причина кроется в отсутствии опыта. Просто она не успела обучиться искусству любви. С каждым днем это оправдание становилось все менее убедительным, ведь Дориан чувствовал, что они с Дженин подходят друг другу, а сам он ненасытен в любви. Но когда он склонялся над женой, она отводила взгляд, не в силах ответить на призыв, светившийся в его глазах. Дориан зарывался лицом в ее волосы, стараясь не замечать, что она остается холодной и не может вместе с ним достичь вершины любви.

Потом он долго держал Дженин в объятиях, наслаждаясь ароматом ее тела и пытаясь отбросить мысли о своем одиночестве.

Дженин никогда ему не отказывала, даже если Дориан приходил по два или три раза на день, и от ее покорности на душе становилось еще тяжелее. Она не притворялась, что испытывает удовольствие, но даже когда достигала наивысшего наслаждения, настоящей супружеской близости не получалось, и пропасть между ними не уменьшалась. Дженин ничего не говорила, однако Дориан видел, как отчаянно жена старается полюбить его и дать возможность окрепнуть их любви.

Даже сейчас, когда он владел Дженин, она удерживала его невидимыми узами еще

крепче. Дориан испробовал все способы, кроме вира, чтобы заставить жену разделить с ним любовь и испытать то же, что чувствует он сам. А ведь нужно управлять страной и защищать ее, обучать солдат и раскрывать заговоры, проводить реформы и упражняться в магии. Несмотря на многочисленные дела и обязанности, он каждый день выкраивал несколько часов для Дженин. Они подолгу разговаривали, танцевали, Дориан читал стихи и рассказывал разные истории, они вместе слушали бардов и много смеялись и только потом занимались любовью. Как ни странно, это способствовало установлению близости. Дженин чувствовала себя более свободно, радовалась общению, по достоинству оценивала юмор. Казалось, все идет хорошо, пока не наступал момент, когда супруги отправлялись в спальню. Может быть, все дело в юном возрасте Дженин, ведь ей всего шестнадцать лет, и супружеская любовь является для нее чем-то новым, или же их любовь — такой же обман, как смерть Логана? Возможно, все идет как надо, и он отравляет себе душу нелепыми подозрениями? А что, если Дженин любит его, а он просто погружается в бездну безумия?

— О чем ты думаешь? — спросила Дженин.

Дориан приподнялся, опираясь на локоть, и поцеловал ее грудь, стараясь выиграть время для ответа. Если сказать, что он думает о том, как сильно любит Дженин, это будет лишь частью правды. Сказать: «Я думаю о том, как сильно тебя люблю, а ты меня не любишь»? Нет, это слишком жестоко, но любовь не может питаться ложью. Он потер раскалывающуюся от боли голову и тихо проговорил:

— Я думаю о том, как сильно ты стараешься и как высоко я ценю твои старания.

Дженин разрыдалась и крепко прижалась к мужу. В ее порыве не было притворства.

Логан восседал на новом троне, который мастера изготовили за три недели и едва успели к назначенному сроку. Поначалу Логан хотел, чтобы это был простой и прочный трон из обычного дерева без всяких украшений, но герцогиня Кирена принялась убеждать, что трон властелина Сенарии не может выглядеть как стул, на котором сидят во время обеда, и он уступил. Мастера изготовили элегантный королевский трон из сандалового дерева, отполированного до блеска. Боковины и поручни украшали крупные рубины. По какому-то неизвестному Логану волшебству трон идеально подошел для его огромной фигуры, и он в душе пожалел правителей, которые придут ему на смену и не будут обладать столь внушительной статью. Да, усевшись на трон Логана, они почувствуют себя карликами.

Логан многозначительно посмотрел на Лантано Гаруваши, который стоял на коленях на простой циновке, расстеленной на полу по правую руку от короля. Поза казалась неудобной, но, похоже, Гаруваши к ней привык и чувствовал себя превосходно. Он кивнул, и Логан махнул рукой.

Лэ'нот прислал из Уирту, который считался столицей, а на самом деле представлял собой полуоседлый лагерь, нового посла. Посол прибыл в точно назначенное время и ни на час раньше.

— Приветствую ваше величество, — начал посол свою речь, а потом принялся перечислять все титулы и звания Логана и свои собственные, а также своего господина, повелителя Джулуса Ротанса.

Во время всей речи Логан сохранял бесстрастное выражение лица. Пойти на Халидор войной без Лэ'нота равносильно самоубийству. К весне, если повезет, Логан соберет пятнадцатитысячную армию, к которой прибавится шеститысячное войско Гаруваши. И на всех менее тысячи лошадей. Только у сенарийских дворян есть время и деньги, чтобы выучиться и стать хорошими кавалеристами, но большинству из них на все наплевать. Многие опытные воины погибли во время бесполезной борьбы с Гэротом Урсуулом. С другой стороны, Лантано Гаруваши привлек на свою сторону главным образом крестьян и захудалых са'кьюраев, не имеющих хозяина. Его армия считалась лучшей в Кьюре, пусть и не самой богатой. По донесениям, поступавшим от шпионов герцогини Кирены, у халидорцев имеется двадцатитысячная армия и тысячи чародеев.

Воинам Гаруваши поручили подготовку армии Логана, и они будут обучать его людей

воинскому искусству в течение трех или даже четырех месяцев, если зима будет суровой. Для обучения армии, состоящей из крестьян, это целая вечность. Однако Логана не радовала перспектива встретиться с превосходящими силами противника и чародеями на территории Халидора. Воины Лэ'нота использовали так называемую Броню Неверия, которая делала их менее восприимчивыми к действию магических сил. Если им удастся нейтрализовать майстеров, в рядах простых халидорских солдат начнется паника. Они привыкли идти за чародеями, которые сокрушат противника, прежде чем воины успеют выхватить мечи из ножен. Чем дольше Логан думал над сложившейся ситуацией, тем очевиднее становилась горькая правда жизни: чтобы вернуть Дженин, надо привлечь на свою сторону Лэ'нот.

— Внимательно изучив ваши предложения, — продолжал посол, — высшее командование приняло решение…

Логан резко поднялся с трона и приказал стражникам:

— Вышвырните его вон!

Гвардейцы тут же схватили дипломата под руки.

— Вы даже не дослушали! — завопил посол, когда его поволокли к выходу.

— Ах да! — откликнулся Логан, задумчиво почесывая подбородок. — Действительно. Продолжайте, но поторопитесь. Вы наводите на меня тоску.

Услышав, что посол употребил слово «предложения» — во множественном числе, — он понял, каков будет ответ Лэ'нота.

— Мы полностью согласны с первым и вторым пунктами, а вот в третьем имеются незначительные детали, которые нарушают крайне важные принципы Лэ'нота, касающиеся понятий чести. Вы требуете, чтобы мы осквернили свято чтимые Лэ'нотом принципы. Не сомневаюсь, это сделано непреднамеренно и без злого умысла.

— Неужели? — удивился Логан. — Продолжайте, сэр. Я не хотел никого оскорбить. Какие именно пункты вызвали недовольство?

— Как я уже сказал, мы считаем Халидор нашим общим врагом и согласны, что настало время решительных действий. Мы согласны…

— Короче. Вы мне надоели. — Логан сделал нетерпеливый жест.

— Речь идет всего лишь о нескольких проблемах, связанных с распределением наших сил.

— Правда?

Логан не сомневался, что такие проблемы у Лэ'нота непременно возникнут. Генерал Агон имел весьма нелестное мнение о верности Лэ'нота своему слову и предложил условие, по которому его силы будут раздроблены и перейдут под начало сенарийских и кьюрских офицеров. С точки зрения военных, такое решение представляло собой компромисс. Сенарийские командиры не смогут использовать отряды уланов так же эффективно, как это сделали бы офицеры Лэ'нота, так как никогда прежде не командовали такими родами войск и не знали их достоинств и слабых сторон. С другой стороны, при подобном распределении сил пойти на предательство не так-то легко, особенно если учесть расторопность шпионов герцогини Кирены.

— Ваше величество, если позволите быть откровенным, то мысль о передаче уланов под командование ваших офицеров равна самоубийству.

— Справедливое замечание, — согласился Логан.

Посол был человеком опытным и не показал удивления, вызванного неожиданной сговорчивостью короля Сенарии.

— Есть еще ряд мелочей, не представляющих особой важности. Однако теперь, когда мы пришли к общему согласию в отношении основных пунктов, я могу встретиться с должностными лицами Сенарии, чтобы обсудить…

— Разве в этом есть необходимость? — возразил Логан.

Дипломат в растерянности замолчал.

— Встретиться и подробно обсудить вопросы о нашем союзе, — робко закончил он, не желая выставить Логана полным идиотом.

— О каком союзе идет речь? — не понял Логан.

Дипломат открыл рот, но слова застряли в горле.

— Ошибаетесь, сэр, — пояснил Логан. — Это не союз, а война. Вы отвергли мои условия, и нынешним летом, после того как са'кьюраи Гаруваши разграбят Уирту и перебьют всех ваших офицеров, я предложу их снова, но с одним небольшим дополнением. Знаете каким? Уланы навсегда останутся под командой сенарийских офицеров. И если вы снова откажетесь принять мои условия, я перебью всех. Ясно?

Стражники снова ухватили посла под руки, намереваясь вышвырнуть из зала.

— Ваше величество, подождите! — завопил он.

Логан поднял палец, и дипломата отпустили.

— Меня удовлетворит только один ответ. Вы должны сказать: «Ваше величество, мы принимаем ваше предложение». Если хотите сказать что-то еще, можете сообщить свои соображения Дайносу Ротансу, который приехал с вами. Странно, почему он решил нарядиться в одежду слуги, хотя занимает более высокое положение, чем вы, да и брат к нему прислушивается. Передайте, что ему следовало бы набраться смелости и прийти ко мне самому. Вероятно, он решил, что, если дела пойдут совсем плохо, вот тогда-то он и вмешается. Я считаю такое поведение оскорбительным. Меня тошнит от лэ'нотских лизоблюдов. Передайте, что ему запрещается появляться при моем дворе. Даю вам полчаса времени на размышления. Потом либо снова приходите сюда со словами, которые я хочу услышать, либо седлайте коней и возвращайтесь к своему повелителю.

Логан кивнул стражникам, и они вывели посла из зала. Когда дверь за ним закрылась, Гаруваши обратился к Логану:

— Похоже, вам это доставляет удовольствие.

— Напротив. Меня едва не вырвало от омерзения.

— Правда? Потому что вы пытались развязать войну из-за какого-то бессмысленного пункта в договоре?

— Я знавал одного парня. Он был мал ростом, посмотреть не на что! И вот однажды кто-то к нему пристал, и он налетел на обидчика с такой яростью, словно потерял рассудок.

— И что, малыш победил?

— Его побили. Но к малышу больше никто не приставал, потому что парень воспринимал каждое оскорбление, как будто от победы над обидчиком зависит его жизнь. При драке с ним не существовало правил, потому что ему было наплевать даже на самые жестокие побои. И он победил. Я всегда был выше и сильнее других детей, но дрался честно и сразу же прекращал драку, если противник признавал мою победу. Мне пришлось драться гораздо чаще, чем этому парню.

— Значит, ваше решение в отношении Лэ'нота основано на красочных образах из детства? — осведомился Гаруваши.

— Вот потому-то мне и тошно.

Логан прекрасно понимал, что по-другому поступить не мог, так как без помощи Лэ'нота ему никогда не вернуть назад жену.

— Вот мы тут обсуждаем вопросы, вызывающие тошноту, а я получил известие, что некоторые члены Высшего совета предлагают регенту отправить посла, чтобы выяснить, не являюсь ли я пропавшим королем Кьюры, — сообщил Гаруваши.

— По твоему виду можно подумать, что это плохая новость. У Сенарии полно внутренних врагов, неприятели наступают с севера и востока, и Логану меньше всего хотелось, чтобы угроза пришла еще и с юга.

— Скорее всего, вместе с послом они снарядят армию. — Гаруваши понизил голос. — Посол пожелает увидеть Кьюр'келестос.

— Ну и что? — не понял Логан.

— А разве Кайлар вам не рассказал?

— Что именно?

— Жаль, что вы приговорили к смерти такого человека, ваше величество. На свете не

много людей, которые станут беспокоиться о чести того, кому ничем не обязаны. — Гаруваши смущенно откашлялся, и Логан был готов поклясться, что рыжеволосый великан покраснел. — Дело в том, что у меня больше нет Небесного меча. Кайлар забросил его в лес Эзры. Потом один маг пошел в лес и сказал, что сам безумный Эзра явился к нему с пророчеством и объяснил, как сделать для меня другой меч. Маг ушел, да так и не вернулся.

— Но у тебя на поясе…

— Ножны с эфесом. Если придется показать меч, можно считать меня покойником. Если тайна раскроется, мне не позволят лишить себя жизни, чтобы избежать позора.

«А я потеряю лучшую часть своей армии», — подумал Логан.

— Понимаю, — проговорил он вслух. — Сделаем все возможное, чтобы у мага хватило времени на выполнение этой миссии. Уверен, он возвратится. Никто не дает опрометчивых клятв Лантано Гаруваши.

Они сидели молча, каждый со своими мыслями.

— А как проходит кампания против Са'каге? — спросил наконец Гаруваши.

— Ничего не могу сказать, кроме того, что пока еще жив, как и все мои советники. Эта война может нам помочь, так как мы получим возможность предложить кое-что людям, единственным ремеслом которых всегда было насилие. Мы называем это заслуженным помилованием. В зависимости от совершенного преступления они отслужат определенное количество лет. Я не знаю, каким образом мы будем оплачивать регулярную армию в течение последующих пяти лет, но этих людей надо чем-то занять. И пусть уж лучше убивают моих врагов, чем соотечественников.

— Вы наберете в армию ненадежных людей?

— Да. Но ведь многие из твоих са'кьюраев низкого происхождения и не имеют покровителей. Разве в Кьюре нет людей, которых называют не имеющими чести? Все, что я могу, — это дать шанс людям, которые хотят изменить свою жизнь, помочь им прокормить семьи. Пусть попытаются. Ни один из тех, кто являлся членом Са'каге, не будет допущен в городскую стражу, а если стражник попадется на взятке, его повесят. У нас полно проблем, но на данный момент многие люди испытывают такую сильную ненависть к Халидору, что станут сражаться на моей стороне, чтобы разбить его, а уж потом снова примутся чинить козни против меня.

— Вы думаете, что одержите победу, — констатировал Гаруваши.

— До тех пор пока живут герцогиня Кирена и граф Дрейк, скорее одержу верх я, а не Са'каге, — пожал плечами Логан.

Гаруваши хмыкнул, и этот звук можно было принять за одобрение или проявление интереса. А возможно, он хотел выразить нечто совсем другое. Так они просидели в ожидании еще некоторое время.

Массивная дверь, ведущая в тронный зал, открылась, и на пороге появился дипломат. С момента его ухода прошло всего пятнадцать минут. Глаза дипломата горели ненавистью.

— Ваше величество, — заявил он, отчеканивая каждое слово, — мы принимаем ваше предложение.

68

За месяц, что прошел с момента первой тайной встречи с Ви, Рабыни изобрели дюжины две новых заклинаний. Фермерша с редкими, пожелтевшими от табака зубами знала заклинание, которое делало пищу более сытной. Вдова из Алитэры придумала заклинание, с помощью которого пища оставалась свежей в течение нескольких месяцев. Другие женщины тоже вложили свою лепту, и вскоре появились сухари размером в пол-ладони, и одного такого сухаря взрослому мужчине хватало на целый день для поддержания сил и энергии. У сухарей было несколько различных ароматов. Жена деревенского кузнеца сплела заклинание, которое сохраняет плуг острым, и его можно было без труда перенести на мечи, но налагать его надо было каждый день заново. Почти все женщины имели опыт исцеления

больных и изобрели бинты, которые подолгу остаются чистыми, особые снадобья, мгновенно останавливающие кровотечение, сильнодействующие бальзамы, заживляющие ожоги, припарки, отсасывающие яд из ран. Одна из женщин могла наложить заклятие на ткань, и палатки и одежда оставались сухими даже во время самой сильной бури. Пастушка научила их заклинанию, способному сделать твердой предательскую болотистую почву или непроходимую грязную дорогу. Правда, оно почти сразу же рассеивалось, но если выстроить женщин-магов в шеренгу, через трясину сможет пройти целая армия.

Лишь немногие умели метать огненные шары-пульсары, но однажды к Ви подошла тихая женщина и сказала, что изготовила магическую оболочку заклинания. С тех пор дело сдвинулось с мертвой точки. Одна женщина метала оболочку, вторая — выбрасывала простое огненное заклинание, а третья — объединяла их в стрелу. Заклинание было не больше женского кулачка, и, чтобы стрела летела, как положено, требовалось распределить его по всей длине. Когда это удалось, стрела ударилась о щит тренировочного манекена, и оболочка заклинания взорвалась, расплескивая огненные брызги на щит и манекен, которые сгорели в считаные секунды. Все женщины-маги, тренировавшиеся во дворе, прекратили свои занятия и наблюдали за необычным зрелищем.

Некоторые пастушки знали заклинания, на время улучшающие зрение, слух и обоняние. Они объединили усилия и создали одно заклинание, которое оказалось сильнее трех предыдущих, вместе взятых, и его действие продолжалось в течение всего периода бодрствования. Просто находка для часовых и разведчиков.

Потом женщины принялись за заклинания, вызывающие обратное действие. Хватало одного дня, чтобы привести в негодность все запасы еды противника. Превратить хорошую дорогу в непроходимое болото было сложнее. Чтобы осушить трясину, женщине-магу достаточно сделать твердыми несколько слоев почвы, а чтобы получить обратный эффект, необходимо размягчить всю почву. Затупить оружие противника во время битвы также оказалось невозможным. Как уследить за сотнями тысяч постоянно движущихся мечей и отличить друзей от врагов? Можно было устроить так, что раны врагов загноятся и к ним слетятся тучи мух, однако большинству женщин затея пришлась не по душе. Для выполнения этой задачи лучше всего подходили целительницы, но они заявили, что принесенная клятва не позволяет заниматься подобными делами.

По двум направлениям добиться положительных результатов вообще не удалось. Женщины-маги не смогли создать сигнальные жезлы и не умели с помощью магии воспроизводить ход сражения.

Гэрот Урсуул видел поле боя и мог мгновенно связаться со своими генералами или любым человеком в королевстве. Во время боя сигнальные флаги теряются, их может захватить противник, или бывают моменты, когда они находятся вне поля зрения. Звук трубы не всегда слышен в разгар битвы. Кроме того, все передаваемые сообщения и приказы бывают очень короткими и, к несчастью, доступными для чужих ушей. Обычно приказ ограничивается одним или двумя словами: наступать, отступать или стоять на месте. Сигнальные жезлы позволят командирам слушать донесения своих шпионов, находящихся в тылу врага, не дожидаясь, когда они, возможно, вернутся по прошествии нескольких часов или даже дней. Они смогут отдать приказ кавалерии немедленно идти в наступление или поддержать дрогнувшие ряды пехоты. Во время боя дорога каждая минута. Командующий получит возможность разделить армии и по-прежнему координировать их действия и, в случае необходимости, мгновенно изменить стратегию. Больше не придется ждать, когда армии встретятся в определенном месте и в назначенное время.

Неудачи привели Ви в дурное расположение духа, а насмешки сестры Ариэль не способствовали улучшению настроения.

— Послушай, Ви, — обратилась она к девушке, придя посмотреть на тренировки женщин-магов, — неужели ты не понимаешь, что совершила?

— Постаралась, чтобы воевать стало легче, — буркнула Ви.

— Да, конечно. Но не только. Тебе удалось добиться удивительных результатов,

которыми может гордиться любой маг, а ты должна испытывать двойную гордость.

— Что же я такого сделала? — недоверчиво спросила Ви.

Любая похвала из уст сестры Ариэль вызывала у нее подозрения.

— Ты учишь этих женщин воевать, не пытаясь при этом копировать мужчин. Дело в том, что, как правило, женщины не слишком сильны в таких делах, как метание боевых пульсаров или вызов молний. Если бы ты заставляла их учиться на боевых магов, в том смысле, как представляют себе это понятие в Часовне, они ни за что не добились бы ощутимых результатов к весне. Но ты пошла иным путем и позволила этим женщинам оставаться теми, кем они являются на самом деле.

— Обычный здравый смысл.

— Клянусь серафимом, в огненном шаре мало толку, если он сам не может переправиться через трясину, чтобы попасть на поле битвы! И боевой пульсар не причинит никому вреда, если маг истощен и ему нечего есть! Мы в тебе не ошиблись. Возможно, ты руководствовалась здравым смыслом, но никто другой не смог бы вдохновить женщин на создание тех заклинаний, которые они сотворили. Знаешь почему? У всех нас есть свои мертвые зоны, то есть области, в которых мы плохо разбираемся. Есть они и у тебя, Ви, но, к счастью, они не те, что у нас. Твой ответ относительно здравого смысла нарушает один из принципов нашей организации со времен третьего Алитэрского соглашения. Отношения, установившиеся между сестрами, считаются безупречными и совершенными. Из-за пробелов в ряде областей науки многие станут утверждать, что ты считаешь мужчин более сильными в некоторых видах магии. Этого утверждения достаточно для того, чтобы не позволить сестрам выполнять ту работу, которую делаешь ты. Даже если они признают, что это правда, то все равно приложат все усилия, чтобы скрыть простой факт: они не изучали заклинаний для огня, молнии и землетрясений.

— Я ничего не утверждаю, — возразила Ви. — Клянусь, я могу метнуть боевой пульсар лучше большинства магов-мужчин, а ведь я никогда над этим не работала. Просто хочу спасти нас всех.

— Надвигается беда, которая может смести нас всех, и поэтому ты считаешь, что пора прекратить все распри?

— Вам это важно знать? — нахмурилась Ви.

Сестра Ариэль весело рассмеялась.

— А как идут дела на супружеском фронте? — шутливо поинтересовалась она.

— Что? — смутилась Ви.

Не зря она ждала подвоха от сестры Ариэль. Ее похвалы всегда были прелюдией к тому, чтобы выставить Ви дурочкой.

— Как твои дела с мужем? — снова спросила сестра Ариэль, предварительно оглядевшись по сторонам, желая убедиться, что их никто не подслушивает.

При упоминании о Кайларе Ви сразу же его почувствовала. Он здесь, рядом, всего в пятидесяти шагах. Тренируется с Дарзо в цокольном этаже дома и, несмотря на многочисленные синяки, выглядит вполне счастливым. Время от времени Ви их тайно залечивает по утрам, когда Кайлар спит.

Последний месяц оказался трудным, но все же лучше, чем поначалу предполагала Ви. Она боялась почувствовать ненависть Кайлара, которая просочится через соединяющую их связь. Если Кайлар ее возненавидит, жизнь превратится в сплошное несчастье. Однако Кайлар вообще редко думал о Ви. Она училась и тренировалась до полного изнеможения и по приходе домой тут же отправлялась спать.

Кайлару и Элене удалось найти священника, который тайно освятил их брак. Свидетелями были только Дарзо, Ули, сестра Ариэль и Ви. Кайлар переселился в комнату Элены, несмотря на невозможность супружеских отношений между ними. Всякий раз, когда разгоралась страсть, у Кайлара начинался приступ рвоты. Странно: несмотря на все трудности, они светились счастьем, как все новобрачные. Возможно, их чувства обострялись и становились сильнее из-за того, что оба знали, как мало времени осталось у Элены.

Влюбленные прикасались друг к другу и держались за руки при каждом удобном случае и могли разговаривать часами.

Ви знала, как нелегко дается Кайлару воздержание. Целыми ночами она лежала без сна. Их с Кайларом разделяла только тонкая стена, за которой он тоже проводил бессонные ночи. Элена спала, положив ему голову на грудь. Ви чувствовала, что всякий раз, когда Кайлар испытывает желание, его мысли обращаются к ней, но он тут же брал себя в руки и гнал их прочь. В такие моменты он начинал думать об Элене и обо всем, за что он так ее любит. Иногда Ви чувствовала, что самообладание вот-вот изменит Кайлару, тем не менее он по-прежнему закрывал перед ней дверь.

Во сне они встречались дважды.

— Ты не питаешь ко мне ненависти, — прошептала Ви в первом сне, испытывая несказанную радость.

— Я ненавижу цену, которую нам приходится платить.

— Сможешь ли ты когда-нибудь меня простить? — спросила она.

— Стараюсь. Ты сделала то, что была должна, — ответил Кайлар. — Ты не злая женщина, Ви. Я знаю, ты позволяешь нам с Эленой побыть наедине, а ведь для тебя это тяжело. Спасибо. — Он мельком взглянул на ночную сорочку Ви, которая на сей раз сидела безупречно. Во взгляде отразилось невольное восхищение, и он тут же опустил глаза. — Лучше бы ты не была такой красавицей. Спокойной ночи.

Второй сон оказался тяжелее. Он приснился в одну из тех ночей, когда Кайлар лежал без сна по ту сторону стены, сгорая от мучительного желания. Во сне Ви Кайлар стоял обнаженным у ее кровати. Его глаза были закрыты, и Ви упивалась его атлетическим телом, на котором отчетливо выделялся каждый мускул. Она надела одну из ночных сорочек, которые когда-то сшил мастер Пиккун. Короткая сорочка из белого шелка с вертикальными вставками другого цвета выглядела наивно-очаровательной, а не вызывающей и звала к нежным любовным ласкам, а не грубой физической близости. Эту сорочку Ви купила у мастера Пиккуна одной из первых и за четыре года ни разу не надела. Мужчины берегли любовь и нежность для жен и невест, а к ней приходили удовлетворить похоть. Во сне волосы Ви рассыпались по плечам сияющей волной.

Как только Кайлар открыл глаза, Ви поняла, что Кайлар никогда не видел этой сорочки. Ведь это был сон Ви, а не его. Она замерла на месте, чувствуя себя еще более беззащитной, чем в тот момент, когда стояла обнаженной перед королем-богом. Гэрот Урсуул вынес приговор, не зная ее, но Кайлар обладает куда большей властью, и он сейчас здесь, потому что Ви страстно его желает. Ви долгие годы сама являлась объектом желания и высмеивала за это мужчин.

Онемение, которое она чувствовала между ног с тех пор, как ее изнасиловал один из любовников матери, стало потихоньку проходить. Пришедшее ему на смену томление казалось странным и чужеродным, и Ви не могла найти для него подходящее название. Переспав с множеством мужчин, она ни разу не ложилась с ними в постель, чтобы получить удовольствие, а уж о любви не шло и речи. Бесчувственность и онемение постепенно исчезали, и это не только позволило испытать желание, но и таило в себе угрозу. Сквозь корочку льда Ви могла рассмотреть очертания тайны. Она представляла, как передаст свое желание Кайлару и испытает единение с ним, и они станут одним целым в этом мире, состоящем из осколков, которые никак не хотят складываться в гармоничную картину. Когда Ви думала о своем страстном желании, то имела в виду не только близость в постели, которая, конечно, очень важна, но не является самым главным в их отношениях.

Для Ви близость с мужчиной стала обычной физической повинностью, такой же монотонной и необходимой для ее работы, как ежедневные упражнения. Если бы Ви когда-нибудь захотелось заглянуть под ледяную завесу и посмотреть, что там творится, пришлось бы испытать вмерзшую в нее боль и насилие. Если бы Кайлар стал с ней разговаривать во время занятия любовью, ей вспомнились бы все мерзавцы, которым было невозможно заткнуть рот. Если бы он молчал, на память пришли бы скоты, использовавшие

ее молча. Проведи он пальцами по рыжим волосам, и тут же перед глазами возникли бы рожи придурков, которые трепали ее по голове, словно животное. А если бы Кайлар в порыве страсти сорвал с Ви одежду, услужливая память напомнила бы о Хью Висельнике. Он именно так и поступал и плевал ей в лицо. Если Ви хочет наслаждаться любовью Кайлара и отвечать на его страсть, нужно, чтобы он узнал о том, как опустошена ее душа. Она должна преодолеть тот ад, через который пришлось пройти.

Все эти мысли промелькнули в голове Ви в тот момент, когда их с Кайларом взгляды встретились. Она почувствовала, как напряглось тело, и волосы немедленно стянулись в тугой «конский хвост» так, что стало больно голове. На Кайлара волной нахлынули два чувства. Вторая волна нагоняла первую, и даже при всей своей эмоциональной глухоте, как выразилась сестра Ариэль, Ви знала название этих чувств. Первое было желанием, и, несмотря на его плотскую сущность, оно не имело ничего общего с похотью. Месяц, который он провел, лаская женщину, которую любит, стал прелюдией любви.

— Ви, — задыхаясь, выдохнул Кайлар, — я не могу здесь находиться…

Он не замечал своей наготы и того, что Ви тоже почти без одежды, и смотрел ей в глаза, позволяя прочесть, что творится у него на душе.

Мужчины, насиловавшие Ви, уничтожили связь между тем, что происходит в постели, и близостью между мужчиной и женщиной вообще, оставив ей только грубый секс. Когда она привязала Кайлара к себе обручальной серьгой, то обрекла его на близость без постели. Единственным человеком, который может навредить Кайлару так же, как когда-то давно навредили ей, является он сам. Он старается, чтобы тело выполняло то, что чувствует сердце, и пока он не нарушил гармонии и не поддался искушению. Если он изменит Элене, то превратится в собственных глазах в предателя, и это чувство не покинет его до конца очень долгой жизни.

Кайлар повернулся к Ви спиной и ушел из ее сна.

Ви встретилась глазами с сестрой Ариэль и не отвела взгляда.

— С Кайларом все замечательно, — сказала она.

69

Дориан почувствовал грядущие неприятности, как только девушка-танцовщица вошла в тронный зал. Он встречался с главой клана Граавар, гигантом горцем. Его заплетенные в косы иссиня-черные волосы спускались до пояса. Граавар был влиятельным горным кланом, а его вождя Гракаата Круна уважали и чтили все горные племена. Он явился сюда, чтобы испытать Дориана. Скорее всего, это была безобидная игра, которыми так любят забавляться горцы. Горные племена уже лет сто не делали серьезных попыток завоевать независимость, и до недавнего времени Дориан вполне устраивал Гракаата.

— Ваше святейшество, — начал Гракаат Крун, и в его глазах с нависшими веками светилось неприкрытое самодовольство, — хочу преподнести вам подарок, чтобы скрепить наш договор.

Он сделал знак, и вперед выступили две девушки. Танцовщице было лет шестнадцать, а второй девушке, игравшей на горной флейте, не больше тринадцати. Обе отличались красотой и изяществом, и Дориан не сомневался: это дочери главы клана.

Когда танцовщица начала исполнять чувственную рондаа, большинство телохранителей Дориана и все его придворные в смущении опустили глаза. Горский вариант танца отличался от того, который Дориан видел в юности. Девушка нарядилась в широкие одежды с преувеличенно широкими плечами, с которых свисали ленты ткани с колокольчиками, пришитыми по линии бедер. Сестра девушки играла на флейте, и, когда танцовщица делала круговое движение бедрами, колокольчики начинали звенеть, ленты развевались, открывая взорам нагое тело. Как и в танце, исполняемом в равнинной местности, девушка, казалось, плыла по воздуху. Грудь и голова оставались неподвижными, а бедра дразнили зрителей. Однако в равнинном танце акцент делался на живот, а у девушки

он был полностью закрыт. Тем не менее не прошло и нескольких мгновений, как танец полностью захватил Дориана. Дочь главы клана, бесспорно, талантлива.

Рондаа сменил другой танец, который назывался бераа, и у Дориана рассеялись последние сомнения относительно намерений вождя. Бераа была быстрее и отличалась еще большей чувственностью. Время от времени девушка хлопала руками, поднятыми высоко над головой, открывая грудь, ее бедра сначала двигались из стороны в сторону, а потом вперед и назад, и от этих движений любой нормальный мужчина мог потерять голову.

Дориан понимал, что попал в ловушку. Он не знал, радоваться или печалиться из-за того, что здесь нет Дженин. Она уединилась по причине ежемесячного недомогания. Возможно, ее присутствие изменило бы ход событий. Гракаат Крун не заставил бы дочь танцевать бераа для короля-бога, если бы не собирался принести ее в дар. На севере брак, скрепляющий договор, имеет гораздо меньшее значение, чем в южных королевствах, однако улыбка, играющая на губах главы клана, говорила Дориану о многом.

Дориан считал, что если возьмет себе многочисленных жен, то пресечет слухи, которые возникли еще с тех пор, когда он вошел во дворец в обличье евнуха. Однако если кто-нибудь узнает, что он не наслаждается ласками наложниц из гарема, шуточки про его неполноценность снова начнут передавать из уст в уста. Воин-горец вроде Гракаата Круна обычно достигал высокого положения благодаря своим неоспоримым достоинствам, подразумевающим силу и мужественность. Для горцев эти понятия неразделимы. А какие мужские достоинства у евнуха? И как может воинственный вождь горцев подчиниться тому, кто не является мужчиной?

Дориан подал едва заметный знак, и все стали потихоньку уходить из тронного зала. Остались только телохранители и несколько вюрдмайстеров. Гракаат Крун выглядел встревоженным, но его дочь не сбилась с ритма, и Дориан сосредоточил все внимание на девушке, продолжая держать главу клана в неведении относительно своих намерений. Король-бог ничем не выдал охватившего его волнения.

«Господи, дай мне силы на то, что придется совершить!» — молил внутренний голос.

Тут Дориан вспомнил, что отверг Господа Единого, и тот не поможет разжечь тлеющие искры желания, которые у него еще остались. Поймет ли его Дженин?

Возможно. Если не увидит того, что сейчас произойдет. Черт бы побрал этого горца! Помощники Дориана принесли известие, что Мобуру переманивает на свою сторону варварские племена Фриза и называет себя верховным королем. Якобы так сказано в пророчестве. Самое неприятное, что он действительно родился в нужный день или на три дня раньше — все зависит от календаря, который берется за основу для отсчета. Даже если Мобуру не доживет до весны, что маловероятно, Дориану нужен вождь горцев, который приведет к нему соплеменников, чтобы дать отпор Нефу Даде и его вюрдмайстерам.

Если Дориан проявит нерешительность, об этом немедленно узнает вся страна. Люди станут говорить, что новый король-бог либо импотент, либо евнух и вообще не имеет права на престол. Гракаат Крун уничтожит его руками девочки-подростка.

«Если я называюсь божественным повелителем, то должен править, как подобает божественному повелителю».

Девушка завершала танец, и ее затуманенный взор излучал призыв, что крайне удивило Дориана. Неужели она убедила себя, что готова полюбить мужчину, которого видит в первый раз? Или ею движет страх, спрятавшийся за маской сладострастия и добавляющий танцу огня?

Дориан в знак восхищения постучал костяшками пальцев по трону, что в Халидоре приравнивалось к аплодисментам, и с улыбкой встал.

— Клянусь Хали, Гракаат, твои девочки изумительны! Просто прелесть! А младшая тоже танцует?

Гракаат не мог скрыть смущения.

— Я… Да, ваше святейшество, но я собирался…

— Я их забираю. Никогда мне не делали более роскошного подарка. Как тебя звать,

дитя? — обратился он к юной флейтистке.

Ужас, отразившийся на лице девушки, подтвердил подозрения Дориана. Гракаат отвел роль наживки танцовщице и никак не ожидал, что евнуху захочется забрать обеих. Младшая девушка тряслась от страха, а лицо старшей сестры приобрело растерянное выражение. Глядя на них, Дориану хотелось крикнуть: «Я этого не желал! Отец использовал вас в качестве пешек в своей игре против божества, но забыл, что у божества выиграть нельзя!» Однако вслух он ничего не сказал.

— Меня зовут Иза, — ответила девушка.

Она едва успела созреть, и в ее движениях еще чувствовалась детская неуклюжесть. У Дориана противно засосало под ложечкой.

«Хали, дай мне силы!»

Он вспомнил заклинание, которое избавит девушку от страха и поможет осуществить задуманное. В юности Дориан часто пользовался им, удовлетворяя свою похоть.

— У племени граавар принято публично скреплять брак, — обратился он к главе клана.

В глазах Гракаата промелькнул страх, и Дориан понял, что младшая дочь — его любимица.

— Это устаревший обычай, и мы уже много лет его не практикуем…

— Замечательный обычай! — возразил Дориан. — Особенно если возникают сомнения по поводу мужских способностей жениха.

«Хали, дай мне силы!»

— Я… Ваше святейшество…

Гракаат позеленел от страха, а его воины отвели глаза.

Иза еще не поняла, о чем идет речь, и, прежде чем до нее дойдет, через что предстоит пройти, Дориан наложил на девушку узор вира. Иза сразу же успокоилась. Дориан видел, как расширились ее зрачки, и она больше не видела перед собой ничего, кроме лица Дориана. А он продолжал колдовать, ласково подготавливая ее тело, которому предстоит на время обмануть рассудок. Сейчас, что бы он ни делал, это доставит Изе наслаждение. Потом, когда она осознает весь ужас случившегося, ее убедят, что Дориан является божеством и нет ничего постыдного в том, чтобы служить богу, как он того пожелает. Наоборот, каждая девушка должна радоваться, что заслужила высочайшее внимание.

— Я не знаю всех тонкостей своеобразных горских обычаев, но думаю, что нескольких подушек на полу вполне достаточно. Разумеется, если ты не возражаешь.

Дориан поднялся и сбросил с плеч горностаевую мантию. По всему телу заиграл вир, и черные языки пламени сожрали оставшуюся одежду. Причудливый рисунок извивался по коже, и шипы выступали наружу, а вокруг головы образовалась черная корона. Дориан устремил горящий взор на вождя горцев, и гигант затрясся от страха. Он хотел отвернуться, но что-то мешало сдвинуться с места. Граакат даже не мог закрыть глаза или хотя бы моргнуть ими.

Вир выхватил подушки, на которых сидели придворные, и швырнул их к ногам короля-бога.

Дориан позволил виру угаснуть и с улыбкой повернулся к девушке.

— Иди ко мне, милая.

«Хали, дай мне силы!» — молил он и вдруг почувствовал, что обрел желаемое.

И да простит его Господь, но внезапно нахлынувшая сила ни на мгновение не подвела.

Когда все закончилось, Дориан поднялся, и его тело блестело от пота. Иза непристойно раскинулась на подушках, тяжело дыша и не видя ничего вокруг. Граакат Крун смотрел на Уонхоупа с благоговейным ужасом, как и заслуживает король-бог.

— Жду тебя весной, — объявил король-бог. — Если наберешь семь тысяч человек, поставлю тебя во главе кланов Куорл, Чурак, Храагл и Иктана. В первое весеннее новолуние мы выступаем в Черный Курган. Девушки останутся у меня.

Ви разбудила сестра Ариэль, которая изо всей силы трясла ее за плечо. За окнами еще не рассвело, и комнату освещала только одинокая свеча. Ви привстала и села на кровати, глядя на Ариэль заспанными глазами. На сестре было то же самое широченное платье, что и вчера. Она смотрела на девушку покрасневшими от бессонницы глазами.

— Что случилось? — спросила Ви.

— Я нашла, что искала, и могу тебе помочь, — сообщила сестра Ариэль.

— В чем помочь? — не поняла Ви.

— Вставай, я тебе все расскажу по пути.

Ви быстро оделась и последовала за сестрой Ариэль, которая не произнесла ни слова, пока они не добрались до яликов, чтобы отправиться в Часовню. Когда лодка отчалила от пристани, Ариэль заговорила шепотом, памятуя, как хорошо разносится голос по воде даже в предрассветном тумане, окутавшем озеро.

— Давным-давно жил алитэрский император по имени Джоралд Хурдазин, по всем меркам правитель умелый и мудрый. В юные годы он установил контроль Алитэры на огромной территории, начиная с нынешнего Иммура на востоке до западного побережья Мидсайру. Последними он завоевал нынешний Уэддрин и Модай, а когда женился на Лэйинисе Гуралт, провидице из Джайла и его принцессе, то стал повелителем местности, где сейчас находится Кьюра. И тут, главным образом по настоянию супруги, он остановился. Последующие двадцать лет император посвятил объединению и укреплению империи и принес на завоеванные земли справедливость и процветание. Однако кому-то из многочисленных врагов удалось его отравить с помощью магии, и, несмотря на то что об этом вовремя узнали, маги сумели только замедлить действие яда. Каждый день они лечили императора Хурдазина, но вскоре сообщили, что ему остается жить не более двух лет. Разумеется, все держалось в строжайшей тайне, и на помощь призвали всех зеленых магов, как мужчин, так и женщин, которых удалось отыскать. Хуже всего, что у императора не было наследника.

Когда король Джайла согласился присоединить свои владения к империи Хурдазина, он потребовал, чтобы брак между Джоралдом и Лэйинисой был скреплен обручальными серьгами, такими как у тебя и Кайлара. Для человека, наделенного огромной властью, найти такие серьги не составило труда. Несмотря на то что их брак заключался по политическим и магическим соображениям, во всех источниках, которые я прочла, утверждается, что Джоралд и Лэйиниса горячо любили друг друга. Зеленые маги не нашли лекарства, способного излечить императора, и вскоре обнаружили, что Лэйиниса страдает бесплодием. Женщины, наделенные огромным *талантом,* наносят вред своему здоровью, и бесплодие является результатом того, что они слишком часто вынуждены прибегать к помощи магии. Император созвал всех магов, которым доверял, чтобы они попытались решить обе задачи. Он не сомневался, что после его смерти жена справится с управлением империей, однако если Лэйиниса не родит наследника, то рано или поздно его творение рухнет. Джоралду не хотелось смириться с участью императора, империя которого развалится после его смерти. В конце концов сама Лэйиниса нашла способ нарушить связь, установленную обручальными серьгами.

— Неужели ей это удалось? — не поверила Ви.

— Говори тише, а лучше помолчи, пока не окажемся в библиотеке, — предупредила сестра Ариэль.

Они молча шли по темным коридорам Часовни, и Ви вдруг с удивлением обнаружила, что в этом здании она чувствует себя как дома. Тусклые, зажженные магией факелы, освещающие стены и движущиеся вслед за ними, стали привычными, а величественные мраморные арки уже не таили угрозы, а действовал и умиротворяюще. Вскоре они оказались в недрах Часовни, глубоко под водой, куда раньше Ви заходить не разрешалось. Здесь было светло и чисто, но, несмотря на это, повсюду витал дух запустения. Ряды дубовых ящиков возвышались до самого потолка, а на одном из письменных столов стоял уже открытый

ящик.

Сестра Ариэль тут же его закрыла и, поставив на одну из полок, взяла совсем другой ящик, который стоял двумя рядами ниже. Ви поняла, что таким образом сестра Ариэль хотела обмануть шпионов, если бы им вздумалось поинтересоваться, что именно она ищет. Поначалу девушка не поняла, почему все ящики сделаны из дуба, потом, внимательно присмотревшись, обнаружила внедренные в дерево чары. На каждый ящик были наложены заклинания, благодаря которым в них не проникала влага и воздух, а кроме того, они не горели в огне, и все содержимое хранилось в полной безопасности.

— Реагирующие на магию материалы хранятся в специальных помещениях на другом этаже, а эти архивы предназначены исключительно для мирских целей. Чтобы сохранить их, через каждые несколько сотен лет прилежные послушницы вроде тебя их переписывают. Этого достаточно, если не открывать ящики слишком часто.

Ящик со свистом открылся, и сестра Ариэль осторожно вынула свитки пергамента, которым, по мнению Ви, было не более десяти лет.

— Когда заключался брак между Джоралдом и Лэйинисой, обручальные серьги находились под запретом уже в течение пятидесяти лет. Однако семьи монархов ими пользовались, хотя мало кому из их членов хотелось попасть в такую зависимость. Обручальные серьги, когда бы они ни применялись, приносили несчастье, и все маги постепенно пришли к выводу, что их запрет станет самым мудрым решением Часовни и религиозных братских общин. И те и другие приложили все усилия, чтобы стереть из памяти все сведения об их изготовлении. Несколько раз это приводило к кровопролитию, особенно среди братства Вай'сана и Творцов, которые и по сей день остаются малочисленными. Когда Лэйиниса нашла способ обмануть магию, в наших рядах начались споры. Некоторые хотели продолжить ее работу и научиться разрывать установленную серьгами связь навеки. Однако большинство представителей сестринских и братских общин опасались, что в результате интереса, проявляемого к принудительным обручальным серьгам, снова всплывет на поверхность секрет их изготовления. На чаши весов были брошены страдания немногих пар, соединенных неразрывной связью, и грядущие беды, которые непременно обрушатся на людей, если секрет серег попадет в руки неразборчивых в средствах мошенников. Не знаю, пробовала ли ты экспериментировать со своей связью, но элемент принуждения там присутствует. Вот почему королю-богу не удалось навязать тебе заклятие на принуждение. В соответствии с законом, по которому действуют обручальные серьги, принуждение передается от тебя к Кайлару.

— Что? Ты хочешь сказать…

— Я хочу сказать, что если ты прикажешь Кайлару пойти на руках в Сенарию, то найдешь его тело в одном из горных ущелий, с обрубками вместо рук. Это принуждение, несомненно, гораздо сильнее того, что хотел испробовать на тебе король-бог.

— Значит, выход есть? — недоверчиво спросила Ви.

— Ну, не то чтобы выход, дитя мое. Однако ты являешься хозяйкой связи и можешь сделать то же, что и Лэйиниса.

— А что она сделала?

— Использовала принуждение, скрытое в связи, и заставила Джоралда развестись с ней и жениться на другой принцессе. Она сумела на время приостановить действие связи, что позволило императору обзавестись наследником.

— А что было потом?

— Император умер, но империя сохранилась, не считая отсоединения Джайла, правитель которого воспринял развод Джоралда как тяжкое оскорбление. Лэйиниса служила новой супруге Джоралда в течение пяти лет ее регентства. Потом новая императрица выступила против Джайла, и Лэйиниса покончила с собой. Вражда между Алитэрой и Кьюрой не затихает вот уже несколько столетий и может вспыхнуть с новой силой, если эти страны будут граничить друг с другом. Однако речь идет о том, что ты тоже можешь временно приостановить действие связи. Женщина-маг по имени Джесса работала вместе с

Лэйинисой и принадлежала к лагерю сторонников полного разрыва связи. Когда Часовня наложила запрет на дальнейшие исследования, думаю, Джесса его нарушила. Она была целительницей, а также проявляла интерес к садоводству, и я просмотрела написанные ею книги. В них не рассказывается ничего нового, есть более содержательные труды. Кроме того, Джессу не считали сильным магом. Думаю, никому не пришло в голову заняться изучением ее работ, а если бы это сделали, обнаружили бы сведения, которые нашла я. Джесса попыталась их зашифровать, но не слишком искусно. Шифровальщик из нее получился никудышный. Прочтя ее книги, я испробовала различные шифры, а потом обратила внимание на заметки, сделанные на полях. Владей ты древним кьюрским языком, сама бы увидела, как смешны и наивны ее попытки. В заметках на полях она писала с заглавной буквы какое-нибудь слово, и, сложив вместе все заглавные буквы, можно прочесть, что она хотела сказать. Вот такая примитивная тайнопись. Я поняла не все из послания Джессы. Думаю, тебе это удастся лучше. Да, вот еще что. Я ни словом не обмолвилась о своей находке ни Кайлару, ни Элене и не стану этого делать. Это твоя ноша. Тебе решать, стоит ли платить такую цену.

Двенадцать часов спустя Ви нашла Элену. Девушка с радостным видом готовила завтрак.

— Что случилось? — встревоженно спросила Элена, глядя на темные круги под глазами Ви. — Ты плохо себя чувствуешь?

— Знаешь, Элена, — по усталому лицу Ви промелькнула застенчивая улыбка, — у меня есть для тебя свадебный подарок, хотя и с опозданием на месяц.

71

Теперь его называли Солоном — Наездником Бури. Говорили, что его волосы стали белыми во время странствий по холодным, покрытым льдом морям. Ходили легенды, что волосы побелели, когда его засосала морская пучина, которой Наездник Бури оказался не по зубам, и она изрыгнула смельчака из своей утробы. Однажды его корабль действительно опрокинулся, и даже с помощью магии едва удалось спасти свою жизнь. Тогда пришлось плыть целую милю по бушующему морю. Конечно же, волосы Солона стали белыми с тех пор, как он взялся за Кьюрох, задолго до той безумной зимы. Он не раз рассказывал об этом солдатам и матросам, которые пошли за ним, но им больше нравились собственные домыслы.

Наступила весна, и Солон возвращался к императрице Вариямо, разбив всех ее врагов. В тот день, когда Солон спас ей жизнь, он склонился перед повелительницей, и та дрожащим от злости голосом заявила, что отдаст ему руку только после усмирения мятежных островов. Восстание на них вспыхнуло после убийства Ошоби Такеды. Кайде не могла смириться со своей слабостью и показать, что нуждается в помощи, но со временем ее гнев утихнет. Во всяком случае, так было раньше.

Все думали, что Солон дождется весны и вместе с армией по очереди высадится на все острова Такеды. Он начал действовать немедленно, в полном одиночестве. На маленьком челноке греб восемнадцать миль до Дьюраи и сразу объявил ультиматум. Солон потребовал, чтобы остров сдался, присягнул на верность королеве и сдал ему все оружие. В противном случае он пообещал убить каждого, кто окажет сопротивление, и обратить в рабство всех сдавшихся на милость победителя.

Гулон Такеда рассмеялся Солону в лицо и умер на месте вместе с восемнадцатью воинами. Потом Солон привез две дюжины воинов, передал их в распоряжение нового микайдона и отправился спать в таверну рядом с доками, не надеясь получить известие от Кайде. Проснувшись, он направился к своему челноку, где его ждала ватага отчаянных моряков во главе с капитаном. У мореплавателей была давняя вражда с семейством Такеда, и они вызвались отправиться в поход вместе с Солоном.

Всякий раз, когда они выходили в море, корабль начинал трепать шторм, и Солону

пришлось усовершенствовать свое магическое искусство управления погодой. Однако ни одному магу не под силу усмирить шторм, бушующий зимой у островов, составляющих Сетскую империю, и каждый день приходилось сражаться с бурями. Несколько раз представители семейства Такеда, с которыми им довелось столкнуться, были так ошеломлены, что сдавались без боя. А потом Солон снова вернулся в Хоккай с победой и обнаружил, что воины Такеды, которых он взял на службу, стали надежным отрядом в сетской армии и страшно гордятся тем, что сдались Наезднику Бури.

И вот все закончилось. Хорай, родной остров Такеды, не ждал появления армии у своих берегов по крайней мере еще шесть недель. Солон застал их военачальников врасплох и, несмотря на численное преимущество — три тысячи воинов против четырех сотен, — нанес Такеде сокрушительное поражение. Прежде чем их армия успела собраться в нужном месте, все командиры были мертвы, и Солон, сделав с помощью магии звучание своего голоса особенно приятным, предложил воинам сдаться на выгодных условиях. Мятеж подавили, а почти все потери были со стороны Такеды.

В первый погожий день весны, когда купцы собираются на своих судах и начинают готовиться к весенним походам, проверяют нанесенный зимой ущерб, заготавливают соль и чинят сети, покрикивая на обленившихся за зиму работников, маленький флот Солона вошел в гавань Хоккая.

Их приветствовали как героев, и буйные моряки, которые первыми пошли за Солоном, превратились в дисциплинированных воинов. Матросы бросили работу, и капитаны не стали сдерживать их окриками, а, присоединившись к рабочим на берегу и виноторговцам, радостными возгласами встречали победителей. Радостная толпа понесла их к дворцу, и сердце Солона замерло от страха и томительного ожидания.

«Кайде, любимая, только не принимай мою победу как оскорбление! Без тебя она ничего не значит».

Наконец они подошли к Уайтклиффскому дворцу, сияющем у в лучах весеннего солнца. Кайде встречала их на помосте, где всего несколько месяцев назад ее едва не свергли. На ней были наджика цвета морской волны и платиновая тиара, украшенная сапфирами. Императрица подняла руки, и толпа постепенно успокоилась.

— Как обстоят дела на островах, Наездник Бури?

— Там царят мир и покой, ваше величество.

Народ ликовал, но лицо Кайде оставалось угрюмым. Некоторое время она наблюдала за всеобщей радостью, затем снова подняла обе руки.

— Говорят, ты — маг, Наездник Бури.

— Это правда, — откликнулся Солон.

Толпа притихла, видя, как серьезна императрица. Многих интересовал вопрос, который впервые возник еще в те времена, когда Солон в первый раз отправился в школу магов в Мидсайру. Каковы границы его верности правящему повелителю?

— Тебя называют богом, Наездник Бури. Говорят, ты в одиночку покорил зимой все моря.

— Я не бог, ваше величество, и действовал не в одиночку. Я — верный сын Сета и бороздил моря вместе с людьми, не ведающими страха, отважными, словно тигры. Они яростнее любого шторма и способны покорить все моря на свете. Зимние бури не способны остановить их и помешать нести службу в вашу честь, ваше величество.

Толпа возбужденно загудела, с надеждой глядя на императрицу. Соратников Солона распирало от гордости, ведь сам Наездник Бури щедро поделился с ними своей славой. Однако Кайде и не думала сменить гнев на милость и быстро положила конец всеобщему оживлению.

— Говорят, ты был нашим принцем, Наездник Бури, а еще говорят, что я украла у тебя корону.

Толпа затихла.

— Да, я был принцем и принадлежал к старинному роду, на который мой брат навлек

позор и бесчестье. Он нарушил священный договор между монархом и народом своей страны, и поэтому я больше не являюсь принцем. Если прикажет ваше величество, я поплыву на запад или к скалистым берегам, где царит смерть. Я всего лишь человек и мужчина, который любит вас, ваше величество.

Последние слова Солон произнес совсем тихо, но в воцарившейся тишине люди их расслышали.

Императрица долго молчала, и толпа, затаив дыхание, ждала ее решения. И только Солон видел, как сияют глаза Кайде.

— Хорошо, Солон — Наездник Бури, Солон Тофьюсин, подойди и получи награды как маг, верный сын Сета и мужчина.

Ликующая толпа понесла Солона вперед, и ему казалось, что все происходит во сне. Первым делом Кайде вручила ему подвеску с сияющим рубином, от которого исходил огонь древней магии. Никогда раньше ему не попадался на глаза этот артефакт. Прежде чем Солон успел рассмотреть подарок, императрица возложила ему на голову корону отца, представляющую собой обруч с семью золотыми виноградными листьями с изящными завитками.

— Рубин — достойный подарок магу, корона достается по праву самому верному сыну Сета, а я, гордая и вздорная женщина, не могу стать подарком ни для одного мужчины.

— Ошибаетесь, ваше величество, такой мужчина есть, — возразил Солон и, заключив Кайде в объятия, крепко поцеловал.

72

Ви не представляла, каким образом Элене удалось объясниться с Кайларом, но точно знала, что это произошло. Через существующую между ними связь она почувствовала смущение Кайлара и его счастливое нетерпение. Все должно свершиться сегодня ночью. Вместе с сестрой Ариэль они еще раз изучили весь магический ритуал. Как и предупреждала Ариэль, Ви не разрывала связь, а лишь на время прекращала ее действие.

Весь смысл заключался в том, что связь не действует только на время активного использования против нее магии, что и предстояло сделать Ви. Одна новость все же порадовала девушку. У Кайлара никогда раньше не было женщины, отчего он испытывал смущение, хотя Ви находила в этом особую прелесть. Однако сейчас она надеялась, что он не сможет долго заниматься с Эленой любовью. Ви честно рассказала Элене, что действие связи прерывается только с одной стороны, то есть Кайлар перестанет чувствовать Ви, но она по-прежнему будет разделять с ним все переживания. Элена решила утаить это от Кайлара.

Ви запаслась всем необходимым: колючим шерстяным платьем, которое, как она надеялась, отвлечет от физических ощущений, передающихся через связь, и кувшином с вином, чтобы забыться, когда все закончится. Сестра Ариэль не одобряла ее действий, но и не запрещала. Ви оставалось надеяться, что Кайлар принадлежит к типу мужчин, которые после близости с женщиной сразу же мирно засыпают. Ведь как только она перестанет колдовать, Кайлар снова ее почувствует. Если бы он знал, что с помощью магии Ви подсматривает, как они с Эленой занимаются любовью, то стал бы переживать. Элена не сомневалась, что к весне умрет. Она, конечно же, заслуживает любви Кайлара и пусть наслаждается ею.

Ви чувствовала, как Кайлар поднимается по лестнице. Они с Эленой устроили на кухне романтический ужин, так как вместе им показываться на люди нельзя. Элена держала любимого за руку, и Ви ощущала его томительное ожидание и неверие в свое счастье. Он опробовал связь с Ви, но девушка отгородилась каменной стеной и начала колдовать.

По словам сестры Ариэль, сами заклинания были несложными, и вся трудность заключалась в том, чтобы использовать их с нужной силой столько времени, сколько потребуется. Кроме того, сестра Ариэль призналась, что весь процесс требует от мага

больших душевных затрат. Про себя Ви отметила, что Ариэль смогла бы удерживать заклинания не менее двадцати минут.

Пожалуй, сестра Ариэль способна выдерживать груз эмоционального напряжения и душевных затрат всю жизнь. В конце концов, именно сестра Ариэль проделала огромную работу, и благодаря ее стараниям Кайлар и Элена смогут побыть вместе. А может быть, она таким образом хочет заслужить прощение?

Магия слой за слоем окутывала связь, словно туманом, и вскоре Ви поняла, что все делает правильно. Кайлар в смущении остановился и, когда они с Эленой присели на краешек кровати, наклонился к ней и поцеловал. Чем больше Ви старалась заглушить связь, идущую от Кайлара к ней, тем сильнее обострялись ее собственные чувства.

Ее охватила паника, стало трудно дышать, но Кайлар ничего не чувствовал. Сомнений нет, его связь с Ви временно не действует. Поначалу это вызвало у него удивление, а потом радость разлилась огнем по всему телу. Он крепко обнял Элену и стал страстно ее целовать.

Дышать стало еще тяжелее, и у Ви хватило сил только на то, чтобы выдохнуть несколько проклятий и продолжить колдовство. Ви перецеловала множество мужчин, а они целовали ее. Когда можно, девушка старалась этого избежать, но поцелуи являлись частью ее работы, и нужно было, чтобы мужчины верили в их искренность. Кайлар целовал Элену совсем по-другому, в их поцелуях было столько чистоты и невинной радости. Постепенно они становились все горячее, и Ви почувствовала, как удивляется Кайлар темпераменту любимой. Потом они упали на кровать, и Кайлар, целуя Элену, стал развязывать шнурки и тесемки на ее платье.

Ви, проклиная все на свете, отчаянно терла руку колючей шерстяной тканью. Это немного помогло, но в голове по-прежнему звенело ликование Кайлара и его выпущенное на волю желание. Кажется, Элена что-то сказала, и Кайлар рассмеялся в ответ. Ви слышала его смех через стену, а еще она знала, что так он не смеялся никогда в жизни. В его смехе слышалось столько озорного веселья и счастья от разделенной любви. Элена всегда видела Кайлара именно таким, и Ви понимала, что она заслуживает любви.

Струящаяся через связь нежность была такой щемящей, что Ви почувствовала боль и вдруг поняла, что влюбленные разговаривают.

— Надо же, лежать в постели с обнаженной женщиной и не найти ничего лучшего, как болтать о всякой ерунде! — произнесла вслух Ви, по-прежнему заставляя работать свой *талант*. — Ничего удивительного, что он до сих пор девственник.

Лучше бы заклинания оказались более трудными, Ви так хотелось отвлечься от влюбленных. Она чувствовала испуг и смущение Элены, ведь она знала, чем занимается Ви в соседней комнате. Кайлар принялся ее успокаивать, лег рядом, положив одну руку ей под голову, а второй обнял. Он что-то тихо говорил Элене и нежно ласкал, постепенно пробуждая в ней страсть.

Ви столько раз спала с разными мужчинами и занималась любовью всеми возможными способами, что думала, будто знает об отношениях между мужчинами и женщинами абсолютно все. Но сейчас Кайлар и Элена, оба наивные и неопытные, переживают вместе нечто такое, что остается для нее недоступным. Их любовь не вписывается в привычные для Ви рамки, а неопытность не выглядит смешной.

— Возьми меня, возьми! — хрипло вскрикнула Ви, почти теряя сознание.

Непонятно, что делает Элена, но либо она наделена искусством любви от природы, либо Кайлар обладает непомерно страстным темпераментом. Как бы там ни было, хлынувшая через связь волна наслаждения захлестнула Ви с головой, и она вся горела как в огне.

Потом Ви почувствовала, как Кайлар озорно улыбается. Он испытывал радость от возможности дарить наслаждение любимой.

— Ах ты, сволочь! — не выдержала Ви. — Ненавижу тебя, ненавижу, ненавижу!!!

Во время занятий любовью Ви всегда надевала на себя маску, оставаясь внутри равнодушной. Кайлар любил всем своим существом, каждой клеточкой.

Кайлар привлек ее внимание с первой встречи, когда она увидела эту озорную улыбку в доме у графа Дрейка. Вызывало восхищение его стремление оставить Путь Теней, его отношение к Элене и Ули. Ви высоко оценила его искусство бойца. Уже тогда она испытала чувство влюбленности. Потом Ви влюбилась в Джарла, хотя он был гомосексуалистом. В последний месяц она даже призналась себе, что испытывает к Кайлару желание. Но все это не имело ничего общего с любовью. Наверное, Ви так и не узнала бы, что такое любовь, если бы не провела столько времени в беседах с Эленой и не наблюдала каждый день за их отношениями с Кайларом.

Что-то ударило в стену в нескольких дюймах от Ви, и она принялась судорожно ловить ртом воздух. Ее глаза расширились, и магия почти перестала действовать. Только страх того, что может произойти, если она прекратит колдовать, заставил Ви взять себя в руки. Она снова стала тереть руку колючей шерстяной тканью. Господи, как же она ненавидит эту тряпку!

Перед глазами маячат мертвые младенцы, бородатые женщины, длинные волосы, которые можно заплести в косу, кровь во время месячных. Смрад Крольчатника жарким летним днем. Грязные шлюхи, блевотина, и снова видятся мертвые младенцы и бородатые женщины. Черт, когда же это закончится?! Ви прикусила зубами воротник платья, стараясь изо всех сил не прерывать действие магии.

Прошло несколько секунд, и дышать стало легче. Ви проверила, как работает магия, и ей передалось охватившее Кайлара чувство удовлетворенности и примирения со всем миром от близости с любимой женщиной. Магия продолжала свою работу. Ви схватила кувшин с вином и стала пить прямо из горлышка.

— Как хорошо, Кайлар, что ты до сих пор не знал женщин, а то у меня не хватило бы сил так долго колдовать, — прошептала Ви.

В следующее мгновение она поняла то же, что и Элена. Возбуждение Кайлара не прошло. Он о чем-то спросил Элену, и та, вне всякого сомнения, ответила согласием, не скрывая своей страсти. Ви трясущимися руками поставила кувшин на стол, а Кайлара снова захлестнула волна наслаждения.

Господи, похоже, зима предстоит долгая!

73

В Халирасе зима медленно сдавала позиции, и Дориан собрат свое войско на равнине к северу от города, чтобы встретить захватчиков из Фриза. Землю еще покрывал начавший таять снег, и ноги воинов месили мерзлую снежную кашу. Сама природа протестовала против сражения в такую погоду.

Дикари, населявшие Фриз, всегда храбро сражались, но их тактика заключалась лишь в том, чтобы подавить противника численностью. Когда начиналась битва, они предпочитали сражаться один на один и никогда не действовали как одно целое. С тех пор как об этом узнали в Халирасе, варварам ни разу не удалось его захватить, хотя несколько раз они были очень близки к победе. Гэрот неизменно утверждал, что по сравнению с другими народами среди варваров больше всего наделенных *талантом* мужчин и женщин.

Когда солнце только начало всходить и небо из фиолетового стало светло-голубым, армии выстроились друг против друга на поле боя. Войска короля-бога Уонхоупа численностью в двадцать тысяч человек выстроились в три шеренги и заняли совсем немного места по сравнению с армией варваров, ряды которой были более многочисленными и плотными. Им ничего не стоило обойти силы Уонхоупа с флангов, и король-бог не имел возможности им помешать. В центре вражеской армии находилась группа воинов, которую люди всячески избегали. Если разведчики доставили точные сведения, халидорской армии предстояло сразиться с двадцатью восьмью тысячами кралов и еще бóльшим количеством варваров.

Соотношение три к одному. Дориан улыбнулся. В душе не было места страху. Мимо

нескончаемым потоком проносились пророчества, в которых он увидел тысячу смертей. Потом их стало десять тысяч.

— Мой господин, вы хорошо себя чувствуете? — спросила Дженин.

Дориану не хотелось, чтобы жена увидела то, что видит он, но с каждым днем он доверял ей все больше и полагался во всем, и не только потому, что она давала мудрые советы.

Дориан моргнул и сконцентрировал внимание на Дженин. Ее будущие образы разлетались на осколки, и он с трудом мог рассмотреть, как она выглядит сейчас. Прелестное лицо, губы, побелевшие от холода. Вот она стоит, закутавшись в меха. А перед ней в воздухе дрожит фигура женщины на последнем месяце беременности. Она ждет двойню. Потом появляется женщина с размозженным черепом, черты лица различить невозможно из-за запекшейся крови.

— Нет, совсем не хорошо, — ответил Дориан, — и все же у меня достаточно сил, чтобы сберечь жизни своих людей.

На большом расстоянии было трудно рассмотреть причудливые, гротескные черты кралов, хотя Дориан отчетливо видел их обнаженные серые тела. Когда Дориан понял, что на кралах нет одежды, в его сердце затеплилась надежда. Кралов сотворили с помощью магии, но они существа из плоти, и холод наверняка убьет их или оставит калеками. Известно, что трудно заставить кралов одеться, равно как удержать от зверских убийств. Тем не менее и то и другое вполне возможно. По едва заметным признакам Дориан понял, что шаманы варваров не в состоянии управлять кралами.

Дориан отдал приказ, и рабы опустили на землю его паланкин. Король-бог вышел из паланкина и в одиночестве направился на поле боя. В руке он сжимал обсидиановый нож. Уонхоуп повел плечом и стряхнул в грязь дорогую мантию из меха горностая. Сделай подобное его отец Гэрот Урсуул, Дориан пришел бы в ярость. Но теперь он понял нечто очень важное. Чтобы защитить любимых людей, нужно оставаться хозяином положения. Уонхоупу выпала судьба стать божеством, а на божество не распространяются обычные человеческие законы, и мантия, которая стоит дороже пятидесяти рабов, ничего для него не значит.

Пророчества лились бесконечным потоком под давлением семидесяти тысяч будущих судеб, которые держал в руках Уонхоуп, и от его выбора зависела жизнь и смерть этих людей. Король-бог бросил взгляд на выступившую против него армию и увидел десять тысяч воронов, которые кружатся над лагерем противника в ожидании добычи. Уонхоуп моргнул, и птицы исчезли. Моргнул еще раз, и вороны появились снова. Нет, это не вороны, и кружили они не только над армией дикарей.

Дориан оглянулся, всматриваясь широко раскрытыми глазами в ряды своих воинов. Расплывчатые темные фигуры нависли над всей его армией. Они сновали в разных направлениях и собирались стаями над людьми. Вот шестеро набросились на одинокого воина, терзая когтями его тело. Еще одна темная тень кружила над другим солдатом и наносила удары, словно проверяя, способен ли он себя защитить. Но такие случаи являлись исключением. Почти каждого воина в армии Дориана преследовала хотя бы одна темная фигура, и эти существа различались между собой, и некоторые были гораздо страшнее и отвратительнее остальных. Дориан стал присматриваться к генералу Наге, которого облепили три монстра. Двое уселись на плечи, а третий слизывал с пальцев генерала призрачную кровь.

Теперь Дориан мог рассмотреть этих существ лучше. У одного была раковая опухоль, из-за которой один глаз неестественно разбух. Открытые гнойные язвы покрывали лица с золотистой кожей, и черная кровь капала на одежды, которые уже ею пропитались, и Дориан с трудом верил, что когда-то они имели белый цвет. Разорванная в лохмотья одежда и непрерывно капающая призрачная кровь придавали этим существам сходство с черными воронами. Монстр с раковой опухолью вонзил когти в череп генерала Наги, а потом вытащил их и принялся с жадностью облизывать. Присмотревшись внимательнее, Дориан

увидел, что это не когти, а оголенные кости пальцев, на которых отсутствует плоть золотистого цвета. Одно из существ уставилось на Дориана.

— Что это он разглядывает? — спросило существо у соседа.

Второй монстр наклонил голову набок и встретился взглядом с Дорианом.

— Нас с тобой! — прошипел он с удивлением.

Дориан услышал голос Дженин, которая о чем-то спрашивала на незнакомом языке, и он не мог понять ни слова из того, что говорит жена. Почему он не понимает речи Дженин и в то же время прекрасно улавливает смысл слов, произнесенных странными чудовищами? И наконец, кто они такие?

Он снова оглянулся на выстроившуюся в поле вражескую армию и увидел кралов. Только на сей раз Дориан смотрел сквозь их плоть и видел, что внутри каждого живет одно из непонятных существ.

«Господи, да ведь это пришельцы!»

Теперь он все понял. Где бы ни появились пришельцы, они несут с собой адские муки и смерть. Эти существа кормятся человеческими страданиями не для того, чтобы поддержать силы, а чтобы отвлечься от собственных страданий. Муки людей для них развлечение, потому что обретение плоти не приносит успокоения, а просто отвлекает и хотя бы на короткое время дает возможность испытать удовольствие от еды и питья, а еще от убийства. Вершина счастья — отнять у людей то, чего они сами лишены навеки.

— Одниар! — звучал в ушах знакомый голос.

Дориан обернулся и на мгновение обрел свое обычное зрение. Все воины смотрели на него, и в их глазах читался страх. Потом его зрение снова раздвоилось, и теперь он видел, как от его людей, подобно благоуханию духов, исходит страх, которым упиваются кружащие над ними пришельцы. Дориан чувствовал их костлявые пальцы на своих плечах, но прежде чем успел повернуться, чтобы увидеть чудовище, которое прилипнет даже к нему, кто-то живой схватил его за руку и крепко сжал.

Потом в видениях появилась Дженин, и она тоже была реальной. Вдруг ее образ раздвоился, и Дориан увидел, что она беременна. Над ней кружил пришелец, подлетая все ближе и ближе в поисках удобного места на теле, куда можно вонзить когти. Господи, да ведь он охотится за ребенком!

С губ Дориана сорвался крик, и он снова увидел волну ужаса, прокатившуюся по рядам своих воинов. Над его головой сгрудилась стая пришельцев, которые поняли, что Дориану известно об их присутствии. Чудовища стали его окружать, отгораживая стеной от людей.

— Одниар! Дорниа! Дориан! Очнись! — яростно шептала на ухо Дженин.

Она прижалась к мужу всем телом, загораживая его от воинов. Дориан моргнул, и видения исчезли. Теперь он видел только землю под ногами, солдат, кралов и жену. Дженин вытащила его из бездны безумия, назвав мужа по имени, и это стало самым надежным средством, связывающим с реальным миром.

— Я вернулся к вам, — проговорил Дориан. — Спасибо, любимая.

Он стряхнул наваждение и заставил себя не смотреть за завесу, скрывающую будущее. Дориан кивнул генералу Наге, чтобы успокоить перепуганное войско и показать, что с королем-богом ничего не случилось. Потом двинулся вперед.

Король-бог Уонхоуп решил не надевать под плащ кольчугу и пойти в бой с обнаженной грудью. Бог не чувствует холода. Он шел большими шагами, полный решимости исправить последствия своей нерешительности. На коже поднимались клубы вира. Король-бог сделал жест, и к нему привели юношу. Черт возьми, Уонхоупу совсем не хотелось, чтобы Дженин увидела эту сцену. Однако слишком поздно жалеть об упущенном времени, пока он стоял с потерянным видом, приводя в смятение свое войско. Уонхоуп едва не обрек всех на гибель, и теперь Дженин придется остаться здесь.

Юношу звали Удрик Урсуул. Всех этелингов, находившихся в Халирасе, убили, но семнадцать юношей, которые покинули город, чтобы пройти обряд, остались в живых. Удрик сделал ребенка дочери одного модайского богача, после чего ему пришлось спасаться

бегством, не исполнив уурдтан. Юноша вернулся домой, чтобы молить о милосердии.

— Известно ли тебе, Удрик, что, подняв тринадцать легионов кралов, ты сможешь сам ими командовать, но если поднимешь еще одного, то придется подчинить себе аркангхала?

— Кого? — не понял юноша.

Брови Удрика были сильно накрашены, что придавало ему зловещий вид, несмотря на испуг.

— Это существо, которое дикари не рискнули укротить. Даже не попытались, — ответил Уонхоуп. — Скажи, брат, что лучше: смерть одного человека или целого народа?

Глаза Удрика расширились от страха, и в следующий момент Уонхоун перерезал ему горло обсидиановым ножом. Из раны хлынула кровь, и юноша упал на колени, а потом неловко завалился на спину. Дориан почувствовал, а может, только представил ликование тысяч пришельцев.

«Держись, Дориан, держись, не дай им одержать верх», — твердил он себе, не осмеливаясь взглянуть на происходящее из другой реальности.

Уонхоуп протянул руки и крылья к стоящему перед ним войску.

— Аркангхал, приди! Предстань передо мной!

Заклинания лились легко, как будто Уонхоупу помогал сам вир и он проделывал нечто подобное много раз. Вокруг Уонхоупа плясали зеленые молнии, а потом замкнулась цепочка из синих огней, и земля возле тела Удрика пришла в движение и забурлила, извергая комья грязи, которые прилипали к трупу. Языки пламени исполняли над Удриком магический танец, и мышцы на теле стали рваться, а кожа лопаться.

Шаманы поняли свою ошибку. Они не посмели поднять аркангхала, а Дориан рискнул. Затрубил рог, призывая дикарей готовиться к атаке, но половина войска его не слышала.

Вспышка молнии ослепила Уонхоупа и расколола землю у него под ногами. Грянул гром, и воины обеих армий упали на землю.

Когда к Уонхоупу вернулось зрение, он увидел, что атака дикарей захлебнулась. На том месте, где лежало тело Удрика, стоял мужчина. Все взоры были устремлены на него. Рост мужчины превышал семь футов, волосы цвета расплавленного золота закрывали шею, а кожа серебристого цвета не блестела и не казалась неестественной. На Уонхоупа смотрели глаза удивительного изумрудного цвета. Такие не встретишь среди людей. Может быть, у одного на миллион. Как и сам король-бог, мужчина стоял с обнаженной грудью, и его тело было сухим и поджарым. За всю свою жизнь Уонхоуп не встречал более красивого человека.

Аркангхал рассмеялся, и смех его был прекрасен.

— Мы пришельцы, а не чудовища, король-бог.

— Как тебя звать? — спросил Уонхоуп.

— Бэ'Элзебэн, повелитель змей.

— Ну, во Фризе для змей холодновато, — заметил король-бог.

— Я больше не во Фризе.

— Я заставлю тебя служить мне, Бэ'Элзебэн, — сказал Уонхоуп.

Ему очень хотелось взглянуть на аркангхала с другой стороны и увидеть таким, как он есть, но не хватало смелости. Если он сейчас окунется в бездну безумия, Бэ'Элзебэн завладеет его телом вместо Удрика.

— А я заставлю склониться перед собой солнце и луну, — презрительно хмыкнул пришелец.

— И все же одно из двух непременно произойдет.

Бэ'Элзебэн рассмеялся, напоминая повзрослевшего до времени ребенка.

— Но я сильнее тебя, — возразил он.

— Здесь имеют значение только сила воли и призыв. Я тебя призвал, а моя воля непреклонна.

Глаза Уонхоупа встретились с изумрудным взглядом пришельца, и он представил, какая участь ждет Дженин, если не удастся подчинить себе эту змею. Дориан чувствовал, как исходящая от аркангхала энергия подавляет его волю. Сила Бэ'Элзебэна куда больше

стоящей перед Дорианом человеческой оболочки. Пришелец наделен бессмертием и всемогущ, а у Дориана нет средства, чтобы его остановить. Положение безнадежное, и остается лишь склонить голову и молить о пощаде.

Дориан понимал, что пришелец пошел в наступление, и уцепился за остатки своей веры. Аркангхал подчинится и станет служить ему.

«Я — король-бог, и моя воля непреклонна. Я уничтожу всех, кто встанет у меня на пути. Я не стану никому служить, потому что я — бог».

Бэ'Элзебэн прекратил атаку.

— Что ж, король-бог, будь по-твоему. Я стану тебе служить.

— Где сейчас мой сводный брат Мобуру?

— Он хотел стать во главе десяти племен, но не сумел. К нему присоединилось лишь одно племя, однако Мобуру собрал достаточно костей и может поднять легион кралов. Сейчас он направляется в сторону Черного Кургана.

В легионе около двух тысяч кралов, и хорошего здесь мало. Впрочем, было бы куда хуже увидеть Мобуру во главе выстроившейся напротив армии дикарей.

— Тебе следует тревожиться не о Мобуру, — продолжил пришелец.

— Ты имеешь в виду Нефа Даду? — спросил Дориан, понимая, что подтверждаются его худшие опасения.

— Конечно. Ведь именно Неф научил дикарей поднимать из праха кралов. Однако все это лишь отвлекающий маневр, чтобы держать любого из Урсуулов как можно дальше от Черного Кургана.

— Чего он добивается?

— Он сам хочет стать королем-богом и для этого собирается поднять из праха титана или дать Хали человеческую оболочку.

Неужели Неф Дада решил поднять саму Хали? Полное безумие. Если Дориан правильно понял натуру пришельцев, это грозит гибелью всей Мидсайру. Утешает только то, что со времен Ройгариса Урсуула никто не обладал магической силой, способной поднять из праха Хали, вселив ее в человеческое тело. А вот поднять титана вполне возможно, и такая перспектива наводит ужас. Какое место отведено титану в иерархии пришельцев? Он на два или три ранга выше Бэ'Элзебэна. Даже страшно подумать!

Ладно, об этом можно поговорить чуть позже, а сейчас есть более неотложные дела.

— Чтобы заставить служить тех кралов, что подняли из праха дикари, нужно уничтожить главного шамана? — спросил Уонхоуп. — Покажи мне его.

Бэ'Элзебэн указал на дикаря, все тело которого было покрыто татуировками. Вокруг шамана возвышались многочисленные щиты, как его собственные, так и те, что установили другие маги. Однако стоило Бэ'Элзебэну повести рукой, и вся защита бесследно растаяла. Уонхоуп метнул в колдуна зеленый боевой пульсар, и тот с презрительным видом следил за его приближением, уверенный в надежности щитов. В следующее мгновение пульсар прожег дыру у него в груди. Шаман умер, а на его лице застыли ужас и недоумение.

Бэ'Элзебэн улыбнулся, и Дориан обратил внимание на необычные морщинки в уголках его глаз. Кожа аркангхала состояла из множества крошечных чешуек.

— Господин, — обратился к Уонхоупу Бэ'Элзебэн, — что ты прикажешь делать павшим?

— Убивать дикарей. Никакой кормежки до наступления ночи. Потом грузите кости в повозки. Возможно, они нам понадобятся, чтобы поднять кралов в Черном Кургане.

— Как прикажете, — ответил с поклоном Бэ'Элзебэн.

Когда он выпрямился, в армии дикарей началась паника и послышались крики ужаса. Находившиеся в ее рядах кралы стали уничтожать воинов.

74

— Приближается весна, — тихо сказала Элена.

Ви тоже пришла на балкон, не успев вытереть пот после изнурительной тренировки с сотней женщин-магов, которые продолжали занятия во дворе. Кайлар уехал из города, чтобы потренироваться с учителем, и Элена попросила Ви о встрече. Элена повернулась, и ее лицо осветила робкая улыбка. Ви тщетно пыталась проглотить застрявший в горле комок.

— В последнее время ты меня избегаешь, — обратилась к ней Элена.

Ви хотела сослаться на занятость, и это была правда. Ей действительно приходилось много работать. Каждый день приезжали новые Рабыни, ряды сестер, возглавляемых Ви, постоянно пополнялись. Нужно было передавать тайные сообщения спикеру и проводить занятия по тактике и магии. Впрочем, вовсе не по этой причине Ви долгое время не встречалась с Эленой. В последние два месяца между девушками установилась странная близость, но с неумолимостью направленного в сердце клинка приближалась весна.

— Мне нужен твой совет. Ты знаешь, как действует дар Кайлара и как работает его ум. Боюсь, ради моего спасения он сделает какую-нибудь глупость, особенно если…

Элена бережно положила руку на живот.

— Если что? — не поняла Ви, и тут ее осенила догадка. — Черт побери, да ты беременна!

Элена залилась румянцем и прошептала:

— Сегодня утром целительница это подтвердила. Уже целый месяц. Правда, по утрам у меня нет тошноты. Вот повезло.

Да уж, действительно повезло. Если Кайлар узнает… Трудно представить, что именно он сделает, но глупое геройство всегда было у него в крови. Невозможно предсказать, что он выкинет на сей раз.

— Это осложняет дело, — продолжила Элена, и Ви поняла, что она имеет в виду не только Кайлара.

— Могу заварить для тебя пижму, — предложила Ви.

— Если бы я желала ребенку смерти, то подождала бы еще месяц! — возмутилась Элена. — Господи, в жизни не слышала более глупых и жестоких слов! Какая ты бессердечная!

Ви стояла как громом пораженная, дрожа от обиды.

«Да, я глупая и бессердечная, и именно поэтому ты никого не вовлекла в беду, а не то тебя забросали бы дерьмом».

Элена закрыла глаза, а когда снова их открыла, гнев прошел.

— Прости, я очень переживаю и волнуюсь, но это не дает права срывать на тебе свое дурное настроение. Ты совсем не глупая. Я не хотела тебя обидеть. Пожалуйста, прости.

— Я жестокая и бессердечная.

Элена немного помолчала.

— Знаешь, Ви, ты прошла через ад, и твое сердце ожесточилось, но с каждым днем жестокости в нем становится все меньше. Так ты меня прощаешь?

Элена никогда не лгала, даже если просила прощения. Благодаря этому качеству она была замечательным другом, но оно страшно действовало на нервы. Будь она менее доброй и отзывчивой, подобная прямолинейность могла бы довести человека до бешенства. Хью Висельник тоже всегда говорил правду и бил ею по голове, словно молотом. Доброта Элены обезоруживала, и на нее невозможно было рассердиться.

— Хорошо, — согласилась Ви, — чего ты от меня хочешь?

По лицу Элены пробежала тихая улыбка, похожая на солнечный луч, пробившийся сквозь темные тучи. Она становилась божественно прекрасной, когда улыбалась так тепло и искренне. Ее красота не имела ничего общего с ослепительным блеском куртизанок, хотя только Всевышний и Ви знали, какой способной ученицей оказалась Элена, когда в последние два месяца постигала искусство куртизанок, и какую радость от него получала. И все же ее красота была другой, удивительно женственной и влекущей к себе людей. Если Элена чему-нибудь радовалась, то делилась радостью со всеми людьми. Ее наивность и способность видеть в других только хорошее действительно пробуждали в душах людей

добрые чувства.

— Я рада, что мы с тобой подружились, Ви, и давно собиралась завести этот разговор.

Элена нахмурила брови, не зная, с чего начать, а Ви снова почувствовала, как к горлу подкатывается предательский ком. Ничего не поделаешь, придется выслушать ее до конца. Пути к отступлению нет.

— Я знаю, что скоро умру, и очень боюсь, особенно сейчас. — Она положила руку на живот, словно желая защитить еще не родившееся дитя. — Скажу честно, я жаловалась Господу на судьбу. Знаю, ты либо сочтешь меня праведницей, либо решишь, что я себя обманываю. И все же я спрашивала Господа, как я могу остаться в живых, не нарушая его замысла. Я хочу жить, и чтобы Кайлар был рядом, и наш ребенок тоже. Хочу, чтобы Кайлар выполнил все, предназначенное Всевышним.

— И что ответил твой Бог? — поинтересовалась Ви.

Элена общалась со своим Богом совсем не так, как Ви с Нисосом. И не важно, существует ли этот Бог на самом деле. Элена в него искренне верит, и нельзя смеяться над верой человека, стоящего на пороге смерти.

— Он говорит, что не оставит меня.

— О, это обнадеживает, — заметила Ви.

— Да, — согласилась Элена, не замечая сарказма в словах подруги или не желая его замечать. — Кайлар думает… Он боится, что обречен на одиночество, и считает последние два месяца украденными у судьбы, которую ему удалось обмануть. Но он не рожден для одиночества, Ви. Однако раны, нанесенные ложью, залечиваются долго. После моей смерти я хочу, чтобы ты позаботилась о Кайларе. Во всех отношениях. Кайлар — самое дорогое, что у меня есть в этом мире, и я вверяю его тебе. Ты будешь ему нужна и сама поймешь, когда наступит подходящий момент и Кайлар будет к этому готов.

Ви, конечно же, не раз приходили в голову подобные мысли, особенно когда, сидя у себя в комнате, она слышала, как за тонкой стеной новобрачные предаются ласкам. Да, девушка сотни раз думала о том, что ее муки не будут длиться вечно, весной Элена умрет, и после ее смерти она сможет заполучить Кайлара.

— Я вела себя, как последняя эгоистка, — призналась Элена, — не видела вокруг никого, кроме нас с Кайларом. Ведь нам было отведено всего два месяца. Я знаю, какую цену ты заплатила за наше короткое счастье, видела твое лицо утром, после каждой нашей ночи любви. Ты его любишь, Ви, и не знаю, как я бы повела себя, поменяйся мы ролями. Да, на твоем месте я бы с нетерпением ждала… смерти соперницы, и в этом нет ничего особенного. Все так и должно быть.

— Нет, не должно. Разве можно желать смерти подруге? — спросила сдавленным голосом Ви, чувствуя, как на глаза накатываются слезы.

— Ви, я прощаю тебя за все, что ты подумала или сделала. Все будет хорошо. У Господа всегда есть своя цель, даже если мы иногда не понимаем ее смысла.

— Ты уходишь? — спросила Ви.

— Да.

— И ты ему ничего не сказала?

— Я хотела, но Кайлар не готов услышать правду. Ви, помоги ему понять, что полюбить еще раз не означает предать прежнюю любовь. Ведь он бессмертен, а вечно жить без любви равносильно адским мукам.

— Когда ты нас покидаешь?

— Сейчас.

— Куда пойдешь?

— Король Джайр через несколько недель выступает с войсками на Халидор. В его армии есть женщины, и я к ним присоединюсь. По крайней мере, рассчитываю на это. Возможно, Господь предначертал мне иное предназначение.

— Почему ты хочешь к ним присоединиться?

— Чтобы Кайлар тоже пришел туда. Он поклялся, что больше не покинет меня ради

Логана, но именно там его место. В любом случае я умру в борьбе за правое дело.

— Ты не воин, Элена.

— Нет, но я — борец.

— А ты представляешь, что может натворить Кайлар, когда все узнает? — спросила Ви.

— Я оставила ему на столе письмо, в котором говорю, что останусь на ночь в Часовне. Надеюсь, в письменном виде ложь мне удастся лучше, чем глядя в глаза собеседнику. Мне нужно получить преимущество во времени. Вот еще одно письмо, и в нем говорится правда. — Элена на мгновение замолчала. — Нет, не вся правда. Я не сказала, что беременна, ведь ему и так будет больно. Пожалуйста, позаботься, чтобы он получил письмо. — Она протянула записку Ви.

— И ты хочешь втянуть меня в свои дела?

— Он почувствует твое соучастие через существующую между вами связь. Возможно, ты захочешь остаться на пару дней в Часовне.

Элена обняла подругу, сначала неловко, а потом с неистовой силой. Ви тоже обняла Элену, не в силах сдержать слезы, и тут же почувствовала тревогу и смятение Кайлара, хотя он находился за милю от этого места. Ви чувствовала его удивление, казалось, он хочет спросить: «Неужели ты плачешь?!» Она тут же послала волну, которая должна была успокоить Кайлара, но вместо этого еще больше сбила его с толку.

— Не хочу тебя отпускать, — призналась Ви.

Элена отодвинулась и внимательно посмотрела ей в глаза.

— Ты говоришь искренне, я вижу. Хотя это далось нелегко.

— У меня никогда не было подруги, — прошептала Ви, — и я не хочу тебя потерять.

— Ви, ты гораздо лучше, чем думаешь о себе. Да благословит тебя Господь.

75

— По перевалам можно пройти, — сообщил Дарзо. — Маги намерены выступить завтра.

Сегодня во время спарринга Кайлар заметил перемену в поведении учителя. Они сидели за столом в комнате для тренировок в доме Дарзо, утирая полотенцами стекающий по лицу пот. Дарзо не смотрел в глаза ученику.

— Ты хочешь уйти, — догадался Кайлар.

— Можешь не верить, но Ули выставила меня за дверь, — уныло сообщил Дарзо.

— Я думал, вы прекрасно ладите между собой.

— Она тревожится о матери и говорит, что я сначала должен был зайти к ней.

— Думаю, Ули умнее нас с тобой, вместе взятых, — весело заметил Кайлар, хотя на сердце легла тяжесть.

Дарзо снова его покидает и впервые сообщает об этом заранее, но от этого не становится легче.

— Малыш, остерегайся женщин, которые умнее тебя, а значит…

— Знаю, знаю. Ты хочешь сказать, что нужно остерегаться всех женщин.

Кайлар улыбнулся учителю.

— Думаю, нужно отдать твои вещи, — усмехнулся Дарзо. — Ты идешь с магами?

— Если пойду я, за мной последует Элена. Это опасно, она может погибнуть. Я не стану принимать участие в этом сражении.

Дарзо принялся внимательно изучать ногти на обеих руках.

— Я же говорил, что заклятие действует совсем по-другому, и Элена может умереть не от удара мечом в живот, а просто упасть в лужу и захлебнуться. Смерть не обманешь. По крайней мере, не в этом случае.

Кайлар изменился в лице, как будто получил предательский удар ниже пояса.

— Я не дам ей умереть, — тихо проговорил он. — Никому не позволю отнять у меня

Элену, ни Смерти, ни Волку, ни самому Господу Богу.

— Малыш, помнишь, как ты впервые оказался в Преддверии таинства? Сколько там было дверей, одна или две? Тебя сделала бессмертным не госпожа Смерть и не Волк или какой-нибудь злой дух. Ты сам выбрал такую участь.

— Я стал бессмертным, чтобы спасти Элену, а не убить.

— Ты хочешь, чтобы она жила вечно? Что ж, давай действуй. Заключи еще одну сделку с Волком, подыщи человека, который умрет вместо нее, лучше среди тех, кого ты любишь. Здорово, правда? А потом, может быть, тебе удастся раздобыть для Элены ка'кари, и она никогда не состарится. Только учти, что другие ка'кари дарят бессмертие, которое сильно отличается от нашего. Она не состарится, но ее все же можно убить. То-то будет радость! Когда она превратится в чудовище, развращенное даром, за который ты продал душу, именно тебе придется принимать меры, чтобы остановить этот ужас.

В гневе Дарзо звенело слишком много боли, а его рассказ был очень красочным, и Кайлара осенила страшная догадка.

— Тебе самому пришлось это пережить? — прошептал он.

Учитель ничего не ответил и, даже не взглянув на Кайлара, выдвинул нижний ящик комода с двойным дном и вынул меч Возмездия, который ка'кари покрыл черным слоем.

— Я не могу допустить, чтобы из-за меня умерла Элена, — твердо сказал Кайлар.

— Черт побери, да у тебя нет выбора! В твоем распоряжении было несколько месяцев, чтобы привыкнуть к этой мысли и смириться. Такого подарка Волк не делал даже мне. Так будь благодарен, забирай свое дерьмо и убирайся.

Дарзо швырнул ему огромный черный меч.

Едва Кайлар прикоснулся к ка'кари, как услышал его пронзительный крик: «Почему ты меня не слушал?! Я же пытался тебе объяснить! Его похитили еще три месяца назад. Понимаешь, похитили!»

Кайлар тупо уставился на меч, не в силах справиться с потрясением. Ка'кари, возмущенный глупостью хозяина, старался проникнуть сквозь кожу рук, и Кайлар не сопротивлялся, позабыв, что это разрушит внешний облик, над которым он так долго трудился. Стоило черному металлу проникнуть в тело, как перед взором предстал изъеденный ржавчиной клинок. Меч Возмездия бесследно исчез, а на его место подбросили подделку. Кайлар не заметил подмены, когда клал меч в ящик комода с двойным дном. Невероятно, но кто-то похитил меч, прежде чем Кайлар успел его спрятать. Возможно, это случилось, когда он, как последний дурак, пялился на толпы прохожих на берегах озера Вестаччи.

Дарзо смотрел на Кайлара, не скрывая ужаса.

— Малыш, ты не представляешь, что значит этот меч. Его необходимо найти и вернуть.

В следующее мгновение Кайлар почувствовал волнение Ви. Она нервничала со вчерашнего дня и сейчас, ощутив его потрясение, испытывала чувство вины. Значит, Ви все известно, и она скрывается в Часовне, уверенная в том, что Кайлар туда не придет. Вот как отплатили сестры за его помощь. Похитив меч Возмездия, сестры нанесли предательский удар в спину.

— Я знаю, где меч, — уверенно сказал Кайлар.

Чем ближе Кайлар подходил к Часовне, тем сильнее рвался наружу клокотавший в душе гнев. Чувство вины, которое испытывала Ви, придавало уверенность, что ей удалось втянуть в свои интриги Элену, и это только усиливало ярость. Кайлар думал, что может читать мысли любимой, как раскрытую книгу. Вчера днем он получил от Элены записку, в которой говорилось, что у нее есть дела в Часовне, откуда она до сих пор не вернулась. Она выбрала странное время для работы, но вина Ви не вызывала сомнений. Кайлар смотрел на мощь Часовни, готовую обрушиться на его голову, и от этого пламя гнева разгоралось еще ярче. От него ждали пассивной покорности и тупого повиновения, от которых воротит с души. Надоело жить под давлением неведомых грозных сил, которые невозможно понять и

им нельзя противостоять. Часовня надвигается неотвратимо, как судьба, как Волк или сама Смерть. Они правят миром и глухи к мольбам Кайлара.

Кайлар выпрыгнул из лодки, причалившей к одной из пристаней Часовни, и на него уставились десятки возмущенных глаз. Некоторые лица он узнал, так как встречал их на тренировках у Ви, но большинство смотрели враждебно. Одна из сестер вела занятия с девочками-подростками, обучая их управлять лодками с помощью заклинаний. Остальные упражнялись в магии и устанавливали над головой магические щиты, защищающие от дождя. Кайлар, не обращая внимания на сестер, направился к двустворчатым дверям, ведущим внутрь.

Ему заступила дорогу женщина в белых одеждах.

— Сударь, мужчинам сюда нельзя.

Кайлар молча прошел мимо, но прежде чем он успел прикоснуться к двери, его руки и ноги сковали магические цепи.

— Прошу вас, остановитесь. Мы не хотим причинить вам боль.

Кайлар легко сбросил оковы, словно отогнал от себя назойливую муху, а потом посмотрел в глаза двум сестрам, охранявшим вход в Часовню. Женщины не скрывали изумления, и одна из них уже готовила магическое заклинание.

— Прекратите, — приказал Кайлар, глядя ей в глаза, и от этого взгляда решимость сестры растаяла, словно тонкая льдинка.

Заклинания рассеялись, и Кайлар с силой толкнул дверь.

Ви, которая находилась на верхнем этаже, охватила паника.

«Господи, что он делает!»

Кайлар пошел подлинному коридору, в конце которого находились еще одни двустворчатые двери в три человеческих роста высотой. Двери комнат, расположенных вдоль коридора, стали открываться, и до ушей Кайлара донеслись возмущенные и испуганные крики. Магическая сила с грохотом распахнула миниатюрную дверь, встроенную в двустворчатую. Раздался пронзительный крик молодой женщины-мага, металл заскрежетал по дереву, и Кайлар понял, что двустворчатая дверь закрыта на засов. Он не замедлил шага и не свернул с дороги, собирая силу в руках.

«Мне доводилось видеть и более глупые поступки, но с тех пор прошло несколько столетий».

Голосок ка'кари звенел в ушах словно комариный писк. Оказывается, все очень просто и потому замечательно. Кто-то украл у Кайлара его неотъемлемое право, и вот сейчас надо вернуть его назад, а на пути стоит вот эта дверь.

Кайлар с силой ударил по дверям, они наклонились, а потом с шумом открылись. Кусок деревянного бруса, который закрывал дверь, пролетел по полу огромного зала к столам, за которыми обедали двести женщин-магов. На огромной скорости он летел по проходу, мелькнул между ног одной из сестер и наконец врезался в нижнюю ступеньку высокой резной лестницы.

Кайлар не замечал разлетающихся во все стороны щепок, не видел, как вторая массивная дверь повисла на единственной уцелевшей петле. Глаза сестер были прикованы к его фигуре.

Сестры стали вскакивать с мест, выбрасывая многочисленные магические щиты, но всех опередила сестра Ариэль, которая быстрым шагом направилась прямо к Кайлару. Он и не подозревал, что пожилая дама может так быстро бегать.

— Что ты вытворяешь?! — крикнула ему в лицо сестра Ариэль.

— Где спикер? Она украла то, что принадлежит мне, — заявил Кайлар.

— Ты больше не сделаешь ни шага!

Лицо сестры Ариэль побагровело от гнева.

— Попробуй меня остановить, — презрительно усмехнулся Кайлар.

Его слова привели сестру в бешенство, и в следующее мгновение магические цепи немыслимой прочности сковали руки и ноги. Находившиеся в зале женщины-маги с

благоговейным трепетом смотрели на сестру Ариэль, дивясь ее невиданной силе.

— Ты сам нарвался. Извинись и приди сюда позже.

Кайлар был сыт по горло разумными советами, ему надоело извиняться и возвращаться в удобное для кого-то время. Он устал от ловушек, в которые постоянно попадал, и сейчас чувствовал, как в его теле стремительно нарастает сила, способная смести все на своем пути.

Сестра Ариэль с изумлением и страхом наблюдала за Кайларом. А он сделал глубокий вдох и изогнулся, напрягая до предела каждый мускул, собирая в кулак всю магическую силу. Он вдруг почувствовал, что превращается в исполина, а его тело служит хрупким сосудом, вмещающим душу гиганта. С губ Кайлара сорвался хриплый, нечеловеческий стон.

Оковы спали, разрушенные на мелкие кусочки магическим вихрем, пронесшимся по залу. Столы по-прежнему стояли неподвижно, и в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения, но чужая магия растаяла, словно призрачный дым. Лишь несколько последних облачков на мгновение задержались и тут же с тихим хлопком испарились.

Женщины-маги попадали на скамьи и на пол. Никто не смел пошевелиться, даже сестра Ариэль.

— Кто ты такой? — прошептала она, и этот вопрос отразился в десятках устремленных на Кайлара глаз.

— Прочь с дороги! — потребовал Кайлар и пошел вперед.

Никто не посмел встать у него на пути.

76

Истариэль Вайянт посмотрела на чашечку с оотаем, к которой посол Алитэры даже не прикоснулся. Маркусу Гэрину было около пятидесяти лет. У него уже наметилось небольшое брюшко. Лысую голову обрамлял венчик светлых волос, а в беспокойном взгляде голубых глаз светился незаурядный ум.

— До наших ушей дошли тревожные слухи, которые, по нашему мнению, следует обсудить с вами, — обратился посол Гэрин к Истариэль.

Истариэль наклонилась к чашечке и сделала глоток оотая, стараясь скрыть закипающий гнев. Неужели кто-то донес алитэрцам об их тайных планах? Одно дело, если послу известно о занятиях, которые проводит Ви, но о своем намерении нарушить Алитэрское соглашение Истариэль сообщила всего трем сестрам. Если послу известно и это, значит, среди ее приближенных есть предатель. Истариэль ничего не ответила и только вопросительно подняла бровь.

— Что вы знаете о верховном короле? — спросил посол.

Хвала серафиму, это всего лишь слухи, с облегчением подумала Истариэль, а вслух сказала:

— Очень мало.

В глазах посла блеснул подозрительный огонек, который навел ее на мысль, что мерзавец задал вопрос не случайно.

— Наши сведения лишь подтверждают, что вам должно быть известно гораздо больше. Он — алитэрец или, по крайней мере, вырос в вашей славной стране. Зовут этого человека Мобуру Эндер, хотя он утверждает, что в его жилах течет кровь Урсуулов. Нам известно, что он наполовину лодрикарец, командовал отрядом уланов и добился высокого положения у дикарей из Фриза.

Разумеется, Истариэль известно гораздо больше, но послу Гэрину знать об этом не обязательно.

— Он приемный сын Аурелиуса Эндера, который принадлежит к некогда могущественному семейству. Впрочем, оно утратило свое влияние в последних двух поколениях. Мобуру усыновили в пятнадцатилетнем возрасте, а до того нам не удалось отыскать каких-либо упоминаний о нем. В связи с этим мы не исключаем, что его притязания могут быть в некоторой степени обоснованными.

— Не думаю, что отсутствие соответствующих сведений или записей является для вас достаточным основанием, чтобы считать этого человека одним из Урсуулов, — возразила Истариэль.

— Капитан Эндер обладает умом и обаянием, — заметил посол, поглаживая усы. — Нет доказательств его причастности к скандалам и похищениям, которые наделали много шума. Прошлой осенью сестра короля родила дочь, которую назвали Ивой-Лукрецией-Горацией. Ребенок и кормилица были похищены. В это время Мобуру вел свой отряд к месту, которое известно под названием рощи Пэввила, где он сражался на стороне Халидора. Вокруг этой истории ходят невероятные слухи, но большинству из людей Мобуру удалось бежать, и они направились на север.

— Вы считаете, что он похитил ребенка? — спросила Истариэль.

— Мои соображения не имеют значения. Очень влиятельные люди в Сконе настаивают, что он этого не совершал. Им трудно объяснить причины, по которым он без разрешения увел весь свой отряд из нашей страны. Шепчутся, что он действовал по тайному поручению короля. Некоторые военачальники не хотят выглядеть дураками, которые не сумели положить конец этим слухам. Есть и такие, кто утверждает, что отряд Мобуру отправился на поиски Ивы-Лукреции.

— По-моему, этого человека следует объявить изменником, — заметила Истариэль. — В противном случае, если он станет на сторону Халидора, чтобы напасть на нас, Алитэра будет воевать с Часовней.

Посол поморщился, и по его лицу Истариэль поняла, что озвучила аргумент, который Гэрин сам не раз представлял вышестоящим лицам.

— Мы в ближайшее время определимся с ответом капитану Эндеру, и я обещаю, что вы узнаете о нем одной из первых. — Посол Гэрин скривился, как будто его заставили жевать лимон. — А теперь по поводу обмена имеющейся информацией, — продолжил он. — Несколько месяцев назад вы не передали сведения, о которых рассказали нам. Но вернемся к этому чуть позже. Прежде всего, мы надеялись, что в этой обители знаний нас смогут просветить по поводу того, кем является верховный король и как его узнать.

Истариэль откинулась на спинку кресла.

— И это означает, что вы не выступите против Мобуру, пока не узнаете, действительно ли он является Урсуулом и может ли претендовать на звание верховного короля?

— Просто мы проявляем благоразумие и предусмотрительность, желая узнать как можно больше о своих врагах, а также о друзьях.

Истариэль снова сделала глоток оотая, обдумывая ответ.

— Верховный король — это всего лишь легенда, популярная в сельских районах Халидора, Лодрикара, Сенарии и Кьюры. О его приходе не упоминает ни один пророк, признанный в Часовне. Мы осведомлены о пророчествах тех, кто обладает редким *талантом* предвидения. Мы считаем, что это просто мечта, сказка, которая живет в Лодрикаре и Халидоре, дающая надежду покончить с угнетением. В Сенарии и Кьюре эта легенда связана с желанием обрести стабильность, которой здесь нет в течение нескольких столетий.

— Прошу прощения, спикер, но меня не слишком интересует, во что верят люди и почему. Это имеет какое-нибудь отношение к регентству в Кьюре?

— Возможно. Битва у горы Тендзи стала катастрофой как для Кьюры, так и Алитэры. Король Юзаси был убит вместе с сыном и семью дочерями. Это имело такие разрушительные последствия для страны, что с тех пор кьюрских женщин перестали обучать искусству владения мечом. Институт регентства был установлен как дань уважения традициям, присущим кьюрской культуре, а также учитывая факт, что первый регент не может претендовать на престол по праву крови. Другие претенденты сообразили, что благодаря регентству они смогут удерживать власть без всякого права крови, если только сумеют ее взять. Такое положение устраивало всех, а миф о приходе верховного короля давал надежду на обретение славы в будущем. Самая удачная гипотеза наших ученых состоит в том, что некогда жил верховный король, который правил этими землями в течение

жизни одного поколения, в те мрачные времена, наступившие после падения Джорсина Алкестеса.

— А разве Алкестеса не называли верховным королем?

— Очень редко. В первые годы царствования он правил семью королями и величал себя верховным королем. Трое из семи королей — Риджел Синий, Эйнарус Серебряные Глаза и Итарра Нерадивый — восстали против него, и после этого Джорсин стал императором Алитэры. Мы не знаем, утверждал ли последний верховный король, что ведет свою родословную от Джорсина, так как почти все сведения о нем затерялись в глубине веков, но он притязал только на земли, где сейчас находятся Кьюра, Сенария, Халидор и Лодрикар, а не на все королевства Джорсина.

Рассказ не произвел на посла большого впечатления.

— Ну и что? Нет ничего, кроме давно забытой легенды?

— Видите ли, наши маги верят предсказаниям нескольких пророков, которых мы не признаем.

— А они знают больше?

— Нет, они больше верят.

— Клянусь бородой Господа Бога! Мне все равно, где правда, а где ложь, но меня волнует, во что верят люди! И в чем смысл этих пророчеств?

Истариэль устремила на посла многозначительный взгляд, словно предупреждая, что он решил прогуляться по тонкому льду, и не спешила с ответом, пока лицо Гэрина не приняло виноватое выражение.

— Говорят, он будет тираном, наделенным *талантом.* Впрочем, любой завоеватель несет с собой огонь и разрушение. Пророчество утверждает, что он поднимет знамя смерти. Надеюсь, вам понятен смысл этих слов. Нас ждут суровые испытания. Потом пророчества звучат совсем уж странно. В них утверждается, что этот человек принесет мир. Вообще-то мир на все времена обычно является главной темой пророчеств. Так вот, говорится, что он принесет мир, который продлится два года или восемнадцать лет. Приход этого властителя откроет путь к возвращению Джорсина Алкестеса, которого он возьмет под свое покровительство и испытает доблесть его меча или прочность металла. В этом месте слова пророчества звучат совсем непонятно.

— И когда это напророчили? — поинтересовался посол.

— Пять лет назад. Пророком был странствующий маг по имени Дориан, который утверждал, что является одним из Урсуулов. Не слишком надежный источник.

— Его пророчество похоже на кошмарный сон.

— Да, стоит появиться подобным слухам, и они начинают распространяться с завидным религиозным пылом. Даже если Мобуру действительно верховный король, я настоятельно советую королю Алидозиусу позаботиться о том, чтобы он не сел на какой-нибудь престол, если, конечно, вы не хотите для Алитэры общественных беспорядков или даже гражданской войны. Джорсин Алкестес до сих пор будит в душах людей самые разные чувства. Появление верховного короля само по себе плохо, учитывая огромную территорию, которой он будет управлять. Однако в пророчествах времен Алкестеса его называют предвестником. Представьте, что может случиться в любой из наших стран, если люди и правда поверят в приход Князя тьмы, который обрел телесную оболочку, в чудовищ из ночных кошмаров, которые будут расхаживать по улицам, в неизбежную гибель всех королевств.

— Я передам ваши слова королю, — пообещал посол Гэрин с кислым видом. — Вы все сказали?

— Нет. Мне нужно знать, идут ли ваши уланы на помощь Часовне.

— Вы ждете немедленного ответа, после того как только сейчас сообщили информацию, которая может сделать короля более сговорчивым в отношении подобной просьбы?

— Я поделилась с вами информацией, как только мы ее получили, а солдаты мне

нужны прямо сейчас.

— Несколько месяцев назад я уже сказал, что без доступа к сведениям, касающимся вторжения, которые имеются в вашем распоряжении, мы не сможем удовлетворить вашу просьбу. Простите старого вояку за прямолинейность, но мы не в состоянии отправлять по пять тысяч улан всякий раз, когда наш союзник начинает нервничать. В Алитэрском соглашении такие меры не предусмотрены.

«Как же, старый вояка! Да ты уже лет тридцать не брал в руки копья!»

— Соглашение обязывает обеспечить надежную защиту Часовни, и в данный момент это не терпит отлагательства, если учесть, что отряд Мобуру сражался на стороне Халидора в битве при роще Пэввила. Хочу напомнить, что отряд этот алитэрский. Сейчас Часовне угрожают два противника, каждый из которых может нас уничтожить и без воинов Мобуру. Короче говоря, для нашей защиты недостаточно двух тысяч улан, которых вы поставили на границе. Да-да, разумеется, мне известно об их существовании. В лучшем случае они могут прикрыть наш фланг и защитить от Лэ'нота, пока мы будем двигаться к Черному Кургану.

— Вы намерены отправиться в Черный Курган? — удивился Маркус Гэрин.

— Халидорцы научились поднимать из праха кралов.

— Кралов? Чепуха, это очередная сказка! — с насмешкой в голосе заявил Маркус Гэрин. — Это совершенно исключено…

— Доводилось ли вам бывать в Черном Кургане, посол?

Голубые глаза посла Гэрина тревожно забегали.

— Черный Курган — единственное место, где убитых кралов нельзя снова оживить. Только там мы можем сражаться с ними с надеждой на победу.

— Значит, вы хотите, чтобы мы помогли вам вторгнуться на территорию соседей? Какое дерзкое толкование Алитэрского соглашения, целью которого является обуздание имперских амбиций Часовни.

Неожиданно спикер почувствовала всплеск незнакомой магии, который произошел несколькими этажами ниже. Несмотря на то что за всю свою жизнь Истариэль встретилась лишь с шестью или семью магами мужского пола и никогда не видела, как они используют *талант,* она мгновенно поняла, что в Часовню проник мужчина-маг.

— Спикер, что случилось? — обратился к ней посол.

У Истариэль не осталось времени для размышлений. Можно ли извлечь для себя пользу из неожиданного появления враждебно настроенного мага? А что, если прервать переговоры с алитэрским послом? Принесет ли это выгоду Часовне? Возможно, если бы в переговорах Часовня преследовала точно определенную цель. Истариэль всего лишь хочет избавиться от договора, подписанного несколько столетий назад, не объявляя при этом войны.

— Да, вы тычете нам в лицо устаревшие и совершенно не обоснованные доводы, тогда как мы хотим всего лишь уцелеть и выжить, сохранив за собой звание обители знаний.

В ответ на удар неизвестного мага, вторгнувшегося в Часовню, пронеслась мощная волна знакомой магии, и Истариэль изумилась ее силе. Это была магия наложения оков, и владела ею только одна забывчивая старушка Ариэль да еще, пожалуй, Ви.

— Говорите, обитель знаний? — ехидно переспросил посол. — Где изучают боевую магию?

Значит, этому пройдохе все известно. Черт бы его побрал! Да, в тех случаях, когда союзники покидают нас, оставляя на растерзание врагу.

— Весьма опрометчивое решение, — заявил посол, поджав губы.

Истариэль уже открыла рот, чтобы обратиться к ряду фактов из истории, как вдруг Часовню сотряс мощный удар магии. Неумолчное жужжание *таланта,* исходившее от женщин-магов, прекратилось, и впервые с момента ее постройки в Часовне воцарилась гробовая тишина. Магия заполнила все вокруг, ничего не разрушив, не считая заклинаний, которые пытались плести сестры. Это была особенная магия, не похожая ни на какую другую, свободная и яростная, но не враждебная; она, казалось, не осознает собственной силы. Перед мысленным взором спикера предстал образ архимага-подростка, который

потряс ее до глубины души. Ариэль пыталась надеть на него оковы, а он не позволил себя заковать.

Истариэль вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, которая оказалась между двумя ссорящимися родителями.

— Что… что это было? — пролепетал посол.

«Клянусь серафимом, это магия неслыханной силы, раз ее почувствовала эта никчемная жаба, начисто лишенная *таланта».*

— В свете вышесказанного мы выходим из договора, посол. Если Алитэра пожелает изгнать магов из своих владений, они уйдут мирно. Однако я прошу дать нам полгода, чтобы продемонстрировать добрые намерения. Это никоим образом не является объявлением войны Алитэре. Будьте добры, объясните императору, что мы сражаемся только за свои жизни.

Посол молча отхлебывал из чашечки оотай и будто не замечал, что он давно остыл.

— Знаете, Истариэль, наш повелитель всегда считал вас одной из тех, кто придерживается наиболее умеренных взглядов в Часовне. Безусловно, наши переговоры нельзя закончить на этой ноте. Вы не перечеркнете сотни лет сотрудничества в достижении общих целей.

Неизвестный архимаг уверенно поднимался на верхний этаж Часовни, стремительно приближаясь к кабинету спикера. Он весь светился от выпущенной на волю магии. Истариэль казалось, что она видит мага сквозь пол кабинета. Сейчас ей было не до переговоров с послом, но нельзя же вышвырнуть его за дверь.

— Нет, — ответила она, — я ничего не хочу перечеркивать, и меньше всего — наши жизни. Возможно, этой осенью я смогу приехать в Скон и лично встретиться с императором.

Истариэль уже поняла, что неизвестный архимаг — проклятый муженек Ви. Какого черта ему здесь нужно? Неужели Ви замышляет переворот? Да нет же, совершенно бессмысленно вовлекать в подобные дела мужчину. Против него объединятся даже те сестры, у которых двурушничество в крови. Значит, здесь что-то другое. Но что? Неизвестность пугала Истариэль.

— Может быть, нам лучше отложить этот разговор и продолжить переговоры после обеда? — предложила Истариэль.

— Прошу прощения, спикер, но мне думается, нет более важного дела, чем судьба союза, длящегося три столетия. Настоятельно прошу довести нашу беседу до конца.

Истариэль снова уселась за письменный стол, повернувшись лицом к двери и призывая весь свой *талант.* Архимаг подошел совсем близко.

В следующее мгновение сорванная с петель дверь с грохотом упала на пол, и в кабинет ворвался юноша, лицо которого было искажено яростью. Истариэль направила на незваного гостя мощный воздушный кулак.

Удара не получилось. Волна воздуха отклонилась в сторону, разбив вдребезги коллекцию старинных ваз, которой так гордилась Истариэль. Она попыталась нанести еще один удар и пробила дыру в потолке. Не замечая, что его хотят убить, Кайлар подошел к письменному столу и, опершись на него руками, наклонился к спикеру. Истариэль собрала всю имевшуюся у нее силу.

Гость дохнул жаром в лицо, и весь ее *талант* рассеялся, как от ураганного ветра. Кайлар молча смотрел ей в глаза, и от этого взгляда Истариэль вдруг захотелось забормотать в свое оправдание какую-нибудь чепуху. Так чувствует себя глядящий в ночное небо человек, которому только что сказали, что звезды — это не украшения, приколотые булавками к небесному одеянию, а каждая из них является солнцем, находящимся за миллиарды лье отсюда. Глядя в глаза этому человеку, Истариэль вдруг почувствовала себя совсем маленькой и ничтожной!.

Кайлар разочарованно вздохнул, не обнаружив того, что искал.

Не чувствуя магии, исходящей от юноши, посол Алитэры осмелел и поднялся с места.

— Послушайте, юный невежа, я не допущу непочтительного обращения с женщиной в

своем присутствии! Извольте покинуть кабинет!

В глазах Кайлара вспыхнули огоньки неведомой магии.

— Поговорим об уважении к женщинам, когда прекратишь спать с лучшей подругой жены.

От напыщенности посла не осталось и следа, а Кайлар, повернувшись на каблуках, вышел из кабинета.

Некоторое время Истариэль и посол сидели молча, а потом спикер, деликатно кашлянув, предложила:

— Думается, ради общего блага не следует выносить сор из избы.

Посол судорожно сглотнул и согласно затряс головой.

77

Ви находится где-то наверху. Встреча со спикером потрясла Кайлара. Он не сомневался, что меч Возмездия похитила именно она, но, заглянув ей в глаза, понял, что Истариэль здесь ни при чем. Необузданный порыв, который должен был привести его в гнездо лжецов и вернуть меч, теперь представлялся непростительной, страшной ошибкой. Тем не менее, несмотря ни на что, Кайлар упрямо шел вперед, чувствуя себя обреченным.

Верхние этажи Часовни занимали немного места. В голове статуи серафима размещались кабинет спикера, приемная, несколько кладовых, лестницы и учебный класс, в котором и находилась Ви. Кайлар открыл дверь в помещение перед классной комнатой. За сегодняшний день он выбил достаточно дверей.

Комната находилась в глазах серафима. Она была просторной и чистой, но, несмотря на льющийся сквозь стеклянные глаза серафима яркий свет, казалось, что сюда в течение нескольких десятилетий никто не заходил. В центре комнаты, опустив голову, стояла окруженная сиянием женщина со скрещенными на груди руками и закрытыми глазами. На ней было короткое, до колен, платье из легкой тонкой ткани. С середины голени кожа меняла цвет, от темно-золотистого до белого, словно алебастр. Кайлар застыл на месте и, потрясенный необычной красотой женщины, наблюдал, как белый алебастр соскальзывает на лодыжки, а потом на кончики пальцев ног.

Женщина со вздохом подняла голову и открыла глаза, которые оказались платинового цвета.

— Ты — серафим… — тупо пробормотал Кайлар.

— Верно. А ты — человек, который меня разбудил, но вовсе не Господь Единый.

— Что? — не понял Кайлар.

Женщина-серафим смотрела прямо на него, и во взгляде платиновых глаз таилась огромная магическая сила, которая, к счастью, в данный момент дремала.

— Хочешь со мной расправиться? — спросил Кайлар.

— А что, следует? — рассмеялась серафим. — Ты до смерти напугал моих бедных сестричек. — Она многозначительно посмотрела на дверь. — Кроме той, что привязала тебя намертво. Так вот, Безымянный, я оставлю тебя на милость этой девушки.

— Это платье нравится мне больше того, что на статуе. У тебя потрясающие ноги, — ляпнул Кайлар.

Глаза серафима расширились от изумления, однако Кайлар видел, что она не сердится.

— Мне тоже, — согласилась серафим, — но при росте в три сотни футов следует отдать предпочтение скромным одеждам.

— Простите мою глупость, госпожа… миледи… как мне вас называть? — пробормотал Кайлар.

Серафим удивленно подняла бровь.

— Дерзость тебе больше к лицу, Безымянный. Задавай свой вопрос.

— Я потерял меч. Думал, его похитила спикер, но ошибся. Скажите, не мог ли его украсть кто-нибудь из сестер?

Серафим наклонила голову, внимательно изучая Кайлара.

— Ты легко принимаешь дружбу. Не могу понять, то ли это за счет юности, наивности и доброты, то ли благодаря силе, которой ты наделен. Не всякому дано прочесть чужую душу с первого взгляда, Безымянный.

— Простите мою дерзость и самонадеянность, госпожа.

— Дай мне правую руку.

Кайлар протянул руку, и серафим принялась внимательно изучать ее. Он чувствовал взвившийся над ладонью водоворот магии.

— Прошло три месяца… — начал Кайлар и вдруг почувствовал, что магия куда-то исчезла.

Серафим уже смотрела не на ладонь, а в глаза Кайлару, и в этом платиновом взгляде читался страх.

— Ах ты, глупец! Да понимаешь ли ты, что натворил? — прошептала она.

В голосе серафима слышался неподдельный ужас, и Кайлару вдруг тоже стало страшно. Что могло так напугать серафима?

— Я потерял меч Возмездия, который принадлежал мне по праву от самого рождения…

— Меч Возмездия? Что это, шутка Акелуса?

Кайлар ничего не ответил. Что ему удалось здесь узнать? Серафим призналась, что доверять ей может только человек наивный. Что ей известно?

— Не знаю, о чем вы говорите, — ответил он равнодушным голосом. — Это обычный меч, на котором выгравировано слово «правосудие» или «милосердие».

— И ты решаешь, кому и что причитается. Ты видишь состояние души человека и либо вершишь правосудие, либо даришь милосердие. Одним словом, воздаешь каждому по заслугам. В кого ты превращаешься?

Кайлар вспомнил слова Волка, когда тот смеялся над его именем и говорил, что Кайлар Стерн — это звание.

— В судью, — тихо ответил Кайлар.

— А что применяет судья? — так же тихо спросила серафим.

— Закон.

«Джорсин Алкестес и Эзра вместе создали два артефакта: Кьюрох, меч Власти, и Иурес, жезл Закона».

— Но, значит…

Голос Кайлара оборвался. Он видел, как Кьюрох принимает любую форму в зависимости от обстоятельств. Он наблюдал, как на мече Возмездия на разных языках появляются слова «милосердие» или «правосудие». Почему не спрятать Иурес, придав ему форму меча? Где найдется более надежное место, как не у Дарзо, чей ка'кари скроет Иурес? И что может быть разумнее, чем хранить ка'кари, пряча с его помощью один из самых выдающихся артефактов в истории? Кайлару следовало догадаться, что Дарзо не станет возвращать меч Возмездия только для того, чтобы избавить ученика от неудобства постоянно точить затупившиеся клинки. И сколько раз Дарзо повторял, что этот меч не имеет цены?

— Вы знаете, где он находится? — спросил Кайлар.

Не выпуская его руки, серафим закрыла глаза и засияла золотистым светом. Сначала засветился лоб, а потом свет стал литься все сильнее, пока не заполнил всю комнату. Затем послышался свистящий звук, и Кайлар мог поклясться, что на мгновение засияла вся огромная статуя. Женщина открыла глаза.

— Он в Трэйетелле.

— В Трэйетелле? — Кайлар смутно помнил это название. Акелус Торне был принцем Трэйетелля. — Меч в Черном Кургане.

Серафим не выпускала его руку.

— Безымянный, Иурес не дает магу дополнительной силы, но дает огромную власть.

Маг, получивший Иурес, может со временем разгадать любую тайну, он справится с любым заклинанием, с чем угодно.

Чем же занимается Неф? Имея Иурес, он может разрушить щит вокруг леса Эзры и забрать Кьюрох. И что он станет делать, когда получит и то и другое? Легче сказать, чего он не сделает. Даже Джорсину Алкестесу не удалось объединить два артефакта.

Выбора нет. Кайлар является судьей, и если Неф неуязвим для магии, его может остановить только он. Возможно, только Кайлар в полной мере понимает степень нависшей угрозы. Нефа нужно остановить.

«Господи, как я скажу об этом Элене?»

При мысли об Элене Кайлар почувствовал, как вздрогнула Ви. Ее душу переполняли чувство вины и страх.

Кайлар отвернулся от серафима. На время утихший гнев закипал с новой силой. Он вошел в классную комнату, с грохотом закрыв за собой дверь. Ви сидела в окружении пятидесяти старших учениц, над каждой из которых витал нимб магии. Одна Ви не воспользовалась *талантом.*

— Что ты натворила?! — крикнул ей в лицо Кайлар.

— Она взяла с меня клятву хранить молчание…

— Какого черта…

— А ты сам что натворил?! — вышла из себя Ви. — Что ты себе позволяешь? Врываешься в обитель и угрожаешь моим сестрам! Да как ты смеешь! — Кайлар открыл рот, чтобы возразить, но Ви резко его оборвала. — Нет! Сядь и заткнись!

Ее слова хлыстом ударили Кайлара. Навязанные обручальными серьгами узы пришли в действие, лишив дара речи. Стула поблизости не нашлось, и Кайлар сел прямо на пол.

Ви была потрясена не меньше его. Кайлар попробовал открыть рот, но не мог даже пошевелиться. Ви рассказывала, что обручальные серьги не позволили Гэроту Урсуулу совершить над ней насилие, разрушив чары, так как установленная ими связь оказалась сильнее магии короля-бога. Смысл ее слов Кайлар понял только сейчас. Принудительные узы обручальных серег были односторонними, и Ви могла заставить его сделать все, что придет ей в голову. Более того, по выражению ее лица Кайлар догадался, что девушка давно об этом знает. Просто до сегодняшнего дня Ви не испытывала на нем свою власть.

Сестры смотрели на Ви округлившимися от изумления глазами. Всего несколько минут назад они тряслись от страха, глядя на мужчину, силой ворвавшегося в Часовню и разрушившего магические оковы, которые наложила на него самая могущественная в обители женщина-маг. Ви бесстрашно встала на защиту сестер, и незваный гость безропотно послушался ее приказа, как будто не мог поступить иначе. Как бы там ни было, глупая выходка Кайлара еще больше повысила авторитет Ви среди сестер.

Буря противоречивых чувств волной передалась Ви, однако она сумела быстро взять себя в руки.

— Она решила присоединиться к армии Логана, — сообщила девушка Кайлару. — Она боялась, что нет иного способа заставить тебя сражаться на его стороне. — Ви понимала, что ее разговор с «мужем» слушают все присутствующие в классе сестры, и поэтому не стала больше ничего объяснять, а только протянула Кайлару записку. — А теперь можешь встать и говорить.

Кайлар поднялся с пола, однако не сказал ни слова. Дверь в дальнем конце класса распахнулась, и комнату заполнила толпа сестер во главе с сестрой Ариэль. Кайлар догадался, что это женщины-маги, которые тренируются вместе с Ви.

Одна из женщин метнула в грудь Кайлара сверкающую серебристо-красным светом стрелу, которая растворилась в воздухе, не долетев до цели.

Вдруг все сестры стали падать на колени, охваченные благоговейным трепетом. Кайлар обернулся, чтобы посмотреть на своего спасителя, и увидел женщину-серафима, окруженную золотым сиянием.

— Простите моего друга за то, что он вас напугал, — обратилась она к сестрам. — Мне

нужно поговорить с ним об угрозе, которая нависла над всеми нами. Если ему не удастся осуществить задуманное, вся наша дальнейшая борьба не имеет смысла.

Охваченные благоговейным страхом сестры расступились, и Кайлар, взглянув напоследок на Ви, вышел из класса.

78

— Я не желаю стать свидетелем твоего самоубийства, — заявил Дарзо.

В течение последних трех дней Кайлар с учителем шли на запад. Дарзо направлялся в Сенарию, чтобы наконец повидаться с Мамочкой К., и поэтому решил присоединиться к Кайлару. Дорога была грязной и заснеженной, и путники разбили лагерь, когда до Торрас-Бенд оставалось несколько часов езды, а в сотне шагов от них находился лес Эзры.

Кайлар снял чепрак и расстелил его на поваленном дереве, рядом с разведенным костром.

— Я и не думаю умирать, — возразил он.

— А, значит, у тебя есть план? А я-то решил, что ты обдумываешь его по пути сюда. Впрочем, уже темнеет, и через час сюда явится наш маленький шпион.

От самой Часовни за ними следили, но делали это весьма неумело. Сегодня они скакали во весь опор, стараясь как можно скорее добраться до Торрас-Бенд, и шпионка не могла за ними угнаться.

— Я не верю в существование Хали, — заявил Кайлар.

— Не замечал раньше за тобой склонности к религиозным откровениям, — удивился Дарзо.

— То есть она существует, но не является богиней.

— Как это? — не понял Дарзо.

— Она представляет собой хранилище магии. Волк говорил, что магические силы достигают наивысшей точки, если их питают чувства людей. Сила Хали пополняется поклонением халидорцев. В ее честь они приносят в жертву людей и поют молитву, но на самом деле это вовсе не молитва, а заклинание. Оно опустошает запас глоре вирден, то есть магии жизни, которой обладают люди, и помещает ее в хранилище, из которого майстеры, вюрдмайстеры и король-бог черпают магическую силу для себя. Они могут использовать более сильную магию по сравнению с обычными магами, так как обладают особой способностью забирать магическую силу из окружающего мира. А значит, они могут использовать магию ночью. Неужели не понимаешь? Весь народ распевает заклинание дважды в день. Хранилище магии является основой власти в Халидоре.

— И какое это имеет отношение к твоему стремлению покончить с собой?

— Кьюрох является проклятием для этой власти. Я убедился в этом, когда убил им одного из майстеров. Кьюрох взрывает вир изнутри.

— Прошло всего несколько месяцев, с тех пор как ты убил человека, называвшего себя богом, а теперь намерен разделаться с настоящей богиней. После таких подвигов следует удалиться на покой, если, конечно, ты не придумаешь способ, с помощью которого можно стереть в порошок целые материки.

— Ты знаешь, что это неправда! — вспыхнул Кайлар.

— Значит, ты надеешься отыскать Хали и вонзить ей в грудь Кьюрох? А потом посмотреть, что произойдет?

— Ты снова делаешь из меня дурака, — нахмурился Кайлар.

— Мм… — многозначительно промычал Дарзо.

— Это единственный способ одержать победу раз и навсегда. Вспомни, сколько раз тебе пришлось сражаться против Халидора?

— И вспоминать не хочу, — признался Дарзо.

— Послушай, я потерял Иурес. Знаю, это большая беда. Еще хуже, что ты сам этому способствовал, когда не пожелал объяснить, что такое эта проклятая штука. Иурес в руках у

Нефа, и нам придется попотеть, прежде чем удастся его убить.

— Нам? — переспросил Дарзо.

— Если мы разрушим вир, Неф не сможет воспользоваться Иуресом. Даже если он выживет после потери вира и попробует воспользоваться *талантом,* на это потребуется время. Он станет уязвимым. Учитель, последние три месяца он обдумывал, как проникнуть в лес Эзры и завладеть Кьюрохом. Если Кьюрох и Иурес окажутся в руках одного человека…

— Ни к чему хорошему это не приведет, — согласился Дарзо.

— Произойдет катастрофа! — воскликнул Кайлар.

— Понимаешь ли ты, что если вонзить Кьюрох в центр вира, это может привести к качественным, а не количественным различиям?

— Что? — не понял Кайлар.

Дарзо, не скрывая раздражения, посмотрел на ученика.

— Кьюрох вырвал вир из одного колдуна, и ничего особенного не случилось. Однако если взорвать весь вир, имеющийся в мире, может произойти непоправимое.

— Я не заплачу, если взлетят на воздух все колдуны в мире, — возразил Кайлар.

— А если и ты взлетишь вместе с ними?

— Ну, тогда точно плакать не придется.

— Возможно, тебя не удастся уничтожить полностью. Ты погибнешь и снова вернешься к жизни. Теперь тебе известна цена бессмертия. Хочешь еще раз рискнуть жизнью кого-нибудь из друзей? Черт возьми, а если это окажется моя жизнь? Мне вовсе не хочется жертвовать ею ради твоих прихотей.

— Учитель, нам недаром дана такая сила, и я не хочу терять друзей и сам не ищу смерти. Но если моя смерть изменит жизнь всего народа, если я спасу тысячи людей, разве можно не пожертвовать ради этого своей жизнью?

— Ах ты, дурень! — мрачно усмехнулся Дарзо. — Да понимаешь ли ты, что, даже подтвердись твои предположения, эту затею осуществить невозможно? Подумать только, похитить из самого надежного укрытия меч, за которым гоняются все чародеи в мире! Даже если это удастся, тебя будет преследовать Охотник, пока ты не доберешься до вражеского логова, где идет война, и любая из сторон спокойно прикончит тебя как предателя, шпиона или колдуна, а то и за все вместе.

— Я думал, ты одобришь мой план.

Глаза Кайлара возбужденно блестели.

— Так, похоже, у Волка появились волчата, — рассмеялся Дарзо.

— Надеюсь, мы с ним не встретимся в ближайшем будущем. Но я считал, что, если сумею тебя убедить, он ничего не сможет сделать.

— В чем убедить? — поинтересовался Дарзо.

— Помочь мне, — ответил Кайлар.

— Нет, увольте. На меня не рассчитывай.

— Ты не сможешь отказаться!

— Еще как смогу. Малыш, ты отнял у меня бессмертие, но ко мне возвратилась жизнь, и теперь…

— Ты мой должник! — возмутился Кайлар.

— Не до такой же степени. По твоей милости у меня осталась всего одна жизнь, и я распоряжусь ею по своему усмотрению. Теперь я имею право любить.

А вот у Кайлара такого права не было.

— Мы сможем изменить мир! — настаивал он.

— Малыш, мне много раз доводилось менять мир. Когда-то на месте водоворота Тлаксини пролегал морской путь, а Алитэрская империя простиралась от одного берега моря до другого. Короли-боги угрожали южным землям, и много раз им почти удавалось завладеть ка'кари. А Ладеш был… Одним словом, я внес свою лепту. Пусть рискованными приключениями и опасными авантюрами занимаются молодые люди, а я давно вышел из их возраста. В Сенарии живет женщина, которую я люблю, и мы оба не становимся моложе, так

что мне нужно идти.

— Мне без тебя не обойтись! — воскликнул Кайлар, — Разве можно в одиночку похитить из самого надежного укрытия волшебный меч, за которым гоняются все маги мира, да еще ускользнуть от преследований Охотника и попасть в логово врага…

— Разумеется, — подтвердил Дарзо. — Я обучил тебя большинству своих приемов.

— Большинству? — переспросил Кайлар.

— Да. А ты еще придумал немало своих уловок. Послушай, Кайлар, ты больше не ученик.

— Прекрасно, но я не сумею…

— Понимаешь, ты сам стал мастером. Твое обучение завершено.

— Только не пытайся от меня избавиться, — попросил учителя Кайлар.

От слов Дарзо у него защемило сердце.

— Я просто отпускаю тебя на свободу, — объяснил Дарзо.

— Ты все равно лучше меня! — возразил Кайлар.

— И всегда буду, — с улыбкой согласился Дарзо, и Кайлар против воли залюбовался улыбкой учителя, которая так редко появлялась на лице этого сурового и жестокого человека. — Во всяком случае, останусь таким в твоей памяти. Я достаточно умен, чтобы вовремя остановиться, не дожидаясь, когда ты начнешь одерживать надо мной верх. Я проделал славный путь и достиг вершины, от которой начинается спуск вниз.

— Мне у тебя еще учиться и учиться.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Значит, и правда кое-чему научился.

— А если меня ждет неудача? — прошептал Кайлар.

— Ну и что? Она никак не повлияет на мое отношение к тебе.

— Но я могу обречь на гибель весь мир! Неужели тебе все равно?

— Сказать по правде, да, если я проведу последние часы в объятиях Гвин. Я хотел бы состариться вместе с любимой женщиной, но умереть примиренным, вместе с ней — тоже неплохо.

— Значит, я остаюсь в одиночестве.

— Я об этом предупреждал, когда ты просился ко мне в ученики.

— Я не знал, что обрекаю себя на вечное одиночество!

— Ой, не хватает только утопить меня в слезах. Хочешь, чтобы тебя пожалели? Расскажи лучше, как ты собираешься проникнуть в лес Эзры.

— С помощью ка'кари, — пожал плечами Кайлар.

— Ага, ка'кари, — констатировал Дарзо, очень напоминая в этот момент Мамочку К. Похоже, старик и правда провел в ее обществе слишком много времени.

— А что? Он поглощает магию и неподвластен ее действию, а кроме того, превращает меня в невидимку. Я что-нибудь придумаю, — стал оправдываться Кайлар.

— Позволь спросить, чей это лес? — осведомился Дарзо. — Ах да, конечно же, Эзры. А кто сотворил ка'кари? Ладно, можешь не отвечать. Разумеется, Эзра.

— Черный ка'кари сделал не Эзра.

— Эзра достаточно хорошо его изучил и создал шесть других ка'кари. Итак, через пятьдесят лет после создания шести ка'кари он является сюда и делает лес неприступной крепостью. Между прочим, отношения между нами не самые теплые. Так неужели ты думаешь, что ему ни разу не пришла в голову мысль о моем появлении в этих краях?

— Да я как-то не подумал…

— Слушай, малыш, твоя необузданная сила и бравада могут напугать до смерти сестер в Часовне, но здесь игра идет по другим правилам. Если тебе удастся преодолеть все уровни защиты, установленные Эзрой, а забросив в лес Кьюрох, ты удесятерил его силу, все равно придется иметь дело с могущественным и коварным существом, которое, возможно, прикончило самого Эзру. Если только он совсем не выжил из ума. В любом случае дикая магия не произведет на Охотника должного впечатления, а твоя невесть откуда взявшаяся уверенность толкает к самоубийству.

Кайлар некоторое время молчал, потом прошептал:

— Меня не остановить.

— Да тише ты, — прошипел Дарзо, — она идет сюда.

Кайлар подкатил ка'кари в центр костра, и пламя свернулось в шарик и мгновенно погасло, погружая поляну в темноту. Кайлар сделал прыжок влево, а Дарзо откатился вправо, когда лиловая вспышка магии прорезала воздух над поляной. Кайлар протянул руку, и ка'кари проник внутрь, наполняя его энергией, полученной от огня.

Он перепрыгивал с дерева на дерево, вонзая черные когти в стволы, и тут увидел женщину-мага, которая, внезапно ослепнув, вертелась вокруг собственной оси. Вокруг женщины рассыпались огненные искры, она в ужасе разбрасывала их во все стороны, и искры собирались в огненные сгустки, похожие на огромные косы, какими выкашивают траву на полях. Выпущенная на волю магия ударялась о деревья, опаляя стволы и образуя облака пара, и только благодаря недавно прошедшим дождям со снегом деревья не загорались. Дарзо лежал на земле, а Кайлар сидел на дереве, и удары магии не причиняли им вреда.

Вскоре *талант* женщины-мага иссяк, а без солнечного света и огня она не могла его восполнить, и магия быстро угасла.

Оба мужчины подобрались к ней в полной темноте, и, прежде чем лазутчица успела крикнуть, Кайлар прыгнул ей на голову, ухватив за одежду и используя ее тело в качестве опоры. Перевернувшись в воздухе, он опустился на землю, а женщина отлетела на несколько шагов и врезалась в дерево. Она сидела, прислонившись к стволу, и было слышно, как из легких со свистом выходит воздух. Кайлар приземлился на колено и быстро вскочил на ноги. Его лицо осветили язычки синего пламени.

Женщина-маг постепенно приходила в себя, и вдруг на ее коже заиграл вир. Он стремительно поднимался изнутри подобно акуле, всплывающей на поверхность из морских глубин. Сначала вир стал вырисовываться на кончиках пальцев, потом пробежал по кистям рук и запястьям и пошел извилинами вверх. Рукава плаща зашевелились, а вир уже поднимался черными зигзагами по шее и здесь остановился. Дарзо спрятался за стволом дерева, обхватив его руками, и нажал пальцами на две точки на шее женщины-мага. Наткнувшись на препятствие, вир стал разрастаться, подобно речному потоку, на пути которого построили плотину, и колдунья завизжала от боли. Крики становились все пронзительнее, но вскоре затихли. Вир постепенно угасал и наконец совсем скрылся под кожей.

Дарзо вышел из-за дерева и, схватив лазутчицу за шиворот, поставил перед собой и снова нажал пальцами на две точки на шее.

— Один из приемов, которые мне так и не показал? — осведомился Кайлар.

— А ты хотел за пару месяцев обучиться всему, что я умею? — ответил вопросом на вопрос Дарзо. — Виру требуется материальное выражение, и, если он наталкивается на преграду, действие магии тоже прекращается. В этом-то и заключается главный недостаток скрытого вира в семействе Урсуулов.

— А разве она из Урсуулов?

— Трудно найти более удачное применение для дочерей Гэрота, наделенных *талантом,* — заметил Дарзо.

— Я думал, этих девочек убивают.

— Гэрот не из тех людей, что выбрасывают рабочие инструменты, даже если они затупились. Как тебя звать, милая? — обратился Дарзо к женщине.

Лазутчица молчала, но вместо нее ответил Кайлар:

— Ее зовут Эрис Бюэль. Ах ты, маленькая сучка, не зря мы тебя подозревали!

— Это не поможет тебе спасти драгоценную женушку, — огрызнулась женщина-маг.

В ее глазах горела такая ненависть, что Кайлар почувствовал, как, независимо от воли, начинает действовать дар проникновения в чужую душу. Путь Эрис к власти был выстелен трупами, но среди них не оказалось ни Элены, ни Ви. Кайлар видел многочисленные измены

и нарушенные клятвы, а где-то в глубине обнаружился его меч, который воровка передала шпионам Нефа Дады.

Душа Эрис была чернее ночи, и ее следовало призвать к ответу.

— Тебя заждался праведный суд, — объявил Кайлар, вонзая колдунье кинжал в солнечное сплетение.

Эрис захрипела, а ее глаза, переполненные виной за многочисленные преступления, расширились и угасли.

В следующее мгновение Кайлар получил увесистую пощечину, от которой едва устоял на ногах.

— Черт бы тебя побрал, придурок! Нужно было ее допросить! — взревел в бешенстве Дарзо и, схватив Эрис за волосы, встряхнул. — Дай мне ка'кари, Кайлар! Да живее!

Кайлар быстро передал учителю ка'кари, проклиная про себя старого негодяя, который едва не отшиб ему челюсть. Он поднес руку к лицу и почувствовал на щеке что-то липкое. Взглянув на пальцы, Кайлар обнаружил, что на них нет крови.

Дарзо бросил безжизненное тело Эрис на землю.

— Пери-пери и ксантос? — спросил Кайлар, растирая между пальцами золотистую жидкость. Контактный яд, под действием которого он на время потеряет сознание, и в этом нет ничего страшного. Гораздо хуже, что он оставит на лице незаживающие шрамы. — И ты выплеснул его мне в лицо?! — возмутился он.

— Ты заслужил клеймо на физиономии, но, к несчастью, на тебе быстро заживают любые раны.

— За что?

Кайлар чувствовал, как дрожат и слабеют колени.

— Мне нужна эта штука, — заявил Дарзо, поднимая ка'кари. — Приятных сновидений.

Кайлар, скорчившись, рухнул на землю и ударился губой о корень дерева. Рот мгновенно наполнился кровью.

«Старый мерзавец, даже не додумался поддержать», — мелькнула в голове последняя мысль.

79

Неф Дада шагал по темным улицам Трэйетелля. Уже приближался полдень, а под куполом Черного Кургана, под сплошным сводом из черного камня стоял вечный мрак. Нефу Даде освещал путь только желтый свет, мерцающий над головой, да тысячи факелов, которые вюрдмайстеры зажгли вокруг монолита, находившегося в самом сердце закрытого куполом города.

Несмотря на воцарившийся мрак, Трэйетелль не производил удручающего впечатления. Казалось, жители ненадолго покинули город и должны с минуты на минуту вернуться. Нигде не было ни пылинки, а кратковременная осада, во время которой погиб город, не успела разрушить его красоту. Некоторые кварталы сгорели дотла или их сровняла с землей магия, но в основном Трэйетелль уцелел. Хотя, пожалуй, только Нефу Даде это место могло показаться веселым и радостным, что вполне соответствовало его настроению.

С начала зимы ему сопутствовала удача. Неф отправил лазутчицу, чтобы та похитила у Кайлара меч. Он предполагал, что под черным ка'кари скрывается именно меч, но, прикоснувшись к нему с помощью магии, сразу понял свою ошибку. На такое везение он и не надеялся. Меч оказался Иуресом, жезлом Правосудия. Как и Кьюрох, Иурес изготовил Эзра, а может быть, они работали вместе с Джорсином. Однако в отличие от Кьюроха Иурес не увеличивает магическую силу, зато с его помощью в сто раз легче сплетать и расплетать самые сложные заклинания.

Цилиндрический монолит находился на середине холма, на полпути к Трэйетелльскому замку, и доходил до купола, напоминая огромный стеклянный столб. В свете факелов монолит походил на сосуд, заполненный клубящимся дымом, сквозь который можно

различить лишь отдельные части тела титана, заточенного внутри. Вот здесь к стеклу прижался коготь, а там — ступня, удивительно похожая на человеческую и отличающаяся от нее только гигантскими размерами. При виде замороженного монстра Нефа Даду, как обычно, охватила дрожь, и это вызвало раздражение. С помощью Иуреса можно в одно мгновение разрушить монолит. Ведь безумный Эзра при его создании воспользовался именно Иуресом. Он стал ловушкой для титана, пока Джорсин Алкестес его не убил.

Стеклянная темница из замороженного воздуха разбилась, когда титан получил смертельную рану. Джорсин выпустил огненный столб с вершины Трэйетелльского замка, и он прожег безупречно круглое отверстие диаметром десять футов в самой темнице и в груди титана. Судя по невероятной магической силе, которая для этого потребовалась, Джорсин использовал Кьюрох.

Нервно покашливая, Неф мелкими шажками приблизился к монолиту. Иурес благотворно действовал на его здоровье и творил настоящие чудеса. По его знаку вюрдмайстеры, отвесив почтительный поклон, удалились и продолжили свое занятие. Стоя на строительных лесах, они поднимали наполненные землей ведра и засыпали в отверстие, которое Джорсин прожег в груди титана. Вскоре земля превратится в плоть, и титан восстанет. Он разрушит огромный купол Черного Кургана и разобьет любую армию, которая рискнет выступить против Нефа Дады.

В шатер Нефа никто не заходил. Сомнений по этому поводу не возникло, так как его охраняли пятьдесят стражников из числа павших душ и заклинание самого Нефа. Он немного помедлил, прежде чем зайти в покои Хали. Приподняв одежды, Неф прикоснулся серебряным жезлом к лодыжке. Именно такое обличье он избрал для Иуреса. Жезл выскользнул из руки и плавно обвился вокруг голени и икры. Неф хотел спрятать жезл, чтобы он пребывал в бездействии, даже если к нему прикоснется магия Хали, и только фиксировал любую магию вокруг себя. Хали не знала о присутствии Иуреса, и Неф не собирался ей сообщать об этом до тех пор, пока она уже не сможет ничего предпринять. Иурес в корне изменил все.

Сдерживая волнение. Неф откинул полотнище, закрывающее вход в шатер. Тенсер раскинулся на кровати, которой слуги постарались придать роскошный вид. Его руки и ноги висели, словно плети, а черты лица стали дряблыми и обмякшими. Он время от времени делал вдох и моргал широко открытыми глазами, взгляд которых был совершенно бессмысленным. Неф сделал вид, что ему стоит большого труда опуститься на колени у ног Тенсера, и стал распространять вокруг себя магию, как научила Хали.

— Услышь меня, святая, — воззвал он. — Я явился, чтобы служить тебе.

Тенсер закрыл глаза и открыл их снова, и тогда явилась Она. Ее присутствие заполнило собой маленький шатер подобно черному облаку копоти, и сразу сделалось трудно дышать.

— Ты недобросовестно относишься к своим обязанностям, — обратилась Хали к Нефу. Она говорила голосом Тенсера, но интонация была совсем другой, а акцент незнакомым. — Это тело покрыто пролежнями.

— Я немедленно исправлю оплошность, — пообещал Неф, облегченно вздохнув, — Я ходил по твоим делам, подыскивал для тебя подходящие образцы, в которые можно переселиться. — Он уже собирался закашляться, но передумал. Кашель раздражает Хали. — Я лелею надежду, что мы поговорим о моей награде.

Хали рассмеялась, и Нефу показалось, что она довольна, хотя утверждать этого он не мог. Ей подчинялись голос и глаза Тенсера, но не выражение лица, которое оставалось вялым и бессмысленным. Губы и язык слабо шевелились, произнося слова.

Хали хотела облечься в плоть и обрести достойное тело, а не жалкую пародию, какой являлся Тенсер Урсуул. Для этого требовалось выполнить три условия: разрушить заклинание Эзры, наложенное на Черный Курган, найти человека, который добровольно предоставит в распоряжение богини свое тело, и сплести заклинание, для которого нужна кровь Урсуула и объединенная в одно целое магическая сила двухсот вюрдмайстеров Нефа. В старые времена королям-богам удавалось выполнить два условия, но никто не сумел

разрушить заклинание Эзры, так как он призвал на помощь Иурес, чтобы Хали не обрела плотскую оболочку в виде человеческого тела. Теперь Нефу по силам расплести заклинание Эзры, так как Иурес помнит все заклинания, которые он помог наложить.

— Скоро сюда явится король-бог Уонхоуп с намерением меня убить, — начал Неф. — Так вот, во-первых, я хочу, чтобы он не смог пользоваться виром, а во-вторых, хочу прожить еще сто лет.

— Невозможно, — откликнулась Хали.

— Ну тогда хотя бы пятьдесят или сорок, — настаивал Неф.

— Как только я облекусь в плоть, то смогу подарить тебе сотню лет, но не в моей власти лишить Дориана вира.

У Нефа екнуло сердце. Значит, Дориан и король-бог Уонхоуп — одно лицо? Из всех сыновей Гэрота Урсуула Нефу меньше всего хотелось встретиться со своим бывшим учеником.

— Я думал, ты властна над…

— Так и есть, — оборвала его Хали. — Вир — это паразиты на теле магии, большинство которых были уничтожены в древности. Ройгарису Урсуулу удалось захватить нескольких. Он по достоинству оценил вир, потому что на ранней стадии заражения паразиты пробивают новые каналы в *таланте* хозяина, увеличивая его силу. Разумеется, они медленно пожирают сам *талант,* но Ройгарис рассчитывал вечно удерживать вир на первой, самой ранней стадии заражения. Он потерпел неудачу, пока на помощь не пришла я. Мы сумели замедлить процесс, однако остановить его полностью не удалось. Попробуй воспользоваться своим *талантом* и увидишь, что он превратился в бледную тень того, чем ты обладал в юности. Зато я научила Ройгариса кое-чему более важному. Вир подобен осиновой роще. Кажется, что каждое дерево живет само по себе, но они составляют единое целое. Если взять под контроль нужный элемент, можно управлять виром любого человека, зараженного паразитом такого же вида. И твой вир, и вир Дориана, Гэрота и всех халидорцев относится к одному штамму паразитов. Мы с Ройгарисом заключили грандиозную сделку: его семейство властвует над виром, а я — над хранилищем магии. Если нарушить клятву, погибнет и вир, и хранилище магии.

— Если я не помешаю Дориану отнять у меня вир, он меня убьет, — заявил Неф.

— Когда я обрету плоть, то сумею тебя защитить. Клянусь, твоя услуга не останется без награды, — пообещала Хали.

Нефа ее слова озадачили. Неужели Хали непременно нужно обрести плотскую оболочку, чтобы защитить его от простого смертного? Разве она не богиня? Или дело совсем в другом, и Хали незачем защищать Нефа, если он не поможет ей добиться желаемого? Неф задумался над тем, что Хали сделает с миром, если получит телесную оболочку. Возможно, она повергнет все в хаос лишь потому, что ненавидит жизнь, как и остальные пришельцы? Или ее жажда власти преследует иные цели? Неф старался общаться с ней как можно реже, но он не чувствовал в Хали той всепоглощающей злобы, которая исходит от всех пришельцев.

Сейчас очень важно принять правильное решение. Нефу хочется стать королем-богом, но у него нет желания управлять покойниками да горами пепла. Хотя может случиться так, что выбора не будет. Если он не даст Хали телесной оболочки, то непременно умрет, а если богиня ее получит, может погибнуть весь мир. В таком случае придется рискнуть миром.

— Я стар, — сдался Неф, — и у меня не осталось сил для подобных дел.

Рука Тенсера Урсуула поднялась вверх, как будто ее дернули за веревочку; кисть по-прежнему безвольно висела. Неф прикоснулся к протянутой руке, и в него полилась магия Хали, вселяя энергию и разжигая в груди холодное пламя. Когда магия угасла, он чувствовал себя как никогда сильным, а Иурес зафиксировал в подробностях, как Хали его исцелила и каким образом она черпала силу из хранилища магии. Этого вполне достаточно.

— Благодарю, Святая.

У Нефа оставалось всего несколько дней, чтобы разгадать, какую магию нужно

применить, но, имея в руках Иурес, он способен низложить не только Дориана.

— Твои кандидатки идут сюда, — обратилась к нему Хали. — Введи их.

Неф вышел из шатра и подал знак стражникам. Рядом с ними стояли шесть молодых женщин, скованных одной цепью. Все они выглядели напуганными. Девушки, из числа которых Хали намеревалась выбрать для себя телесную оболочку, были крестьянками. В этой глуши люди Нефа не могли отыскать кого-нибудь более подходящего для этой роли. Неф ввел девушек в шатер. Они очень удивились, когда богиня предстала перед ними в образе слюнявого парня. Девушки, вероятно, рассчитывали увидеть чудовище с клыками и когтями. Пока они рассматривали Хали, Неф изучал их самих. Четверо из кандидаток были либо безобразными, либо обладали заурядной внешностью. Неф помнил, что Хали ненавидит уродство. Двух девушек можно назвать хорошенькими, но Неф рассмотрел, что одну из них успели изнасиловать, несмотря на строгий запрет. Кто-то поплатится за ослушание жизнью. Хали хочет, чтобы любое насилие над телесной оболочкой она осуществляла собственноручно. Вторая девушка и правда была прелестной, с большими карими глазами и сияющей кожей. Ее портили только шрамы на лице.

— Как тебя звать, дитя? — обратилась Хали к девушке со шрамами.

— Элена Кромуилл, госпожа.

— Ты хочешь жить вечно, Элена?

В глазах девушки горело такое страстное желание, что даже Неф, сам того не желая, ее пожалел.

— Больше всего на свете, — ответила Элена.

80

Фейр стоял у стола в тайной мастерской Эзры, расположенной под Черным Курганом. В руках он держал предназначенную для полировки ткань. Он не собирался полировать клинок, так как проделал это уже десятки раз, и теперь меч сверкает как солнце.

— Готово, — громко сказал Фейр. — Не хватает самой малости.

Он вынул меч, который ничем не отличался от Кьюр'келестоса. Ведь Фейр сам держал в руках настоящий Кьюр'келестос, любовался каждым завитком на рисунке, выбитом на митриле. На обеих сторонах клинка выгравированы головы двух драконов, которые смотрят на острие. По кьюрской мифологии, это драконы солнца и луны. У клинка всего одна слегка изогнутая режущая кромка, за счет чего увеличивается режущая поверхность. Утолщенный обух клинка делает его еще прочнее, а гибкий железный сердечник предохраняет от повреждения остро заточенную, хрупкую стальную режущую кромку. Меч представляет собой шедевр оружейного искусства. Изготовлен из митрила, и его почти невозможно сломать. Несмотря на невероятную прочность, рука практически не ощущает тяжести Кьюр'келестоса. Митрил сгибается и разгибается, как сталь, и на нем выгравирован тот же рисунок, что и на клинке Кьюр'келестоса. Разница между оригиналом и изготовленным Фейром двойником заключалась лишь в отсутствии «небесного огня». В случае опасности, а также под действием магии или в зависимости от настроения владельца драконы дышали пламенем, которое бежит к острию клинка.

Фейр узнал заклинания, с помощью которых это можно воспроизвести, но у него не было «каменного сердца», удерживающего заклинания. Есть камни, которые резонируют на определенной, свойственной только данной магии частоте. Рубин резонирует с магией огня, особенно с той, что имеет отношение к красному и оранжевому свету. При наличии достаточно чистого камня нужного размера, который может меняться с помощью заклинания, возникает самоподдерживающий резонанс. Однако такой способ весьма несовершенен, вот почему магия, вселенная в предмет, через некоторое время перестает действовать. Фейру требовался идеальный рубин, пригодный для того, чтобы стать сердцем дракона.

— Казалось, все так просто, — пожаловался Фейр, и в его голосе послышалось

уныние. — В пророчестве говорится: «Великий красный даст дракону сердце и голову». Великий красный камень — это крупный рубин, каменное сердце, но он должен находиться в голове дракона на рукояти эфеса.

Фейру удалось завершить множество невероятных дел. Он пришел в Черный Курган, имея в своем распоряжении лишь туманные намеки к разгадке тайны, которые удалось добыть в лесу Эзры. Но вскоре обнаружил тайный ход, ведущий в мастерскую, и закаленные с помощью магии золотые инструменты. Фейр сумел обмануть сотни вюрдмайстеров, которые тоже находились в погруженном во тьму городе, и отыскать семь сломанных мечей, изготовленных из митрила. Он нашел записи Эзры — сокровище, за которое любой Творец отдал бы свою правую руку, только бы ему позволили взглянуть на них одним глазком. Да что там говорить! Фейр научился перековывать митрил и создал самую прекрасную подделку за всю историю человечества! Только никак не мог найти красный камень.

— Есть ли на свете хоть один кузнец, способный выполнить такую работу? — тихо спросил Антониус Уэрвел.

Фейр молча пожал плечами, но Антониус ждал ответа.

— Нет, — нехотя признался он.

Антониус бережно взял меч, и Фейр вдруг почувствовал, как на душе стало теплее. Антониус не был Творцом, но ценил мастерство других и не скрывал восхищения, которое вызывало искусство Фейра. Он внимательно рассматривал клинок, поворачивая его в разные стороны.

— Я думал, ты поставил на него свое клеймо в виде двух скрещенных боевых молотов.

На самом деле в порыве тщеславия Фейр не удержался и поставил свое клеймо рядом с эфесом. Будучи ребенком, он обожал истории об Орене Рейзине, одном из сторонников Джорсина Алкестеса. Фейр был единственным из всех известных Антониусу людей, кто умел сражаться двумя боевыми молотами, как в свое время делал Орен Рейзин. Впоследствии он отказался от этой затеи, так как гораздо проще найти человека, который обучит тебя владению мечом.

— Если мастер оставляет на оружии свое клеймо, оно уже не выглядит откровенной подделкой. Клеймо на месте, но надо знать, как его найти.

— Ты должен гордиться своей работой, Фейр, потому что создал настоящее произведение искусства.

— Без сердца дракона можно считать, что все мои труды пропали зря.

81

— Что тебя тревожит, мой повелитель? Ты уже два дня не можешь расстаться с этим камнем и все время его гладишь, — обратилась к мужу Кайде.

Солон посадил жену себе на колени и закрыл ладонями ее груди.

— Я глажу камень, только когда ты не позволяешь мне ласкать что-нибудь более приятное.

— Вот бесстыдник! — возмутилась Кайде, однако не отодвинулась. — Я говорю серьезно.

Первые дни супружеской жизни проходили в полном блаженстве, и их омрачало только присутствие магического рубина. Кайде испытывала чувство глубокого раскаяния, послав Солона в одиночку сражаться с семейством Такеда, поэтому все подготовила к свадьбе заранее. Они поженились вечером того же дня, когда Солон вернулся из похода. Кайде не захотела дожидаться весны, когда соберутся все дворяне с отдаленных островов. Императрица пригрозила, что, если ее решение обидит сетскую знать, она попросит Наездника Бури навестить и их острова.

Однако в сутках было слишком много часов, чтобы посвятить их все занятиям любовью, хотя Солон и Кайде старались как могли. Так что у Солона оставалось достаточно времени для изучения загадочного камня.

— Я упоминал о своем друге Дориане и его пророчестве, которое касается меня, — обратился он к жене.

— Что-то насчет убийства твоего брата и падения королевства?

Солон откинул назад белые волосы, на которых виднелись и черные пряди.

— «Погибнет брат-король. Два ужаса в насмешку превратятся, и смерть с надеждою столкнется, того, кто держит меч в руках и станет третьим королем. А истина сокрыта в драконьем сердце или голове, и ты владеешь ею один. В руины обратится север, и вновь из пепла он восстанет по слову твоему».

— Ну, пророчество об укрощении бури подтвердилось, — с озадаченным видом заметила Кайде.

— Можешь дальше не спрашивать. Я никогда так себя не называл и не понимаю дальнейших слов пророчества, за исключением той части, где говорится о брате-короле. Если бы я вернулся домой, то объединил бы вокруг себя дворян и остановил Седжурона, и тогда его действительно бы убили мои слова. На самом деле я служил человеку по имени Регнус Джайр; он был королем, и я любил его как брата. Я скрыл от него, что являюсь магом, а когда он об этом узнал, то исключил меня из своего окружения, и вскоре его убили. Последняя часть предсказания кажется мне полной бессмыслицей. Что касается первой, то я видел только одного короля, собственного брата, и потому решил, что Дориан просто бредит.

— С тех пор кое-что изменилось.

— Все дело в рубине, Кайде. Я никогда о нем не слышал, и отец о нем не упоминал. О нем нет никаких сведений в королевских хрониках, не считая записи, из которой следует, что он находится в сокровищнице не менее двухсот лет. Его называют сердцем дракона. Думаю, судьба человека с мечом, третьего царствующего монарха, зависит от того, передам ли я ему этот рубин.

— А что, если ты сам и есть третий король? Если именно ты — человек с мечом? Ведь ты рассказывал, что твои волосы поседели из-за меча. Возможно, на нас надвигается беда, и, чтобы с ней справиться, тебе понадобится этот рубин. Солон, ты не должен уезжать и бросать все из-за болтовни какого-то безумца. — Кайде по-прежнему сидела на коленях у Солона, и он почувствовал, как напряглось ее тело, а глаза наполнились страхом и гневом.

«Два ужаса в насмешку превратятся».

Слова вдруг обрели ясный смысл. Проклятые пророчества всегда бывают двусмысленными, и оба толкования обычно оказываются правильными.

— Кайде, — окликнул он жену, — есть такой гарнизон, он носит имя Ревущие Ветра и охраняет горный перевал между Сенарией и Халидором. Прошлой осенью мы с Дорианом там были. Большую часть времени Дориан находился без сознания, а когда приходил в себя, бормотал обрывки пророчеств и снова впадал в транс. Однажды, придя в себя, он страшно закричат и потребовал, чтобы я принес все золото, что смогу собрать. Я выполнил его просьбу, и мы вместе отправились в горы, к чахлому черному дубу. Дориан сказал, что сюда идет Хали и будет его искушать. Он предупредил, что Хали перебьет всех людей, что находятся с нами. Потом он расплавил золото и закрыл им глаза и уши, а также изготовил оковы для рук и ног, а потом попросил меня принести колья, чтобы прикрепить его к дубу. Я завернул его в одеяла и ушел. Командир отряда не внял моим предостережениям. Я хотел уйти, но не успел и попросил воинов связать меня, а потом опустошил всю свою глоре вирден. Она пришла раньше, чем воины успели завязать мне глаза и заткнуть уши.

— Хали?

Солон смотрел куда-то вдаль.

— Я видел, как люди бросаются вниз с высокой стены, а один из воинов вырвал себе глаза. А потом мне явилось видение в твоем образе. Ты была совсем как живая, и я хотел броситься к тебе, но веревки меня удержали. Кроме меня, не выжил ни один. Стражники из числа павших душ прошли по ущелью и добили всех раненых. На меня упал залитый кровью труп, когда я читал молитву, поэтому я и спасся, а иначе меня постигла бы та же участь.

— Какому богу я должна приносить жертвы за твое спасение?

— Боги не имеют к моему спасению никакого отношения. Случайное стечение обстоятельств. Просто ленивый солдат не очистил от крови свой меч в морозную погоду и не смог его вытащить из ножен в нужный момент.

— Поскольку именно в этот момент ты молился, то точно произошло совпадение, — согласилась Кайде.

— Вот именно, — откликнулся Солон — голос прозвучал грубее, чем хотелось. — В этом-то и состоит суть совпадений. Однако, как бы там ни было, когда я подошел к черному дубу, Дориана там не оказалось. Он исчез. Его следы вели в сторону Халидора, но я не смог последовать за ним, потому что должен был увидеть тебя. Все остальное не имело никакого значения. Я нанялся на судно к капитану, который совершал последний в этом году рейс в Хоккай.

— Вот почему ты веришь пророчествам Дориана, — задумчиво произнесла Кайде.

— Этот рубин и есть сердце дракона, а я сам — второй король. А третий король умрет или останется жить в зависимости от того, как я поступлю с камнем.

— А что означают слова о двух ужасах? — тихо спросила Кайде.

— Мой ужас перед Хали и страх сказать правду. Второй страх стоил жизни Регнусу Джайру. Сейчас я чувствую себя так, будто мне дали второй шанс, во-первых, чтобы поговорить с тобой, а во-вторых, чтобы еще раз встретиться лицом к лицу с Хали. Что касается севера в руинах, который возродится по моему слову… Знаешь, Кайде, у меня что-то надломилось внутри. Я думал, после женитьбы на тебе это ощущение пройдет, и я не могу выразить словами своего счастья. Если б ты знала, как я хочу остаться с тобой навеки, но какая-то частица моей души постоянно нашептывает, что я трус.

— Это ты-то трус?! Ты, Наездник Бури, покоривший северные моря! Ты в одиночку подавил бунт семьи Такеда и бросил вызов самой богине. Как можно называть тебя трусом?

— Дориан нуждался во мне, когда отправился в Халидор, и, возможно, погиб, потому что я с ним не пошел. Регнус умер из-за того, что я не отважился сказать, кем являюсь на самом деле. Если пророчество правильное, то я должен молвить свое слово, спасти чью-то жизнь, и тогда смогу возродить свою душу.

— Думаешь, этого достаточно? — В глазах Кайде светилась тревога. — А вдруг выяснится, что тебе придется сделать еще что-нибудь, чтобы твой внутренний голос замолчал и ты понял, что он лжет? Неужели ты и дальше намерен доказывать свою доблесть и отвагу, пока они тебя не убьют?

— Я уже исполнил самую трудную часть пророчества, поведал тебе правду. — Солон нежно поцеловал жену в лоб. — И не уйду, пока ты не дашь свое благословение. Кайде, вся моя верность и преданность принадлежат тебе одной.

— Любимый, я никогда не благословлю тебя на смерть.

Глаза Кайде наполнились слезами, она не скрывала горя. Солон мужественно выдержал ее взгляд, потом отбросил рубин в сторону.

— Тогда я остаюсь, — решительно заявил он.

Кайде повернулась у него на коленях и уселась, широко расставив ноги. Она взяла в руки лицо мужа и посмотрела ему в глаза.

— Пожалуйста, никогда больше не проси меня об этом, — проговорила она.

— Не буду.

В этот раз любовь Кайде была такой неистовой, что Солон долго не мог прийти в себя. Даже в минуту наивысшего наслаждения, когда зрачки расширились от страсти и Кайде впилась ногтями ему в плечи, она не издала ни звука и не отвела взгляда от его глаз. Потом она прильнула к Солону, сотрясаясь от рыданий, и пот смешался на его груди со слезами, но Кайде так и не произнесла ни слова.

— Не знаю, следовало ли мне выходить за тебя замуж, — с сомнением в голосе сказала Дженин. — Похоже, я совершила ошибку.

Они сидели в огромной карете короля-бога, которая направлялась в Черный Курган. Дориан не рискнул оставить жену в Халидоре, несмотря на многочисленные опасности, которые подстерегали их в пути, не говоря уже о предстоящей битве. В Халирасе велика вероятность заговора, который отнимет у него Дженин. В случае чего Дженин была единственным человеком, которому Дориан полностью доверял.

— Ведь ты меня любишь, — возразил он. — Знаю, что любишь.

— Люблю, — согласилась Дженин. — Я тебя уважаю и с удовольствием провожу время в твоем обществе. Ты замечательный, очень честный человек. Да, ты великий человек…

— Но?.. — спросил Дориан бесцветным голосом.

— Но все совсем не так, как было с Логаном. — Дженин торопилась высказать все, что накопилось на душе. — Понимаю, что несправедливо сравнивать тебя с покойником. Может быть, я сохранила в памяти все самое хорошее о нем, потому что его нет в живых. И еще я понимаю, что всякий раз любовь может быть разной. Может быть, я влюбилась в Логана, как наивная девчонка, а любовь взрослой женщины зреет медленно и сама себя защищает. Не знаю, как это все происходит, Дориан, иногда я чувствую себя совершенно опустошенной. Возможно, мне следовало повременить.

«Я пропитан фальшью и ложью», — подумал Дориан.

Что он может сделать? Сказать Дженин правду? Отправить ее в Сенарию, к какому-то князьку, которого она не успела даже как следует узнать? Вместе с Дженин они изменяют жизнь королевства, несут свет на эту погруженную в вечный мрак землю. Что может дать Логан в сравнении с этим великим делом? Почему любовь Логана ценится выше его собственного чувства?

Любовь Дженин рост и крепла с каждым днем. Она станет еще сильнее, когда жена поймет, что беременна их ребенком. Дориан уже знал о беременности Дженин. Он увидел это в минуты безумия, которые накатились на него на поле боя, и никому не доверял свои видения. Но через несколько дней он снова посмотрел на Дженин и убедился в своей правоте. Правда, она беременна не близнецами, как ему привиделось, а одним ребенком, мальчиком, их сыном. Может быть, в следующий раз у них родятся близнецы? Дориан выжидал удобный момент, чтобы сообщить жене радостную новость, однако подходящего случая так и не представилось.

Он по-прежнему проводил большую часть времени с Дженин. Теперь они занимались любовью реже, так как Дориану приходилось посещать гарем. Впрочем, если Дженин и испытывала ревность, ответные чувства наложниц стали ей неожиданной наградой. Дориан сообщил, что своей жизнью женщины обязаны ей, и зависть и ненависть, которые наложницы обычно испытывают к соперницам, не устояли перед благородством Дженин. Вместо озлобленных, поверженных соперниц Дженин обрела в их лице сестер и больше не чувствовала себя одинокой.

Такова жизнь, она не идеальна, и Дориан с Дженин сделали все, что смогли. Такова цена за то, чтобы называться королем-богом. Если бы они с Дженин убежали, кто-то из вюрдмайстеров стал бы править Халидором с еще большей жестокостью, чем отец Дориана. В отношениях каждой пары, в любом супружестве всегда где-нибудь да скрывается маленький обман. Дориан — повелитель, который принимает решения и делает выбор за других людей, потому что владыка знает то, что неизвестно простым людям. Таково бремя власти. Дориан взвесил все возможности, которые стояли перед Дженин, и сделал за нее выбор.

— Прости, что выплескиваю на тебя свои сомнения, когда у тебя и так полно других забот, но, когда мы вступили в брак, я дала слово, что никогда не стану тебе лгать. А мое молчание было сродни лжи. Прости. Я сделала свой выбор и вышла за тебя замуж. И я действительно тебя люблю. Просто очень тяжело все время чувствовать себя взрослой. Ты

оказал мне честь, сделав своей королевой, а я веду себя как глупая девчонка. Прости, что так тебя разочаровала.

— Разочаровала? — возразил Дориан. — Да ты справилась с задачей лучше, чем я мог себе представить. Знаешь, как я горжусь тобой, Дженин? Я люблю тебя больше всего в жизни. Понимаю, ты сбита с толку. В этой стране кто угодно придет в замешательство, и я понимаю твои сомнения. Мы женаты два месяца, и ты поняла, что должна нести это бремя до конца жизни, и испугалась. Да, конечно, мне немножко больно, но наша любовь достаточно крепка, чтобы устоять перед ударами судьбы, и пара царапин не причинит ей вреда. Спасибо, что была со мной откровенной. Иди ко мне, любимая.

Они обнялись, и Дориан почувствовал безграничное облегчение жены. Ему хотелось, чтобы Дженин передались его неуверенность и колебания, чтобы она спросила, что его тревожит. И если бы Дженин спросила, он рассказал бы ей о Логане и признался бы во всем.

Вскоре Дженин высвободилась из объятий, и Дориан позволил ей уйти, так и не воспользовавшись подходящим моментом, чтобы облегчить душу.

— Я люблю тебя, Дориан, — проговорила перед уходом Дженин, глядя мужу в глаза и ничего в них не видя.

— И я тебя люблю, Дженин.

«Господи, я так и не могу назвать ее Джени, а почему?»

Кайлар медленно открыл глаза. Во рту сохранился противный привкус, как будто туда напихали ваты, а все тело ломило от долгого лежания на стволе поваленного дерева. Он сел, пошевелил челюстью, потом дотронулся рукой до щеки в том месте, где Дарзо размазал яд. Молодая кожа была нежной и тонкой, но шрамов на лице не осталось. Как всегда, старый мерзавец оказался прав.

Над лесом поднимался рассвет. Кайлар хотел уже громко выругаться, как вдруг почувствовал что-то странное. Он вдохнул воздух полной грудью и медленно выдохнул, чтобы стряхнуть с себя оцепенение. В этот утренний час в лесу не было ни одного живого существа, и Кайлар не знал, что думать. То ли все птицы улетели в теплые края, а белки погрузились в спячку, то ли причина крылась в чем-то ином, и эта неизвестность таила в себе угрозу. Не спеша он принялся разминать мышцы ноги спины, проверяя, не сведет ли их судорогой при внезапном резком движении, потом принялся внимательно изучать лес. Кайлар повернул голову, и отросшая щетина прошуршала по воротнику рубашки. Судя по ее длине, он пролежал без сознания всего одну ночь.

В лесу вроде не происходило ничего особенного, не раздавалось ни одного подозрительного звука. Кайлар привык полагаться на реакцию своего тела и немного успокоился. Среди огромных дубов тихо вздыхал ветер, слушая секреты, которые нашептывали последние оставшиеся на ветвях листья, и все же что-то настораживало Кайлара. Последние сомнения исчезли. Он инстинктивно протянул руку за ка'кари, чтобы тот укрыл его второй кожей, превращая в невидимку, но ка'кари куда-то исчез. Кайлар пошарил в рукавах, проверяя кинжалы, а потом стал всматриваться в лесную чащу.

Вдруг что-то похожее на порыв ветра пронеслось над макушкой.

Кайлар быстро отпрыгнул в сторону, успев вонзить нож в ствол дерева у себя над головой. Перекувырнувшись, он вскочил на ноги и отпрыгнул назад шагов на десять, не выпуская из рук кинжалы.

— Я всегда с удовольствием наблюдал, как ты прыгаешь, — тихо рассмеялся Дарзо.

Он, словно паук, вцепился в дерево, на котором спал Кайлар.

— Ах ты, старый мерзавец! Где ка'кари? Что ты успел натворить?

Дарзо только смеялся.

— Верни ка'кари! — потребовал Кайлар.

— Не торопись, всему свое время.

— Какого черта я тебя прошу, когда стоит мне протянуть руку и он вернется?

Кайлар вытянул руку, намереваясь призвать ка'кари.

— Не смей! — рявкнул Дарзо.

От неожиданности Кайлар так и застыл на месте с протянутой рукой.

— Охотник ведет ночной образ жизни, — принялся объяснять Дарзо. — У него нюх лучше, чем у любой ищейки. При этом он обладает удивительно тонким слухом и острым, как у орла, зрением, которое не подводит, даже когда он бежит на полной скорости. Если я правильно рассчитал, у тебя есть время до наступления темноты, а потом он начнет за тобой охотиться.

— Как же это… — растерялся Кайлар.

Освободив одну руку, Дарзо вынул из-за спины черный меч и швырнул его Кайлару.

— Ни в коем случае не снимай ка'кари с Кьюроха. Любой предмет магии, попавший в лес Эзры, отмечен особой печатью. Он имеет свой запах, и, когда его вынесут из леса, Охотник пойдет по следу и непременно его найдет. Ка'кари может замаскировать запах, но я не представляю, как его уничтожить за то время, что у меня осталось. Учти, как только ты снимешь ка'кари с Кьюроха, тут же явится Охотник. Не знаю, как быстро он бегает, только если тебе понадобится воспользоваться Кьюрохом, сними с него ка'кари, сделай свое дело и удирай со всех ног. Возможно, у тебя в запасе несколько минут или часов, но в любом случае Охотник не заставит себя долго ждать. Он не остановится ни перед чем, только бы заполучить меч.

Дарзо в очередной раз спас Кайлару жизнь. Кайлар понимал, что его шансы попасть в лес Эзры ничтожно малы, а вероятность добыть Кьюрох и вернуться назад еще меньше. Дарзо тоже это прекрасно знал. Верный своей обычной манере, Дарзо ни единым словом не выказал своей привязанности к ученику, а, как не раз случалось прежде, доказал ее на деле.

— Старый мерзавец! — нарочито грубо буркнул Кайлар, но по глазам и по тону, каким он произнес эти слова, было понятно, как велика его благодарность учителю.

— Могу поделиться с тобой магией. Если не будешь слишком усердствовать, доберешься до леса вовремя, и у тебя еще останется достаточно сил для сражения. Я отправляюсь в Сенарию, и это собьет Охотника с толку, так как ему придется вести преследование по двум противоположным направлениям. Думаю, это поможет. Береги силы и не растрачивай их понапрасну, как в тот раз, когда тебе дала силу сестра Ариэль. Понял?

— Понял, — откликнулся Кайлар.

Так вот почему Дарзо словно приклеился к дереву. Так гораздо труднее напасть на его след, а кроме того, Кайлар не без оснований подозревал, что на земле расставлено множество различных ловушек.

Дарзо еще не закончил наставления.

— Послушай, Кайлар, — обратился он к ученику, — раз уж Кьюрох в лесу Эзры, Неф не преминет воспользоваться Иуресом, чтобы разрушить заклинания Джорсина и Эзры, наложенные на Черный Курган. Поэтому рассказ Элены о титане звучит вполне правдоподобно. Это также означает, что ты намерен забрать вещь, которую Неф страстно желает заполучить для себя. Если он отберет у тебя Кьюрох, то сможет разрушить весь мир. Я не преувеличиваю. В течение семи столетий я делал все возможное, чтобы наделенные такой страшной силой артефакты не попали в руки людей без чести и совести. Если ты не справишься с задачей, Неф уничтожит все, что мне удалось создать за семьсот лет.

— Твое доверие ко мне так велико? — удивился Кайлар.

— Подойди ближе, — поморщился Дарзо, — ты понапрасну теряешь драгоценное дневное время.

Кайлар подошел к учителю.

— Когда Джорсин Алкестес доверил мне это дело, он взял с меня клятву, которая, но его утверждению, насчитывает столько же лет, как сами ночные ангелы. Если хочешь, послушай. — Дарзо выпрямился, и его голос зазвучал глубоко и проникновенно. Кайлар понял, что учитель вспоминает своего друга, короля Джорсина Алкестеса. — Я — Са'каге, властитель теней. Я заявляю о своей власти над ним и, которой нет у сумрака. Я — надежное орудие спасения, Призрак триединый. Я — весы правосудия, я — тот, кто защищает все

невидимое для глаз. Я — повелитель теней и зовусь Безымянным. Коранти не уйдет от наказания. Мой путь тернист и труден, но нет силы, что сломит меня. Среди простолюдинов и знати, в бесчестье и почете, во тьме и при ярком свете я буду вершить правосудие, и возлюблю милосердие, и не сложу возложенного на плечи бремени до возвращения настоящего короля.

— И кто этот король? — не понял Кайлар.

— Клятвы давать нелегко, — усмехнулся Дарзо. — А выполнить — еще труднее.

— Именно такой должна быть Са'каге, как сказано в клятве.

— Са'каге всегда состояла из головорезов и убийц, но иногда, подобно бриллиантам в куче дерьма, там встречались мерзавцы, которые преследовали благородную цель.

— Благодарю за красочное описание.

— Ты повторишь слова клятвы? — спросил ученика Дарзо.

— Ты заставил меня взяться за дело, смысл которого я не совсем понимаю.

— Малыш, мы все время беремся за дела, которые нам не совсем понятны.

— Я-то думал, ты потерял веру во все на свете, — удивился Кайлар.

— Речь идет не о моей вере, а о твоей.

Дарзо, как всегда, уклонился от прямого ответа. Понятно, порядочный человек не станет просить человека поклясться своей жизнью ради кучи дерьма. Сейчас Дарзо вернулся к разговору о судьбе Кайлара, который они начали еще несколько месяцев назад. Избрав жизнь во мраке, по ту сторону Тени, Кайлар избежит самого большого искушения, которое предлагает черный ка'кари, искушения властвовать над другими людьми. Сила ка'кари превратила его в существо, почти равное богу, и всегда существовала опасность, что он превратится в того, против кого должен бороться. Дарзо не рискнул наделить себя такой огромной силой, так неужели Кайлар считает себя более достойным человеком, чем его учитель?

Человек, который служит теням, видит многое, что недоступно для зрения самого мудрого короля. Тот, кто исполняет свой долг в окружении низости и подлости, среди отбросов общества, видит пороки, скрытые от людей, наделенных властью. От Дарзо Блинта никто ничего не скрывал, не считая своего страха перед этим человеком.

Клятвы ночного ангела недостаточно, чтобы определить судьбу, но она может стать началом достойного пути.

«Для чего я живу? В чем мое предназначение?»

Многое оставалось для Кайлара непонятным, однако он твердо знал, что жаждет справедливости. Находясь на службе у сумрака, имея глаза, способные видеть сквозь тьму, будучи своим в мире теней, он мог вершить правосудие над теми, кому удалось ускользнуть от праведного суда. А те, к кому судьба повернулась спиной, сочтя недостойным милосердия, обретут утешение и награду, на которые не могли и рассчитывать. Все, кого нужно остановить, будут остановлены. Лица ночных ангелов стали лицом Кайлара. Да, он будет вершить правосудие и возлюбит милосердие.

— Я дам клятву, — решительно сказал Кайлар.

Дарзо поморщился, знаком подозвал Кайлара к себе и положил ему руку на лоб. Кайлар стал читать слова клятвы по памяти, а Дарзо только усмехался, как будто хотел спросить: «Ну что, хорошо я тебя обучил?» Когда Кайлар закончил, глаза Дарзо потеплели, а лицо приняло торжественное выражение, и он заговорил на незнакомом языке: «Ch'torathi sigwye h'e banath so sikamon to vathari. Vennadosh chi tomethigara / Horgathal mu tolethara Veni, soli, fail, deachi / Vol lessara dei». Дарзо убрал руку с его лба, глаза учителя стали удивительно ясными, и впервые за все время их знакомства Кайлар увидел в них умиротворение.

— Что это за слова? — спросил Кайлар.

Что бы они ни означали, Кайлар вдруг почувствовал, как его переполняет неведомая сила, которая действовала более мягко, чем та, что он получил от сестры Ариэль, но и более основательно.

— Это мое благословение, — усмехнулся Дарзо, не скрывая злорадства по поводу того,

что благословил ученика на языке, которого тот не знает.

Он знал способности Кайлара и не сомневался, что тот сохранит в памяти все слова до тех пор, пока не овладеет странным чужим языком, на котором их произнесли. Но Дарзо не собирался посвящать ученика в свои мысли и, усмехнувшись, проговорил:

— А теперь убирайся ко всем чертям. Мне еще по деревьям карабкаться.

83

Логан и Лантано Гаруваши вместе со слугами стояли на вершине уцелевшей башни, охраняющей вход в ущелье, и внимательно изучали участок земли, который вскоре превратится в поле боя. Огромный купол Черного Кургана и темное мертвое пятно вокруг него остались за тысячи миль отсюда, на противоположном берегу реки Гувари. Логан повсюду находил чудеса. До того как Джорсин Алкестес похоронил Трэйетелль под Черным Курганом, он был одним из самых великих городов в мире, где чудеса являются делом обычным. К востоку находилось озеро Рюэль, которое прокляли в глубокой древности. Плотина по-прежнему стояла на месте, питая реку Гувари не через шлюзовые ворота, находившиеся спереди и закрытые в течение многих лет, а через верх самой плотины. Давно сломанные многочисленные затворы обеспечивали проход океанских судов в город. Когда-то не менее десяти мостов соединяли берега реки, но все они разрушились, за исключением двух, находившихся у самой дамбы, — Воловьего и Черного мостов.

Башня, на которой стояли Логан и Гаруваши, охраняла вход на Воловий мост. С нее открывался вид на раскинувшееся позади ущелье и на ступенчатые склоны горы Тержин, которая находилась на юго-западе. Одним словом, отсюда было видно все, за исключением окраин Черного Кургана. Глядя на склон горы и пустое пространство у подножия, которое прозвали Большим рынком, Логан сделал неожиданное открытие. Раньше он считал, что под куполом Черного Кургана похоронен весь Трэйетелль, но, оказывается, Джорсин заключил туда только самое сердце города, который раскинулся на многие мили в разные стороны. Если Логан правильно оценил размер Трэйетелля, то по величине и населенности с ним не мог соперничать ни один город в мире.

— Сегодня вечером наши воины должны перейти через Воловий мост, — заявил Гаруваши. — Чтобы переправить на ту сторону тридцатитысячную армию, уйдет около четырех часов. Маркитантам придется переправляться в темноте.

— Переправляться? — удивился Логан. — Да ты видел армию Уонхоупа? У нас двадцать шесть тысяч воинов, половина из которых прежде не участвовала ни в одном сражении. А у Уонхоупа двадцатитысячная армия да еще десять тысяч горцев. Прибавь к ним две тысячи майстеров, каждый из которых стоит дюжины солдат. Ты предлагаешь нам сражаться, повернувшись спиной к реке? Нет. Мы охраняем мосты и отправим своих воинов на Большой рынок, если Уонхоуп вздумает перейти реку вброд в этом месте. Посмотрим, как сражаются его солдаты, стоя по пояс в воде. В случае необходимости мы можем постепенно отступить в ущелья.

— Твой план рассчитан на проигрыш. Неужели ты собираешься проиграть? — изумился Лантано Гаруваши. — Это безумие! Мы перейдем через мост и разрушим его за собой. Из людей, оказавшихся в безвыходном положении, получаются самые лучшие воины. Если оставить им путь к отступлению, они обратятся в бегство, особенно твои новобранцы. Предоставь им единственный выбор: умереть или победить, — и они станут сражаться почти так же доблестно, как са'кьюраи.

— Противник превосходит нас числом; кроме того, в нашем распоряжении всего четыре мага. Понимаешь, четыре!

— Число не имеет значения. Каждый са'кьюраи стоит сотни воинов. Мы пришли сюда, чтобы победить.

За спиной Логана и Гаруваши послышались одобрительные возгласы са'кьюраев.

— Я подарю вам победу, — заверил Логан.

— Нам ничего не нужно дарить! — возмутился Лантано Гаруваши.

— Да нет, ты не понял. Сегодня ночью под покровом темноты я пошлю десять тысяч воинов на запад, вниз по реке. Мои разведчики фейри докладывают, что в нескольких милях вниз по реке есть переправа. А в десяти милях вниз по течению находится Рейгухас. Это небольшой городок, но через него проходят все запасы продовольствия армии Уонхоупа, и его хорошо обороняют. Вместе с десятью тысячами воинов отправятся четыре наших мага, и они смогут захватить Рейгухас еще до рассвета. Если удастся лишить армию Уонхоупа продовольствия, то ночью обратятся в бегство его воины.

— Они заметят десять тысяч наших солдат, когда те двинутся на запад, если только ты не прикажешь им идти в темноте и не зажигать огней.

— Факелы будут видны только в самом начале пути, а потом между моими воинами и халидорцами встанет густой лес. Все будет выглядеть так, будто воины ходят по лагерю среди походных костров.

Гаруваши некоторое время хранил молчание, потом в сердцах сплюнул на землю.

— Будь по-твоему, сенариец. Но тысяча са'кьюраев отправится вместе с твоими воинами, чтобы принять участие в захвате города. Са'кьюраи никому не уступят своей славы.

«Итак, начало положено, и пути назад нет».

84

После полудня Дориан держал совет с военачальниками, когда вдруг почувствовал первые признаки накатывающегося безумия.

— Хватит, — прервал он доклад генерала Наги. — Приказываю проверить неприступность наших позиций, чтобы враг даже не посмел к нам сунуться. Пусть почувствуют нашу силу. А сейчас мне нужны более подробные сведения о численности отрядов Мобуру. Известно, что у него есть две тысячи кралов. А сколько у него людей? И где, черт возьми…

Перед глазами Дориана во вспышке света предстала сама Хали. Она поднималась из земли, сияя безупречной красотой и победоносно улыбаясь. Богиня обрела телесную оболочку. Зал, где проходил военный совет, куда-то пропал, и осталась одна Хали, в сиянии своего могущества, а вокруг нее поднимались черные полчища кралов.

— Где, черт возьми, Неф Дада? — услышал Дориан чей-то голос. Он не видел говорящего, но сразу понял, что это Дженин. — Его святейшество приказывает узнать, где он. Он ждет отчета сегодня вечером. А сейчас убирайтесь.

Дориан моргнул, и видение исчезло. Генерал Нага откинул полотнище, закрывающее вход в палатку, но вдруг остановился и оглянулся. Встретившись глазами с Дорианом, он, похоже, немного успокоился.

— Королева озвучивает мои мысли, — пояснил Дориан. — Вас это смущает?

— Никоим образом, ваше святейшество. Я явлюсь с докладом, когда получу необходимые сведения.

Он низко поклонился и вышел из палатки.

Оставшись наедине с Дженин, Дориан облегченно вздохнул. Жена взяла его за руку и села рядом.

— Я должен воспользоваться тем, что знаю, — стал оправдываться Дориан.

— Всякий раз, когда ты используешь свои знания, остановиться все труднее.

Дориан понимал, что Дженин права, однако, оказавшись лицом к лицу с вражескими армиями, он вынужден призвать на помощь свой дар, чтобы не привести страну к катастрофе. Что касается военных действий, он сделал все возможное, чтобы воспрепятствовать наступлению сенарийцев, однако люди Нефа и воины Мобуру находятся где-то рядом, и с его стороны было бы весьма опрометчиво не воспользоваться даром и не заглянуть в будущее, чтобы узнать пути, которые предначертала судьба.

Он изучал свой дар глазами целителя и в конце концов понял, почему пророчество

проще начать, чем остановить. Вир силой прокладывал новые каналы по всему *таланту* и проник в пророческий дар. И теперь его магия и все пророчества идут не обычными, предназначенными для них путями, а продираются по щупальцам вира, которые толще обычных каналов, а значит, пройти через них легче. Вполне возможно, что таящаяся в вире зараза перекинулась на дар Дориана в форме причудливых видений, наподобие тех, в которых перед ним предстали пришельцы и жена, беременная двойней. Однако сейчас помочь ничем нельзя. Совсем скоро ему останется призывать на помощь один только *талант*.

— Я люблю тебя, — обратился Дориан к жене.

— И я тебя люблю, — откликнулась Дженин.

Она держала в руках перо и пергамент, чтобы записывать каждое слово мужа, на случай если он потом не вспомнит, о чем говорил.

А потом накатила волна безумия. Дориан изо всех сил старался удержаться на грани реального мира и рассказать о том, что видит, но захвативший его поток был слишком мощным и неистовым. Он увидел титана, поднимающегося из Черного Кургана, а потом его вдруг отшвырнуло на пятнадцать лет назад, в прошлое, в Торрас-Бенд. Там Дориан встретился с Фейром. Тот стоял в кузнице и приказывал юному ученику принести дров. Затем его отбросило еще на сотню лет назад, в Трэйетелль, который под действием неведомой магической силы отстроился заново. Там что-то праздновали, и на улицах проходил пышный парад. Вдруг он оказался в мерзкой Утробе, лихорадочно решая, как спасти Дженин: броситься вместе с ней в Дыру или пробивать себе дорогу с боем. Вся дальнейшая судьба зависела от его выбора. Да нет же, черт возьми, он смотрит в прошлое, а оно сейчас совсем не нужно.

— Нидора?! Одриан?! — донесся до ушей голос, выкрикивающий его имя, но он был таким далеким.

Кроме того, Дориан еще так ничего и не узнал. Голос превратился в шепот, а потом совсем затих.

Дженин отодвинула ширму, которая отгораживала трон Дориана от остальной части шатра. Он по-прежнему что-то невнятно бормотал.

— Дориан! — снова позвала она шепотом мужа, но король-бог лаже не пошевелился. Задернув ширму, она крикнула в сторону двери: — Заходите, генерал Нага!

Генерал уже больше минуты стучал в дверь, прося разрешения войти.

— Ваше величество, — обратился он к Дженин, бросая подозрительный взгляд в сторону задернутой ширмы, — примите мои извинения, но мы получили донесение лазутчика и должны ознакомить с ним его святейшество.

— Его святейшество в данный момент нельзя беспокоить, — возразила Дженин.

— Мне думается, дело требует немедленных ответных мер.

Дженин многозначительно подняла брови, давая генералу понять, что он позволяет себе непростительную грубость.

— Ознакомьте меня с донесением, — приказала она.

Генерал Нага медлил, открыв от изумления рот. Ему претила мысль отчитываться перед женщиной, которая по возрасту годится ему в дочери, однако благоразумие взяло верх, и Нага закрыл рот, открыв его снова лишь для того, чтобы ознакомить супругу короля-бога с донесением шпиона.

— Ваше величество, разведчик сообщает, что сенарийцы и кьюрцы собираются перекрыть дороги, по которым нам подвозят продовольствие. Они рассчитывают захватить город Рейгухас и собираются под покровом ночи тайно послать туда десять тысяч человек. Король Сенарии сказал…

— Какой король Сенарии? — перебила его Дженин.

Ее вопрос застал генерала врасплох, но он быстро пришел в себя.

— Простите мою ошибку, я имел в виду короля Кьюры. Он сказал, что когда мы сегодня ночью увидим факелы, то решим, что это воины ходят между походных костров.

Честно говоря, мы сможем их наблюдать лишь на коротком участке пути. Королева Сенарии… Простите, ваше величество, я еще не привык к такому большому количеству королев. Так вот, королева Сенарии согласилась с его планом.

Генерал Нага закончил речь и нервно сглотнул.

— Вы доверяете своему разведчику? — спросила Дженин.

Она сама не знала, что сильнее: желание, чтобы Дориан пробудился и принял решение вместо нее, или страх, что он проснется с ужасным криком, как и случалось в последнее время.

— Полностью доверяю, ваше величество, — заверил Нага.

— Если мы дождемся момента, когда увидим движение факелов, успеют ли наши воины добраться до Рейгухаса и защитить город? — обратилась Дженин к генералу.

— Вряд ли удастся это сделать.

— Тогда отправьте туда пятнадцать тысяч воинов прямо сейчас, а если ночью никакого движения факелов не будет замечено, мы пошлем вслед всадников, которые вернут войско назад.

— Пятнадцать тысяч? — удивился генерал Нага. — Пяти тысяч вполне достаточно, чтобы защитить Рейгухас, сохраняя наше численное преимущество здесь.

Наверное, он прав, и Дженин доверилась бы его опыту, если бы здесь шла война. Но в том-то и дело, что войной это не назовешь, ведь в роли противника ее соотечественники. Увидев пятнадцатитысячное войско, обороняющее город, сенарийцы откажутся от мысли взять его штурмом, посчитав ее безнадежной затеей. Таким образом, Дженин спасет жизни людей в обеих армиях, а завтра, прежде чем прольется кровь, можно направить к сенарийцам своих послов.

— Я сказала, пятнадцать тысяч, генерал. Разумеется, если вы успели привыкнуть к своей королеве и поняли приказ.

По лицу генерала Наги пробежала тень сомнения, но уже в следующее мгновение он резко кивнул и вышел из шатра. Дженин показалось, что сделал он это с чувством облегчения.

Наступила ночь. Логан и Гаруваши снова встретились на вершине башни, на сей раз без свидетелей, оставив телохранителей на лестнице, чтобы те не смогли подслушать разговор. Они наблюдали за вереницей са'кьюраев, которые, держа в руках факелы, направлялись вниз по течению реки. Логан повернулся и принялся изучать тысячи огней от походных костров, зажженных на равнине вокруг Черного Кургана. Халидорская армия и горцы разбили лагерь за пределами территории, покрытой трупами, которая окружала Черный Курган и называлась Мертвой землей.

— Думаешь, план сработает? — обратился Логан к Гаруваши.

— Уонхоуп — чародей, а не воин, — ответил Лантано Гаруваши. — Думаю, он поверит каждому слову своего лазутчика.

На самом деле Логан послал на запад десять тысяч человек, но только до того места, где лес укроет их от взоров халидорцев. Затем воинам велели погасить факелы и вернуться в лагерь. Логан понимал, что такой приказ вызовет недовольный ропот. Воины не понимают, зачем их собираются гонять по кругу, а объяснить ничего нельзя, так как среди них могут находиться шпионы Уонхоупа. В это время тысяча са'кьюраев Гаруваши продолжит двигаться на запад. Они перейдут вброд реку и тайно вернутся обратно. Облачившись в пропитанную грязью одежду, проползут по Мертвой земле, а когда взойдет солнце, улягутся в тени, смешавшись с трупами, и сами притворятся мертвыми. Им предстоит проделать долгий путь вокруг Черного Кургана. Гаруваши подсчитал, что они доберутся до места за две ночи, а потом либо по его сигналу, либо когда подвернется подходящая возможность, они поднимутся и, взяв оружие, атакуют шатры командиров вражеской армии. Если шпионы Мамочки К. сказали правду, там находится Дженин, а если нет, все равно удастся убить нескольких военачальников Уонхоупа или даже самого божественного повелителя.

Несмотря на самоубийственность задачи, недостатка в добровольцах не ощущалось. Из числа сенарийцев выбрали только сотню Псов Агона, в прошлом опытных воров, грабителей и взломщиков, а также нескольких чародеев-лучников с иммурскими луками.

Агон и Гаруваши твердили Логану, что решающую роль играют правильный расчет времени и согласованные действия, и были совершенно правы. Тысяча воинов являлась цветом армии, и, если завтра Уонхоуп разделит свои силы и направится туда, где его ждут, победа окажется в руках у Логана и Гаруваши. Тысяча ветеранов сможет превратить отступление халидорцев в паническое бегство.

— Разведчики фейри доносят, что кьюрскую армию, которая следует за нами, ведет сам регент, — тихо сказал Гаруваши. — Когда ему станет известно, что у меня больше нет меча, я буду вынужден покончить с собой. Моим людям предложат совершить самоубийство вместе со мной или немедленно вернуться в Кьюру.

— И как далеко он от нас? — сдавленным голосом спросил Логан.

Теперь он понял, почему Гаруваши настаивал, чтобы послать на Мертвую землю именно са'кьюраев. Он оказывал услугу Логану. Находясь вдали от командования, са'кьюраи не узнают о позоре своего предводителя и продолжат сражение.

— Они прибудут завтра вечером.

— Можно их остановить в ущельях, там есть узкие тропинки…

— Он ведет с собой двадцать тысяч са'кьюраев, и мои люди не поймут, зачем понадобилось сражаться с регентом, который всего лишь хочет взглянуть на Небесный меч. Даже не будь регента, они ждут, что я поведу их в бой. Сегодня моя последняя ночь.

Логан и Гаруваши быстро оглянулись, услышав на лестнице покашливание. Вошедший отличался почти таким же могучим сложением, что и Логан. Он был чуть ниже ростом, но выглядел настоящим богатырем. Жирок на его теле не скрывал твердых, как камень, мускулов.

— Возможно, ты ошибаешься, мой господин, — сказал Фейр, опустив голову. — Думаю, ни у кого из вас нет крупного рубина.

Логан и Гаруваши посмотрели друг на друга, и король увидел, как в глазах са'кьюрая загорелась слабая искорка надежды. Логан не сомневался, что этот человек, если придется, не задумываясь наложит на себя руки, но Гаруваши страстно любил жизнь.

— Разумеется, нет, я прав? — повторил вопрос Фейр. — Черт возьми, надеюсь, мы сможем найти человека, который умеет создавать иллюзии. — Великан шагнул вперед и, развернув сверток, который держал в руках, вынул меч. — Мой господин, я дарю тебе Кьюр'келестос.

85

За час до рассвета Ви, вместе с тремя сотнями самых крепких женщин-магов, прошла через западную развилку ущелья. К сожалению, физически крепкие женщины не относились к числу самых талантливых магов. Путешествие заняло гораздо больше времени, чем предполагалось. Поход в компании восьми тысяч женщин, большинство которых достигли среднего возраста и непременно хотели поделиться своими соображениями с окружающими, превратился для Ви в настоящий кошмар. Основная часть прибудет в течение дня, но довольно большая группа доберется до места только завтра, а то и послезавтра. Несмотря на то что женщины-маги выглядели гораздо младше своих лет, восьмидесятилетний и девяностолетний возраст давал о себе знать, и дамы не торопились. Ви ловила себя на мысли, что она отдала бы все на свете, лишь бы до конца дней не видеть ни одной представительницы женского пола.

После препираний с часовыми, которые сразу же прекратились, когда Ви силой *таланта* подняла обоих мужчин над землей и хорошенько тряхнула, Ви проводили к королю Джайру, который сидел в окружении воинов, вселяя своим присутствием бодрость. Когда Ви подошла ближе, Логан завязывал кожаные ремешки на оплечье лат у молодого

кавалериста. Ви тихонько кашлянула, и Логан оглянулся.

Она, разумеется, много слышала о Логане Джайре, но его внешний вид поразил девушку. Ви в жизни не встречала такого высокого и пропорционально сложенного мужчины. В белых доспехах, покрытых эмалью, с золотой эмблемой в виде кречета, разрывающего распростертыми крыльями круг, он казался сказочным молодым королем, который ведет в бой свое войско. Логан держался очень прямо; он знал, что на него устремлены все взоры, но не кичился этим. Внимание Ви привлекло его правое предплечье, которое выделялось и казалось ярче левого.

— Моя госпожа, — обратился к ней с поклоном Логан, — чем могу служить?

— Меня зовут Ви Совари из Часовни, и я привела с собой триста женщин-магов, а еще семь тысяч прибудут завтра. Мы пришли к вам на помощь.

— Благодарю. Думаю, нам скоро понадобятся целительницы, но так много…

— Ваше величество, мы — боевые маги.

— Боевые маги? — Глаза молодого короля расширились от удивления.

— Мы разорвали Алитэрское соглашение и готовы вам помочь.

— Это меняет дело. — Логан провел рукой по белокурым волосам. — У противника две тысячи майстеров и двести вюрдмайстеров, а у нас только десять магов. Чем вы можете помочь?

— Две тысячи?! — воскликнула Ви. — Если против нас выставят две тысячи майстеров до прибытия моих сестер, через час от нас останется мокрое место.

— Я могу отвлечь половину из них. Сколько времени вы вместе с тремястами сестрами продержитесь против тысячи майстеров?

— Мы выстоим, а многие сестры прибудут в течение дня. Наши женщины-маги особенно преуспели в оборонной магии, ваше величество.

— Прекрасно, тогда я хочу, чтобы половина из вас удерживала Черный мост и плотину. Остальных сестер распределите сами. — В этот момент подъехал гонец, и Логан поднял палец, приказывая ему подождать с докладом. — Еще раз благодарю вас, сестра. Ваша помощь подоспела как нельзя более кстати, и мы высоко ее ценим. Надеюсь сегодня вечером продолжить наш разговор.

— Всегда к вашим услугам. И еще, ваше величество… Я знаю, вы с Кайларом были друзьями, так вот, он придет вам на помощь.

Лицо Логана приобрело странное выражение. Немного помолчав, он тихо промолвил:

— Не сомневаюсь, он придет.

Ви в компании ста пятидесяти сестер расположилась у Черного моста, в тени, падающей от огромной плотины. Странный взгляд Логана не выходил у нее из головы, и неожиданно она поняла его смысл. Из слов Ви Логан решил, что Кайлар поможет его армии незримым присутствием. Он по-прежнему считал друга мертвым.

«Какая же ты глупая, Ви», — мысленно выругала себя девушка.

Логан и Лантано Гаруваши объезжали свои позиции, расположенные на Большом рынке, и с первыми лучами солнца перед их взорами предстала выстроившаяся напротив армия короля-бога.

— Халидорцы клюнули на наживку, — сказал Логан. — Наверняка отправили пятнадцать тысяч воинов в Рейгухас. Прошлой ночью они имели перевес в шесть тысяч человек, а сейчас у них на десять тысяч меньше, чем у нас.

— Теперь дело могут испортить только две вещи, — усмехнулся Гаруваши.

— Ты имеешь в виду магию?

— Да, а еще молодых воинов, опьяненных славой и забывших о дисциплине, — пояснил Гаруваши.

— Итак, когда мы начинаем наступление?

— Немедленно.

В походном шатре короля-бога было еще темно. Дориан погладил Дженин по обнаженному плечу, рука скользнула по спине и бедру. Красота жены причиняла ему невероятные страдания.

Не следовало брать ее с собой. Здесь слишком опасно. Дженин притворялась спящей, зная, как приятно мужу на нее смотреть. Дориан еще раз вдохнул аромат ее волос и стал одеваться.

— Тебе предстоит сражение с сенарийской армией, — раздался в темноте голос Дженин. — Это мои соотечественники.

— Именно так, — согласился Дориан.

— Мой господин, как я должна себя чувствовать, находясь в стане врагов?

— Тебе не приходилось задумываться над тем, что произойдет, если после объявления войны на нее никто не явится?

— Что ты хочешь сказать?

— Я не собираюсь убивать сенарийцев, — объяснил Дориан, — хотя прекрасно понимаю, что они мне не поверят. Мы пришли сюда, чтобы покончить с Нефом Дадой и Мобуру. На рассвете мы пошлем в сенарийский лагерь парламентеров и сообщим, что не намерены на них нападать. Вряд ли стоит об этом тревожиться. Как и мы, сенарийцы заняли оборонительные позиции, на которых и останутся, пока не увидят, что мы отводим свои силы. И тогда они тоже разойдутся по домам.

Дженин встала с постели, и Дориан в который раз залюбовался ее сияющей красотой. На него накатило знакомое желание схватить жену в объятия и прямо сейчас заняться любовью, как будто другого случая больше не представится. Но уже почти рассвело, и впереди ждет много дел.

— Мой народ пострадал от зверств, учиненных твоим отцом. А сейчас к сенарийцам присоединился Лантано Гаруваши, о его воинской славе ходят легенды. Говорят, он купается в крови. Что нам делать, если их армия двинется в наступление? Я сама отправлюсь к ним парламентером, — предложила Дженин. — Мне поверят.

— Нет! — воскликнул Дориан.

— Почему? — удивилась Дженин.

— Это слишком опасно.

— Сенарийцы не причинят зла женщине, явившейся для переговоров. Кроме того, разумнее рискнуть моей жизнью, не подвергая опасности сорок тысяч человек.

— Не в этом дело, — возразил Дориан, лихорадочно соображая, как объяснить отказ. — Понимаешь, любимая, твое присутствие может подтолкнуть к военным действиям. Представь реакцию Тэры Грэзин, когда она увидит тебя, пусть даже под флагом парламентера. Само твое существование грозит ей потерей власти, а люди способны на ужасные поступки ради сохранения того, что любят больше всего на свете.

Главная причина крылась совсем в другом. Если Дориан пошлет Дженин к Логану, угроза наступления сенарийской армии развеется как дым, а заодно положит конец их супружеской жизни.

Хотя… Что, если Дженин предпочтет остаться с ним? Ведь с Логаном они провели вместе совсем мало времени. А что удалось построить Дориану? Их отношения с Дженин зиждились на лжи. Ах, Солон, что бы ты сказал, увидев меня сейчас?

— Ты прав, мой супруг и повелитель. Просто я хочу приносить пользу.

— Не тревожься, все будет хорошо, — заверил Дориан, целуя жену.

Откинув полог, он вышел из палатки и увидел вспотевшего от страха юношу-гонца. Тот боялся потревожить сон короля-бога.

— Что случилось? — спросил Уонхоуп.

— Ваше святейшество, главнокомандующий послал меня с вестью, что штурм Рейгухаса был обычной военной хитростью. Наши лазутчики ошиблись, и теперь сенарийцы имеют численное превосходство в десять тысяч и… ваше святейшество, они пошли в наступление.

86

Сражаться в монашеском одеянии невероятно трудно, но Ви радовалась, что не выставила напоказ серого облачения мокрушника. Вообще-то девушка его надела, благоразумно спрятав под сестринской рясой. Разве можно идти в бой, не облачившись в привычный костюм наемного убийцы? Это все равно что сражаться с распущенными волосами.

Белокурый гигант, мощная фигура которого напоминала квадрат, поставил свою лошадь в шеренгу рядом с Ви. Девушка сразу поняла, что имеет дело с магом.

— Фейр Коузат, — представился мужчина. — А тебя зовут Ви.

Ви кивнула. Перед ними стояло десять рядов копьеносцев и щитоносцев, которые защищали мост перед плотиной. С возвышения Ви и Фейр хорошо видели все поле боя.

Воины Гаруваши, обосновавшиеся на Большом рынке, подняли флаг и двинулись к реке. Лантано Гаруваши ехал верхом рядом с первыми шеренгами. Всякий раз, когда он поднимал вверх меч, тот сверкал в предрассветных сумерках, и са'кьюраи отвечали радостными возгласами.

Ви, прищурившись, смотрела на меч. Что-то в нем настораживало.

— Что такое? — забеспокоился Фейр.

— Это сверкание… Твоя работа?

— Надо же, и ты умудрилась заметить с такого расстояния?!

— Меч похож на тебя. Даже не знаю, как объяснить.

Горцы, находившиеся в центре халидорского войска, не спешили и не предпринимали никаких действий, пока половина из пяти тысяч воинов Гаруваши не переправилась на противоположный берег.

— Что они делают? — не понял Фейр. — Халидорцы не выпустили ни одной стрелы.

В этот момент горцы двинулись рысью вперед.

Знаменосец Гаруваши взмахнул флагом, когда горцы находились на расстоянии тридцати шагов. Испустив боевой клич, кьюрцы пошли в атаку. Са'кьюраи бежали, вытянув вперед левую руку, а их длинные мечи волочились следом. Движения воинов отличались такой слаженностью и изяществом, что применительно к ним слово «атака» звучало слишком грубо и тяжеловесно.

Ряды противников сошлись в схватке. Горцы превосходили са'кьюраев ростом и мощью, но когда лязг оружия донесся до наблюдательного пункта, с которого Ви следила за сражением, стало ясно, что под напором са'кьюраев ряды горцев дрогнули. Кьюрцы размахивали мечами, делали ложные выпады, вклиниваясь в ряды противников.

— В честном ближнем бою с са'кьюраями не сравнится никто в мире, — с восхищением заметил Фейр. — Горцев в два раза больше, а посмотри, что делается.

Второй половине отряда са'кьюраев хватило нескольких минут, чтобы переправиться на другой берег. Как отметил Фейр, обе стороны сражались один на один, превратив сражение в тысячу поединков, хотя никто из противников не упускал случая подрезать сопернику подколенные сухожилия, когда тот поворачивался спиной.

Несмотря на тяжеловесный вид лакированных са'кьюрайских доспехов, воины двигались легко и ловко, словно исполняли изящный танец.

Лантано Гаруваши находился в гуще сражения, сея вокруг смерть всякий раз, когда горцам удавалось к нему пробиться. Воздух вокруг него искрился вспышками, и Ви поняла, что это летят выпущенные халидорцами магические стрелы. На лошади за спиной у Гаруваши сидел насмерть перепуганный маг и непрестанно делал какие-то жесты, защищая полководца от действия магических сил.

Ви почувствовала силу майстеров до того, как увидела их самих. Шеренги са'кьюраев неожиданно откатились назад, как будто по ним нанесли невидимый удар. Потом она увидела зеленые пульсары, которые вспыхивали над рядами горцев и распались огненными

брызгами над са'кьюраями. Соприкасаясь с телом, пламя приобретало синий цвет, слышалось шипение, и от объятых огнем людей шли клубы черного дыма.

Атака са'кьюраев захлебнулась. Лантано Гаруваши взмахивал рукой, призывая воинов идти дальше, знаменосец отчаянно махал флагом, но са'кьюраи начали пятиться назад. Десятки зеленых пульсаров рассыпались искрами, ударяясь о щиты воинов Гаруваши, и их ряды дрогнули. Гаруваши повернул коня к реке и стал отступать вместе со своими воинами, посылая на их головы самые страшные проклятия.

По рядам горцев пронесся боевой клич, и они ринулись вперед, преследуя отступающих кьюрцев.

Однако со стороны тыла, скрытого от глаз халидорцев, все выглядело совсем иначе. Во время панического бегства ни один из са'кьюраев не бросил оружия. Воины, которые первыми подошли к реке, вложили клинки в ножны, разбились на пары и стали выносить раненых. Лантано Гаруваши по-прежнему в бессильном гневе жестикулировал, знаменосец махал флагом, но это уже было другое знамя, не то, которое он нес во время наступления. Значит, все продумано заранее, чтобы заманить противника в западню.

— Бледные идут! — раздался чей-то крик.

По мосту, который находился как раз напротив Ви, бежали сотни халидорских солдат. Их лучники выпустили в сторону противника дождь стрел. Фейр поднял вверх руки, и над сенарийцами раскинулась мерцающая прозрачная пелена магии, защищая воинов, которые находились у основания моста. Первые стрелы ударились о магический щит, но, к удивлению Ви, не вспыхнули пламенем. Со стороны казалось, что они, подобно булавкам, втыкаются в подушку, проходят сквозь нее и, лишенные скорости, падают на сенарийских воинов, не причиняя им вреда.

— Лучники стреляют по магическому зонтику! — воскликнул Фейр, когда несколько стрел упали, не долетев до цели.

Выпущенные вслед за этим стрелы пробили зонтик, пролетели футов пять и упали на купол зонтика, даже не достигнув земли.

— Майстеры! — послышался чей-то испуганный вопль. Прежде чем Ви успела рассмотреть темную фигуру, идущую по мосту, неведомая сила выбила ее из седла. Она ударилась о каменистую землю, но падение оказалось неожиданно мягким и не причинило боли.

— Расправься с вюрдмайстером, — попросил Фейр, помогая Ви подняться на ноги. — Вот негодяи!

— Ты меня спас, — обратилась к нему Ви, заметив вокруг себя незнакомый щит.

— Ты моя должница. А теперь сделай что-нибудь, я истратил все силы.

Десяток зеленых пульсаров разной величины пронеслись через мост. Ви хотела призвать на помощь *талант,* но в ушах все еще звенело, и действовала она слишком медленно.

Тем не менее выпущенные халидорцами пульсары летели вверх, подобно стрелам, внезапно поднятым восходящим воздушным потоком, а потом, разрезая воздух, врезались в ряды халидорских воинов. Одна из женщин издала торжествующий вопль, и Ви по голосу узнала сестру Рогу. Женщина-маг работала с этим заклинанием в течение четырех дней, но когда Ви увидела его в действии, у нее замерло сердце.

Ви не нашла свою лошадь, хотя не имела представления, как ей удалось уйти через шеренги копьеносцев, лучников и щитоносцев, оборонявших основание Черного моста.

Воины в первой шеренге, образовавшие стену из щитов, смотрели на Ви. Их щиты были утыканы десятками стрел. Халидорские лучники рассчитали, что, если стрелять снизу, можно попасть в цель.

— Какая тебе нужна защита, сестра? — обратился к Ви худощавый офицер лет на двадцать старше ее.

Воины в первой шеренге стали на одно колено, полностью заслонив себя щитами. Второй ряд держал щиты под определенным углом, а третий — поднял их над головой,

несмотря на магический зонтик. Между щитами не оставалось даже самого узенького зазора.

— Отдохните, — обратилась Ви к воину во второй шеренге, а сама стала проталкиваться вперед и просунула голову между щитов, чтобы посмотреть, что творится вокруг.

Она сразу же обнаружила вюрдмайстера по клубящемуся черному виру, который образовывал вокруг него щит. В следующее мгновение в щит вонзился десяток магических огненных дротиков, которые с шипением рассыпались искрами на мосту перед носом у вюрдмайстера, но тот даже этого не заметил. Он смотрел в сторону переправы в том месте, где находился Большой рынок.

Халидорские горцы преследовали са'кьюраев, переправляющихся через реку, и тысячи уже высадились на сенарийском берегу. Горло Ви сжала невидимая железная рука.

Над Большим рынком в небо взметнулось синее пламя. Справа от Ви один из магов взобрался на узкий каменный переход, проходивший по торцу дамбы. Вода падала на плотину сверху, а не шла по шлюзам, которые не действовали уже несколько столетий, и магу пришлось пробираться под потоком воды, падающей с высоты пятидесяти футов. Он уцепился за перила и прыгнул вперед, ловко цепляясь ногами за камни. В центре перехода находились два огромных ворота с обмотанными вокруг них цепями. Их не разрушило ни время, ни люди. Цепи уходили в торец плотины и должны были открывать затворы шлюза. Маг набросил на оба ворота толстые магические канаты синего цвета.

Он не успел осуществить задуманное, так как в следующее мгновение шесть вюрдмайстеров, скрывавшихся в рядах халидорских воинов, обрушили на одинокую фигурку шквал огня и боевых пульсаров. Маг держался, так как успел окружить себя надежной защитой, но вдруг заметил светящегося карлика-гомункулуса, который летел в его сторону. Лицо мага исказилось от ужаса, и тут в воздухе образовалась зияющая яма, из которой появился гигантский змей, исчадие ада.

Мощные челюсти гада раздавили защиту и самого мага, а затем стали перемалывать огромный ворот. Через несколько мгновений неведомая сила втянула змея в преисподнюю, откуда он появился.

Десятки огненных метательных снарядов обрушились на второй ворот. Раздался скрежет цепей, и ворот раскололся на части.

Только когда вюрдмайстеры вывели из строя второй ворот, Ви поняла, что военная хитрость, задуманная Гаруваши, не удалась. Са'кьюраи изобразили паническое бегство, намереваясь заманить халидорцев в реку и там утопить. Однако халидорцы разгадали их маневр, иначе не спрятали бы среди воинов еще шестерых вюрдмайстеров. Гаруваши угодил в собственный капкан.

— Фейр! — обратилась Ви к магу, стоявшему у нее за спиной. Глядя на его испуганное лицо, Ви поняла, что Фейр догадался о нависшей угрозе. — Можешь меня прикрыть?

Маг бросил быстрый, оценивающий взгляд в сторону вюрдмайстеров. По мнению Ви, они ничем не отличались друг от друга.

— Трое из них имеют вторую степень шу'ра, двое — третью, а один — шестую! Дело дрянь, но попробовать надо.

Один из молодых вюрдмайстеров рассмеялся и оглянулся через плечо, собираясь что-то сказать. Стремительным движением Ви схватила его за край одежды и что есть силы тряхнула. Будь у девушки время для раздумий, она не решилась бы на такой поступок. Никогда прежде ей не приходилось пользоваться своим *талантом* с такого расстояния.

Вюрдмайстер не успел издать ни звука, как оказался на середине узкого ущелья.

— Славный бросок! — похвалил Фейр, глядя на девушку округлившимися от удивления глазами.

— В жизни не совершала большей глупости, — призналась Ви.

Силой своего *таланта* она стала разбрасывать воинов направо и налево. Переход через дамбу выступал футов на тридцать и уходил вниз на двадцать футов. Ви сорвала с себя сестринское одеяние.

— Отвлекайте их! — велела она сестрам. Женщины-маги немедленно подчинились и выпустили в сторону противника десятки боевых пульсаров.

Ви побежала по дорожке, которую только что расчистила от людей, набирая полную скорость. Позабыв о защите, она высоко подпрыгнула и опустилась на обе ноги в середине перехода, разбрызгивая вокруг себя воду. Под действием движущей силы девушка врезалась в стену дамбы, и тут же ее отбросило назад. На сей раз ее спас щит. Некоторое время Ви ничего не видела перед собой и только царапала ногтями камень, а потом снова взлетела вверх.

«Какая же ты глупышка, Ви!»

Ви казалось, что она слышит злорадный смех Нисоса. В последние два месяца она ни разу не вспомнила о боге водяной стихии, а теперь ей предстоит смерть в воде.

Девушка напряглась, ожидая удара, однако его не последовало. Она открыла глаза, силясь рассмотреть хоть что-то сквозь потоки воды, а потом все поняла. Ви увидела сестру Ариэль, которая протянула к ней *талант* и обвязала вокруг талии, не давая упасть. Лицо сестры Ариэль исказилось от напряжения. В следующее мгновение Ви очутилась рядом с цепью и ухватилась за нее. Только тогда сестра Ариэль отпустила Ви.

Неожиданно Ви сбило с ног потоком воды, но она сумела снова встать на ноги. Девушка увидела над собой троих уцелевших вюрдмайстеров. Они в отчаянии метали в ее сторону боевые пульсары, которые ни разу не попали в цель. На сенарийском берегу двести женщин, подобно ярким факелам, осветили все вокруг своим *талантом.* Сестры. Они защищают Ви, и никакая сила их не остановит. Сердце разрывалось от переполняющего душу счастья. Эти женщины готовы пойти ради нее на смерть. Впервые в жизни Ви почувствовала, что нашла свое место в жизни и действительно стала нужной людям.

Она смеялась, а из глаз катились слезы. Вот Ви удалось отыскать вторую цепь, и теперь она держала в руках обе цепи, звенья которых были размером с ее предплечье. Попыталась их поднять, но без воротов это не удавалось сделать.

Ви отступила на шаг, выйдя из тени от дамбы на яркий солнечный свет. Уже приближался полдень. Солнечные лучи ласкали кожу, и Ви всем телом впитывала их тепло, пока оно не заполнило собой каждую клеточку.

Она снова попыталась поднять цепи и вдруг услышала, как в глубине дамбы угрожающе заскрипели механизмы. Они никак не желали уступать, но все же начали потихоньку сдаваться, а потом наконец стали поворачиваться. *Талант* распростерся над руками Ви и, ухватив цепи с силой шестерых человек, потянул их. В ушах зашумело, и, открыв глаза, Ви увидела ослепительный свет. Свет исходил от нее самой; она сияла, подобно серафиму. В тех местах, где вода омывала тело, от него поднимались клубы пара.

Затворы шлюза, по три с каждой стороны, с треском открылись. А Ви все тянула и тянула цепи, чувствуя, как силы начали ее покидать. Нужно торопиться. Она потянула еще раз, и вода постепенно перестала литься на дамбу. Ви снова обрела способность видеть.

Вода неукротимой лавиной хлынула через открытые затворы в долину, сметая на своем пути тысячи горцев и направляясь в сторону Большого рынка. Люди старались вскарабкаться на какое-нибудь возвышение. Беспорядочная толпа устремилась к берегу, давя на ходу тех, кто упал на землю.

Только воины Гаруваши, казалось, не замечали ревущего потока. Трудно сказать, поняли ли са'кьюраи, что их военная хитрость едва не провалилась, но они немедленно приступили к действию, как только ловушка захлопнулась. Они заняли все возвышенности вокруг Большого рынка, а потом сомкнули ряды и перекрыли все узкие проходы. Потом стали отходить назад, толкая халидорцев в воду, на верную смерть. Некоторые халидорцы пытались убежать, забравшись на щиты са'кьюраев, но их тут же сбрасывали вниз.

Ви вдруг поняла, что все люди, собравшиеся на мосту, смотрят на нее. Они приветствовали девушку радостными возгласами. Цепи вдруг сделались невыносимо тяжелыми. Наконец она бросила их на землю и пошатнулась. И тут же ее подхватило множество рук, не дав упасть. Сестры отважно бросились по скользкому переходу к Ви.

«Сестры. Мои сестры».

Ви разрыдалась, но никто не смотрел на нее как на дурочку.

87

Лантано Гаруваши первым понял последствия того, что происходит на дамбе. Ловушка, которую он вместе с Логаном и Агоном Брэнтом расставил для халидорцев, предполагала, что затворы шлюза можно закрыть и открыть. То, что их удалось открыть после уничтожения шкивов, само по себе являлось чудом. После того как поток воды смоет горцев, нужно бросить все силы на дрогнувшую халидорскую армию. Зажатые между кьюрцами, сенарийцами и проклятой Мертвой землей, халидорские воины не смогут долго сопротивляться. Однако союзным армиям придется наступать по узким мостикам.

Гаруваши отдал приказ переправляться через реку, а в это время маги должны оборонять мосты. На месте халидорцев он прежде всего попытался бы разрушить именно их.

Гаруваши не ошибся в расчетах. Контрнаступление почти полностью велось силами магов. Сотни майстеров принялись наносить удары по мостам, но неожиданно остановились. Женщины-маги сообщили, что видят магическую битву на окраинах Черного Кургана. Это халидорцы сражаются с варварами. Больше они ничего сказать не могли. Будь у Гаруваши возможность переправиться через реку, он сумел бы воспользоваться преимуществом, которое предоставил король-бог, раздробив свои силы. Однако потоки воды уже бушевали под самым мостом. Гаруваши подготовил береговые плацдармы и велел инженерам расширять мосты, используя все возможные средства, и все равно сложившаяся обстановка не сулила ничего хорошего.

Халидорцы, увидев, что противник занят строительством укреплений и не намерен атаковать, отвели своих воинов на отдаленные возвышенности и тоже занялись строительными работами.

В полдень Гаруваши нашел короля Джайра в командирской палатке, которую перенесли к основанию Воловьего моста.

— Сегодня мы одержали великую победу, — проговорил Логан. — Халидорцы потеряли более девяти тысяч горцев, а мои потери составляют всего девяносто человек, тех, что удерживали Большой рынок. А как обстоят дела у са'кьюраев?

— Мы потеряли сто пятьдесят воинов, когда заманивали противника в ловушку, и еще девять, чтобы ее захлопнуть.

— Двести са'кьюраев уничтожили девять тысяч горцев.

Логан не стал вдаваться в детали. Его армия одержала убедительную победу, однако она могла легко превратиться в прелюдию к поражению.

— Завтра пятнадцатитысячное войско халидорцев возвратится из Рейгухаса, а ты останешься без моих са'кьюраев, — напомнил Гаруваши.

— Когда прибывает регент? — поинтересовался Логан.

— Через час. Его гонцы сообщили, что он желает немедленно повидаться со мной.

Какая вопиющая несправедливость. После такой великой победы Гаруваши следовало бы с радостью ждать наступления завтрашнего дня, а вместо этого сегодня ночью ему придется свести счеты с жизнью. Многие са'кьюраи последуют его примеру, а те двадцать тысяч, что сопровождают регента, просто разойдутся по домам.

— А нельзя еще раз, как в сегодняшнем бою, призвать на помощь иллюзию? — спросил Логан.

— Фейр говорит, что магия клинка разрушает иллюзии, — вздохнув, откликнулся Гаруваши. — Блеск клинка выглядит нормально с расстояния десяти или двадцати шагов, когда я машу мечом, но вблизи эта уловка не пройдет. Даже ребенок заметит обман.

— Ваше величество, позвольте и мне сказать слово, — вмешался в разговор Фейр. Гаруваши не заметил, как великан зашел в палатку, и это свидетельствовало о его страшной усталости. Логан сделал знак рукой, предлагая Фейру высказаться. — Я сам сделал этот меч,

и если удастся найти рубин, способный удержать заклинание, то лишь я сумею отличить его от настоящего Кыор'келестоса. Рубин может и не обладать магической силой, но должен быть крупным. Король Джайр, надеюсь, в вашей сокровищнице можно подобрать подходящий камень. Нелепо сдаваться, когда мы так близки к цели.

— Никто не говорит о том, чтобы сдаться! — огрызнулся Гаруваши. — Просто нас выведут на чистую воду, разоблачив обман.

— А что, если регент ничего не заметит? — предположил Фейр.

— Все регенты веками ждали такой возможности, — возразил Логан. — Уверен, у них есть способы проверить, является ли клинок настоящим.

— Ну и пусть проверяют, — согласился Фейр. — Регент не наделен *талантом,* а в твоем распоряжении полно женщин-магов, и мы сможем…

— Убирайся! — задыхаясь от гнева, крикнул Гаруваши. — Однажды я послушался тебя, и это привело к бесчестью. Хватит. Ты не понимаешь натуру са'кьюраев. Прочь, коварная змея!

Лицо Фейра стало белым как мел, и он медленно поднялся с места. Гаруваши намеренно повернулся к нему спиной, в надежде, что маг не стерпит обиды и нанесет предательский удар. Гаруваши в душе надеялся умереть от руки предателя, и тогда обман, связанный с мечом, вменят в вину изменнику, и са'кьюраю удастся сохранить доброе имя.

— Если надумаешь спасти нашу армию и тысячи невинных душ, я и женщины-маги тебя поддержим, — тихо произнес Фейр. — Если хочешь спасти только свою драгоценную честь, то катись ко всем чертям.

Гаруваши оглянулся, но великан уже покинул палатку. Король Джайр не сводил с него пристального взгляда.

— Скажи, разве может быть король без чести? — обратился к нему Гаруваши. — Эти люди — смысл моей жизни. Они пошли за мной в дальние страны, покинув родные города и деревни, и ни разу не подвели. Когда я приказывал сотне са'кьюраев взять высоту, зная, что девяносто из них погибнет, они беспрекословно выполняли приказ. Мои воины — настоящие львы, и если уж нужно умереть, то пусть это случится в бою, а не из-за позора их господина. Завтра тебе предстоит встреча с двадцатитысячной халидорской армией и двумя тысячами майстеров, которые не участвовали в сегодняшнем сражении. Без помощи са'кьюраев твоим воинам против них не выстоять.

— Думаю, еще хуже, если они станут свидетелями сцены, когда непобедимый полководец и шесть тысяч его доблестных воинов станут у всех на глазах сводить счеты с жизнью, — сухо заметил Логан. — Да еще глядя в спины двадцати тысячам са'кьюраев, которые могли бы стать союзниками.

— Ты сам король. Что бы ты сделал на моем месте? — спросил Гаруваши.

— Ты хочешь услышать правдивый ответ, но ведь я, как никто другой, заинтересован в решении, которое ты примешь.

— Я видел, как ради чести ты отправил на смерть лучшего друга.

Логан долго молчал, внимательно разглядывая руки, и наконец тихо произнес:

— В ночь перед казнью я послал к Кайлару человека, который должен был освободить его из темницы. Кайлар отказался от побега, так как это нанесло бы урон моей репутации как правителя. Так сильно он в меня верил. Правитель должен признать, что за его ошибки придется расплачиваться другим. Впрочем, за успехи — тоже. Тогда на колесе умерла частица меня самого. Какое бы решение ты ни принял, доблестный Гаруваши, для меня было большой честью сражаться рядом с таким человеком.

— Король Джайр, если я решу искупить свою вину, станешь ли ты моим помощником?

— Сочту за честь, доблестный Лантано, — с каменным лицом ответил Логан и низко поклонился.

Фейр понял, каким безумцем он был все это время. Он выполнил все указания выжившего из ума архимага, который умер семьсот лет назад, и изготовил меч, природу которого так и не понял до конца. Ему удалось уговорить даже самого Лантано Гаруваши. Фейр верил, что заветная цель близка, но один обман следовал за другим, и так будет дальше, если Гаруваши не положит этому конец.

Фейр дал полководцу клятву, и теперь тот считал, что он должен умереть вместе с ним. Нет, он не совершит подобной глупости. Конечно, Гаруваши может его убить, но Фейр не допустит подобного исхода. А значит, снова придется обманывать и защищаться с помощью магии. Любой са'кьюрай в Мидсайру будет его презирать, и, возможно, найдется один, который его выследит и уничтожит. Такое будущее ждет его. Или же придется вечно служить в качестве главного иллюзиониста при Лантано Гаруваши и до конца дней заставлять его клинок сверкать волшебным пламенем.

Ложь изъест душу Лантано Гаруваши. Если он станет государем, то править будет скверно, постоянно думая о своем бесчестье. Конечно, Гаруваши не мальчик, и помимо чести у него есть и другие ценности в жизни, но он са'кьюрай до мозга костей, для него самый лучший выход — вонзить клинок в живот.

На склоне дня Фейр проскользнул в палатку, где собрался военный совет, на котором присутствовали король Джайр, главнокомандующий Агон Брэнт, Ви Совари и пожилая женщина-маг, которую Фейр не знал. Маг занял одно из свободных мест, по левую руку от Логана, который сидел, скрестив на груди руки. Его лицо хранило бесстрастное выражение, и, зная короля, Фейр понял, что Логан сильно встревожен. Маг пододвинул стул ближе и заметил на предплечье Джайра что-то странное. Несомненно, здесь действует магия, которая едва заметно светилась сквозь защитную накладку на предплечье и скользила по руке.

Логан заметил пристальный взгляд мага и спрятал руки под столом, сложив их на коленях. Фейр выбросил из головы ненужные мысли и принялся рассматривать присутствующих. Ви Совари облачилась в скромное сестринское одеяние, но на шее и запястьях просматривалось серо-черное облачение профессионального наемного убийцы. Вокруг ее глаз залегли темные тени, а лицо стало совсем бледным после страшного напряжения, которое пришлось выдержать на дамбе. Ви сидела в самом конце стола. Магическое зрение Фейра доходило туда с трудом, и все же он ясно видел, что девушка не подорвала свой *талант.* Когда Солон воспользовался Кьюрохом, он был совершенно разбит, его волосы побелели, а шрамов на теле не осталось только благодаря целительскому искусству Дориана.

После безумной выходки на дамбе Ви осталась целой и невредимой. Конечно, она вплотную подошла к опасной грани, но не переступила ее. Фейр подозревал, что после здорового сна девушка снова будет готова вступить в бой, полностью восстановив силы. Вероятно, именно она является здесь самым могущественным магом, таким же, как Солон. Сидя рядом с пожилой женщиной-магом, она казалась исполином. Подобно тому, как тяжелый труд развивает мускулатуру мужчины, *талант* Ви проявился еще сильнее после приключений на дамбе. Фейр вдруг почувствовал себя маленьким и ничтожным, и это открытие очень его опечалило.

Полотнище, закрывающее вход в палатку, внезапно откинулось, и на пороге появился мужчина, но это не был Лантано Гаруваши. Вошедший оказался темноволосым, темноглазым алитэрцем с напомаженными усами, одним из Маркусов, принадлежащим к самому знатному семейству в Алитэре. Он явился во главе двухтысячного отряда алитэрских улан, которые прибыли сегодня днем вместе с последними женщинами-магами.

— Не понимаю, какое отношение имеют алитэрские военные к нашему военному совету? — удивился главнокомандующий Агон Брэнт, не скрывая враждебного отношения к гостю.

— На этом совете решается, станут ли на нашу сторону еще двадцать тысяч са'кьюраев, или мы потеряем и те шесть тысяч, что имеем. Потому мы и называем наше собрание военным советом. Меня зовут Тибериус Антониус Маркус. Я — претор Второй манипулы в

Четвертой армии. Мы намерены защищать Часовню. Позвольте засвидетельствовать свое почтение вашему величеству и вам, досточтимые сестры.

— Рады вас видеть, претор. Присоединяйтесь к нам.

Не успел претор занять одно из свободных мест, как полотнище снова откинулось, и в палатку зашел Лантано Гаруваши. Положив руку на эфес, он молча прошел на свое место.

— Итак, теперь собрались все, кроме регента Кьюры и, разумеется, уважаемого владыки Лэ'нота. Который, полагаю, опоздает на полчаса и потребует, чтобы для него все повторили еще раз, — недовольно проворчал Агон Брэнт. — А я предупредил, что мы не намерены заседать так долго.

Среди присутствующих послышались сдавленные смешки, а Фейр вздохнул с облегчением. Повелитель Лэ'нота, скорее всего, захватит с собой множество вещей, ослабляющих действие магии, которые нанесут ущерб любой иллюзии.

Перешептывание мгновенно затихло, когда послышался топот многотысячной армии, марширующей в направлении палатки. Это прибыли двадцать тысяч са'кьюраев.

Дело принимало скверный оборот.

Полог откинулся, и в палатку зашел мальчик-подросток в сопровождении мужчины средних лет с венчиком каштановых волос вокруг блестящей лысины. В его волосах виднелись четыре вплетенные пряди чужих волос, и все они принадлежали кьюрцам и были очень старыми. Мужчина отступил в сторону, чтобы дать дорогу мальчику, которому едва ли исполнилось пятнадцать. У подростка были коротко стриженные огненно-рыжие волосы с единственной вплетенной в них очень длинной прядью. Он носил синие шелковые одежды с затейливой вышивкой, а на его поясе висел инкрустированный рубинами меч.

В голове у Фейра пронеслась безумная мысль похитить самый крупный рубин и использовать для очередного обмана.

— Сестры, господа, претор, ваше величество, — начал пожилой кьюрец, — позвольте представить вам са'са'кьюрая Хидео Мицуруги, четвертого регента Хидео, повелителя горы Тендзи, протектора Священной чести, хранителя трона и главнокомандующего армиями Кьюры.

Сидевшие за столом люди приветствовали подростка, а Логан поднялся с места и пожал руку. Юноша немного волновался, поскольку полагал Гаруваши своим кумиром. Гаруваши смотрел не на юношу, а устремил взгляд в сторону пожилого кьюрца. Может быть, именно он представляет реальную власть, а мальчик всего лишь марионетка в его руках? У Фейра упало сердце, когда мальчик и его министр заняли свои места. Пожилой кьюрец был придворным магом, и его *талант* вызывал у Фейра большие опасения. Гаруваши встретился глазами с Фейром и едва заметно покачал головой. Это был сигнал покончить с обманом.

Теперь все кончено, и единственным выходом остается смерть.

— Думаю, настал момент заняться тем, для чего мы сюда и приехали, — сказал, откашлявшись Хидео Мицуруги. Он моргнул, стараясь вспомнить заученные слова. — Нам доложили, что вы, досточтимый Лантано Гаруваши, или ваши сторонники делают определенные заявления. Как мы поняли, вы заявляете, что обладаете Небесным мечом, Кьюр'келестосом.

— Я действительно делал такие заявления, досточтимый Хидео, — подтвердил Гаруваши, и на его лице читалось облегчение — скоро с этим кошмаром будет покончено.

— По древнему закону и в соответствии с пророчеством обладатель Кьюр'келестоса должен стать королем Кьюры, человеком, который будет сопровождать возвратившегося к нам верховного короля.

Юноша замолчал, забыв слова, и его голубые глаза наполнились паническим страхом.

Пожилой кьюрец наклонился к его уху и стал подсказывать, что следует говорить дальше, и это смутило юношу еще больше. Казалось, он сейчас расплачется перед всем военным советом.

— Претендуешь ли ты на престол Кьюры, Лантано Гаруваши? — наконец обратился он

с вопросом к полководцу.

— Претендую, — ответил са'кьюрай.

Что он делает? Фейр бросил быстрый взгляд на меч Гаруваши. Дракон на эфесе беззубо скалился, подобно ребенку, у которого выпали оба передних зуба.

— Подождите, — вмешался главнокомандующий Агон Брэнт. — Я полагал, что регентом Кьюры является досточтимый Хидео Ватанабэ. Откуда нам знать, что этот юноша имеет право подвергнуть испытанию Лантано Гаруваши?

— Как ты смеешь! — возмутился пожилой са'кьюрай, хватаясь за меч.

— Еще как смею, — заверил Агон. — А если вытащишь из ножен меч, я посмею вонзить его в тебя.

— Ха, да что ты о себе возомнил, старый калека?!

— Что сделает твою смерть еще более позорной, — парировал Агон.

— Прекратите! — приказал Мицуруги. — Хидео Ватанабэ — мой отец. — Юноша опустил глаза. — Вернее, был им. Эту армию собрал он, но перед тем, как она выступила в поход, я узнал, что отец не собирается вас испытывать, досточтимый Лантано. Он хотел вас убить независимо от того, владеете ли вы настоящим Кьюр'келестосом или подделкой. — Глаза Мицуруги наполнились слезами. — Тогда я вызвал его на поединок и убил.

Фейр не верил ушам. Подумать только, мальчишка расправился с отцом, защищая идеи Лантано Гаруваши!

— Теперь я являюсь регентом, и кровь отца, которой я запятнал руки, дает мне право устроить испытание человеку, претендующему на престол, — продолжил Хидео Мицуруги. — Прошу вас, досточтимый Лантано, покажите нам Кьюр'келестос.

В этот момент послышался треск рвущейся ткани, и все присутствующие, вскочив с мест, устремили взоры в дальний конец палатки. Кто-то сверху донизу разрезал острым ножом брезент. Все маги, как мужчины, так и женщины, мгновенно призвали на помощь *талант,* а воины схватились за эфесы мечей. Если сюда пожаловал подосланный убийца, ему будет нелегко справиться с такой силой.

В прорехе показалась чья-то рука и приветливо помахала присутствующим.

— Прошу прощения, — раздался с улицы низкий мужской голос. — Если я осмелюсь зайти, меня не насадят на вертел, как цыпленка?

Не дожидаясь ответа, незнакомец проник в палатку.

У нежданного гостя были белые, как снег, волосы с черными кончиками и смуглая кожа. Обнаженную мускулистую грудь закрывал богатый плащ, из-под которого виднелись свободные белые штаны. Массивная золотая корона сидела на челе как влитая.

— Солон?! — изумился Фейр.

— Солоном я остаюсь только для тебя, мой друг, — улыбнулся гость. — Для всех остальных я — Солонариван Тофьюсин, король Сета, можно сказать император, хотя, с тех пор как мы лишились всех колоний, титул звучит слишком вычурно. Еще раз прошу прощения за вторжение, но вход в палатку охраняют двадцать тысяч са'кьюраев. Ваше величество, король Джайр, я привел в ваше распоряжение тысячу воинов. С нами вместе пришли также пять кораблей, но сегодня утром кто-то устроил потоп, и сейчас у меня осталось только два. Хорошо еще, что нет потерь среди людей. Уважаемые сестры, если нам удастся выбраться из этой переделки живыми, я потребую у Часовни возмещения ущерба. Фейр, дружище, похоже, ты попал в компанию благородных людей из высших слоев общества. А вы, должно быть, сестра Ариэль? Вы стали легендой при жизни. А это, конечно, Ви Совари. Как мне и говорили, пышет здоровьем и блистает красотой. Я так много о вас слышал.

— Вот трепло! — выругалась Ви.

Среди сидящих за столом людей послышались удивленные возгласы, а сестра Ариэль прижала руки к вискам, словно страдала от головной боли.

— Видимо, все, что я слышал, — чистая правда, — предположил Солон.

Солон вел себя странно. Прежде он никогда не болтал попусту, а сейчас тараторил так

быстро, что, даже если бы кто и сообразил, что сказать, не смог бы вставить ни словечка.

— Должен вам сообщить, что по пути сюда встретил весьма сурового лэ'нотского господина, который не скупился на красочные выражения в адрес упомянутых са'кьюраев за то, что те воспрепятствовали его намерению присоединиться к вашей компании. Впрочем, сам я стою перед вами, в ущерб интересам моего королевства и, что еще хуже, семейной жизни. Несколько недель я как неприкаянный бродил по Уайтклиффскому дворцу, умоляя супругу отпустить меня к вам. Да-да, женатые мужчины наивно воображают себя хозяевами замков и всех богатств, что там имеются, но всем известно, что хозяйка в спальне является повелительницей господина. Впрочем, несмотря на все препоны, я здесь, с вами, и должен сообщить о главной цели моего визита, которую можно сравнить с самым драгоценным камнем в короне. Лантано Гаруваши, для меня большая честь встретиться с тобой.

Солон сделал несколько шагов в сторону са'кьюрая и протянул ему руку.

— Не имею привычки жать руку рабам, — заявил Лантано Гаруваши.

Хидео Мицуруги сдавленно хихикнул, все остальные хранили молчание.

Неожиданно Солон перестал суетиться. Своей болтовней он хотел привлечь внимание Лантано Гаруваши и, когда это удалось, успокоился.

— Мне думается, человеку, рожденному для железного клинка, негоже пренебрегать дружбой королей, — снова обратился он к са'кьюраю.

В комнате повисла мертвая тишина. Никто прежде не осмеливался говорить с Лантано Гаруваши подобным образом.

— Когда требуется пролить чью-то кровь, ты не имеешь соперников, Лантано Гаруваши, — продолжил Солон. — Случись тебе умереть сегодня, и после тебя останется только море крови. Не лучше ли оставить после себя другое наследство и пролить кровь, чтобы потушить пожар войны? Руки мясника не превратятся в руки плотника, и, как брат-король, я в последний раз тебя спрашиваю: принимаешь ли ты руку дружбы?

Солон по-прежнему стоял с вытянутой рукой.

Нелепо обращаться с подобным предложением к обреченному на гибель человеку. Фейр думал, что Гаруваши плюнет Солону в лицо. Вместо этого са'кьюрай поднялся с места и сказал:

— Да будет между нами мир, — и пожал Солону руку.

Фейр стоял рядом с обоими мужчинами, загораживая их своей мощной фигурой от сидящих за столом людей. Маг вдруг заметил смятение в глазах Лантано Гаруваши. Они с Солоном разжали руки, са'кьюрай прижал к ладони палец, словно желая что-то спрятать от посторонних глаз, и Фейр вдруг все понял. Великий Боже! «Великий красный даст дракону сердце и голову». Он-то думал, что речь идет о красном рубине. Конечно, так оно и есть, но в пророчестве также говорится о великом красном маге, Солоне.

Гаруваши выхватил меч из ножен и со стуком положил на стол.

На головке эфеса горел изумительной красоты рубин удивительного красного цвета. Он купался в бездонном океане магии, хотя Фейр не насытил его никакими заклинаниями. На митриловом клинке нанесен такой же рисунок из желобков, что и на изогнутом стальном клинке. Желобки сверкают, подобно бриллиантам, и искрятся, а потом становятся прозрачными, что позволяет проследить весь путь к самому сердцу магии, скрытой в клинке. Присутствующие в палатке люди видели, как два дракона выдохнули огонь, и сияющая рябь угасла и стала полупрозрачной, и только широкой полосой, от эфеса до острия, горело пламя, обжигая лицо Фейра своим жаром.

Фейр превзошел самого себя. Он был отменным кузнецом, но никогда не думал, что способен творить такие чудеса. Охваченный благоговейным трепетом, он повернулся к Солону, и очередной король из династии Тофьюсинов ответил ему улыбкой.

— Назовите меня самозванцем или признайте королем, — потребовал Лантано Гаруваши, и если его голос слегка дрожал от удивления, никто из присутствующих того не заметил.

У Хидео Мицуруги отвисла челюсть. Он с трудом выдавил:

— Лантано Гаруваши, провозглашаю тебя…

— Мой господин! — прервал его речь придворный маг.

— Мои предки ждали этого дня многие столетия. Ждали и боялись, — продолжил Хидео Мицуруги. — И больше всех боялся регент. Трон не раз пытались захватить самозванцы, именно поэтому регент подвергает всех испытанию своим мечом. Прошу прощения, досточтимый Лантано, но это моя обязанность. — Он вынул из ножен инкрустированный рубинами клинок и резко повернул головку эфеса. Раздался щелчок, и регент снял половину эфеса. Внутри находился тонкий свиток, охраняемый магическими силами. Мицуруги начал дрожащими губами читать слова, написанные на древнем языке:

— «Лантано Гаруваши изгонит пламя из клинка».

Гаруваши взял в руки меч, и пламя погасло. Интересно, как это ему удалось? — удивился Фейр.

— Мне нужна свеча, — попросил Мицуруги, и сразу же кто-то пододвинул к нему через стол свечу.

Взяв свечу в руки, Хидео поднес ее к клинку.

От страха у Фейра перехватило дыхание. Мицуруги поднес свечу именно к тому месту, где стояло клеймо Фейра, свидетельство его тщеславия. Два скрещенных боевых молота выделялись на металле.

Мицуруги шумно вздохнул, а у Фейра едва не остановилось сердце.

— Это скрещенные боевые молоты Орена Рейзина, — объявил Мицуруги, — а лежащий передо мной клинок — настоящий Кьюр'келестос. Лантано Гаруваши, ты являешься утраченным королем Кьюры, и все са'кьюрай поднимутся по твоему слову.

Значит, меч подлинный, не подделка. Именно те особенности, что отличают его от Кьюроха, убедили регента в том, что изготовленный Фейром клинок и есть настоящий Кьюр'келестос. Маг почувствовал, как слабеют колени, и в голове пронеслась мысль: «Как неловко, наверное, мне этого не пережить…»

В следующее мгновение Фейр упал без чувств.

89

После того как Фейр неожиданно лишился чувств и сестра Ариэль ломала голову над причинами его обморока, печально известный повелитель Лэ'нота Джулус Ротанс наконец прорвался через кордоны са'кьюраев и появился в палатке, где заседал военный совет. Хидео Мицуруги намеревался немедленно объявить, что Кьюра обрела законного короля, но Логан попросил его повременить с радостной вестью. Ариэль не понимала, что замыслил король Джайр.

Джулусу Ротансу было около пятидесяти лет, и он сохранил подтянутую фигуру и военную выправку. Глядя на его лицо, можно было сразу узнать в нем алитэрца. Он носил камзол с эмблемой солнца и белый плащ, украшенный двенадцатью золотыми шевронами. Рассмотреть его более подробно сестра Ариэль не смогла, так как повелителя Алитэры окружала такая зловонная болезнетворная аура, что она едва не задохнулась. Джулус Ротанс не снял перчаток, а на его лице, к счастью, пока не открылись язвы, тем не менее сестра Ариэль поняла, что он болен проказой. Самое печальное, что в его случае болезнь легко поддается лечению. С этой задачей могла справиться даже сама Ариэль, но требовалось вмешательство магии.

— Итак, все уже здесь, — с обиженным видом заявил Джулус Ротанс. — Вижу, присутствующие не считают нужным посвятить в свои планы Лэ'нот. Хотите бросить нас в самую гущу сражения, и не важно, погибнем мы или уцелеем, вы-то все равно победите.

Логан Джайр ничем не выдал возмущения.

— Достойный повелитель Лэ'нота, я поступил по отношению к вам несправедливо. Ваши послы предупреждали, что с моей стороны крайне неразумно — кажется, они употребили слово «глупо» — осуществлять непосредственное командование вашими

воинами. Простите великодушно, но я опасался, что они меня предадут. Недостойно с моей стороны и действительно глупо.

Лэ'нотец сердито сощурил глаза, а все остальные внимательно следили за сценой.

— Сегодня, по независящим от вас причинам, воины Лэ'нота не принимали участия в сражении, но завтра мы на вас надеемся. Ваши потери могут оказаться значительными. Только вы располагаете тяжелой кавалерией и должны удерживать центр. Поползли мерзкие слухи, что ваши воины хотят выйти из сражения. Мол, пусть эти колдуны перебьют друг друга. — Логан тяжело вздохнул. — Знаю, вы пришли сюда по зову долга, властелин Лэ'нота Ротанс, но я не хочу вас принуждать и освобождаю от всех обязательств. Итак, я безвозмездно отдаю вам в аренду земли Сенарии сроком на пятнадцать лет и тем самым избавляю от необходимости отдавать в мое распоряжение армию.

— Как это? — не поверил лэ'нотец.

Впрочем, заявление Логана удивило не его одного. Все понимали, что без пятитысячной армии Лэ'нота силы Логана будут существенно ослаблены.

Логан поднял вверх палец, и властелин Лэ'нота сел, ожидая подвоха.

— Я прошу об одном. Если вы не желаете принимать участия в сражении, объявите о своем намерении сейчас, чтобы мы смогли правильно рассчитать силы.

— И это все?

Властелин Лэ'нота облизнул пересохшие губы. Просьба короля Джайра была справедливой, и отказать Ротанс не мог. Логан не хочет, чтобы Лэ'нот отдал в его распоряжение армию, которая сбежит при первой атаке халидорцев. Ротанс выглядел озадаченным, так как не усмотрел в предложении Логана никакого подвоха. Чего доброго, этот дурак сейчас согласится. Ариэль поняла, что настало время вмешаться.

— Я всего лишь женщина, и мне трудно судить, — начала она, — но полагаю, что подобная трусость губительно повлияет на комплектование армии в нескольких странах. Судите сами. Сенария сочтет себя преданной, так же как и Кьюра. Думаю, такое решение не приведет в восторг претора. Да, потерять поддержку Алитэры для нас очень тяжело. Уэддрин и Модай, возможно, пришлют рекрутов. Жаль, что эти страны так малы.

— А их народы никогда не горели желанием умирать за светлое торжество разума, — с удовлетворенным видом заметил претор Маркус.

— Сейчас не самое лучшее время для проблем с набором рекрутов, — продолжила свою мысль сестра Ариэль.

— Это почему? — подыграл ей Маркус.

— Какая-то сверхъестественная сила недавно перебила в лесу Эзры пять тысяч лэ'нотцев.

— Точно, сверхъестественная, — многозначительно присвистнул Маркус.

— Какие вы подлые! Все сдружились с тьмой, — возмутился Джулус Ротанс.

— Остается еще один нерешенный вопрос, — вмешался король Солонариван Тофьюсин. — Вы знаете, друзья, что у Лэ'нота нет своей страны. У них есть только одни идеи. Если лэ'нотцы нас покинут, они легко переживут обвинение в предательстве и трусости, что превратит их в лицемеров. Нас они предать могут, а свои принципы — нет. Сегодня мы столкнулись с сотней майстеров, но король-бог Уонхоуп привел с собой две тысячи. Куда же подевались остальные?

— А ты сам знаешь ответ на этот вопрос? — поинтересовался Лантано Гаруваши.

— Направляясь вверх по реке, мы прошли через город Рейгухас, — сообщил Солон. — Там не осталось ни одного живого человека. По наполненному магией воздуху я понял, что сотни, а может, тысячи майстеров в течение двенадцати часов поднимали из праха кралов. Потом кралы сожрали всех жителей города. Завтра нам предстоит встреча с истинными порождениями тьмы, достойный властелин Лэ'нота. По моим подсчетам, их более двадцати тысяч.

— Черт возьми, у нас против них есть еще двадцать тысяч са'кьюраев! — возмутилась Ви.

— Крал не победит са'кьюрая один на один, — обиделся Хидео Мицуруги.

— А вам известно, что такое крал? — осведомилась Ви.

— Дело в том, — вмешалась сестра Ариэль, — что, когда всем представится возможность сразиться с порождениями тьмы, мир увидит лицемерие Лэ'нота, который в трудный час не нашел ничего лучшего, как пуститься наутек.

Джулус Ротанс затрясся от ярости.

— Катись к черту, проклятая ведьма! Все пошли к черту! Завтра увидите, как сражаются рыцари Лэ'нота. Мы пойдем в центре каждой атаки. Я сам поведу воинов в бой.

— Очень благородное решение. Мы принимаем ваше предложение, — сразу согласился Логан Джайр. — Но с одной оговоркой. Настоятельно прошу вас отказаться от мысли самому вести воинов в атаку. У меня есть опасения, повелитель Ротанс, что многих людей порадует ваша героическая гибель на поле боя.

Сначала сестра Ариэль подумала, что Логан намекает на магов, потом поняла: король ждет угрозы со стороны самих воинов Лэ'нота. Перспектива сражаться бок о бок с колдунами приводит их в бешенство, и в случае смерти Ротанса они тут же обратятся в бегство. Логан предоставил Ротансу возможность, не роняя чести, отказаться от опрометчивого предложения. Разве только властелин Лэ'нота и правда хочет геройски пасть в бою, чтобы его люди со спокойной совестью повернулись спиной к халидорцам, бросив сенарийцев и их союзников на произвол судьбы. Логан Джайр не только сохранил Джулусу Ротансу жизнь и получил в свое распоряжение всю его армию, но и обрел возможность завоевать расположение человека, который, несмотря ни на что, готов вести переговоры. Уж если все равно приходится иметь дело с дьяволом, лучше хорошенько изучить его повадки.

Сестра Ариэль увидела Логана в новом свете, обнаружив в нем незнакомые черты, заслуживающие уважения. На этом собрании королей, магов, преторов и повелителей он без малейших усилий занял главное место. Наверняка Логан знал о намерении Лэ'нота совершить предательство, иначе не стал бы затрагивать эту тему. И вот ему удалось устранить серьезную угрозу и выглядеть при этом великодушным и благородным.

— А сейчас, прежде чем приступить к обсуждению наших позиций на поле боя, может быть, кто-нибудь хочет высказаться? — обратился Логан к присутствующим. — Сестра Виридиана?

Он взглянул на Ви. Глядя на девушку, создавалось впечатление, что она хочет предложить что-то интересное.

— Сегодня днем на другой стороне Черного Кургана наблюдался взрыв магической силы. Наш источник сообщил, что состоялось сражение между майстерами божественного повелителя и сторонниками одного из его соперников, Мобуру Урсуула.

— Господи, дай мне возможность отправить своим мечом в преисподнюю душу этого предателя, — прошептал претор.

— Мобуру заявляет, что он — упомянутый в пророчестве верховный король, — проговорила Ви. — Кстати, по всем данным он для этого подходит. Я не задумывалась о его притязаниях, пока регент не сообщил, что, став королем, Лантано Гаруваши расчистит путь верховному королю.

Лицо сестры Ариэль побелело как мел. Интересно, все ли поняли смысл сказанных Ви слов? Сама она знала о верховном короле гораздо больше остальных, но ей и в голову не приходило, что, возможно, в пророчестве говорится о халидорце.

— Значит, Мобуру сражался с королем-богом. И кто же победил? — обратился Логан с вопросом к Ви.

— Мобуру отбросили в Черный Курган.

— А в наших пророчествах говорится, что вновь обретенный король Кьюры будет сражаться бок о бок с верховным королем, — поднявшись с места, вмешался в разговор Лантано Гаруваши. — Так вот, клянусь своей душой, я никогда не стану сражаться на стороне Мобуру.

Он положил руку на Кьюр'келестос, и меч в ответ ожил, вспыхнув огнем. Са'кьюрай

вложил клинок в ножны и сел на свое место.

— Мне это нравится, — заметил претор Маркус. — В алитэрских пророчествах о верховном короле говорится, что с его приходом наступят времена смуты и горя, так что я вам не завидую. В последующие десятилетия на вас могут обрушиться страшные беды. Однако, мне думается, решение этой проблемы можно безболезненно отложить до лучших времен.

— Сестра Виридиана, ты сказала, что хочешь обсудить два вопроса. В чем заключается второй? — снова обратился Логан к Ви.

— Меня пока не посвятили в сестры. — Ви бросила быстрый взгляд на сестру Ариэль. — Простите, что обращаюсь к военному совету с личным делом, но скажите, известно ли кому-нибудь из вас, где сейчас находится Элена Кромуилл?

Никто из присутствующих в палатке не мог ответить на вопрос Ви.

— Где-то я уже слышал это имя, — наконец откликнулся король Джайр. — О ком идет речь?

— О жене Кайлара, — ответила Ви. — Скоро он придет за ней.

Логан изменился в лице и побледнел. Остальные ничего не поняли, но не скрывали любопытства. Только Солон и Фейр знали, о чем идет речь, и не могли скрыть испуга. Кого они боятся? Неужели Кайлара? А вот сестра Ариэль опасалась за судьбу Ви. Наивная дурочка, не подумав, выболтала тщательно скрываемую правду, и это может ее погубить.

— Кстати, мы с Кайларом не женаты, — шла напролом Ви.

Если Логан проявил себя на этом совете наилучшим образом, то Ви удалось добиться обратного результата.

— Ты права, сестра, это личное дело, и мы поговорим о нем позже, — вышел из неловкого положения Логан. Он решил, что Ви сошла с ума. — У кого еще есть вопросы?

— У меня, — заявил претор Маркус. — А что, если Черный Курган ничего не отдает обратно, а только забирает? Что, если Мобуру не загнали туда силой, а он сам отправился в Черный Курган, чтобы получить желаемое?

— Да хранят нас боги! — раздался чей-то испуганный возглас.

90

Армии еще затемно выстроились на поле боя. Логан чувствовал, как внутри все сжалось от напряжения. Он подошел к лошади и в третий раз проверил подпругу. Союзные армии растянулись по всему полю, заняв огромное пространство. Ничего подобного Логану видеть не приходилось. Пятитысячный отряд из Лэ'нота возглавит наступление, за ним пойдут двадцать тысяч сенарийских пехотинцев. Они окажутся в центре, а с флангов их защитят двадцать тысяч са'кьюраев. Пять тысяч са'кьюраев, которые с самого начала пришли с Лантано Гаруваши, будут защищать лес на западе, чтобы халидорцы не смогли там укрыться и преподнести неприятный сюрприз. При удобном случае они выйдут из леса и совершат набег на лагерь короля-бога. Тысяча пришедших с Ви сестер-защитниц займутся обороной дамбы и мостов от атак магов. Остальные семь тысяч сестер рассредоточились по армиям, исходя из собственных соображений и не соизволив посвятить в них Логана. Двухтысячный алитэрский отряд легкой кавалерии и тысячный сетский отряд легкой пехоты останутся в резерве.

Многое зависит от первой атаки лэ'нотов. Ряды халидорской армии пополнились за счет двадцати тысяч кралов, и теперь она насчитывает сорок пять тысяч человек. Войскам короля-бога предстоит сражаться против армий союзников, в рядах которых пятьдесят три тысячи воинов, не считая семи тысяч сестер-защитниц. За спинами халидорцев Мертвая земля, и, если тяжелой кавалерии Лэ'нота удастся раздробить их силы, армия противника разделится на две части, и осуществлять командование станет гораздо труднее.

Конечно, никто не видел кралов в бою. Мага ссылались на древние свитки, описывающие наделенных огромной силой чудовищ со слабым зрением, которые не

способны испытывать боль. Последнее замечание тревожило больше всего.

— Что это за монстры, которые не чувствуют боли? — удивился Гаруваши.

— Чепуха, они смертны, как все живые существа, — пробурчал Джулус Ротанс, беспокойно ерзая на стуле. Властелина Лэ'нота раздражали устремленные в его сторону любопытные взгляды.

За шесть часов, в течение которых обсуждалось грядущее сражение, Ротанс так и не снял перчаток. Солон внес несколько замечательных предложений, и Логан вспомнил, как много времени они с Регнусом Джайром уделяли вопросам тактики. Теперь наставник Логана стал королем. Подробностей Логан не знал и не мог расспрашивать Солона в присутствии множества посторонних людей.

— Ваше величество, — обратилась к Логану Орелла; девушка состояла при короле телохранителем, — помните, как в прошлом месяце вы снова спускались в Дыру?

Логан завел обычай каждый месяц посещать Дыру. Ему не хотелось обременять этим телохранителей, но своей привычке король не изменил. Логан взглянул на Ореллу. Девушка сидела верхом на лошади, привычно положив руку на эфес. Она принадлежала к немногим женщинам ордена Подвязки, которые, вместо того чтобы вернуться к привычной жизни, остались служить телохранителями Логана. Логана нисколько не удивило, когда Гаруваши выделил Ореллу, заявив, что она родилась с мечом в руках. Са'кьюрай остроумно заметил, что Орелле не сравниться по силе с мужчиной, но для женщины она чертовски хорошо владеет мечом. У Ореллы хватило ума не обидеться на замечание непобедимого воина.

— Ты тогда спросила, какого черта я каждый месяц спускаюсь в эту преисподнюю, если потом каждую ночь просыпаюсь от кошмаров.

Орелла, разумеется, выразила свою мысль более дипломатично.

— А вы ответили, что кошмары над вами не властны и вы хотите это доказать, посещая Дыру.

— Послушай, я начинаю нервничать от твоих воспоминаний.

— Думаю, вам лучше сесть на лошадь, сир.

Логан последовал совету Ореллы. Ночной мрак медленно рассеивался, открывая взору кромешную тьму Мертвой земли, надвигающуюся на армии союзников. Логан не сразу сообразил, что видит перед собой. Вскоре до него дошло, что это идут в наступление полчища кралов. Их тела были серыми или покрытыми темными пятнами, попадались и белые. Они катились вперед огромной лавиной, сметая все живое на своем пути. Да их тысяч восемьдесят, и теперь халидорская армия насчитывает не менее ста тысяч воинов, и все они стоят между Логаном и его женой. В душе Логана закипал гнев, и он ощутил пощипывание в правой руке.

— Ви, дай свет! — рявкнул он.

— Отвернись! — крикнула в ответ девушка, но Логан не мог оторвать от нее взгляда.

Сестры выдали ей новое одеяние, справедливо полагая, что облачение мокрушника, равно как и сестринская ряса, не подходит женщине, которую все теперь величают воительницей. Новое платье красного цвета казалось сотканным из магии. Широкая юбка разделялась на две половины, чтобы было удобно ездить верхом, а само платье светилось и мерцало в предрассветных сумерках. Несомненно, такой наряд привлекал всеобщее внимание. Впрочем, Ви никогда не была им обделена в любой одежде.

— Не смотри! — снова крикнула она.

Логан едва успел отвернуться, как вспыхнул ослепительный свет, который больно резанул по глазам, несмотря на то что король Джайр предусмотрительно их закрыл. Открыв глаза, Логан увидел летящий над полем белый пульсар, который вдруг застыл в воздухе. В следующее мгновение со всех сторон вверх взлетели десятки новых пульсаров, освещая наступающих кралов, которые уже прошли половину расстояния, отделяющего армии друг от друга.

— Подготовить сигнальный флаг! — раздался приказ.

Одна из пришедших с Ви женщин-магов сделала жест, и в воздухе над головой Логана

взвился магический сигнальный флаг. Он излучал сияние и был таким большим, что его увидела вся армия.

Раздался лязг оружия и звон шпор, воины тихо ругались или молились, слышался скрип кожи на седлах, сменившийся ритмичным стуком копий о щиты и боевой песнью са'кьюраев. Лэ'нотская тяжелая кавалерия пошла в атаку.

— Вперед! — прозвучал новый приказ.

Магический сигнальный флаг исчез, а вместо него в воздух взвилось алое знамя. Пение са'кьюраев набирало высоту, и вся армия с грохотом двинулась вперед.

91

Кайлар вышел из ущелья в тот момент, когда внизу, на поле боя, враждующие армии разделяло всего несколько шагов. Отсюда не было слышно шума, но чувствовалось, как дрожит земля от топота десятков тысяч ног. Кайлар бежал, не останавливаясь, и не сбавил скорость, когда догнал обозы с маркитантами, которые собрались, чтобы посмотреть на сражение. Многие из них захватили с собой пожитки, на случай если дела пойдут совсем скверно.

Он спустился в долину, и поле боя исчезло из виду. На пути встретилось несколько вооруженных воинов, но Кайлар стрелой пронесся мимо, чтобы они не успели поднять тревогу, прежде чем он доберется до Черного Кургана. Шестеро воинов с пиками и короткими мечами за поясом вышли из боя, следя за приближением Кайлара.

— Стой! — закричал молодой воин.

Кайлар остановился, и в этот момент землю потряс страшный грохот, похожий на раскат грома. На ногах сумел удержаться только Кайлар. Он глянул в сторону Черного Кургана. Все пространство между ним и огромным куполом было заполнено воинами, среди которых он видел и людей, и кралов. Вдруг бой стал затихать, так как люди, кроме тех, что шли в первых шеренгах, устремили взоры на огромную, сияющую черным светом сферу. Последовал еще один удар грома, потрясший все поле боя, и на сей раз от вершины купола побежали вниз извилистые трещины. Охваченные ужасом люди слали громкие проклятия.

Третий раскат грома разорвал купол изнутри. В воздух взлетели огромные глыбы черного камня и обрушились на Мертвую землю и поле боя, сокрушая без разбора людей и кралов. Сам купол еще стоял на месте, но вместо круглой вершины зияла огромная дыра, окруженная зубчатыми обломками дрожащих стен.

Удар следовал за ударом, и остатки купола рухнули, подняв огромное черное облако пыли, словно ночь наложила гигантскую печать на нарождающееся утро. Внутри разрушенного купола шевелилось огромное существо.

— Что это?! — изумился молодой воин, охранявший мост.

Кайлар уже его не слышал. Он несся дальше.

Большинство сражающихся ничего не заметили, так как все их внимание сосредоточилось на битве. По мнению Кайлара, армии союзников действовали успешно и слаженно. Он видел, как один из лучников Агона вставил случайно подобранную стрелу в иммурский лук и выстрелил. Находившийся на расстоянии пары сотен шагов халидорский сигнальный флаг вдруг вспыхнул ярким пламенем. Стрелок четко определил цель, так как теперь на поле боя остался всего один сигнальный флаг Халидора. Кайлару было интересно, кому в голову пришла такая замечательная мысль.

Кьюрох, который ка'кари надежно спрятал от посторонних глаз, был по-прежнему пристегнут за спиной. С того момента, как Кайлар приблизился к арьергарду сенарийской армии, он ни разу им не воспользовался. Его вело за собой обострившееся чутье воина, которое заглушило здравый смысл. Оно заслонило собой все, кроме четких очертаний человеческих фигур, попадающихся на пути. Вскоре Кайлар столкнулся с отрядом копьеносцев, которые непробиваемой стеной упорно двигались вперед. Воины стояли так плотно, что между ними не оставалось даже узкого зазора. Они держали в руках

прямоугольные щиты и толкали ими в спину впереди идущих, поднимая локти, чтобы не зацепиться обо что-нибудь копьем.

Кайлар легко подпрыгнул вверх, толкнул одного из воинов в плечо, второго — под руку, в которой тот держал копье, встал обеими ногами на плечи копьеносца во втором ряду, а потом прыгнул еще раз. Все произошло так неожиданно, что он даже не услышал изумленных криков сенарийцев.

Кайлар пролетел над первыми шестью шеренгами кралов, рассматривая существ, среди которых предстояло приземлиться в следующее мгновение. Пять черных созданий и одно болезненно-белого цвета, похоже их предводитель. Двое кралов заметили Кайлара. Поджав колени, Кайлар перевернулся в воздухе и в последнюю секунду выбросил вперед ноги, ударив огромного черного крала по глазам. Голова чудовища откинулась, хрустнула шея. Кайлар стремительно вскочил на ноги.

Никогда прежде Кайлару не доводилось встречаться с кралами. Телосложением они напоминали людей, только с неестественно выпуклыми, выпирающими мышцами и маленькими поросячьими глазками. Надбровные дуги выражены слишком четко, широченные плечи, полное отсутствие шеи. Однако все кралы разительно отличались друг от друга, как будто в их создании участвовало множество разных рук. Тот, что стоял ближе всех к Кайлару слева, был покрыт густой шерстью, а на двух других волосы вообще отсутствовали. У крала, стоявшего на пути у Кайлара, нос загибался вверх и походил на слоновий хобот. Кроме того, на голове красовались тонкие изогнутые рога. У троих на руках имелось по дополнительному пальцу, заостренному в виде когтя. Кожа или покрывающая ее шерсть вызывали ассоциацию с разлагающимся трупом и так же мерзко воняли. Ни один из кралов не носил ни доспехов, ни одежды, за исключением белого предводителя. Лишь немногие пользовались оружием, а большинство полагались на острые когти и рога. Белый крал отличался от остальных высоким, более шести футов, ростом и оправился раньше соплеменников. Он замахнулся на Кайлара огромным тупым клинком.

Кайлар извернулся и нанес белому кралу сокрушительный удар ногой в горло. Спрятавшись за спину крала, который стоял ближе всех, он схватил его за рога и сломал шею. Вдруг до Кайлара дошло, что дюжина черных кралов замерла на месте, наблюдая за предсмертными конвульсиями своего белого предводителя. Из разорванной глотки белого крала со свистом выходил воздух. Бездействие кралов привело Кайлара в замешательство, и он на короткое время замер на месте. В обычном сражении подобное промедление стоило бы ему жизни. Он выхватил из-за пояса короткий кинжал танто и вонзил в сердце белому кралу. Скорее всего, сердце у крала находится там же, где и у человека, так как он сразу же испустил дух, как только Кайлар вытащил у него из груди кинжал.

Светившийся в поросячьих глазах слабый огонек погас. Десять уцелевших кралов не знали, что делать дальше. Некоторое время они оставались неподвижными, и Кайлар чувствовал, что они кого-то ищут. Потом кралы бросились в разные стороны в поисках нового хозяина, как будто кто-то потянул их за поводок.

Неожиданно на Кайлара накатилась мощная волна страха. Ви! Кайлар бежал по Мертвой земле, мимо трупов, которые, как ни странно, выглядели совсем свежими. Он миновал основные силы кралов, но впереди оставались еще сотни других, и они заметили Кайлара. *Талант* переполнял Кайлара, подобно огненной лавине, и сам он превратился в расплывчатое пятно.

Как обычно, чем ближе он оказывался к Ви, тем сильнее чувствовал ее переживания. Она находилась в самой гуще битвы, и исходившая от нее магия несла в себе чудовищную силу. Женщины-маги защищали Ви с флангов, и им пришлось столкнуться с дюжиной вюрдмайстеров, сквозь открытые участки кожи которых когтями прорывался вир. Логан Джайр на белом боевом коне, в белых доспехах, в окружении телохранителей сражался с дюжиной чудовищ. Огромный саблезубый кот набросился на короля — Логан опередил его, ударив мечом по макушке. Чудовище упало замертво, оставив след от острых когтей на броне, надетой на лошадь.

Один из вюрдмайстеров направил на короля огненный поток, который разбился о сияющий щит, расставленный вокруг Логана женщинами-магами. Коренастый красный крал, на голову ниже соплеменников и раза в три шире, ухватил за ногу чью-то лошадь и переломил ее, как тростинку. Животное заржало от боли и упало на землю, сбросив одного из телохранителей Логана. Он быстро вскочил на ноги и ударил чудовище плашмя мечом, но тонкий клинок отскочил от покрытого роговой оболочкой туловища, не причинив вреда. Телохранитель попытался пронзить монстра кинжалом. Клинок сначала согнулся, потом вошел в тело твари. Крал не почувствовал боли и схватил юношу за руку и за голову. Зубастик попытался его спасти и ухватился за другую руку, стараясь перетащить на свою лошадь. Громкий вопль несчастного заглушила огромная лапа крала, которой чудовище закрыло ему рот. Оно раздавило голову телохранителя вместе со шлемом, как простой орех. Зубастик не выпускал руки товарища, не понимая, что тот уже мертв.

Группа зеленых кралов с широко расставленными, как у лягушек, ногами накинулась на Логана, намереваясь стащить его с лошади. Силой *таланта* Ви отбросила их в сторону, и телохранители тут же перерезали им горло.

Пока воины Логана медленно продвигались к Мертвой земле, один из вюрдмайстеров, не участвовавший в битве, завел тихую песнь. На глазах у Кайлара расколотый череп саблезубого кота сросся, и чудовище поднялось на ноги. Подобные сцены наблюдались по всему полю боя. Вюрдмайстеры спешили вернуть к жизни наиболее ценных кралов.

Выхватив из ножен Кьюрох, Кайлар обезглавил одного вюрдмайстера, а потом и второго, прежде чем тот успел оживить краснокожего монстра. Третьего колдуна Кьюрох разрубил пополам. Сквозь гущу битвы он увидел Ви. Огромный крал вцепился ей в руку и тут же отскочил в сторону, так как платье Ви цвета крови стало непробиваемым, будто самая прочная броня. Девушка отрубила чудовищу руку и, встретившись глазами с Кайларом, показала взглядом ему за спину.

Он оглянулся и увидел гигантскую фигуру титана, который, разломав на куски Черный Курган, направлялся к полю боя, сокрушая все на своем пути. Чудовище было устрашающе огромным, хотя телосложением напоминало человека. Под чешуйчатой броней холодным синим светом мерцала кожа, а короткие золотистые волосы торчали во все стороны, как у непослушного мальчишки. Черные глаза с узкими радужными оболочками серебристого цвета напоминали кошачьи, все мышцы четко обрисовывались и выглядели красивыми и гладкими.

Впрочем, на человека титан походил только спереди, со спины он скорее напоминал исчадие ада. Вдоль позвоночника выступали огромные шипы, а с плеч спадали перепончатые, как у ящера, крылья. За чудовищем по земле волокся покрытый редкими волосами длинный крысиный хвост. Титан держал в руках огромную булаву, которой размахивал во все стороны.

— Кайлар! — приказала Ви. — Убей его!

Кайлар понимал, что девушка не хотела использовать установленную между ними неразрывную связь и заклятие на принуждение, но так или иначе она это сделала. Как будто невидимая рука хлестнула Кайлара ременной плетью, которую солдаты зовут кошкой-девятихвосткой, и все его внимание тут же сосредоточилось на титане. Выбора не оставалось.

92

Калдроса Уин лежала на Мертвой земле, почти на самом гребне холма, рядом с трупом огромного крала, похожего на медведя. Лишенную всякой растительности кожу чудовища покрывали уродливые струпья. Севернее находился Черный Курган, вернее, то, что от него осталось. Несколько минут назад огромный купол рухнул, что привело Калдросу в неописуемый ужас. Со своего места она видела сотни других воинов, большинство которых были са'кьюраями, а остальные — Псами Агона. Калдроса пришла сюда вслед за мужем

Томманом, намереваясь разделить с ним все опасности предстоящего сражения.

Вдали послышался тихий свист, а секундой позже он прозвучал уже ближе. Значит, решающий час настал. Калдроса подтянула к себе перепачканный грязью мешок и, открыв его, стала неторопливо одеваться, старательно втирая кровь в онемевшие руки и ноги. Два дня они ползли и часами лежали в грязи. Удивительно, что она вообще в состоянии двигаться. Воины измазали грязью доспехи и оружие, чтобы не блестели на солнце, и старались не делать лишних движений, чтобы не провалить тщательно спланированную операцию, когда заветная цель совсем близко.

Труднее всего было решить проблему с иммурскими луками. Чтобы их натянуть, иммурцы разогревали их у костра не менее получаса, а иначе стрелять из них нельзя. Впрочем, кто-то заблаговременно об этом побеспокоился, и все лучники собрались вокруг странного на вид модайнского мага с сильно подведенными бровями. Его звали Антониус Уэрвел.

Командовал отрядом Отару Томаки, один из советников Лантано Гаруваши. Калдроса не понимала, какими соображениями руководствовался са'кьюрай, определяя наиболее подходящий момент для атаки. Затянув онемевшими пальцами последний, самый несговорчивый ремешок на спине Томмана, она высунула голову из-за туши медведя, даже не вздрогнув от соприкосновения с монстром. Ее страх достиг наивысшей точки в первую ночь, проведенную на Мертвой земле. Калдроса сошла бы с ума, если бы не Томман, который лег рядом и не выпускал ее руки из своей. Сейчас она смотрела на чудовищ как на груды мяса, которое, как ни странно, не испускало зловония.

Казалось, в палатках халидорских военачальников никого нет. Установленные по кругу роскошные шатры охраняла всего дюжина воинов. Они не отходили от самого большого шатра, рядом с которым стоял шатер поменьше. Вокруг шатра расположились четыре женщины-майстера. Калдроса угадала правильно. Это шатер наложниц.

Мертвая земля заканчивалась в нескольких шагах от шатра. Томман и остальные лучники старались подползти к нему как можно ближе. Калдроса знала, что муж попадает в цель с двухсот шагов, но сейчас не время испытывать судьбу. Все зависит от быстроты и точности.

Усевшись на медвежью тушу, Калдроса потянулась и покрутила головой. К югу от холма огромное облако черной пыли оседало на город, скрытый под Черным Курганом. В центре возвышался громадный белый замок. Сам город находился на самом высоком месте на равнине, и Калдроса не могла видеть сражения. Она надела шлем и, оглянувшись, увидела, как все охранники и майстеры падают на землю, сраженные меткими выстрелами из луков.

Снова послышался свист, и тысяча воинов, вскочив на ноги, бросилась к шатрам. Обычно са'кьюраи идут в атаку с боевыми кличами, но на сей раз они хранили молчание. Некоторые спотыкались и падали, так как ноги сводило судорогой от долгого лежания на земле. Однако большинство воинов добежало до шатров за считаные секунды.

Отару Томаки поднял вверх руку с четырьмя протянутыми вперед пальцами, и сотня са'кьюраев окружила шатер, который охранялся лучше всего, а остальные воины рассеялись в разные стороны. По сигналу Томаки они одновременно разрубили стены шатра с четырех сторон и ворвались внутрь.

Калдроса зашла в шатер чуть позже и увидела шестерых убитых евнухов и одинокую, роскошно одетую женщину в окружении воинственных са'кьюраев. Женщина была темноволосой, хрупкой и совсем юной, лет шестнадцати, не больше. В руках она держала меч и размахивала им в разные стороны.

— Убирайтесь! Не смейте ко мне прикасаться! — кричала она.

Калдроса сообразила, что сенарийская принцесса вряд ли ожидала увидеть в качестве своих спасителей сотню вооруженных са'кьюраев.

— Успокойтесь, ваше высочество, — обратилась она к женщине. — Мы пришли вас спасти. Нас прислал ваш супруг.

— Мой супруг? Что за чепуху вы несете? Прочь отсюда!

— Ведь вас зовут Дженин Джайр? — спросила Калдроса.

Она никогда не встречалась с женой Логана и знала ее только по описанию.

— Надо спешить! — напомнил Отару Томаки. — Пора уходить!

— Дженин Джайр? — со смехом переспросила девушка. — Да, это одно из моих имен.

— Нас послал король Логан. Если бы вы знали, ваше высочество, как он без вас тосковал! Именно из-за вас мы здесь, — уговаривала Калдроса принцессу.

— Логан? О чем вы говорите? Логан мертв. — По растерянным взглядам ворвавшихся в палатку людей Дженин поняла, что это не ловушка, и побелела как мел. — Значит, Логан жив? Король Сенарии… О боги!..

Меч выпал у Дженин из рук, и она лишилась чувств. Отару Томаки успел вовремя подхватить ее на руки и перекинуть через плечо.

— Что ж, так даже лучше, — пробормотал са'кьюрай.

— Никогда не доводилось видеть настоящего обморока, — заметил Антониус Уэрвел. Краска, соединяющая брови мага в одну линию, за время пребывания на Мертвой земле размазалась, что придавало ему скорее не грозный, а причудливый вид. — Прекрасно. Мы готовы?

— Еще тридцать секунд! — рявкнул Томаки.

Са'кьюрай, которые до настоящего момента поддерживали железную дисциплину, разлетелись в разные стороны и, словно обезумев, принялись грабить все, что попадет под руку. Калдроса принялась считать до тридцати, но последний воин вернулся уже на счет «двадцать восемь». На счет «тридцать» Антониус Уэрвел поднял руки к небу, и в воздух со свистом взметнулся столб синего пламени, вершина которого сияла зеленым светом.

Некоторое время они напряженно ждали. Вдруг с противоположной стороны Черного Кургана в небе вспыхнул зеленый огонь.

— Мы идем на восток через Мертвую землю, — объявил Томаки. — Вперед!

93

Среди лязга оружия, проклятий и стонов Кайлар ощущал безмятежное спокойствие. Рядом лилась кровь, слышался хруст переломанных костей, свист воздуха, вырывающегося из перерезанной глотки, а все вокруг наполнилось знакомым запахом пролитой крови, пота и выпущенных из животов внутренностей. Кайлар ударил по лодыжке белого крала и сбил с ног. Пробегая мимо падающего чудовища, мимоходом вонзил Кьюрох в глотку другого крала. Потом, молниеносно перехватив меч, пробил им череп первому кралу, прежде чем тот ударился о землю.

Расправившись с двумя чудовищами, Кайлар получил возможность рассмотреть титана, который находился всего в нескольких шагах от него в самой гуще сражения. В дикой ярости он размахивал булавой, разбрасывая в стороны искалеченные тела людей и кралов, которые нанизывал на шипы своего смертоносного оружия.

Кайлар снова бросился в водоворот битвы подобно ныряльщику, который в знойный день ищет спасения в прохладной воде озера. Приказ Ви убить титана сделал мир прекрасным. Пропал страх, который всегда возникает при необходимости защищать тех, кто слабее тебя. Не нужно сбавлять шаг и замедлять скорость, приспосабливаясь к марширующим воинам. Нет нужды скрывать свои достоинства, и даже приглушенный страх, когда нужно убить человека, куда-то исчез.

Перед Кайларом встало на дыбы разъяренное черное подобие гаранского быка, который оглушительно топал копытами, рассекая воздух могучими клыками. Кайлар отскочил назад и, дождавшись, когда чудовище надумает встать на четыре ноги, поднырнул под него и вонзил Кьюрох в брюхо. Меч легко разрезал тело монстра, подобно гребню, расчесывающему шелковистые кудри сказочной принцессы. Как же это прекрасно! Тварь взревела от боли, роняя кишки на землю, но Кайлар уже ничего не слышал, расправляясь с

очередным монстром.

Он где-то раздобыл копье и бросился в гущу еще одной группы кралов. Твари не успели опомниться и отразить внезапное нападение. Копье вертелось как заведенное, а Кьюрох мелькал в воздухе, словно птичка колибри. На землю упали замертво еще восемь чудовищ. Со стороны казалось, что Кайлар не сражается, не убивает и не калечит, а исполняет причудливый ритуальный танец. Он рубил кралам головы, только чтобы изменить направление падающего тела. Гораздо быстрее и проще пережать артерию, подрезать подколенные сухожилия или рассечь лицо, чтобы вытекли оба глаза. Он больше не убивал черных кралов и охотился за их белыми сородичами, медведями, турами и гаранскими быками, которые преграждали путь к титану.

Кайлар выбил глаз у гаранского быка, а когда тот хотел проткнуть его огромными клыками, выколол и второй глаз. Ошалевший от боли слепой бык топтал ногами шеренги кралов, а Кайлар, глядя на это зрелище, смеялся.

Когда до титана оставалось шагов тридцать, Кайлар получил первый ответный удар. Нанесший его крал отличался от всех остальных. Все кралы создавались по принципу: чем больше, тем сильнее, и, чем сильнее, тем лучше. Это существо телосложением напоминало человека и было таким же поджарым, как Кайлар. Кожу заменял хитиновый панцирь кроваво-красного цвета, а вместо лица красовался гладкий хитиновый овал. Тварь стояла в боевой позиции и держала в руках два меча, сделанных из одинакового материала. Чудовище парировало «Три маргаритки» приемом Гаронна, а на прием Кири ответило ударом «Падающие булыжники». Когда оно попыталось отбить «Узел, развязанный гневом Сиди», Кьюрох пробил хитиновую грудную клетку. Кайлар для верности отрубил ему голову и тут заметил, что титана окружают только кралы в красных хитиновых панцирях. Всякий раз, когда титан взмахивал булавой, они ловко увертывались от удара. Всего было тринадцать отрядов, в которых насчитывалось по тринадцать тварей, снующих во все стороны подобно огненным муравьям.

Оказавшись между огненными муравьями и титаном, центр сенарийского войска с трудом сдерживал натиск. Сюда стянулись все резервы, но Кайлар видел, что центр долго не выдержит. Титан имел рост восьми взрослых мужчин, если их поставить на плечи друг другу, и отнюдь не отличался ни глупостью, ни медлительностью. В месте скопления кавалерии он одним ударом уничтожил шесть лошадей. Когда кавалеристы рассредоточились, в образовавшиеся бреши бросились огненные муравьи и принялись убивать людей.

Вот титан поднял ногу, чтобы растоптать наступающего на него всадника, и Кайлар сумел подобраться к чудовищу ближе. Титан опустил ногу и, сотрясая землю, раздавил в лепешку и всадника, и лошадь. Кайлар подпрыгнул и ухватился за ногу гиганта. На титане была надета броня, состоящая из отдельных чешуек таких огромных размеров, что Кайлар затруднялся объяснить их происхождение. Завязки на доспехах оказались кожаными ремнями и толстыми пеньковыми веревками. Вложив Кьюрох в ножны, Кайлар пополз к поясу титана.

Титан заметил его и повернулся так стремительно, что из-под ног выскользнула опора. Кайлар видел, как титан сокрушает хитиновых воинов, которые не ожидали такого движения. Он ударил Кайлара, и того отнесло в складки перепончатых крыльев.

Закутанный в мягкую зловонную кожу, Кайлар заскользил вниз, к земле. Он успел ухватиться за кость крыла толщиной с собственное бедро и сделал стремительный прыжок. Кьюрох оказался у Кайлара в руках как раз в тот момент, когда титан обнаружил, что сбросить его на землю не удалось. Кайлар стал наносить удары мечом, и мягкая, толщиной в ладонь, перепонка разорвалась. Забросив Кьюрох за спину, он проскользнул в отверстие, и тут титан с шумом развернул гигантские крылья. Кайлар едва не потерял сознание от удара. Титан снова сложил крылья, пытаясь стряхнуть его на землю, и Кайлар, оттолкнувшись, прыгнул и уцепился за один из гигантских позвонков, выступающих из спины титана. Титан еще раз быстро повернулся, однако не увидел надоедливого человека, а потом его внимание

отвлекла чья-то атака. Кто пошел в наступление, Кайлар не видел. Ноги нашли точку опоры на нижнем позвонке, и, приспосабливаясь к движениям титана, он стал карабкаться по позвонкам вверх.

Кайлар не мог отыскать подходящего места на позвоночнике, чтобы вонзить Кьюрох, и поэтому продолжал карабкаться вверх, к латному воротнику, защищающему шею. Воротник был оторочен бахромой из металлических волосков, и Кайлар, захватив их в горсть, изловчился и вонзил Кьюрох титану в затылок.

Волна магии пробежала по металлическим волоскам, сбив Кайлара с ног, и он повис на одной руке.

Волоски выскользнули из руки, и он ухватился за латный воротник. Руку Кайлара зажало между металлом и кожей титана. Кайлар повернулся вокруг своей оси и наобум рубанул чудовище по шее. Шквал магии ударной волной вырвался из раны титана, все вокруг почернело, и Кайлар почувствовал, как неведомая сила уносит его вверх и кружит высоко над землей. Потом он начал падать, и под руками не оказалось ничего, за что можно ухватиться, а земля приближалась со стремительной быстротой. В ушах свистел ветер, в желудке расползалась противная тошнотворная пустота. Кайлар сгруппировался, в душе надеясь, что вот-вот проснется. Пробуждения не наступило. В следующее мгновение он ощутил страшный удар и услышал хруст переломанных костей. Правая ключица и рука, а также ребра с правой стороны и кости таза были раздроблены.

Кайлар очнулся и увидел, что лежит на спине, на сплющенном трупе огненного муравья. Попробовал пошевелиться и не смог. Все тело пронзила нестерпимая боль, перед глазами поплыли черные пятна. Он понял, что умирает, а значит, для него сражение закончено.

Титан отступил на несколько шагов, из его шеи с правой стороны фонтаном била кровь. Кайлар попал мечом в сонную артерию. Монстр испустил жуткий вопль и вдруг заметил Кайлара. В серебристо-черных глазах титана промелькнуло удовлетворение. Гигант снова двинулся вперед. Он знал, что умирает, и намеревался упасть на Кайлара и раздавить его тяжестью своей туши.

По-прежнему лежа на спине и глядя в небо, Кайлар смотрел на титана. Перед глазами плавал какой-то призрак, и Кайлар моргнул, чтобы прогнать видение, но оно не исчезло. Высоко в небе кружила огромная хищная птица. Даже на таком расстоянии было видно, что размах ее крыльев не менее тридцати футов. Вдруг птица стремительно ринулась вниз, прямо на Кайлара.

Чудесно! Погибнуть от руки титана или клюва гигантской птицы. Лучшей смерти нельзя и желать!

Отодвинуться в сторону он не мог, не позволяли переломанные кости, из-за которых каждый вздох причинял мучительную боль. Взгляд Кайлара снова остановился на титане, у которого из шеи по-прежнему хлестала кровь. Чудовище надвигалось, хищно оскалив огромные белоснежные зубы.

Гигантская птица раскинула крылья и, внезапно изменив направление, впилась в лицо титана. Голова монстра с хрустом откинулась назад, и он как подкошенный рухнул на спину, давя своим телом шеренги кралов.

Кайлар понимал, что умирает, и уже ничего не изменить. Как бы там ни было, титана он уничтожил. Значит, очередная жизнь прожита не зря.

По шеренгам са'кьюраев пронесся боевой клич, и отряды союзников пошли в наступление. Через неподвижное тело Кайлара перешагивали пехотинцы и проносились на лошадях кавалеристы.

Он закрыл глаза и вдруг почувствовал, как все тело заполняет магия. Чья-то уверенная и ловкая рука собрала по кусочкам переломанные кости и быстро их срастила. Вскоре действие магии прекратилось, и Кайлар, пошатываясь, встал на ноги и встряхнулся всем телом. Кто бы мог подумать, что исцеление совершится так быстро? Во всем мире только один человек способен на подобное чудо.

— Думаю, теперь твой черед спасти мне жизнь. Это начинает надоедать. Кстати, помнится, я предупреждал, чтобы ты берег эту штуку.

Кайлар с изумлением уставился на Дарзо. Учитель протягивал ему Кьюрох. За спиной у Дарзо висел огромный, возвышающийся над плечами рюкзак. Присмотревшись внимательнее, Кайлар, к своему удивлению, обнаружил, что это крылья.

— Черт возьми, только не говори, что умеешь летать!

— А что особенного? — пожал плечами Дарзо. — Полые кости, другое сердце и глаза, которые прекрасно видят, когда пикируешь. Да, еще нужно точно перераспределить массу тела. Вообще-то чертовски сложная задача, но выполнимая, если знаешь, как устроены драконы.

— Драконы? Не продолжай, не надо. — Кайлара шатало от мощной волны магии, прошедшей по всему телу. — Не думал, что исцелюсь так быстро…

Он замолчал на полуслове, глядя, как крылья убираются в спину Дарзо, а пропорции тела меняются на глазах. Ведь Дарзо учил, что даже самое незначительное преображение внешности занимает от восьми до двенадцати часов. И вот учитель всего за несколько секунд избавился от огромных крыльев.

— Невероятно, — прошептал в изумлении Кайлар.

— Для тебя это слишком сложно, — извиняющимся тоном заметил Дарзо.

— Ты знаешь, где сейчас Элена? — обратился к нему с вопросом Кайлар.

— Точно не знаю, но догадываюсь.

Дарзо как будто хотел сказать что-то еще, но передумал. Насмешливое выражение исчезло с его лица.

В следующее мгновение Кайлар понял, что привело учителя в смятение. Земля под ногами вдруг задышала, и воздух наполнился зловонным трупным запахом. Кто-то разрушил заклятие Джорсина, и Мертвая земля, стряхнув магические оковы, ожила.

94

Король-бог Уонхоуп увидел, как со стороны сенарийского войска в небо взметнулась огненная дуга и полетела к его шатрам.

Дженин. Сенарийцы пришли за Дженин.

Он стоял на ступеньках, ведущих к огромному древнему дворцу. Уонхоупу в жизни не доводилось видеть такого высокого здания. Его колонны и башни упирались в небо. Король-бог чувствовал, что внутри находятся Хали и Неф Дада. Дориана сопровождала дюжина горцев и двести вюрдмайстеров. Вполне достаточно, ведь настоящее сражение состоится между ним самим и Нефом Дадой, бывшим наставником и учителем. Неф наделал много шума, пытаясь незаконно захватить власть. Он разбудил титана и красных буулгари, огненных муравьев, которые были заточены в куполе вместе с титаном.

Но не только Неф причинял беспокойство Уонхоупу. Брат божественного повелителя Мобуру вчера почти полностью истратил силы, пробиваясь к Черному Кургану сквозь войско Уонхоупа. А сейчас он выходит из туннеля, прорытого под городом, и у него есть ферали.

Стоя на лестнице, король-бог видел все, что происходит к северу и востоку от дворца. На севере маленький отряд сенарийцев пробивался по Мертвой земле на восток, чтобы соединиться с силами Логана Джайра, во главе которых стоял сам король. У Мобуру, похоже, всего несколько сотен человек, и они встретятся с армией Логана раньше сенарийцев, которые везут туда Дженин. Не будь у Мобуру ферали, сенарийцы легко стерли бы его отряд в порошок, а так все будет зависеть от искусства магов, которые служат Логану.

В общем, благодаря этой схватке у Уонхоупа появится достаточно времени, чтобы проникнуть в замок, забрать Хали и лишить Нефа Даду вира. Без вира Неф и Мобуру окажутся абсолютно беспомощными, и он объединит все силы кралов. Уонхоуп совершил много ошибок, но еще далеко не все потеряно. Он уже собирался войти во дворец, как вдруг

увидел, что воины Мобуру повернули в сторону сенарийского отряда, который захватил Дженин.

Сердце бешено колотилось в груди, отдаваясь гулкими ударами в уши. К Дориану вернулся пророческий дар, и он увидел жуткую сцену. Ферали уничтожит похитителей, и Дженин окажется в руках у Мобуру. Он ясно видел эту картину. Мобуру держит Дженин, глядя на нее безумными глазами. Вокруг Дженин сплетаются заклинания, которые раздавят ее голову, как орех, если Мобуру выпустит их на волю.

Для Дженин все кончено. Уонхоуп видел, как с треском лопается ее череп и через тонкие трубочки заклинания вытекает мозг. Он моргнул, отгоняя видение. Даже если спасти Дженин, их супружеской жизни настал конец. Сенарийцы уже наверняка рассказали, что Логан жив, и если Уонхоуп спасет ее на глазах у бывшего мужа, поблагодарит ли его за это Дженин? А там, во дворце, скрывается огромная власть. С помощью Хали Уонхоуп получит несокрушимую магическую силу, богатство, любые плотские утехи и успокоение. Его ждет постижение давно погребенных тайн и магии, которой может научить только богиня. Да, там есть все, кроме дружбы, любви и общения с дорогими сердцу людьми. Только что в них толку, если он сходит с ума и все равно не сможет наслаждаться этими благами? Это его право по рождению, которое люди всю жизнь хотят отнять. Уонхоуп пожертвовал всем, чтобы попасть сюда. Что станет с гаремом, если он бросит его на произвол судьбы? Он подарил женщинам достойную жизнь, о которой они не смели и мечтать. Уонхоуп не может жить без вира. Однажды он попытался и едва не погиб. Испытывать судьбу еще раз не стоит. Дженин для него умерла, но предстоит сокрушить Нефа и показать ему, кто здесь учитель, а кто — ученик, отмстить за все зло, которое причинил ему Неф в детстве и юности.

Уонхоуп решительно направился во дворец.

— Дориан?! — позвал его по имени мужчина, уже добравшийся до середины холма. — Неужели это ты?! — Солон выехал из-за угла на боевом коне гнедой масти и направлялся по вымощенной булыжником улице в сторону дворца. Он оглянулся и сделал знак идущим следом воинам, приказывая остановиться. — Господи, Дориан! Как я рад нашей встрече! А я-то думал, тебя нет в живых!

Король-бог Уонхоуп был облачен в белые одежды, на шее у него висели тяжелые золотые цепи, символы высокого положения. Кожа почернела от клокочущего под ней вира, а Солон, казалось, ничего не замечал.

Он направился к Дориану, даже не призвав *талант.* В руках у Солона не было оружия, и он не делал ни одного неосторожного движения, которое может быть воспринято как угроза. Как будто шел навстречу дикому зверю.

— Это ты, Дориан.

Солон повторял это имя, словно оно обладало особой властью и могло воскресить к жизни мертвеца. И в нем действительно теплилась жизнь. Несмотря на окружающую роскошь и мгновенное исполнение любого каприза, в последние месяцы Дориан чувствовал себя затравленным зверем. Он забыл о покое, вместо которого приходило оцепенение и туманился рассудок. Даже рядом с Дженин он чувствовал себя одиноким.

Солон подходил все ближе, и все двести вюрдмайстеров занервничали, ощущая мощь его *таланта.* Даже Уонхоуп чувствовал ноздрями его запах. Он ненавидел этот дар. Он пах светом, очищающим, обличительным и вызывающим чувство стыда в самой темной душе. Но вюрдмайстеры нападут на Солона только по слову божественного повелителя. А Солон шел вперед, не обращая на них внимания.

— Дориан, — повторял он, — Дориан.

В свое время Дориан напророчил Солону будущее. Когда же это было? Лет десять или двенадцать назад? Пророчество заканчивалось так: «Север в руинах, и ты повержен, но все возродится по слову твоему». Похоже, наглец решил, что заветным словом является «Дориан», и сейчас подтверждает правильность пророчества. На губах Солона играла улыбка, которую Дориан так хорошо знал. Уонхоуп рассмеялся, но смех застрял в горле и даже ему самому показался хохотом безумца.

Он взглянул на холм. Мобуру догнал отряд сенарийцев, захвативший в плен Дженин. Чудовище ферали прокладывало путь между их рядами. Вслед за ним поднималось черное облако пыли. Ферали рвал на части людей и пожирал их тела, а сам становился все больше и больше.

А там, во дворце, Неф пытается дать Хали телесную оболочку, и тогда жестокая богиня поработит всю Мидсайру, а возможно, и мир. Поработит и уничтожит. Даже не вселяясь в человеческое тело, она превратила Халидор в бак с дерьмом, вселив в души людей страх и ненависть. На что же она способна, если обретет плоть? Дориану ничего не остается, как остановить Нефа. Да, король-бог может помешать Нефу Даде, он знает все приемы, которые может употребить в сражении бывший учитель. Судьба Дженин вторична, отвлекающий момент на огромном художественном полотне. Жизнь Дориана и его искусство представляют собой слишком большую ценность, чтобы броситься спасать женщину, тогда как главное сражение, которое решит судьбу Мидсайру, идет всего в нескольких шагах от него. Еще один, последний раз Дориан зайдет во дворец как король-бог Уонхоуп, в последний раз вызовет вир и разрушит все, что сотворил Неф. Уничтожит дело рук Хали, а потом умрет. Наконец-то его битва закончится. Уж если не удалось прожить порядочную жизнь, то пусть он хотя бы примет достойную смерть.

Кроме того, Дженин для него умерла.

— Дориан, — еще раз позвал Солон. — Дориан, вернись.

Дженин умерла для короля-бога Уонхоупа и даже для Дориана, но на самом деле она осталась в живых. Он хотел улучшить жизнь своего народа, исправить зло, что совершил отец, и для этого обзавелся гаремом и поднял из праха кралов. Он перебил детей, своих сводных братьев, насиловал девушек и в конце концов развязал войну. В действительности он совершил столько преступлений, за которые ненавидел отца, и времени ему понадобилось гораздо меньше. А правда заключается в том, что Дориану всегда хотелось прослыть великодушным, а не быть им на самом деле. И вот сейчас он снова собирается совершить прежнюю ошибку. Неудивительно, что ему так хотелось избавиться от пророческого дара там, в Ревущих Ветрах. Чтобы не видеть, в кого превратится.

— Идите внутрь и убейте узурпатора, — велел вюрдмайстерам король-бог Уонхоуп. — Я сейчас последую за вами.

Они тут же зашли во дворец. Возможно, даже послушаются его приказа. Это уже не имеет значения. Нельзя оставить их здесь, рядом с собой, так как вюрдмайстеры попытаются его остановить.

— И вы тоже, — обратился король-бог к телохранителям, которые тоже беспрекословно выполнили приказ.

Стоило Дориану прикоснуться к слабым и хрупким остаткам *таланта,* как внутри все перевернулось, протестуя против его действий. Дориан подготовил заклинания, не давая себе времени на размышления. Заклинания были знакомыми, он однажды ими пользовался в юности. Возможно, всего этого слишком мало и слишком поздно. Нет способа расплатиться за зло, которое он совершил. Нужно уничтожить Нефа, а потом умереть.

Дориан слышал самый знакомый голос, советов которого слушался столько раз. Всякий раз, думая об искушении, Дориан в него непременно впадал. Сейчас настало время действовать и наконец совершить добро. Не важно, узнает кто-нибудь о нем или нет, и не надо думать, большое это добро или малое.

Сделав глубокий вдох, Дориан собрал весь оставшийся *талант* и вырвал из себя вир. Вместе с виром вырывались частицы *таланта,* но Дориан врезался все глубже и глубже. Осталось так много открытых ран, и Дориан понял, что больше не сможет владеть собой, когда проснется пророческий дар. Нахлынет безумие, которого он так боялся и старался одолеть, и уже останется навеки.

Преодолевая тошноту, Дориан отшвырнул золотые цепи и белый плащ короля-бога.

— Солон, друг, — прохрипел он, задыхаясь, — едем со мной. Только скорее.

95

Логан не знал, как развиваются события на поле боя. После того как был подан сигнал, извещающий о том, что Дженин нашли, он бросился навстречу воинам, которые находились на восточном склоне холма, ниже дворца. За их спинами вспыхнул огненный знак, призывающий бросить в бой все резервы. Для Логана это не имело значения.

У подножия холма отряд, который по приказу Логана отправился спасать Дженин, ввязался в бой с несколькими сотнями халидорцев. Земля здесь была покрыта черной пылью, оставшейся от Черного Кургана. Пыль уже улеглась, но во время сражения воины снова подняли ее, и было трудно разобрать, как идет сражение.

Слой пыли достигал шести дюймов, и Логан не рискнул пойти в атаку, опасаясь, что лошади попадут ногами в замаскированные ямы-ловушки.

Логан вместе с авангардом отряда подъехали на расстояние тридцати шагов, когда в черном облаке пыли стал вырисовываться напоминающий медведя силуэт. Только это был не медведь. К шкуре чудовища прилипли вопящие от ужаса и боли люди.

— Назад! — крикнул Логан. — Это ферали!

Он свернул влево и столкнулся с вынырнувшей из черной тучи толпой халидорских воинов, которые старались убраться с пути ферали. В рядах халидорцев, которые не ожидали встретить кавалерию, началась паника, и воины Логана прошлись по ним, словно бороздой. Боевой конь Логана растоптал дюжину врагов, но трупов было так много, что продвигаться дальше стало невозможно.

Над головой Логана пронеслась огромная рука, усеянная маленькими разинутыми ртами. Она задела шлем, и послышался скрежет крошечных зубов, которые хотели прокусить металл. Логан не успел рассмотреть чудовище, тенью мелькнувшее в черном облаке пыли.

В спину его боевого коня врезалась чья-то лошадь, и Логан пошатнулся. Конь рванулся вперед, давя попавшихся на пути людей и кусая их. В воздухе со свистом пролетел боевой пульсар и взорвался рядом с ферали, не причинив тому ни малейшего вреда. Женщина-маг еще не знала, с чем ей пришлось столкнуться.

Когда Логан повел своих воинов прямо на ферали, крики усилились. Рядом с Логаном ехали Зубастик и Ви. Платье девушки засветилось изнутри, когда она выпустила шквал пульсаров размером с кулак. Огненные шары попали в халидорцев, которые столпились перед воинами Логана, и в ферали.

— Его нельзя поразить пульсаром! — крикнула Ви.

Ферали внезапно исчез: присел на корточки и ушел в землю.

— Черт возьми! — выругался Логан.

Раньше он уже видел подобное. Ферали никогда не уходит и не прячется, он преображается, чтобы использовать всю новую плоть, которую поглотил. Задние ряды воинов напирали, толкая к чудовищу тех, кто находился впереди.

Ферали взлетел вверх, разбрасывая в разные стороны людей и лошадей. Падая, воины давили оставшихся внизу товарищей.

— Немедленно рассредоточиться! — прогремел голос Логана.

Ви подала световой сигнал, но его заметили не более сотни человек.

Внезапно Логан почувствовал прокатившуюся над головой волну магии, которая распространялась по воздуху, подобно облаку дыма.

С грохотом, напоминающим стук захлопнувшейся двери, магия ударилась о землю. На огромном квадратном участке черная пыль мгновенно осела на землю, и воздух полностью очистился.

Взглянув на холм, Логан обнаружил источник магии в лице Солона Тофьюсина. Этого человека он знал лет десять. Рядом с Солоном на выступе стоял темноволосый мужчина. Незнакомый маг излучал искрящийся свет, сплетая воедино десятки магических нитей. Логан мельком взглянул на незнакомца и снова стал следить за сражением.

Он обнаружил, что вместе с отрядом оказался в ловушке. По обе стороны находились стены, и именно к ним Логан пытался отвести своих людей. На пути, в самом центре сада, сидел ферали. Вместо исчезнувших ног у него появилась дюжина рук, на которые он опирался и хватал с земли людей и лошадей без разбора. Отсутствие черной пыли позволяло Логану и его людям рассмотреть, что происходит вокруг, но такая же возможность появилась и у ферали.

— Второй, третий и четвертый батальоны, окружайте сзади! — скомандовал Логан.

Ви выбросила в воздух сигнальный флаг, но заставить армию изменить направление непросто и требует времени. Четвертый батальон, возможно, придет вовремя и помешает отступлению халидорцев, тем не менее ничто не спасет тысячу человек, попавших в капкан вместе с Логаном.

Ви в очередной раз попробовала атаковать ферали. Теперь она нацеливала пульсары в глаза чудовища, намереваясь хотя бы на время ослепить его. Дюжина женщин-магов тут же последовала ее примеру, направив потоки слепящего света на гигантскую многорукую тварь, обосновавшуюся в центре сада.

Их действия на некоторое время парализовали ферали, но он быстро пришел в себя. Повернувшись в сторону халидорцев, где свет не слепил глаза, он схватил одну из лошадей и швырнул в женщину-мага. Тело животного придавило ее и с дюжину других сестер. Неожиданно ферали вытянул вперед руку, и из кожи выросли десятки острых клинков, которые чудовище метнуло в другую женщину-мага.

Логан вытянул шею, чтобы выяснить, не уменьшилась ли давка. Нет, задние ряды по-прежнему напирали на стоящих впереди воинов.

— Дженин! — раздался полный отчаяния вопль.

Кричал человек, стоявший на выступе холма рядом с Солоном. Он широко раскинул руки, по которым плавно скользили затейливые узоры. Логан с изумлением наблюдал за этой картиной, ведь раньше он не обладал способностью видеть магические заклинания. Потом незнакомый маг соединил руки вместе, сжимая заклинания в один большой шар. В следующее мгновение магический шар стрелой вылетел из рук и попал в ферали. Невероятно: он пронзил чудовище, а ведь прежде магия не могла с ним справиться.

В это время ферали выхватил у халидорцев еще одну лошадь с женщиной в седле. Она пыталась отползти назад и спрыгнуть со спины лошади, но лапа ферали крепко держала подол ее платья. Логан узнал в женщине Дженин, и сердце сжала невидимая рука. Помочь он ничем не мог.

Стоявший рядом с Солоном маг вскрикнул, и струящаяся из рук магия превратилась в туго натянутую веревку, привязанную к ферали. Маг еще раз пронзительно вскрикнул и изо всей силы рванул на себя веревку.

Лошадь выпала из лап ферали, и Логан потерял жену из виду. Серая шкура ферали стала мерцать приглушенным светом, потом поднялись клубы черного дыма, и шкура превратилась в облако пара. Послышался свист выпущенного наружу воздуха, и ферали замертво рухнул на землю. Его тело разлетелось на мелкие куски, а магическое сплетение, удерживающее их вместе, затянулось подобно узлу Фордэна.

Логан вонзил шпоры в бока боевого коня, не дожидаясь, пока последняя рука чудовища долетит до земли. Он скакал вперед, по зловонным грудам вывалившихся из трупов внутренностей и наконец врезался в первые ряды халидорцев, которые находились между ним и тем местом, где упала Дженин. Краем глаза Логан видел, что четвертый батальон подходит к указанному месту и перекрывает северный выход из сада.

Ладешец и дюжины две пришедших с ним воинов быстро спешились и вскарабкались на каменный балкон. Само здание лежало в руинах, но балкон уцелел, и с него открывался вид на весь сад. Ладешец поднял руки, и в воздух взметнулся столб пламени. Огонь стал медленно опускаться вниз, собираясь вокруг ладешца и приобретая очертания дракона.

— Смотрите сюда! — возопил Мобуру. — Явился верховный король! Король Джайр, приди и воздай ему надлежащие почести!

В отряде Мобуру насчитывалось человек тридцать, и все они столпились вместе с ним на балконе. Логан взбежал по ступеням до самого верха и увидел Дженин. Ее роскошное бархатное одеяние было разорвано и перепачкано черной, как сажа, пылью, однако сама она выглядела целой и невредимой. Дженин не могла пошевелить связанными руками, плотно прижатыми к бокам, а над шеей и головой нависло заклятие, готовое впиться хищными зубами в кожу. Страшные челюсти могли сомкнуться в любой момент. Их удерживала тонкая магическая нить, которую держал в руках Мобуру. Стоит его убить, и челюсти тут же раздробят череп Дженин. Логан сам не знал, откуда ему это известно, но ни секунды не сомневался, что именно так и произойдет.

Встреча с Дженин вызвала в сердце Логана бурю чувств, которые нельзя описать словами. Он нашел жену, когда растаяла последняя надежда увидеть ее среди живых. Теперь никто не отнимет у него Дженин, никто не посмеет причинить ей боль. Логан поднял руку, приказывая своим воинам остановиться и не нападать на Мобуру.

А Мобуру стал произносить нараспев слова пророчества:

— «Прошел он через ад и подземные воды и вернулся к жизни, отмеченный смерти печатью, дракона лунного взглядом. Во мраке смерти, в тени кургана, где погребена последняя надежда, он возродится, и воскрешение его огонь сопровождает. Пророчество так древнее гласит».

Люди, это пророчество исполнится сегодня на ваших глазах! — взывал Мобуру. — Я — Мобуру Урсуул, сын севера, законный король-бог, явился сегодня, чтобы занять свой трон. Бросаю вызов тебе, самозванец! Ставлю против твоей короны свою. — Он секунду помолчат и тихим голосом добавил: — И ее жизнь в придачу.

— Идет, — не задумываясь, согласился Логан. — Передай заклятие на смерть кому-нибудь из своих чародеев.

— Что вы, ваше величество! — ужаснулась Ви. — Он у нас в руках! Ему некуда бежать!

— Пусть никто не мешает! — потребовал Мобуру.

— Согласен, — откликнулся Логан.

— Что ж, договорились!

Мобуру повернулся к вюрдмайстеру, что стоял слева от него, и передал ему заклятие.

Сорвав шлем, Логан снял с головы корону и бросил ее тому же вюрдмайстеру.

— Дженин, — обратился он к жене, глядя ей в глаза, — я люблю тебя и никому не отдам.

Битва закончилась. Халидорцев не осталось, и убивать было некого.

— Я родился в день, указанный в пророчестве, двадцать два года назад, — вещал Мобуру. — На моей руке есть знаки. — Он поднял правую руку и продемонстрировал сверкающую зеленую татуировку, напоминающую дракона. — Готовьтесь приветствовать своего верховного короля!

— Логан, ты сошел с ума! — воскликнула Ви. — Этот человек — вюрдмайстер! С ним нельзя иметь дела!

Логан наконец оторвал взгляд от Дженин.

— Славная татуировка, — обратился он к Мобуру и вытащил из ножен меч.

Вдруг Логан почувствовал, как к правой руке приливает жар, и взглянул вниз. Светящийся зеленый узор проявился на коже и, просочившись сквозь доспехи, засиял на рукаве. Он горел и переливался, как глаза лунного дракона. Во взгляде Мобуру отразился страх, и в следующее мгновение его кожа покрылась черными узлами вира.

Мобуру выбросил вперед руку, и в сторону Логана устремился поток магии, но в этот момент что-то вырвалось из руки короля Джайра и понеслось навстречу чужой магии. Логан только успел заметить шевелящуюся чешую и горящие зеленым огнем глаза лунного дракона. Казалось, он оставил свое убежище, которое находилось в руке у Логана, и, развернув крылья, понесся вперед. Челюсти дракона сомкнулись на теле Мобуру, а потом он исчез.

Мобуру стоял не шевелясь. Поначалу Логан подумал, что лунный дракон появился лишь в его воображении и не причинил Мобуру никакого вреда. Однако все следы вира под кожей Мобуру разлетелись на мелкие частицы и пропали.

С полученной от дракона силой Логан обрушил меч на голову самозванца и разрубил его пополам. Ви, не дожидаясь, пока половинки Мобуру упадут на землю, набросилась на вюрдмайстера, который держал в руках заклятие на смерть Дженин.

Вюрдмайстер, оставшиеся в живых халидорцы, лодрикарцы и дикари медленно подняли руки. Заклятие на смерть рассеялось. Халидорцы упали на колени, устремив на Логана взоры, полные обожания. Это покоробило короля Джайра.

— Воительница! — прозвучал среди всеобщего молчания голос странного мага, убившего ферали.

Он окинул столпившихся людей блуждающим взглядом. Чуткий нос Логана сразу почувствовал странный запах, исходящий от мага. А тот вдруг рассмеялся, но сразу же посерьезнел и обратился к Ви:

— Воительница, тебя ждут в Зале ветров! Торопись, иначе Мидсайру погибнет! — Затем маг повернулся к Логану: — Верховный король, собери всех людей, что остались живы, дабы они узрели ночь!

Дженин устремила на безумца полный ужаса взгляд.

— Кто этот человек? — спросил Логан. — Почему он назвал меня верховным королем?

Маг взобрался на балкон. Он держал в руках толстую золотую цепь и напоминал человека, полностью утратившего рассудок.

— Дориан, — обратилась к нему Дженин. — Великие боги, что ты натворил?

— Для меня ты мертва. Ты осталась жить, но для меня умерла, — пробормотал Дориан.

— Он — пророк, — объяснил Солон, — он говорит правду. Времени нет, ваше величество. Мы должны спешить!

Дженин разрыдалась, и Логан крепко ее обнял, не понимая причины слез жены.

Внезапно почва под ногами задрожала, и по всей земле прокатился странный звук, как будто она задышала.

Солон разразился проклятиями.

— Это работа Нефа, черт бы его побрал! Он разрушил заклинание Джорсина.

Солон перевел взгляд на черную пыль, которая покрыла все вокруг на многие мили. Пыль вдруг застыла, образовав тонкую корку.

— Ты веришь словам этого человека и готов рискнуть шестьюдесятью тысячами душ? — обратился Логан к королю сетов.

— Да, я готов рискнуть всем на свете, — ответил Солон.

Дориан разрыдался. Солон взял у него из рук золотые цепи и надел на плечи Логану.

— Подавай световые сигналы, — обратился Логан к Ви. — Все наши силы немедленно направятся во дворец. Ты идешь с нами. Торопись.

96

Кайлар и Дарзо подошли к Залу ветров и приготовили мечи к бою. Одежда обоих мужчин была залита кровью. Они остановились перед боковой дверью из розового дерева.

— Ты готов? — спросил учителя Кайлар.

— Ох как мне это не нравится, — откликнулся Дарзо.

— Не суетись. Однажды я прикончил четверых вюрдмайстеров, помнишь?

Кайлар зловеще ухмыльнулся.

— А там две сотни.

— Вот именно, — согласился Кайлар.

— Ладно, с горцами, которые стоят на часах, мы управимся за пять секунд, не больше. Потом ты отвлечешь внимание вюрдмайстеров, а я отправлюсь к Нефу, — заявил Дарзо, пожав плечами. — Возможно, нам повезет.

— Не думаю. — Кайлар похлопал Дарзо по спине.

Приглушенный свет сверкнул на острие Кьюроха. Кайлар рывком открыл дверь, и Дарзо зашел внутрь.

Четыре горца, охраняющие дверь, стояли к ним спиной. Через две секунды с ними было покончено. Только убив двух противников, которых Дарзо взял на себя, он позволил себе осмотреться по сторонам.

Зал ветров представлял собой огромное круглое помещение, покрытое высоким куполом, который держался без всяких опор. И потолок, и стены были пропитаны магией. Если взглянуть на восток, создается впечатление, что стены отсутствуют. Дарзо видел, как воины Логана сражаются с ферали. Он посмотрел на юг и тоже увидел, что происходит снаружи, но ненадолго. Все исчезло у трещины, которая проходила от самой вершины купола. С юга на запад сцена изображала восход солнца над многолюдным, оживленным городом, который некогда существовал. Стоял солнечный день, и на реке было множество судов. На склонах холмов раскинулись сады, в которых росли диковинные цветы. Такого большого города Дарзо никогда не видел. Над другой трещиной раскинулось ночное небо с ярким месяцем, в свете которого предметы отбрасывали темные тени. А еще одна картина изображала грозу. Ослепительно сверкали молнии, потоками лил дождь. Остальные панели были пустыми и темными — магия их покинула, оставив голый камень.

Но не эти чудеса привели сюда горцев и вюрдмайстеров.

Посреди покрытого куполом зала вокруг Нефа Дады собрались вюрдмайстеры. Они выстроились концентрическими кругами. Неф держал в руках толстый скипетр, а у ног его скорчился слюнявый Тенсер Урсуул, сжимая в кулаке сморщенный амулет из кожи. Каждый вюрдмайстер владел виром, и все они были связаны с Нефом Дадой, который стоял в центре огромной магической паутины. Толстые разноцветные нити уходили в пол и в землю, а Неф, манипулируя виром двухсот вюрдмайстеров, расширял паутину во все стороны. Он перекладывал Иурес из руки в руку так быстро, что глаз не успевал следить за превращениями скипетра. А паутина перекручивалась, ширилась, и ее части срастались вместе.

Ни Кайлар, ни Дарзо не колебались ни секунды. Кайлар ринулся с мечом на первый круг вюрдмайстеров, держа меч на уровне шеи, как мальчишка, который проводит палкой по дощатому забору. Только меч Кайлара оставил за собой двадцать трупов с перерезанными глотками. Послышались испуганные возгласы, и Кайлар подпрыгнул на десять футов вверх. Его тело начало излучать свет.

Дарзо охотился за Нефом Дадой и пробежал по проходу, образовавшемуся между поющими вюрдмайстерами. До Нефа оставалось всего пять шагов, но чародей внезапно поднял руку, и Дарзо мгновенно остановился. Спеленатый магией, он даже не мог отскочить назад.

Неф снова поднял руку, и воздух вдруг загустел, образуя стену, которая отгородила Кайлара и вюрдмайстеров от остальной части галереи. Кайлар врезался в толпу вюрдмайстеров, но их вир был подключен к Нефу, и чародеи не могли противостоять Кайлару. Не прошло и пары секунд, как с ними было покончено. Неф протянул магическую руку, намереваясь схватить Кайлара, однако тот продемонстрировал редкое проворство. Неф воздвиг еще три стены, и Кайлар оказался в клетке.

Дада сосредоточился на Иуресе, который держал в левой руке, и снова запел. Иурес превратился в меч Возмездия. Пальцами в желтых пятнах чародей схватил Тенсера за волосы и перерезал ему горло. Кровь, подобно кипятку, с шипением и свистом хлынула на кожаный амулет, который бедняга сжимал в руке. Тенсер упал навзничь и корчился в предсмертных судорогах, пока выходила на свободу магия.

Потом задышала земля.

— Конец, — заявил Неф Дада. — Все заклятия Джорсина разрушены, и миру явится Хали.

Он вернул вир, взятый у двухсот вюрдмайстеров, которые находились за воздвигнутой

Нефом стеной. Чародей зашелся приступом кашля, а когда продышался, повернулся к Дарзо. Одного небрежного жеста хватило, чтобы разрушить оковы, удерживающие Блинта.

— Ты, должно быть, Дарзо Блинт? Или прикажешь называть тебя принцем Акелусом Торне? Удивлен? Общество Второй Зари допускает утечку информации относительно своих членов. Я все о тебе знаю, Дарзо Блинт. Мне даже известно об отказе от черного ка'кари. Должен заметить, ты сделал неверный выбор.

— А на тот момент он казался удачным, — возразил Дарзо, не выходя из боевой позиции. — Так мы сразимся?

— Нет, — спокойно ответил Неф и, повернувшись к Кайлару, с усмешкой отвесил ему поклон. — Рад встрече, Кайлар Стерн, убийца богов и владелец ка'кари. Я смотрю, ты не пользуешься черным ка'кари, а почему?

— Проиграл его в карты, — нашелся Кайлар.

— Врать ты не умеешь. Если отдать любой ка'кари добровольно, он станет служить новому хозяину. Их можно вывести из строя, но на это потребуется время. Я стар и хочу как можно скорее привязать к себе ка'кари, даже если для этого потребуется тебя прикончить. Не хочешь отдать его добровольно, значит, придется убить твоего учителя. Если общество Второй Зари говорит правду, на сей раз ему не воскреснуть.

— Учитель понимает неизбежность жертв ради великого дела, — поморщившись, проговорил Кайлар.

— Тогда получи, что заслужил.

Неф повернулся к Дарзо, и у того из груди вылетел тонкий магический луч. Чародей нанес ему подлый удар в спину. Магия быстро растворилась в воздухе, и Дарзо зашатался.

— Нечестно, — прошептал он, падая на колени.

— А что, по твоему мнению, честно? — удивился Неф. — Заставить девяностолетнего старца драться с тобой на мечах?

Дарзо ничего не ответил, так как был уже мертв.

— Даю тебе еще один шанс, — обратился Неф к Кайлару. — Отдай черный ка'кари по доброй воле. Мне больше ничего не надо. А я оставлю тебя Хали. Может быть, и уцелеешь.

Кайлар выпрямился в полный рост и расправил плечи, расслабляя мышцы перед боем.

— Я бы и рад согласиться, но существуют три препятствия. — Кайлар дружелюбно улыбнулся чародею. — Во-первых, я не Кайлар. — Он рассмеялся, и его лицо стало меняться на глазах, превращаясь в покрытую оспинами вытянутую физиономию с жидкой светлой бородкой, которая принадлежала Дарзо Блинту, — Во-вторых, тот труп, что валяется на полу, вовсе не Дарзо.

— Что?!

Больше Неф Дада не мог вымолвить ни слова.

— В-третьих, если сейчас кое-кто соизволит оглянуться…

Неф наконец догадался повернуться. Лежащий на полу труп стал медленно подниматься и оказался Кайларом. Вюрдмайстер мгновенно установил вокруг себя магические щиты.

Черный металл, словно вторая кожа, покрыл тело Кайлара, а на его лице появилась маска судьи. Из сжатых кулаков раскаленными добела когтями выскользнул Кьюрох. Кайлар ударил кулаком по магической защите, и все щиты вюрдмайстера лопнули как мыльные пузыри. Когти Кайлара сомкнулись на позвоночнике чародея, оставив на спине восемь кровавых точек.

— И наконец, я жив, — заявил Кайлар, поднимая с пола Нефа Даду. — А вот это — Кьюрох.

— Черт возьми, ты, кажется, упоминал три препятствия, а перечислил по крайней мере четыре, — проворчал Дарзо.

Неф Дада закричал, судорожно дергая руками, все его тело покрылось черным виром. Он визжал все громче, а из каждого сосуда, заполненного виром, вырывался наружу белый свет. Кайлар с глухим рычанием рванул когтями в разные стороны, и тело вюрдмайстера

развалилось пополам.

Стены вокруг Дарзо испарились, и в Зале ветров наступила тишина. Кайлар вложил Кьюрох в ножны, закрепленные на спине, и, осторожно взяв в руки Иурес, передал его Дарзо.

— Мог бы дать мне еще несколько секунд для верности, — обратился он к учителю. — Ты ведь обучил меня быстрому исцелению всего десять минут назад. А что, если бы с первого раза ничего не получилось?

Дарзо только усмехнулся в ответ.

В следующее мгновение земля задрожала. Кайлар взглянул на купол, раскинувшийся высоко над головой. Он тоже закачался, но не в такт с землей. У своих ног он увидел центр, из которого Неф черпал всю силу, которую создал с помощью Иуреса. Он представлял собой сверток из древней потрескавшейся кожи желтого цвета, расшитый драгоценными камнями. А спереди ухмылялся жуткий, иссушенный череп. Ошибиться невозможно. Этим кошмаром может быть только Хали.

Кайлар выхватил Кьюрох и проткнул острием амулет.

Раздался вопль вюрдмайстеров, но ничего не произошло, только слышался свист выходящего наружу воздуха, а потом пол под амулетом провалился.

Кайлар отступил назад, и пол открылся подобно крышке гроба, внутри которого лежала женщина с длинными белокурыми волосами. Волосы были тщательно причесаны и заплетены в маленькие косички, глаза с длинными ресницами закрыты, а на щеках играл румянец. Пухлые губы сохранили розовый цвет, а кожа отличалась безупречной белизной. Не понимая причины, Кайлар видел лишь отдельные черты, которые никак не хотели собраться в единое целое. Вот знакомая ямочка на щеке и изящный изгиб шеи, который он так хорошо помнит. Платье из белого шелка плотно облегает фигуру, и фасон слишком откровенный. Элена никогда бы не рискнула появиться в подобном наряде. Элена. Кайлар отпрянул.

— Элена?!

На губах женщины появилась улыбка, она глубоко вздохнула и открыла прелестные карие глаза. У Кайлара подкосились ноги. Она царственным жестом протянула руку и, когда Кайлар ее взял, легко поднялась на ноги. Каждое ее движение отличалось удивительным изяществом и грацией.

— У тебя больше нет шрамов, — растерянно пробормотал Кайлар.

— Ненавижу уродство. Хочу быть для тебя красивой, — с улыбкой ответила Элена, и Кайлар восхитился ее неземной красоте. — Кайлар, — ласково проговорила она, — мне нужен Кьюрох.

Он в полной растерянности смотрел на улыбающееся лицо Элены. Магия окутала ее плотным облаком, а ведь Элена никогда не обладала *талантом.* И все же перед ним была Элена.

У Кайлара замерло сердце. Издалека послышался стук открывающейся парадной двери, и он без сил упал на колени.

— Кайлар, не смей! — крикнула Ви.

Кайлар в оцепенении наблюдал, как распахивается дверь. Вслед за Ви шел Логан, и его рука сияла зеленым светом. Потом появился Солон, прежний советник Логана, со сверкающей золотой короной на голове. За ним следовал огромный, как гора, Фейр Коузат в сопровождении четырех женщин-магов, одна талантливее другой. За ними ясновидец Дориан и генерал Агон Брэнт. Капитан Калдроса Уин и пятьдесят Псов Агона зашли последними.

Элена подошла ближе, и Кайлар ощутил странный аромат. Что она с собой сделала?

Кайлар молча наблюдал, как Элена берет Кьюрох из его ослабевших пальцев. Взгляд карих глаз почему-то казался совсем чужим. Словно опьяненная дурманом, она смотрела на клинок, тихо смеясь и пританцовывая.

— Уймись, Трейс, — словно удар грома прозвучал голос Дарзо.

Женщина резко остановилась и в изумлении уставилась на Дарзо.

— Акелус, ты?! Не может быть!

— Отдай меч, а заодно и белый ка'кари. И вообще, выбирайся-ка ты из тела этой девочки.

— Теперь вижу, что это ты.

Элена сердито сощурилась.

— Да что с тобой случилось, Трейс? Ведь ты была одной из последовательниц Джорсина, и он тебе безраздельно доверял. Впрочем, как и все мы. И во что ты превратилась? — удивился Дарзо.

— Я — Хали. — Услышав эти слова, все вюрдмайстеры упали ниц, а женщина опять рассмеялась. — Взгляни на моих любимчиков. Сколько в них покорности и кротости! А ведь даже сейчас все они мысленно плетут интриги. — Она обвела взглядом Зал ветров и сделала легкое движение мечом. Мгновенно все трещины на куполе затянулись и исчезли, соединяя все картины в одно целое. Стоял ясный весенний день, и вдали в розовой дымке виднелись горные вершины. Повсюду росли диковинные цветы. — Ты помнишь это место, Акелус? Именно здесь мы должны были пожениться.

Ее белое одеяние вдруг пришло в движение, словно расплавленный металл, и превратилось в парадное зеленое платье с высоким воротом, расшитое тысячами прозрачных сверкающих кристаллов.

— Ты была красавицей.

— Я была уродиной! — огрызнулась женщина. — С гнилыми зубами, скверной кожей и горбатой спиной. А потом Эзра дал мне белый ка'кари. Я слышала, как ты с ним ругался. Ты первым меня предал, Акелус. Бросил меня в подвенечном платье перед самой свадьбой, опозорил перед всеми. Я ждала долгие часы. В конце концов я действительно стала красавицей, а тебе оставалось только ревновать и завидовать.

Лицо Дарзо стало серым, а для Кайлара отдельные обрывки случайно услышанных разговоров вдруг приобрели ясный смысл. Все элементы головоломки встали на свои места. Джорсин отдал черный ка'кари «предателю» Акелусу, потому что хотел спасти этот артефакт и сохранить тайну его невероятной силы. Акелус не мог признаться невесте, что владеет ка'кари. Он знал, что вскоре придется предстать в глазах людей предателем, и предпочел скрыться, не дождавшись свадьбы. Он сбежал, ничего не объяснив невесте. Кайлар вспомнил, как страшно ругал его Дарзо в детстве. «Не позволю загубить тебе жизнь из-за девки!» — рычал учитель. Мамочка К. как-то заметила, что Дарзо всегда не везло с женщинами. А Волк однажды проговорился, что Дарзо совершил кое-что похуже убийства, за которое взял деньги. Тогда Кайлар решил, что он имеет в виду самоубийство, но на самом деле все выглядело еще более скверно. Дарзо, зная, что за бессмертие придется расплачиваться жизнью любимого человека, совершил самоубийство, чтобы убить Трейс.

Трейс была настоящим архимагом и самой сообразительной из всех последователей Джорсина. Она нашла способ, как обойти смертный приговор ка'кари.

«Нам с Акелусом эта смерть всегда казалась странной, — зашелестел ка'кари. — Мы знали, что Трейс многие месяцы сражалась с магией, а потом ее тело умерло. И мы постарались выкинуть ее из головы».

— Завидовал и ревновал? — возмутился Дарзо. — Я владел черным ка'кари, самым могущественным артефактом. Мы с Эзрой поссорились, потому что он отдал тебе один из ка'кари. И это только подтвердило ложь, которой ты поверила. Нет, Трейс, в то время ты не была безобразной, зато сейчас — настоящая уродина. Посмотри, что ты натворила. Семь столетий север страдает под властью тьмы, в которую ты его погрузила. Вот на что Трейс Арвагул ария потратила свой ум и силы! Посмотри на дело своих рук. Разве стоило ради этого стараться? Зачем ты так поступила?

«Ради бессмертия, — выдохнул ка'кари в ухо Кайлару. Кайлар мог поклясться, что до ка'кари наконец-то начала доходить правда. — Белый ка'кари способен создать красоту и чарующую силу, которой можно воспользоваться для принуждения и совершения насилия.

Она пыталась превратить свой ка'кари в мое темное подобие и с его помощью вызывать поклонение, чтобы потом похитить жизнь у своих „добровольных“ поклонников и обожателей. Но затея не удалась, потому что душой моей магии является любовь, а любовь не подчиняется принуждению. Трейс лишилась телесной оболочки и останется бесплотной, пока не отыщет человека, любовь которого совсем не похожа на те чувства, что способна испытывать она сама. Человека, который добровольно, без всякого принуждения, отдаст Трейс свое тело».

Значит, ей удалось найти нужного человека в лице Элены.

— Ты спрашиваешь, зачем я так поступила? Потому что такова моя воля. Я — богиня Хали. Кому-то нужно расплачиваться за бессмертие. Признайся, Акелус, кто заплатил своей жизнью за твое бессмертие?

— Таких людей слишком много, — побледнев, ответил Дарзо. — Ну хватит, Трейс. У нас нет времени.

— Мое время как раз настало.

Кьюрох превратился в руке Трейс в тонкий жезл, который она подняла вверх. Во все стороны разлетелись черные клубы, потом исчезли. Стены Зала ветров стали прозрачными, как стекло, открывая взорам потемневшее поле брани.

— Помнишь, когда Джорсину пришлось столкнуться с полчищами павших? — спросила Хали. — Если бы он меня послушал, то сумел бы их остановить. Ему не пришлось бы сражаться с чудовищами. Он мог бы ими управлять. Джорсин был более сильным магом, чем Ройгарис. Павшие подчинились бы его воле. Стоило отнять их у Ройгариса, и мы бы одержали победу.

Вдруг покрывающая поле боя темнота зашевелилась. Черное покрывало из скопившихся за семь столетий трупов кралов потихоньку оживало, залечивая старые раны. Кралы выстраивались в боевом порядке. Днем, когда на поле боя сошлись сто пятьдесят тысяч людей и кралов, все армии заняли небольшой участок равнины к югу от Зала ветров. Но стоило Хали взмахнуть Кьюрохом, и с земли поднялись несметные полчища кралов и заполонили собой все пространство, сколько мог видеть глаз. Кайлар увидел, как убитый им днем титан снова встает на ноги, а за ним начали подниматься сотни других чудовищ, куда страшнее гаранских быков. В небо взмыли стаи огромных и маленьких птиц и летучих тварей, расползались во все стороны огненные муравьи, скалили зубы гигантские кошки и волки, улыбались прелестные дети с жуткими клыками. По полю шли сотни ферали и невиданные лошади с острыми костяными выступами на спине. Неужели Джорсину пришлось сражаться со всей этой нечистью? Подобного ужаса Кайлар не мог и представить.

Союзные армии добрались до Зала ветров и, выстроившись кругом, готовились защищать вершину холма от приближающихся полчищ монстров.

— В моей власти всех их уничтожить, — заявила Хали. — Для этого потребуется Иурес. Что скажешь, Акелус? Неужели ты во второй раз хочешь увидеть, как умирают все, кого ты любишь?

— Из моих рук ты Иурес не получишь, — ответил Дарзо.

— Будь по-твоему, — согласилась Хали. — Кайлар, убей его. Убей их всех.

Ее слова обрушились на Кайлара подобно удару хлыста, и он почувствовал на себе их власть. Он поднялся, чтобы исполнить приказ, узнав знакомое заклятие на принуждение. Только на сей раз заклятие было куда более древним и сильным по сравнению с тем, которое наложил на Ви Гэрот. Пожалуй, оно было сродни чарующей силе, которой воспользовалась Ви во время их первой встречи, когда девушка попыталась его убить. Только тогда основой силы притяжения стала красота Ви, а теперь, когда он, сам бессмертный, стоял перед бессмертной богиней, заклятие на принуждение затронуло все чувства — от вожделения до благоговейного трепета. Оно взывало к любви, которую Кайлар испытывал к Эле-не, его верности и доверию к ней как к жене. Элена была сказочной принцессой, бессмертной богиней, возлюбленной, другом, женой, и все эти узы усилились во сто крат благодаря действию Кьюроха. Ослушание стало невозможным.

Кайлар встал, и черный ка'кари вложил ему в руки два одинаковых меча. Ка'кари пытался что-то сказать Кайлару, объяснить, как противостоять магии, которую обрушила на него Хали. Но чтобы услышать ка'кари, Кайлар должен был сам захотеть воспользоваться его помощью, а заклятие лишило его воли. Он смотрел в огромные глаза Элены и не испытывал ничего, кроме желания порадовать любимую. Даже когда душу переполнило отчаяние и Кайлару захотелось броситься на свои мечи, он жаждал доставить удовольствие Элене.

— Кайлар, остановись! Приказываю тебе! — крикнула Ви, отделившись от группы сестер.

Ее приказ пронесся вспышкой по связи, установленной обручальными серьгами, и пронзил молнией все существо Кайлара. Он словно летел с огромной высоты в пропасть, но чья-то рука бросила спасительную веревку, которая обвилась вокруг запястий и остановила падение. Кайлар застонал от боли и застыл на месте.

Хали, не скрывая удивления, взглянула на Ви.

— Милая девочка, разве ты не знаешь, что происходит, когда смертная женщина вступает в единоборство с богиней? — Хали повернулась к Кайлару, бережно положив руку на живот. — Любимый, ты ведь не предашь мать своего будущего ребенка?

У Кайлара перехватило дыхание. У Элены действительно увеличился живот. Великие боги, у него будет ребенок! По отразившейся на лице Хали радости Кайлар понял, что она говорит правду. Элена знала о беременности и ничего ему не сказала. Новое испытание его верности усилило власть заклятия на принуждение.

— Любимый, убей их. И начни с этой девки, — велела Хали, и ее слова веревкой обвились вокруг лодыжек, затягиваясь в узлы.

На Кайлара обрушились две непреодолимые, противодействующие друг другу силы, которые рвали его на части. Он чувствовал себя вздернутым на дыбе преступником.

Один из магов улучил момент и метнул в Хали боевой пульсар, но он зашипел и погас, не долетев до цели. Хали сделала едва заметный жест, как будто хотела что-то забрать, и Кайлар увидел, что у всех магов глоре вирден мгновенно иссякла. Задыхаясь, они бессильно ловили ртом воздух.

— Кайлар, помоги мне! — крикнула Ви, падая на колени.

Она хотела укрепить пошатнувшиеся силы Кайлара и дотянулась до ближайших звеньев соединяющих их уз. Ви воззвала к чувству вины, которое испытывал Кайлар за те мучения, которым ее подверг. Обратилась к его чувству долга и, наконец, напомнила о страстном желании, которое влекло его к Ви.

Хали не осталась в долгу и затронула те же звенья, но с куда большей силой. Богиня потянула за нити, разбудившие чувство долга по отношению к Элене, напомнила о страсти, которую Кайлар испытывал к этой женщине, об их ночах любви. Заклятие на принуждение обострило и усилило все чувства, приказывая повиноваться, а таившаяся в Кьюрохе сила превратила их в костер, в котором едва не сгорел рассудок Кайлара.

Подняв оба меча, он направился к Ви. Кайлар чувствовал торжество Хали, ее радость от всесилия своей власти над ним.

Кайлар подходил к Ви все ближе, а девушка, не отрываясь, смотрела ему в глаза. Она протянула руку и сняла ленту, удерживающую волосы, которые золотым водопадом хлынули на плечи. Впервые за всю свою жизнь Ви даже не пыталась защищаться и не прятала волосы, самое сокровенное, что у нее осталось, когда все остальное было безвозвратно утрачено.

Она широко расставила руки и выронила из них нити вожделенной страсти и чувства вины, которые являлись частью связывающих их уз. И Ви предстала перед Кайларом совсем в ином свете. Такой он ее не знал. Кайлар увидел проведенные в мучениях ночи, которыми Ви расплачивалась за его любовь к Элене, и делала она это с радостью, чтобы подарить счастье любимому, не требуя ничего взамен. Только сейчас Кайлар понял силу страданий, которые ей пришлось пережить. Как же он не догадался раньше? Ви беззаветно любит его

всем сердцем. Кайлар сбился с шага и в растерянности остановился.

Ви молча наблюдала, как он убирает мечи.

— Кайлар, — тихо проговорила она, и в ее голосе звучало умиротворение, — я тебе верю.

А потом произошло невероятное. Девушка выпустила из рук всю связку нитей, которые удерживали возле нее Кайлара, добровольно отказываясь от всех притязаний. Больше его ничто не связывало с Ви. Казавшуюся неразрывной связь ничто не подпитывало, и магия обручальных серег рассеялась.

В ухе Кайлара громом прозвучал набат, который сотряс все тело. Хали не нашла ничего, что можно противопоставить такой самозабвенной, жертвенной любви, ведь богиня умела только забирать. Все это напоминало игру в перетягивание каната, когда один из участников внезапно отпускает веревку. Вся магическая сила, удерживаемая в обручальных серьгах, вырвалась на свободу и шквалом обрушилась на Хали. Кайлар почувствовал, как по телу пронеслась гигантская волна, мощь которой росла и росла, так как Хали сама потянула за нити неразрывной связи.

Раздался оглушительный треск, от которого у Кайлара застучали зубы, и в следующий момент что-то со звоном упало на мраморный пол. Это была обручальная серьга Кайлара. Обе серьги сломались, и неразрывные узы разрушились. Заклятие на принуждение рассеялось, и Кайлар больше не чувствовал ни Ви, ни Хали, освободившись от обеих.

Хали, потрясенная происходящим, стояла, покачиваясь на каблуках.

— Прости меня, Кайлар, — произнесла она голосом и тоном Элены.

Кайлар в мгновение ока оказался рядом с ней.

— Скорее, торопись! Я не могу ее остановить. Она скоро придет в себя, — прошептала Элена, вкладывая ему в руку Кьюрох.

— О чем ты говоришь, любимая? — не понял Кайлар.

— Правда, Ви была великолепна? — По лицу Элены градом катились слезы. — Я так горжусь ею. Никогда не сомневалась, что она именно так и поступит. Позаботься о ней, обещаешь?

— Я тебя не отдам.

В глазах Элены отразилась нестерпимая боль, но она совладала с собой и решительно сжала губы.

— Знаешь, я всегда считала себя незначительной, не то что ты. И вот я наконец обрела свое место в жизни, совершив то, что никто вместо меня не смог бы. Господь подсказал мне правильный путь. Хали способна вселиться лишь в того, кто добровольно согласится на это, но она не знала, что я сумею ее сдержать. Теперь ты можешь покончить с ней раз и навсегда. Ты можешь уничтожить вир.

— Я не смогу покончить с ними, не убив тебя! — возразил Кайлар.

Элена кивнула и, ласково улыбнувшись, взяла его за руку. Никогда она не казалась Кайлару такой прекрасной.

— Нет! — закричал он, чувствуя, как все существо протестует против такой несправедливости.

В этот миг земля снова задрожала, и сквозь прозрачные стены Кайлар увидел, как один из титанов поднимает, как перышко, целое здание и швыряет его в защитников Зала ветров. Сотни воинов погибли под обломками, и Кайлар понял, что медлить нельзя. Он снова взглянул на Элену и увидел, как по ее телу пробежала судорога.

— Можно убить Кьюрохом меня, — воскликнул он, — и тогда заклинание, из-за которого умирают люди, чтобы я обрел еще одну жизнь, будет разрушено. Я спасу тебя.

Кайлар слышал, как за спиной тихо выругался Дарзо, но не обратил внимания на учителя.

— Послушай, Кайлар, — обратилась к нему Элена, — когда ты в первый раз погиб от руки Рота Урсуула, мы не знали о твоем бессмертии. Я молила Бога, чтобы мне позволили отдать жизнь ради твоего спасения. Мне показалось, что Господь согласился. Я так в это

уверовала, что вынесла тебя из дворца. Позже я убеждала себя, что произошло обычное совпадение. Однако Господь и правда дал согласие, но время назначил сам. В тот момент моя смерть не принесла бы никому пользы, зато сейчас я могу совершить то, что другим не под силу. Умоляю тебя, Кайлар, усмири гордыню и прими мою жертву.

Кайлар что есть силы сжал руку Элены и заплакал.

— Ты ведь ждешь ребенка, — прошептал он сквозь слезы.

— Кайлар, на свете так много людей, которых мы любим, и я приношу в жертву нашего сына, чтобы спасти их жизни. Согласен ли ты со мной?

— Нет! Ни за что!

Элена взяла в руки его лицо и нежно поцеловала.

— Я тебя люблю и ничего не боюсь. А теперь торопись, не теряй времени даром, — произнесла она с тихой улыбкой.

Земля снова задрожала, и за стенами Зала в небо взмыл хор магических голосов. Кралы, которые восстали из праха последними, явно обладали *талантом.* Внутри Зала все застыли в ожидании, понимая, что их участь и судьба всей Мидсайру балансируют на лезвии Кьюроха.

Задыхаясь от рыданий, Кайлар обнял Элену и крепко прижал к себе. Потом взял в руку Кьюрох и по самую рукоятку вонзил Элене в бок. Судорожно ловя ртом воздух, она крепче прижалась к Кайлару.

Как только Кьюрох пронзил Хали, Кайлар увидел яркую вспышку света, и все его тело наполнилось очищающим огнем. Ночной ангел чувствовал, что умирает, и надеялся, что больше никогда не вернется к жизни.

97

Из темноты донесся чей-то голос:

— Я думал, все кончено, ведь он убил Хали. Почему же они идут и идут?

— Она солгала, — откликнулся Дориан. — Хали была не повелительницей пришельцев, а всего лишь их сообщницей. Наша работа не завершена. Мы только на полпути к цели, и нам нужен Кьюрох.

Кто-то осторожно прикоснулся к Кайлару, и он открыл глаза. Кайлар лежал, скорчившись, на полу рядом с Эленой, а над ним склонилось лицо сестры Ариэль.

— Нам нужен меч, дитя мое. — Голос звучал ласково, но не допускал возражений. — Хали умерла, а Элена пока еще жива, тем не менее исцеление невозможно. Нет способа залечить раны, нанесенные Кьюрохом. Вы оба нам нужны, а иначе кралов не остановить.

Кьюрох вошел Элене в бок по самую рукоятку. Ее веки вздрагивали, но глаза оставались закрытыми. Девушка слабо застонала, и из раны между ребер хлынула кровь.

— Откройте двери! — велел Дориан. — Обе створки!

— Беспрекословно выполняйте все его указания! — крикнул Логан.

Две сотни вюрдмайстеров лежали, расположившись по концентрическим окружностям. Все они стали абсолютно белыми, а сам вир погиб.

А вот на кралов ничего не действовало, и они по-прежнему осаждали Зал ветров, накатываясь черными океанскими волнами. Самые уродливые из них пробивались в передние ряды. Воины Кьюры, Лэ'нота, Сенарии, Сета и Халидора сражались плечом к плечу с ордой монстров. Кайлар думал, что смерть Хали означает полную победу, однако миллионные полчища кралов говорили о другом. Горстка людей в окружении монстров напоминала одинокую скалу, которую скоро затопит надвигающийся прилив.

Разве можно устоять против такого нашествия?

Кто-то положил Кайлару руку на плечо. Он оглянулся и увидел Логана. По щекам друга катились слезы радости и горя.

— Кайлар, брат, пойдем. Давай посадим ее на стул.

Логан сжал ему плечо, и этот жест был дороже любых слов. По земле снова прошла

дрожь. Кайлар не сводил глаз с Элены.

Теперь она дышала легко, и кровь из раны текла не так сильно. Через распахнутые двери доносился шум битвы, но Кайлар ничего не слышал. Он не сопротивлялся, когда его затолкнули в тесное пространство между открытыми дверьми. Сестра Ариэль положила вынутый из ножен Кьюрох на десятки протянутых ладоней.

Дарзо подтолкнул Кайлара, и тот тоже положил руку на клинок. Дарзо взял вторую руку ученика и долго держал в своих руках. Обычно Дарзо не любил подобных нежностей. Как всегда, он не сказал ни слова, но в глазах его светились искреннее сочувствие и боль, а еще гордость за ученика. Так смотрит отец на любимого сына, который совершил достойный поступок. Взгляд учителя говорил, что Кайлар больше не сирота. Не отпуская его руку, Дарзо протянул сложенную чашечкой ладонь. В его глазах застыла немая просьба.

Кайлар все понял и, выпустив ка'кари из своей руки, передал его Дарзо. Учитель молча кивнул в ответ и высвободил руку. Ви тоже положила руку на Кьюрох, то же самое сделала Элена, к которой вернулось сознание. Она положила свои руки рядом с Кайларом. Могущественные маги, мужчины и женщины, стали на колени и с почтением прижали два пальца к клинку. Солон и сестра Ариэль последовали их примеру. Дарзо держал в руке меч Возмездия, он же Иурес. Сам клинок был черным, но эфес остался без покрова. Дарзо что-то тихо сказал Дориану и передал пророку жезл Правосудия.

Дотронувшись до Кьюроха, Кайлар почувствовал всех людей, прикасавшихся к мечу. Они зазвучали сыгранным оркестром, в котором каждый играет на своем инструменте, на выбранной высоте.

Вдруг под десятками ладоней тихо запел сам Кьюрох. Дориан положил правую руку на клинок, держа Иурес в левой, и в этот момент по Залу пронесся сильный порыв ветра.

Солон первым нашел нужную тональность, и его раскатистый бас зазвучал широко и уверенно, напоминая шум океана. Сестра Ариэль вторила ему сильным, немного резковатым меццо-сопрано. Потом в хор влились баритоны и басы магов-мужчин, придавая мелодии строгую чистоту и уверенность. Их голоса слились с пением магов-женщин, и мелодия стала утонченно-трогательной, полной глубины и загадочности. *Талант* Ви зазвучал высоким вибрато и улетел от остальных голосов на недосягаемую высоту. Но вот в хор вступил удивительный новый голос, он был самым богатым и наполненным, и в нем скрывалась тайна. Глубокий баритон огромного диапазона перекрыл своей мощью хор. Все взоры устремились на Дарзо, который с дерзким видом держал один палец на острие Кьюроха.

Затем настала очередь Кайлара, и он запел чистым тенором, который воспарил над остальными мужскими голосами, перекликаясь с пением Ви. Кайлар удивился силе своего голоса и заметил, что теперь все смотрят на него, как только что смотрели на Дарзо. В глазах учителя светилась гордость за ученика, которую он и не думал скрывать.

Вдруг хор последним штрихом дополнил еще один, совсем слабый голос. Это звучал голос надежды, и принадлежал он Элене. Искра надежды, которую она сохранила, даже умирая, вселила надежду в остальных, и Кайлара вдруг осенило, что Кьюрох является не только орудием магии. Он не усиливает *талант,* а придает силу самому человеку.

Элена осветила волшебную мелодию ярким маяком надежды, а Дарзо отдал ей свою решимость и непреклонность. Дориан выразил терзающую его боль раскаяния, а сестра Ариэль — острый, пытливый ум. Логан поделился мужеством, а Ви рассказала о стремлении начать новую жизнь. В мелодии выразилась любовь Кайлара к справедливости, перекликаясь с чувством дружбы, способностью к самопожертвованию и ненавистью ко всему злу на свете. И все эти чувства и чаяния объединяла магическая сила любви. О любви говорил каждый инструмент, пели все мужские и женские голоса. Все они прекрасно справились со своими партиями, хотя некоторые смогли взять всего несколько нот, а у кого-то, несмотря на широкий диапазон, чуть-чуть не хватило глубины. Были среди них и настоящие мастера, но каждый внес свою лепту, вкладывая в пение всю душу.

Зал ветров с готовностью откликнулся на совершенную магию и стал меняться на глазах. На стенах заплясали гобелены, сотканные из яркого света, сила магии дала

возможность увидеть их даже тем, кто не наделен *талантом.* Затейливые узоры переплетались между собой подобно магическим заклинаниям. Они купались в лучах света, а магическая сила росла изнутри, отзываясь эхом в окружающем мире. Воины, которые вели неравный бой с ордами монстров, вдруг обрели уверенность в своих силах. Они походили на детей, которые вступили в драку со старшим по возрасту хулиганом, а тот вдруг заметил их отца.

Музыка летела ввысь, а Дориан дирижировал. Теперь Кайлар смог рассмотреть реальное положение дел. Диапазон зрения расширился, и он уже видел не только собственную партию. Требовался еще один голос, которым не обладал никто из людей, присутствовавших в Зале. Их *таланты* слились в мощное крещендо, и каждый сверкал, как солнце. Кровь Кайлара переполняла магия, от которой раскалился воздух. Он словно очутился в горячей печи. Кайлар вложил всю свою силу в Кьюрох, но этого было недостаточно для магических заклинаний, которые пытался сплести Дориан.

Где-то в отдалении послышался свист, едва различимый в грохоте битвы, и Кайлар, вздрогнув, посмотрел на Дориана.

Маг передвинул руку, освобождая эфес Кьюроха и поворачивая его в сторону неба. Кайлар не предполагал, что он обладает таким бесстрашием. Несмотря на то что все маги объединили усилия, они не могли положить конец надвигающемуся ужасу. И вот Дориан решил расставить ловушку и призвать на помощь существо, у которого хватит сил справиться с бедой, если он присоединит свою волю к воле собравшихся здесь людей. Кайлар до конца не понимал, что задумал Дориан, а маг улыбнулся ему и подмигнул. Кайлар не мог определить, является этот человек безумным, или же, наоборот, им движет здравый смысл. Через южную дверь просматривалась вся дорога через ущелье, ведущая в Торрас-Бенд, и вдруг Кайлар увидел вспышку пламени.

Огненная лента пролетела через реку, не задев моста, и понеслась дальше, по рядам кралов, не замедляя скорости. Она двигалась так быстро, что рассмотреть ее не представлялось возможным, и Кайлар следил за ее передвижением по облаку пыли и черного дыма, смешанного с кровью. За считаные секунды огонь долетел до того места, где стоял Черный Курган. Теперь Кайлар понимал, почему Дориан потребовал открыть двери. Не поступи он так, проклятая штука прорвалась бы через стены.

Свист становился все громче, сливаясь воедино с нарастающей силой магии. Кайлар через Кьюрох почувствовал момент, когда Охотник схватил предложенный ему эфес могучего клинка Джорсина Алкестеса и унес с собой. Охотника Кайлар узнал сразу.

Прогремел оглушительный раскат грома и сровнял все с землей. Магия разрушила все вокруг.

98

Кайлар пришел в себя и обнаружил, что находится на крыше Зала ветров. Рядом стоял Волк, и весь мир окутывало приглушенное сияние, которое ассоциировалось у Кайлара с Преддверием таинства.

— Значит, я умер, — равнодушным голосом произнес он.

— Нет, — откликнулся Волк. — Я могу приходить к тебе во сне, но на это тратится много магии, а мне надо беречь силы.

— Значит, ты — Эзра.

Волк кивнул.

— Тогда кто же Охотник? Я узнал в нем тебя.

— Ну, скажем, он — моя гордыня.

Кайлар устремил на Волка непонимающий взгляд. Такое объяснение ни о чем не говорило.

— Я пытался разрушить собственноручную работу Князя тьмы его же оружием.

— Князь тьмы? Это такое образное выражение? — снова не понял Кайлар.

— Ведь ты остался Кайларом, — усмехнулся Волк. — Но не тревожься. Руки ада останутся связанными еще лет пятнадцать или двадцать. А до тех пор мы с Охотником будем вести ежедневную борьбу за господство. Я могу находиться здесь, только пока он спит.

— Как это?

— Взгляни вон туда, Кайлар.

Волк показал в сторону города, и Кайлар равнодушным взглядом проследил за его рукой. Он еще не привык к мысли, что перед ним Эзра.

— Так выглядел город, когда ты здесь жил? — спросил он без всякого интереса.

Город был, несомненно, очень красив, но к Кайлару не имел никакого отношения.

— Ты не понял. Он настоящий. Вот что ты совершил вместе с друзьями.

Теперь Кайлар взглянул на город другими глазами и не мог сдержать изумления. Все здания были полностью восстановлены, ровные улицы вымощены, а дома, от богатых особняков до маленьких домиков в квартале ремесленников, сияли чистотой. На городских площадях били фонтаны кристально чистой, искрящейся на солнце воды. Над белыми мраморными стенами благоухали висячие сады, а купол Зала ветров был покрыт листовым золотом. Рядом с Залом белым и красным цветом сиял дворец. Раскинувшиеся внизу поля покрывал ковер из зеленых побегов будущего урожая. Заново отстроили причалы на озере и восстановили шлюзы на реке. Плотину закрыли, и уровень воды поднялся. Во всем городе не осталось ни одного напоминания о войне и смерти.

— Даже трупы кралов превратили в зеленые насаждения, — сообщил Эзра. — Эта затея гораздо удачнее всех, что приходили в голову нам с Джорсином.

Куда ни кинь взгляд, повсюду распускались бутоны выращенных из луковиц красных цветов изумительной красоты. Кайлар удивился их буйному цветению, ведь на улице стояла ранняя весна.

— Как Элене удалось заманить Хали в ловушку? — спросил Кайлар. — Ведь я точно знаю, что у нее нет таланта. — Он секунду помолчал. — То есть не было.

— Здесь скорее дело в магии, а не в *таланте.* Собственно, ты сам это наблюдал, Кайлар. Скажи, когда твоя сила проявлялась наилучшим образом? Правильно, когда ты делал то, что подсказывало сердце, и даже в самых его укромных уголках не оставалось места сомнениям. Элена завлекла Хали в ловушку своей любовью к тебе. Знаешь, что подсказала ей любовь? «Я слишком люблю тебя, чтобы позволить и дальше творить зло. Не только из жалости к твоим жертвам, а ради тебя самого». Если бы Хали почувствовала фальшь и неприятие в словах Элены, когда та добровольно согласилась отдать богине свое тело, она бы ускользнула, став в очередной раз бесплотной. Торжество справедливости стало возможным только благодаря любви Элены. В жизни бы не поверил, что такое возможно, если бы не видел сам. Очевидно, Хали это тоже не пришло в голову.

Кайлар чувствовал себя отвергнутым, когда Элена покинула его, не сказав, куда идет, и умолчав о беременности. Рассказ Волка представил все в ином свете. Элена его не отвергла. Просто она поняла, что Кайлару не хватает зрелости и самоотверженности, чтобы позволить ей исполнить свой долг. Элена впустила Хали в свое тело вовсе не из-за неприятия Кайлара. Наоборот, она приняла его всей душой не только как человека и мужчину, но и как ночного ангела. Она завлекла Хали в ловушку с единственной целью: дать Кайлару возможность покончить с жестокой богиней. Элена так горячо верила в Кайлара и его правильный выбор, что не побоялась поставить на кон свою душу. Ведь если бы у него не хватило мужества отказаться от Элены, Хали завладела бы ею навеки.

— Что же будет дальше? — спросил Кайлар.

По щекам его струились слезы.

— Твоего друга Логана коронуют, и он станет верховным королем Кьюры, Сенарии, Халидора и Лодрикара. Он сделает этот город своей столицей, которой даст имя Элена. Не потому, что вы с ним друзья. Просто Логан считает, что нужно чтить жертвы, принесенные другими людьми. Пройдет несколько лет, и Элена станет одним из величайших городов в мире. Думаю, из Логана получится хороший правитель. — Эзра встряхнул головой. — Фейр

Коузат отправится в Торрас-Бенд, откроет там кузницу и обзаведется семьей, как и собирался. Он же позаботится о Дориане. Дориан создал всю эту магию, но сейчас он полностью утратил рассудок. Не знаю, то ли его пророческий дар поразил вир, то ли безумие наступило из-за того, что он вырвал свой вир с корнем. А может быть, дело в уничтожении всего вира как такового. Какое это теперь имеет значение? Могу с уверенностью утверждать лишь одно: искоренив собственный вир, он спас себе жизнь. Действительно, ведь он — единственный вюрдмайстер в Мидсайру, который не погиб вместе с виром. Вскоре объявят о смерти короля-бога Уонхоупа. Дарзо воссоединится с Гвиневерой Киреной, которая со временем станет править Сенарией. К слову, она справится с этой задачей гораздо лучше всех королей и королев, которым довелось там царствовать в последние четыре столетия. Ви вернется в Часовню, чтобы закончить обучение. Станут поступать предложения сделать ее спикером, и это до смерти напугает нынешнего — Истариэль. Ви откажется, но сначала употребит все свое влияние и возьмет со спикера клятву, что никто из сестер не станет тебя преследовать. Как ни странно, все подчинятся.

— А что станет со мной? — спросил Кайлар.

— Тебя радушно примут повсюду, куда ты явишься в этом обличье. Рано или поздно ты снова понадобишься миру. Ты не из тех людей, Кайлар Стерн, которых предают забвению. Возможно, придется скрываться, менять внешность и уходить в тень, но забвение тебе не грозит. — Эзра наклонил голову, как это делают волки. — Хочу задать тебе вопрос.

— Какой?

— Ты находился в четырех днях пути от леса, когда открыл тайну Кьюроха и снял с него покров. Ты знал, что он притягивает к себе Охотника?

— Знал.

— Откуда ты узнал, что Охотник придет вовремя и обеспечит перелом в сражении? Вернее, изменит весь его ход? Без Охотника у вас не хватало сил для нужных заклинаний.

Кайлар помнил, как снял с Кьюроха черный ка'кари, отправляясь к Нефу Даде. Вряд ли он действовал осознанно. Он знал, что Охотник испытывает ненависть к кралам и явится за похищенным мечом. Может быть, ему и пришло в голову, что Охотник придет раньше и перебьет кралов. Это не был тщательно разработанный план. Просто Кайлару казалось, что по логике вещей именно так и должно произойти. Он чувствовал, что действует согласно закону мироздания и своей собственной натуры. Если верить Волку, это и есть особого рода магия.

— Я ничего не знал, — признался Кайлар. — Просто верил.

Волк на некоторое время задумался.

— Верил? В этом мире теней и сумрака? После всего, что тебе довелось пережить и увидеть? — удивился он.

Кайлар вздохнул и еще раз взглянул на сияющий великолепием город, вспоминая, каким он был совсем недавно.

— Мы все живем на огромном поле брани. И ты и я сражаемся в тылу у противника, — обратился он к Волку. — Не знаю, понравится тебе или нет, друг мой Волк, но ты стал для меня одним из маяков, которые позволяют сохранить веру.

— Я подумаю над твоими словами, — хмыкнул Эзра. — Ага, эта тварь зашевелилась. Начинается новый день, и пора идти в бой.

— Да пребудет с тобой свет, друг мой, — пожелал Волку Кайлар.

— Ты дважды назвал меня другом. — Казалось, Эзра пробует слово на вкус, вспоминая давно забытый аромат. — Что ж, благодарю, — улыбнулся он, вероятно решив, что слово звучит приятно.

Эзра уже повернулся, собираясь уйти, как вдруг остановился.

— И еще кое-что. Помнишь красные цветы? Это видоизмененные тюльпаны. Их называют вестниками весны. Такие в Мидсайру не росли. Каждый год они зацветают самыми первыми и являются символом надежды. Я изучил их магию. Знаешь, Кайлар, ведь их все сотворила для тебя Элена… — Его голос осекся. — Я не смог ее спасти, несмотря на

то что был перед тобой в большом долгу. Не сумел, и все тут. — Губы Эзры задрожали, но он тут же стиснул зубы, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами. — А теперь мне надо идти. — Он дружески похлопал Кайлара по плечу. — Надеюсь еще много-много лет не встречаться с тобой в Преддверии таинства.

По лицу Кайлара текли слезы, и со всех сторон ему кивали головками тысячи красных тюльпанов. Ими были усыпаны все поля и сады, украшены все дома в городе. Это Элена подает знак, что она где-то рядом, радуется вместе с Кайларом, принимает таким, как есть, и дарит свою безграничную любовь. Только Элена могла утолить его боль этой неземной красотой. Как же жить дальше без тебя, любимая?

99

Логан отправил уже сорокового гонца за день. Он не был наделен *талантом* и потому пострадал меньше магов, которые вместе с ним держали руки на Кьюрохе. Основной удар приняли маги, и многие из них до сих пор не пришли в себя, в том числе и Кайлар. В огненных волосах Ви появилась белая прядь, а голова Дориана полностью побелела, как у Солона. Правда, Солон сохранил рассудок, а Дориан совсем его лишился. Именно по этой причине Логан его пощадил. Ведь Дориан в конце концов изменился и спас жизнь Логану и многим другим людям. Но беды бы и не случилось, не вздумай Дориан украсть у Логана жену. Во всяком случае, она не была бы такой страшной.

Логан запустил руки в густую шевелюру и едва не стряхнул на пол корону. Эту корону нашел во дворце кто-то из солдат, а корону Сенарии Логан потерял во время сражения. Все хотели немедленно его короновать и провозгласить верховным королем, однако Логан потребовал, чтобы сначала позаботились о его воинах. Как сообщали Лантано Гаруваши и Хидео Мицуруги, а также один из магов, который доложил о состоянии халидорского войска, численность армии Логана существенно увеличилась. Хвала богам, что у него на службе состоят восемь тысяч сестер, и почти все они являются целительницами. На каждые десять человек пришлось по одному целителю, и потерь оказалось гораздо меньше, чем можно было ожидать. Кроме того, благодаря магии, жившей в Кьюрохе, все неожиданно словно перенеслись в рай.

Тем не менее по-прежнему оставалось еще много работы, и Логан каждый день засиживался допоздна. Отчасти он этому радовался. Одно дело — вести армию, чтобы вызволить из плена похищенную невесту, и совсем другое — воскресить брак, после того как жена, сочтя тебя мертвым, вышла замуж за другого, делила с ним ложе и считала своим господином.

Логан потер виски и положил корону на стол. Осмотревшись по сторонам, он вдруг обнаружил, что не имеет представления, где находится. Выйдя из огромного тронного зала, он направился куда глаза глядят. Калдроса Уин, Зубастик и несколько других телохранителей последовали за ним. Логан зашел в первую попавшуюся дверь, а телохранители остались за дверью. Они понимали, что королю хочется побыть одному.

Некоторое время он сидел в полной тишине, которую прервал робкий стук в дверь. В комнату зашла Дженин. Ее лицо было серым, а сама она казалась маленькой и хрупкой.

— Ваше величество, — обратилась она к Логану официальным тоном, — я беременна.

— Знаю, — уныло откликнулся Логан. — Ты носишь под сердцем дитя Дориана.

— Я только что от целительницы. У меня близнецы. Мальчики.

Голос Дженин звучал безжизненно.

Значит, сыновья. Полная катастрофа. Они не бастарды, о которых можно забыть. Эти мальчики — отпрыски короля-бога и королевы Сенарии, и они, по своему происхождению, могут претендовать на престол верховного короля. Само их существование нарушит равновесие в государстве. Если у Логана появятся собственные сыновья, дело может закончиться гражданской войной.

— Я нашла целительницу, и она… она говорит, что на таком раннем сроке от детей

можно избавиться. — Глаза Дженин потухли.

— Ты ведь этого не хочешь, — откликнулся Логан.

— Я должна признаться еще кое в чем, ваше величество. Я любила Дориана. Эта любовь не похожа на ту, что я испытывала к вам, но даже когда я видела, как он впадает в пучину безумия и его захлестывает злоба, мне было его жаль. Можно вырвать его сыновей из моего тела, только сама я не очищусь так легко и быстро. Простите. Вы меня дождались, а я вас — нет. Ваше величество, если желаете, можете меня отослать, я не доставлю никому хлопот. Если прикажете, избавлюсь от детей. Мои обязательства по отношению к царственному супругу и моей стране гораздо важнее, чем…

— Я всегда мечтал стать отцом, — неожиданно заявил Логан.

— Как?!

— Сможешь ли ты меня полюбить, Джени?

Она смотрела на Логана, беспомощно моргая.

— Я люблю тебя до боли в сердце.

— Ты — моя жена, моя госпожа, моя королева. — Логан взял ее за руку, а вторую руку положил Дженин на живот. — И пусть эти мальчики станут моими сыновьями.

Дженин бросилась к мужу и так крепко стиснула в объятиях, что Логан закашлялся. Потом они вместе смеялись и плакали и долго-долго о чем-то говорили. Но вот Логан задал вопрос, а Дженин не ответила, внимательно изучая его губы.

— Что такое? — не понял Логан и вытер рот.

Вдруг она поцеловала Логана в губы, и у него зашумело в ушах, а вся комната закружилась и куда-то исчезла. Не было в мире ничего лучше тепла и нежности Дженин. Она села Логану на колени, обхватив ногами бедра, и стала гладить по спине, лицу и волосам, прижимаясь все ближе. А Логану хотелось умолять, чтобы она прижалась еще теснее, стала еще ближе.

Когда, еще не опомнившись от поцелуя, он посмотрел в глаза Дженин, два темных омута, наполненных желанием, то увидел там только свое отражение. Ее волосы растрепались, но не было прически красивее и безупречнее. Он поцеловал плавный изгиб шеи и по довольному лепету понял, что Дженин ждет новых поцелуев, и стал с радостью их дарить. Он скользил губами по шее Дженин, а она, изогнув спину, обняла руками голову Логана и прижала к своей груди.

«Черт возьми, девочка знает, чего хочет. Похоже, Дориан обучил ее разным фокусам. А что, если Логан Непорочный не оправдает ее надежды?»

Логану на колени словно вылили ушат ледяной воды. Должно быть, Дженин почувствовала его напряжение и отпрянула. Она пристально посмотрела Логану в глаза и все поняла.

«Ну вот, я все испортил», — пронеслась в голове мысль.

Нет, он разрушил не только очарование этого момента любви, а нанес удар по непосредственной, раскованной чувственности Дженин. Теперь всякий раз, когда они будут заниматься любовью, она должна думать о том, что тревожит Логана, и читать его мысли: «А вот этой ласке ее тоже обучил Дориан? Кто из нас лучше, он или я?»

— Прости, — прошептала Дженин, и Дориан увидел, как что-то угасло у нее внутри.

— Я тебя прощаю, — вздохнул Логан.

Дженин хотела встать с его коленей, Логан поймал ее и крепко прижал к себе. Им руководило не внезапно нахлынувшее чувство, а обдуманное решение, которое он только что принял. Он простил жене даже то, что нельзя вменить ей в вину. Их любовь — слишком драгоценный дар, нельзя допустить, чтобы прошлое ее разрушило.

— Джени, — обратился он к жене так же, как в их первую брачную ночь, — Дженин, поцелуй меня.

Дженин рассмеялась, а потом чуть не расплакалась и стала его целовать и снова смеяться. Вдруг она отстранилась и принялась колотить его кулачками в грудь.

— Что случилось? — растерялся Логан.

— Не смей так со мной поступать! Я не переживу всего этого так сразу!

Логан улыбнулся, чувствуя, что снова стал самим собой. Благородный Логан-идеалист примирился с Логаном насмешливым и беспечным, Логаном пылким и порой примитивным. Как будто разные люди заново представились друг другу и объединились в единое целое, чтобы Логан Джайр смог стать тем, кем всегда хотел: мужчиной, мужем и королем.

— Тогда переживи хотя бы это, — обратился он к жене и снова нежно поцеловал, привлекая к себе.

Навязчивые мысли жужжали, как надоедливые мухи, но Логан отогнал их прочь.

«Нет, тебе этого не отнять. Наша любовь драгоценна и принадлежит только нам».

Поцелуи становились все горячее, а ненужные мысли улетели вдаль и исчезли, заглушённые ароматом лаванды, легким запахом пота и дыханием Дженин. Логан с восторгом ощущал вес ее тела на своих коленях, прикосновения любимых рук и тепло бархатистой кожи на губах. Его руки дерзко проникли под многочисленные юбки и нащупали облаченные в шелковые чулки изящные стройные ноги, пальцы скользили все дальше по коже, которая была шелковистее самой тонкой и гладкой ткани.

Логан вскочил на ноги и поставил Дженин перед собой.

— Королевская опочивальня, должно быть, где-то рядом, — прошептал он срывающимся голосом. — Если ты подождешь минут пять…

Дженин не дала договорить и схватила его в объятия. Ждать они не захотели.

Кайлар открыл глаза и обнаружил, что лежит на удобной мягкой постели. Высокий потолок был украшен затейливой мозаикой, изображающей воина, уцепившегося за шею титана. В руке у воина огромный черный меч, занесенный для смертельного удара. Кайлар узнал в воине себя, хотя мозаика была сделана несколько столетий назад. Кайлар отвел взгляд в сторону и увидел Ви.

Сначала Кайлар ее не узнал. Впервые за все время она распустила роскошные волнистые волосы, отливающие красным золотом. Среди золотого водопада виднелась одна мертвая белая прядь. Ви сидела у кровати Кайлара и держала его за руку. Ясные зеленые глаза смежил сон. Она дремала, а на прикроватной тумбочке полыхали огнем красные тюльпаны.

Эпилог

Похороны Элены прошли тихо и скромно. На отпевание, которое состоялось в Зале ветров, пришли король с королевой, Ви, Кайлар, Дарзо и сестра Ариэль. На полу, скрестив ноги, уселся впавший в забытье Дориан. Хвала богам, он хранил молчание. Рядом стоял Фейр и следил, чтобы его подопечный не вытворил чего-либо непристойного. Старый духовник Элены шел вместе с армией Логана и помогал ухаживать за ранеными. Он прочел заупокойную молитву и сказал простые прощальные слова, в которых поведал о долгих годах дружбы с Эленой. Сквозь купол и стены Зала ветров виднелся город. Стоял чудесный весенний день, яркий, сулящий радость.

Ви не могла оторвать глаз от Кайлара. После того как разорвались связывающие их узы, было странно читать его мысли и чувства по лицу. Он плакал, и это были слезы очищения и исцеления. Священник закончил молитву, и все стали по очереди подходить к открытому гробу.

Последними к гробу подошли Кайлар и Ви. Элена ослепляла красотой. Сестра Ариэль и Ви сшили ей платье из белого шелка, похожее на то, в котором она умерла, но только скромного фасона, как носила при жизни Элена. Избавленное от шрамов лицо сияло. Именно таким его сотворил Господь. Только теперь это прекрасное лицо не оживляла присущая Элене мягкость и доброта, и оно казалось суровым и строгим. Такие лица бывают у королев, но красота Элены всегда согревала и притягивала к себе людей. В ней не было ничего пугающего и отталкивающего. Ви старалась отыскать знакомые черты, которые стерла

смерть, и ее сердце переполняла боль утраты. Она наклонилась к гробу и обхватила его руками.

Ви решила сплести незатейливое заклинание, которому ее обучила сестра Ариэль. Оно навеки сохранит свежими охапку красных тюльпанов, которую положили Элене на грудь. Ви погладила холодную щеку и поцеловала Элену в лоб. Прикоснулась к безжизненному телу и вдруг обнаружила нечто странное.

Элена не была беременна. Ви быстро выпрямилась, позабыв о горе. Неужели Элена ошиблась? Ведь она никогда раньше не беременела и не могла знать по собственному опыту, как себя чувствует беременная женщина. Ви присоединилась к веренице людей, пришедших на похороны, и ее взгляд остановился на королеве. Супруга верховного короля носит под сердцем двойню. Ви перевела взгляд на усевшегося у самой двери Дориана. Безумный маг улыбнулся Ви, и девушка вдруг вспомнила, что в руках у Дориана одновременно находились два самых могущественных магических артефакта в мире. Это он призвал на помощь магию, которая смела полчища кралов и отстроила заново город. Дориан был самым талантливым целителем за всю историю.

Ви с трудом скрыла изумление, но не решилась высказать безумную догадку вслух. Чем она подтвердит свои подозрения? Призовет в свидетели сумасшедшего или сообщит королю, что его супруга носит под сердцем детей, зачатых от двух разных мужчин? Она заронит в сердце Кайлара безумную надежду, которая смягчит боль утраты.

Нет, Ви решила молчать, пока не узнает все наверняка. Возможно, ждать придется недолго. Если дитя Элены и Кайлара и правда появится на свет, Ви никому не позволит причинить ему зло!

После похорон Ви украдкой взглянула на Кайлара. По его щекам катились слезы, но лицо выглядело спокойным, умиротворенным и уверенным. И Ви подумала, что Кайлару наконец-то удалось обрести себя. Она подошла к Кайлару и стала рядом, а остальные направились к выходу, в свой чистый и светлый город, сияющий в ярких лучах весеннего солнца. Тысячи красных тюльпанов напоминали о крови, пролитой во имя его процветания. Кайлар взял Ви за руку и крепко сжал в своей.